1863

Д. А. Милютин ВОСПОМИНАНИЯ

1864

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1863 – 1864

MORZE BAŁTYCKIE
SZWECJA
Kalmar
Olandia
Bornholm
Zatoka Gdańska
GUBERNIA KURLANDZKA
Lipawa
MITAWA
RYGA
Połąga
Telsze
Szawle
Rosienie
Taurogi
Kiejdany
Poniewież
Wiłkomierz
KOWNO
WOJEWÓDZTWO KOWIEŃSKIE
WOJ. INFLANCKIE
Rzeżyca
Siebież
Dyneburg
Drissa
Brasław
Dzisna
Połock
WITEBSK
WOJ. WITEBSKIE
Wieliż
Lepel
Orsza
Mścisław
MOHYLEW
WOJEWÓDZTWO MOHYLEWSKIE
WILNO
WOJEWÓDZTWO WILEŃSKIE
Troki
Oszmiana
Borysów
MIŃSK
WOJ. MIŃSKIE
Lida
Nowogródek
WOJ. NOWOGRÓDZKIE
Słuck
Słonim
Bobrujsk
Homel
WOJ. POLESKIE
Pińsk
Mozyr
Turów
KRÓLEWIEC
Pregoła
GDAŃSK
Kościerzyna
Elbląg
Chojnice
WOJEWÓDZTWO POMORSKIE
Grudziądz
CHEŁMNO
WOJEW. CHEŁMIŃSKIE
Złotów
BYDGOSZCZ
Toruń
Brodnica
Inowrocław
WOJEWÓDZTWO BYDGOSKIE
Czarnków
Szamotuły
Międzyrzecz
WOJEW. POZNAŃ
POZNAŃSKIE
Gniezno
Brześć Kuj.
ŚRODA
Śrem
Leszno
WOJEW. ŚREDZKIE
Krotoszyn
Ostrów
KALISZ
WOJEWÓDZTWO KALISKIE
Konin
Sieradz
Wieluń
Piotrków
Łęczyca
Łowicz
WARSZAWA
WOJEWÓDZTWO MAZOWIECKIE
Rawa
Lipno
Mława
WOJEWÓDZTWO PŁOCKIE
PŁOCK
Przasnysz
Pułtusk
Ostrołęka
Łomża
Mariampol
Kalwaria
Sejny
SUWAŁKI
Augustów
WOJEW. AUGUSTOWSKIE
GRODNO
Białystok
WOJEWÓDZTWO GRODZIEŃSKIE
Wołkowysk
Bielsk Podlaski
Mińsk
SIEDLCE
WOJEWÓDZTWO PODLASKIE
Łuków
Radzyń
Brześć Litewski
Kobryń
Biała Podlaska
RADOM
WOJEWODZTWO SANDOMIERSKIE
KIELCE
Sandomierz
LUBLIN
WOJEWODZTWO LUBELSKIE
Krasnystaw
Hrubieszów
Zamość
Janów
Luboml
Kowel
Włodzimierz
Łuck
Dąbrowica
Stepań
Równe
Dubno
Ostróg
WOJEWÓDZTWO WOŁYŃSKIE
Owrucz
ŻYTOMIERZ
Połonne
KIJÓW
Lubar
Starokonstantynów
Berdyczów
Biała Cerkiew
Korsuń
Czerkasy
WOJEWÓDZTWO KIJOWSKIE
Chmielnik
Winnica
Płoskirów
Bar
Niemirów
Bracław
Humań
WOJEWÓDZTWO PODOLSKIE
KAMIENIEC PODOLSKI
Mohylów
ZALESZCZYKI
TARNOPOL
ZŁOCZÓW
BRZEŻANY
ŻÓŁKIEW
LWÓW
PRZEMYŚL
SAMBOR
STRYJ
STANISŁAWÓW
KOŁOMYJA
SANOK
JASŁO
RZESZÓW
TARNÓW
BOCHNIA
NOWY SĄCZ
WADOWICE
KRAKÓW
Miechów
Olkusz
WOJEWÓDZTWO KRAKOWSKIE
Stopnica
GALICJA
CIESZYN
OPAWA
OPOLE
WROCŁAW
LEGNICA
ŚLĄSK
CESARSTWO AUSTRIACKIE
RUMUNIA
Wisła
Niemen
Dźwina
Dniepr
Prypeć
Bug
Narew
Warta
Noteć
Pilica
Odra
Dniestr
Horyń
Styr
Słucz
Teterew
Desna
Boh
Prut
Morawa
Wag
Hron
Cisa
granica Rzeczypospolitej 1772 r
granice państw 1863 r
granice krajów i prowincji
granice województw
POZNAŃ stolice krajów i prowincji
PŁOCK miasta wojewódzkie
KRAKÓW miasta obwodowe w Galicji
Gniezno inne miasta

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

Д.А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

генерал-фельдмаршала
графа
Дмитрия Алексеевича
Милютина

1863–1864

Под редакцией
доктора исторических наук
профессора
Л.Г. ЗАХАРОВОЙ

Москва
РОССПЭН
2003

ББК 63.3(2)51
М 60

This work was supported by the Research
Support Scheme of the Higher Education Support Programme,
grant N 772/1995

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 02-01-16067

Предисловие *Л.Г. Захаровой*

Подготовка текста, комментарии, указатели
Т.А. Медовичевой, Л.И. Тютюнник

Подбор иллюстраций
Т.А. Медовичевой

Милютин Д.А.

М 60 **Воспоминания. 1863—1864** / Под ред. Л.Г. Захаровой. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. — 688 с., ил.

Очередной том «Воспоминаний» графа Д.А. Милютина, генерал-фельдмаршала, военного историка, выдающегося государственного деятеля и реформатора, военного министра в царствование императора Александра II, как и другие, уже вышедшие тома, отражает все многообразие истории России в контексте европейской и мировой истории. В отличие от предыдущих томов в нем преобладает единая сюжетная линия — Польское восстание 1863—1864 гг. События в России показаны на фоне политики ведущих стран Европы и Северо-Американских Соединенных штатов (САСШ), а само повествование мемуариста содержит яркие характеристики не только императора Александра II, А.М. Горчакова, М.Н. Муравьева, Вл. Чарторыского, но и императора Франции Наполеона III, германского канцлера О. Бисмарка, американского президента А. Линкольна и других монархов и государственных деятелей. Кроме основной сюжетной линии, в поле зрения мемуариста — восстановление сейма в Финляндии, завершение Кавказской войны, положение на азиатских окраинах Российской империи, Великие реформы, следовавшие за отменой крепостного права, повседневная жизнь столиц и российской провинции с ее бедами, тревогами, надеждами и разочарованиями. Мемуары публикуются впервые, написаны прекрасным литературным языком. Издание иллюстрировано, снабжено комментариями, указателями имен и географических названий.

Книга рассчитана как на специалистов-историков, так и на широкий круг читателей, — всех, кто интересуется историей и культурой России.

ISBN 5 — 8243 — 0350 — 9
ISBN 5 — 8243 — 0351 — 7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тревожный 1863 год <...> вопрос о войне висел на волоске.

Наступивший 1864 год был одним из плодотворнейших годов в нашей законодательной и административной деятельности.

Д.А. Милютин

Очередной том «Воспоминаний» Д.А. Милютина, генерал-фельдмаршала, государственного деятеля, военного министра императора Александра II (1861—1881 гг.), отличается от уже вышедших* по своему содержанию. Как и предыдущие тома, он отражает все многообразие истории России (в определенных хронологических рамках), однако в отличие от них в нем преобладает единая сюжетная линия — Польское восстание 1863—1864 гг. С некоторой долей условности он может быть назван «польским», наподобие следующего подготовленного тома, «кавказского»**.

По характеру и литературному жанру этот том «Воспоминаний» Милютина является одновременно произведением, близким к историческому исследованию, а также мемуарным источником.

Сам автор неоднократно называет его «моя военная хроника». И это вполне обосновано. По дням и даже часам, в цифрах и лицах Милютин воспроизводит военные события по материалам документальных источников: недельных журналов, которые он получал как военный министр из штаба 1-й армии, дислоцированной в Царстве Польском (их 62), журналов военных действий российской армии на территории Виленского военного округа***. Среди документальных источников множество законодательных актов, рескриптов, указов, приказов, «ме-

---

* *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова: «Российский архив», 1997; То же.: 1843—1856. 2000; То же: 1860—1862. 1999.

** Подготовлен к изданию том воспоминаний Д.А. Милютина. 1856—1860: «На Кавказе».

*** Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Коллекция «Восстание 1863—1864 гг.»; фонд ВУА.

сячных строевых рапортов» о потерях российских войск и др. Как профессиональный и опытный исследователь*, Милютин не ограничивается одним видом источников, а использует все их многообразие. Особую ценность представляют письма разных лиц, в той или иной степени причастных к событиям. Их множество в публикуемой книге. Как говорил А.И. Герцен, «на письмах запеклась кровь событий». Сухие сводки военных действий оживают, и перед читателем возникает «само прошедшее, как оно было, задержанное и нетленное». Вместе с тем приведенные Милютиным письма дают современному читателю и исследователю ориентир для дальнейших поисков этого бесценного, но крайне рассредоточенного вида источников, по которому мы до сих пор не имеем никакого сводного указателя. Широко использует Милютин и периодику, не только русскую, но и иностранную, что помогает передать остроту польского вопроса для общества и государственной власти в самой России и на международной арене. Эта фундаментальность труда Милютина, так же как и высоко профессиональные методы исследования, позволяют считать, что публикуемая книга займет достойное место в историографии польского восстания.

Вместе с тем «Воспоминания Д.А. Милютина. 1863—1864» остаются мемуарами, основанными в значительной степени на памяти и субъективном восприятии. Автор и сам не забывает о своей роли мемуариста. «Рассказывая о событиях, имеющих значение историческое, — пишет он, — как-то неловко приводить частные, маловажные случаи, касающиеся только личности пишущего. Но я пишу не историю, а свои личные воспоминания, в которых едва ли возможно держаться в границах строгой объективности». Эта субъективность и позволяет мемуаристу воссоздать образ эпохи, дух пережитого им и далеко отстоящего от нас времени.

Милютин писал эти воспоминания в середине 80-х годов, спустя 20 лет после самих событий. Он лично наблюдал ход восстания и проведенные в связи с ним властью реформы в Царстве Польском и Северо-Западном крае, как, впрочем, подготовку и реализацию Великих реформ императора Александра II вообще. Пережив трагедию 1 марта 1881 г., отказавшись навсегда от государственной деятельности и удалившись на всю оставшуюся жизнь (т. е. до 1912 г.) в свое имение Симеиз — «Крымский скит», как он называл его, окруженный заботой и любовью большой дружной семьи, мемуарист спокойно, неторопливо,

---

* Главный научный труд Д.А. Милютина — «История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование Павла I»: В 5 т. СПб., 1852—1853; 2-е изд. в 1857 (в том же году пер. на фр. и нем. яз.). Его перу принадлежит также множество статей, курсов лекций и др. Подробнее биографические сведения о Милютине см.: Захарова Л.Г. Дмитрий Алексеевич Милютин, его время и его мемуары // *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 5—28.

пользуясь богатейшим личным архивом, воспроизводил не столь далекое прошлое. Его перу свойственна и непосредственность еще живых воспоминаний, и зрелость видения умудренного прожитыми годами человека.

Общее впечатление, которое возникает при чтении воспоминаний Милютина за 1863 г., — предельная напряженность политической ситуации в связи с польским восстанием; напряженность, грозящая разразиться для России войной, если ведущие европейские державы смогут договориться и создать коалицию в поддержку Польше. Усиленные попытки императора Наполеона III склонить Лондонский и Венский кабинеты к коллективным действиям против России, особенно интенсивные в апреле — июле 1863 г., пламенные речи и шумные дебаты, выходящие «за пределы приличия» в английском и французском парламентах, обличительные статьи в европейской прессе, — эта картина, ярко воспроизведенная мемуаристом, передает пережитые им ощущения тревоги современному читателю.

О крайней обеспокоенности верховной власти с самого начала восстания в январе 1863 г. свидетельствует тот факт, что ежедневно по утрам в кабинете Александра II в Зимнем дворце под его руководством происходили совещания трех министров — военного, внутренних дел и шефа жандармов (Д.А. Милютина, П.А. Валуева и В.А. Долгорукова). Каждый раз заседания открывались чтением полученных в течение прошедшего дня известий из разных мест, а затем принимались очередные первостепенные меры. Среди первоочередных — введение военного положения в Царстве Польском и Северо-Западном крае, усиление войск в трех западных округах — Варшавском, Виленском, Киевском. Все распоряжения делались по непосредственному указанию самого императора. Характерна оценка польского восстания в первой публичной речи Александра II на разводе в Михайловском манеже: «...Я не могу обвинять весь народ польский; но вижу работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного порядка», которую он закончил выражением веры «в преданность своему долгу верной и славной моей армии». Дальнейшие события покажут, что это не случайно брошенная фраза, что в своей политике Александр II будет, с одной стороны, опираться на военную силу в борьбе с восставшими, а с другой — проводить широкие демократические реформы в интересах крестьянства.

Опасность ситуации, как это обнаружилось с первых же месяцев польского восстания, заключалась не только в его масштабах и распространении на Северо-Западный край, но и в той поддержке (разносторонней — дипломатической, моральной, материальной), которую оказывали ему западные державы. С самого начала восстания в Галиции «на глазах австрийской власти» стали формироваться боевые отряды для вторжения в южные части Радомской и Люблинской губерний. А Краков «давно уже был главной квартирой вожаков польского мятежа»,

и сюда стекались добровольцы из всех стран Европы, среди них французы, итальянцы, австрийцы и др. То же самое происходило и в пограничных с Царством Польским областях Пруссии, где главным сборным пунктом стала Познань. Однако прусское правительство «принимало строгие меры в отличие от австрийского». С людскими силами поступали и вооружение и другие материальные средства. Назначенный помощником наместника в Царстве Польском главнокомандующий Ф.Ф. Берг писал 6/18 августа 1863 г. российскому послу в Париже А.Ф. Будбергу: «Царство Польское было бы усмирено в шесть недель, если бы мы могли воспрепятствовать подмоге, получаемой восстанием из-за границы, особенно из Галиции».

Конечно, в исторической литературе не раз и достаточно подробно описаны предпринимаемые западными державами усилия с целью повлиять на решение польского вопроса, сделать его предметом обсуждения международных конференций. Однако воспоминания Милютина существенно расширяют горизонт видения всего, что происходило в России, Европе и мире в связи и по поводу польского восстания.

Так, мы узнаем, что в нижней палате британского парламента родилось предложение «подать королеве адрес в том смысле, чтобы Англия вступилась за Польшу». Оно было отклонено. Но в обеих палатах, так же как и в общественном мнении, «высказывалась глубокая враждебность к России». Гораздо сильнее волна агитации в поддержку поляков поднялась во Франции. В парижских газетах появились самые задорные статьи против России, «некоторые из редакций даже открыли у себя подписку в пользу поляков». Во французских палатах польский вопрос был особенно резко поднят принцем Наполеоном — двоюродным братом императора Франции. Отбивая эти яростные нападки, министр без портфеля О. Билье «выразился с полным уважением о личности императора Александра II, напомнив о предпринятых им либеральных реформах». И хотя Наполеон III одобрил речь Билье, а Сенат 109 голосами против 17 отверг предложение о немедленном вмешательстве Франции в польские дела, однако предпринятая шумная кампания достигла пусть и не полного, но значительного успеха. Руководители польского восстания «уже не сомневались в близком осуществлении европейской коалиции против России под главенством Наполеона III» и в своих требованиях шли дальше, заговорив уже не только о восстановлении Польши в границах Речи Посполитой, но и о дальнейшей борьбе, пока Россия «не будет окончательно выброшена из семьи европейских государств». Сам же Наполеон III через российского посла в Париже барона Будберга давал понять российскому правительству, что «общественное мнение во Франции до того возбуждено против России, что может вынудить правительство вмешаться в польское дело».

И действительно, Наполеон III, приняв на себя роль защитника и покровителя польской нации, должен был оправдать надежды француз-

ского общества. Он задумал встать во главе «грозной коалиции», перед которой, по его расчету, российское правительство не могло не преклониться. Он предложил всем кабинетам, не только европейским, но и вашингтонскому, «предпринять совместный дипломатический поход против России». История подготовки нот трех держав (Великобритании, Австрии и Франции) от 29 марта / 10 апреля, а затем от 15/27 июня 1863 г., направленных России, хорошо известна, особенно по исследованию В.Г. Ревуненкова*. Но воспоминания Милютина расцвечивают этот сюжет яркими красками.

Мемуарист обнажает всю глубину противоречий между Великобританией, которая «держалась строго на почве международного права», основывала свои требования к России на трактатах 1815 г., и Францией, которая «смотрела на эти трактаты с ненавистью и, проповедуя принцип национальности, стремилась к переделке карты Европы, чтобы стереть следы Венского конгресса». Австрия, испытывавшая свои трудности в Галиции, при недовольстве всего славянского населения империи, не могла желать торжества польского восстания. Это делало невозможным признание французской позиции, основанной на принципе национальности. А присоединение Кракова к Австрии в 1847 г. вопреки трактату 1815 г. не позволяло разделить английский взгляд, основанный на точном соблюдении трактатов Венского конгресса. Так что общей ноты не получилось. Однако все три депеши и в апреле и в июне были помечены одним и тем же числом и в один день предъявлены лично вице-канцлеру князю А.М. Горчакову.

Подробный и тонкий анализ этих нот и ответов Горчакова, данный Милютиным, заслуживает внимания; читатель найдет его на страницах этой книги. Здесь же уместно подчеркнуть усилия Парижского и Лондонского кабинетов, которые, побуждая других к участию в предпринятом общем дипломатическом походе против России, разослали в виде нормы, или образца, копии со своих депеш от 29 марта / 10 апреля. И в Петербург начали стекаться заявления почти всех других европейских государств относительно польского вопроса. Исключением явились Пруссия, некоторые второстепенные государства Германского союза, Бельгия, Швеция. От себя мемуарист замечает, что отказ Бельгии поддержать действия трех держав «служил новым доказательством мудрости ее короля Леопольда I», который неукоснительно соблюдал нейтралитет и вообще пользовался всеобщим уважением и доверием. Также определенно откликнулось и Вашингтонское правительство. Американский государственный секретарь У.Г. Сьюард напомнил французскому правительству политические традиции Северо-Американских Соединенных Штатов, завещанные ему Вашингтоном, а также все предшествовавшие случаи отклонения Со-

---

* *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957.

юзом всякого вмешательства в чужие дела. При этом он отозвался с горячим сочувствием о «высоких качествах и человеколюбии императора Александра II, о его заслугах в проведении Великих реформ в России. Вместе с тем уже тогда, замечает мемуарист, Вашингтонский кабинет с неудовольствием смотрел на «явное доброжелательство», оказываемое Парижским и Лондонским кабинетами вышедшим из Союза южным штатам, и на вмешательство Франции в дела Мексики, где Наполеон замыслил водворить вместо республиканского правительства Б.П. Хуареса новую монархию во главе с европейским принцем эрцгерцогом Максимилианом из Габсбургского дома.

Находящиеся в Европе российские дипломаты и сотрудники разных миссий сообщали Милютину тревожные сведения о накале страстей вокруг польского вопроса. Военный агент в Вене генерал-майор барон Ф.Ф. Торнау писал в апреле 1863 г. после появления трех нот: «Судя по всем признакам, мы не избегнем войны», а посланник в Брюсселе князь Н.А. Орлов предупреждал в начале мая: «Приготовляясь к войне, ради Бога, не будьте врагом мира». Милютин в полной мере понимал основательность этой информации и опасность сложившейся ситуации. Как военный министр он с прискорбием признавал, что с начала восстания российское правительство не предвидело, какие оно примет размеры и какое окажет влияние на отношения с Западом. Более того, он считал, что военные силы России были недостаточны не только для войны внешней, но и для подавления восстания. Поэтому принимались экстренные меры, «чтобы не быть застигнутыми врасплох европейскою коалицией в союзе с внутренним врагом». Именно после полученных позже почти от всех европейских кабинетов нот началось расширение вооруженных сил, так что состав действующих войск увеличился на 91 батальон. По линии морского ведомства «приступлено было к приведению в оборонительное состояние наших береговых крепостей»: на Балтийском море — Кронштадта, Свеаборга, Выборга, Динамюнде, на Черном — Керчи. Инженерными работами руководил генерал-адъютант Э.И. Тотлебен.

Угроза войны стала особенно ощутимой после июньских нот Великобритании, Франции и Австрии, предъявленных Горчакову 15/27 июня. Несмотря на расхождения в стиле и форме изложения, общие для всех трех нот требования к России заключались в шести пунктах: полная и общая амнистия; восстановление сейма; замещение всех административных должностей поляками; полная свобода совести и отмена всяких утеснений католической религии; признание польского языка официальным; правильная система рекрутского набора.

В то время как западные державы (общественное мнение и власти) были уверены, что требования депеш будут приняты, российская дипломатия проявила верх искусства и нашла оригинальный и неопровержимый ход в, казалось бы, тупиковой ситуации. Она перенесла на другую почву поставленные перед ней вопросы. В своих ответных депешах

и личных встречах с послами западных держав Горчаков предлагал провести в Петербурге «малую конференцию» стран, участвовавших в польских разделах (России, Пруссии, Австрии). На все недоумения послов Франции и Великобритании о роли их стран в этом деле, ответ был однозначным и твердым: «Российский император не допустит ничего такого, что могло бы подать западным державам право вмешиваться впоследствии во внутренние дела России». Более того, с вежливой иронией Горчаков позволил себе дать советы западным кабинетам.

Именно тогда в британском парламенте на весь мир раздался трезвый вопрос одного из лидеров консервативной партии (тори) Дизраэли, который «иронически спросил, известно ли министерству (т. е. МИДу Великобритании — *Л.З.*) местопребывание и личный состав того польского правительства, с которым российское правительство могло бы заключить перемирие». Даже враждебная России европейская печать признавала, что российской дипломатии удалось «отыскать исходную точку событий», происходящих в Царстве Польском, которая заключается в постоянном влиянии эмиграции, водворившейся в Париже и злоупотребляющей своими богатствами, влиянием и связями для поддержки непрерывного возмущения польских подданных российского императора. Личные наблюдения Милютина подтверждают этот вывод. Он отмечает огромное влияние рода Чарторийских. Глава рода Владислав Чарторийский (сын Адама Чарторийского, который был членом Негласного комитета при императоре Александре I) претендовал на будущую корону польскую, и император Наполеон III его принимал. В Лондоне находился граф Владислав Замойский, дядя Владислава Чарторийского; в Стокгольме — князь Константин Чарторийский, двоюродный брат Владислава Чарторийского; в Константинополе — князь Витольд Чарторийский и т. д. Семейство Чарторийских имело сильную поддержку при дворах Парижском, Лондонском, Мадридском и в Ватикане, чем умело пользовалось как констатирует мемуарист, во время восстания 1863 года.

Он же отмечает, что положение России летом 1863 г. приняло «угрожающий характер» и даже осенью, когда напряжение стало ослабевать, в Париже, Лондоне и Вене еще колебались в решении вопроса, «признать ли польских повстанцев воюющей стороной и объявить ли Россию утратившей права на Польшу».

Военное министерство в целях безопасности и подавления восстания предприняло передислокацию войск, а численность их увеличилась по сравнению с началом года на 167 тыс. чел. И этого все же было недостаточно для надвигающейся войны с коалицией трех первостепенных держав. Опасность казалась настолько реальной, что Дмитрий Милютин назвал один из параграфов этой книги «Приготовления к войне». Наращивая силы армии, Милютин не пренебрегал и различными отвлекающими маневрами.

Учитывая существующее напряжение между Вашингтонским правительством и Лондонским и Парижским кабинетами, которые рассчитывали на распадение Союза и победу южных рабовладельческих штатов, Петербургское правительство, напротив, демонстрировало свое сочувствие Северо-Американским Соединенным Штатам. С этой целью к берегам Америки была направлена российская эскадра под командованием контр-адмирала С.С. Лесовского. В Европе об этом предприятии стало известно, только когда эскадра оказалась уже в бухте Нью-Йорка. Неожиданное открытие произвело сильное впечатление, преимущественно в Великобритании, что и было особенно важно для России, военно-морские силы которой еще не оправились после поражения в Крымской войне. Неприятным сюрпризом для европейских держав были и торжества в Нью-Йорке по поводу прибытия российской эскадры, когда «все русское сделалось предметом моды», и поразивший всех факт, что жена президента А. Линкольна посетила русский фрегат и подняла за завтраком тост в честь императора Александра II. Лишь только политическое напряжение вокруг польского вопроса улеглось, эскадра Лесовского получила приказание возвратиться в Балтийское море. В Петербурге Лесовский посетил американского посланника К. Клея, чтобы поблагодарить за оказанный эскадре радушный прием в Америке. А Клей, отдавая ответный визит эскадре, провозгласил тост за императора Александра II — «освободителя, утешителя и друга человечества».

Военное министерство прибегло к еще одному средству, чтобы отвлечь внимание Великобритании от польского вопроса — к демонстрации российских интересов в Средней Азии. Учитывая страх англичан за свои Ост-Индские владения, Милютин задался целью «попугать» их «хотя бы привидением, фантомом». Он вошел в сношение с оренбургским генерал-губернатором А.П. Безаком о подготовке экспедиции в Афганистан. «Фантастический этот замысел не имел в действительности последствий, — замечает Милютин; — но слухи о нем проникли в английскую печать. Далее этого и не простиралась наша цель».

В воспоминаниях Милютина польский вопрос, внутренний для Российской империи, рассматривается в связи с политикой ведущих держав и политической игрой в масштабах мирового пространства от Америки до Афганистана. Такой панорамы, такого геополитического подхода к освещению истории польского восстания в литературе не предпринималось.

Умелой дипломатией, но главным образом, усилиями армии Россия смогла преодолеть угрозу вооруженного вмешательства Европы в польское дело и добиться «решающего перелома». К осени это стало очевидно.

П.Д. Киселев в письме к Д.А. Милютину от 12/24 декабря 1864 г. из Парижа (не опубликованном в издании А.П. Заблоцкого-Десятовского*) сообщал племяннику свое впечатление, свой взгляд из Европы

* *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время: В 4 т. СПб., 1882.

на действия российского правительства в польском вопросе: «...Мне отменно приятно воспользоваться случаем, чтобы упомянуть мимоходом о важном влиянии, которое в истекшем году имело разумное и быстрое приготовление нашей армии к отражению враждебных замыслов против России здешних попечителей всемирного спокойствия. Наши дипломатические ноты под сим только условием могли иметь и имели желаемое последствие». Это мнение именитого и уважаемого деятеля доставило нескрываемое удовлетворение Милютину, который весьма критично относился к Горчакову и его ведомству.

Последняя попытка Наполеона III осуществить свой план вмешательства в решение польского вопроса — его тронная речь при открытии французского Законодательного собрания 21 октября / 5 ноября 1863 г. привела к обратному результату. Одна только фраза о необходимости «перестройки всего политического здания», созданного решениями Венского конгресса 1815 г., встревожила всю Европу и отозвалась понижением курса на бирже. Предложение Наполеона III «передать польское дело на решение суда Европы» оказалось громкой фразой, лишенной практического значения. Польский вопрос вернулся в свои пределы, в границы Российской империи. А в Европе назревал уже новый узел противоречий — между Пруссией и Данией из-за Шлезвига и Голштинии. На горизонте обозначилась угроза прусского милитаризма, который и приведет в конечном счете через несколько лет к перекройке карты Европы, но совсем к иной, чем мечтал император Франции, низвергнув и его самого.

Хотя военные действия в Царстве Польском продолжались, но параллельно в политике власти с осени 1863 г. был взят курс на подготовку и проведение радикальных преобразований. На первый план (как и в европейских губерниях России) выдвинулись реформы — аграрная и местного самоуправления. Об этом много написано в специальной литературе. То новое и интересное, что дают «Воспоминания» Д.А. Милютина — это характеристика личностей, взглядов и позиции в реформаторском процессе: Николая Алексеевича Милютина (творца и разработчика крестьянской и земской реформ в России), Михаила Николаевича Муравьева (виленского генерал-губернатора и усмирителя восстания в крае) и самого Александра II. Яркие и непохожие друг на друга в своем отношении к внутренним делам России в предшествовавшие годы, они оказались удивительно единодушны в понимании необходимых для Царства Польского и Северо-Западного края преобразований. Н.А. Милютин и М.Н. Муравьев — непримиримые противники в вопросе отмены крепостного права в России (первый — за освобождение крестьян с землей, второй — категорически против стратегии создания класса крестьян-собственников) выступили соратниками и союзниками в проведении новой аграрной политики российского правительства на западных окраинах империи. В Польше — это широкая крестьянская реформа 19 февраля 1864 г., наделившая крестьян землей в собствен-

ность за выкуп (который был совсем необременительным по сравнению с условиями Положений 19 февраля 1861 г.). Недовольные паны назвали Н. Милютина «председателем холопского жонда». В Северо-Западном крае — это Указ 1 марта 1863 г. о прекращении обязательных отношений (т. е. единовременный переход на выкуп земли), а также циркуляры Муравьева от 17 августа и 18 октября того же года, которые скорректировали результаты аграрной реформы 1861 г. в крае в пользу крестьян, и «масса крестьянского народа ожила, поднялась духом».

Аграрная политика Муравьева в Северо-Западном крае не мешала ему проводить «драконовские меры» по усмирению мятежа и не меняла его критического отношения к реформе 1861 г. — в этом он по-прежнему оставался «крепостником», замечает мемуарист. Так что взаимопонимание Муравьева с Н. Милютиным, как, впрочем, и с Д. Милютиным, не выходило за локальные рамки.

С Александром II у Н. Милютина возникло полное согласие и взаимопонимание. Неприятие императором личности Н. Милютина, за которым с середины 1840-х гг. закрепилась кличка «красный», осталось в прошлом. Как в конце 1858 — начале 1859 гг., когда определялся выбор пути развития России, порывавшей с многовековым крепостным правом, так и сейчас, в момент нависшей опасности войны с европейской коалицией, Александр II решительно, подчиняясь своей интуиции и своему пониманию политической обстановки, положился на Николая Милютина, без сомнений и колебаний. И Н. Милютин оправдал надежды императора. Взяв в Польшу своих надежных сотрудников по реформе 1861 г. (Ю.Ф. Самарина, Я.А. Соловьева, В.А. Черкасского), он, несмотря на серьезные трения и расхождения с наместником Царства Польского Бергом, всего за полтора месяца, в обычном для него стремительном темпе, подготовил проект аграрных преобразований и реформы местного самоуправления. Александр II лично открыл заседание специально созданной Комиссии и заявил о своей поддержке проекта Н. Милютина. «После этого, конечно, никто не решался уже возразить», — замечает мемуарист, хотя противники были, например, П.А. Валуев, кн. А.М. Горчаков.

Удовлетворенное реформой 19 февраля 1864 г. польское крестьянство, получившее землю в собственность, было заинтересовано в прекращении кровопролития, в мире и стабильности. «Поставив себе целью, — пишет мемуарист о позиции императора, — вопреки требованиям поляков и Европы, теснее связать Царство Польское и Россию, опираясь уже не на шляхту, как прежде, а на массу народа, на сельское население», Александр II с помощью Н. Милютина перевел политику в Польше на новые рельсы, претворил в жизнь фактически новое направление, новые методы управления в этом самом неспокойном уголке своей империи. Демократические реформы сочетались с введением нового военно-полицейского управления, с изменением национального состава служащих.

По иронии судьбы усмирение Царства Польского оборачивалось усилением революционного брожения внутри России. Возникла проблема размещения множества арестованных поляков; города и целые губернии, назначенные для расселения ссыльных поляков, «обратились в гнезда польской пропаганды и интриг [...] Но избежать этой меры не было возможности, — признает мемуарист. — Мы были поставлены в безвыходный круг». Как тут не вспомнить крылатое выражение В.О. Ключевского — «квадратура круга», так характерное для российской истории.

Много других сюжетов, связанных с польским восстанием, найдет читатель в этой книге. Являясь современником и участников описываемых событий и владея всем многообразием источников, Д.А. Милютин смог осветить разные аспекты истории восстания в Царстве Польском и Северо-Западном крае: повстанческое движение, разгул терроризма, военные действия российской армии; проведенные имперской властью реформы (аграрные, местного самоуправления, конфессиональные); дипломатическую борьбу европейских держав с Россией; общественное мнение и политику кабинетов разных стран; польско-русские революционные связи; роль духовенства в событиях и др. Т. е. сделал то, что еще не осуществлено в полной мере российской историографией. Однако эти «Воспоминания» Милютина изучены исследователями еще далеко не достаточно.

Хотя этот том преимущественно «польский», но в нем нашли отражение и вопросы, касающиеся других окраин империи — Финляндии и Кавказа.

Именно в момент кульминации польского кризиса 6/18 июня 1863 г. из Царского Села последовало Высочайшее повеление о созыве Сейма в Гельсингфорсе после более чем полувекового «бессеймового правления», а в августе — Высочайшее постановление об уравнении в правах финского языка с официальным шведским. На открытии финского Сейма в сентябре 1863 г. Александр II признал «неприкосновенным принцип конституционной монархии, вошедший в нравы финляндского народа». Видимо, имея в виду мирный характер оппозиционного движения в Финляндии в начале 60-х годов в противоположность вооруженному выступлению поляков, Александр II в своей речи сказал: «Вам, представители Великого княжества, предстоит доказать достоинством, умеренностью и спокойствием, что в руках народа мудрого, готового действовать заодно с Государем своим, в практическом смысле, для развития своего благосостояния, — либеральные учреждения не только не опасны, но составляют залог порядка и благоденствия» (подчеркнуто в тексте — *Л.З.*).

Подчеркнутые слова Милютин, присутствовавший при открытии сейма, считает знаменательными в устах императора Российского и царя Польского. В них слышится прямой намек на Царство Польское, не выказавшее той «мудрости», о которой говорилось в царской речи,

и доказавшее свою несостоятельность для «либеральных учреждений», которые Александр II признавал «залогом порядка и благоденствия». Продолжая эту мысль, Милютин замечает: «Приведенные слова имели, конечно, назидательный смысл и для самой России». От себя же добавим, что именно в это время полным ходом шла подготовка двух важнейших Великих реформ — земской и судебной, которые явятся вслед за отменой крепостного права важным шагом на пути к правовому государству. Так что мнение Милютина имело под собой прочную основу.

Рисуя яркую картину торжеств по случаю открытия сейма, восторженный прием, оказанный финнами императору и его свите, когда город Гельсингфорс, «обыкновенно столь спокойный, почти мертвенный, так оживился, что не походил на самого себя», Милютин вместе с тем делает грустное признание: «Нас, приезжих, принимали и чествовали со всем радушием, какое только они способны были проявить, но при этом, — заключает Милютин, — мы все-таки чувствовали себя в Финляндии, как в иностранном государстве. Особенно коробило нас полное отсутствие русского языка и французские речи (шведские и финские также — *Л.З.*) пред русским императором финляндских его подданных». Читателю интересно будет узнать о численности и составе Сейма (из 261 депутата: дворян — 141, духовенства — 32, горожан — 39, крестьян — 49), о его компетенции, характере обсуждавшихся вопросов, и вообще о процессе возрождения конституционной жизни в Финляндии в эпоху Великих реформ в России.

В этой книге завершается важная, сквозная для первых пяти томов «Воспоминаний» Д.А. Милютина (т. е. с 1816—1864 гг.) тема Кавказской войны. «1864 год можно назвать последней страницей в истории Кавказской войны, это год окончательного умиротворения края», — пишет Милютин. В начале года состоялась последняя военная экспедиция на прибрежье Черного моря во главе с генералом Н.И. Евдокимовым, и дольше других сопротивлявшиеся племена шапсугов, убыхов, джигетов были покорены. А начальник Терской области и командующий в ней войсками генерал-лейт. М.Т. Лорис-Меликов смог противостоять распространению в Чечне экстремизма — религиозного учения «зикры», которое приобрело политическую окраску.

21 мая по пути от Гагр к реке Псоу собралось 23 батальона, военачальники и наместник вел. кн. Михаил Николаевич, и был отслужен благодарственный молебен по поводу окончания Кавказской войны. Телеграмма об этом долгожданном и выдающемся событии была послана в тот же день наместником Александру II в Киссинген, император в ответном телеграфном послании приветствовал и поздравлял доблестные кавказские войска. Тогда же был учрежден особый крест для всех когда-либо принимавших участие в Кавказской войне.

Последним отголоском войны была эмиграция горцев в Турцию в 1864 г., тяжелая и бедственная для них. В европейской печати появи-

лись резкие отклики, осуждающие действия российских властей. В Лондоне образован особый «Черкесский комитет» для помощи эмигрантам 24 мая / 6 июня по поводу «черкесского вопроса», состоялся многочисленный митинг, на котором присутствовали и многие известные государственные деятели Великобритании. Но в это время для российских властей на Кавказе и в центре со всей остротой встал вопрос обустройства края. «Кавказ должен был совершенно изменить свою физиономию; из военного лагеря обратиться в цветущую, культурную страну», — заключает Милютин свое повествование о Кавказской войне.

И тут же возникает новая тема имперской политики, пока едва обозначенная, которая получит развитие в последующих томах — Средняя Азия. Милютин в отличие от Горчакова оправдывает продвижение России в этом регионе. Он отмечает, что до 1864 г. граница России в Средней Азии «представлялась в совершенно неопределенном виде», поэтому соединение передовых линий Сырдарьинской и Западно-Сибирской и образование новой «передовой Кокандской линии» было вызвано государственной необходимостью. Интересно его общее рассуждение о причинах непрерывного расширения границ империи: «...Не мы одни, русские, узнали долгим историческим опытом, как трудно остановиться в заранее определенных территориальных границах, когда подобное соседство вызывает самой силой вещей неудержимое распространение сферы действия и власти».

Этот том «Воспоминаний» Милютина очень интересен и для понимания Великих реформ императора Александра II, которые выступают на первый план в повествовании мемуариста о событиях 1864 г. Вынесенные в эпиграф слова Милютина о месте этого года в летописи административной и законодательной деятельности власти свидетельствуют о том значении, которое он придавал в особенности земской и судебной реформам после отмены крепостного права в России.

Милютин пишет о своей позиции в подготовке земской реформы. Он подал особое мнение относительно состава земских учреждений, имея в виду «уравновесить по возможности значение трех составных элементов: крупного землевладения, городского населения и сельского (крестьянского — *Л.З.*)». Такой взгляд прямо противостоял направлению дела министром внутренних дел Валуевым (сторонником крупного землевладения) и возвращал к истокам земской реформы, заложенным Милютиным еще в 1859 г., о чем почти забыто в исследовательской литературе. В конечном итоге после горячих споров в Государственном совете и вопреки домогательствам поборников дворянских привилегий земские учреждения по Положению 1 января 1864 г., замечает Милютин, «получили характер вполне всесословный». Несмотря на ограничение их компетенции, на сохранение некоторых дворянских привилегий, введение местного самоуправление казалось Милютину «великим шагом на пути к будущему развитию государственного строя», «к госу-

дарственному перерождению России». Земство было встречено «с живою радостью всеми, кто только сочувствовал предпринятым реформам и обольщался светлыми надеждами на благодетельные последствия их для возрождения России».

С несомненным воодушевлением пишет Милютин о Судебных уставах 20 ноября 1864 г., которые, как и освобождение крестьян, «останутся навеки памятником царствования императора Александра II». Заслуживает пристального внимания следующее свидетельство мемуариста: «Коренное изменение прежнего безобразного нашего судопроизводства и судоустройства было встречено общею радостью; только одно и слышалось желание, чтобы новая реформа была введена скорее и повсеместно». Эти слова заставляют еще раз задуматься над тенденцией современной исследовательской литературы, которая ставит под сомнение саму своевременность проведения Великих реформ в России.

Вместе с тем Милютин далек от идеализации перспектив этих дорогих его уму и сердцу преобразований. По поводу судебной реформы он пишет, что очевидна была для всех совершенная невозможность покончить разом с отжившим старым порядком и перейти вдруг к новому, что переход этот требовал «разнообразных соображений и немалых денежных средств». А с финансами в это время было очень трудно в связи с чрезвычайными расходами, вызванными польским восстанием и угрозой войны с европейской коалицией. Отмечает он и ошибки правительства в реализации земской реформы, которое проявляло недоверие к «этому детищу с самого рождения», и неподготовленность всех сословий к самоуправлению «от полного подавления в них всякой самостоятельности, отсутствия не только политического, но и общественного духа». И даже в адрес обожаемого монарха у Милютина вырывается горькое замечание. Характером Александра II, в частности, объясняет он «шаткость, которая замечалась в ведении всех реформ его блестящего царствования».

Много интересного найдет читатель в этой книге и о других реформах. О наиболее близких военному министру — военных, особенно об очень важной в их цепи военно-окружной реформе, которая, оказывается, «при обыкновенном ходе дел отсрочивалась бы еще на многие годы», но польские события подтолкнули к ее проведению. Нельзя здесь не вспомнить, что и последняя из военных реформ Милютина — введение всесословной воинской повинности в 1874 г. — была стимулирована впечатлением от событий франко-прусской войны 1870—1871 гг., а первая из Великих реформ — отмена крепостного права — поражением России в Крымской войне. Эти сюжеты затрагиваются в других томах «Воспоминаний», однако обращение к ним вполне уместно, так как высвечивает определенную закономерность реформаторского процесса в России XIX в. К этому следует добавить еще один штрих: отмена телесных наказаний была провозглашена не 8 сентября 1862 г.

к тысячелетию России (хотя подготовка проекта была завершена), а 17 апреля 1863 г. «в видах политических», для умиротворения Запада в связи с польскими событиями.

Мельком касается Милютин финансового положения России и начатых в этой сфере преобразований: попытки денежной реформы — обеспечения бумажного рубля золотом. Неудачный этот эксперимент обернулся кризисом на бирже, прекращением с ноября 1863 г. операции размена и стоил Государственному казначейству более 80 млн руб. Кредит России еще более поколебался. 32 млн руб. чрезвычайного сверхсметного ассигнования на военные расходы увеличил предполагавшийся в 15 700 000 руб. дефицит втрое. При этих-то неблагоприятных обстоятельствах продолжались либеральные реформы, охватывая все новые сферы государственной и общественной жизни.

Не только о значительных и крупных событиях пишет мемуарист. Читатель найдет в его воспоминаниях множество отдельных, казалось бы, незначительных фактов, моментальных зарисовок, которые присутствуют в книге в виде драгоценной россыпи и помогают представить образ ушедшей эпохи, ее дух, ее неповторимый колорит.

Так, мы узнаем, что в 1864 г. в Петербурге состоялось празднование 50-летия знаменательной даты — занятия Парижа 18—19 марта 1814 г. союзными войсками и обмен юбилейными приветствиями с Берлином и Веной. По этому поводу Милютин замечает, что «государь вообще дорожил воспоминаниями прошлого и не пропускал случая поддержать старые традиции». 18 августа 1864 г. отмечалось 50-летие существования Александровского комитета о раненых. Александр II посетил Измайловскую военную богадельню: дал указ о назначении председателем Комитета вел. кн. Константина Николаевича, членами — младших братьев: вел. князей Николая и Михаила Николаевичей; посетил лазарет, «где обращался с участием к больным старикам»; присутствовал за праздничным столом на 150 человек, к которому были приглашены все призреваемые в богадельне; после обеда осмотрел помещение семейных инвалидов. А в Ницце Александр II посетил казарму стрелкового батальона во время обеда, попробовал солдатскую пищу и выразил желание командиру батальона, чтобы на счет Его Величества добавлено было ежедневно одно блюдо и по бутылке вина на человека.

В 1864 г. с 19 на 20 сентября в Петербурге прогремел 101 пушечный выстрел в честь помолвки наследника престола, цесаревича Николая Александровича, с датской принцессой Дагмар, с которой он познакомился за месяц до того, в 20-х числах августа, когда посетил Копенгаген. А уже в начале декабря, во время пребывания во Флоренции, появились первые симптомы болезни, которая через несколько месяцев оборвет жизнь цесаревича.

Память Милютина сохранила и передает нам его впечатления от стихийных бедствий, постигших Россию в описываемые им годы. Ура-

ган а Петербурге 24 апреля 1863 г., когда разорвало Троицкий мост и понесло с людьми по Неве. И страшные пожары 1864 г., когда были «истреблены многие города и села в нескольких губерниях России». Хотя для России пожары — «органическая болезнь», замечает Милютин, но в это особенно знойное лето они приняли небывалые масштабы. «Горели не только дома и деревни, но и леса, и трава». Выгорела большая часть городка Сердобска (Саратовская губ.), сильно пострадали Петровск (Саратовская губ.), Мозырь (Минская губ.), Молога (Ярославская губ.; в советское время затоплена при строительстве гидроэлектростанции); во время пожара в Нижнем Новгороде сгорели ярмарочные здания на огромном пространстве». Пожары усилились в июле в Поволжье, «особенно страшные» в Оренбурге, откуда каждый день приходили в Петербург «известия об истреблении огнем целых деревень, местечек или значительной части того или другого города». Но «самым страшным» Милютин называет пожар в Симбирске в августе 1864 г. — «колоссальный пожар, истребивший почти весь город». Телеграммы губернатора отчаянные, все жители выселились в поле. Подозревали в поджогах поляков, служивших в войсках, также выселенных в восточные губернии России осужденных за участие в восстании, и русских революционеров, «пользовавшихся всякими средствами, чтобы возбудить в народе неудовольствие». Милютин утверждает, что подозрения подтвердились. Другое бедствие — сибирская язва, «не только на животных, но и на людях», даже в Петербурге. Не помогали никакие средства, эпидемия отступила только с холодами.

Эти тяжелые воспоминания мемуариста сменяются жизнеутверждающими. Строительство Обуховского завода. Прием делегации польских крестьян, прибывших в Петербург после завершения выборов в новое крестьянское самоуправление, чтобы поблагодарить Александра II за проведенные реформы. Красочное описание двух таких приемов в апреле — мае 1864 г. Первая депутация в составе 73 чел., вторая — 115 чел., между поляками были и немецкие колонисты, и русские старообрядцы, и униаты. Император Александр II принимал крестьян в Белой зале Зимнего дворца. После приема депутатов водили по залам дворца, показывали им Сельскохозяйственный музей, вообще в течение нескольких дней «польским депутатам показывали все, что могло интересовать их в столице и в Царском Селе». Под конец угощали их «большим обедом» в зале Городской думы вместе с русскими старшинами из волостей Петербургской губернии.

Читатель найдет в этой книге еще много фактов и отдельных эпизодов, в которых отразилась целая эпоха российской жизни: годы перелома, первые годы Великих реформ. А кроме того, встретит на страницах множество людей, которые творили эти реформы и эту эпоху: государственных и общественных деятелей, послов и посланников европейских и «заатлантических» государств в России, глав иностранных ведомств, военачальников, генералов, офицеров и администраторов, бри-

танских, французских, немецких парламентариев, вожаков польского восстания и многих его участников — так что список их пополнится по сравнению с уже известными по многотомным изданиям именами, — наконец, императоров, королей, президентов с их женами, семьями и приближенными, и просто людей — крестьян, солдат, служащих, пасторов.

Обо всем интересном, что есть в этих мемуарах невозможно рассказать в предисловии, но можно прочесть в самой книге. И, видимо, пора предоставить это приятное, увлекательное и полезное занятие любознательному читателю.

Л.Г. Захарова,
доктор исторических наук

ОТ РЕДАКТОРА

Мемуарное наследие Д.А. Милютина, как и весь его архив, хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, ф. 169). Незадолго до смерти, в ноябре 1911 г., Милютин завещал свой богатый архив Императорской Николаевской военной академии, в которой учился, а потом преподавал. Подробное описание этой истории читатель найдет в книге «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816—1843»*.

Оригинал мемуаров Милютина «Мои старческие воспоминания» подготовлен к возможной публикации им самим, затем переписан под его личным наблюдением в 1900-х гг. (большая часть — А.М. Перцовой). Этот список с автографа и положен в основу предлагаемого читателю издания. Сравнение обоих текстов обнаруживает, что при редактировании Милютин вносил в оригинал главным образом литературно-стилистическую правку отдельных слов, реже предложений. Эта правка автора, которой немного и которая не несет смысловой нагрузки, специально в издании не оговаривается. Напротив, те редкие случаи, когда Милютин вычеркивал в оригинале отдельные абзацы, содержащие дополнительные сведения о людях и событиях, специально отмечены и воспроизведены в подстрочных примечаниях. Список выполнен очень качественно, полностью соответствует отредактированному Милютиным оригиналу, описки единичны.

Список, с которого сделана эта публикация, составил три объемистые тетради-книги (28 см × 22 см) под № XII—XIV в переплете из материи болотно-зеленого цвета с кожаным черным корешком. Оглавление к книгам написано рукой Милютина. В фонде Милютина (169) — это три единицы хранения: картон 14, ед. хр. 3, 4, картон 15, ед. хр. 1. Соответствующий им текст оригинала заключается в 18 тетрадях с самодельными обложками из плотной бумаги. Почерк Милютина аккуратен, разборчив и тверд, но чернила потускнели. В том же фонде это картон 10, ед. хр. 2—19.

В «Предварительном объяснении для читателя, в руки которого когда-нибудь попадут мои записки» Милютин сообщает, что писал свои «Воспоминания» с конца 1860 г. по апрель 1873 г., сразу после отставки и переселения в Крым, т. е. с 1881 г. по 1886 г.**.

---

* *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. С. 469—478.

** См.: Там же. С. 34—38.

Текст «Воспоминаний» Милютина публикуется без каких-либо сокращений и приведен в соответствие с современными правилами орфографии, однако сохранены стилистические и языковые особенности написания некоторых слов (например, «безотговорочно», «подгородные монастыри», «по всем вероятиям» и др.). Сохранена по оригиналу и авторская транскрипция имен собственных и географических названий. Авторские подчеркивания отдельных мест или слов выделены курсивом. Пропущенные и недописанные слова, за исключением общепринятых сокращений, воспроизведены в фигурных скобках. Абзацы даются по оригиналу.

В подстрочных сносках звездочками приводятся авторские примечания, перевод иностранных текстов, смысловые расхождения выправленного автором текста с первоначальным вариантом, смысловые неисправности текста. Авторская правка стилистического и грамматического характера в подстрочных примечаниях не оговорена. Орфографические ошибки и описки устранены в тексте публикаторами без оговорок. Цифровые сноски относятся к комментариям в конце книги.

Фамилии лиц, упомянутых в «Воспоминаниях», не поясняются в комментариях, а аннотируются в указателе имен. В указателе имен, в скобках, приведена авторская транскрипция, либо разные варианты написания некоторых фамилий, сохраненные в тексте. В аннотациях фамилий чиновников гражданского ведомства даны только гражданские чины высших классов, как правило, связанные со службой в конкретном учреждении. Помимо указателя имен дается и указатель географических названий. Редкие случаи некоторых неточностей и разночтений в датировке отдельных писем, допущенные Милютиным, отмечены в комментариях. Издание снабжено иллюстративным материалом.

В настоящее время среди необработанных фондов Отдела рукописей РГБ обнаружена основная часть изобразительного материала, собранного самим Милютиным. Составители надеются отдельно издать его в Приложении к мемуарам как альбом.

* * *

Составители этого издания приносят глубокую благодарность всем, кто оказал содействие и помощь в подготовке публикации: А.Ю. Володину, А.А. Комзоловой, кандидату исторических наук А.В. Мамонову, Х.Х. Хайретдинову, кандидату исторических наук М.А. Чепелкину и особенно сотрудникам и руководству ОР РГБ.

Мои старческія
ВОСПОМИНАНІЯ
за 1860–1862. гг.

Д. А. Милютин

МОИ СТАРЧЕСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Книги XII – XIV

1863–1864

Книга XII

1863-й год
Первое полугодие

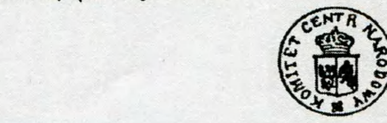
KOMITET CENTRALNY

JAKO TYMCZASOWY

RZĄD NARODOWY.

Nikczemny rząd najezdniczy rozwścieklony oporem męczonej przezeń ofiary, postanowił zadać jej cios stanowczy—porwać kilkadziesiąt tysięcy najdzielniejszych, najgorliwszych jej obrońców, oblec w nienawistny mundur moskiewski i pognać tysiące mil na wieczną nędzę i zatracenie. Polska nie chce, nie może poddać się bezopornie temu sromotnemu gwałtowi pod karą hańby przed potomnością powinna stawić energiczny opór. Zastępy młodzieży walecznéj, młodzieży poświęconéj, ożywione gorącą miłością Ojczyzny, niezachwianą wiarą w sprawiedliwość i pomoc Boga, poprzysięgły zrzucić przeklęte jarzmo lub zginąć. Za nią więc Narodzie Polski, za nią! Po straszliwéj hańbie niewoli, po niepojętych męczarniach ucisku, Centralny Narodowy Komitet obecnie jedyny, legalny Rząd Twój Narodowy, wzywa Cię na pole walki już ostatniej, na pole chwały i zwycięztwa, które Ci da i przez imię Boga na Niebie dać przysięga, bo wie, że Ty, który wczoraj byłeś pokutnikiem i mścicielem, jutro musisz być i będziesz bohaterem i olbrzymem. Tak, Ty wolność Twoją, niepodległość Twoją, zdobędziesz wielkością takiego męztwa, świętością takich ofiar, jakich Lud żaden nie zapisał jeszcze na dziejowych kartach swoich. Powstającéj Ojczyznie Twojéj dasz bez żalu, słabości i wahania wszystką krew, życie i mienie, jakich od Ciebie zapotrzebuje. W zamian K. C. N. przyrzeka Ci, że siły dzielności Twéj nie zmarnieją, poświęcenia nie będą stracone, bo ster, który ujmuje, silną dzierżyć będzie ręką. Złamie wszystkie przeszkody, roztrąci wszelkie zapory, a każdą nieprzychylność dla świętéj sprawy, nawet brak gorliwości, ścigać i karać będzie przed surowym, choć sprawiedliwym trybunałem obrażonej Ojczyzny. W pierwszym zaraz dniu jawnego wystąpienia, w pierwszéj chwili rozpoczęcia świętéj walki, K. C. N. ogłasza wszystkich synów Polski, bez różnicy wiary i rodu, pochodzenia i stanu, wolnemi i równemi Obywatelami kraju. Ziemia, którą Lud rolniczy posiadał dotąd na prawach czynszu lub pańszczyzny, staje się od téj chwili bezwarunkową jego własnością, dziedzictwem wieczystém. Właściciele poszkodowani, wynagrodzeni będą z ogólnych funduszów Państwa. Wszyscy zaś komornicy i wyrobnicy, wstępujący w szeregi obrońców kraju, lub w razie zaszczytnéj śmierci na polu chwały, rodziny ich otrzymają z dóbr Narodowych dział obronionej od wrogów ziemi. Do broni więc, Narodzie Polski, Litwy i Rusi, do broni! bo godzina wspólnego wyzwolenia już wybiła, stary miecz nasz wydobyty, święty sztandar Orła, Pogoni i Archanioła rozwinięty.—A teraz odzywamy się do Ciebie Narodzie Moskiewski: tradycyjném hasłem naszém jest wolność i braterstwo Ludów, dla tego też przebaczamy Ci nawet mord naszéj Ojczyzny, nawet krew Pragi i Oszmiany, gwałty ulic Warszawy i tortury lochów Cytadelli. Przebaczamy Ci, bo i Ty jesteś nędzny i mordowany, smutny i umęczony, trupy dzieci Twoich kołyszą się na szubienicach carskich, prorocy Twoi marzną na śniegach Sybiru. Ale jeżeli w téj stanowczéj godzinie nie uczujesz w sobie zgryzoty za przeszłość, świętszych pragnień dla przyszłości, jeżeli w zapasach z nami dasz poparcie tyranowi, który zabija nas, a depcze po Tobie—biada Ci! bo w obliczu Boga i świata całego, przekleniemy Cię na hańbę wiecznego poddaństwa i mękę wiecznéj niewoli, i wyzwiemy na straszny bój zagłady, bój ostatni Europejskiéj Cywilizacyi z dzikiém barbarzyństwem Azyi.

Warszawa, dnia 22 Stycznia 1863 r.

Начало года в Петербурге

Вооруженное восстание в Царстве Польском

Первые мероприятия правительства против мятежа. Январь и февраль

Заграничная поддержка польского мятежа

Развитие польского мятежа. Февраль — март

Наши внутренние государственные вопросы в начале года

Вмешательство Европы в польское дело. Март — апрель

Продолжение мятежа в Царстве Польском. Апрель

Мятеж в Западном крае. Апрель и начало мая

Распоряжения по военной части. Высочайшие смотры. Апрель, май и начало июня

Продолжение мятежа в Царстве Польском. Май — июнь

Положение дел в Западном крае в мае и июне

Продолжение дипломатических сношений по польскому вопросу в мае, июне и июле

НАЧАЛО ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ

Новый, 1863[й] год, начался, по обыкновению, большим выходом в Зимнем дворце, многочисленными наградами* и некоторыми новыми назначениями на высшие должности. Самой выдающейся наградой был Андреевский орден, пожалованный князю П.П. Гагарину как председателю Департамента (законов) Государственного совета за деятельное участие в обсуждении главных начал предположенного преобразования судебной части[1]. Затем назначены два новых члена Государственного совета: генерал-губернаторы: оренбургский — генерал-адъютант Безак и рижский — генерал-адъютант барон Ливен, с оставлением обоих в их должностях. Действительный тайный советник Фед<ор> Ив<анович> Прянишников, по преклонности лет и слабому здоровью, уволен от должности главноначальствующего Почтовым департаментом, с награждением при этом орденом св. Владимира 1-й степени; место его занял Иван Матвеевич Толстой — член Государственного совета и обер-гофмейстер, человек близкий Государю, один из его товарищей детства, занимавший до 1862 года должность товарища министра иностранных дел. Наконец, статс-секретарь Валериан Алексеевич Татаринов назначен исправляющим должность государственного контролера, оставшуюся вакантной со времени назначения (в декабре 1862 года) генерал-адъютанта Анненкова киевским генерал-губернатором и командующим войсками Киевского военного округа. В.А. Татаринов имел, конечно, более всякого другого прав на такое назначение как человек, специально изучивший контрольное дело в Европе и выработавший проект произведенного у нас в последнее время преобразования этой части управления[2]. Можно сказать, что в числе заслуг генерала Анненкова по контрольному делу, за которые выражена ему Государем «особенная благодарность» в рескрипте 11 января 1863 года, — самой существенной была именно та, что он подготовил себе такого дельного преемника, как В.А. Татаринов.

---

* В автографе зачеркнуто: «особенное внимание обратило на себя награждение великих князей Николая и Михаила Николаевичей орденом св. Владимира 1-й степени» *(примеч. публ.)*.

В самый день Нового года, при обычном докладе Государю, я представил краткий отчет о деятельности Военного министерства за истекший год. Отчет этот, составленный по тому же плану, как и прошлогодний «всеподданнейший доклад», 15 января, был как бы продолжением к нему. Так же, как в этом последнем, и в новом докладе излагалась полная программа предполагавшейся дальнейшей деятельности министерства по каждой отрасли обширного военного управления*. Государь, оставив доклад у себя для прочтения, возвратил его мне через несколько дней с такой собственноручной надписью: «Прочел с истинным удовольствием и благодарю за все дельные распоряжения, совершенно согласные с моими видами»[3].

С этого времени я принял за правило каждый год 1 января представлять такие же «всеподданнейшие доклады» и по той же форме. Доклады эти, по прочтении Государем, передавались обыкновенно Наследнику Цесаревичу, а в иные годы поступали потом на рассмотрение особой комиссии, составлявшейся из военных членов Государственного совета, по особому каждый раз назначению самого Государя. Литографированные экземпляры «всеподданнейшего доклада» за каждый год рассылались Великим князьям, некоторым из членов Государственного совета, министрам и главным начальникам военного ведомства. Так, в 1863 году разослано было 134 лицам. Мне казалось, что представляемые лично Государю краткие мои отчеты за каждый истекший год полезнее в практическом смысле тех подробных «Отчетов по Военному министерству», которые составляются в департаментах про прошествии целого года, а печатаются еще на целый год позже и таким образом служат только разве сборником исторических материалов, тогда как мои личные краткие отчеты представляли живую картину всей деятельности министерства, с объяснением поводов, соображений и целей каждого действия, и что еще важнее — видов и предположений для предстоящей деятельности. Государь выражал не раз свое желание, чтобы такие же ежегодные отчеты или доклады представлялись и по другим министерствам; но только немногие из министров приняли это желание к исполнению, да и те немногие не представляли своих отчетов регулярно, каждый год. Мои отчеты, как я замечал, читались лишь немногими из тех государственных сановников, которым они рассылались и которым было бы нелишним ведать, в каком смысле действует каждое министерство.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Так, в новом докладе 1 января 1863 года представлен очерк главных распоряжений, сделанных по каждой из этих отраслей в течение минувшего года в исполнение ограничений программы и вместе с тем излагались возникшие вновь предположения» *(примеч. публ.)*.

3 января происходил в Зимнем дворце большой бал, какой бывает ежегодно с давних времен, а 6 числа, в день Крещения, церемония крестного хода на Иордан сопровождалась большим парадом, в котором участвовали все войска гвардии, расположенные в Петербурге и ближайших окрестностях. Вообще официальная и общественная жизнь в Петербурге текла своим обычным порядком, с мелочными своими интересами, развлечениями и суетой, так, как будто все обстояло благополучно; а между тем положение дел у нас, — да и во всей Европе, — было далеко не утешительное. Со всех сторон собирались черные тучи. У нас, собственно, были две самые существенные заботы: с одной стороны, все усиливающееся мятежное движение в Царстве Польском и западных губерниях[4], с другой — продолжавшееся внутреннее брожение умов, особенно в среде молодежи, увлекаемой таинственными подстрекателями и разнузданной печатью.

Печать наша, несмотря на существование цензуры, беспрестанно подавала поводы к неудовольствию Государя и к пререканиям между министерствами народного просвещения, внутренних дел и шефом жандармов. Указом Сенату 10 марта 1862 года, на Министерство внутренних дел возложен был высший надзор за направлением печати, в полицейском отношении, с оставлением однако ж цензуры в Министерстве народного просвещения. Состоявшее прежде в этом последнем министерстве «Главное управление цензуры» было тогда упразднено; некоторые из состоявших в этом управлении членов и чиновников были перечислены в Министерство внутренних дел. В то же время учреждена для составления нового Устава о книгопечатании, взамен существовавшего Цензурного устава, особая комиссия под председательством статс-секретаря князя Дмитрия Александровича Оболенского, который принадлежал к числу людей передовых и пользовался покровительством великого князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны. По службе своей в Морском министерстве (директором Комиссариатского департамента) князь Оболенский был в близких отношениях с Головниным, министром народного просвещения. Комиссия князя Оболенского исполнила свою работу к концу 1862 года, когда поднят был самим Головниным вопрос об окончательной передаче цензуры в ведение Валуева[5]. Все невыгоды и неудобства раздвоения высшей власти над цензурной частью выказались в такой мере, что положение не только цензоров, но и самого министра народного просвещения сделалось невыносимым. Чуть не каждый день Головнин получал то от Валуева, то от князя Долгорукова указания на появлявшиеся книги и в особенности журнальные и газетные статьи, казав-

шиеся им вредными, опасными, несоответствующими правительственным видам. Министр народного просвещения большей частью передавал эти указания Ценсурному комитету, хотя часто и не разделял взгляда своих коллег. Случалось, что он даже оспаривал их мнения, казавшиеся ему слишком уж придирчивыми и опасливыми. Отсюда возникали пререкания между министрами, доходившие иногда до самого Государя, — а бедные ценсора, которым часто доставались замечания, выговоры, удаление от должности, становились в тупик, не зная решительно, каким критерием им руководствоваться.

Необходимо было прекратить такое неудобное и нерациональное положение. 10 января 1863 года назначено было заседание Совета министров, под личным председательством Государя, для обсуждения вопроса об окончательной передаче ценсуры из Министерства народного просвещения в Министерство внутренних дел. Никакого возражения против этой меры не встречено в Совете министров, и 14 января подписан указ, которым ценсурные комитеты и отдельные ценсора окончательно переданы в ведение министра внутренних дел, с освобождением притом попечителей учебных округов от председательствования в ценсурных комитетах. Составленный Комиссией князя Оболенского проект Устава о книгопечатании положено было передать также министру внутренних дел, с предоставлением ему дальнейшего направления этого дела. Валуев признал нужным, для пересмотра составленного проекта, образовать новую комиссию, под председательством того же князя Оболенского, из членов от четырех ведомств (внутренних дел, народного просвещения, юстиции и II отделения Собственной Е.В. канцелярии)[6].

К тому же времени, т. е. к началу 1863 года, относится введение в Москве нового городового управления, по образцу существовавшего уже в Петербурге[7]. 15 января происходило торжественное открытие первых выборов на должности нового городского управления, при чем московский военный генерал-губернатор генерал-адъютант Тучков произнес речь, а потом все собравшиеся избиратели принесли присягу в Чудовом монастыре. 19-го числа начались самые выборы. В звание городского головы был выбран князь Александр Алексеевич Щербатов, бывший до того верейским уездным предводителем дворянства. Тогда это было еще делом совершенно новым, что лицо с аристократическим именем заняло должность городского головы, — должность, которую привыкли считать достоянием купеческого или мещанского сословия. Преобразование городского хозяйственного управления, начатое в Петербурге еще в 40-х годах (по мысли

моего брата Николая*) и законченное Положением 20 марта 1862 года, было первым опытом общественного всесословного самоуправления. Хотя оно и ограничивалось лишь тесной рамкой городского хозяйства, однако ж при тогдашнем настроении общества, оно было принято с большим сочувствием. В среде высшего дворянства было немало просвещенных, передовых людей, искавших случая выказать себя на поприще общественной деятельности.

В течение января, по случаю предстоящего отъезда великого князя Михаила Николаевича на Кавказ[9], окончательно решено было Государем передать высшее управление военно-учебными заведениями в ведение военного министра. Первоначально в мыслях Его Величества было, чтобы я лично заместил великого князя в должности Главного начальника военно-учебных заведений; но когда Государь в первый раз заговорил со мной об этом намерении своем, я доложил, что при огромных занятиях военного министра, на него может быть возложено только высшее руководство военно-учебной частью и что, по моему мнению, необходимо особое лицо для непосредственного ею заведования, как одним из специальных отделов Военного министерства. При этом я высказал мое убеждение, что такое включение управления военно-учебными заведениями в состав Министерства было бы мерою вполне рациональной, обеспечивающей интересы той службы, для которой означенные заведения служат рассадником. Государь вполне согласился с этим мнением и тогда обратился к вопросу о выборе лица для непосредственного заведования вновь присоединяемой к Министерству частью. Я указал на тогдашнего попечителя Московского учебного округа генерал-майора Свиты Н.В. Исакова, с которым до того времени я был мало знаком, но судил о нем по репутации его. Нужно было с ним познакомиться и сговориться, а потому он был немедленно вызван в Петербург, и после нескольких объяснений мы с ним сошлись вполне во взглядах, и назначение его было решено. 21 января объявлено в приказе о подчинении военному министру ведомства военно-учебных заведений, о включении в состав Министерства прежнего Штаба Его Высочества Главного начальника этих заведений, с переименованием в Главное управление военно-учебных заведений и присоединением к нему прежнего Управления училищ военного ведомства. В том же приказе объявлено о назначении генерал-майора Исакова начальником военно-учебных заведений, а помощником его — прежнего начальника Штаба Его Высочества главного начальни-

---

* В автографе зачеркнуто: «служившего тогда в Министерстве внутренних дел»[8] *(примеч. публ.)*.

ка генерал-майора Свиты Никиты Васильевича Корсакова. Все три военные академии были изъяты из ведения Главного управления военно-учебных заведений и подчинены соответствующему каждой специальности высшему начальству: Николаевская академия Генерального штаба — генерал-квартирмейстеру, Михайловская артиллерийская с Артиллерийским же училищем — генерал-фельдцейхмейстеру и товарищу его, Николаевская инженерная с Инженерным же училищем — генерал-инспектору инженерной части и товарищу его. Существовавший Совет военно-учебных заведений, так же как и особый Совет академий, сделавшиеся совершенно лишними, упразднены; подлежавшие им дела законодательные и хозяйственные положено вносить в Военный совет, а для обсуждения общих вопросов учебных, касающихся военно-учебных заведений разных ведомств, учрежден при Военном же совете Главный военно-учебный комитет. Из числа членов упраздненных Советов некоторые получили назначение членами Военного совета (генерал-лейтенант Желтухин и генерал-адъютант Крыжановский) с присвоением им особого звания «инспекторов военно-учебных заведений»*, другие — назначены в Комитет о раненых (генералы Анненков 1-й, Клюпфель, Миркович), а прочие просто отчислены «по роду оружия» с сохранением содержания. Бывший директор училищ военного ведомства генерал-лейтенант Роговский назначен членом Военного совета и инспектором военно-учебных заведений.

На другой день после означенного приказа, 22 января, великий князь Михаил Николаевич простился с военно-учебными заведениями приказом, в котором благодарил бывших своих подчиненных и упомянул о выработанных под председательством Его Высочества главных основаниях предположенного преобразования тогдашних кадетских корпусов[10]. В тот же день генерал Исаков вступил в должность начальника военно-учебных заведений, а все три академии с двумя специальными училищами поступили в ведение соответствующих специальных начальств.

Соображения, по которым я нашел полезным выделить из общего управления военно-учебными заведениями специальные училища и все три академии, поставив их в непосредственную связь с соответствующими специальными ведомствами, — буду иметь случай подробно объяснить в другом месте.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «звания, учрежденного тогда же для периодического осмотра заведений и, как сказано было в моем приказе, «для ближайшего ограждения, приготовления дел в Военном совете, выгод и к пользе военного образования» *(примеч. публ.)*.

Что касается до артиллерийской части, то новое назначение великого князя Михаила Николаевича на Кавказ не возбуждало никакого нового вопроса или изменения в высшем управлении. Его Высочество сохранил за собою звание генерал-фельдцейхмейстера; с отъездом же своим передал только, как бы временно, непосредственное исполнение своих обязанностей своему товарищу, генерал-адъютанту Баранцову*. Последовавшее в конце 1862 года Высочайшее повеление об учреждении Главных управлений, Артиллерийского и Инженерного, было объявлено приказом 19 января 1863 года. Великим князьям, конечно, не совсем было приятно отказаться от прежнего своего самостоятельного, независимого от министра положения и стать во главе Управлений, вошедших всецело в состав Министерства; однако ж невыгоды прежнего раздвоения Управлений и преимущества объединения их были до такой степени очевидны, что великие князья не сочли возможным противиться осуществлению предположенной меры**. Учреждением должности «товарищей» как непосредственных начальников Главных управлений устранялось всякое опасение личных щекотливых для великих князей отношений прямого подчинения министру***.

26 января объявлены в приказе новые назначения на должности, вызванные означенным преобразованием как по артиллерийскому, так и по инженерному ведомствам. Генерал-адъютанты Баранцов и Тотлебен получили звание товарищей; почти все лица прежнего состава обоих департаментов и штабов получили соответствующие должности и в новых Главных управлениях впредь до окончательного переустройства их на основании общего Положения, которое в то время еще только разрабатывалось для всего Военного министерства.

Великий князь Михаил Николаевич, сдав окончательно заведование как артиллерийской частью, так и военно-учебными заведениями, выехал из Петербурга 6 февраля, — и только после

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Дело весьма облегчалось преобразованием, только что сделанным в организации высшего управления артиллерийской и инженерной частью. Мне удалось после объяснений и совещаний с обоими Великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами склонить их на упразднение штабов генерал-фельдцейхмейстера и генерал-интенданта инженеров или, лучше сказать, на слияние этих штабов с департаментами артиллерийским и инженерным» *(примеч. публ.)*.

** В автографе зачеркнуто: «заявленной мною еще в программе, представленной в начале 1862 года» *(примеч. публ.)*.

*** Далее в автографе зачеркнуто: «В теории Великие князья сохраняли вполне прежнюю самостоятельность по званиям, в действительности же они участвуют не иначе как через своих товарищей, то есть таких лиц, в руках которых сосредоточено все делопроизводство и вполне подчиненных министру» *(примеч. публ.)*.

его отъезда, 8 февраля, генерал-адъютант Баранцов объявил в приказе по артиллерии о своем вступлении в должность генерал-фельдцейхмейстера*. Великая княгиня Ольга Федоровна с детьми оставалась еще около месяца в Петербурге и выехала 3 марта за границу, в Баден, чтобы навестить своих родных перед отъездом в дальний Кавказский край. Великий князь Михаил Николаевич, несмотря на многосложные обязанности и заботы по новой его должности, не переставал и заочно следить с участием и любовью за всеми переменами, происходившими в артиллерийских ведомствах. А.А. Баранцов поддерживал постоянную с ним переписку и отдавал ему подробный отчет во всех своих действиях. Между великим князем и Баранцовым всегда отношения были самые лучшие, почти дружеские. Того же нельзя сказать об отношениях великого князя Николая Николаевича к генералу Тотлебену.

По случаю отъезда великого князя Михаила Николаевича, а с ним и многих кавказцев, находившихся временно в Петербурге, обычный «Кавказский вечер» состоялся в этом году несколько ранее обыкновенного, ради того, что новый наместник обещал украсить этот третий вечер своим присутствием. Вместо 4 февраля — срока, установленного при самом основании Кавказских вечеров в 1861 году, на этот раз вечер был назначен 26 января, в том же помещении, в гостинице «Демут», которому уже присвоено было прозвание «Кавказского подворья». Роль «хозяина» принял на себя по-прежнему добродушный ветеран, кавказский генерал-лейтенант Викентий Михайлович Козловский. Гостей съехалось до 100 человек. Присутствие великого князя придало этому вечеру характер несколько более церемонный, сдержанный; однако ж мало-помалу общество оживилось пением и пляской казаков, а за ужином тостами и речами. После тоста за здоровье Государя на мою долю досталось произнести приветственную речь новому наместнику и предложить тост за его здоровье. Его Высочество отвечал в коротких и скромных выражениях и предложил тост за предместника князя Барятинского. Все шло чинно и гладко, — как вдруг, совершенно неожиданно, встает князь Александр Аркадьевич Суворов и с раздражением нападает на высказанные в моей речи несколько слов о заслугах, оказанных фельдмаршалом князем Барятинским в деле умиротворения Кавказа[11]. Признаюсь, я никак не мог предвидеть, что слова мои вызовут такую неуместную выходку со стороны князя Суворова, хотя и знал, что он не выносит рав-

* По распоряжению А.А. Баранцова отпечатан был еще в конце 1862 года отдельной брошюрой обзор всех изменений и улучшений, сделанных по артиллерийской части в продолжение 7-летнего управления ею великого князя. Извлечение из этого обзора было помещено в Инвалиде 1863 года, № 39, 19 февраля.

нодушно имени князя Барятинского. Вообще князь Суворов не отличался сдержанностью в речах, а тут вдобавок дело было к концу ужина, после обильных возлияний «Кахетинского». Князь Суворов нашел все сказанное в похвалу князю Барятинскому почему-то обидным для его предшественников; начал припоминать заслуги князя Цицианова, Котляревского и других наших героев старых времен. Резкость тона и запальчивость князя Александра Аркадьевича произвели неприятный диссонанс в общем добродушном настроении общества; к счастью, кто-то из присутствовавших догадался поправить дело, предложив тост в память князя Цицианова, а затем все внимание гостей обратилось на живую и остроумную речь графа Соллогуба, который с самого основания Кавказских вечеров принял на себя роль присяжного «тулумбаша» с обязательством каждый раз рассказать какой-нибудь анекдот из боевой кавказской жизни нашего хозяина — В.М. Козловского. Обязанность эту граф Соллогуб исполнял в точности многие годы, и запас характеристичных анекдотов оказался у него неистощимым. По окончании ужина Великий князь вскоре уехал, а вслед за ним и я поспешил оставить общество, отклонив всякие объяснения с князем Суворовым. Вечер этот в памяти моей оставил не совсем приятное впечатление, хотя случайная моя стычка с князем Суворовым не имела никакого серьезного значения: при первой после того встрече нашей мы добродушно обошлись так, как будто между нами никогда ничего не произошло. Зная хорошо его характер, я никогда не придавал значения его словам. Он ссорился так же легко, как и мирился. Подобные случаи бывали у меня с ним много раз, — и после каждой его выходки, он первый добродушно бросался в объятия.

Невольный виновник описанного глупого эпизода, князь А.И. Барятинский, пролежав в Вильне три месяца, решился наконец выехать оттуда 25 января, накануне злополучного Кавказского вечера. Он снова отправился за границу.

---

30 января происходило в Зимнем дворце бракосочетание княжны Марии Максимилиановны, герцогини Лейхтенбергской с принцем Людвигом Вильгельмом Баденским. В 9 часов вечера совершен православный обряд в большой дворцовой церкви, а потом протестантский — в Александровском зале Зимнего дворца, после чего присутствовавшие приносили поздравления новобрачным. По случаю этого брака дан был парадный обед во дворце и большой бал у французского посла герцога Монтебелло. 27 февраля новобрачные выехали из Петербурга за границу*.

* В автографе зачеркнуто: «Принц Вильгельм был красивый и статный молодой человек, весьма обходительный и симпатичный» *(примеч. публ.)*.

Накануне отъезда новобрачных, 26 февраля, вся царская фамилия присутствовала на большом блестящем рауте, данном английским послом лордом Нэпиром по случаю происходившего в тот же день, в Лондоне, бракосочетания принца Уэльского с датскою принцессой Александриной, дочерью принца Христиана Глюксбургского, будущего короля Датского, и сестрою принцессы Дагмар — будущей Императрицы Российской[12].

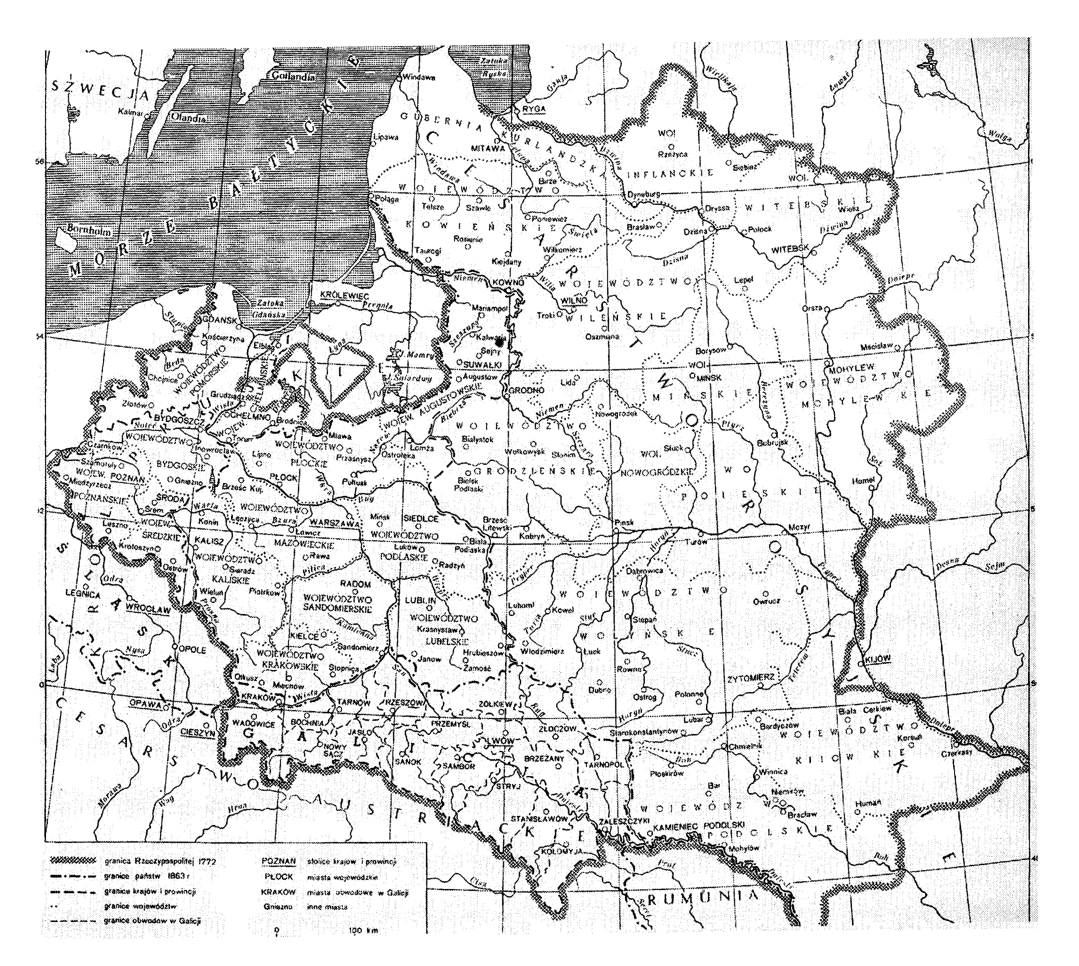
ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Продолжавшиеся уже два года волнения в Царстве Польском, несмотря на все уступки со стороны русского правительства, не только не укрощались, но приняли с начала 1863 года характер открытого вооруженного мятежа[13]. Предлогом или сигналом к тому послужил произведенный в это время рекрутский набор.

В Царстве Польском рекрутские наборы производились до 1856 года на основании старого закона 5/17 октября 1816 года, по которому подлежали набору все способные к службе с 20 до 30-летнего возраста; закон допускал в широких размерах освобождение от внесения в конскрипционные списки, составляемые местными властями (президентами и бургомистрами); окончательное же назначение на службу конскриптов предоставлялось усмотрению военного начальства. Такая система набора, несмотря на всю ее нерациональность, не возбуждала ни ропота, ни жалоб. Однако ж правительство само признало нужным установить более законный и справедливый порядок отбывания воинской повинности, и в 1859 году (3/15 марта) обнародован был новый закон, на основании которого поступление на службу решалось жребием, с допущением только ограниченных, точно определенных случаев освобождения от службы. Но закон 1859 года не был еще ни разу применяем, так как до 1863 года наборов вовсе не производилось ни в Империи, ни в Царстве*. Когда же решено было в 1862 году произвести в начале следующего года общий набор в обоих полосах Империи и в Царстве, — то маркиз Велёпольский выразил опасение, что при тогдашнем смутном состоянии края, производство первого опыта применения нового закона встретило бы затруднения; что собирание массы народа для метания жребия могло подать повод к беспорядкам; а потому маркиз предложил на этот раз произвес-

---

* Еще в 1861 году, по ходатайству наместника, накопившаяся на населении Царства Польского рекрутская недоимка в 62 700 человек была сложена в виде Высочайшей милости.

Повстанческое административное устройство 1863 г. Деление на воеводства

ти набор прежним порядком, существовавшим до 1859 года. Велёпольский выставлял в особенности ту выгоду этого способа набора, что он доставит возможность освободить край от той именно части городского населения, которая обыкновенно составляет самый беспокойный и опасный элемент беспорядков в крае[14].

К сожалению, предложение маркиза было принято и великим князем наместником Царства[15], и Государем. Вслед за Указом 20 августа / 1 сентября 1862 года о производстве набора, сообщено было мною 5/17 сентября великому князю наместнику Высочайшее соизволение на предложение маркиза Велёпольского произвести на сей раз, в виде исключения, предстоявший набор в Царстве Польском прежним порядком, существовавшим до закона 1859 года. Высочайшее это повеление было объявлено в Царстве 6/18 октября, а 26 ноября / 6 декабря директором Правительственной комиссии внутренних дел графом Келлером предписывалось губернаторам, согласно постановлению Совета Управления, образовать местные комиссии, на которые возлагалось назначение рекрут из числа внесенных в общие списки молодых людей; при этом прямо указывалось комиссиям — принимать в соображение поведение молодых людей и политическую их благонадежность. Комиссии эти составлялись в губернских городах из губернатора, советника губернского правления, воинского начальника и президента города; в уездных — из уездного начальника, помощника его, специально назначенного по рекрутскому набору, и жандармского офицера. Распоряжение это встретило в некоторых уездах протест со стороны уездных советов, которые отказались от приведения в исполнение предписанной незаконной меры. Советы эти были распущены, и постановления их отменены.

Таким образом, распоряжения администрации по случаю предстоявшего набора были заранее всем известны; но день самого производства набора не был объявлен, а дано секретное приказание — всех, назначенных уже по спискам рекрут забрать в ночь со 2 на 3 января (14/15). Так и было исполнено, но не везде удачно. В самой Варшаве и в некоторых больших городах, где имелись достаточные военные и полицейские средства, меры были так приняты, что большая часть назначенных рекрут была забрана без сопротивления и без нарушения порядка; во многих же других местностях пришлось прибегнуть к силе, и часть подлежавших набору молодых людей заранее уже бежала с мест жительства. В Варшаву приходили известия о появлении вооруженных шаек в самых окрестностях города, по обеим сторонам Вислы, в лесах Кампиноских и Насельских; потом образовались шайки и в других местностях: в окрестностях Сероцка, Пултуска, Плоцка. Для рассеяния этих шаек и поимки беглецов посла-

Стефан Бобровский

ны в разные стороны мелкие отряды. Шайки избегали встречи с войсками и скрывались в лесах; но под Плоцком, когда командир Муромского пехотного полка полковник Козлянинов с небольшой командой вышел на рекогносцировку, мятежники напали на эту горсть солдат и нанесли ей сильную потерю; сам полковник Козлянинов был изрублен топорами.

Сторонники поляков выставляли рекрутский набор как прямую причину вспыхнувшего вслед за ним вооруженного мятежа. Но это совершенно неверно: набор послужил только сигналом, только ускорил давно уже решенное, безумное предприятие[16]. Вожаки польского восстания, принадлежавшие к партии «действия», обрадовались набору, как самому благоприятному моменту

для приведения в исполнение задуманного плана. В декабре 1862 года эта партия взяла верх над «белыми» в тайном Варшавском комитете[17], и решено было неотлагательно поднять вооруженный мятеж; тогда же разосланы по всему Царству прокламации, призывавшие поляков к оружию. Правда, что самый день, когда должен был вспыхнуть мятеж, был назначен только в совещании 3/15 января, то есть вслед за предшествовавшей ночью захвата рекрут. Как бы в возмездие за эту роковую ночь, постановлено было в тайном революционном комитете открыть борьбу в ночь же с 10/22 на 11/23 января, внезапным нападением на спящих русских солдат и избиением их, по примеру 1794 года[18]. В том же совещании было решено, чтобы общее начальство над собиравшимися в то время первыми шайками «повстанцев» принял один из деятельных членов Комитета — Подлевский, место которого в Комитете занял Степан Бобровский. Подлевский — киевский помещик, бывший подпоручик гвардейской конной артиллерии, — выдавал себя за горячего приверженца партии «красных», хотя в действительности сочувствовал более партии князя Чарторийского[19]. Бобровский принадлежал действительно к числу «красных»; но отличался от своих сотоварищей рассудительностью и своего рода честностью.

О дне, назначенном для общего восстания, известно было во всем крае; одно только варшавское начальство оставалось в неведении, или не верило ходившим слухам. По крайней мере никаких предосторожностей на роковую ночь не было принято. Войска, расквартированные по всему пространству Царства Польского мелкими частями, беззаботно покоились сном праведных, когда ровно в полночь с 10 на 11 января колокольный звон во всех городках и селениях подал сигнал к нападению. Застигнутые врасплох солдаты и офицеры были умерщвляемы бесчеловечным образом. В Радзыне, где расположен был штаб 5-й артиллерийской бригады, сам бригадный командир генерал-майор Каннабих и командир батареи полковник Мейбаум были изранены. В одном селении, в окрестностях Седлеца, где несколько солдат Костромского пехотного полка заперлись в избе и защищались, мятежники бесчеловечно подожгли избу, и несчастные сгорели живьем. Однако ж в большей части местностей войскам удалось благополучно избегнуть резни, успев схватиться за оружие и приготовиться к встрече злодейского нападения. Так в Плоцке, атакованном толпою тысячи в полторы, малочисленный гарнизон города отбил нападение*. В некоторых

* В автографе зачеркнуто: «В Тыкочине одна рота, стоявшая отдаленно от полка, вышла, построившись в каре, из селения и целые сутки отбивалась от окружавшей ее толпы» *(примеч. публ.)*.

местах сами мятежники дорого поплатились: у них были убитые, раненые и даже несколько человек захвачено в плен. Вообще результат, достигнутый мятежниками, не соответствовал их ожиданиям: в войсках оказалось всего 30 убитых и около 100 раненых.

На другой же день после ночного нападения на войска 11/23 января появилась прокламация тайного революционного комитета, в которой все население польское призывалось к участию в предпринятой отчаянной борьбе за независимость Польши; вместе с тем объявлялось о даровании крестьянам в собственность земельных участков, состоявших в их пользовании, с освобождением от всяких повинностей в пользу землевладельцев, которым обещалось вознаграждение «на счет национального фонда под гарантией нации» (!?)[20]. В этом объявлении, или манифесте, вожаки мятежа имели наглость обвинять в угнетенном положении крестьян не помещиков польских, которые искони держали крестьян как рабочий скот («быдло»), а русское правительство, виновное разве только в том, что оно потворствовало польской аристократии. Громкое обещание временного революционного комитета облагодетельствовать крестьянское население, конечно, имело целью привлечь его к мятежу; но оно не достигло цели: население не соблазнилось фанфаронадою какой-то неизвестной, таинственной власти; партия же польской аристократии была поражена, как громом, столько же, как и другим решением комитета, принятым после долгих, горячих споров в двух заседаниях (7/19 и 8/20 января) — назначить Мерославского главным вождем мятежа с званием «диктатора»[21]. Решение это произвело страшную тревогу в лагере «белых», партия Чарторийских усилила происки, чтобы восстановить свое влияние на ход мятежа.

Имя Мерославского, ненавистное для партии «белых», было обаятельно для массы городского населения и молодежи, составлявших главный контингент вооруженных шаек. Крестьянское же население не поддалось обольстительным воззваниям анонимной власти. С первого же времени мятежа заметно было, что крестьяне решительно уклонялись от участия в нем; шайки составлялись почти исключительно из горожан: мелкой шляхты, ремесленников, низших чиновников, писцов, учителей, а в особенности учащейся молодежи, легкомысленно поддавшейся патриотическому возбуждению и коварным обольщениям многочисленных агентов революционного комитета. В шайки нередко попадали 15 и 14-летние мальчики; из крестьян же — только немногие, в виде исключения, и большей частью завлеченные или обманом, или насилием. Были даже случаи, что крестьяне приводили к начальнику схваченных ими с оружием мятежников, —

KOMITET CENTRALNY

JAKO TYMCZASOWY

RZĄD NARODOWY.

Nikczemny rząd najezdniczy rozwścieklony oporem mężnej przezeń ofiary, postanowił zadać jej cios stanowczy—porwać kilkadziesiąt tysięcy najdzielniejszych, najgorliwszych jej obrońców, oblec w nienawistny mundur moskiewski i pognać tysiące mil na wieczną nędzę i zatracenie. Polska nie chce, nie może poddać się bezopornie temu sromotnemu gwałtowi pod karą hańby przed potomnością powinna stawić energiczny opór. Zastępy młodzieży walecznéj, młodzieży poświęconéj, ożywione gorącą miłością Ojczyzny, niezachwianą wiarą w sprawiedliwość i pomoc Boga, poprzysięgły zrzucić przeklęte jarzmo lub zginąć. Za nią więc Narodzie Polski, za nią! Po strasznéj hańbie niewoli, po niepojętych męczarniach ucisku, Centralny Narodowy Komitet obecnie jedyny, legalny Rząd Twój Narodowy, wzywa Cię na pole walki już ostatniéj, na pole chwały i zwycięztwa, które Ci da i przez imię Boga na Niebie dać przysięga, bo wie, że Ty, który wczoraj byłeś pokutnikiem i mścicielem, jutro musisz być i będziesz bohaterem i olbrzymem. Tak, Ty wolność Twoją, niepodległość Twoją, zdobędziesz wielkością takiego męztwa, świętością takich ofiar, jakich Lud żaden nie zapisał jeszcze na dziejowych kartach swoich. Powstającéj Ojczyznie Twojéj dasz bez żalu, słabości i wahania wszystką krew, życie i mienie, jakich od Ciebie zapotrzebuje. W zamian K. C. N. przyrzeka Ci, że siły dzielności Twéj nie zmarnieją, poświęcenia nie będą stracone, bo ster, który ujmuje, silną dzierzyć będzie ręką. Złamie wszystkie przeszkody, roztrąci wszelkie zapory, a każdą nieprzychylność dla świętéj sprawy, nawet brak gorliwości, ścigać i karać będzie przed surowym, choć sprawiedliwym trybunałem obrażonéj Ojczyzny. W pierwszym zaraz dniu jawnego wystąpienia, w pierwszéj chwili rozpoczęcia świętéj walki, K. C. N. ogłasza wszystkich synów Polski, bez różnicy wiary i rodu, pochodzenia i stanu, wolnemi i równemi Obywatelami kraju. Ziemia, którą Lud rolniczy posiadał dotąd na prawach czynszu lub pańszczyzny, staje się od téj chwili bezwarunkową jego własnością, dziedzictwem wieczystém. Właściciele poszkodowani, wynagrodzeni będą z ogólnych funduszów Państwa. Wszyscy zaś komornicy i wyrobnicy, wstępujący w szeregi obrońców kraju, lub w razie zaszczytnéj śmierci na polu chwały, rodziny ich otrzymają z dóbr Narodowych dział obronionéj od wrogów ziemi. Do broni więc, Narodzie Polski, Litwy i Rusi, do broni! bo godzina wspólnego wyzwolenia już wybiła, stary miecz nasz wydobyty, święty sztandar Orła, Pogoni i Archanioła rozwinięty.—A teraz odzywamy się do Ciebie Narodzie Moskiewski: tradycyjném hasłem naszém jest wolność i braterstwo Ludów, dla tego też przebaczamy Ci nawet mord naszéj Ojczyzny, nawet krew Pragi i Oszmiany, gwałty ulic Warszawy i tortury lochów Cytadelli. Przebaczamy Ci, bo i Ty jesteś nędzny i mordowany, smutny i umęczony, trupy dzieci Twoich kołyszą się na szubienicach carskich, prorocy Twoi marzną na śniegach Sybiru. Ale jeżeli w téj stanowczéj godzinie nie uczujesz w sobie zgryzoty za przeszłość, świętszych pragnień dla przyszłości, jeżeli w zapasach z nami dasz poparcie tyranowi, który zabija nas, a depcze po Tobie—biada Ci! bo w obliczu Boga i świata całego, przeklniemy Cię na hańbę wiecznego poddaństwa i mękę wieczné niewoli, i wyzwiemy na straszny bój zagłady, bój ostatni Europejskiéj Cywilizacyi z dzikiém barbarzyństwem Azyi.

Warszawa, dnia 22 Stycznia 1863 r.

Манифест «Национального правительства» 22 января 1863 г.

за что, конечно, потом подвергались жестокой расправе. Благодаря системе Велёпольского, вся администрация, не исключая даже губернаторов*, была в руках поляков. Все должностные лица, вся так называемая «интеллигенция» в крае, если и не участвовали сами в заговоре против русской власти, то во всяком случае сочувствовали всей душой мятежу. Поэтому неудиви-

* Губернаторские места занимали: в Варшавской губернии — тайный советник Лащинский, в Радомской — Островский, в Люблинской — Бодушинский, в Плоцкой — Дзевановский, в Августовской — Корытковский. Президентом города Варшавы — граф Сигизмунд Велёпольский, сын начальника гражданского управления в Царстве.

тельно, что формирование повсеместно шаек не встречало противодействия со стороны местной администрации. Крестьяне, полагавшие исполнять свой долг и служить правительству, хватая вооруженных повстанцев, к ужасу своему увидели, что местное начальство берет сторону мятежников, отпускает их безнаказанно и терпит самые вопиющие их своеволия и насилия над крестьянами. После того, конечно, и крестьяне сделались осторожнее, особенно когда мятежники, увидев, что поселяне не сочувствуют так называемому «народному» делу, прибегли к мерам терроризма и начали совершать самые бесчеловечные, зверские насилия над беззащитным, смирным населением. Дошло до того, что все жители большого села или местечка пассивно присутствовали при страшных жестокостях, совершаемых немногими явившимися негодяями или даже каким-нибудь одним извергом. Крестьяне потеряли всякое доверие к местным властям, смотрели на них как на сторонников мятежа и на своих притеснителей. В глазах крестьян слились воедино понятия о чиновнике, о пане и мятежнике. Только военные начальники и офицеры не были заподозрены в измене; к ним одним крестьянин и обращался с доверием, как к слугам царским и защитникам народа; но запуганные тиранством мятежников, поселяне не всегда решались высказываться и перед офицерами, боясь чьего-либо извета. Такие отношения народа к русским войскам, к местной администрации и к мятежникам положительно констатированы даже во многих документах, найденных впоследствии в переписке самих вожаков мятежа.

С 11 января шайки мятежников возрастали с каждым днем как по всему пространству Царства Польского, так и в прилежащих к нему частях западных губерний. Формировались они преимущественно в глухих лесах, несмотря на суровое время года. Мятежники вооружались чем попало: охотничьими ружьями, двустволками, револьверами и пистолетами, кинжалами, ножами, а потом, когда образовались более многочисленные шайки, главную массу их составляли пешие толпы «косионеров», т.е. вооруженных косами. Помещики и люди состоятельные составляли конницу. Начальство над шайками принимали преимущественно личности, служившие прежде в войсках русских или иностранных, влиятельные помещики, выказавшие особенное рвение к мятежу и щедрость в пожертвованиях на «народное» дело. Бывали даже ксендзы во главе шаек. Вообще духовенство католическое приняло самое деятельное личное участие в мятеже: не ограничиваясь пламенными речами и проповедями для возбуждения патриотического фанатизма, благословениями и напутственными молитвами на «святое» дело, ксендзы во множестве участвовали в самих шайках, и не только с крестом в

руках, но и с мечом. Немало было и таких, которые проливали кровь собственными руками* и даже приобрели известность своими зверскими подвигами. Много ксендзов оказывалось в числе убитых на полях сражений; многие были в числе попавших в плен**.

В первые дни мятежа шайки избегали встречи с войсками, а нападали на беззащитные местечки и деревни, грабили казначейства, таможенные посты; жгли казенные строения; забирали у обывателей лошадей и продовольствие, вербовали в свои шайки, прибегая, в случаях надобности, к угрозам, насилию и даже к убийству. В первый же день мятежа, 11 января, шайка мятежников подстерегла дилижанс, следовавший из Варшавы в Брест-Литовск, ограбила и убила ехавшего по казенному делу чиновника канцелярии наместника Черкасова. Во многих других местах мятежники нападали на почту, прерывали телеграфное сообщение и в особенности старались портить железные дороги, чтобы воспрепятствовать подвозу в Царство подкреплений войскам и отправлению из Царства рекрутских партий. Все эти преступные проделки облегчались им тайным или явным сообщничеством с ними почти всех служащих в администрации, на железных дорогах, на почте, почти всех помещиков и ксендзов.

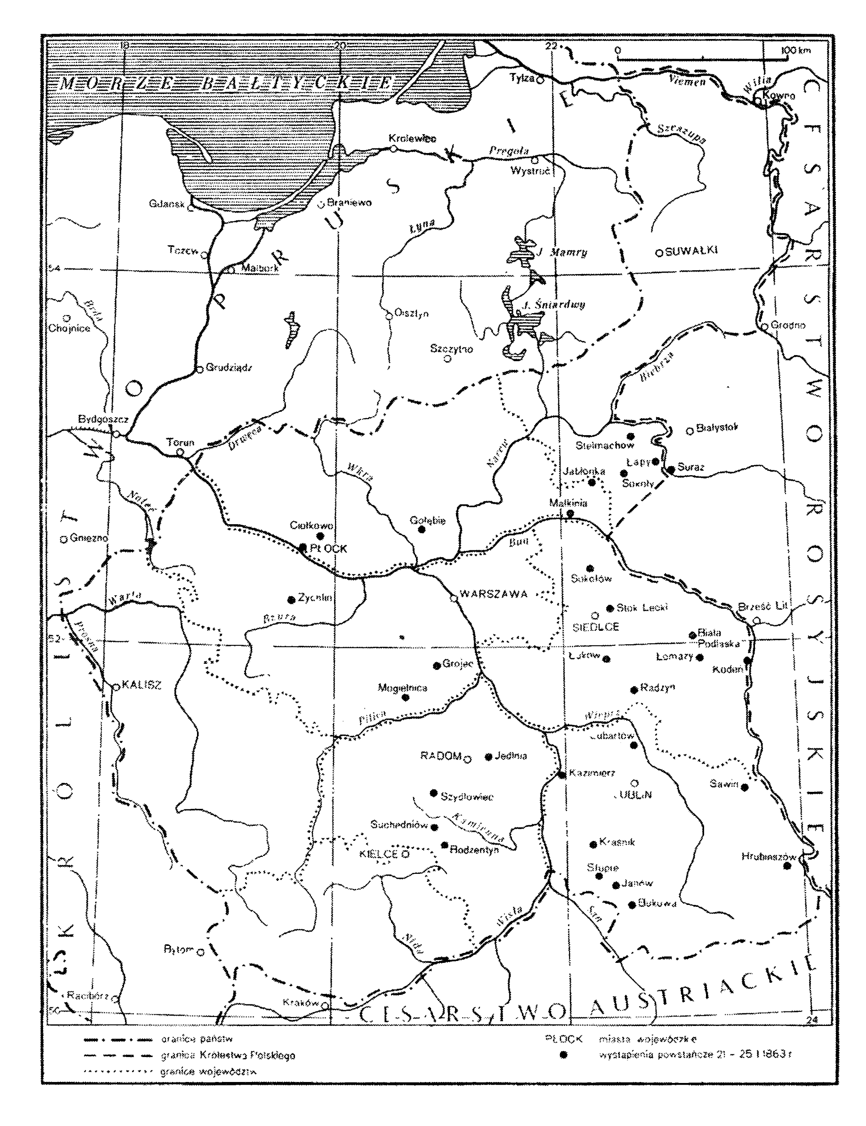
Значительная толпа вооруженных мятежников напала внезапно на пограничное местечко Гродненской губернии Сураж. Находившаяся там рота успела стать в ружье и, выступив из местечка, отбивалась до вечера. С прибытием подкреплений, местечко снова было занято войсками; но между тем мятежники успели произвести полный разгром на железнодорожной станции Лапы и значительные повреждения на Петербургско-Варшавской железной дороге, на протяжении почти 50 верст, так что пришлось на некоторое время приостановить движение поездов.

По первым известиям об этих происшествиях, варшавское начальство выслало отряды в разных направлениях и в особенности озаботилось восстановлением и охранением сообщений. Для исправления повреждений железной дороги между станциями Лапы и Малкина поспешно отправлены войска и рабочие, как из Варшавы, так и Белостока (Виленского военного округа),

---

* В роковую ночь с 10 на 11 января, при внезапном нападении мятежников на роту, расположенную в Бодзентыне (Радомской губернии), один офицер был убит ксендзом, с которым до того времени он вел личное знакомство и который был викарием тамошнего монастыря. Это один из многих примеров.

** Далее в автографе зачеркнуто: «Крестьяне во многих местностях, доведенные до озлобления крайностями, выдавали ксендзов русскому начальству» *(примеч. публ.)*.

Выступления повстанцев 21 — 25 января 1863 г.

и в несколько дней дорога эта была исправлена. Начальникам главных военных отделов, на которые разделено было все пространство Царства Польского, даны были приказания образовать небольшие отряды, которые, имея свое постоянное пребывание в определенных, более значительных пунктах, посылали

бы от себя летучие колонны в разные стороны, для осмотра окрестных лесов, чтобы не допускать формироваться шайкам мятежников, преследовать их и ограждать спокойное население от насилий и злодейств. В каждом из пяти отделов общее начальство было возложено на начальника дивизии, в том районе расположенной: в Варшавском — главным начальником был генерал-адъютант барон Корф 3-й (Павел Иванович), начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии и всего гвардейского отряда; в Плоцком — генерал-лейтенант Семека, начальник 6-й пехотной дивизии; в Калишском — генерал-лейтенант Бруннер, начальник 4-й пехотной дивизии; в Радомском — генерал-лейтенант Ушаков, начальник 7-й пехотной дивизии, и, наконец, в Люблинском — генерал-лейтенант Хрущов, начальник 5-й пехотной дивизии. Каждый отдел подразделялся еще на меньшие районы, в которых начальствовали командиры полков и отдельных батальонов, и кроме того, для охранения железных дорог назначены были особые начальники: на Петербургско-Варшавскую (до станции Лапы на границе Гродненской губернии) — генерал-майор Свиты Бонтан, а потом генерал-майор Свиты граф Толь; на Варшавско-Бромбергской — флигель-адъютант князь Витгенштейн (Эмиль), а на Варшавско-Венской — генерал-майор Свиты князь Шаховской.

Первые встречи войск с шайками несколько значительного состава (кроме уже упомянутых в ночь с 10-го на 11-е числа и в первый же день) были: 12-го числа в Тыкочине, где одна рота в продолжение целых суток (с утра 12-го до утра 13-го), стоя в каре, отбивалась от окружившей ее вооруженной толпы, пока не подошли подкрепления, разогнавшие мятежников; затем 13 января — в Августовской губернии у дер<евни> Менженина (на дороге от Белостока к Острову); 15-го — у станции Лапы, вокруг которой собрались многочисленные толпы мятежников; их разогнали войска, прибывшие из Белостока; 16-го же числа рассеяна и частью захвачена шайка в Плоцкой губернии у Рационза.

Затем пошли уже почти ежедневные, более или менее значительные стычки войск с мятежными шайками на всем пространстве Царства Польского*[22]. Шайка, собравшаяся в Августовской губернии, была рассеяна 21-го числа** у Чистой-Буды отрядом генерал-майора Суходольского, высланным из Ковно генерал-лейтенантом Лихачёвым***, из войск Виленского округа, для охранения железной дороги. В тот же день 21 января, шайка, со-

* Здесь в автографе зачеркнуто: «и в соседних с ним местностях Гродненской губернии» *(примеч. публ.)*.

** Далее все числа будут показаны по старому стилю.

*** Начальник 1-й кавалерийской дивизии.

бравшаяся у Бялы (Люблинской губернии), рассеяна отрядом флигель-адъютанта графа Ностица, прибывшего от Бреста (также от войск Виленского округа). Более значительное дело было 22 января у Венгрова (к востоку от Варшавы), где собралась многочисленная шайка: высланный из Седлеца отряд встретил тут упорное сопротивление; мятежники дрались отчаянно, сами переходили в наступление и приближались на 30 шагов к орудиям, под картечь. Зато они и понесли страшную потерю: одних убитых оставили на поле до 150 человек, тогда как в отряде было всего 4 раненых. Остатки шайки рассеялись по лесам.

Вслед за тем разбиты и разогнаны две шайки: одна — 27 января у Скерневиц, другая — 29-го у Коваля (к югу от Влоцлавска). Мятежное движение не ограничивалось пределами Царства Польского; напротив того, руководители восстания всеми силами старались выказать солидарность западных наших губерний, или — по выражению поляков — «забранного края». С этой целью с первых же дней вооруженного мятежа предводители шаек перенесли свои действия и на правую сторону Буга, в соседние уезды Гродненской губернии. Появились шайки в окрестностях Бреста и в Бельском уезде. Начальство Виленского военного округа поспешило образовать в Бресте летучий отряд, под начальством флигель-адъютанта графа Ностица, а с другой стороны, начальнику 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенанту Манюкину предписано было собрать отряд у Белостока. Мятежники избрали главным сборным пунктом своим в этом крае местечко Семятичи, Бельского уезда, в близком расстоянии от Буга (к востоку от Дрогичина, лежащего на границе Царства Польского с Гродненской губернией) и лесов Люблинской губернии; на самой окраине местечка находилась обширная мыза помещика Феншау*. Это было довольно большое строение, в котором мятежники могли незаметно формировать кадры шайки, иметь склад оружия и военных запасов и даже обучать своих новобранцев. Сюда стеклись повстанцы из-за Буга и из окрестных местностей Гродненской губернии, так что образовалось большое скопище, в числе до 5 тысяч человек.

Как только дошло до Вильны известие об этом сборище, против него направлены были два отряда: с севера — генерал-лейтенант Манюкин с 7 ротами, сотней казаков и 4 орудиями, а с юга — от Бреста граф Ностиц. Генерал Манюкин подошел к Семятичам 25 января, под вечер. Ночью мятежники сами осме-

---

* В автографе зачеркнуто: «Местечко это было избрано мятежниками опорным пунктом для действий в Гродненской губернии по выгодности его положения» *(примеч. публ.)*.

лились напасть на отряд и, конечно, были отбиты; на другой же день, 26-го числа, с рассветом, генерал Манюкин атаковал шайку, взял местечко штурмом, и при этом мятежники понесли огромную потерю: на месте осталось до 1000 убитых; сколько было раненых — неизвестно. Местечко и помещичья мыза были сожжены*. В нашем отряде потеря оказалась самая незначительная: всего 12 убитых и столько же раненых.

После боя при Семятичах окрестные крестьяне и даже евреи приходили к генералу Манюкину благодарить его за избавление от гнета поляков; приводили изловленных ими в лесах повстанцев и указали на двух ксендзов, возбуждавших население к мятежу и участвовавших в шайке. Помещик Феншау, как оказалось, выехал из своей мызы только накануне приближения генерала Манюкина[23].

Поразительная несоразмерность потери у мятежников и в наших отрядах при всех боевых встречах во все время мятежа не может нисколько возбуждать сомнения или недоверия к приводимым цифрам, если принять в соображение весьма плохое вооружение мятежников и совершенную неопытность их в военном деле. Но несоразмерность эта вместе с тем показывает, до какой степени были фанатизированы повстанцы, бросавшиеся без оглядки на неминуемое истребление. Однако ж вожаки мятежа скоро поняли, что шайкам их невозможно меряться с войсками в открытом бою. Только в самых лесистых и недоступных местностях могли они собираться в значительных силах и скрываться от высылаемых против них отрядов, выжидая удобного случая для нечаянного нападения из засады на части войск, несравненно слабейшие в числе.

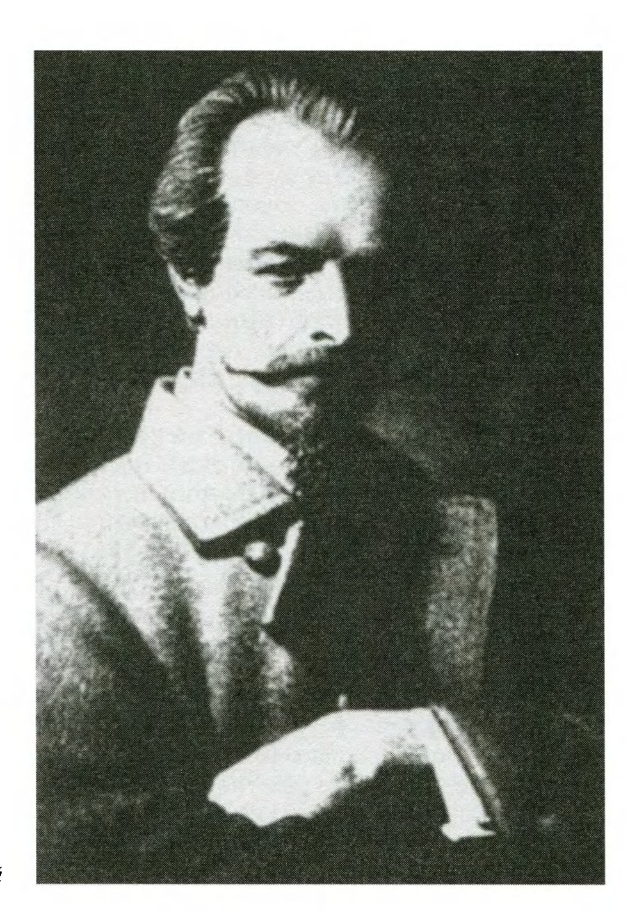
В этом отношении самой благоприятной для мятежников местностью в Царстве Польском была центральная часть Радомской губернии, гористая и лесистая. Здесь и было долгое время главное гнездо мятежа, именно между Петроковым, Кельцами, Радомом, Ильжею. Находящиеся здесь горные заводы дали мятежу обильный контингент: все рабочее население, мастера, горные инженеры и сами начальники заводов не только сочувствовали ему, но большей частью даже участвовали в нем. Давно уже, гораздо ранее открытого мятежа, заводы занимались изготовлением оружия, а к 10 января почти все опустели: рабочие утекли в шайки; чиновники горного ведомства в главном пункте заводского управления Суходниове (к северу от Келец) похитили заводскую кассу, которая однако ж была у них отбита 11-го

* Далее в автографе зачеркнуто: «Остатки шайки, бежавшие в беспорядке и в смятении, наткнулись на отряд графа Ностица и были окончательно рассеяны» *(прим. публ.)*.

же числа ротой Смоленского пехотного полка. С этого времени сообщение Варшавы с Кельцами было почти прервано. 21 января, когда дивизион Новороссийского драгунского полка проходил по шоссе через Суходниов, из домов открыт был огонь по драгунам, а вслед за тем, когда подошли из Келец 3 роты Смоленского полка, они были также встречены выстрелами из окон и с чердаков. Войска были вынуждены врываться силою в дома и находили на чердаках вооруженных людей, которые все оказались принадлежащими к заводскому управлению. Войска показали при этом необыкновенную сдержанность, хотя в польских газетах, по их обыкновению, и прокричали про неимоверные жестокости, будто бы произведенные войсками в Суходниове.

Начальником Радомского военного отдела генерал-лейтенантом Ушаковым направлено было несколько колонн для очищения центральной части губернии от собравшихся многочисленных шаек. Мятежники были выгнаны из Опочны, и весь уезд Опоченский очищен; затем (27 января) вытеснены из Вонхоцка, одного из главных притонов мятежа, а 31 января полковники Ченгеры (командир Смоленского пехотного полка) и Добровольский (начальник штаба 7-й пехотной дивизии) нанесли сильное поражение многочисленной шайке, занявшей крепкую позицию у монастыря Св. Креста на Лысой горе (у Слупя-Нова, к юго-востоку от Келец и юго-западу от Ильжи). Шайка эта оказалась под начальством Лангевича, одного из самых видных предводителей шаек, облеченного мятежниками званием «генерала». Шайка его, разбитая наголову, потеряла более 100 убитых и лишилась всего обоза, в котором найдены были две деревянные пушки и собственный багаж Лангевича с его перепиской, картами, приказами и проч. В числе убитых мятежников оказалось 4 ксендза. Монастырь был разграблен окрестными крестьянами, уже после удаления отряда.

В южной части Радомской и Люблинской губерний с самого начала мятежа начали вторгаться шайки, формировавшиеся в Галиции, на глазах австрийских властей. Краков давно уже был, можно сказать, главной квартирой вожаков польского мятежа. Две первые шайки, появившиеся из Галиции в Люблинской губернии, были разбиты 23 и 24 января у Янова и Томашева. Третья, более многочисленная, под предводительством Франковского и Ждановича, перешла через Вислу около Завихвоста и заняла Сандомир. Начальствовавший в Янове полковник Медников (командир батальона в Вологодском пехотном полку) быстро двинулся против мятежников, 27 января перешел Вислу у Аннополя, а 28 числа разбил шайку у Слупчи и занял Сандомир. Мятежники понесли сильную потерю; сам Франковский, один из

Ярослав Домбровский

деятельнейших вожаков восстания, тяжело ранен и взят в плен*.

Несколько позже, 5 февраля, большая шайка, в числе до 3 тысяч человек, вторглась со стороны Ойцовы, напала на Мехов и успела уже ворваться в город, но была выбита с уроном; при этом сгорело несколько крайних домов. В числе пленных взят Домбровский — один из бывших членов революционного комитета. Остатки разбитой шайки бежали за границу и там обезоружены австрийскими войсками. Бывшие в числе мятежников австрийские подданные заключены в цитадель и преданы суду.

Однако ж образ действий австрийских властей в отношении к польскому мятежу был крайне двусмысленный: правительство

---

* 4 июня повешен в Люблине.

нашло нужным приостановить заседания Львовского сейма, дабы устранить всякий повод к неуместным и щекотливым разглагольствованиям касательно событий в Царстве Польском*; но немного спустя (в марте), вследствие настоятельных ходатайств присланной в Вену польской депутации, дозволено было возобновить заседания со 2/14 марта. Наместник в Галиции граф Менсдорф-Пульи на сделанный им центральному правительству запрос о том, как поступать относительно молодежи, получил из Вены, от министра внутренних дел Mecsery указание, чтобы уходу добровольцев за границу не препятствовать, в видах удаления из края элементов агитации, и ограничиваться лишь секвестированием транспортов и складов оружия и военных запасов, если будут открыты. Указанием этим и руководствовались местные власти в Галиции почти во все продолжение польского мятежа. Хотя и публиковались увещания к молодежи польской не впутываться в мятеж, а по временам делались обыски, аресты, но между тем почти открыто и в широких размерах производилась вербовка в шайки и заготовление оружия, продовольствия, обмундирования. Богатые галицийские аристократы не жалели денежных средств для поддержания мятежа. Краков сделался главным сборным пунктом, куда стекались вожаки, эмигранты польские из всех стран Европы и авантюристы разных национальностей. Люди эти даже не скрывались, расхаживали открыто в своих воинственных нарядах, в чемарках и конфедератках, шатались по кофейным домам и гостиницам, в ожидании условленного часа, когда все они должны явиться на сборные пункты, в пограничных лесах, откуда удобнее могли, преимущественно в ночное время, перебраться через границу, или напасть на русские таможенные посты. В случае встречи с русскими войсками, повстанцы имели возможность рассыпаться по лесам и уйти безнаказанно назад за границу.

То же самое проделывалось и в пограничных с Царством Польским областях Пруссии. Главным сборным пунктом мятежников была Познань. И здесь, как в Галиции, образовалось гнездо мятежа, несмотря на строгие меры, принимаемые прусским правительством, которое далеко было от того, чтобы, подобно австрийскому, потворствовать польскому мятежу. Дворянство Познанской области, подобно галицийскому, приняло самое деятельное и горячее участие в восстании, не только в материальном отношении — деньгами, оружием, но и формированием вооруженных шаек, собиравшихся в пограничных лесах. Как с юга, в губернии Радомскую и Люблинскую, вторгались шайки из Галиции, так точно с запада проникали в Калишскую

* Все областные сеймы в Австрии были открыты в этом году 8/20 января.

губернию шайки, формировавшиеся в Познанской области, а с севера в Плоцкую и Августовскую губернии — из области Прусской*.

Однако ж не всегда удавалось мятежникам избегнуть наблюдения прусских войск и полиции. Не раз грузы оружия, присылаемого поляками из Парижа и других стран, были перехватываемы, и собиравшиеся шайки были разгоняемы. Однажды шайка, в числе нескольких сот человек, собравшаяся в окрестностях пограничного городка Бродницы (у немцев — Страсбург, в области западной Пруссии), наткнулась (24 января) на прусский пограничный отряд из 4 рот пехоты и полуэскадрона кавалерии; произошла стычка, в которой убито было 7 прусских солдат; мятежники понесли, конечно, сильный урон и должны были рассеяться по лесам, где их ловили, арестовывали и предавали суду.

Прусское правительство сочло необходимым принять серьезные меры, чтобы не дать мятежу, вспыхнувшему в Царстве Польском, охватить и пограничные с ним польские области Пруссии. Расположенные в этих областях 1-й и 6-й армейские корпуса, а также и 4-ю пехотную дивизию 2-го корпуса повелено было привести на военное положение; вдоль границы устроен кордон из небольших отрядов, а в то же время отправлен в Петербург генерал-адъютант прусского короля Альвенслебен с поручением установить соглашение относительно взаимного содействия прусских и русских пограничных военных начальств.

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ МЯТЕЖА. ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ

Получив 11 января, по телеграфу, первое известие из Варшавы о вспыхнувшем открытом мятеже и ночном нападении на русские войска[24], Государь утром 12-го числа, в субботу, собрал у себя в кабинете для совещания министра внутренних дел Валуева, шефа жандармов князя Долгорукова и меня. Вот первые меры, которые признано было нужным принять неотлагательно: 1) объявить военное положение как в Царстве Польском (где оно существовало прежде, но постепенно отменялось постановлениями 27 августа, 28 сентября и 4 декабря (ст.ст.) 1862 года)[25], так и в смежных уездах Западного края; 2) предоставить главным начальникам в Царстве Польском, Северо-Западном и

* Первые значительные шайки на Прусской границе были разбиты нашими отрядами 3 февраля: одна — вторгнувшаяся с севера, в окрестностях Млавы; другая — на западной границе, у Злочева, между Серадзем и Велюном.

Юго-Западном крае особые временные права относительно конфирмации и приведения в исполнение приговоров военных судов над участниками мятежа и 3) усилить войска в трех западных округах.

На другой день, 13 января, в воскресенье, в конце обычного развода в Михайловском манеже (от л.-гв. Измайловского полка) Государь подозвал к себе всех присутствовавших генералов и офицеров и, когда они окружили его густой толпой, обратился к ним с речью, в которой объявил в коротких словах полученные из Царства Польского прискорбные известия и затем сказал: «В этих новых злодействах я не могу обвинять весь народ польский; но вижу работу революционной партии, стремящейся повсюду к ниспровержению законного порядка. Мне известно, что партия эта рассчитывает и на изменников в рядах наших; но они не поколеблют мою веру в преданность своему долгу верной и славной моей армии. Я убежден, что теперь, более чем когда-либо, каждый из вас, чувствуя и понимая всю святость присяги, исполнит свой долг, как честь нашего знамени требует. В рядах ваших я сам начал службу; потом несколько лет имел честь вами командовать, и потому чувства преданности вашей мне хорошо были известны, и я ими гордился за вас перед покойным Государем, родителем моим. Уверен, что если обстоятельства того потребуют, вы и теперь докажете на деле, что я могу на вас рассчитывать, оправдаете мое полное к вам доверие».

Само собой разумеется, что ответом на эту речь были дружные и продолжительные крики «ура». Известие о происшествиях в Польше произвело взрыв негодования и в войсках, и во всем русском обществе. Даже и те, которые судили снисходительно и с некоторым сочувствием о польских домогательствах, теперь отрезвились, когда дело приняло кровавый оборот.

14 января подписаны Высочайшие рескрипты на имя генерал-адъютантов Назимова и Анненкова[26]. Обоим им присваивались права командира отдельного корпуса в военное время и вместе с тем предоставлялось: 1) учреждать особые комиссии для предварительного разбора всех арестованных участников мятежа с тем, чтобы определять, кто из них подлежит военному суду и кто административному взысканию; 2) всех захваченных с оружием, сопротивлявшихся законным властям, нападавших на воинских чинов и мирных обывателей предавать суду по полевым законам; 3) приговоры военных судов конфирмовать окончательно военным губернаторам или равным им военным начальникам и приводить немедленно в исполнение на месте преступления; и 4) те же права конфирмации предоставлять,

буде окажется нужным, и начальникам отрядов. Те же полномочия предоставлены были и наместнику в Царстве Польском.

Усиление войск признавалось необходимым прежде всего в Варшавском и Виленском округах. Хотя в первом из них уже находилось почти до 100 тысяч войска (64 бат<альона>, 25 эск<адронов>, 62 казачьи сотни и 176 орудий), однако ж начальство варшавское считало эти силы недостаточными для немедленного подавления мятежа. Решено было Государем на первый раз ограничиться укомплектованием находившихся уже в Царстве частей до полного военного состава, призывом соответственного числа нижних чинов из временного и бессрочного отпусков, и, кроме того отправить в Варшаву два полка гвардейской кавалерии, расположенные в окрестностях Новгорода (в бывших военных поселениях): Гродненский гусарский и Уланский Его Величества с одной конной батареей (Лейб-гвардейской облегченной, № 3). В Виленский же округ назначено отправить прежде всего оба находившиеся в Петербурге дивизиона гвардейских казачьих полков, а вслед за ними всю 2-ю гвардейскую пехотную дивизию с состоящим при ней Стрелковым батальоном Императорской фамилии.

Назначенные в поход части гвардии собрались необыкновенно скоро. Офицеры и солдаты, соскучившиеся однообразной гвардейской службой, рвались в поход и готовились к нему с восторгом. Все части перевозились по Петербургско-Варшавской железной дороге, по которой в то же время обратно из Царства Польского перевозились рекруты и арестанты с конвоировавшими тех и других войсками. По мере отправлений частей гвардии из Петербурга, Государь лично производил им смотры и каждый раз, прощаясь с ними, напутствовал несколькими теплыми словами. Первый смотр был 21 января гвардейским казакам, а затем 30 и 31 января, и 1 февраля — последовательно прочим поименованным частям; позже всех выступила из Петербурга, 6 февраля, прибывшая из-под Новгорода Конная батарея, для сопровождения которой назначена была экспромтом рота Гвардейского экипажа, получившая приказание только накануне; она изготовилась к выступлению в одни сутки. Великий князь Константин Николаевич просил о присылке этой роты для службы на речной флотилии, которую он вознамерился устроить на Висле.

Для замены выступавших из Петербурга гвардейских полков перевозились туда, по Николаевской железной дороге, полки 2-й гренадерской дивизии. По прибытии этих полков в столицу, Государь производил им смотры в Михайловском манеже, 7 и 22 февраля. Вместе с тем представлялись на смотр и перевозимые через Петербург рекруты последнего набора из Царства

Польского. Новобранцы эти имели вид добродушный и кроткий. Что более всего бросалось в глаза при виде этой молодежи, это малорослость и физическая неразвитость их.

При тогдашнем положении дел и беспрерывном передвижении войск, более всего озабочивало нас охранение железных дорог и телеграфных сообщений. Как уже было сказано, мятежники поставили себе первой целью — именно прервать сообщение между Варшавой и Петербургом — и в этом отношении они нашли себе усердных помощников в личностях, служащих на самих дорогах и телеграфах. Большинство этих лиц состояло из поляков, сочувствовавших мятежу и даже принявших в нем деятельное участие. С первых же дней мятежа было прервано движение повреждением пути на протяжении между станциями Лапы и Малкина, так что из Петербурга поезда отправлялись только до Вильны, и расписание срочного движения пассажирского и почтового было изменено так, чтобы далее Вильны, как к Белостоку, так и к Вержболову поезда были отправляемы по мере возможности только днем. Между Белостоком же и Варшавой сообщение было восстановлено с 19 января, но с пересадкой, так как исправление сожженных мостов потребовало довольно продолжительного времени. Впереди каждого поезда посылался особый паровоз, в виде авангарда. В лесистых местностях, через которые пролегает дорога, поезда не раз подвергались выстрелам мятежников. Необходимо было принимать меры к охранению станций и мостов, для чего потребовались соединенные усилия военного начальства с железнодорожным и местной администрацией. Для размещения войск в зимнее время, наскоро строились бараки и землянки; местные жители помогали войскам в вырубке леса там, где он примыкал вплоть к дороге. По представлению министра внутренних дел, Комитет Министров (в заседание которого приглашен был председательствовавший в совете Главного общества р<оссийских> ж<елезных> дорог генерал-адъютант граф Эдуард Трофимович Баранов) утвердил правила относительно обязательного содействия городских и сельских обществ охранению железных дорог и телеграфных линий. Правила эти были опубликованы в конце января в Западном крае и в Царстве Польском.

Все распоряжения, вызванные польским мятежом, делались по непосредственному указанию самого Государя. Для согласования действий разных ведомств, ежедневно, по утрам происходили совещания в кабинете Его Величества. Постоянно участвовали в них князь Долгоруков, Валуев и я; но кроме того приглашались другие министры и начальники, смотря по надобности. Почти всегда принимал участие граф Э.Т. Баранов, содействие которого было необходимо для принятия спешных мер по охра-

Э.Т. Баранов

нению железной дороги. Совещания эти всегда происходили по окончании моего обыкновенного доклада. Каждый раз заседание наше открывалось чтением полученных в течение дня известий из разных мест, а затем обсуждались возникавшие новые вопросы и вызываемые ими новые меры.

В памяти моей осталось в особенности одно из таких совещаний, когда положение дел представлялось в весьма мрачном виде; полученные с разных сторон известия были крайне неблагоприятны и тревожны, так что некоторые из участвовавших в совещании начали предлагать разные чрезвычайные, крайние меры. Государь однако ж выслушивал всех с полным спокойствием и отложил решение вопроса до следующего дня. Когда же все вышли из кабинета и я один остался с Государем для получения дополнительных приказаний собственно по военному ведомству, он сказал мне: «Вот видишь, как все они потеряли головы; не в первый раз мне приходится испытывать такие трудные обстоятельства и благодарю Бога, что он дает мне именно в таких случаях твердость и спокойствие. Чем более вижу окружающих меня в тревожном состоянии, тем я спокойнее и осторожнее в своих решениях». И действительно, мне потом представля-

лись не раз случаи убеждаться в справедливости этих слов. Но как согласовать эту черту характера с крайней впечатлительностью Государя? Могу только объяснить себе это видимое противоречие тем, что у него сильно развиты были, с одной стороны, осторожность и неуверенность в себе, с другой же — религиозная уверенность в особенном ему покровительстве Провидения. И в самом деле, многие обстоятельства и события в течение его царствования могли утверждать в нем подобное убеждение до последнего рокового дня его жизни[27].

Под видом наружного спокойствия и твердости, Государь был однако же сильно озабочен происшествиями в Польше и даже глубоко огорчен. Он увидел ясно, что шел до сих пор по ложному пути, делая уступку за уступкой, в надежде удовлетворить поляков и успокоить волнения в Царстве Польском. Уступки эти только ободряли и подстрекали вожаков движения и довели до открытого вооруженного восстания. План Велёпольского, на которого возлагалось столько надежд, оказался вполне несостоятельным; все здание, которое доверили ему возвести, вдруг обрушилось[28]. Настало время, когда уже нельзя было рассчитывать на успех мирной законодательной работы, а приходилось силою оружия подавлять открытый мятеж. Необходимо было прибегнуть к энергическим военным мерам, как ни прискорбно это было для мягкого сердца Государя.

Как в Северо-Западном крае, так и в Юго-Западном, главное начальство военное и гражданское было уже в одних руках: генерал-адъютантов Назимова и Анненкова. С наступлением тревожного времени, вызывавшего усиленные военные распоряжения, признано было необходимым облегчить обоим генерал-губернаторам исполнение лежавших на них двойственных обязанностей, назначением им помощников по военной части. 13 и 15 января последовали эти назначения, по собственному выбору их самих: в помощники генерал-адъютанту Назимову назначен генерал-адъютант Фролов, занимавший прежде должность генерал-квартирмейстера 1-й армии (до упразднения ее), а помощником генерал-адъютанта Анненкова — генерал-лейтенант Семякин, начальник 10-й пехотной дивизии. Генерал Фролов некогда считался способным офицером Генерального штаба, играл некоторую роль в Гвардейском штабе еще во времена Императора Николая и вместе с тем был адъюнкт-профессором тактики в бывшей Военной академии; он прикидывался чудаком и, к сожалению, имел несчастную страсть к карточной игре. Выбор его в помощники к командующему войсками Виленского округа был не совсем удачный. Что касается до генерала Семякина, то он был на счету дельных строевых генералов; затрудняюсь сказать что-нибудь более определительное об этой личности.

В Варшавском округе также признано было необходимым изменение в составе главного военного начальства. До того времени великий князь Константин Николаевич был облечен одним только званием наместника; военное же начальство было специально вверено командующему войсками округа генерал-адъютанту барону Рамзаю. Хотя последний и считался подчиненным великому князю, однако ж отношения, права и обязанности наместника по военному управлению не были определены никакими законоположениями. Чтобы устранить такое ненормальное положение, решено было Государем облечь великого князя званием главнокомандующего, со всеми присвоенными этому званию правами. Об этом новом назначении объявлено было в приказе 19 февраля, во вторую годовщину великого акта освобождения крестьян. Вместе с тем решено было дать Его Высочеству нового помощника по военной части, на место генерал-адъютанта барона Рамзая, который по своим преклонным летам и болезненному состоянию не соответствовал занимаемому посту при тогдашних трудных обстоятельствах. Тут особенно был важен удачный выбор лица, — и в этом выборе чуть не сделана была большая ошибка. По просьбе ли великого князя, или по собственной инициативе Государя, первоначально выбор остановился на генерал-адъютанте графе С.П. Сумарокове — человеке еще гораздо более ветхом и болезненном, чем барон Рамзай. Выбор этот произвел общее удивление: граф Сумароков был в хороших отношениях с великим князем Константином Николаевичем, а еще более с великой княгиней Александрой Иосифовной; но всем известны были его странные мании, в числе которых полонофильство одно уже было бы достаточно, чтобы сделать его кандидатуру совершенно невозможной*. К счастью, назначение графа Сумарокова не состоялось: получено было сведение, что он в то время лежал в тяжкой болезни, в Москве[29]. Тогда Государь обратил внимание на графа Берга, который со времени увольнения от должности финляндского генерал-губернатора оставался без особого назначения, в числе членов Государственного совета. Из всех имевшихся в виду кандидатов на должность помощника Его Высочества главнокомандующего в Царстве Польском, граф Берг, конечно, наиболее удовлетворял всем требованиям по известной опытности в делах военных и политических, по неутомимой деятельности и тонкому уму. Такой человек мог, в случае надобности, и заступать

* На записке, представленной мной Государю по этому предмету, Его Величеством сделана была такая надпись: «О Сумарокове мнения могут быть различны».

Великий князь Константин Николаевич

место великого князя по обоим званиям — главнокомандующего и наместника.

По получении согласия Его Высочества на предположенное назначение графа Берга, приказ об этом последовал 17 марта[30]. Тем же приказом уволен генерал-адъютант барон Рамзай, которому при этом пожалованы алмазные знаки к ордену св. Александра Невского.

ЗАГРАНИЧНАЯ ПОДДЕРЖКА ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА

Подавление вспыхнувшего в Царстве Польском вооруженного мятежа, как уже было замечено, чрезвычайно затруднялось тем, что он непрерывно получал сильную подмогу из-за границы. Можно сказать, что соседние области Пруссии и Австрии составляли в полном смысле стратегический базис для мятежных шаек: там они формировались, там заготовлены были склады оружия и военных запасов, оттуда они вторгались в Царство и там же находили убежище после понесенных от русских войск поражений. В Галицию и в Познанскую область стекались авантюристы всех наций — передовые застрельщики общеевропейской революционной организации.

Правительства австрийское и прусское, казалось, должны были одинаково быть озабочены таким положением дел на их окраинах: какое было ручательство в том, что польское движение ограничится пределами России, а не охватит, в случае успеха, и польские области Австрии и Пруссии, тем более, что вожаки мятежа откровенно и прямо заявляли во всех своих воззваниях и манифестах, что предпринятая борьба с русским правительством имеет целью восстановление Польши в старинных ее пределах 1772 года[31].

Но соседи наши, как уже сказано, взглянули на польские проделки не одинаково. Австрийское правительство смотрело на них сквозь пальцы, даже, может быть, с некоторым злорадством, надеясь оградить себя одними полицейскими мерами; напротив того, прусское считало для себя весьма желательными скорейшее подавление мятежа в Царстве и восстановление порядка и спокойствия в пограничных своих областях.

В этих видах и был отправлен в Петербург прусский генерал Альвенслебен, для соглашения с русским правительством о взаимном содействии пограничных властей обоих соседних государств*. Прибыв в Петербург, Альвенслебен немедленно был

---

* Посланником прусским в Петербург назначен был в то время граф Редерн (на место графа Гольца); но он еще не прибыл.

принят Государем и затем имел совещания с вице-канцлером и со мной. Переговоры были очень непродолжительны; пришли к соглашению без малейших затруднений, и 27 января (8 февраля нов. ст.) подписана вице-канцлером князем Горчаковым и генералом Альвенслебеном конвенция, которой постановлялось, чтобы военные начальства оказывали друг другу содействие для восстановления порядка и спокойствия, с предоставлением притом отрядам как русским, так и прусским переходить через государственную границу в тех случаях, когда это оказалось бы нужным для преследования мятежных шаек.

Конвенция эта, как кажется, никогда не была опубликована; а между тем один слух о заключении между Пруссией и Россией какого-то секретного договора поднял общую тревогу в Европе. Поэтому считаю нелишним здесь привести эту конвенцию inextenso*, в том виде, в каком она была подписана уполномоченными обеих сторон:

«Les Cours de Russie et de Prusse prenant en considération que les événements survenus dans le Royaume de Pologne portent de graves atteintes à la propriété publique et priveé et peuvent affecter les intérêts de l'ordre dans les provinces limitrophes Prussiennes, sont convenues:

que sur la réquisition du commandant de l'armée russe dans le Royaume de Pologne ou sur celle de m-r le général-d'infanterie de Werder, commandant en chef les 1-r, 2-me, 5 et 6-me Corps d'armée Prussiens, soit aussi à la demande des autorités limitrophes des deux pays, les chefs des détachements russes et prussiens seront autorisés à se prêter un mutuel concours, et en cas de besoin, à franchir la frontière, afin de poursuivre les rebelles qui passeraient d'un pays dans l'autre.

Des officiers speciaux seront convoyés de part et d'autre, tant aux quartiers généraux des deux armées, qu'auprès des chefs des Corps détachés, dans le but d'entretenir pratiquement cette entente. Ces officiers seront tenus au courant des dislocations militaires, afin de les communiquer à leurs Chefs respectifs.

Le présent arrangement restera en vigueur aussi longtemps que l'état des choses l'exigera et que les deux Cours le jugeront à propos»**

---

* полностью (*лат.*)

** «Русский и прусский дворы, принимая во внимание, что возникшие в Царстве Польском события чреваты тяжкими покушениями на общественную и частную собственность и могут затронуть интересы порядка в прусских приграничных владениях, пришли к выводу, что:

По официальному предписанию командующего русской армией в Царстве Польском или по предписанию г-на генерала-от-инфантерии Вердера, главнокомандующего 1-м, 2-м, 5 и 6-м корпусами прусской армии, а

Конвенция эта не получила полного применения на практике. Когда содержание ее еще никому не было известно, один слух о посольстве генерала Альвенслебена произвел уже общий переполох. И в печати, и в обществе, и в Палатах забили тревогу; возникло подозрение о каком-то тайном союзе; заговорили даже о восстановлении «Священного Союза», столь ненавистного для всей либеральной Европы[33]. Прусская палата ухватилась за Петербургскую конвенцию как за новое оружие в борьбе с Министерством.

Борьба эта, продолжавшаяся уже два года, возобновилась с бóльшею еще, чем прежде, раздражительностью с открытия 2/14 января 1863 года новой сессии ландтага. Главным поводом к пререканиям, так же как и в предшествовавшие два года, были предпринятые правительством прусским, помимо Палат, преобразования в организации армии*. Министерство продолжало настаивать на том, чтобы Палата утвердила сделанные уже изменения в основном военном законе 1814 года; с своей же стороны, ландтаг, признавая действия Министерства противными конституции, отказывал в испрашиваемых кредитах. Сессия 1863 года с первых же заседаний давала мало надежды на лучший оборот дела: при обсуждении ответного адреса Палаты на тронную речь, министр-президент Бисмарк, со свойственной ему резкостью, высказав прямо, что Министерство не отделяет себя от верховной власти короля, стал на такую почву, которую Палата признала совершенным отступлением от основных начал конституции, и в заседании 17/29 января приняла предложенный прогрессивной партией проект адреса, в смысле открыто враждебном Министерству. Король Вильгельм отказал в приеме депутации с таким адресом, и в письменном своем ответе 25 января / 6 февраля подтвердил вполне высказанные Бисмарком истолкования конституции, приняв исходным пунктом тот прин-

---

также по требованию пограничного начальства обеих сторон командиры русских и прусских частей будут уполномочены готовиться к взаимному содействию, и в случае надобности, перейти границу, чтобы преследовать мятежников, которые будут перебегать из одной страны в другую.

С той и с другой стороны будут направлены особые офицеры и, что касается главных частей обеих армий, состоя при командующих отдельными корпусами, они в практическом смысле договорятся об этом соглашении. Эти офицеры будут участвовать в ходе военных дислокаций, чтобы сообщать о них своим командующим.

Настоящее устройство прочно останется столь долго, сколь этого потребует положение вещей и сколь целесообразным посчитают оба двора» *(фр.)*.[32].

* Здесь автором предполагалась сноска: «Сущность этого преобразования заключалась в увеличении срока службы в резерве на 2 года с сохранением пребывания в ландвере на 3 года и более тесное слияние ландвера с армией» *(примеч. публ.)*.

цип, что министры суть только исполнители верховной власти монарха и что постановления представителей народа получают не иначе законную силу, как по утверждении королем согласно решения обеих Палат*.

Такое истолкование конституции, установлявшее полную солидарность верховной власти короля с Министерством, конечно, не могло расположить Палату к примирительному настроению. Напротив того, отношения Палаты к Министерству еще более обострились. Прения, начавшиеся опять по поводу внесенного в Палату военного закона, приняли более чем когда-либо характер взаимного раздражения и вскоре потом дошли до открытого разрыва.

При таком-то настроении Палаты поднят был в заседании 4/16 февраля вопрос о событиях в Царстве Польском. Бисмарк высказал, что мятеж, имеющий целью восстановление независимой Польши в пределах 1772 года, угрожает не одной только России, а потому прусское правительство признает необходимым со своей стороны принять решительные меры для водворения спокойствия и порядка в сопредельных с Царством Польским областях Пруссии. Объяснение это не удовлетворило оппозицию. В следующем заседании, 6/18 февраля, депутаты Шульце-Дёлич и Карлович внесли предложение, чтобы прусское правительство отнюдь не помогало ни русскому правительству, ни инсургентам и не дозволяло русским войскам переступать границу ни под каким предлогом. По этому поводу затронута была вся политика России в самом враждебном нам смысле. Бисмарк, отклонив решительно прения на такой почве, снова напомнил Палате, что для Пруссии едва ли желательно, чтобы настоящее польское восстание осуществило свои заветные мечты о восстановлении Речи Посполитой в прежних ее границах до Данцига включительно. Оппозиция нападала на чрезвычайные военные меры, которые в то время принимались в восточных областях Пруссии, опасаясь, чтобы Министерство не втянуло Пруссию в какие-либо военные предприятия, в которых нашло бы оправдание своего образа действий в делах усиления прусской военной организации.

Польский вопрос был поднят в то же время и в Париже, и в Лондоне, с первых же заседаний как французских Палат, так и английского Парламента**. Во французском Законодательном

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Король Вильгельм сложил на нижнюю Палату вину всех происшедших недоразумений и пререканий» *(примеч. публ.)*.

** Сессия французских Палат открыта была 31 декабря 1862 г. / 12 января 1863 г.; открытие же английского Парламента последовало 24 января / 5 февраля.

собрании обсуждалось предложение о том, чтобы Франция приняла на себя посредничество между русским правительством и польским революционным комитетом. Министерство отклонило это нелепое предложение; но в то же время посланнику прусскому в Париже графу Гольцу поручено было министром иностранных дел Друэнь-де-Люисом предостеречь Берлинский Двор от опасных последствий, которые может повлечь за собой заключение союзного договора между Пруссией и Россией по делу польскому. Также и в английском Парламенте, в заседании 8/20 февраля, на запрос о подписанном в Петербурге прусско-русском договоре, лорд Пальмерстон на первый раз дал успокоительные объяснения, хотя в то же время послу английскому в Берлине Буханану поручалось объясниться с прусским министром по поводу конвенции 27 января.

Таким образом, конвенция эта, в сущности столь невинная, произвела такую общую тревогу, что прусское правительство поколебалось, и 10/22 февраля наш посланник в Берлине Убри телеграммой уведомил князя Горчакова, что Берлинский кабинет затрудняется утвердить ту часть конвенции, которой разрешается отрядам обоих государств переходить, в случаях надобности, через границу. Хотя Бисмарк в одном из заседаний Палаты и отрицал полученные им по поводу конвенции дипломатические заявления Лондонского и Парижского кабинетов, однако ж посланник наш Убри в своей депеше от 10/22 февраля положительно приписывает уклонение прусского правительства от утверждения конвенции именно донесению графа Гольца из Парижа.

Когда телеграмма нашего посланника была представлена Государю, Его Величество возвратил ее князю Горчакову с такой отметкой: «Je n'y insiste pas, puisque c'est la Prusse elle-même qui se rétracte; mais j'avoue que je le regrette sous plus d'un rapport»*. Бисмарк, в совещании по этому предмету с Убри, заявил, что подписанной генералом Альвенслебеном конвенции будет придано значение простого соглашения по военно-полицейскому надзору на границе; вместе с тем отказался от предполагавшегося занятия прусскими войсками некоторых пунктов нашего таможенного кордона[34]. Что же касается предположенного в конвенции обоюдного назначения комиссаров: прусского — в Варшаве и русского — при главной квартире генерала Вердера, то оно все-таки было приведено в исполнение. В Варшаву командирован был прусский полковник Тресков, который и состоял при лице главнокомандующего до самого конца года. Он успел

* «Я на этом не настаиваю, поскольку отказывается сама Пруссия; но я признаю, что я сожалею об этом, и не только в этом отношении» *(фр.)*.

приобрести полное доверие и сочувствие как со стороны начальников, так и офицеров наших и уехал из Варшавы только в январе 1864 года.

Прения по польскому вопросу продолжались в прусской Палате в заседаниях 14/26, 15/27 и 16/28 февраля с усиливавшимся с обеих сторон ожесточением и в смысле резко враждебном России. Министр-президент, возражая с горячностью против предложений оппозиции, прямо укорял своих противников в союзе с анархией и мятежом и наконец объявил, что правительство заявит тогда стране, что Палата приняла сторону польского восстания. Бурные эти прения закончились тем, что Палата весьма сильным большинством приняла резолюцию, измененную по предложению депутата Бокум-Дольфус, в такой редакции: «Выгоды Пруссии требуют, чтобы королевское правительство, в виду вспыхнувшего в Польше возмущения, не пособляло и не благоприятствовало ни одной из враждующих сторон, и не позволяло вооруженным людям вступать на прусскую территорию иначе, как сложив немедленно оружие».

Замечательно, что во все продолжение горячих прений в прусской Палате по поводу Петербургской конвенции, Бисмарк воздержался от всяких объяснений действительного ее содержания и значения.

Между тем и в английском Парламенте по временам возобновлялись суждения по польским делам, вследствие тенденциозных запросов того или другого из членов, принявших на себя специальную роль защитников и покровителей поляков. Некоторые из этих горячих адвокатов Польши, в своих яростных филиппиках против России, позволяли себе всякие клеветы и оскорбительные нападки, нередко выходившие за пределы парламентского приличия. Один из них внес в Нижнюю Палату предложение подать королеве адрес в том смысле, чтобы Англия вступилась за Польшу. Предложение это было отклонено, так как в сущности никому в Англии не желательна была война; но тем не менее в обеих Палатах, так же как и в общественном мнении, высказывалась глубокая враждебность к России. В разных местностях Великобритании собирались многочисленные митинги для заявления сочувствия к Польше и для осуждения России.

Заявления эти не могли не повлиять и на образ действий английского Министерства. Послу великобританскому в Петербурге лорду Нэпиру поручено было лично предъявить князю Горчакову депешу министра иностранных дел графа Росселя от 18 февраля / 2 марта[35], в которой излагался взгляд Лондонского кабинета на возникшее в Польше восстание, на причины его и средства успокоения. Поручение это было исполнено лордом

Нэпиром 25 февраля / 9 марта. Наш вице-канцлер, в присутствии английского посла, прочитав депешу, тут же устно разобрал все ее содержание и по каждому пункту высказал свое мнение. Опровергнув предположение, будто бы мятеж польский вызван был рекрутским набором, князь Горчаков указал своему собеседнику истинное значение польского восстания, подготовленного издавна в иностранных столицах, в том числе и в самом Лондоне, и связанного с общеевропейским революционным движением; объяснил, что в мятеже принимают участие лишь некоторые верхние слои населения, между тем как масса народа нимало ему не сочувствует и даже тяготится им; что истинная цель, к которой стремятся вожаки восстания, прямо ими высказываемая — восстановление независимой Польши в пределах 1772 года — не может, конечно, входить в политические виды Лондонского кабинета; а что касается трактатов 1815 года, на которые опирался граф Россель в своей депеше, то князь Горчаков, обратившись к самому тексту этих договоров, опроверг мнимое право вмешательства иностранных держав в вопрос о внутреннем устройстве Царства Польского и напомнил о бывшей уже по этому предмету дипломатической переписке в 1831 году, вслед за первым польским восстанием. Вице-канцлер перечислил все, что было сделано императором Александром II для благоустройства Царства Польского и развития его автономного управления; когда же лорд Нэпир коснулся представительного образа правления и заметил, что самодержавие русского Императора не распространяется на Царство Польское, тогда князь Горчаков ответил ему, что практические люди, стоящие во главе английского правительства, конечно, не будут утверждать, что единственная для всех стран форма правления должна быть копией с английской конституции, и в заключение высказал, что только в уважение дружественного тона сделанного английским министром заявления, избегает напоминания о правах завоевателя, бесспорно принадлежащих российскому Императору после подавления силой оружия мятежа 1831 года.

Все это объяснение между вице-канцлером и английским послом, так же как и самая депеша графа Росселя, не представляли еще ничего резкого, ничего враждебного. Лорд Нэпир даже высказал такую любезность, что прежде отправления своего донесения графу Росселю, заключавшего в себе полный отчет о разговоре 25 февраля, предварительно прочел его князю Горчакову и получил от него удостоверение в верности передаваемых слов вице-канцлера.

Тем не менее это был первый шаг дипломатического вмешательства в польское дело, выказавший уже точку зрения Лон-

донского кабинета и ту почву, на которой могли развиться дальнейшие международные пререкания.

Агитация в пользу польского восстания поднялась не в одной только Англии; гораздо еще сильнее велась она во Франции, где было настоящее гнездо польского заговора. Главным орудием этой агитации была французская печать, большей частью подкупленная польскими вожаками. В парижских газетах появлялись самые задорные статьи против России; некоторые из редакций даже открыли у себя подписку в пользу поляков, сначала под видом филантропической помощи, а потом уже открыто с политической целью поддержания восстания, так что само правительство французское нашло нужным, хотя бы только из приличия, объявить воспрещение подобных демонстраций. Газеты французские (так же как и лондонские) распространяли появившиеся в польских газетах, краковских и познанских, ложные известия, нелепые выдумки и яростные ругательства против России. В этих органах польской революции* изображались действия мятежников и мнимые успехи их шаек в совершенно извращенном виде, с той целью, чтобы бросать пыль в глаза Европы и возбуждать в ней участие к польскому делу. Вся эта ложь и все хвастовство польских газет переходили в газеты французские и английские. Так, с первого же времени мятежа газеты начали распространять клеветы на русские войска, будто бы совершавшие разные жестокости над повстанцами и даже над мирными обывателями; вся эта ложь воспринималась западной печатью; когда же в русских газетах появлялись категорические опровержения польских выдумок и наоборот, самые положительные сведения о совершаемых повстанцами бесчинствах, зверствах, насилиях — никто не хотел верить, большинство газет отказывалось перепечатывать.

В Палатах французских польский вопрос был с особенным задором поднят в заседаниях 5/17, 6/18 и 7/19 марта. Некоторые горячие защитники поляков и польского движения доходили до исступления в своих яростных нападках на Россию, — и в числе их первое место принадлежало принцу Наполеону — двоюродному брату императора французов. В этих шумных прениях проявлялось полное незнание дела, господство громкой фразы над здравым смыслом, слепые предубеждения и ложные точки зрения. Нашлись однако же и некоторые, хотя немногие, ораторы, поставившие себе целью образумить слишком усердных ревнителей польского восстания и свести прения на практическую почву здравой политики. В числе их выступил министр без

---

* Главным органом партии «белых» был краковский «Час» («Czas»), органом же «красных» — «Газета народная» («Gazeta narodowa»).

портфеля Бильо, который в замечательной своей речи выразился с полным уважением о личности императора Александра II и, напомнив о предпринятых им либеральных реформах, о заявленных им во многих случаях дружественных отношениях к Франции и недавнем еще обмене между ним и императором Наполеоном изъявлений взаимной дружбы, заключил, что «мирная и либеральная политика российского императора, оцененная по достоинству державами, обезоружила прежнее недоверие Европы». Бильо выразил сожаление, что «излишние увлечения со стороны друзей Польши, более вредят, чем помогают польскому делу». Миролюбивая эта речь была гласно одобрена императором Наполеоном в форме письма на имя министра Бильо, опубликованного в Монитёре[36] как бы с той целью, чтобы загладить впечатление, которое могли произвести на Петербургский кабинет безрассудные и неприличные выходки принца Наполеона и некоторых других фанатиков, проповедовавших войну для восстановления независимой Польши.

Несмотря на выраженное Наполеоном одобрение речи Бильо и на то, что Сенат отверг огромным большинством (109 голосов против 17) предложение о немедленном вмешательстве Франции в польские дела, все-таки прения во французских Палатах не прошли без вредного влияния на ход польского мятежа. Вместе с предшествовавшими прениями в английском парламенте и в прусском ландтаге, они послужили новым ободрением и подстрекательством для горячих польских патриотов; все это* вскружило им голову; они уже не сомневались в близком осуществлении европейской коалиции против России, под главенством Наполеона III.

В начале марта, наш посол в Париже барон Будберг доносил Министерству иностранных дел, что император Наполеон, при личном объяснении с ним, дал ему понять, что общественное мнение во Франции до того возбуждено против России, что может вынудить правительство вмешаться в польское дело, если сам император Российский не поможет ему каким-либо с своей стороны действием в пользу Польши, успокоить общественное настроение.

РАЗВИТИЕ ПОЛЬСКОГО МЯТЕЖА. ФЕВРАЛЬ — МАРТ

Вооруженный мятеж в Царстве Польском, несмотря на неудачи и поражения, испытанные шайками в течение первого месяца появления их, не только не унимался, но напротив того, заметно усилился в феврале и принял более широкие размеры.

---

* Вместо последних слов в автографе зачеркнуто: «вся искусственно произведенная агитация в пользу польского восстания во Франции, Англии, Италии и других странах» *(примеч. публ.)*.

Александр Велёпольский

Главное варшавское начальство чувствовало себя бессильным в борьбе с повсеместным врагом, руководимым неведомой, тайной властью, которая продолжала гнездиться в самой Варшаве, рядом с русской законной властью. Гражданская администрация в крае, можно сказать, прекратила вовсе свое действие. Начальник Главного управления маркиз Велёпольский (который чуть не был отравлен со всей своей семьей), потеряв под собой почву, совершенно опустил руки. Некоторые из членов Государственного Совета Царства, природные поляки, вышли в отставку[37]. Военное начальство в Варшаве сосредоточилось в лице генерал-адъютанта барона Корфа 3-го (Павла Ивановича) — простого строевого генерала, не знавшего и не понимавшего ничего другого, кроме воинского устава. Полиция городская, которой заведовал подполковник Муханов*, состояла исключительно из

* Далее в автографе зачеркнуто: «а потом генерал-майор Левшин» *(примеч. публ.)*.

поляков и потому была почти заодно с мятежниками. Наконец, граф Сигизмунд Велёпольский, подобно своему отцу, был только номинально президентом города.

Безобразия почти ежедневно совершались в самой Варшаве, под глазами высших властей, несмотря на разные меры, принимаемые начальством полицейским и военным. 4/16 февраля, объявлением от имени генерал-адъютанта барона Корфа, подтверждались к точному исполнению правила военного положения, как-то: запрещение жителям выходить из домов позже 10 часов вечера, а с 7 часов до 10 — без фонаря; приказание, чтобы в случае тревоги, все мирные обыватели уходили в свои жилища, дабы не подвергнуться действию войск; назначался срок для предъявления имеющегося у кого-либо оружия и т.д. В том же объявлении заключалась странная угроза, возбудившая в городе не столько страх, сколько насмешки: что в случае уличных беспорядков, те дома, которые окажутся занятыми мятежниками или откуда будут стрелять по войскам — будут разрушены артиллерией!

Несколько позже (22 февраля / 6 марта) от Главного управления Царства объявлено было распоряжение об утверждении повсеместно сельских караулов, которые имели бы надзор за всеми пребывающими в селении или проезжающими лицами, задерживали вооруженных мятежников и бродяг и приводили их к ближайшему военному начальству. По военному же ведомству указывалось начальникам отделов, чтобы войска были распределены по возможности в большем числе пунктов занимаемого района, дабы охранять мирное население от злодейских покушений мятежников. Начальникам отрядов, больших и малых, предписывалось чаще обходить окрестную местность, обыскивать леса и препятствовать сбору шаек.

Войска наши в Царстве Польском несли с полным самоотвержением возложенную на них тяжелую службу. Несмотря на раздробление их на мелкие части в суровое зимнее время, отрядам нашим удавалось почти при всех встречах с мятежниками, иногда весьма многочисленными, наносить им поражения и большие потери. Но все эти частные успехи не приводили ни к каким существенным результатам: разбитые шайки рассыпались по лесам и несколько времени спустя собирались снова в каком-либо другом месте, еще в большем, чем прежде, числе. Если по временам и ослабевали внутренние средства и силы мятежа, то являлась ему подмога извне: заграничные шайки, собираясь беспрепятственно на самой границе нашей, вторгались в Царство Польское и после встречи с нашими отрядами, потерпев более или менее чувствительные потери, уходили назад за

границу, чтобы возобновить попытку на каком-нибудь другом пункте.

В течение февраля и в начале марта важнейшие действия войск против мятежных шаек происходили на левой стороне Вислы, то есть в военных отделах Калишском и Радомском. Варшавский революционный комитет с крайним нетерпением ожидал прибытия из Парижа своего пресловутого героя — Мерославского, которому, как уже сказано, было послано настоятельное приглашение принять звание диктатора*. Партия «красных», захватившая в то время власть, возлагала на Мерославского все свои надежды, полагая, что ему стоило только появиться на театре военных действий и принять начальство над шайками, чтобы дать мятежу решительный оборот и выгнать русских из Польши.

О личности Мерославского уже было высказано мной довольно, чтобы судить, в какой мере были основательны возлагаемые на него надежды**. Не только не проявил он ничем ни военных дарований, ни боевого мужества, ни способностей административных и организаторских; но напротив того, во всех его действиях и похождениях до сих пор выказывались только подозрительная легкомысленность и крайняя самонадеянность, всегда приводившие к полнейшему fiasko.

Приняв предложенный Варшавским революционным комитетом титул диктатора, «генерал» Мерославский проехал через всю Германию с французским паспортом, в качестве commis-voyageur, останавливался в Берлине для совещаний с некоторыми из своих приверженцев, и наконец 4/16 февраля прибыл в пограничный прусский городок Познанской области Иновраццлав. Здесь уже ожидали его сподвижники, составившие штаб и свиту диктатора и главнокомандующего. В числе их были не одни поляки, но и всякие другие авантюристы: французские, итальянские, венгерские. Ближайший католический монастырь предложил ему свои услуги. 5/17 февраля диктатор со свитой своей переступает границу Царства у Добржина, недалеко от городка Радзиево (к северу), и здесь встречен одной из шаек, составленной из познанских поляков, под покровительством тамошнего молодого помещика Меленского, ставшего во главе шайки на том лишь основании, что он прослужил некоторое время в одном из прусских гусарских полков. Рассказывали, что Мерославский, увидев перед собой эту небольшую кучку по-

* Нетерпение Комитета было так сильно, что после отправления в Париж 8/20 января первого посла — Владимира Яновского, через 5 дней, 13/25-го числа, отправлено было второе посольство (Данилевский и Еско), чтобы ускорить приезд диктатора[38].

** О Мерославском см.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1860—1862. М., 1999. С. 50—53, 71, 74, 109, 329, 403.

встанцев, спросил: «где же армия? где же штаб?» — и когда ему было объявлено, что ничего подобного не существует, он пришел в страшную ярость, кричал, что его обманули, что вызвали слишком рано, грозил уехать обратно. Меленский, принадлежавший к помещичьей партии, дерзко ответил Мерославскому, что никто о нем не пожалеет. Однако ж другие из окружавших диктатора постарались успокоить его и убедили остаться. Он расположился на ближайшей помещичьей мызе у деревни Добре (верстах в 6 к северу от Радзиево), где занялся организацией шайки и устройством штаба. Он намеревался основать здесь опорный пункт, откуда предпринимать наступательные действия в разных направлениях. Привлеченные громким именем Мерославского, толпы повстанцев стекались уже к нему из окрестных местностей; шайка возрастала и начала было принимать несколько регулярный вид.

Но слабый этот зародыш обетованной армии польской не успел развернуться, как был вдруг атакован 7/19 февраля у Кживосондза, отрядом полковника Шильдер-Шульднера, из Влоцлавска. После 4 часов боя шайка, потеряв более 80 убитых, разбежалась по лесам*. Мерославский в самом начале боя ускакал со своим штабом, оставив свое имущество и переписку на мызе Добре, где она и была захвачена.

При этой стычке замечено было в шайке некоторое устройство и обучение: высылались цепи застрельщиков, производились атаки колоннами, строились кучки против кавалерии и т.д., но вооружение было плохое.

Мерославский после боя провел ночь (с 7-го на 8-е число) в Плавице — имении сестры его, а 8-го числа прибыл к другой шайке, перешедшей границу у Слупцы и следовавшей на соединение с первой. Но полковник Шильдер-Шульднер, преследуя остатки разбитой им шайки вдоль границы, настиг 8 февраля и шайку у Слупцы и также разбил ее. На месте боя осталось более 100 убитых. Мерославский и здесь не дождался конца боя: при первых выстрелах он ускакал за границу и через несколько дней появился в Кракове, разочарованный, раздраженный. Заграничные газеты польские распустили вздорные известия, будто русские войска обязаны были своей победой над Мерославским тому только, что прошли будто бы через прусскую территорию, нарушая ее нейтралитет.

Неудачный дебют Мерославского на боевом поприще весьма обрадовал партию «белых» и облегчил успех задуманной ею интриги, с целью устранить враждебную ей личность и поставить во главе мятежа человека, более ей сочувственного. Выбор пал

* В числе убитых был и Влад<имир> Яновский, тот самый, который был послан в Париж за Мерославским.

Ю.И. Шильдер-Шульднер

на Лангевича — имя которого уже было мной упомянуто. Мариан Лангевич — еще молодой человек, был уроженец Познанской области, отбыл воинскую повинность в прусской артиллерии и, уволенный в ландвер[39] с офицерским чином, отправился в Париж и принял участие в легендарной экспедиции Гарибальди в Неаполь[40], потом был преподавателем артиллерии в польской военной школе в Кунео[41], а лишь только вспыхнул мятеж в Царстве Польском, явился в Краков и предложил свои услуги руководителям восстания. Собрав шайку из молодежи, дав ей некоторое внешнее благоустройство и однообразное обмундирование, Лангевич перешел с ней границу и некоторое время бродил в южной части Радомской губернии. Хотя он и потерпел поражение 31 января у Слупя-Нова, как уже было мною упомянуто, и шайка его разбрелась, однако ж польские газеты прокричали о мнимых победах Лангевича, присвоили ему титул генерала и создали из него полководца, предназначенного стать соперником Мерославского.

Лангевич, как свидетельствовали знавшие его, был человек симпатичный, соединявший с личной отвагой и предприимчивостью умеренность в политических воззрениях. Неотлучной его спутницей была юная девица Пустовойтова, сопровождавшая его в качестве адъютанта. Она была дочь русского штаб-офицера и матери-польки, от которой и унаследовала фанатизм польского патриотизма и склонность к приключениям[42].

Партия «белых», чтобы осуществить свой замысел, должна была прибегнуть к обману: Лангевичу предложено было звание диктатора через некоего графа Грабовского, как бы от имени Варшавского революционного комитета, к немалому удивлению этого последнего. Лангевич вдался в обман и, приняв предложенное ему звание, начал было распоряжаться назначениями на разные должности революционной организации. Стоявший тогда во главе тайного Варшавского правления Бобровский скоро разгадал, откуда шла интрига, увидев, что все исходившие от Лангевича назначения выпадали исключительно на знатные имена польской аристократии. Избегая открытого междоусобия и скандала*, Бобровский поспешил отправиться к Лангевичу и объявил ему, что Варшавский революционный комитет согласится признать его диктатуру в том лишь случае, если он удалит от себя всех окружавших его князей, графов и богатых помещиков, бесчестно обманувших его. Затем Бобровский прибыл в Краков, где было главное гнездо интриг, и тут произошла между ним и графом Грабовским горячая схватка, имевшая последствием дуэль между ними**. Была попытка отравить Лангевича, который не мог уже выпутаться из охватившей его аристократической интриги.

Варшавский революционный комитет должен был действовать осторожно в отношении Лангевича, чтобы не довести дело до открытого разрыва с партией «белых», от которой мятеж получал и денежные средства и дипломатическую поддержку***. К тому же после военных неудач Мерославского, у партии «красных» не было в виду другой личности, которая могла бы соперничать с Лангевичем. Оставалась возможность надежды на его военные способности и предприимчивость.

---

* Здесь в автографе зачеркнуто: «и под впечатлением неудач Мерославского» *(примеч. публ.)*.

** Первоначально ссора эта была улажена, и дуэль была устранена; но несколько времени спустя она все-таки состоялась, и Бобровский был убит, а Грабовский уехал в Париж.

*** Далее в автографе зачеркнуто: «Все нити дипломатических отношений держав к польскому делу находились в руках князя Чарторийского и его клевретов» *(примеч. публ.)*.

Мариан Лангевич

Лангевич, не потеряв бодрости после понесенной первой неудачи, собрал вновь шайку и, присоединив к себе другие шайки: Куровского и Езеранского (выгнанного из Опочни), расположил свои силы у Малагоща (к западу от Келец и к северо-востоку от Андреева или Ендржеева). Всего, как полагали, собралось тут до 8 тысяч повстанцев. Против этого скопища направлены были генералом Ушаковым три колонны: полковника Ченгеры — из Келец, полковника Добровольского — из Хмельника и майора Голубева — из Андреева. Атакованный 12 февраля этими колоннами, несмотря на сильную позицию и превосходство свое в числе, Лангевич потерпел полное поражение, потерял много убитых, до 200 человек попавших в плен, весь обоз и поспешно отступил частью к Олькушу (к юго-западу), частью к Влощове (к северо-западу). В оставленном обозе найдены 2 чугунных орудия. После боя окрестные крестьяне приводили в отряд много схваченных ими в лесах повстанцев.

Для преследования бежавших остатков шаек, наши колонны опять разошлись в разных направлениях: полковник Ченгеры двинулся к северо-западу и настиг мятежников у деревни Евины, под самой Влощовой; полковник же Добровольский и майор Голубев преследовали самого Лангевича к юго-западу, и в то же время генерал-майор Свиты князь Шаховской, находившийся с отрядом у Ченстохова, двинулся поспешно через Кромолов и Пилицу на Жарновец, наперерез пути отступления Лангевича. Туда же были направлены колонны из Мехова (майора Медема) и Андреева (майора Штольценвальде). Однако ж Лангевич успел проскользнуть между всеми этими колоннами и занял новую сильную позицию у Пясковой Скалы в Олькушском уезде близ австрийской границы.

Войска Ченстоховского отряда, обыскивая леса вдоль железной дороги, наткнулись на две шайки и рассеяли их: одну 14-го числа, близ самого Ченстохова, другую — 16-го, у Мржиглода. 20 февраля войска эти атаковали Лангевича у Пясковой Скалы и нанесли ему опять большую потерю: одних убитых осталось на поле сражения до 200. Шайка бежала частью к Кракову, частью вдоль границы — к востоку.

После этого нового поражения некоторое время не было вовсе слышно о Лангевиче. В продолжение двух недель не случалось ни одной стычки с мятежниками во всем Радомском отделе. Во время этого-то затишья, как впоследствии оказалось, Лангевич занимался организацией гражданского управления: «декретами» 26 и 28 февраля (по нов. ст. 10 и 12 марта, помеченными в Гоще и Сосновке) объявлено было упразднение всех прежних должностей гражданских и военных и учреждение новых, с оставлением однако же в строгой тайне имен назначенных на эти последние должности личностей. Но Лангевич напрасно поторопился войти серьезно в роль диктатора. Несколько дней позже, 4/16 марта, Варшавский революционный комитет уже объявил, что самое звание диктатора упраздняется и что впредь никому уже не будет вверяться единоличная власть; делами восстания будет непосредственно руководить революционный комитет. Бобровский принял звание «чрезвычайного комиссара», а Лангевичу предоставлялось только главное военное начальство. В опубликованном в то же время в газетах письме от имени революционного комитета, ставилось Лангевичу в вину, что он поддался обману аристократов и окружил себя людьми ненадежными, которые были причиной раздоров с Мерославским.

Со своей стороны, Мерославский также опубликовал 26 февраля / 10 марта резкий протест против Лангевича, которого обвинял в том, что он самовольно присвоил себе звание диктато-

Лагерь Лангевича в Гоще

Арест Лангевича австрийцами

ра, тогда как это звание было возложено на Мерославского формальным актом временного народного правительства 13/25 января. Мерославский негодовал и на временное народное правительство, которое несколько раз убеждало его не оставаться в бездействии в Кракове, а лично явиться на театр военных действий, так как весь авторитет его основан был на предполагавшихся в нем военных дарованиях. Наконец ему было объявлено, что в случае, если он до определенного срока будет уклоняться от личного участия в военных действиях, то затем все прежние предоставленные ему полномочия и звания будут признаны отмененными. Только после этого срока временное правительство и решило вовсе упразднить диктаторство.

Таким образом Мерославский, отказавшись сам от непосредственного начальствования на театре войны, уронил себя окончательно во мнении своей партии и 14/26 марта уехал в Париж, свалив вину всех неудач на интриги и вероломство.

Лангевич выказал более мужества и преданности своему делу. Несмотря на испытанные уже два раза неудачи, он в третий раз попробовал счастья и вновь собрал значительное число повстанцев в Пинчовском и Стопницком уездах*. Сборище это было атаковано 6 марта в окрестностях Буска, с двух сторон, небольшими отрядами князя Шаховского и Ченгеры. Войска наши, действуя, можно сказать, ощупью в лесистой местности, встретили на этот раз упорное сопротивление; бой продолжался до наступления темноты; но в ночь Лангевич ушел по направле-

---

* В автографе зачеркнуто: «Генерал-майор Свиты князь Шаховской, получив сведения, будто Лангевич с главной шайкой находится у Ксендз-Вельки (к северо-востоку от Мехова), предложил полковнику Ченгеры атаковать его одновременно с двух сторон: от Ченстохова и Келец. 3 марта Ченгеры выступал из Келец с 4 ротами, 2 эскадронами, с 4 орудиями к Мехову; но, узнав по пути, что Лангевич находится к югу от Пинчова, повернул туда и дал знать об этом князю Шаховскому. Высланный последним к Ксендзу-Вельки отряд из 4 рот и $^1/_2$ эскадрона драгун, также пошел к Пинчову. Несмотря на тяжелые переходы, в ненастную погоду, отряды наши подошли 5-го числа под вечер к расположению мятежников. Полковник Ченгеры, дав войскам короткий отдых, намеревался ночью же продолжать движение, чтобы окружить противника. Однако ж Лангевич, не ожидая нападения, перешел к Буску и расположился в лесах к северу от него. 6 марта произошло упорное сражение: войска наши, не зная наверное расположения мятежников, действовали, можно сказать, ощупью. Были моменты ожесточенного боя с обеих сторон. Только ночь прекратила бой. Ченгеры намеревался возобновить его на следующее утро, имея уже под рукой (с прибывшей из Стопниц колонной) всего 13 рот, $3^1/_2$ эскадрона, до 150 казаков и 6 орудий. Но в ночь Лангевич, хотя и окруженный со всех сторон, успел проскользнуть и ушел по направлению на Вислицу, где сжег за собой мост, и к Опатовцу на австрийской границе, а большая часть поспешно уходила вдоль левого берега Вислы по направлению к Кракову, преследуемая по пятам драгунами» *(примеч. публ.)*.

Анна Пустовойтова

нию к австрийской границе, преследуемый по пятам драгунами. Войска наши забрали при этом много оружия, пленных, обозы. Остатки шайки ушли на краковскую территорию и [были] обезоружены австрийскими властями. Сам Лангевич, с небольшим только числом сообщников, переправился 7 марта через Вислу у местечка Усцье, где и был арестован австрийским постом, вместе с девицей Пустовойтовой и отвезен в город Тарнов, а потом в Краковскую цитадель*[43].

---

* В первое время польские газеты скрывали поражение Лангевича, уверяя, будто он уехал из Польши только вследствие раздоров и строптивости некоторых из его сподвижников.

Полковник Ченгеры, дав войскам 10-го числа отдых, возвратился 13 марта в Кельцы; часть войск оставил в распоряжении князя Шаховского, для восстановления пограничного кордона в Меховском уезде. В продолжение 10-дневного похода, при беспрерывных движениях, в самую неблагоприятную погоду, даже иногда без остановки на ночь, — в отряде не было отсталых. Крестьяне на всем пути оказывали русским войскам радушный прием и возможное содействие.

Государь, прочитав донесение об этих действиях, положил резолюцию: «Полковник Ченгеры действовал молодцом, и потому произвести его в генерал-майоры. Всем штаб и обер-офицерам его отряда — благоволение в приказе, а нижним чинам — по 1 рублю на человека».

Лангевич, по прошествии некоторого времени, был перемещен из Краковской цитадели на жительство в Моравский городок Тишновиц (близ Брюна), где он жил на свободе, дав честное слово не отлучаться оттуда без дозволения австрийских властей; девица же Пустовойтова получила разрешение проживать в Праге, несмотря на данное слово, Лангевич покушался бежать из Тишновиц и потому в апреле был заключен в крепость Йозефштадт. Оттуда он обращался несколько раз с прошениями к австрийскому правительству о дозволении ему уехать в Швейцарию: даже подавал прошение в венский Рейхсрат; но на все эти прошения последовали отказы, несмотря на то, что в Вене было не мало горячих и влиятельных ходатаев за поляков.

Таким образом появление на театре военных действий двух главных военачальников, выставленных обеими партиями с громким титулом «диктаторов», принесло мало пользы мятежу и только обнародовало нагляднее существовавшие раздоры между руководителями восстания. Пока происходили описанные действия Мерославского и Лангевича в течение февраля и в первую половину марта, продолжались на всем пространстве Царства Польского беспрерывные стычки наших отрядов с отдельными шайками, появлявшимися то тут, то там, под начальством разных «довудцев», действовавших независимо один от другого, а иногда соединявшихся временно, для совместных предприятий.

На западной границе Царства со стороны Познанской области не прекращались вторжения формировавшихся там шаек. Дворянство познанское, довольное удалением Мерославского, задумало продолжать действия по собственному своему плану и выбрало в предводители шаек некоего графа Понинского — уроженца Силезии, бывшего некогда офицером в австрийских войсках, перешедшего потом, в 1848 году, к Кошуту[44] и наконец служившего в итальянской армии. План действий состоял в том, чтобы из Познанской области направить несколько шаек в Цар-

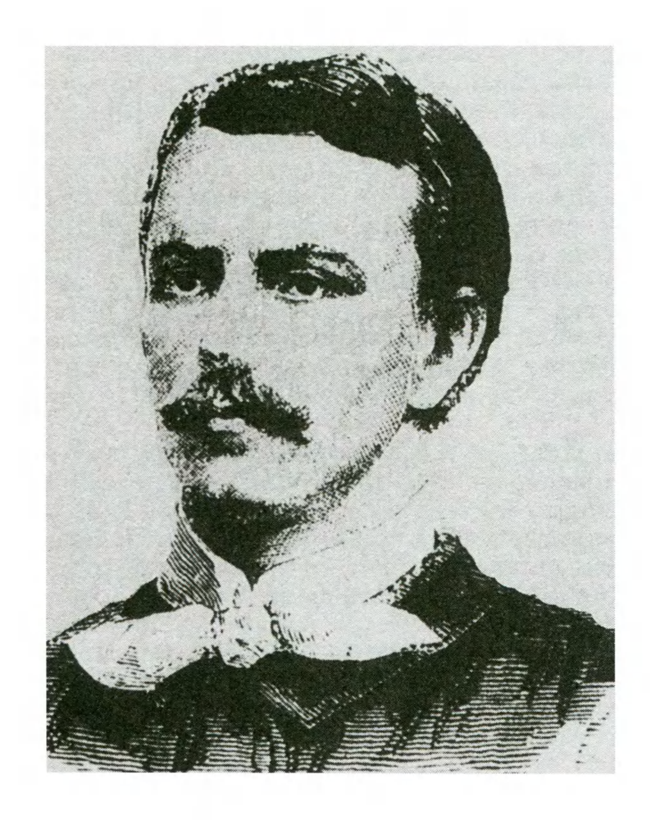
ство Польское на соединение с собравшимися там шайками; надеялись сосредоточить таким образом до 10 тысяч человек, с которыми предполагали атаковать Конин и затем отрезать от Варшавы русские отряды, находившиеся в Коло, Кутно, Калише и др.

Но с первых же шагов отважный этот план был расстроен. Главная шайка графа Понинского, собравшаяся около Гнезно, в числе до 1000 человек, по переходе через границу, была встречена 18 февраля почти на самой границе у Мечовницы (верстах в 10 к северо-востоку от Слупцы) соединенными отрядами, высланными из Влоцлавска и Калиша, и понесла полное поражение: часть ее легла на месте, часть захвачена в плен, остальные спасались бегством обратно за границу, увозя с собой много раненых. Пограничные прусские войска ловили беглецов по лесам и отбирали оружие.

Первая неудача эта побудила вожаков шаек собраться для совещания в одном помещичьем имении Грущице (на половине расстояния между Калишем и Серадзем), где и съехались 21 февраля 9 «довудцев» и во главе их Рудицкий. Но тут все они были захвачены жандармским штаб-офицером, посланным с 50 казаками, причем Рудицкий застрелился. Шайки же были все поочередно разбиты в разных пунктах и частью разбрелись по лесам, частью бежали за границу. По показанию прусских газет, план познанских вожаков не удался потому, что они будто бы не нашли в крае ожиданного содействия, вследствие того, что тамошнее дворянство, после испытанных неудач в своих попытках, уже охладело к мятежу.

Однако ж шайки из Познанской области продолжали предпринимать вторжения в Царство Польское и по-прежнему почти всегда испытывали поражения. Так, 27 февраля разбита шайка, показавшаяся из-за границы у Радзиева (к западу от Влоцлавска); 10 марта шайка Меленского, снова появившаяся у Казимиржа (к северу от Конина), разбита флигель-адъютантом князем Витгенштейном. Остатки этой шайки истреблены колонной майора Нелидова, высланного из Влоцлавска. В шайке оказалось много иностранцев и в числе их 2 зуава. За это дело князь Витгенштейн произведен в генерал-майоры с назначением в Свиту.

В тот же день, 10 марта, другая шайка Цвека (Цешковского) была разбита у станции Лазы (Варшавско-Венской железной дороги) отрядом из Ченстохова. Остатки этой шайки бросились к северу, к Велюну, и вторично разбиты 15 марта у Радошовице (к востоку от Велюна) отрядом, высланным из Велюна. Отряд же князя Витгенштейна, выступив из Коло и соединившись с колонной, высланной из Влоцлавска, еще раз разбил 29 марта у деревни Рушкова (к северу от Коло, в 10 верстах от прусской границы) новую шайку, перешедшую из Пруссии, хорошо вооруженную и довольно значительную. Шайка эта бежала обратно за границу.

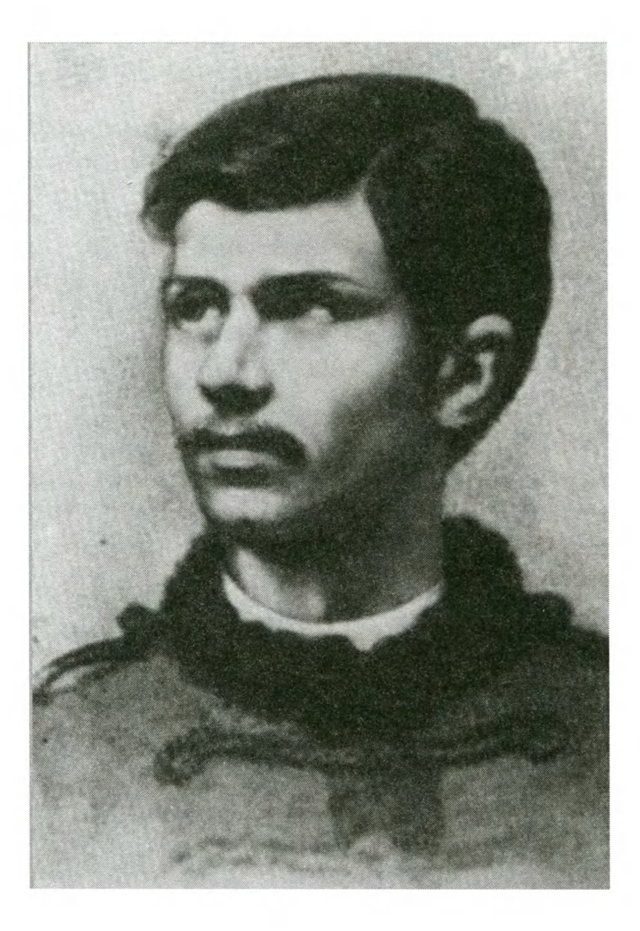

Зигмунт Подлевский

На правой стороне Вислы, из Прусской области вторгались только незначительные шайки, которые скоро были прогоняемы обратно за границу; но в конце февраля образовалась в Плоцкой губернии довольно сильная шайка, под предводительством Подлевского и Замечека. 25 февраля она была настигнута между Остроленкой и Праснышем высланным из Остроленки отрядом полковника Валуева, который преследовал ее три дня. Встреченная другим отрядом из Прасныша, шайка бросилась в Млавский уезд и окончательно разбита 11 марта у Радзанова (к юго-западу от Млавы) отрядом генерал-майора Феншау, выступившим из Плоцка и преследовавшим другую шайку, разбитую им 28 февраля. Шайка Подлевского, понеся большие потери, разбрелась по лесам. После того Подлевский уже ничего не мог предпринять в этой части края*.

---

* Впоследствии, 11 апреля, Подлевский был захвачен вместе с 20 мятежниками, близ Рыпина и расстрелян 3 мая в Варшаве.

Леон Франковский

Другая значительная шайка образовалась уже во второй половине марта в Ломженском уезде. Разбитая 21 марта близ Гонионза отрядом полковника Зверева (из Ломжи), она была отброшена за р. Бобр, в пределы Гродненской губернии, где встречена 22 марта высланным генерал-лейтенантом Манюкиным отрядом подполковника Гейнца и разбита у Пенска, после чего окончательно разбрелась по лесам, побросав оружие.

Небольшие шайки мятежников появлялись и в Августовской губернии; но мятеж не находил благоприятной почвы в этой части края. Не раз мятежники возобновляли свои покушения портить железную дорогу между Варшавой и Белостоком; войскам, охранявшим эту линию, под начальством генерал-майора Свиты графа Толя, приходилось разгонять эти шайки и исправлять повреждение пути. Одна из таких шаек, более значитель-

ная, была настигнута и разбита 8 марта у Менджилеса (в 30 верстах к востоку от Варшавы) отрядом, выдвинутым из Седлеца.

В Люблинском военном отделе с самого начала февраля образовалось несколько шаек, под начальством Богдановича, Франковского, Радзиевского и других. Беспрестанно происходили стычки; отряды гонялись за шайками по нескольку дней сряду, иногда на значительном расстоянии, а иногда кружась на небольшом пространстве. 5 февраля, высланный из Люблина отряд майора Ракусы, настиг соединенные шайки Франковского и Радзиевского у Малой Руды (к северо-востоку от Холма близ Буга); 8 февраля разбита шайка у Желехова (к северо-западу от Ивангорода), и в тот же день генерал-лейтенант Рудановский с небольшим отрядом (из войск Киевского округа), перешед на левую сторону Буга, разогнал собравшиеся шайки и очистил сообщение с Красноставом и Замостьем. Несколько дней спустя он вторично перешел через Буг и занял своими войсками на левой стороне реки деревню Дубенку, служившую сборным пунктом мятежников.

9 февраля колонна, высланная из Радзина к Бяле, не доходя до этого города, была встречена ружейными выстрелами из лесу и настигла шайку Шанявского, который при этом убит. На другой день, 10 февраля, отряд из Красностава разбил шайку, силой до 500 человек, у Жалина (к северо-востоку от Холма, близ Свиржа). Майор Ракуса снова выступил из Люблина 14 февраля для преследования Богдановича, скрывавшегося в лесах к северо-западу от Люблина, с остатками разбитой 5-го числа шайки. Следовавшим в авангарде казакам удалось на фольварке у деревни Зазулина захватить самого Богдановича. Шайка же, скрывавшаяся в лесу, после незначительной перестрелки, разбежалась, бросив свой обоз. Сподвижник Богдановича, Радзиевский также был схвачен несколько позже отрядом, высланным из Городлы генерал-лейтенантом Рудановским.

К западу от Люблина собралась шайка, предводитель которой назвался Лелевелем. Против нее выступил 19 февраля полковник Цвецинский из Курова (между Люблиным и Ново-Александрией) и настиг мятежников у Сосновки (к северо-востоку от Курова). Шайка, потерпев тут поражение, была вторично настигнута 23 февраля отрядом, высланным из Радзина, и оставила до 150 убитых.

Вторая шайка Левандовского была разбита 2 марта близ Лукова отрядом майора Йолшина, выступившим также из Радзина, и вторично, 12 марта, в окрестностях Сточека (к западу от Лукова) отрядом из Седлеца. В последнем этом деле сам Левандовский ранен и взят в плен.

Наконец, 3 марта вторглась из Галиции в южную часть Люблинской губернии новая шайка, силой до 1000 человек, хорошо вооруженных. Она была настигнута 8 и 9 марта и разбита полковником Медниковым из Янова; остатки ее бежали обратно за границу.

Таким образом и на этом театре военных действий все усилия руководителей мятежа остались безуспешными. Вообще широкие их планы и замыслы были расстроены. Главные военачальники, на которых возлагались самые блестящие надежды, сошли со сцены; многие из второстепенных предводителей шаек убиты или взяты в плен. Шайки, собиравшиеся в значительном числе, как оказалось на деле, были не в состоянии держаться против войск, несмотря на то, что отряды или летучие колонны, высылаемые для обыска лесов, почти всегда были весьма незначительного состава, так что при всех встречах на стороне мятежников оказывался большой перевес в числе. Как бы упорно ни держались мятежники, пользуясь лесистой местностью, а иногда внезапностью встречи, во всех случаях дело кончалось поражением их и почти всегда с огромной для них потерей. Обыкновенно поле сражения было завалено убитыми мятежниками; окрестные деревни были переполнены ранеными; пленных же бывало сравнительно мало.

Потери на стороне мятежников всегда были так несоразмерны с ничтожным числом раненых и убитых в отрядах, что позволительно было усомниться в достоверности тогдашних официальных донесений. Но несоразмерность эта, как уже было мною замечено, вполне объясняется совершенной неопытностью мятежников в военном деле и весьма плохим вооружением. Даже в тех шайках, которые сравнительно считались лучше устроенными и снаряженными, небольшая только доля людей имела огнестрельное оружие, да и то преимущественно охотничьи ружья или двустволки. Вооруженные ими люди употреблялись в цепи застрельщиков. Также и конные части, состоявшие преимущественно из достаточных помещиков и шляхты, были вооружены сравнительно лучше. Масса же пешая имела только косы и другое холодное оружие. Молодежь, из которой составлялись шайки, в пылу увлечения, давала себя истреблять огнем наших стрелков и артиллерии и встречала храбро атаки кавалерии. Можно было подивиться силе фанатизма, одушевлявшего эту толпу. Впрочем, бывали случаи, как тогда рассказывали, что стойкость мятежников была не совсем добровольная: предводители шаек будто бы заставляли несчастных обрекать себя на явную гибель, угрожая им постыдными наказаниями и даже смертью.

Доказательством тому, что в официальных донесениях потери в наших отрядах не скрывались, могут служить цифры, значащиеся в войсках Варшавского и Виленского округов по месячным «строевым рапортам» за январь и февраль: цифры эти не только не превышали обыкновенной убыли в войсках за эти месяцы, но даже оказывались иногда несколько ниже нормальных*. Больных также значилось за то же время меньше, чем в тот же период в другие годы.

Число погибших людей в шайках мятежников за все время, пока длился этот бедственный мятеж, должно быть страшно велико. Нельзя не скорбеть о том, что он длился так долго. Несмотря на значительность войск в Царстве Польском и на усиление их в течение наступившего лета, все усилия прекратить мятеж в короткое время оставались напрасными. Шайки мятежников собирались в местах закрытых, лесистых, где не легко было их открывать. Если случайно отряды натыкались на них и происходил бой, то почти всегда разбитая шайка уходила или рассыпалась в лесах и по прошествии некоторого времени снова собиралась и даже иногда усиливалась присоединением к ней других бродячих шаек. Таким образом погоня за шайками продолжалась бесконечно; войска крайне утомлялись, делая неимоверные переходы то по дорогам, заваленным снегом, то по слякоти и болотам лесных трущоб.

Такой образ действий наших отрядов в Царстве Польском многие осуждали, находя, что подобная гонка за шайками была совершенно бесплодна и что следовало бы, действуя бóльшими силами, стараться окружать мятежников и забирать их в плен, вместо того, чтобы разгонять их или истреблять людей. Но едва ли справедливо такое осуждение: отряды наши большей частью натыкались случайно на шайки, в местности весьма закрытой, так что редко представлялась возможность вести бой по заранее составленному соображению. Сосредоточение войск в более крупные отряды едва ли доставило бы возможность охватить шайку со всех сторон, как бы облавою: мятежники, зорко следя за всяким движением войск, имея всегда самые верные сведения о наших распоряжениях, легче еще могли бы избегать встречи с большими силами, чем с мелкими, весьма подвижными отрядами; а между тем это самое сосредоточие сил неизбежно повело бы к тому, что значительные пространства края оголились бы, остались бы беззащитными, и мятежники могли бы совершенно

---

* Убитых — 73, пропавших без вести и взятых в плен — 29, умерших — 281. При общей численности войск в 137 600 человек, эта убыль составляет всего $^{1}/_{5}$%, а число убитых и пропавших без вести — только 0,07%.

свободно хозяйничать в крае, держа все население его в страхе и повиновении.

Такие последствия были бы тем прискорбнее, что сельское население в Польше, — как уже было замечено, — держало себя в стороне от мятежа и смотрело на него как на злодейское дело ненавистных панов, ксендзов и шляхты. Вожаки шаек прибегали к жестоким истязаниям, чтобы заставить крестьян служить делу мятежа и бесчеловечно карали тех, которых только подозревали в сочувствии или содействии русским войскам и властям[45].

Партизанская, или правильнее «малая» война, которую пришлось нашим войскам вести в течение почти целого года в Царстве Польском и Западном крае, была, конечно, весьма тягостна для войск; но вместе с тем она служила хорошей боевой школой для развития драгоценных качеств как в офицерах, так и в нижних чинах. Войска показывали замечательную выносливость и неутомимость, совершая быстрые движения, в продолжение многих дней без отдыха, и немедленно вступая в бой, лишь только настигали противника. Некоторые из таких набегов можно смело поставить наряду с знаменитыми суворовскими переходами. Война эта развивала в войсках большую смышленость, находчивость, глазомер.

Вследствие одного из донесений о ходе военных действий в Царстве, Государь поручил великому князю главнокомандующему «благодарить всех начальников и славное войско за их молодецкую службу»[46].

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЗАПАДНОМ КРАЕ. ФЕВРАЛЬ — МАРТ

С самого начала смуты в Царстве Польском все происходившее в Варшаве немедленно отражалось в Вильне; так и в начале 1863 года, лишь только вспыхнул вооруженный мятеж в Царстве Польском, появились шайки мятежников и в сопредельных с Царством уездах Гродненской губернии. Руководители восстания придавали особенное значение распространению вооруженного мятежа на Северо-Западный край, который они называли «забранным» и признавали неотъемлемой частью «Речи Посполитой»[47]. Литва составляла у них особое «воеводство»; в Вильне существовал отдел революционного правительства, состоявший в начале 1863 года из двух главных лиц: Калиновского и Дюлорана[48] (Dulaurent — поляк, несмотря на французское имя); революционным начальником города Вильны был инженер путей сообщения Малаховский.

Вооруженные шайки, как уже было сказано, начали формироваться в Северо-Западном крае почти одновременно с началом мятежа в Царстве Польском, откуда мятежники переходили в соседние уезды Гродненской губернии. Уезды эти были немедленно объявлены на военном положении; но вскоре беспокойство и волнение начали распространяться и далее, так что в начале февраля военное положение уже распространено было на всю губернию Гродненскую и Виленскую. Виленский генерал-губернатор Вл<адимир> Ив<анович> Назимов обращался к населению вверенного ему края <с> воззваниями (28 января и 7 февраля), в которых убеждал не поддаваться внушениям злонамеренных людей, поднявших мятеж в Царстве Польском, и возлагал на самые общества городские и сельские охранение порядка и путей сообщения. В воззваниях напоминались сельскому населению дарованные ему Царем милости, для осуществления которых необходимо сохранение в крае спокойствия и порядка[49].

Вместе с тем, по своему званию командующего войсками Виленского округа, генерал-адъютант Назимов сделал распоряжение о сформировании нескольких летучих отрядов, для охранения края от рыскавших по лесам мятежнических шаек. На начальников дивизий, расположенных в округе, возложено было главное начальство в районе расположения каждой дивизии: начальник 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенант барон Майдель распоряжался в большей части Ковенской и северных уездах Виленской губернии; начальник 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Манюкин — в Гродненской и южной части Виленской; начальник 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Гольтгоер — в губерниях Витебской, Минской, Могилевской. Кроме того, на р. Немане начальствовал генерал-лейтенант Лихачев, начальник 1-й кавалерийской дивизии (бывший директор Канцелярии Военного министерства).

В первых числах февраля постепенно прибывали в Вильну гвардейские войска: сначала казаки, затем полки Финляндский и Павловский, расположившиеся в самой Вильне, а потом и прочие два полка 2-й гвардейской пехотной дивизии: Московский и Лейб-Гренадерский. Начальником дивизии был генерал-адъютант барон Бистром; полками командовали: Московским: генерал-майор Ведемейер, Гренадерским — генерал-майор Своев, Павловским — генерал-майор Вельяминов; Финляндским — генерал-майор Ганецкий 1-й (Иван Степанович); 2-ю же гвардейской артиллерийской бригадой — генерал-майор Ратч.

После разгрома мятежников 26 января в Семятичах, генерал-лейтенантом Манюкиным, из остатков разбитого скопища выделились две небольшие шайки: Рогинского и Шенявского (оба — местные помещики); они бросились в ближайшие леса с наме-

рением пробраться в Беловежскую пущу, чтобы действовать оттуда для возбуждения мятежа в окрестной стране, по примеру 1831 года[50]. Рогинский, настигнутый 30 января отрядом графа Ностица у Крулевского моста, потерпев значительную потерю, двинулся к Пружанам, напал ночью 1 февраля на этот город, разграбил тамошнее казначейство, цейхгауз инвалидной команды, разбил острог и, выпустив оттуда арестантов, быстро следовал лесами в Слуцкий уезд, где к нему присоединилась собравшаяся там небольшая шайка повстанцев. С этим подкреплением Рогинский намеревался напасть на Пинск; но узнав на пути, что туда прибыли войска, ограничился ограблением почтовой станции в Логишине (к северу от Пинска). Посланные графом Ностицем в погоню за Рогинским небольшие отряды два раза настигали его: 3 и 14 февраля; и, наконец, 15 февраля нанесли ему окончательное поражение. Шайка разбежалась по лесам, а сам Рогинский схвачен крестьянами в Мозырском уезде и представлен начальству.

Крестьянское население в Северо-Западном крае еще менее, чем в Царстве Польском, сочувствовало мятежу[51]. Шайки составлялись, под предводительством польских помещиков, исключительно из мелкой шляхты, дворни, городских жителей польского происхождения, служащих на железных дорогах, учащейся молодежи и тому подобного сброда. Сельское же население смотрело на затеи панов с негодованием и злобой; оно встречало русские войска с радушием, как избавителей. Крестьяне указывали на помещиков и ксендзов, подговаривавших их к мятежу. Рекрутский набор во всем крае окончился совершенно успешно, несмотря на старания поляков препятствовать ему. Были два, три случая, что во время препровождения рекрутских партий мятежные шайки нападали на слабый конвой и отбивали рекрут; но последние сами добровольно являлись местному начальству.

После истребления шайки Рогинского, в южной части Гродненской губернии и в Минской бродили только мелкие партии вооруженных людей, которые грабили, убивали, нападали на почты и держали край в тревожном положении. Поэтому в конце февраля объявлены были на военном положении еще некоторые уезды Минской губернии (Пинский, Слуцкий, Новогрудский). С конца же февраля появились шайки в Виленской и Ковенской губерниях. Первым случаем участия гвардейских войск в стычках с мятежниками было дело 24 февраля близ железнодорожной станции Олькеники, где полковник Винберг с ротой лейб-гвардии Московского полка и полуэскадроном улан рассеял шайку.

Главной заботой начальства Виленского военного округа было охранение железнодорожного сообщения от покушений мятежников, которые имели сообщников в самом составе железнодорожного управления, как выказало наглядно происшествие, случившееся 2 марта на станции железной дороги в самой Гродне: сам начальник станции Кульчинский, собрав открыто, на платформе, партию повстанцев, посадил ее на приготовленный поезд, чтобы увезти по железной дороге в лес, на сборный пункт шайки. Дерзкое это намерение не удалось: находившийся на станции для охранения ее военный караул вовремя спохватился и арестовал большую часть повстанцев; но сам Кульчинский с несколькими из своих соумышленников, отцепив паровоз, укатил на нем на сборное место и скрылся. Однако ж ему не долго удавалось укрываться: в конце того же месяца он захвачен в числе других пленных, взятых в шайке, разбитой под Мариамполем.

Появлявшиеся в разных местах мелкие шайки мятежников большей частью избегали вступать в открытый бой с войсками и, с приближением их, рассыпались по лесам; но по временам удавалось отрядам наносить мятежникам сильные поражения. Так, 9 марта, рота лейб-гвардии Финляндского полка с сотнею гвардейских казаков, настигнув близ станции Евье (Трокского уезда) шайку, собравшуюся из жителей города Вильны и, встретив отчаянное сопротивление, истребила почти всю шайку. В Виленском уезде, на мызе помещика Куровского, удалось полковнику Колокольцеву напасть неожиданно на собравшихся мятежников и захватить их с оружием и складом запасов. 15 и 20 марта разбиты две шайки в окрестностях Кейдан полковником Делингсгаузеном (командиром Нарвского пехотного полка); одна из этих шаек была под предводительством ксендза Мацкевича, который потом долгое время ратовал в этой части края.

Войска Виленского округа, расположенные в сопредельных с Царством Польским уездах, не раз оказывали содействие войскам Варшавского округа. В Августовскую губернию выдвинута была целая гусарская бригада 1-й кавалерийской дивизии; кроме того высылались по временам отряды из Ковны на левую сторону Немана для защиты мирного населения от появлявшихся шаек. Одним из таких отрядов разбита в Мариампольском уезде довольно значительная шайка под предводительством Андрушкевича, только что прибывшего из Парижа*. Шайка эта понесла огромную потерю, и сам предводитель ее убит. Другая шайка, разбитая Ломженским отрядом, как уже было упомянуто преж-

* В автографе далее зачеркнуто: «Одного из членов тамошнего польского комитета» *(примеч. публ.)*.

де, и отброшенная на левую сторону р. Бобра, была встречена 22 марта у Пенска (близ Кнышина, в Белостокском уезде) отрядом подполковника Генерального штаба Гейнца и окончательно рассеяна.

С половины марта начали усиливаться шайки в северных уездах Ковенской губернии*. Проявлялись волнения и в южной части Курляндской губернии; носились слухи о намерении поляков произвести высадку на берега Балтийского моря, чтобы ввезти оружие для мятежников. Известно было, что действительно в Лондоне снаряжался пароход, зафрахтованный польскими эмигрантами. Между тем в прибрежной полосе Курляндии у нас почти не было войск. Русскому генерал-губернатору генерал-адъютанту барону Ливену предписывалось, в ожидании прибытия войск принять на первый раз те меры, какие он на месте найдет возможными. Поставлены были вдоль берега наблюдательные посты от таможенной и лесной стражи; поспешно устраивался оптический телеграф. В ожидании вскрытия льда в Финском заливе, снаряжалась в Кронштадте эскадра адмирала Ендоурова для крейсерства вдоль берегов. 16 марта перевезен был по железной дороге в Ригу гвардейский стрелковый Его Величества батальон, от которого одна рота на другой же день отправлена на подводах в Либаву, куда прибыла 19 марта. Жители в этом городе были в таком страхе, что до прибытия роты сами бюргеры приняли на себя караульную службу, для чего доставлено им было 200 ружей. Прибытие гвардейской роты обрадовало их и успокоило.

Между тем из Ковны отправлен был 13 марта к Полангену, под начальством генерал-лейтенанта барона Майделя, отряд из Гвардейского стрелкового Императорской фамилии батальона, эскадрона драгун и 2 конных орудий. В 6 дней войска эти прошли 230 верст в самую ненастную погоду, по грязным лесным дорогам.

Но ожидания высадки инсургентов оказались напрасными. Скоро узнали из иностранных газет, что затеянная поляками морская экспедиция не удалась. Зафрахтованный ими английский пароход «Уард-Джаксон», снаряжавшийся в Темзе, под глазами английской полиции, вышел в море беспрепятственно; на нем находилось до 150 вооруженных поляков и сверх того, несколько французов, венгерцев и двое русских, в числе которых был известный Бакунин, удачно прозванный «генералом от революции». Пароход был нагружен оружием, порохом и предметами военного снаряжения. Начальником экспедиции был

---

* В автографе зачеркнуто: «были слухи о намерении мятежников напасть на город Поневеж» *(примеч. публ.)*.

полковник Липинский. Прибыв в Копенгаген, шкипер парохода под разными предлогами отказывался идти далее в Балтийское море. Причиной тому было неожиданное появление в виду Копенгагена русского военного клипера «Алмаз», который перед тем чинился на Темзе чуть не рядом с пароходом «Уард-Джаксон». Русский капитан получил из Петербурга приказание поспешить сколь можно изготовлением клипера и следовать вслед за польским пароходом в Балтийское море. Появление клипера крайне удивило и смутило шкипера «Уард-Джаксона». Но поляки настаивали, чтоб он вышел из гавани, угрожая ему процессом, и даже намеревались отплыть без него. Шкипер наконец уступил их настояниям и 18 марта вышел из Копенгагена, но вместо того, чтобы идти в Балтийское море, направился к шведскому берегу и вошел в гавань Мальмё, где шведские власти немедленно наложили на пароход эмбарго и принудили поляков высадиться; груз же был конфискован как военная контрабанда.

Полковник Липинский горячился, жаловался английскому посланнику в Стокгольме; послал туда своего агента (Домонтовича), чтобы хлопотать об освобождении парохода. Туда же поехали и многие из прибывших с Липинским авантюристов*. Между тем, на третий день по прибытии «Уард-Джаксона» в Мальмё вспыхнул в этом городе пожар поблизости гавани; страшная опасность угрожала городу, если б не успели перевезти находившийся на польском пароходе порох на другие суда и отвезти его в безопасное место.

В Стокгольме приняли поляков с распростертыми объятиями. Нашлось и между шведами довольно много легкомысленных личностей, восторгавшихся польским восстанием, так что не было недостатка в демонстрациях в честь гостей. Князь Константин Чарторийский, двоюродный брат претендента на польскую корону, прибывший в Стокгольм в качестве дипломатического агента от центрального польского комитета, был принят даже при Дворе; через него партия «белых» старалась вовлечь Швецию в войну с Россией. С своей стороны и Бакунин прибыл в Стокгольм с намерением произвести там агитацию против России и движения в Финляндии. Об этом намерении своем он положительно заявлял еще в январе, в письме своем к Гутри (от 22 января / 3 февраля 1863 г.), одному из главных деятелей польского восстания в Познани, при чем упоминал, что того желают и «петербургские друзья». В том же письме высказывалось нелепое предположение — образовать в Польше «русский легион», первоначально из попавших в плен русских солдат, в

* В автографе зачеркнуто: «В числе их Бакунин и князь Константин Чарторийский» *(примеч. публ.)*.

М.А. Бакунин

той уверенности, что к ним скоро присоединится немало других русских, сочувствующих польскому мятежу. С таким предложением Бакунин обращался и к Лангевичу[52].

Однако ж, при всех овациях в честь поляков в Стокгольме, правительство шведское не вышло из строгого нейтралитета и, хотя после долгих споров, по просьбе английского посланника, согласилось освободить самый пароход «Уард-Джаксон», выдав его хозяину, но весь груз окончательно конфискован, как военная контрабанда. Поляки, пробыв довольно долго в Мальмё, отплыли оттуда только в конце мая на датском пароходе в Копенгаген и потом разбрелись в разные стороны. Сам же Липинский, уехавший из Швеции несколько раньше других обратно в Анг-

лию, преследовал шкипера парохода перед судом и начал готовиться к новому морскому предприятию.

Когда все опасения высадки поляков на курляндское прибрежье рассеялись, а между тем с открытием навигации в Балтийском море наши военные суда вышли из Кронштадтской гавани в крейсерство*, тогда войска, назначавшиеся для охранения берега, обратились снова против мятежных шаек, усиливавшихся в Ковенской губернии и на границе Курляндской. Развитию здесь мятежа благоприятствовали обширные, глухие леса, жмудское население, разбросанное мелкими поселками среди поместий истых поляков; наконец, влияние католического духовенства, имевшего в самой средине этой лесной глуши опорную точку в Ворни, где в то время находилась кафедра Тельшевской римско-католической епархии.

Уже 29 марта произошла между Шавлями и Россианами довольно значительная стычка отряда полковника Божерянова с шайкой Цытовича, который тут и убит, а на другой день, 30 марта, была стычка между Шавлями и Тельшами. С наступлением же апреля мятежное движение приняло самое сильное развитие в Северо-Западном крае, так же как и в Царстве Польском и даже в юго-западных губерниях, где до того времени сравнительно было спокойно.

Положение Юго-Западного края совершенно иное, чем Северо-Западного: здесь поляки составляют ничтожное меньшинство с массою населения русского и притом православного, настроенного крайне враждебно к своим панам, шляхте и католическим ксендзам. Многочисленное же еврейское население в этом крае относилось совершенно пассивно к польским крамолам. Таким образом польское восстание не нашло в Юго-Западном крае благоприятной для себя почвы, и все попытки вожаков распространить мятеж на Волынь и Подолию оканчивались полнейшей неудачей[53].

Первая такая попытка произведена в ночь с 17 на 18 февраля вторжением шайки из Галиции у места Збрыж; но крестьяне, вооружившись чем попало, одни справились с мятежниками и прогнали шайку назад за границу. Такой же исход имели и другие покушения мятежников, собиравших шайки в Радомысльском и Бердичевском уездах: крестьяне обезоруживали их и приводили к местному начальству.

Главный начальник Юго-Западного края генерал-адъютант Н.Н. Анненков, сознавая различие в условиях между вверенным

* К Либаве прибыли: 15 апреля — клипер «Жемчуг», а 23-го — клипер «Алмаз».

ему краем и Литвою, считал однако же нужным принять меры не только полицейские, но и военные. Еще 17 января был объявлен на военном положении один уезд, Владимир-Волынский; но впоследствии военное положение распространено и на другие, ближайшие к границе части Волынской и Подольской губерний. В приказе по войскам Киевского военного округа, 22 января, даны были подробные указания на случай появления каких-либо шаек. Весь район округа был разделен на военные отделы, и в каждом из них назначен военный начальник. Местной полиции предписывалось содействовать военным начальникам и исполнять требования их. В инструкции, данной начальникам отрядов, было вменено им в обязанность в случае появления шаек стараться не разгонять только мятежников, а захватывать их.

В Киевском округе в то время было немного войск: две дивизии пехотные (8-я генерал-лейтенанта Рудановского и 9-я генерал-лейтенанта Проскурякова), одна дивизия кавалерийская (3-я генерал-адъютанта Ржевуского), да две резервные кавалерийские бригады (2-й и 3-й дивизий). Генерал-адъютант Анненков считал эти войска недостаточными для обеспечения спокойствия в крае и писал мне 13 февраля:

«Оставить без достаточных войск вверенные мне губернии, в особенности Волынь, невозможно: землевладельцы-поляки почти все сочувствуют, а многие скрытно помогают мятежникам в Польше и Литве; шляхта и поляки-студенты тотчас готовы присоединиться к шайкам, и одно только бдительное, усиленное наблюдение, один только страх, внушенный некоторыми мерами, мной принятыми, отстранили беспорядки и в крае и в самом Киеве, особенно во время контрактов...»[54]

Для усиления Киевского военного округа войсками, сделано было распоряжение на первый раз о передвижении туда из Одесского округа 5-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Козлянинова, и ожидалось с Дона несколько казачьих полков, из которых четыре предназначены были в Киевский округ. Кроме того принимались и другие общие меры к усилению войск в пограничной полосе переформированием резервных пехотных дивизий, из которых 5-я занимала караулы в Киеве и расположена была в ближайших к нему губерниях: Черниговской и Полтавской.

Впрочем, в Юго-Западном крае, как показали последствия, можно было обойтиться и без значительных военных сил: главной силой, на которую русская власть могла вполне опереться в борьбе с польской крамолой, было крестьянское население. Хотя генерал-адъютант Анненков принадлежал к числу тех сановников, которые не сочувствовали тогдашним либеральным

мерам правительства и смотрели с затаенным недоверием и опасением на темную массу народа, однако ж, по самому ходу дел, он вынужден был в известной мере привлечь крестьянское население к содействию войскам для обеспечения спокойствия в крае. Уже с марта, когда не было никаких мятежных шаек в юго-западных губерниях, учреждены были сельские караулы, на которые возложено было препятствовать всякой попытке формирования шаек. Можно положительно сказать, что если все попытки мятежа, как в начале его, так и потом, во время полного его развития, не имели успеха в Юго-Западном крае, то мы были тем обязаны преимущественно настроению и энергическому содействию крестьянского населения.

Крестьяне в Юго-Западном крае, чувствуя свою силу и возбужденные вековой ненавистью к своим притеснителям-полякам, действовали смелее и самостоятельнее, чем сельское население в северо-западных губерниях и в Царстве Польском. Не ожидая поддержки от войск, они сами, вооруженные дубинами и топорами, останавливали мятежников, гонялись за ними по лесам и предупреждали формирование шаек внутри края: иногда же нападали отважно на шайки, уже сформировавшиеся, или переходившие из-за границы, забирали мятежников и представляли начальству. Поэтому в Юго-Западном крае, несмотря на сравнительно спокойное положение его, число арестованных мятежников было весьма велико с самого начала мятежа, и генерал-адъютант Анненков должен был образовать комиссии для разбора и распределения захваченных повстанцев. Одни из них, более заметные личности и вожаки, предавались военному суду; другие высылались из края и определялись на службу в войска кавказские, оренбургские или сибирские; наконец, многие из простого народа, вовлеченные в шайки почти силою или страхом, отсылались в свои дома на поруки родным, а малолетние отдавались родителям. Высылка повстанцев на службу в войска подала повод к протесту с моей стороны, и впоследствии, когда число высылаемых слишком уже увеличилось, мера эта была прекращена.

В приведенном выше письме ко мне от 13 февраля генерал-адъютант Анненков высказывал свой взгляд на тогдашнее положение Юго-Западного края, сравнительно с Северо-Западным. Приведу здесь некоторые отрывки из этого любопытного письма. Вот как объяснял он возникновение «той дикой, непонятной войны, которая охватила Польшу и Литву»:

«Беспечность, шаткость управления на западе, сочувствие коммунистическим* стремлениям в Петербурге, недостаток

---

* В те времена еще не был в ходу «социализм», а название «нигилизм» еще не было придумано.

Н.Н. Анненков

энергии в преследовании первых проявлений противодействия правительству во всем государстве и проявление мятежа в Царстве Польском — породили ту уверенность в безнаказанности, под влиянием которой мятеж разлился в таких размерах, с такой силой. Более двух лет поляки действуют по системе обдуманной; мы же действовали без всякой системы, или и вовсе не действовали. Чем более всматриваюсь в положение трех губерний, мне вверенных, тем более удостоверяюсь, что нам должно было и необходимо теперь принимать, с одной стороны, меры к усилению русской народности, с другой — сравнять перед законом всех жителей края, не взирая на происхождение, на вероисповедание; сравнять край с другими частями государства и карать неуклонно, без всякого различия, всех нарушителей закона. О русской народности мы так мало заботились, что до 1862 года четыре миллиона народа почти не имели церквей и вовсе не имели школ, что в крепости, где Киево-Печерская Лавра — колыбель православия, святыня всего православного государства,

наш Иерусалим, наша Мекка и Медина, — первый и второй коменданты — не русские, не православные, а поляки и католики. Оба они добрые люди, верные слуги Государя, но у них родные, сослуживцы, приятели — поляки, сочувствующие идеям и стремлениям своих единоплеменников; что во всех отраслях управления, в канцеляриях генерал-губернаторов и начальников губерний многие, самые доверенные места занимали тоже поляки; что при управлении учебным округом Ребиндера студенты были вызваны к самоуправлению, а в распущенное, вполне беспутное управление Пирогова составили самостоятельные политические кружки под названием гмин. В то же время, лишая поляков-землевладельцев некоторых прав и преимуществ, предоставленных землевладельцам в великороссийских губерниях, лишили их и тех преимуществ, которые прежде были дарованы краю, носящему и доныне название привилегированного; все это усиливало вражду поляков; мы видели эту вражду и при действиях, ее вызывающих, карали часто и много, но порывисто и слабо; от этого исчез и страх, их удерживающий. Думаю однако ж, что время еще не ушло; элементов силы у нас много, и ежели пойдем неуклонно прямой дорогой, то в непродолжительном времени можем придти в юго-западных губерниях не к любви и преданности, но по крайней мере к покорности, порядку и спокойствию; можем, но не иначе, как подавив мятеж в смежных местностях, и потому обращаюсь к военным действиям.

Литва действительно опасна; на западной ее оконечности народонаселение наполовину католическое; в ней многие из бывших униатов сохранили сочувствие к католицизму и доверие к соседним ксендзам, а ксендзы — первые проводники мятежа. В Литве надо кончить с мятежом непременно нынешним летом. Думаю, что войск 1-го армейского корпуса, усиливаемых 2-ю гвардейской пехотной дивизией и отрядами вверенного мне округа*, будет вполне для этого достаточно, ежели действия войск будут направлены к подавлению мятежа одновременно и в общей связи. Весьма желательно при этом, чтобы начальники отрядов не ограничивались рассеянием шаек, которые и без всякого с нашей стороны геройства будут рассыпаться, как скоро встретятся с войсками мало-мальски самостоятельными. Шайки надо не разгонять, а уничтожать. Я разумею под этим не Мамаево побоище, а захват и наказание по военному суду предводителей шаек и немедленное распределение бродяг, эти шайки составляющих, со сдачею крестьян по своим деревням под расписку гминных войтов или волостных старшин, что они принимают

* Из Киевского округа передвинут был в Виленский один донской казачий полк.

их на свою ответственность*, и с отправлением всех прочих партиями, тотчас после поражения шайки, на службу в войска Кавказской армии, Оренбургского и Сибирского корпусов**. Ксендзы, взятые с оружием в руках, или с крестом посреди шаек, скрывающие склады оружия и проповедующие восстание, должны быть неотложно наказываемы, и никакие просьбы о возвращении их в край не могут, смею сказать, не должны быть уважены. За рассеяния шаек без других результатов награждать отрядных начальников не следует; иначе мы многие годы будем играть в жмурки и в горелки. Я убедился в пользе этих мер собственным опытом в войну 1831 года, и к такому же убеждению привело меня чтение отправленных мне по вашему распоряжению выдержек из сочинения: «Партизанки...»***

НАШИ ВНУТРЕННИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ В НАЧАЛЕ ГОДА

19 февраля 1863 года было второй годовщиной отмены крепостного состояния. Наступление этого дня почему-то тревожило наших пугливых консерваторов, которые опасались, что по истечении двухлетнего срока, назначенного для составления и введения уставных грамот произойдут между крестьянами беспорядки и волнения[55]. Однако ж роковой день миновал — и ничего подобного не произошло; пессимисты наши могли на этот раз успокоиться. Правда, что в некоторых местах между крестьянами зародилось убеждение, что по прошествии означенного 2-летнего срока должны совсем прекратиться все обязательные отношения их к землевладельцам, а потому иные крестьяне начали было отказываться от платежей и работ****. Независимо от того возникли кое-где неудовольствия по поводу принудительного разверстания угодий. Но случаи эти были немногочисленны и прекращались большей частью разъяснением дела мировыми посредниками[56].

Вообще крестьяне начали яснее понимать Положение 19 февраля; возникшие в первое время недоразумения и сопро-

---

* Здесь генерал-адъютант Анненков, по-видимому, забывает, что в Царстве Польском войтами гмин были почти всегда сами помещики, или их управляющие, т.е. главные участники мятежа.

** Выше уже упомянуто, что с этим мнением генерал-адъютанта Анненкова я никак не мог согласиться и настоял, чтобы совершенно прекращено было наполнение войск мятежниками.

*** Это польская брошюра, в которой кто-то из вожаков мятежа давал наставление, как следует мятежным шайкам действовать против русских войск.

**** Далее в автографе зачеркнуто: «а другие требовали дарового (четвертного) надела» *(примеч. публ.)*.

тивление почти прекратились. К 19 февраля 1863 года число составленных уставных грамот обнимало $83^1/_2$ процента всего помещичьего крепостного населения; полным же прекращением обязательных отношений к помещикам воспользовались только 611 тысяч душ. Несмотря на старания большинства помещиков выгородить свои личные интересы и на покровительство им со стороны высших руководителей дела, Положение 19 февраля вводилось довольно успешно; тревожные опасения противников мало-помалу успокаивались, и само Министерство внутренних дел официально заявляло, что освобождение крестьян от крепостной зависимости уже обнаружило благотворное влияние на их быт. Наглядным выражением этого благотворного влияния мог служить тот факт, что в первые же два года, протекшие с обнародования Манифеста, по ходатайству крестьян, открыто в 39 губерниях 5775 народных школ (которых до 1861 года имелось всего 3389).

Институт мировых посредников в эти два года существования выказался весьма с выгодной стороны. Посредники большей частью приобрели доверие крестьян и пользовались им для разъяснения недоумений и споров, ограждая крестьянские интересы от естественного стремления помещиков отстаивать свои выгоды. Зато некоторые из посредников и навлекли на себя неудовольствие и злобу землевладельцев и прослыли демократами, красными, революционерами. Жалобы на них доходили до Министерства, которое большей частью клонило дело в пользу помещиков и охотно внимало наветам на посредников*. Не имея легальных средств к устранению неприятных личностей из числа посредников, Министерство внутренних дел придумало косвенную меру — сокращение самого числа мировых посредников под предлогом сбережения расходов земства и в том предположении, что деятельность посредников после двух лет должна была значительно уменьшиться. При обсуждении этой меры многие (и я в том числе) находили ее преждевременной; однако ж она все-таки была приведена в исполнение.

В начале 1863 года разрабатывались в разных министерствах и рассматривались в высших государственных учреждениях дополнительные к Положению 19 февраля узаконения относительно освобождения некоторых особых категорий поселян, остававшихся еще в обязательных отношениях к казенным ведомствам и учреждениям, как-то: удельных, дворцовых, фабричных и других[57]. К этой категории относились и состоявшие в военном ведомстве рабочие некоторых технических артиллерийских заведений, при которых находились целые слободы, населенные ис-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «наветы эти доходили до ушей самого Государя» *(примеч. публ.)*.

ключительно такими рабочими. Так, в Туле, со времен Петра Великого, многочисленное сословие оружейников существовало обязательной работой на казенных заводах; при освобождении их от обязательных отношений к заводу, необходимо было согласовать обоюдные потребности: не оставить и завод без рабочих рук, и оружейников — без работы. Вот почему применение основных начал Положения 19 февраля к каждому заводскому населению требовало особых соображений с местными условиями. Для тульских оружейников Положение было окончательно утверждено 14 апреля 1863 года, а для охтинских поселян, состоявших при Охтинском пороховом заводе, — 4 июня того же года.

Введение в действие Положения 19 февраля встретило наиболее затруднений в западных губерниях, не только вследствие польских смут, но и по особым неблагоприятным условиям экономического и нравственного положения тамошнего населения. Основой уставных грамот должны были служить прежние инвентари, которые в свое время составлялись под исключительным влиянием помещиков и, следовательно, были вообще крайне невыгодны для крестьян, так что сами помещики не находили возможным требовать полностью от крестьян исполнения всех определенных повинностей. Поэтому в продолжение истекших двух лет составление уставных грамот шло весьма туго, крестьяне не охотно поддавались на добровольное соглашение, тем более, что почти все посредники были из поляков и, следовательно, всегда держали руку помещиков, в явный ущерб крестьянам. Таким образом, большая часть крестьянского населения в западных губерниях оставалась еще на издельной повинности, то есть на прежней барщине и в прежней зависимости от польских панов[58].

С наступлением мятежа, крестьянский вопрос в Западном крае принял уже характер политический; сделалось совершенно невозможным оставлять долее крестьянское население в зависимости от ненавистных ему и мятежных польских помещиков, особенно ввиду обольстительных воззваний вожаков мятежа, суливших крестьянам даровой надел и всякие блага. Хотя крестьяне и не поддавались этим соблазнительным обещаниям и не поверили польским обольщениям, однако ж необходимо было, чтобы они видели заботливость о них со стороны правительства и могли полагаться на его защиту, как от тяжелого гнета панов, так и от насилий и злодейств мятежных шаек. Вопрос этот обсуждался в Западном комитете совместно с Главным комитетом по устройству сельского населения*[59], — и результатом этих со-

* Инициатива в этом деле принадлежала генерал-адъютанту Назимову, который представил Государю записку о необходимости немедленного прекращения обязательных отношений крестьян к помещикам в Западном крае[60].

вещаний был Указ 1 марта, которым все обязательные отношения крестьян к помещикам в 6 губерниях Северо-Западного края должны были совершенно прекратиться с 1 мая 1863 года[61]. Для определения размера выкупных платежей с понижением на 20% против общего положения назначены были особые комиссии, под общим руководством командированных от Министерства внутренних дел чиновников: действительного статского советника Колошина и статского советника Макова.

Указ 1 марта возвещался народу офицерами, объезжавшими с конвоем все части края, взволнованного мятежом. Крестьяне выслушивали объявление новой Царской милости с живой радостью, служили благодарственные молебны и посылали с депутациями к главному начальнику края благодарственные адресы на имя Государя. Первые такие адресы, выражавшие преданность народа Царю и негодование против мятежного польского дворянства, были поданы от некоторых волостей Минской губернии, а затем потекли подобные же адресы во множестве от всех других местностей Северо-Западного края.

Указ 1 марта был распространен на юго-западные губернии уже гораздо позже — особым Указом 30 июля, обнародованным только 30 августа[62]. Почему столь важная и неотложная мера не была принята сразу во всех девяти западных губерниях — затрудняюсь объяснить. Если были тому причины только канцелярского свойства, как например, предварительные соглашения с главным местным начальством юго-западных губерний, то едва ли подобная причина может оправдать столь явную несправедливость в отношении к православному русскому крестьянскому населению этих трех губерний, оказавшему правительству такую полезную услугу при подавлении польских замыслов в том крае.

Тревожное положение дел на западной нашей окраине, хотя несколько и отвлекало внимание высшего правительства от предпринятых обширных государственных реформ, однако ж не прервало их; подготовительные работы по новым, стоящим на очереди законодательным вопросам, продолжались с прежней напряженной деятельностью в разных комитетах, комиссиях и министерствах. Государственный совет был завален делами.

Проект новых Судебных уставов разрабатывался в особой комиссии, учрежденной в исходе предшествовавшего года, при Государственной канцелярии, под председательством государственного секретаря В.П. Буткова, на основании Высочайше утвержденных 29 сентября того же года главных начал.

Другой важной реформой были земские учреждения, которые, по тогдашнему взгляду, должны были служить не только основанием местного самоуправления и началом децентрализа-

ции государственного управления, но и путем к дальнейшему развитию представительства. Предположения по этому вопросу еще обсуждались в начале года в некоторых из губернских дворянских собраний. Так, петербургское дворянство в течение марта посвятило целый ряд заседаний (с 7-го по 19-е число) горячим прениям по поводу проекта, предварительно выработанного редакционной комиссией, назначенной в прошлогодних заседаниях губернского дворянского собрания под председательством губернского предводителя дворянства графа Петра Павловича Шувалова. Под его же председательством открылись и заседания самого собрания. Как в комиссии, так и в собрании значительное большинство высказалось в смысле весьма либеральном, с устранением всякой сословности в предполагаемом составе земства. Однако ж проект комиссии был встречен ожесточенными нападками меньшинства, которое отстаивало обособленность дворянского сословия, предвещая самые гибельные последствия задуманному слиянию сословий: и своеволие крестьян, и бунт, анархию, коммунизм, упразднение дворянства и проч. Иные из консерваторов, под маской либерализма, утверждали, что невежественный и безграмотный состав земских собраний поведет к застою, к подавлению всякого прогресса. Главными ораторами оппозиции кроме трех членов меньшинства в комиссии*: А.П. Платонова (царскосельского уездного предводителя), Орлова (петергофского уездного предводителя) и Бизюкина (депутата от Лужского уезда), выступили в собрании Безобразов и Смирнов; самые же длинные и основательные против них возражения со стороны большинства были высказаны князем Щербатовым, Карамзиным, Брандтом, Деппом. Результатом всех этих продолжительных прений было принятие весьма значительным большинством голосов проекта комиссии с изменением лишь некоторых пунктов. Все петербургское общество следило за этими прениями с большим любопытством, хотя в сущности они не имели никакого значения практического; ибо в то время будущее устройство земских учреждений было уже окончательно выработано, и проект подготовлялся Государственной канцелярией к рассмотрению в Государственном совете[63].

По финансовой части в 1863 году впервые применялись к делу Высочайше утвержденные 22 мая предшествовавшего года новые Правила составления, утверждения и исполнения финансовых смет и Государственной росписи[64]. Как при всяком новом деле, встретились немалые затруднения и недоумения; потребовались бесконечные соглашения, совещания, споры. Дело так

---

* Из числа 9 членов, составлявших комиссию.

затянулось, что сметы и Государственная роспись не могли быть предъявлены общему собранию Государственного совета ранее конца апреля и Высочайше утверждены только 2 мая, то есть по истечении уже целой трети сметного года.

Новые правила и формы для смет всех ведомств представляли весьма существенное улучшение в устройстве у нас финансовой части, хотя в последующие годы опыт и указал необходимость целого ряда последовательных изменений и дополнений. В первое время новый порядок был встречен во всех ведомствах с опасением и сомнениями; полагали, что это нововведение, заимствованное от других государств, окажется неприемлемым к России; считали его стеснительным формализмом. Особенно велико было такое опасение для Военного министерства, которому чаще других встречаются случаи непредвиденных, спешных расходов, требующих быстрого разрешения, а иногда сохранения тайны. Действительно, первоначально, пока еще не было навыка к новому порядку, пока не были сглажены многие шероховатости, причинявшие на практике задержки в хозяйственных распоряжениях, случались нередко пререкания между Министерствами военным и финансов и с Государственным комитетом, и часто личные столкновения мои с Рейтерном и Татариновым. Посредником и судьею между нами являлся Департамент Государственного совета, — и я должен при этом отдать справедливость председателю этого Департамента К.В. Чевкину, а затем и Рейтерну, в том, что оба они большей частью показывали более сговорчивости и уступчивости, чем мой однокашник (по Московскому Университетскому пансиону) В.А. Татаринов, у которого настойчивость доходила часто до упрямства.

Составленные наконец сметы на 1863 год привели в результате к следующим общим итогам: доходов обыкновенных (без оборотных) 318 800 000 рублей; расходов — 334 500 000 рублей; следовательно, несмотря на все усилия сократить расходы, получился все-таки дефицит в 15 700 000 рублей. Сравнение этих итогов с соответствующими цифрами предыдущих годов представлялось весьма затруднительным не только потому, что по новым формам изменялись рубрики и группировка цифр, но и вследствие того, что в новые сметы включены были такие суммы доходные и расходные, которые в прежние сметы не вносились. Одной из главных целей реформы и было, чтобы Государственная роспись представляла полную картину финансового положения государства, а для этого необходимо было, чтобы ни одна сумма в доходах и расходах не ускользала от занесения в сметы. Цель эта, конечно, не могла быть достигнута вполне с первого же опыта, а потому в последующие годы, при составлении смет, открываемые пробелы или пропуски постепенно пополнялись, и все разнообразные средства госу-

дарственного хозяйства приводились к единству. В продолжение многих еще лет, пока дело не установилось окончательно, можно было легко впадать в ошибочные выводы при сравнении сметных итогов за разные годы.

Так, при сравнении итогов Государственной росписи 1863 и 1862 годов, необходимо прежде всего выкинуть из цифры доходов до 42 700 000 рублей таких статей, которые в прежних сметах не показывались, а оставались в непосредственном распоряжении министерств; в расходах же также следовало бы выключить до 37 800 000 рублей. В таком случае оказалось бы в доходах 1863 года уменьшение на 8 600 000 рублей против предыдущего года, а в расходах — на 2 800 000 рублей. На уменьшение обыкновенных доходов повлияло преимущественно то, что 1863 год был первым же годом испытания новой акцизной системы, заменившей прежние откупа[65], — что побудило министра финансов, из осторожности, внести в смету предполагаемый акцизный доход на 16 миллионов рублей ниже прежнего питейного дохода. Уменьшение же расхода на 2 800 000 рублей в сущности было весьма жалким результатом настойчивости Департамента экономии в урезке смет всем министерств. Для покрытия предполагавшегося дефицита в 15 700 000 рублей, единственным средством был в то время выпуск новых серий билетов Государственного казначейства.

Но все эти тщательные исчисления остались только предположениями; они были вскоре совершенно поколеблены военными обстоятельствами.

Из всех вопросов общегосударственных, занимавших высшие правительственные сферы, после финансовых смет, ближайшим к кругу действий Военного министерства было железнодорожное дело. В нем приходилось мне принимать лично деятельное участие, отстаивая по возможности интересы стратегические при проектировании новых линий. В описываемое время мы были еще весьма бедны в железных дорогах. Несмотря на то, что в предшествовавшем году дело значительно подвинулось вперед открытием движения по четырем линиям, однако ж и затем все протяжение тогдашних наших железных дорог едва достигало 3200 верст* — протяжение совершенно ничтожное для такого об-

* Кроме Царскосельской дороги, не имеющей ни торгового, ни военного значения и строившейся средствами Донского казачьего войска от Грушевских каменноугольных копей до Ростова-на-Дону, существовали следующие линии: 1) Николаевская, т.е. Московско-Петербургская, 2) Московско-Нижегородская, 3) Петербургско-Варшавская с ветвью на Вержболово; 4) Риго-Динабургская; 5) Варшавско-Венская с ветвью в Бромберг; 6) Гельсингфорс-Тавастгутская. Кроме того открыты были участки Московско-Рязанской до Коломны и Московско-Ярославской до Сергиевского посада.

ширного государства. Как в торговом и экономическом отношении, так и в военном чувствовалась настоятельная необходимость в развитии железнодорожных сообщений, — и притом признавалось весьма важным условием, чтобы новые линии сооружались не в случайно избранных направлениях, а сообразно общему, обдуманному плану. В этих-то видах и было предпринято Главным управлением путей сообщения разработать проект целой железнодорожной сети. Составленный под руководством генерал-лейтенанта Мельникова проект рассматривался в течение зимы 1862—1863 гг. в железнодорожном комитете и с некоторыми изменениями внесен был в Совет министров, т. е. в совещание под личным председательством Государя[66].

В проектированную сеть внесены были следующие линии:

1) южная — от Москвы через Курск, Харьков, Екатеринослав в Севастополь — 1440 верст*.

2) восточная — от Орла через Тамбов до Саратова — 680 верст.

3) западная — от Орла через Смоленск, Витебск до Динабурга — 945 верст;

4) юго-западная — от Одессы через Балту, Киев, Чернигов до соединения с западной линией (между Брянском и Рославлем) — 1065 верст,

и 5) юго-восточная — от Екатеринослава до Грушевки — 380 верст.

Все пять линий составили общее протяжение 4510 верст. Не включены были в эту сеть некоторые линии, по которым еще производились изыскания: 1) от Перми до Тюмени; 2) от Рыбинска до Бологова и 3) от Пинска до Белостока.

Проектированная сеть не была утверждена, а положено предварительно опубликовать ее, с той целью, чтобы вызвать замечания со стороны компетентных лиц, а также и предложения капиталистов, которые пожелали бы предпринять сооружение той или другой из предполагаемых линий. Такое решение было весьма разумно, тем более, что проектированная сеть никак не могла считаться удовлетворительной. При составлении ее поставлено было весьма ошибочно главной целью достигнуть того, чтобы разнородные потребности экономические и военные были удовлетворены наименьшим числом линий и наименьшим протяжением всей сети в общей совокупности. Неизбежным последствием такой постановки задачи было то, что все линии выходили чрезвычайно ломанные, пути удлинялись, а следовательно и провозная плата напрасно возвышалась. Странно было думать, что сооружением предположенных $4^{1}/_{2}$ тысяч верст же-

* взамен уже отмененной линии на Феодосию.

лезных дорог могут быть удовлетворены все потребности Европейской России и что возможно будет остановиться на таком протяжении рельсовых путей. Проектируя нормальную сеть, следовало прежде всего указать главнейшие магистральные линии, которые требовалось сооружать в первой очереди, а затем уже постепенно пополнять первоначальную сеть внесением в нее разветвлений от первых магистральных линий, сообразно степени пользы и важности. К сожалению, системы этой не держались ни при составлении проекта 1863 года, ни впоследствии: оттого и получилась у нас железнодорожная сеть в таком виде, как будто каждая из существующих линий строилась отдельно, по случайному соображению, вовсе без предварительно начертанного общего плана.

Проект 1863 года, согласно Высочайшему повелению, был опубликован в официальном Журнале Главного управления путей сообщения; отдельные оттиски рассылались во все губернии; извлечения печатались в газетах. Проект вызвал немало замечаний и возражений. Впрочем, и само Главное управление путей сообщения не держалось строго своего проекта и, по мере поступления предложений на сооружение той или другой дороги, выдавало концессии (конечно, по соглашению с Министерством финансов), не стесняясь заранее определенной последовательностью, ни даже предначертанным направлением.

В предложениях на постройку новых железных дорог не было недостатка. Так, из числа линий, внесенных в проектированную сеть, для постройки Одесско-Киевской предполагалось еще в 1858 году образовать общество, во главе которого стали лучшие из наших инженеров путей сообщения: генерал-майоры Кербедз и Марченко. Но предложение это не имело успеха. В марте 1862 года снова представлен был теми же учредителями полный проект означенной линии, с исчислением стоимости ее в 55 миллионов рублей, что составляло до 85 тысяч рублей на версту. Проект этот пролежал в Главном управлении путей сообщения, несмотря на все хлопоты учредителей об ускорении решения. В то время министр финансов признавал неудобным выпуск бумаг для составления столь значительного капитала. Между тем на юге России чувствовалась крайняя необходимость в облегчении подвоза из хлебородных юго-западных губерний к Одесскому порту. Назначенный вновь новороссийским генерал-губернатором генерал-адъютант Коцебу с самого вступления своего в должность начал хлопотать о неотлагательном приступе к постройке железной дороги от Одессы, хотя бы на небольшом протяжении — на первый раз именно до Паркан на Днестре (около 120 верст), с тем, чтобы этот участок впоследствии был передан тому обществу, которое образуется для постройки всей

П.Е. Коцебу

Одесско-Киевской линии. Тут кстати подвернулся к генералу Коцебу один из его земляков — камергер барон Унгерн-Штернберг, который брался выстроить означенную ветвь самым дешевым способом, употребляя на работы войска или арестантов, а материалы — из числа заготовленных для предполагавшейся Феодосийской дороги, принятых в казну вследствие отказа Главного общества российских железных дорог[67] от постройки той линии. Барон Унгерн настоятельно убеждал, чтобы немедленно приступить к работам, требуя на покрытие расходов на первый год только один миллион рублей. Он приехал в Петербург с горячей поддержкой от одесского генерал-губернатора и успел так обворожить всех министров, что план его был принят и решено в то же лето приступить к работам, предложенным им «экономическим» способом, несмотря на то, что уже 21 марта последовало утверждение устава Общества Одесско-Киевской дороги. В числе учредителей этого Общества стояли такие громкие имена, как граф Александр Владимирович Адлерберг, граф Эдуард Трофимович Баранов, князь Сергей Алексеевич Долгорукий, граф

Григорий Александрович Строганов, Иван Матвеевич Толстой, князь Лев Викторович Кочубей, графы Браницкий, Ржевуский и т.д. Обществу этому дана концессия на тех же самых условиях, которые были заявлены годом прежде, с гарантией правительства 5% с номинального капитала 55 миллионов рублей.

Пока Общество это только образовалось и собирало капитал, план барона Унгерна уже приводился в исполнение. Военное министерство, всегда сочувственно относившееся вообще к делу развития нашей железнодорожной сети, охотно оказало зависящее от него содействие барону Унгерну. Я смотрел на его предприятие как на опыт, который, в случае успеха, мог значительно облегчить постройку будущих линий, столь необходимых для военных целей. 30 марта последовало Высочайшее повеление сформировать для работы на означенной Одесско-Парканской дороге четыре военно-рабочие роты из 2500 «штрафованных» солдат, которых велено выбрать из числа менее способных к строевой службе сверхкомплектных нижних чинов Внутренней стражи. Роты формировались при Херсонском, Екатеринославском, Киевском и Полтавском батальонах Внутренней стражи, и по мере сформирования передавались в распоряжение барона Унгерна. Все расходы на содержание солдат сверх обыкновенного положения, со включением и 4-копеечного вознаграждения за урочный день работ, относились на ассигнованный миллион рублей. Штрафованным солдатам обещали, в случае беспорочного поведения и усердной работы в течение 3 лет, полное прощение штрафов. Роты были сформированы так поспешно, что могли приступить к работам: две — с 1 апреля, а другие две — с половины мая.

Почти одновременно с Уставом Одесско-Киевской дороги утверждена была (19 марта) и концессия на дорогу Витебско-Динабургскую, входившую в проектированную «западную» линию Орел-Динабургскую. Постройку этого участка приняла на себя компания из английских капиталистов, с обязательством приступить к работам в предстоявшее лето. Между тем велись переговоры с разными предпринимателями относительно большой линии Московско-Севастопольской. После того как по Высочайшему повелению решительно отвергнуты были колоссальные предложения «русских капиталистов» из бывших тузов по питейному откупу образовать общество, под названием «Агентства по питейному сбору и Товарищество для сооружения железных дорог», решено было принять предложение нескольких крупных английских негоциантов (фирмы: «Dent, Palmer et comp.», «Frühling and Göshen», «Antony Gibbs and sons», «John Hubbard and comp.», «W. Hope»). Фирмы эти, казалось, представляли полное ручательство; но условия предложены были

весьма тяжелые: гарантия правительства определялась в $5^1/_2\%$ с капитала в $22^1/_2$ миллионов фунтов стерлингов; для образования общества и собрания капитала назначался годичный срок, а на самую постройку линии — 6-летний; концессия давалась на 99 лет. Кроме того, учредители выговаривали себе разные льготы и привилегии, как например, устройство в Севастополе порто-франко.

После долгих переговоров, только 25 июля подписан договор, возбудивший в петербургском обществе большие толки и осуждение. Условия этого договора признавались крайне невыгодными не только в финансовом отношении, но и в политическом; находили опасным представление такой линии, как Севастопольская, в руки иностранцев, и еще англичан.

К счастью нашему, английская компания, казавшаяся такой внушительной, не могла состояться, и заключенный с ней договор пришлось впоследствии расторгнуть[68].

В числе крупных законодательных работ, прошедших через Государственный Совет в сессию 1862—1863 гг., следует упомянуть о преобразовании Министерства народного просвещения и новом Уставе университетском, хотя Высочайшее утверждение обоих этих Положений последовало только 18 июня.

В преобразовании центрального управления означенного Министерства положены были в основание те же начала, на которых в 1860 г. преобразовано было Морское министерство, когда в нем орудовал А.В. Головнин — теперешний министр народного просвещения. Главной целью было сокращение личного состава и упрощение делопроизводства, а вместе с тем усиление окладов содержания, без нового обременения Государственного казначейства. К числу сокращений относится упразднение «Главного правления училищ», существование которого не имело значения рядом с Департаментом народного просвещения и Советом министра.

Что касается нового университетского Устава, разработанного самым основательным образом, при содействии большого числа компетентных лиц и по предварительном собрании многочисленных мнений, то главными чертами его были: расширение университетского самоуправления, усиление учебных средств и возвышение уровня преподавания. Устав 1863 года был несомненно значительным шагом вперед в учебном деле и составляет неотъемлемую заслугу А.В. Головнина, вопреки тем злобным и недобросовестным нападкам, которым подвергся впоследствии этот Устав со стороны исступленных ретроградов[69].

МАРТ И АПРЕЛЬ В ПЕТЕРБУРГЕ

5/17 марта происходило в Берлине торжество по случаю закладки памятника в честь короля Фридриха Вильгельма III, в 50-летнюю годовщину объявления войны за независимость Германии[70] и учреждения военного ордена «Железного креста». За несколько дней до этого торжества прибыла в Берлин русская военная депутация, состоявшая из генерал-адъютанта Кноринга, командира Гренадерского полка короля Фридриха Вильгельма III генерал-майора Карцова, трех офицеров и трех нижних чинов того же полка и сверх того двух офицеров роты дворцовых гренадер и одного матроса Гвардейского экипажа — кавалеров Железного креста. 3/15 марта депутация эта была принята королем Вильгельмом, которому генерал Кноринг вручил собственноручное письмо русского императора. В письме этом выражалось желание, чтобы в память великой эпохи 1813 года, король Вильгельм принял звание шефа означенного Гренадерского полка, с оставлением однако же полку имени покойного короля Фридриха Вильгельма III. В ответном своем письме король Вильгельм просил Государя также принять звание шефа Прусского кирасирского полка, носившего имя императора Николая I*.

Несколько позже, 10/22 марта, день рождения короля Вильгельма (которому минуло 66 лет) праздновался в Петербурге по обыкновению парадным обедом в Зимнем дворце; как всегда Государем провозглашен тост за здоровье короля и за тесную дружбу, связывающую его с русским императором**.

В начале марта прибыл в Петербург новый итальянский посланник маркиз Пеполи; 12/24 числа представил он Государю свои верительные грамоты. Это был один из видных политических людей юного королевства: принадлежа к аристократической фамилии Болоньи, в родстве с фамилией Мюратов по матери и

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Торжество закладки памятника происходило 5/12 марта в Лустгартене. Оно началось шествием ветеранов и кавалеров Железного креста, во главе которых шел старый фельдмаршал Врангель. По трем сторонам памятника воздвигнуты были трибуны для членов палат, муниципалитета и других чинов, а вокруг основания памятника стали военные команды со знаменами и штандартами. Торжество сопровождалось пушечной пальбой, музыкой, речами: и закончилось обедом во дворце для ветеранов и кавалеров креста» *(примеч. публ.)*.

** Далее в автографе зачеркнуто: «В это время ожидалось еще прибытие в Петербург нового прусского посланника графа Редерна, назначенного взамен графа Гольца, перемещенного в Париж. Прусским посольством временно заведовал старший советник. Также и представителем Австрии был поверенный в делах граф Тун-Гогенштейн в ожидании назначения нового посла» *(примеч. публ.)*.

с домом Гогенцоллернов по жене, он с молодых лет выказал себя горячим поборником независимости Италии и освобождения Римских областей от Папской власти; поэтому пользовался особенной благосклонностью как при Туринском дворе, так и при Тюильрийском и, хотя в 1863 году ему было всего 39 лет от роду, он уже два раза был министром.

В течение марта продолжались частые смотры Государя в Михайловском манеже по разным случаям. Полки 2-й гренадерской дивизии, прибывшие в Петербург на место выбывших из столицы полков 2-й гвардейской пехотной дивизии, оставались там короткое время: в начале марта они уже были отправлены в Варшавский военный округ, и перед выступлением Государь вторично смотрел эти полки 9, 11, 12 и 14 марта. Каждый раз он напутствовал их одобрительными словами. На место выступавших частей прибывали в Петербург полки 3-й гренадерской дивизии, которые также представлялись на смотр Государя 15, 16 и 19 марта. Кроме того, 14-го и 23-го числа Государь смотрел отправлявшиеся в Ригу стрелковые батальоны, Гвардейский Его Величества и 3-й гренадерский, а 28-го выступавший в Виленский округ Гвардейский драгунский полк.

Если к этим смотрам присоединить полковой праздник Конной гвардии, с особенной пышностью справляемый ежегодно в день Благовещения (25 марта), да обычные воскресные разводы, которым Государь придавал большое значение, — то можно сказать, что в течение почти всего Великого поста приходилось чуть не ежедневно проводить часть утра в манеже, — что было для меня крайне неудобной тратой времени, при тогдашних обстоятельствах, требовавших от Военного министерства напряженной деятельности.

В промежутках между смотрами войск Государь, по заведенному порядку, на шестой неделе Великого поста, 21 марта, осматривал военно-топографические работы, разложенные в нескольких залах Зимнего дворца, а 26 числа, во вторник Страстной недели принимал депутацию от петербургского дворянства с адресом, в котором выражались патриотические чувства дворянского сословия по поводу возникших польских смут и дипломатического вмешательства иностранных держав в наши внутренние дела. «Завистники наши мнят, — говорилось в адресе Государю, — что время преобразований, предпринятых Вами для пользы и преуспеяния государства, благоприятствует их замыслам на всецелость русской державы; но тщетны были бы их покушения: испытанное в преданности и самоотвержении дворянство, не щадя сил и жертв, в тесном союзе со всеми сословиями, твердо и непоколебимо станет на защиту пределов Империи». Государь принял депутацию весьма благосклонно, благо-

дарил за выраженные в адресе патриотические чувства и между прочим сказал: «Я вполне разделяю ваши чувства как дворянин и уверен, что все русское дворянство разделяет их с вами»[71].

Адрес петербургского дворянства был началом последовавшего за ним бесконечного ряда таких же патриотических заявлений от разных сословий и местностей всей Империи. Отовсюду начали стекаться такие же адресы, письменные, изустные и даже телеграфные выражения верноподданнической преданности Государю и готовности на всякие жертвы, чтобы отстоять достоинство и неприкосновенность отечества. Продолжавшееся многие месяцы обнародование этих бесчисленных адресов приняло размеры обширной политической демонстрации, как бы в ответ на польские притязания и на последовавшие попытки вмешательства западных держав в наши домашние дела.

В самый день Светлого воскресения, 31 марта, поднесен был Государю петербургским военным генерал-губернатором князем Суворовым адрес от Петербургского городского общества такого же патриотического содержания, как и поднесенный петербургским дворянством. «Мы не отплачиваем врагам ненавистью и жаждой мести, — говорило городское Общество, — но если Провидению угодно будет допустить испытание для России, то не остановимся ни перед какими жертвами: поднимем знамя за Царя и отечество и пойдем, куда укажет Твоя, Государь, державная воля».

Три дня спустя, 3 апреля (в среду Святой недели) Государь лично принял депутацию от того же городского Общества и в теплых выражениях благодарил за поднесенное от города князем Суворовым «красное яичко». «Ничем лучшим не могли вы порадовать меня в этот день, — сказал Государь; — верю, что ваши патриотические чувства искренни... До тех пор, пока эти чувства будут жить в вас, пока в вас будет та же теплая вера и молитва к Богу, Он сохранит Россию...»

На Пасху в этом году не было ни обычного большого чинопроизводства по военному ведомству, ни обычных наград: и то, и другое было отложено на 17 апреля, день рождения Государя*. Но день Светлого воскресения ознаменовался новым актом Царского милосердия в отношении к участникам польского мятежа. Тогда многим казались несвоевременными слова милосердия и примирения в такое время, когда мятеж был в полном разгаре; но Государь уступил настойчивым советам князя Горча-

---

* Можно разве только заметить в приказе на 31 марта производство в офицеры портупей-юнкера Кавалергардского полка Скобелева. Конечно, никто не мог тогда предсказать, что этот юный корнет будет через 14 лет командовать корпусом и приобретет общенародную известность боевого генерала.

кова, под впечатлением недавнего донесения нашего посла в Париже после личной аудиенции у французского императора. Как выше было упомянуто, Наполеон III дал понять барону Будбергу, что возбуждение общественного мнения во Франции может вынудить французское правительство вмешаться в польское дело, если сам император Российский не поможет ему чем-либо успокоить это настроение. Наш вице-канцлер полагал, что лучшим к тому средством может служить амнистия польским мятежникам и новое подтверждение благодушных видов Государя относительно будущего государственного устройства Царства Польского. В таком смысле и был редактирован Высочайший манифест 31 марта: в нем прежде всего высказывалось, что Государь не винит весь народ польский в возникшем мятеже, наиболее для него же самого пагубном, и в своем горячем желании положить конец бесцельному кровопролитию, готов предать забвению все прошлое. Полное прощение объявлялось тем из вовлеченных в мятеж подданным Царства Польского, которые, не подлежа судебной ответственности за какие-либо иные преступления, уголовные, или по службе в войсках, сложат оружие и возвратятся к своему долгу до 1/13 мая. В манифесте указывались те начала, которые были положены Государем в основание будущего благоустройства Царства Польского и которых дальнейшее развитие было прервано возникшим в крае мятежом. «На нас лежит священная обязанность охранять страну от возобновления волнений и беспорядков и открыть новую эру к политической жизни, которая может начаться только посредством разумного устройства местного самоуправления, как основы всего общественного здания...» В заключение высказывалась Высочайшая воля сохранить дарованные уже установления во всей их силе: «Мы предоставляем себе, когда они будут испытаны на деле, приступить к дальнейшему их развитию, соответственно нуждам страны и времени. Только доверием к этим намерениям нашим можно будет Царству Польскому изгладить следы миновавших бедствий и нужно идти к цели, предназначенной Нашею о нем попечительностью...»[72]

Объявленная манифестом 31 марта амнистия мятежникам Царства Польского была в то же время, особым указом, распространена и на обывателей западных губерний, вовлеченных в мятеж. И в этом указе выражалась надежда, что благомыслящие жители края, оценив оказываемую новую монаршую милость, «будут со своей стороны содействовать охранению общественного спокойствия и порядка, в твердом убеждении, что от сего зависит дальнейшее исполнение предначертаний Наших, с самого начала Нашего царствования направленных к расширению общественных прав, дарованных всем Нашим верноподданным и к посте-

пенному распространению круга деятельности, предоставленной разным местным в Империи Нашей учреждениям...»[73]

Оба приведенных акта, хотя и вызванные преимущественно соображениями дипломатическими, в видах успокоения возбужденного против России общественного мнения в Европе, показывают однако же, что и в это тяжелое время еще поддерживались в наших правительственных сферах благие надежды на дальнейшее развитие начатых либеральных реформ в государственном устройстве, не одного только Царства Польского, но и самой Империи. И действительно, тогда разрабатывались многие новые законодательные меры, в числе которых приготовлен был к 17 апреля, — дню рождения Государя, — Указ о значительных смягчениях в нашей системе наказаний уголовных и исправительных. Указом этим отменены телесные наказания и наложение клейм на осужденных уголовных преступников; значительно сокращены определенные Уложением сроки для разных степеней наказаний и т.д.

Инициатива в этом благом деле смягчения наших уголовных законов принадлежала генерал-адъютанту князю Николаю Алексеевичу Орлову, тогдашнему посланнику в Брюсселе. Еще в начале 1861 года он представил прямо Государю записку об отмене телесных наказаний, как в гражданском, так и в военном ведомстве. Молодой князь Орлов пользовался весьма милостивым расположением Его Величества и всего Царского семейства. Записка его произвела впечатление, и тогда же назначен был Комитет, для обсуждения возбужденного вопроса. Комитет, одобрив основную мысль, предложил однако же такие ограничения, которые чрезвычайно умаляли предположенную гуманную меру. Так например, вместо полной отмены наложений клейма, предполагалось клеймить не лицо, а плечо; женщин изъять от телесных наказаний, но за исключением ссыльных; исправительное наказание розгами оставить в силе впредь до устройства достаточного числа тюрем и т.д. Князь Орлов возражал на эти заключения Комиссии. В записке, присланной им князю Горчакову, в октябре того же 1861 года, он настаивал на безусловной отмене клеймения и безусловном избавлении женщин от всех телесных наказаний; относительно же недостаточности мест заключения, предлагал обратиться к частной деятельности, к сбору добровольных пожертвований на постройку тюрем, дабы не отсрочивать совершенную отмену телесных наказаний далее двухлетнего срока. Относительно военного ведомства князь Орлов дал первую мысль о разделении нижних чинов на два разряда, с тем, чтобы первый разряд был безусловно изъят от телесных наказаний и чтобы только перечисленные за проступки во второй разряд могли быть подвергаемы наказанию розгами и то не иначе,

как по приговору суда. Князь Орлов предлагал приурочить обнародование новой Царской милости ко дню предстоявшего тысячелетнего юбилея России, 8 сентября 1862 года, и даже прислал князю А.М. Горчакову сочиненный на этот случай проект Высочайшего манифеста*.

Гуманная мысль князя Орлова не осуществилась к указанной им годовщине; но в марте 1863 года снова была поднята князем Горчаковым в видах политических, и 17 апреля состоялся Высочайший Указ, одновременно с приказом по военному ведомству, об изменениях в Воинском уставе о наказаниях, «в видах, — как сказано в самом приказе, — возвышения нравственного духа армии». Существовавшее дотоле наказание «шпицрутенами» (или прогнание сквозь строй) совершенно отменено; телесное же наказание розгами (не свыше 200 ударов) оставлено только в виде временной меры, для замены заключения в предположенные новые военно-исправительные заведения. Без формального же приговора суда наказание розгами оставлено лишь для нижних чинов, состоявших уже в разряде «штрафованных»; но вместе с тем самое зачисление нижних чинов в этот разряд, так же как и исключение из него, обусловлены новыми, более точными правилами. Другим приказом того же 17 апреля объявлены некоторые изменения в правилах о нашивках, жалуемых нижним чинам в виде знаков отличия и дающих им право на безусловное освобождение от телесного наказания.

Объявленные 17 апреля смягчения в нашем уголовном законодательстве, как общем, так и специально-военном, в особенности отмена телесных наказаний, встретили общее сочувствие; но мера эта могла бы иметь несравненно важнейшее значение, если б не была обставлена, по нашей привычке, разными оговорками и изъятиями; и несмотря на эти прискорбные ограничения, ослаблявшие значение Указа 17 апреля, нашлось у нас немало робких консерваторов и ревнителей дисциплины, не одобрявших гуманные нововведения и предрекавших всякие беды от ослабления карательных мер, как для войска, так и для всего народа**. Многие отстаивали телесные наказания с той

---

* Обо всем изложенном князь Орлов сообщил мне в письме от 14/26 октября 1861 года из Брюсселя, прося меня поддержать его предположение[74].

** В автографе зачеркнуто: «Так, наказание розгами оставалось временно в виде замены заключения в тюрьму или в исправительные, или рабочие дома в том случае, когда присуждение приговора к этому роду наказания не может быть приведено в исполнение за неимением таких мест заключения. Хотя для некоторых категорий подсудимых и в том числе женщин допущено было безусловное освобождение от телесных наказаний, тем не менее нельзя было не пожалеть о том, что указом 17 апреля 1863 года все-таки не вполне еще были искоренены позорившие Россию следы татарщины» *(примеч. публ.)*.

односторонней точки зрения, что для простолюдина легче вынести несколько розог или палок, чем просидеть более или менее долгое время в заключении. Мнение это было довольно распространено даже между людьми сравнительно развитыми и добродушными.

На 17 апреля, как уже сказано, отложены были награды и чинопроизводство, объявляемые обыкновенно на Пасху. В числе более важных наград пожалованы: князю Суворову — орден св. Андрея Первозванного; генерал-адъютанту Тучкову — Владимира 1-й степени; министру государственных имуществ генерал-лейтенанту Зелёному — звание генерал-адъютанта; тайному советнику Гроту — звание статс-секретаря; генерал-адъютанту графу Евдокимову — алмазные знаки ордена св. Александра Невского и т.д. Удостоился и я нового выражения Царской милости, совершенно для меня неожиданной: сын мой, состоявший уже студентом в Петербургском университете и вовсе не готовившийся к военной службе, пожалован прямо в камер-пажи[75]. Признаюсь, что милость эта не порадовала меня: вместо окончания университетского курса, сын мой начал готовиться к офицерскому экзамену.

Государь, в день своего рождения, принимал поздравления по окончании обедни в Малой дворцовой церкви, где обыкновенно присутствовали в таких случаях кроме Императорской фамилии только некоторые из высших чинов и должностных лиц. После обедни происходил в Белом зале дворца прием многочисленных депутаций, прибывших в Петербург с поздравлениями и для поднесения верноподданнических адресов, с изъявлением патриотических чувств, одушевлявших все сословия и всю Россию. Тут были депутации от московского дворянства, Московского городского общества, Московского университета, губернские предводители дворянства Новгородской, Тверской и трех прибалтийских губерний, городские головы тверской, ярославский, владимирский, рязанский. Государь вошел в зал вместе с императрицей, с некоторыми членами Императорского семейства и ближайшей свитой и обратился к депутациям с прекрасной речью, которую стоит здесь привести в полном объеме, в той редакции, в которой она была потом опубликована:

«Благодарю вас, господа, за поздравление и в особенности за выражение ваших патриотических чувств, вызванных смутами, как в Царстве Польском, так и в западных губерниях, и посягательством врагов наших на древнее русское достояние.

Адресы ваши и те, которые я ежедневно получаю от всех сословий и из других губерний, составляют для меня истинное утешение посреди всех моих забот. Я горжусь единством этих чувств вместе с вами и за вас. Они составляют нашу силу, и

пока они будут сохраняться и мы будем призывать Бога на помощь, Он нас не оставит и единство Царства Всероссийского будет непоколебимо.

Враги наши надеялись найти нас разъединенными; но они ошиблись. При одной мысли об угрожающей нам опасности, все сословия земли Русской соединились вокруг Престола и показали Царю своему то доверие, которое для него всего дороже.

Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдет; но если она нам суждена, то я уверен, что с Божьею помощью мы сумеем отстоять пределы Империи и нераздельно соединенных с нею областей.

Еще раз благодарю вас всех за чувства вашей преданности, которым я верю; верьте же и мне, что вся моя жизнь имеет единственную цель — благо дорогого нашего отечества и постепенное развитие гражданской его жизни. Но на этом трудном поприще всякая торопливость не только не принесет нам пользы, но была бы вредна и даже преступна. Надеюсь на вашу общую помощь и содействие мне в тех важных работах, которые нам еще предстоят. Предоставьте мне дальнейшее их развитие, когда я сочту это возможным и полезным.

Взаимное наше доверие есть залог будущего благоденствия России. Да будет благословение Божье с нами. Еще раз благодарю вас всех от души...»[76]

После этой речи Государь и императрица оставались еще некоторое время в зале и, обходя представлявшихся лиц, обращались ко многим из них с приветливыми словами.

Вслед за тем, около 2 часов пополудни, перед выездом Государя из дворца, Его Величеству представлены были военными генерал-губернаторами: петербургским, князем Суворовым, и московским Тучковым, мировые посредники обеих столиц, депутация от бывших дворовых людей, проживающих в Петербурге, другая депутация, прибывшая из Москвы от тамошних бывших крепостных людей и наконец депутации от петербургских и московских старообрядцев, так называемого «Преображенского согласия». Государь сказал всем этим депутациям несколько теплых слов и принял от депутации петербургских дворовых людей поднесенный на серебряном блюде хлеб-соль. Когда затем Государь вышел на крыльцо садиться в экипаж, то собравшаяся на дворцовой площади густая толпа народа приветствовала его восторженными криками «ура».

В этом общем народном одушевлении в то время не было ничего поддельного; действительно, вся масса была как бы наэлектризована тогдашними событиями на западной нашей окраине и ходившими в среде простого народа толками об иностранном вмешательстве.

Объявленная в день Светлого воскресения новая Царская милость полякам так же, как и все прежние попытки успокоения мятежа мерами кротости и уступками, не достигла никакого результата. В ответ на манифест 31 марта появилась прокламация, в которой вожаки восстания нагло заявляли, что ни один честный поляк не захочет воспользоваться предлагаемой амнистией; что поляки добиваются не каких-нибудь улучшений или облегчений в администрации края, а полного освобождения от ненавистного ига. В то же время призывались все верные патриоты немедленно явиться в назначенные сборные пункты, чтобы лично принять участие в святом деле освобождения родины[77].

Впрочем еще ранее, в начале марта, агенты Варшавского революционного комитета в Петербурге уже получили подобное распоряжение, и тогда же, как бы по сигналу, весьма многие из проживавших в столице поляков, особенно из учащейся молодежи, вдруг, почти в один день, покинули свои должности и учебные заведения и выехали из Петербурга. Еще 12 марта военный генерал-губернатор петербургский князь Суворов уведомил меня, что по дошедшим до него сведениям, многие из студентов Медико-хирургической академии и чиновников Военного министерства из польских уроженцев получили от революционного комитета предписание прибыть на родину до 1 апреля, с угрозою, что не явившиеся к этому сроку будут признаны изменниками отечеству, а родственники их, находящиеся на родине, подвергнутся преследованию. Действительно, большая часть поляков из студентов Медико-хирургической академии, так же как из Университета, Технологического университета и других высших учебных заведений уехали из Петербурга. Многие получили от агентов революционного комитета пособия на путевые издержки. Бежали также и некоторые из юнкеров военных училищ, из офицеров, обучавшихся в военных академиях, и к крайнему прискорбию, — несколько офицеров и чиновников — людей зрелого возраста, даже из числа штаб-офицеров Генерального штаба. Побеги эти продолжались и позже, до половины апреля*.

Покинувшие свои должности и учебные заведения появлялись потом в Царстве Польском или в Литве, облекались в польский национальный костюм, в чемарки, с польским орлом на поясе, с конфедератками[78] на голове, в высоких сапогах, и в этом воинственном виде «утекали до лясу». Немногие из них уцелели; большинство погибало, или от русского оружия, или по приговорам военного суда.

---

* Несколько юнкеров Николаевского инженерного и Михайловского артиллерийского училищ, уволенные на воскресный день 13 апреля, не возвратились в училища. В тот же день исчезло и несколько офицеров.

Вожаки польского мятежа не ограничивались тем, что завлекали своих соотечественников в шайки, можно сказать, на убой, что поддерживали всеми без разбора средствами кровопролитие в Царстве Польском и Западном крае, — они задумали поднять смуту и волнения в самом сердце России. Давно уже вошли они в связи с русскими эмигрантами, нашими отъявленными революционерами, которые, в своем легкомысленном ослеплении, вообразили себе и уверили поляков, что в России вполне подготовлена почва для революции и что неминуемо вспыхнет бунт, лишь только военные наши силы будут отвлечены польским мятежом к западным окраинам. Поляки горячо ухватились за эту мысль и начали действовать заодно с тайным обществом «Земля и воля»[79]. Поприщем первых своих попыток к возбуждению бунта в России избрали они Приволжский край, вероятно, на основании традиций былого времени о вольнице низового края.

В то время, как изо всех углов России стекались в Петербург патриотические адресы с горячими изъявлениями преданности Царю и готовности стать поголовно на защиту Отечества против польской крамолы и врагов внешних, тайные агенты польско-русского заговора замыслили воспользоваться ходившими в народе толками о недавнем Царском манифесте, сочинив подложный манифест[80] самого нелепого содержания: в нем возвещалось о бесплатной раздаче земель, о прекращении всяких налогов и повинностей, об упразднении армии и всех властей. Документ этот, по всем признакам, был изготовлен за границей; экземпляры его разбрасывались в селениях и на постоялых дворах неведомыми личностями, проезжавшими по разным направлениям через губернии Тульскую, Нижегородскую, Рязанскую, Симбирскую, Саратовскую, Пензенскую, Тамбовскую. Но затея эта оказалась совершенно неудачной: подложный манифест не производил никакого действия на народ, который при всей своей простоте, не поддался такому грубому обману; местная же полиция приняла свои меры и успела схватить некоторых из распространителей подложного манифеста. Они были арестованы 26, 29 и 30 апреля и все оказались поляками (Маевский, Олехнович, Гощевич, Новицкий). Они были привезены в Казань, где учреждена следственная комиссия, которой удалось открыть целый заговор, имевший целью произвести бунт в Казани, а потом и во всем Поволжье.

Дело это заключалось в следующем: сын польского эмигранта, дворянин Минской губернии Иероним Кеневич был в числе агентов польского революционного правительства в Петербурге. Приняв на себя исполнение задуманного плана поднять бунт в Поволжье, он в марте месяце познакомился в Петербурге с одним офицером Одесского пехотного полка Черняком, кото-

рый в декабре 1862 года покинул Николаевскую академию Генерального штаба, не окончив курса, а в феврале 1863 поступил в Петербургскую Комиссариатскую комиссию. Черняк принадлежал к числу тех молодых офицеров того времени, которые увлекались всякими политическими бреднями и легко попадали в сети тогдашних революционных кружков, как русских, так и польских. Знакомство с Кеневичем окончательно погубило его: Черняк вызвался содействовать Кеневичу в его замыслах и с этой целью поехал в Казань, где вошел, через одного знакомого офицера резервного батальона (штабс-капитана Иваницкого) в сношение с некоторыми другими офицерами расположенных в Казани резервных батальонов и студентами тамошнего университета; выдав себя за агента тайного общества «Земля и воля», начал пропагандировать революционные идеи, распространять переданные ему Кеневичем экземпляры упомянутого подложного манифеста и составил целый план бунта. Предполагалось, по прибытии в Казань арестованных в Царстве Польском мятежников, освободить их и с их помощью разбить тюрьму, выпустить арестантов, затем захватить склады оружия и военных запасов, арестовать все местные власти и таким образом овладеть всем городом, пароходами на Волге и Оке, а потом распространить бунт по всему течению Волги. Кеневич обещал со своей стороны выслать из Москвы сотню предприимчивых людей с оружием; но успел доставить Черняку только несколько револьверов и небольшую сумму денег.

Черняку не удалось привести в исполнение несбыточный его план; успел он только возмутить одну деревню (Бездну), подучив крестьян отказать в уплате налогов и вооружиться. И эта попытка не имела других последствий, кроме тяжкого наказания, понесенного несчастными крестьянами. Когда же сделалось известно, что полиция напала на след заговора, Черняк поспешил покинуть Казань и вместе с Кеневичем бежал в Вильну. Там получил он от польского революционного комитета назначение на должность военного начальника Трокского уезда, где он и стал во главе мятежной шайки, с которой участвовал в нескольких встречах с русскими войсками; но, как кажется, не имел других успехов, кроме ограбления кассы одного волостного правления.

Пока Черняк подвизался среди лесов и болот литовских, сообщники его по Казанскому заговору судились в Казани военным судом. Дело это тянулось более года. Только в июне 1864 года состоялась конфирмация* приговора: главные виновники,

---

* Тогдашним временным генерал-губернатором в Казани генерал-адъютантом Тимашевым.

Кеневич, Иваницкий и еще двое офицеров (Мрочек и Станкевич) были казнены в Казани 6 июня, другие сосланы на каторгу. Черняк также не избежал заслуженной кары, хотя несколько позже: после подавления мятежа в Северо-Западном крае, он скрывался около года в имении одного помещика и потом вознамерился бежать за границу; но был задержан на железной дороге и отправлен в Казань, где, по приговору военного суда, расстрелян 11 октября 1865 года[81].

Безуспешность всех распоряжений местных начальств как в Царстве Польском, так и в Северо-Западном крае, для усмирения длившегося уже три месяца вооруженного мятежа, все более и более усиливала общее во всей России возбуждение духа и озлобление против поляков. В особенности высказывалось негодование на слабые действия и недостаток энергии виленского начальства. Сам Государь, при всем своем расположении к почтенному Вл<адимиру> Ив<ановичу> Назимову, видел невозможность дальнейшего оставления в его руках управления таким краем, где требовались со стороны главного начальника меры самые решительные, даже суровые. В половине апреля решено было заместить генерала Назимова другим лицом, более энергичным; выбор пал на генерала Муравьёва (Михаила Николаевича), который со времени увольнения от должности министра государственных имуществ проживал в Москве, в полном бездействии и как бы в опале. 15 апреля, по приказанию Государя, сообщено мной Михаилу Николаевичу желание Его Величества «узнать его соображения по некоторым вопросам, касающимся настоящих военных обстоятельств», для чего он был приглашен приехать в Петербург. Генерал Муравьёв, лишь только получил мое письмо, на другой же день, 18 апреля, выехал из Москвы, и, прибыв 19-го числа в Петербург, немедленно был принят Государем.

В тот же день всему городу сделалось известно назначение М.Н. Муравьёва на место В.И. Назимова. Новость эта произвела немалое удивление в придворной среде и в высшем обществе; но в средних слоях общества она была принята с большим сочувствием и одобрением. Мих<аил> Ник<олаевич> Муравьёв имел репутацию человека крутого, энергичного; назначение его означало решительный оборот в образе действий правительства в Западном крае и служило красноречивым ответом всем заступникам за поляков, как заграничным, так и домашним.

1 мая объявлено в приказе об увольнении генерал-адъютанта Назимова от занимаемых должностей, «согласно его прошению», и назначении генерала Муравьёва виленским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного ок-

В.И. Назимов

руга, «с предоставлением ему прав и власти командира Отдельного корпуса в военное время». При этом добавлено, что «на том же основании подчиняются ему и губернии Витебская и Могилевская, с войсками, в них расположенными». Генералу Назимову при увольнении пожалованы алмазные знаки ордена св. Александра Невского при рескрипте, в котором упоминалось, что увольнение последовало «вследствие совершенного расстройства здоровья многосложными занятиями по обоим возложенным на него званиям».

Генерал Муравьёв изложил Государю свой взгляд на положение Северо-Западного края и систему действий, которой намеревался он следовать как единственному верному пути к скорому подавлению мятежа. Исходной точкой этой системы поставлено было — твердое признание того края русским, с полным исключением всего польского. Государь, одобрив вполне этот взгляд, уполномочил генерала Муравьёва действовать по предначертанному им плану[82].

В официальной и общественной жизни Петербурга в течение апреля месяца наибольшее впечатление произвел новый вызывающий шаг европейской дипломатии — формальное вмешательство иностранных кабинетов в наше домашнее, польское дело. Обстоятельства этого инцидента заслуживают изложения в отдельной статье; здесь же докончу хронику петербургской обыденной жизни за последнюю треть того же месяца.

20 апреля происходил обычным порядком на Марсовом поле большой смотр войскам, или так называемый «майский парад». На этот раз он представлял ту особенность, что взамен 2-й гвардейской пехотной дивизии, участвовала в параде 3-я гренадерская. Специалисты по части парадов не могли не обратить внимание на то, что пехотные полки, только что приведенные из кадрового состава в полный боевой, состояли более чем наполовину из бессрочноотпускных нижних чинов и рекрут последнего набора, и несмотря на то, все, как гвардейские, так и гренадерские, представились вполне в удовлетворительном состоянии, в отношении строевого вида, обмундирования и снаряжения.

24 апреля Петербург и его окрестности подверглись разрушительному действию страшного урагана, внезапно поднявшегося под вечер с такой силой, что Троицкий мост на Неве разорвало на четыре части и понесло по течению с находившимися на нем в то время пешеходами, в числе до 200 человек. Не без труда удалось спасти людей. Сорвано было много крыш, поломано множество деревьев. Вода в Неве и в заливе быстро поднялась к 9 часам вечера до высоты $6^1/_2$ футов над «ординаром», и замечательно, что после того с такой же быстротой начала опять спадать, так что в час ночи уже стояла на нормальном уровне. В Кронштадте также причинено ураганом немало повреждений, много разбито судов не только на рейдах, но и в гавани. К счастью, из людей никто не погиб.

25 апреля Государь принимал нового посланника Северо-Американских Штатов — Кассия Клея, представившего свои верительные грамоты. Личность эта была довольно оригинальная: при наружности неуклюжей, встречаемой нередко между «янками», смуглом лице и черных как смоль волосах, плоско падавших по сторонам низкого лба, Кассиус Клей носил военный мундир и величался чином генерала. Формы его были грубоваты; в частной жизни не отличался он безукоризненной нравственностью; но все это прощалось ему ради выказанного им с первого же времени пребывания в России сочувствия к русскому народу и стараний его поддержать добрые отношения между нами и Северо-Американским Союзом. Клей при всяком случае брал нашу сторону против всяких пристрастных, незаслуженных нападок на Россию со стороны Западной Европы.

27 апреля происходило в католической церкви св. Екатерины (на Невском проспекте) отпевание скончавшегося 23-го числа митрополита (римско-католического) Жилинского, а 29-го числа последовало назначение на его место, на основании канонических правил, суфрагана его, епископа Станевского.

Каждую неделю, в известный день, в Петербург прибывал из Варшавы особый военный поезд с польскими арестантами. В конвой назначалась обыкновенно рота, сопровождавшая арестантов от Варшавы до Вильны, откуда назначалась на смену другая рота из войск Виленского округа до Петербурга; далее, по Николаевской железной дороге, арестантов конвоировали уже другие части войск, назначаемые по распоряжению начальства Внутренней стражи. В половине апреля Государем было приказано, чтобы в случае назначения в конвой из Варшавы гвардейских рот, не сменять их в Вильне, а отправлять прямо до Петербурга и чтобы каждый раз прибывающая рота представлялась на Высочайшем смотре. Так и было исполняемо в течение нескольких месяцев.

Первая прибывшая таким образом гвардейская рота была лейб-гвардии Литовского полка, капитана Витторфа (впоследствии бывшего начальником Петербургского юнкерского училища, а позже — командиром Кексгольмского гренадерского полка). Рота эта показала отличие в деле с повстанцами 8 апреля (при Марианове). 22 апреля она представилась на смотр Государя, на «разводной площадке» перед Зимним дворцом. Император, по своему обыкновению, обошелся весьма благосклонно с офицерами и нижними чинами, благодарил их за службу и разрешил роте пробыть в Петербурге целую неделю. 27-го числа приготовлено было ей угощение от Петербургского городского общества, в большой зале Городской Думы. На этот пир приглашено было от расположенных в Петербурге полков по два Георгиевских кавалера от каждого. Длинные ряды столов были расставлены вдоль залы, разукрашенной флагами, оружием, гирляндами; на хорах — оркестр музыки и публика. В начале 2-го часа приехали Государь с Наследником Цесаревичем и великий князь Николай Николаевич. Его Величество, встреченный городским головой, старшинами и представителями города, благодарил хозяев праздника и, войдя в залу, после обычного приветствия, обошел столы; затем занял место за особым, поставленным в конце залы, столом. Провозглашенный городским головой тост за здоровье Государя был встречен, как всегда, оглушительным «ура», а затем последовал ряд других тостов и в заключение — за здоровье роты и в лице ее всей русской армии. Тогда Государь сам поднял бокал за «здоровье угостителей» и чокнулся с городским головой. После того Его Величество вто-

рично обошел столы и простился с «литовцами», сказав им: «Кланяйтесь от меня своим товарищам». По отъезде Государя и великих князей начался настоящий пир; сверх обильного угощения, каждому гостю вручено было хозяевами по узелку с лакомствами и фунтом табаку. Гости, растроганные радушием хозяев, пропели хором несколько солдатских песен и, не зная, как выразить задушевнее свою признательность, пожелали на прощание, все поочередно, перецеловать городского голову.

В тот же день, 27 апреля, утром, происходил смотр прибывших в Петербург двух батальонов: укомплектованного по военному составу гренадерского саперного и вновь сформированного Ивангородского крепостного. С этого времени во все лето, почти ежедневно, Государь выезжал на смотры разных частей войск, то прибывавших в Петербург, то выступавших. В начале мая, по обыкновению своему, Их Величества переселились в Царское Село, откуда Государь приезжал весьма часто в Петербург; иногда же смотры производились в Царском Селе.

Таким образом, с начала мая приходилось и мне вести кочевую жизнь, в беспрерывном передвижении между Петербургом и Царским Селом, а позже и Петергофом. На летнее время моя семья переместилась, как и в предшествовавшие два года, на Каменный остров, во флигель дворца великой княгини Елены Павловны, которая в начале лета жила в Ораниенбауме, а впоследствии уехала за границу, в Карлсбад.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЫ В ПОЛЬСКОЕ ДЕЛО. МАРТ — АПРЕЛЬ

Наполеон III, приняв на себя роль защитника и покровителя польской нации, не мог оставаться в бездействии ввиду возраставшего возбуждения в общественном мнении Франции против России. Он задумал стать во главе грозной коалиции, перед которой, по его расчету, русское правительство не могло не преклониться и не согласиться на всякие уступки в пользу поляков. В этих видах он предложил всем кабинетам, не только европейским, но и Вашингтонскому, предпринять совместно дипломатический поход против России. В течение всего марта велась по этому предмету оживленная переписка между кабинетами Парижским, Лондонским и Венским[83]. Предполагалось для первого начала обратиться к России с коллективной нотой по крайней мере от этих трех кабинетов. Но оказалось весьма трудным достигнуть и между ними полного соглашения, так как особое положение политическое каждого из трех государств ставило их в неодинаковые отношения к польскому вопросу. Англия, держась строго на почве международного права, основывала свои

требования от России на трактатах 1815 года, тогда как Франция смотрела на эти трактаты с ненавистью и, проповедуя принцип национальности, стремилась к переделке карты Европы, чтобы стереть следы Венского конгресса[84]. Что же касается до Австрии, то положение ее в отношении к польскому вопросу было самое неловкое: она желала сближения с западными державами, рассчитывая на поддержку их в столкновениях ее с Италией и Пруссией; но с другой стороны, сама, озабоченная нетвердым своим положением в Галиции, при недовольстве всего вообще славянского населения империи и настойчивости мадьяр добиться для Венгрии полной автономии*, Австрия не могла желать торжества польского восстания, которое, в случае успеха, неизбежно обратилось бы против нее самой. Поэтому кабинеты Парижский и Лондонский не могли рассчитывать на искреннее и деятельное со стороны Австрии содействие в пользу Польши. Английский министр иностранных дел граф Россель в одной депеше к послу британскому в Вене Блумфильду выразился так о политике Австрии: «Она не желает стать на сторону России потому, что возбудила бы этим против себя польских своих подданных, но также не желает выказать одобрения польскому восстанию, опасаясь, чтобы пожар не распространился на Галицию...»[85] Притом нельзя было не вспомнить, что в былое время само австрийское правительство противилось дарованию конституции Царству Польскому императором Александром I, а потом, после революции 1831 года, положительно отклонило всякое участие в предпринятом правительством короля Луи-Филиппа ходатайстве перед императором Николаем I о сохранении Польше представительного образа правления. Наконец, присоединение Кракова к Австрии в 1847 году было со стороны самого кабинета Венского прямым нарушением трактата 1815 года[86]. Таким образом, для него было столько же неловко присоединиться к английскому взгляду на польский вопрос с точки зрения точного соблюдения трактатов Венского конгресса, сколько и ко взгляду французскому, основанному на принципе национальностей.

Убедившись в полной невозможности прийти к соглашению в редакции предполагавшейся коллективной ноты, три кабинета решились наконец отказаться от этого предположения и положили, чтобы каждый из них обратился к России особой депешей на имя своего представителя в Петербурге. Все три депеши,

---

* Здесь автором предусматривалась сноска: «Мадьяры в это время стали в открытую оппозицию против вводимой централистской системы Шмерлинга и отказали в приеме депутатов от Венгрии в Венский рейхсрат. Так же поступили и чехи» *(примеч. публ.)*.

помеченные одним и тем же числом — 10 апреля (29 марта ст. ст.), были также в один и тот же день 5/17 апреля предъявлены лично вице-канцлеру князю Горчакову послами — герцогом Монтебелло, лордом Нэпиром и графом Туном[87].

Французская депеша министра иностранных дел Друэнь-де-Люиса, изложенная в весьма мягких и даже любезных выражениях, была направлена преимущественно к тому, чтобы выставить общеевропейское значение польского вопроса и оправдать вмешательство Парижского кабинета; в заключение же выражалась уверенность, что «император Александр II выкажет либеральные наклонности, которыми царствование Его Величества уже столь блистательно ознаменовалось, и в своей мудрости, признает необходимость таких мер, которые обеспечили бы надолго спокойствие Польши...»

Английская же депеша графа Росселя, отличавшаяся свойственным английским дипломатам тоном сухим и авторитетным, почти исключительно состояла в том, что доказывалась обязательность для России трактата 1815 года относительно Польши и опровергалось мнение, что польский мятеж 1831 года предоставил России права завоевателя. «Правительство Ее Величества, — писал граф Россель, — убедительно просит российское правительство обратить должное внимание на все предшествующие заявления по этому предмету, и при этом позволяет себе указать императорскому правительству, что кроме обязательств в силу трактатов, Россия, как член европейской семьи государств несет на себе еще долг внимания к другим государствам...» После такого неуместного наставления английский министр заключил свою депешу выражением весьма неопределенных надежд на то, что российское правительство «уладит дела так, чтобы возвратить польскому народу мир, основанный на твердых началах...»

Наконец, в австрийской депеше графа Рехберга исходным началом принято было то вредное влияние, которое смуты в Царстве Польском оказывали на соседнюю с ним Галицию, чем и оправдывалось заявление со стороны Венского кабинета желания, чтобы русским правительством были приняты меры к устранению на будущее время периодического возобновления подобных прискорбных явлений посредством водворения в подвластных России польских областях такого устройства, которое обеспечило бы прочным образом спокойствие в крае. Вообще, депеша отличалась тоном спокойным и дружественным.

Соответственно содержанию и тону каждой из трех депеш, даны были князем Горчаковым ответы в депешах от 14/26 апреля к представителям России в Париже, Лондоне и Вене[88].

Ответу на французскую депешу наш вице-канцлер придал ту же вежливую и любезную форму, в какой было сделано заявление Парижским кабинетом. Выразив сочувствие к человеколюбивым побуждениям императора Наполеона, князь Горчаков заметил, что восстановление мира и спокойствия в Польше еще ближе к сердцу императора Российского; затем, переходя к вопросу о средствах для достижения этой желанной цели, указал прямо на настоящий корень зла, заключавшийся в общеевропейском революционном движении, которое, найдя себе в Польше удобную почву для взрыва, в случае успеха, охватит весь континент. Отсюда князь Горчаков выводил заключение, что все государства должны бы были принятием у себя надлежащих мер помочь России в потушении пожара, «постоянно питаемого извне». В заключение выражалась надежда, что правительство императора Наполеона окажет нравственную поддержку, чтобы облегчить русскому Государю выпадающие на его долю тяжелые обязанности как относительно России, так и к соседним, и другим державам Европы.

Английская депеша требовала ответа более категоричного. Князь Горчаков вошел в подробный анализ доводов графа Росселя с точки зрения международного права и снова опровергал его мнение об обязательности трактатов 1815 года для России в отношении образа управления и административного устройства в Царстве Польском; затем, переходя к выраженному в английской депеше желанию восстановления в Польше спокойствия на твердых началах, повторил высказанное уже прежде, при личном объяснении с лордом Нэпиром, замечание, что для практического достижения этой цели, вероятно, и само правительство английское не полагает непременным и единственным средством — введение конституционного образа правления по английскому образцу, так как несомненно, что для каждой страны нужны учреждения, соответствующие ее состоянию и историческому развитию. Затем указывалось на те меры, которые принимались уже русским правительством в видах благоустройства Царства Польского и в этом отношении, по заявлению князя Горчакова, выполнялись, насколько признавалось возможным, все требования международных отношений; но того же нельзя сказать об образе действий других государств в отношении России: брожение в Польше постоянно получает поддержку извне; за границей организуются заговоры и формируются вооруженные шайки. «Если правительство Ее Британского Величества почувствовало на себе сотрясение, возбужденное в Европе польскими смутами, то, конечно, еще более должны мы терпеть от действия постоянных возбуждений, которыми Европа влияет на спокойствие Польши». В заключение князь Горчаков приходил

к такому же логическому выводу, как и в ответе французскому правительству, — что «кабинеты, искренне желающие скорейшего успокоения Польши, вернее всего могут этого достигнуть, помогая со своей стороны России противодействовать распространяющимся по всей Европе беспорядку нравственному и материальному, дабы тем уничтожить самый источник смут, вызывающих заботы их...»

Наконец, в депеше к послу нашему в Вене Балабину дан ответ австрийскому правительству более лаконический, заключавшийся собственно лишь в том заявлении, которое составляло заключительный вывод в двух других ответных депешах князя Горчакова.

Между тем, вслед за депешами трех кабинетов, Парижского, Лондонского и Венского, начали стекаться в Петербург заявления почти всех других европейских государств относительно польского вопроса, за исключением лишь Пруссии, Бельгии и второстепенных государств Германского Союза[89]. Все правительства находились под двойственным давлением — внешним и внутренним: с одной стороны, кабинетов Парижского и Лондонского, которые, побуждая других к участию в предпринятом общем дипломатическом походе против России, разослали в виде нормы, или образца, копии со своих депеш от 10 апреля; с другой стороны, общественного мнения, сильно возбужденного во всей Европе происками поляков и либеральной печатью. Выше было уже упомянуто о проделках польских и русских эмигрантов в Стокгольме*; такая же почти агитация велась и в других столицах. Правительства второстепенных государств, хотя и чувствовали всю несообразность обращения их к России по делам польским, ни в каком отношении до них не касавшимся, побоялись однако ж уклониться от общего, нестройного хора и прислали своим представителям в Петербурге депеши, более или менее сходные между собой и по содержанию, и по форме: во всех выражались в самых мягких и любезных фразах скромные желания восстановления спокойствия в Польше и доверие к благим видам и человеколюбию русского императора. Только в некоторых встречались характерные особенности; так, например, в испанской депеше (министра маркиза Милафлореса от 21 марта / 2 апреля) высказывалось, что мадридский двор имел целью не давать советы, в которых мудрость русского императора не нуждается, а только сообщить ему некоторые дружествен-

---

* Здесь автором предусматривалась сноска: «Однако же в правительственных сферах Швеции взяло верх благоразумие: в заседании стортинга 21 апреля / 3 мая постановлено единогласно всеми четырьми сословиями отклонить вмешательство Швеции в польские дела» *(примеч. публ.)*.

ные заявления, составляющие вывод из собственной своей опытности в деле политической смуты... Даже и Порта, в депеше к своему посланнику Халиль-бею (от 2/14 мая), воздержавшись от всяких щекотливых рассуждений, сочла нужным также выразить платоническое пожелание восстановления спокойствия в Польше[90].

Не отстала от других и Римская курия. Сам Папа Пий IX обратился прямо к российскому императору с письмом (от 10/22 апреля), в котором перечислял мнимые препятствия, будто бы поставляемые русским правительством отправлению латинского богослужения в Польше, и требовал для Ватикана права «направлять народ и влиять на его нравственное образование...»[91]

На это послание главы римско-католической церкви Государь немедленно ответил письмом от 29 апреля / 11 мая, в котором выразил сожаление свое о том, что само духовенство польское своими преступными действиями препятствует установлению желаемого соглашения и что в самом этом духовенстве заключается корень всего зла[92]. На все прочие, полученные от разных кабинетов заявления по делу польскому, князь Горчаков ответил через русских представителей при иностранных дворах, в самых дружественных выражениях, в которых однако же проглядывала некоторая ирония. Так, в депеше на имя Мансурова, посланника в Гааге, была такая фраза: «Мы не станем разбирать, приносят ли действительную практическую пользу те пожелания, которые выражаются кабинетами в то время, когда Августейший наш Монарх в своей заботливости о благоденствии своих подданных, принимает все меры, какие только признает для того необходимыми, или же пожелания эти, по самой сущности своей, способны лишь к тому, чтобы посеять между агитаторами в Царстве Польском надежды и обольщения, а через то препятствовать скорейшему восстановлению спокойствия в крае...»[93] в другом ответе, именно на депешу Лиссабонского кабинета*, было высказано учтивым образом, что русский император не нуждается в чьих-либо напоминаниях о лежащих на нем царственных обязанностях.

И действительно, какой смысл мог иметь этот обмен депеш с изъявлениями одних пожеланий? Разве могло быть сомнение в том, что более всех желает успокоения Польши сам император Российский и Царь Польский? В этом отношении отказ Бельгии принять участие в бесполезном дипломатическом походе служил новым доказательством мудрости ее короля Леопольда I, который сослался в своем отказе на обязательный для Бельгии нейтралитет. Второстепенные германские государства также укло-

---

* тайному советнику Озерову от 26 апреля / 8 мая[94].

нились под предлогом своих обязательных отношений в качестве членов Союза Германского*.

Что же касается до Берлинского кабинета, то он прямо и решительно опроверг все предложения Франции и Великобритании, пытавшихся привлечь и Пруссию к коалиции против России. Когда посол английский в Берлине сэр Андрю Буханан, по поручению графа Росселя, завел об этом речь с Бисмарком, поставив ему в пример Австрию, не убоявшуюся за свои польские области, то прусский министр-президент отвечал, что прусское правительство с самого начала польских смут постоянно обращало внимание русского императора на опасные последствия его снисходительности к польским стремлениям и теперь не изменило своего взгляда, а потому не может советовать Петербургскому кабинету даровать полякам требуемую ими полную автономию**. Бисмарк сказал Буханану, что предпринимаемое дипломатическое вмешательство не достигнет своей цели уже потому, что поляки не удовлетворились бы никакими дарованными им льготами.

Также поступило и вашингтонское правительство, как впрочем и следовало ожидать. В ответ на сделанное Парижским кабинетом*** предложение, американский министр иностранных дел Сьюард в депеше к Дэйтону, посланнику в Париже (от 11 мая / 29 апреля)[96], напомнил французскому правительству политические традиции Северо-Американского Союза, завещанные ему Вашингтоном, а также и все предшествовавшие случаи отклонения Союзом всякого вмешательства в чужие дела. При этом американский министр отозвался с горячим сочувствием о тех высоких качествах и человеколюбии императора Александра II, которыми ознаменованы совершенные им в России великие реформы. Надобно заметить, что уже в это время Вашингтонский кабинет смотрел с неудовольствием на вмешательство Франции в дела Мексики и на явное доброжелательство, оказываемое Парижским и Лондонским кабинетами отложившимся от Союза южным штатам[97].

Копию со своего ответа Парижскому кабинету Сьюард препроводил к Клею, посланнику американскому в Петербурге для предъявления князю Горчакову. Последний, в ответе Клею (10/22 мая), выразил от имени Государя благодарность вашинг-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Папское же правительство если и воздерживалось от одновременного с другими кабинетами заявления, то в сущности лишь потому, что оно уже ранее стало почти во враждебных к России отношениях по делам польским» *(примеч. публ.)*.

** Депеша Буханана к графу Росселю от 23 марта / 4 апреля[95].

*** Депеша Друэнь-де-Люиса от 11/23 апреля.

тонскому правительству за дружественное доверие к видам и намерениям императора Александра II и прибавил, что «подобного рода заявление еще теснее свяжет узы взаимной симпатии между обеими странами». По выражению князя Горчакова, северо-американское правительство, с твердостью заявив принцип невмешательства в чужие дела, тем самым «подает и другим пример прямоты и политической честности...»[98]

Ответы русского вице-канцлера на заявления трех держав, конечно, не удовлетворили никого из поборников польского дела. Официальные и официозные газеты в Париже и Лондоне не могли не отдать справедливости примирительному тону депеш князя Горчакова и находили в них благоприятную почву для дальнейшего ведения дипломатических переговоров. Напротив того, органы печати, горячо ратовавшие за польское восстание, метали громы и молнии против России, сыпали на нее угрозы и прямо заявляли, что одной только войной возможно заставить Россию исполнить требования Европы. Некоторые более откровенные газеты прямо заговорили, что Польша не удовлетворится никакими либеральными учреждениями под властью России и требует полной независимости в своих старинных пределах.

То же заявлялось открыто и самими вожаками восстания в прокламации, напечатанной во многих газетах, около средины марта месяца. В ней прямо высказывалось, что Польша не признает даже и трактатов 1815 года, в заключении которых она не принимала участия, а требует восстановления полной своей независимости в пределах бывшей Речи Посполитой; мало того, возвещалось заранее, что и тогда она не успокоится; что с того только времени настанет ее борьба с варварской Россией за преобладание на востоке Европы, до тех пор, пока ненавистная Московия не будет окончательно выброшена из семьи европейских государств.

Такое чудовищное заявление фанатических мечтаний польских патриотов должно бы открыть глаза европейской дипломатии; но общественное мнение во Франции и в Англии было до такой степени возбуждено против России, что никакие со стороны нашего правительства объяснения, ни самые широкие уступки не могли бы успокоить это настроение. В суждениях о польском деле господствовал полный хаос, отсутствие всякой логики. Даже в серьезной, практичной Англии раздавались на митингах яростные нападки на Россию, без малейшего понятия о действительном положении дел. Во Франции же русофобия дошла до мономании. Находившийся в то время в Париже брат мой Николай писал мне (23 апреля / 5 мая), что во всем парижском обществе один только дом — принцессы Матильды (Деми-

довой), «где русские принимаются радушно». Одна принцесса «громогласно (и даже с приправою привычных ей крепких слов)» ругает поляков и французско-польскую горячку...»[99]

При таком настроении напрасны были все наши попытки умилостивить Европу официальными объяснениями в газетах, опровержением распускаемых на наш счет клевет и лжи, гуманными мерами правительства и т.д. В опровержение упреков, будто бы русское правительство до сих пор ничего не сделало для Польши, «Journal de S-t Pétersbourg» напечатал длинный перечень всех мер, принятых со времени вступления на престол императора Александра II для благоустройства и благосостояния Польши. В заключение статьи обращалось внимание на то, что Государь поставил брата своего наместником Царства, а во главе гражданского управления — природного «поляка, отличающегося своими способностями, горячим и просвещенным патриотизмом»; что вся администрация, не исключая губернаторских и других высших должностей, находится в руках поляков, так что к началу 1863 года во всем Царстве находилось не более 8 русских сановников в высшем управлении варшавском. Все это было гласом вопиющего в пустыне.

Не оправдались и расчеты наши на благоприятное впечатление, которое должны были произвести в Европе манифест 31 марта об амнистии польским мятежникам и указы 17 апреля о смягчении уголовных законов и отмене телесных наказаний. Гуманные эти меры были встречены в Париже и Лондоне почти с досадою и неудовольствием. Граф Россель, который незадолго до отправления своей депеши от 10 апреля (29 марта) в разговоре с бароном Брунновым выражал мнение, что дарование амнистии инсургентам и либеральных учреждений Царству Польскому, наверное, положили бы конец возмущению, — теперь, после появления манифеста 31 марта, уже находил дарованную амнистию несвоевременной*, а заявление о сохранении и дальнейшем развитии введенных в Польше учреждений — недостаточным для прекращения мятежа. «Теперешняя амнистия, — писал граф Россель, — не в силах ни ослабить восстания, ни обеспечить прочными гарантиями даже умереннейших польских патриотов...»

Полагаю уместным привести здесь выписку из любопытного письма моего брата Николая, из Парижа, от 23 апреля / 5 мая.

---

* Граф Россель в депеше к лорду Нэпиру от 12/24 апреля писал, что подобная амнистия была бы уместна в такое время, когда мятежники были бы разбиты и ожидали лишь помилования, — чего русское правительство далеко еще не достигло[100].

Упомянув о своих разговорах с нашим посланником бароном Будбергом, брат писал мне:

«Нынешний курьер привезет официальное донесение его (т. е. барона Будберга) о приеме здесь наших нот. Разумеется, это было мне известно лишь в общих чертах; но как мои личные и частные наблюдения сходятся с его взглядом, то он очень просил передать тебе кое-что для собственного твоего соображения. Дело в том, что здесь впечатление, произведенное нашими нотами, хотя по виду и благоприятное, в сущности едва ли изменит положение дела и взаимные отношения. Французское тщеславие, конечно, будет немало щеголять нашими чересчур изысканными любезными формами (что даже едва ли нам будет выгодно в глазах остальной Европы); но наша дипломатия странно ошибается, если думает, что за формой забудется сущность дела. Еще страннее ожидать каких-нибудь серьезных результатов от сердечных излияний (иначе нельзя назвать дополнительной ноты, предназначенной собственно для Наполеона). Спрашивать у него: какие у него цели, какие затаенные мысли и проч. — это чересчур наивно. Все это понятно только в том случае, если хотят выиграть время (впрочем, здесь, как и у нас, к развязке вовсе не торопятся); но ни нежности, ни диалектика не могут уже развязать дела. Общественное мнение Европы нам враждебно; это факт; порывы его смутны, неясны, в практическом отношении большей частью нелепы; но они все (надо сознаться) направлены против абсолютизма. Тут важную, если не самую главную роль, играет опасение той несокрушимой силы, которую может в более или менее отдаленной будущности представить Россия, обновленная, покойная, богатая и послушная одному направлению. Все, что может рисовать наше патриотическое воображение в минуты самого восторженного своего настроения, — все это мерещится и Европе в виде страшного призрака. Чем более живу здесь, тем более в этом убеждаюсь. Предубеждения против нас невероятные, и они так глубоко вкоренились, что нужно много и много усилий, продолжительных и настойчивых, чтобы искоренить их, хотя бы в уме людей умеренных, которые везде есть. Многое у нас сделано и делается, что могло бы этому содействовать; но Европа этого не знает, и мы не умеем даже обставить наши действия понятным ей образом (доказательство — амнистия, данная невовремя; отмена телесных наказаний, сделанная в виде jugement dernier à huit clos*, и проч.). Но я невольно увлекся и вышел из дипломатического круга. В настоящем деле есть два рода мер, которые переплетаются в уме, хотя строгая логика требует их различать: это меры

* окончательного приговора при закрытых дверях *(фр.)*.

радикальные и меры паллиативные. О первых хотелось бы поговорить; но ни время, ни место не позволяют. Возвращусь к последним. Результатом последних объяснений с Наполеоном было предложение его открыть конференции. Сомнительно, чтобы из них вышел толк; но, во всяком случае, они менее опасны, чем конгресс, о котором мечтает наш вице-канцлер. Не знаю, известно ли тебе, что он уже писал об этом Брунову*. Это какое-то затмение. Как? Мы добровольно явимся в качестве подсудимого перед всей собравшейся Европой, которая уже заявила так единодушно свое недоброжелательное настроение по польскому вопросу? Непонятно, какими софизмами можно поддерживать такую рогатую мысль. Будберг весьма справедливо заметил, что даже конференцию можно принять лишь в ограниченных размерах, с определенной заранее программой, в пределах трактатов, и притом не иначе, как в Петербурге, где мы ни в каком случае не можем превратиться в подсудимых.

Как бы то ни было, но теперь самое решительное паллиативное средство было бы — решительное военное действие в Польше и Литве. Не могу передать тебе, какое плачевное впечатление производит здесь безуспешность наших действий против полувооруженного сброда попов, мальчишек и всякой сволочи. Если это продлится, то никакая дипломатия, никакие либеральные меры не помогут. Неужели нельзя нигде воспользоваться содействием крестьян, как делает Австрия?..»[101]

Ответ на этот последний вопрос найдется в дальнейшем моем рассказе.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЯТЕЖА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ. АПРЕЛЬ

Назначенный приказом 17 марта на должность командующего войсками в Царстве Польском, в помощь великому князю Константину Николаевичу, генерал-адъютант граф Берг прибыл в конце того же месяца в Варшаву и вступил в новую свою должность. Вслед за тем маркиз Велёпольский, получив отпуск за границу, уехал со всем своим семейством через Дрезден в Швейцарию[102]. Печально закончилась политическая деятельность этого государственного человека, замечательного во многих отношениях: испытав полную неудачу в задуманном плане возрождения Польши, он должен был удалиться, подобно полководцу, покидающему поле сражения после понесенного поражения. Положение его было тем трагичнее, что в этом бегстве

---

* Об этом мне не было известно.

его преследовали и негодование со стороны русских, и ненависть поляков*.

Назначение графа Берга возбудило у нас в общественном мнении надежду на перемену к лучшему в ходе дел в Царстве Польском. Военная опытность его, соединенная с тонкостью дипломата, и неутомимая его деятельность давали повод ожидать, что с его прибытием военные действия получат более систематическое направление и что в короткое время будет положен конец бесплодной погоне войск по лесам и болотам за шайками мятежников, продолжавших уже три месяца рыскать по всему краю, наводя ужас на сельское население своими бесчеловечными насилиями и грабежом.

Но вожаки мятежа далеки были от прекращения этой войны герильясов[104], разорительной и гибельной для польского народа; напротив того, они напрягали все усилия, чтобы раздуть мятеж именно в то время, когда наступали самые критические моменты дипломатической коалиции, на которую возлагались главные надежды поляков. Так, в течение апреля, когда они ожидали с лихорадочным беспокойством последствий пущенных в ход дипломатических нот, появление шаек заметно усилилось как в Царстве Польском, так и в западных губерниях, особенно же к концу месяца.

Вот как описывал тогдашнее положение дел в Царстве Польском сам граф Берг, вскоре по прибытии своем в Варшаву (от 4/16 апреля):

«L'insurrection est active partout, dans chaque village, dans chaque habitation isolée des campagnes. Le caractère sanguinaire de l'insurrection domine par la terreur toutes les classes de la populatoin et tout individu personnellement. Cet état de choses nous impose l'obligation d'être présent partout et de nous disséminer bien malgré nous. Toute petite bourgade ou ville non ocupée, s'organise a l'instant même en gouvernement révolutionnaire. Les employés inférieures non

---

* По поводу произнесенной во французском Сенате принцем Жеромом-Наполеоном речи, крайне оскорбительной для маркиза Велёпольского, сын его граф Сигизмунд вступился за честь отца и вызвал принца на дуэль весьма резким письмом, которое опубликовал по прошествии назначенного срока, не получив требуемого удовлетворения. В письме этом, между прочим, было такое место: «Бесстыдный санкюлот, дерзко изрыгающий хулы, трусливо прячется за недоступную ограду привилегированного своего положения, коль скоро потребуют от него отчета»[103]. Как предвидел Велёпольский, принц уклонился от дуэли; но вместо него принял вызов граф Ксаверий Браницкий; дуэль состоялась в Спа, в исходе мая и кончилась безвредно для обоих противников благодаря своевременному появлению бельгийской полиции. Честь Велёпольского была очищена. Но позже (в октябре) граф Сигизмунд Велёпольский имел другое столкновение в Гамбурге с неизвестным поляком, поносившим отца его ругательствами.

seulement ne résistent pas, mais ils obéissent aux insurgés. Les bataillons que vous nous annoncez pour les places fortes nous seront d'un grand secours; nous les attendons avec impatience; leur présence rendra aux colonnes mobiles dans le pays un nombre égal de troupes...»*[105]

Затем граф Берг просил только подкрепить кавалерию в Царстве Польском двумя или тремя полками, имея в виду, что конница есть самое необходимое оружие для открытия и преследования мятежников. Но вскоре потом он уже признавал такое подкрепление недостаточным и начал требовать более значительного усиления войск в Царстве Польском, ссылаясь на необходимость раздробления сил для занятия множества пунктов и для действия в поле подвижными колоннами против появляющихся повсеместно шаек.

В первые же дни апреля произошли довольно значительные стычки в недальнем расстоянии от самой Варшавы: 2-го числа генерал-майор барон Крюднер с 2 ротами лейб-гвардии Волынского полка, эскадроном гродненских гусар и сотнею казаков, настиг у Буды Заборовской (в 8 верстах к северо-западу от Варшавы) шайку, составившуюся из варшавских выходцев. Мятежники оказали упорное сопротивление; так что пехота ходила в штыки, а гусары произвели несколько атак. Дело кончилось, конечно, тем, что шайка обратилась в бегство и разбежалась по лесам, оставив на месте более 100 убитых.

Вслед за тем, в ночь с 3 на 4 апреля, с другой стороны Варшавы мятежники сами произвели нападение на городок Минск, но были отбиты с уроном. 8-го же числа генерал-майор барон Меллер-Закомельский разбил шайку Янковского близ местечка Варки, на р. Пилице, к югу от Варшавы.

В тот же период времени произошло несколько стычек в Люблинском отделе: 3 апреля разбита шайка в окрестностях Бялы; 4-го отряд из Янова имел дело с шайкой Лелевеля; 11-го Луковский отряд нанес сильное поражение (между Грезувкою и Ольшицами, к северо-западу от Лукова) шайке Мицевича, который при этом взят в плен (и впоследствии, 3 июня, повешен в

---

* «Восстание действует в каждой деревне, в каждом отдельном сельском жилище. Кровавый характер мятежа с помощью террора властвует над всеми классами населения и отдельно — над каждым человеком. Это положение вещей против нашей воли диктует нам обязанность присутствовать везде и сильно рассеяться. Всякий маленький городок в данный момент подчиняется революционному правительству. Низшие чиновники не только не сопротивляются, но подчиняются мятежникам. Батальоны, которые вы обещали направить в укрепленные пункты, будут для нас большим подкреплением; мы ждем их с нетерпением; их присутствие придаст подвижным колоннам в крае равное количество войск» *(фр.)*.

Седлеце); а 12, 15 и 16 апреля происходили стычки в окрестностях Юзефова.

Более значительные действия происходили на левой стороне Вислы.

В Радомском отделе войска наши провели всю первую половину апреля в поисках за шайкой Чеховского, появившейся в лесах, окружающих Ильжу. Чеховский наводил ужас на мирное население своими чрезмерными, зверскими жестокостями. Направленные против него отряды гонялись за ним несколько дней сряду; один из этих отрядов, полковника Эрнрота, наконец настиг шайку 5 апреля между Бродами и Вержбником (к юго-западу от Ильжи) и нанес ей полное поражение. К концу боя подоспела и другая колонна генерал-майора Ченгеры из Келец. Чеховский с конной шайкой успел уйти к стороне Опочинского уезда. Преследуя его, Ченгеры 9-го числа нашел в лесу, близ деревни Липа (к западу от Конска) притон, только что оставленный шайкой Завадского, разбитого утром того же дня летучей колонной штабс-капитана Обухова, выступившего накануне из Радомска. Сам Завадский чуть было не попал в плен; но стычка эта стоила жизни самому Обухову.

Генерал-майор Ченгеры, возвратившись 10-го числа в Кельцы, снова выслал несколько летучих отрядов по разным направлениям для розыска остатков шайки Чеховского. В тот же день майор Хмелинский, обыскивавший леса к юго-востоку от Опочны, неосторожно наткнулся у деревни Стефанковице (к востоку от Конска, верстах в 20) на многочисленную шайку, угрожавшую окружить со всех сторон слабый наш отряд. Однако ж майору Хмелинскому удалось отойти на более открытое место, где мятежники уже не осмелились преследовать его; но при этой неожиданной встрече в лесу отряд понес порядочную потерю: 18 убитых и 28 раненых. В числе последних были 2 офицера; один из них, капитан Никифоров, имел несчастье попасть в плен. Храбрый этот офицер вынес страшные истязания и наконец был повешен.

В Калишском отделе продолжали вторгаться шайки из Познанской области. Одна из них, в числе до 2 тысяч человек, была атакована 10 апреля несколько южнее Калиша летучими отрядами, высланными из Калиша, Серадзя и Ченстохова, под общим начальством полковника Орановского. Мятежники были прогнаны за границу, оставив на месте до 270 убитых и около 100 пленных. В то же время севернее Калиша, со стороны Гнезно, вторглась другая, более многочисленная шайка Зейфрита, силою до 5 тысяч человек, хорошо вооруженных, обмундированных и несколько обученных. Высланный 14-го числа из Влацлавска для рекогносцировки майор Нелидов, с 2 ротами Оло-

нецкого полка и небольшой частью казаков, не доходя 6 верст до Скульска, у деревни Новой Веси, почти у самой границы, наткнулся неожиданно на шайку Зейфрита и был окружен со всех сторон несоразмерно превосходным противником. Роты Нелидова отстреливались сколько могли и после четырехчасового боя, израсходовав все патроны, ослабленные потерей, решились пробиться штыками, — и при этом неумышленно переступили за прусскую границу. Очутившись неожиданно в пределах соседнего государства, наши две роты (в которых оставалось налицо всего 380 человек) были встречены радушно прусским офицером — майором Шмитом, который отвел их в ближайшее селение Хельмице, где изнуренные большим переходом (более 50 верст) и упорным боем, они могли отдохнуть и оправиться. В донесении своем об этом майор Шмит отзывался о наших ротах с большой похвалой; по его словам, «вид людей представлял наглядные следы только что выдержанного горячего боя, — и несмотря на усталость от усиленного перехода, люди смотрели молодцами и соблюдали совершенный порядок». Прусские власти разместили солдат по квартирам; хозяева домов приняли гостеприимно бывших в отряде 12 офицеров; явился врач для подания помощи раненым. За все полученные припасы уплачивалось по установленной таксе. Переночевав под кровом гостеприимных соседей, отряд Нелидова на другой день утром выступил в полном порядке из Хельмица (где оставлены были тяжелораненые) и проведен был пруссаками вдоль границы до деревни Баховицы, откуда выступил обратно в пределы Царства (у Александрова). На всем пути в пределах Пруссии наши солдаты не унывали, пели песни и обходились по-братски с сопровождающими пруссаками, а при прощании на границе обнимались с ними. Майор Нелидов перед расставанием пригласил прусских офицеров на завтрак, за которым пили за здоровье нашего Государя и прусского короля. По отзыву майора Шмита, во все время «поведение и дисциплина русских войск не оставляла желать ничего лучшего».

Однако ж случайный этот эпизод подал новый повод к враждебным против России запросам в прусской Палате и к нападкам на министерство. Ставили в упрек местным властям даже и то, что русскому отряду, изнуренному походом и боем с неравными силами противника, дано было переночевать под кровлей. Прусские министры были поставлены в необходимость напомнить Палате о долге человеколюбия и объяснить, что правительство прусское смотрит на происходящие в Царстве Польском события отнюдь не как на войну между Россией и Польшей, а как на усмирение мятежа в соседнем, дружественном государстве и не признает поляков воюющей стороной.

Случайная встреча 14 апреля многочисленной шайки со слабым отрядом русских была первым боевым успехом мятежников. Шайка Зейфрита* двинулась на Радзиев** и далее к Избице; но пройдя этот пункт, 17 апреля была встречена выступившим из Коло отрядом генерал-майора Костанды, в составе 7 рот с двумя орудиями и 80 конными. Произошел упорный бой, кончившийся полным поражением мятежников и бегством их. В числе оставшихся на поле множества убитых, оказались несколько французов, а в числе взятых 85 пленных — 2 ксендза. С нашей стороны было всего 2 убитых и 17 раненых***.

После нескольких дней видимого затишья во всех отделах Царства Польского вооруженный мятеж снова проявил усиленную деятельность в исходе апреля месяца с 22-го по 25-е число, очевидно, по общему сигналу, данному главными вожаками восстания.

В Радомском отделе собравшаяся снова шайка Чеховского была встречена 22 апреля одним из высланных на рекогносцировку летучих отрядов, на речке Каменке, между Опатовым и Островцем. В неожиданной этой встрече с многочисленным противником в лесистой местности, отряд наш понес чувствительную потерю; сам командующий отрядом майор Клевцов убит. Но на другой день, 23-го числа, шайка, окруженная с трех сторон отрядами, высланными из Сандомира, Завихоста и Слупа-Нова, потерпела поражение и рассеялась по окрестным лесам.

В те же дни произошли стычки с шайками, появившимися из Галиции. 22-го числа разбита при Иголомии шайка из 600 человек, в числе которых было до 120 французов, под начальством французского офицера, с двумя пушками (из которых одну разорвало во время самого боя). В числе пленных взяты 2 француза. Остатки шайки бежали за границу и обезоружены австрийцами.

Другая шайка, разбитая 23 апреля у Малобондза (близ Бендина), состояла вся из французов и итальянцев, в числе 600 человек. Охваченная с разных сторон высланными против нее князем Шаховским тремя ротами, шайка понесла сильную потерю и, побросав оружие, поспешила уйти за границу.

Вслед за тем 25 апреля появилась вблизи Кракова еще третья заграничная шайка в числе 1200 человек, под начальством француза Рошбрюна и галицийского полковника Йордана. Встреченная тремя ротами, высланными из Скалы и Михоловица, шайка эта также была отброшена за границу, оставив на поле довольно

---

* по странной случайности, у этого предводителя повстанцев родной брат служил в Олонецком пехотном полку.

** Далее в автографе зачеркнуто: «и заняла этот городок» *(примеч. публ.)*.

*** Далее в автографе зачеркнуто: «Из найденных бумаг видно было, что мятежники намеревались напасть на Конин» *(примеч. публ.)*.

много убитых; бежавшие остатки ее были обезоружены австрийцами.

В тот же день, 25-го числа, произошли еще две стычки с мятежными шайками в разных отделах края: в северном — между Плонском и Цехановцем, шайка Кольбе разбита полковником Валуевым; а в Люблинском отделе — шайка Бонча (псевдоним Чарнецкого)* силою до 800 человек дерзко напала на роту Костромского пехотного полка в Мендержице (между Седлецом и Белой), но была отбита с уроном.

Наконец, 26 апреля произошли в Калишском отделе встречи с мятежниками в двух пунктах: генерал-майор Краснокутский, выступив из Коло, разбил шайку Тачановского, состоявшую из 2500 человек, у деревни Игнацова (к югу от Скульска, близ прусской границы); мятежники понесли огромную потерю; взяты у них пушка, оружие, запасы пороха и проч. Шайка совершенно рассеялась. Другое дело в тот же день происходило на р. Варте, к северу от Велюна, у деревни Рыхлюцице, где отряд полковника Померанцева, выступивший из Велюна, настиг шайку и разогнал ее.

Здесь необходимо несколько прервать хронологическую нить рассказа о ходе военных дел в Царстве Польском, чтобы взглянуть на происходившее в течение того же апреля месяца в Северо-Западном и Юго-Западном крае.

МЯТЕЖ В ЗАПАДНОМ КРАЕ. АПРЕЛЬ И НАЧАЛО МАЯ

Одновременно с усилением влияния партии «белых» в Варшавском революционном комитете, партия эта взяла верх и в Северо-Западном крае. Существовавший в Вильне особый Литовский революционный комитет был упразднен, и взамен его образовался «Исполнительный отдел» Варшавского революционного комитета из нескольких местных помещиков: Александра Оскерко, Антона Еленского, Якова Гештора и Франца Далевского[106]. Первый из них принял звание начальника города Вильны, на место инженера путей сообщения Малаховского, оставшегося помощником его. Прежние руководители мятежа в Литве — Дюлоран и Калиновский, устраненные из состава комитета, поспешили в Варшаву для разъяснения неожиданного для них оборота дела и вскоре получили от тамошнего Комитета назначение комиссарами его в Вильне и Гродне. Таким образом партия «белых», довольствуясь захватом в свои руки главного руководства делом, имела осторожность не устранять совершен-

* Вероятно, ошибка Д.А. Милютина. Под псевдонимом «Богдан Бонча» в 1863 г. действовал К. Блащинский (убит 6 июня 1863 г.) *(примеч. публ.)*.

но деятелей противной партии и раздавала им должности второстепенные.

Одним из представителей партии «белых» в Северо-Западном крае, как оказалось впоследствии, был гродненский губернский предводитель дворянства граф Виктор Александрович Старжинский*. Подобно большей части польских аристократов, он долго морочил русские правительственные власти, держа себя весьма ловко, осторожно и скрывая тесные свои связи с заграничными руководителями мятежа. Но после указа 1 марта, когда польское дворянство убедилось в твердой решительности русского правительства рассечь гордиев узел крепостничества в Западном крае, когда партия аристократическая, как тогда казалось, успела взять в свои руки дальнейший ход мятежа и когда Центральный комитет потребовал, чтобы все поляки оставили службу русскому правительству, граф Старжинский решился снять маску и сложить с себя звание дворянского предводителя, объявив при том дворянству циркулярным письмом, что он, при настоящем образе действий русского правительства в Литовском крае, признает невозможным честному поляку служить России, от которой нечего ожидать для воссоздания Польши. Письмо это было тогда же опубликовано в заграничных газетах.

По следам Старжинского подали в отставку и все занимавшие в Гродненской губернии должности мировых посредников и другие должностные лица. Дворянство же Могилевской губернии, следуя также примеру, поданному в прошлом году дворянством Подольской и Минской губернии, постановило 30 марта закрыть свое собрание, мотивировав в протоколе невозможностью обсуждать свободно нужды края, ввиду тех гонений, которые навлекли на себя со стороны правительства другие губернии, решившиеся ранее высказать жалобы на свое угнетенное положение и желание восстановления прежнего соединения Западного края с Польшей.

В числе участников мятежного движения в Северо-Западном крае, как впоследствии оказалось, играли важную роль два офицера Генерального штаба — капитаны Жвирждовский и Сераковский**. Первый из них был прежде инженером, прошел через академии Инженерную и Генерального штаба; по окончании курса в последней в 1858 году, переведен в 1860 году в Генеральный штаб и состоял при войсках Виленского округа, а в начале 1863 года переведен на службу в Гренадерский корпус, т. е. в Москву. Находясь в Вильне, он умел долгое время устраняться

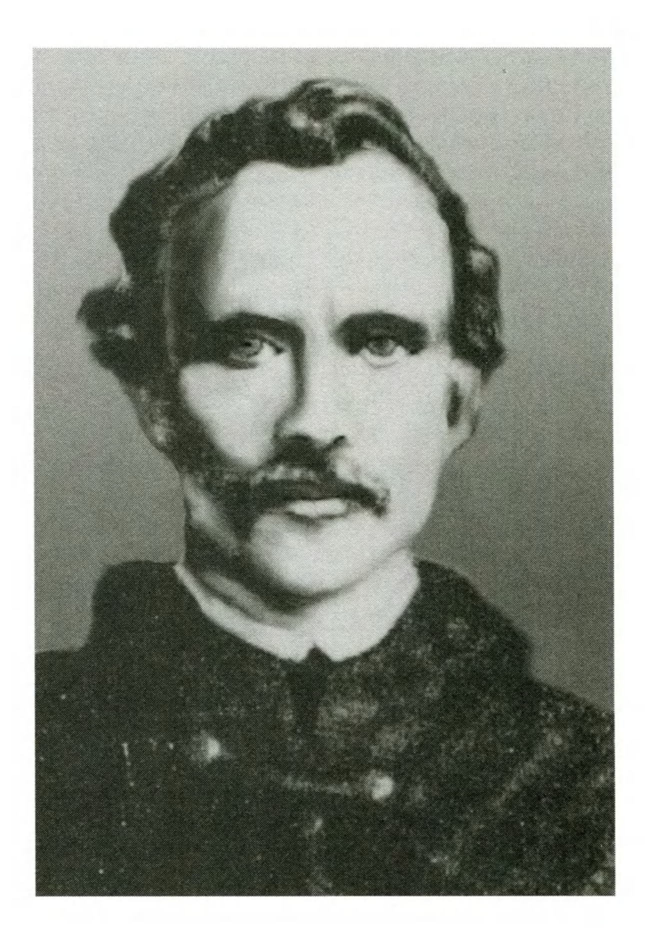
* Вероятно, ошибка автора. Гродненского губернского предводителя дворянства звали Виктор Матвеевич Старжинский (*примеч. публ.*).

** Сераковский был зятем вышеупомянутого Далевского.

от всяких подозрений в тесной его связи с тайным революционным комитетом. Перемещение в новое место службы не прервало этой связи, а напротив того, способствовало ему принять потом деятельное участие в исполнении обширного плана действий, задуманного руководителями мятежа.

Что касается до Сераковского, то биография его довольно замечательна. Еще в молодости, студентом Петербургского университета он был замешан в легкомысленном ребяческом заговоре 1848 года в Вильне, вследствие которого покушался бежать за границу, но был арестован и отправлен в Оренбург с определением на службу рядовым в тамошний линейный батальон. По вступлении на престол нового Государя, Сераковский в 1857 году был произведен в офицеры, а два года спустя поступил в академию Генерального штаба, где кончил курс в 1859 году и потом зачислен в Генеральный штаб. С прибытия в Петербург он нашел здесь многих из прежних своих виленских сотоварищей; вокруг него образовался польский кружок, к которому он привлекал молодежь: с одной стороны, офицеров, чиновников, юнкеров, с другой — студентов университета, Медико-хирургической академии и других высших учебных заведений, переполненных тогда польскими учениками. Кружок этот вошел в состав тайной организации польской в Петербурге, главой которой, как обнаружилось впоследствии, был Огрызко, коллежский советник, чиновник акцизного управления, пользовавшийся доверием в Министерстве финансов, несмотря на то, что за два года перед тем он высидел полгода в крепости по обвинению в революционном направлении издаваемой им польской газеты «Słowo», которая и была тогда же прекращена. В 1860 году Огрызко и Сераковский ездили за границу и, как оказалось по следственному делу, вели переговоры в Париже и Лондоне с тамошними воротилами польского революционного движения. В Петербурге Сераковский втерся в круг дипломатического корпуса и в особенности имел сношения с английским посольством, что придавало ему большой вес в его кружке[107].

Все эти обстоятельства прежней жизни Сераковского, конечно, не были мне известны, когда я узнал этого офицера при вступлении моем в управление Военным министерством[108]. Капитан Сераковский тогда состоял при департаменте Генерального штаба и был употребляем для разных поручений как офицер бойкий и ретивый. Не только он исполнял усердно возлагаемые на него поручения, но напрашивался на них. В 1862 году ему поручен был осмотр военно-арестантских рот, которые находились тогда в хаотическом состоянии и требовали радикального преобразования. Сераковский по этому случаю был в беспрерывных разъездах, и я был вполне доволен его усердным и толковым исполнением поручения; но слишком уже настойчивое желание его

Зигмунт Сераковский

распоряжаться по арестантским ротам в крепостях Западного края (где тогда и находилась большая часть этих рот) начало возбуждать во мне некоторое сомнение и побудило меня к большей осторожности относительно этого офицера. Отказав ему в его домогательстве, я даже приостановил его разъезды. Это было именно в марте 1863 года. Тогда Сераковский взял отпуск на 2 недели за границу и в самом конце марта выехал из Петербурга[109].

Сераковский, так же как и Огрызко, выказал во всей полноте те отличительные черты польского характера, которые особенно антипатичны для нас, русских — иезуитскую двуличность, вкрадчивость и вероломство. В продолжение многих лет он разыгрывал роль усердного, преданного службе офицера; но по свойственной же полякам самонадеянности, слишком уже далеко зашел в своем расчете на мою доверчивость. Какие могли бы

произойти вредные последствия, если б я имел неосторожность допустить его хозяйничать в Динабурге и других крепостях Западного края. Впоследствии обнаружено было следствием, что по плану, предложенному Сераковским руководителям мятежа, имелось в виду овладеть крепостью Динабургом и, утвердившись в ней, действовать оттуда в Ковенскую губернию, подать руку ожидавшемуся десанту и вместе с ним идти на Вильну. Для завладения Динабургом предполагалось еще прибегнуть к такой хитрости: под предлогом постройки в крепости католического костела ввести туда достаточное число поляков под видом рабочих. Все эти предположения не состоялись, и замысел завладеть Динабургом был оставлен. Сераковский, уехав из Петербурга в отпуск, прибыл в Вильну, облеченный в громкое звание начальника Литовского воеводства, и затем, приняв псевдоним «Доленго», явился среди шаек мятежников, собиравшихся в Ковенской губернии, чтобы принять над ними общее начальство. Лицемерие Сераковского доходило до того, что в бытность в Вильне, перед самым отправлением своим к шайкам, он еще морочил своих товарищей из Генерального штаба и в дружеских беседах с ними разглагольствовал о способе действий для подавления мятежа; а потом, в среде повстанцев, хвастался тем, что будто бы участвовал в военном совете русских начальников.

По плану действий мятежников в Северо-Западном крае, одновременно с усилением шаек в Ковенской губернии под главным начальством Сераковского (Доленго), предполагалось поднять возмущение в Могилевской и Витебской губерниях, а оттуда распространить его и далее, в соседние губернии. Эта часть плана была возложена на Жвирждовского. Вожаки мятежа всегда имели в виду слова, будто бы сказанные Наполеоном III, что пределы распространения мятежа обозначат и границы будущей независимой Польши. Самообольщение поляков доходило до того, что они замышляли поднять крестьян даже и во внутренних губерниях России, до самой Волги, — и началом исполнения этого безумного замысла было рассказанное уже неудачное покушение Кеневича и Черняка в Казани. Кроме того, в план действий мятежников входило предположение захватить где можно врасплох оружие и даже артиллерию[110].

Началом предположенных мятежниками решительных действий во всех частях театра войны был назначен день св. Георгия — 23 апреля. До этого же дня, в течение большей части апреля, в Северо-Западном крае действия ограничивались лишь неважными стычками войск с небольшими шайками, по временам появлявшимися то в одном месте, то в другом. Сначала держались они преимущественно в лесистой части Гродненской губернии, между Белостоком, Соколкою и Пинскими болотами.

Настигаемые отрядами, шайки чаще избегали боя, скрываясь в лесах и потом снова собираясь в других местах. Следуя по их пятам, войска находили только следы совершаемых ими злодейств: людей повешенных и замученных, ограбленные и сожженные дома и целые селения. К средине апреля более значительные действия перенеслись в северную часть края: в Ковенскую губернию и сопредельные ей уезды Виленской. 9 апреля высланная из Вилькомира рота с одним эскадроном была изменнически наведена в лесу на многочисленную шайку: несмотря на неожиданность встречи, мятежники понесли сильный удар: на месте осталось до 120 убитых. Однако ж, шайка собралась снова в окрестностях Поневежа, и 14-го числа вторично разбита колоннами, высланными из этого пункта и из Шавли. Затем 18 апреля полковник Крамер, с 2 ротами лейб-гвардии Финляндского полка и полуэскадроном гвардейских казаков, обыскивая леса между станцией Жосли и Вилькомиром, открыл в лесу близ деревни Киванцы (верстах в 20 к югу от Вилькомира) притон значительной шайки. Мятежники оборонялись упорно в укрепленной позиции, но окончательно сбиты и бежали, покинув склады боевых и продовольственных запасов. Выступивший на другой день из Вильны для преследования шайки командир того же Финляндского полка генерал-майор Ганецкий прошел до самого Вилькомира и, не встретив уже мятежников, сосредоточил весь отряд у этого пункта.

Вслед за тем, по другую сторону Вильны, высланный оттуда отряд полковника Тимофеева из 2 рот лейб-гвардии Павловского полка 21 апреля настиг и разбил шайку Нарбута близ местечка Дубечи, в густых лесах, на тройной границе уездов Лидского, Трокского и Гродненского; причем сам Нарбут убит. На другой же день, 22 апреля, высланный из Гродны отряд подполковника Мантёйфеля разбил другую шайку Линковича у местечка Езеры (к востоку от Гродны); большая часть мятежников истреблена или потонула в болоте.

Между тем попытка поднять мятеж в губерниях Витебской и Могилевской началась дерзким и совершенно неожиданным нападением шайки 13 апреля на транспорт, следовавший из Динабурга в Дисну, с оружием для Муромского пехотного полка под конвоем только 8 солдат. Шайка, состоявшая из нескольких местных помещиков с их челядью и разным сбродом, в числе до 100 человек, имея точные сведения о выступлении транспорта, напала на него близ Кресловки и, конечно, без затруднений овладела повозками с оружием. Но крестьяне окрестных селений сами расправились с панами: они отбили у них транспорт, переловили самих мятежников и представили их начальству, причем пятеро крестьян были ранены. В числе арестованных оказались

крупные землевладельцы: графы Платер и Моль, которые были приговорены судом к смерти и повешены в Динабурге (27 мая).

Вслед за тем появились шайки и в других местах Витебской и Могилевской губерний, а 24-го числа разбита шайка человек в 200, между Дриссой и Себежем. В то же время выступил на сцену и Жвирждовский под псевдонимом «Топор». В ночь с 23-го на 24-е число он внезапно напал на Горки, где не было других войск, кроме слабой инвалидной команды. Мятежники сожгли в городе до 50 домов, разграбили казначейство и увели с собой человек 50 из студентов Горигорецкого земледельческого училища. Русские же студенты вместе с крестьянами помогали по возможности инвалидной команде против мятежников.

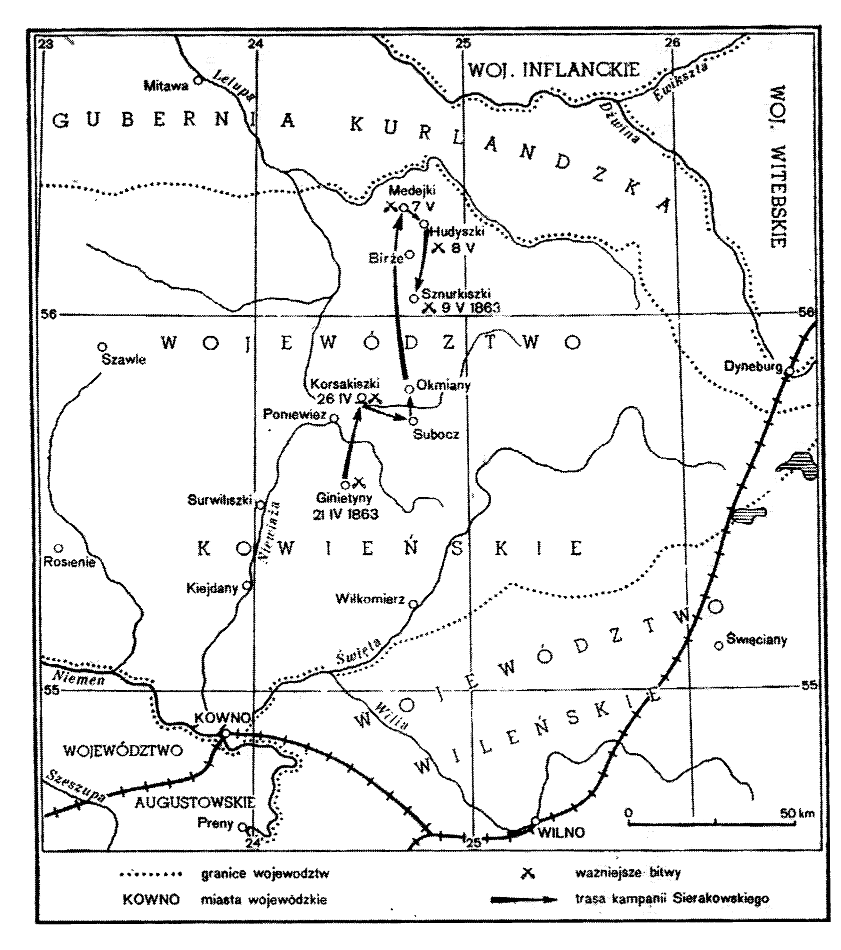
После разгрома Горок Жвирждовский продолжал движение к Красному на соединение с шайкой поручика Жуковского, который взялся напасть врасплох на артиллерийскую батарею, расположенную в Кричеве (в Чериковском уезде), завладеть ею и привезти на сборный пункт, назначенный в имении одного из сообщников мятежа, Чудовского — товарища Сераковского по университету. Однако ж дерзкое это покушение не удалось: артиллеристы с одними своими тесаками, предводимые простым фейерверкером, отбили нападение и разогнали шайку, так что Жуковский явился на соединение один, не только без обещанной батареи, но и покинутый своей шайкой.

Разочарованные в своих легкомысленных расчетах на сочувствие местного населения, предводители шаек должны были отказаться от безумного плана — внести мятеж во внутрь России. С приближением войск, передвинутых из внутренних губерний, все шайки, появившиеся в разных уездах Могилевской губернии, разошлись. Многие из попавшей в них случайно молодежи, даже из числа участников нападения на Горки, являлись сами к начальству с повинной.

По первым известиям о беспорядках в Витебской и Могилевской губерниях были сделаны распоряжения о передвижении туда ближайших резервных батальонов, и кроме того придвинуты к границам обеих губерний кавалерийские полки: лейб-гвардии Уланский — из Новгорода к Режице, и гусарская бригада 7-й кавалерийской дивизии — из Тверской губернии в Поречье, откуда потом один полк перешел в Оршу.

Таким образом, в этой части края к концу апреля восстановлено было совершенное спокойствие. К тому же времени разыгрался и главный акт задуманной мятежниками кампании.

С прибытия Сераковского, «воеводы Литовского и Ковенского», все отдельные шайки, бродившие в разных частях края к северу от Вильны, начали стягиваться в самый северо-восточный угол Ковенской губернии, в соседство с Курляндией. В общей

Маршрут похода З. Сераковского

совокупности должно было образоваться скопище свыше 2 тысяч человек[111]. Одна из шаек, разбитая 18 апреля у деревни Киванцы, как уже было прежде упомянуто, также потянулась к северу от Вилькомира. Высланный из Вильны для преследования этой шайки генерал-майор Ганецкий, остановившийся близ Вилькомира с отрядом из 5 рот лейб-гвардии Финляндского полка, 1 эскадроном улан, $^{1}/_{2}$ эскадроном гвардейских казаков и полусотней донских (армейских) казаков, получил из Вильны 21 апреля приказание продолжать движение вслед за шайкой к местечку Оникшты (к северо-востоку от Вилькомира, в 35 верс-

тах). Дойдя до этого пункта вечером 22-го числа и узнав, что шайка, находившаяся еще накануне поблизости оттуда, по первому слуху о приближении войск удалилась по разным направлениям к границе Ново-Александровского уезда, Ганецкий разделил свой отряд на три колонны: одну — майора Мерлина ($1^1/_2$ роты и 70 казаков) послал вправо; другую — майора Гильцбаха (2 роты и взвод улан) влево, а сам 23-го числа двинулся между ними в деревню Шиманцы. Здесь он получил известие, что майор Мерлин напал на след главной шайки, предводимой самим Доленго, и следовал за ней к северу, на местечко Понедели, куда дошел 24-го числа к вечеру. На другой день, 25-го числа, продолжая преследование мятежников на Попель, Мерлин настиг шайку вечером того же дня у Медейки (между местечками Биржи и Радзивилишки, близ курляндской границы, где она образует входящий изгиб). Завязалась перестрелка[112]. Мятежники, потеряв до 60 убитых, ночью потянулись лесами к западу, параллельно курляндской границе. Между тем Ганецкий в ту же ночь выступил от Попеля на соединение с Мерлиным и 26-го числа после полудня вместе с ним двинулся по следам мятежников, которых настиг вечером того же дня в 20 верстах от Медейки, у поселка Гудишки. Здесь находились уже соединенные шайки Доленго и Колышко силою до 1500 человек. Мятежники пробовали обороняться, но понесли весьма большую потерю (до 200 одних убитых) и обратились в бегство. Только наступившая темнота прекратила преследование; все начальники были ранены или убиты; не более 500 бежавших успели присоединиться к шайке ксендза Мацкевича, который в то время находился в нескольких верстах от места боя и не принял в нем участия. В отряде Ганецкого убито всего 5 и ранено 28 нижних чинов (почти исключительно в стрелковой роте Финляндского полка).

27-го числа генерал-майор Ганецкий продолжал движение за шайкой Мацкевича и настиг ее близ деревни Ворсканишки. После непродолжительной перестрелки мятежники бросились бежать и разбрелись по лесу, побросав обоз и разные запасы. Ганецкий возвратился к Медейке. Между тем одна рота, посланная на места бывших стычек, чтобы подобрать тела убитых и отвести пленных, открыла в одной мызе близ Медейки самого «воеводу Доленго» (Сераковского), лежавшего раненым, окруженного 20 другими мятежниками, составлявшими свиту главного предводителя повстанцев. Все они были арестованы и немедленно перевезены в Медейку, а потом далее в Вильну, где и преданы суду. Всего забрано до 113 пленных; в числе их кроме Сераковского еще несколько других предводителей шаек: Колышко (псевдоним), Лобановский, Станишевский и др. Кроме того, окрестные крестьяне ловили мятежников, скрывавшихся в лесах, и приводили их в отряд.

Что касается до колонны майора Гильцбаха, отделенной Ганецким влево, то она, пройдя Субочь и достигнув 25-го числа Вобольника (оба пункта на кратчайшей дороге от Оникшты к Биржам), открыла шайку Ясинского и Литкевича силою до 500 человек, не успевшую, по-видимому, соединиться с главной шайкой Сераковского. Разбив и рассеяв мятежников 26-го числа, Гильцбах в тот же день прибыл в Биржи, где и вошел в связь с Ганецким.

Дав отряду день отдыха, Ганецкий послал летучие колонны в разных направлениях в погоню за бежавшими остатками разбитых шаек. Одна из этих колонн напала опять на след шайки ксендза Мацкевича; но мятежники успели уйти и скрылись в лесах Курляндской губернии. 29-го числа Ганецкий двинулся со всем отрядом обратно в Оникшты и далее на Вилькомир и Вильну. Во всем пройденном крае водворилось спокойствие; крестьяне благословляли войска за избавление свое от повстанцев.

Возвращение генерал-майора Ганецкого в Вильну (8 мая) после нанесенного мятежникам поражения было настоящим триумфальным въездом. Толпы народа вышли навстречу за город; сам генерал Назимов (об увольнении которого от должности в то время уже последовал указ[113]) также выехал со своим семейством приветствовать у ворот города возвратившегося победителя.

Таким образом, обширные замыслы руководителей мятежа в конце апреля рушились, и в начале мая наступило некоторое затишье. Понесенные неудачи поколебали авторитет партии «белых»; опять начались споры и междоусобие, возродились новые планы в ожидании материальной помощи извне от союзных держав. В это время граф Старжинский, опасаясь, чтобы «красные» снова не забрали дело в свои руки, предложил «Варшавскому Жонду» (через своего агента Рупрехта) сформировать новые шайки в Августовской губернии и даже лично принять над ними начальство. Но вслед за тем он был арестован.

Суд над Сераковским несколько времени откладывался по причине его тяжелой раны. Между тем арестованы были и другие главные деятели мятежа в Северо-Западном крае: Оскерко, Далевский, Еленский — что доставило новый обширный материал для работы следственной комиссии и дало ей средство открыть все сокровенные нити революционной организации в том крае*.

---

* Замечательно, однако же, что стоявший во главе революционной организации в Петербурге Огрызко оставался еще долго в стороне и продолжал свою двуличную игру до ноября 1864 года, когда и он был наконец арестован.

Как ни громадно было преступление Сераковского, однако ж нашлись и за него ходатаи. 2 мая получил я от английского посла письмо[114], в котором, сознавая вполне странность своего обращения ко мне по такому случаю, лорд Нэпир оправдывал его соболезнованием о семье, оставляемой преступником, состоявшей впрочем только из жены и тещи*. Само собой разумеется, что вмешательство иностранного посла в подобное дело осталось без всяких последствий, так же как и ходатайство князя Суворова, который имел обычай оказывать покровительство всякому, кто бы ни обращался к нему с какой бы ни было просьбой.

Приговор суда над Сераковским постановлен был только в июне, уже при новом начальнике Северо-Западного края[115]. Казнь совершилась в Вильне 15 июня.

Предназначенный на последние дни апреля (т. е. начало мая, по новому стилю) общий разгар мятежа должен был охватить и Юго-Западный край, где до того времени, после первоначальных неудачных попыток восстания, царствовало полное спокойствие, благодаря отпору, встреченному поляками в русском православном населении. Да и сами помещики польские, после испытанной первой неудачи, уже неохотно подчинялись требованиям руководителей восстания, ссылаясь на свое беззащитное положение и на открытую местность края.

Но вот с наступлением условленного срока, вдруг одновременно в разных частях края начинают снова собираться мелкие шайки. В самом Киеве, в ночь с 26 на 27 апреля множество молодых людей убегают в окрестные леса. В погоню за бежавшими посылаются войска; снова поднимаются крестьяне со всяким дрекольем, и в течение двух, трех дней большая часть разбежавшихся повстанцев изловлена и обезоружена, частью крестьяна-

---

* Вот собственные слова лорда Нэпира: «Je ne sais pourquoi M-r Sierakovski s'est rappelé de nous dans cette occasion, ni quels bons offices il attend de notre part. Je ne sais pas comment je puis lui être utile. Je n'ai reçu que sa carte ci-jointe avec le mot: «Mitszel», écrit au crayon. Je sais seulement qu'un homme profondément malheureux et coupable a pensé à nous dans cette extremité. Je me répugne de laisser une pareille communication sans vous en faire part et sans témoigner l'intérêt que chacun doit prende au malheur, bien qu'il soit mêlé à une si grave infraction de devoirs civils et militaires...» и т.д. («Я не знаю, почему г-н Сераковский вспомнил о нас в этой ситуации, а также, каких добрых обязательств он ждет с нашей стороны. Я не знаю, каким образом я мог бы быть ему полезен. Я получил от него только прилагаемую здесь открытку со словом: «Mitszel», написанным карандашом. Я знаю только, что глубоко несчастный и виновный человек подумал о нас в этом крайнем положении. Мне внушает отвращение оставить подобную попытку связаться, не посвятив в это вас и не засвидетельствовав участия, которое каждый обязан принять в несчастье, даже если оно связано со столь тяжким нарушением гражданского и военного долга...» *(фр.)*

ми, частью мелкими командами войск. Весь мятежный сброд состоял из бедных шляхтичей, чиновников низшего разряда, дворни польских панов, а более всего из студентов и гимназистов, между которыми были мальчишки 14- и 13-летние. Когда этих несчастных приводили обратно в Киев, иногда под конвоем одних крестьян, то горожане сходились смотреть на них и встречали их презрительными насмешками.

Несмотря на кратковременное свое существование, некоторые шайки успели однако же совершить разные злодеяния. Из числа образовавшихся в Киевской губернии (в уездах Васильковском, Радомыслском, Бердичевском, Липовецком) одна пробралась в Сквирский уезд и 27 апреля разграбила и сожгла дом в имении графа Ржевуского (Погребица); шайка эта, как оказалось, была собрана двумя местными помещиками, подговорившими крестьян разными обольщениями. Другая шайка в Волынской губернии (в Новоград-Волынском уезде) разграбила в местечке Полонном (на шоссе) почтовую станцию и акцизное управление, уничтожила несколько шкафов с делами волостного правления и повесила станционного смотрителя за ноги. Долее всех продержалась шайка в Заславском уезде и в пограничных с ним уездах Старо-Константиновском и Острожском. Одна из более значительных шаек под начальством Ружицкого (бывшего офицера Генерального штаба*) была настигнута 5 мая отрядом флигель-адъютанта штабс-капитана Казнакова близ Чуднова (между Бердичевым и Полонным) и понесла сильное поражение: одних убитых мятежников насчитано до 140, в плен взято 73, захвачен обоз и много оружия. После боя окрестные крестьяне ловили разбежавшихся мятежников. Остатки шайки Ружицкого были вторично настигнуты флигель-адъютантом Казнаковым 13 мая при Минковицах (близ Словуты, на границе Заславского уезда с Острожским) и окончательно рассеяны. Сам Ружицкий с небольшим числом мятежников бежал за границу в Галицию**.

Затем в Юго-Западном крае снова водворилось спокойствие на довольно продолжительное время. Вторичная эта попытка поляков должна была окончательно убедить их в том, что в этом крае нет почвы для мятежа. Все попытки повстанцев привлечь на свою сторону русское население разными несбыточными обольщениями и пресловутой «золотой грамотой», сулившей

---

* Ружицкий кончил курс академии Генерального штаба в 1854 году, служил на Кавказе под моим начальством, а в 1861 г. уволен от службы по «домашним обстоятельствам» подполковником.

** Из Галиции только небольшая шайка в 50 человек покушалась перейти границу Волынской губернии у Иваничи 1 мая; но была немедленно забрана казаками с помощью крестьян.

крестьянам даровой надел и всевозможные льготы, не имели никакого успеха. Хитрых хохлов не легко было оморочить легкомысленными обещаниями. Выслушав грамоту, они говорили: «Вишь, дурни, дают — что сами не мают». Крестьяне относились с ненавистью к «ляхам» и часто расправлялись с польскими вояками весьма круто.

Генерал-адъютант Анненков пользовался услугами крестьян и даже выпросил у Государя разрешение награждать отличившихся своим усердием и неустрашимостью при поимке мятежников медалями на Георгиевских и Анненских лентах. Но меры эти не понравились многим: местные помещики, которые сначала сами подстрекали крестьян к мятежу, теперь, когда встретили от них решительный отпор, прибегли к обычным иезуитским приемам: начали жаловаться местному начальству на неповиновение крестьян, на отказ их отбывать повинности; распускали клеветы на самоуправство их; внушали властям опасение бунта и требовали принятия строгих мер против поселян. Нашлись и в Петербурге даже между людьми чисто русскими такие, которые, забывая зверства самих повстанцев, кричали об опасности возбуждения народной массы, «черной силы». Да и сам генерал Анненков поддался влиянию этих толков; в письме ко мне от 7 мая он писал: «К сожалению, ненависть народа к полякам переходит иногда меру и, при вкоренившихся в массе преданиях о гайдамаках[116], о кровавых борьбах с поляками, увлекает их до своеволия, буйства и неповиновения. Были уже примеры того, доходившие до жестокости и зверства»[117].

Генерал-адъютант граф Ржевуский (начальник 3-й кавалерийской дивизии), хотя и принадлежал к числу противников поднятия русского населения и опасался от этой меры таких же последствий, какие были незадолго перед тем в Галиции, писал, однако же, мне 12 мая: «У меня во Владимирском уезде* не могу довольно высказать похвальное поведение крестьян: на границе от Милятина до Порицка сформирован отряд из 1500 крестьян, вооруженных косами, которые (т.е. крестьяне), под предводительством офицеров, помогают войскам во всех поисках по густым лесам и берегут границу от вторжения шаек. Просят об одном, чтобы довести до сведения Его Величества их поведение, дабы Государь знал, сколько они благодарны за милость, оказанную Царем освобождением их от крепостного права»[118].

Строки эти имеют особенную цену как свидетельство человека, принадлежавшего к числу местных помещиков и к польской аристократии. Надобно отдать справедливость графу Ржевускому, что он, оставаясь в душе поляком, не увлекался ложным

---

* То есть Владимир-Волынском.

А.А. Ржевуский

патриотизмом до забвения чести и долга и оставался верным офицерской присяге. Он даже счел обидным для себя, когда при начале открытого мятежа ему наравне со многими другими офицерами и генералами польского происхождения сделан был, по приказанию Государя, вопрос: не желает ли он получить какое-либо другое назначение, дабы не быть поставленным в необходимость вести свою дивизию в бой против своих земляков? Граф Ржевуский ответил с гордостью, что, нося военный мундир, знает свой долг и исполнит его. Но вслед за тем его глубоко огорчило назначение генерал-лейтенанта Семякина, младшего его в чине, на должность помощника командующего войсками Киевского округа. Граф Ржевуский понял, что ему как поляку закрыта дорога к подобным высшим назначениям и в письме ко мне от 19 мая просил об увольнении в отпуск за границу[119]. По приказанию Государя, я старался успокоить графа Ржевуского, передав ему желание Его Величества, чтобы он не покидал своей дивизии, по крайней мере до разъяснения политических

обстоятельств. Граф Ржевуский остался и стоически перенес месть своих земляков, разоривших его достояние*.

В переписке моей с графом Ржевуским за описываемое время есть два любопытных его письма — от 29 марта и 2 мая, в которых он высказывал свой взгляд на тогдашнее положение дел в Польше, на русскую администрацию в том крае и на образ действий наших войск против повстанцев[120]. Осуждая принятую в Варшавском военном округе систему раздробления войск для занятия большого числа пунктов, граф Ржевуский находил, что при подобном образе действий, погоня за ничтожными шайками может протянуться до бесконечности. Мнение его, к сожалению, оправдалось; долго пришлось войскам в Царстве Польском гоняться за мятежниками по лесам и болотам, не достигая никакого осязательного результата. Но можно пожалеть о том, что граф Ржевуский, по примеру многих других, ограничился одной критической стороной и не указал определительно тот образ действий, который, по его мнению, устранив необходимость раздробления войск, скорее привел бы к желанной цели.

РАСПОРЯЖЕНИЯ ПО ВОЕННОЙ ЧАСТИ. ВЫСОЧАЙШИЕ СМОТРЫ. АПРЕЛЬ, МАЙ И НАЧАЛО ИЮНЯ

С начала вспыхнувшего в Польше открытого мятежа нельзя было предвидеть, какие примет он размеры и какое влияние произведет он на отношения наши к западным державам. Поэтому в Военном министерстве принимались меры только последовательно, сообразно развитию мятежа и постепенному усложнению политических обстоятельств.

В первые два месяца мятежа, как уже было сказано, распоряжения наши ограничивались лишь укомплектованием частей войск, расположенных в Царстве Польском и западных губерниях; но когда мятеж принял значительные размеры и распространился на Западный край, а еще более, когда в дело польское начала вмешиваться дипломатия, тогда сделалось ясным, что наши силы недостаточны не только для войны внешней, но и для энергического подавления мятежа, поддерживаемого извне. Тогда признано было необходимым привести в полный состав и остальные части армии призывом бессрочноотпускных и рекру-

---

* Граф Ржевуский был уволен от должности начальника дивизии только 5 октября и потом занимал некоторое время должность начальника Резервной кавалерии.

тами январского набора, а вместе с тем приступить к целому ряду мер для развития наших вооруженных сил формированием новых боевых частей. Тогда уже не время было заботиться о сокращении расходов, что было поставлено Военному министерству главной задачей в предшествовавшие годы, а предстояло напрягать все силы, чтобы не быть застигнутыми врасплох европейской коалицией в союзе с внутренним врагом.

В числе мер, придуманных в то время в Военном министерстве для усиления действующих войск было формирование особых частей собственно для гарнизонов крепостей, с той целью, чтобы освободить от гарнизонной службы значительную часть действующей пехоты. Первоначально в конце марта (приказом 28-го числа) последовало Высочайшее повеление о сформировании крепостных полков и батальонов собственно для крепостей Царства Польского*, а несколько позже (18 и 28 апреля) для приморских крепостей: Кронштадта, Свеаборга и Выборга**. Новым этим полкам и батальонам даны были устройство и штаты наравне с полевыми армейскими войсками, за исключением лишь обозов.

В течение апреля, после первых полученных от всех почти кабинетов дипломатических нот по поводу польских дел последовали Высочайшие повеления о сформировании третьих батальонов во всех пехотных полках Гвардейского и Гренадерского корпусов*** и о переформировании батальонов 1-й, 2-й, 3-й и 5-й резервных дивизий в полки 2-батальонного состава****. Через это состав действующих войск увеличился на 70 батальонов, а вместе с крепостными — на 91 батальон. Остальные две резервные дивизии, 4-я и 6-я, на первое время не были включены в план предпринятого переформирования как потому, что они были расположены в восточных губерниях Европейской России, так и по недостаточности имевшихся тогда в распоряжении Военного

---

* Новогеоргиевский и Брест-Литовский полки в 4-батальонном составе, Замостский в 2-батальонном и Ивангородский батальон. На сформирование этих 11 батальонов обращены два батальона Внутренней стражи: Новогеоргиевский и Замостский.

** Свеаборгский полк в 4-батальонном составе, Кронштадтский и Выборгский в 3-батальонном. На сформирование этих десяти батальонов обращены 4 финляндских линейных батальона.

*** Пехотные полки, гвардейские и гренадерские, после Крымской войны были приведены в 2-батальонный состав. Приказы о сформировании вновь третьих батальонов последовали: о полках Гренадерского корпуса — 6 апреля, а Гвардейского — 27-го того же месяца.

**** Приказ 6 апреля. Сформированные на первое время 2-батальонные резервные полки первоначально сохранили названия соответствующих им действующих полков. Только впоследствии (приказом 13 августа) они были сведены в особые дивизии и получили свои особые наименования.

министерства средств для формирования большего числа новых частей войск: весь запас бессрочноотпускных нижних чинов и рекрут был уже истощен; не было ни достаточно офицеров, ни материальных запасов, для заготовления которых нужно было время.

Кроме приведенных главных распоряжений, в течение апреля и отчасти в начале мая были приняты еще некоторые военные меры: приказом 28 апреля повелено оставшиеся в составе 22-й пехотной дивизии 8 финляндских линейных батальонов* переформировать в 5-ротный состав и привести в одинаковое устройство с батальонами действующих пехотных полков с тем, чтобы впоследствии свести их в четыре полка 2-батальонного состава**. Вместе с тем финляндский саперный полубатальон повелено было переформировать в полный батальон по штату военного времени.

Наконец, по иррегулярным войскам сделано было распоряжение о снаряжении и высылке на внешнюю службу, кроме льготных дивизионов обоих гвардейских казачьих полков и Гвардейской Донской батареи и сверх уже высланных прежде с Дона 9 полков, еще 10 донских, 5 оренбургских и 2 уральских конных полков. Полки эти, по мере изготовления, были направляемы в западные пограничные округа и частью в Одесский военный округ для возмещения выбывших оттуда частей кавалерии в Киевский и Варшавский округа.

Приказами 9 и 13 апреля объявлено было о немедленном призыве на действительную службу всех состоявших во временном и бессрочном отпусках штаб и обер-офицеров, о прекращении увольнения вновь во всякие отпуска и в отставку, а также всякого рода откомандировке из строя.

Соответственно мерам, принимаемым по Военному министерству, делались распоряжения и по Морскому ведомству, для укомплектования экипажей и формирования новых.

Приведение в исполнение всех распоряжений, быстро следовавших одни за другими, встречало много затруднений и требовало продолжительного времени, как по скудости средств, ничтожному протяжению тогдашних железнодорожных путей, так и в особенности благодаря чрезмерному ослаблению нашей военной организации и истощению запасов вследствие настойчивого в продолжение многих лет старания во что бы ни стало

---

* за отделением четырех прочих на сформирование названных выше крепостных полков.

** Полки 22-й пехотной дивизии сформированы приказом 18 июня и получили наименования: Выборгского, Вильманштрандского, Найшлотского и Петровского.

сокращать расходы. Теперь Военное министерство должно было употреблять все усилия и придумывать всякие средства для того, чтобы ускорить укомплектование и формирование частей. В этом отношении было сделано все возможное при дружном и усердном содействии всех местных органов, всех военных и гражданских властей и при общем патриотическом одушевлении во всех слоях народа.

Тем не менее, потребовалось от двух до трех месяцев только на то, чтобы призывать бессрочноотпускных и довести батальоны до полного тысячного состава. При тогдашних условиях, завещанных моими предместниками, можно было похвалиться и таким успехом, сравнительно с прежними примерами, как-то 1859 г., когда для приведения на военное положение четырех армейских корпусов, т.е. для сбора 67 тысяч отпускных нижних чинов употреблено было более пяти месяцев.

Таким образом, нельзя не сознаться, что положение наше в 1863 году, ввиду готовившейся против нас коалиции, было трудное, даже опасное. Если б мы не могли избегнуть войны в течение лета этого года, то она застала бы нас совершенно не готовыми к ней. Предпринятое развитие организации наших вооруженных сил не могло осуществиться ранее конца года или начала следующего. Между тем для самого устранения войны следовало как можно скорее покончить с мятежом; а для этого необходимо было усилить войска в Царстве Польском и Западном крае, тогда как министр внутренних дел убеждал меня не выводить войск из внутренних и восточных губерний, «пока крестьянское дело еще требует по временам содействия военной силы»*. Тогда я поднял вопрос о призыве ополчения для местной службы во внутренних губерниях. На эту меру Валуев был согласен и полагал приступить немедленно к формированию ополчений в соседних с Западным краем русских губерниях**. Однако ж предположение это ограничилось сформированием лишь трех временных конных полков из обывателей Черниговской и Полтавской губерний (из прежних тамошних «казаков») с тем, чтобы губернии эти были потом освобождены от поставки рекрут при предстоявшем в конце года новом наборе.

Приказ о сформировании этих трех полков милиции (двух в Полтавской и одного в Черниговской губернии) последовал только 25 мая. Распоряжения по этому формированию принял на себя министр государственных имуществ генерал-адъютант Зеленый; на Военное же министерство было возложено снабжение оружием, амуницией и назначение командиров полков и

* Записка Валуева 28 апреля[121].
** Записка Валуева 30 апреля[122].

сотен; прочих же офицеров, по 25 на полк, положено было пригласить на службу из числа отставных или состоявших в запасных войсках без должностей. Кроме того, в виде кадра, назначено было на каждый полк по 50 человек из бессрочноотпускных тех же губерний. Полки формировались в составе 6 сотен действующих и седьмой резервной (в 1047 нижних чинов). Лошади и конская сбруя приобретались покупкой на счет общественных сумм. Хотя форма обмундирования не была установлена, однако ж вменено было в обязанность сельским обществам снабдить ополченцев по возможности однообразными кафтанами, шароварами и шапками. Внешним отличием полков определен был только цвет кушака и верха шапки (красный, синий и светло-зеленый). По мере сформирования полки поступали в ведение военного начальства.

Одновременно с устройством войск, приступлено было и к приведению в оборонительное состояние наших береговых крепостей: на Балтийском море — Кронштадта, Свеаборга, Выборга и Динамюнде, на Черном море — Керчи. В особенности закипели работы в Кронштадте, где в то время, несмотря на вложенные уже в его укрепления многие десятки миллионов рублей, оборона все еще была весьма недостаточна. Необходимо было устраивать в обоих проходах (северном и южном) надежные заграждения, усиливать и вооружать существовавшие отдельные форты и возводить новые укрепления на косе. В Выборге предпринято было создать заново целую систему морской обороны укреплением некоторых островов в Транзунде и заграждением проходов между ними. В Свеаборге и Керчи также требовалось произвести обширные работы. Все распоряжения по инженерной части лежали на генерал-адъютанте Тотлебене.

Одной из забот правительства был вопрос о том, как поступать с огромным числом арестованных поляков. Их высылали беспрестанно массами из Царства Польского и западных губерний. Применять к каждому из захваченных повстанцев или обвиняемых в содействии им все формальности следствия и суда было немыслимо. Кроме того, высылалось из края множество таких личностей, которые ни в каких явных преступных действиях не уличались, но которых оставлять в крае признавалось вредным. Главные местные начальники широко пользовались предоставленным им правом высылки таких людей. Не говорю уже о тех затруднениях, которые представляло отправление и конвоирование войсками такого множества ссыльных; но важнейшим затруднением было распределение их, водворение и устройство в тех местностях, куда они высылались. По этому вопросу происходили продолжительные совещания между Валуе-

вым, князем Долгоруким, Замятниным и мною. Составленные нами правила были доложены Государю министром внутренних дел и утверждены 9 мая.

Правилами этими положено было учредить в каждой из западных губерний, а также и в Царстве Польском по нескольку комиссий, по ближайшему соображению местного начальства, для разборки арестованных лиц и распределения их по категориям, соответственно мере участия каждого лица в мятеже. Отнесенные к первым трем разрядам подлежали преданию военному суду, и только к наименьшей части их применялась вся строгость полевого уголовного закона, то есть смертная казнь. Категории были установлены довольно сходно с предположенными генералом Анненковым в Юго-Западном крае, с той однако же существенной разницей, что отменено было, по моему настоянию, отправление кого-либо из арестованных на службу в войска. Вместо того, предложено было главноуправляющему путями сообщения генерал-лейтенанту Мельникову сделать распоряжение об употреблении этих людей на большие государственные работы, в составе ли существовавших военно-рабочих рот или отдельными партиями. Министр внутренних дел, со своей стороны, составил ведомость тех местностей, где предположено было водворять арестованных поляков под надзором полиции.

В то же время установлено было наложение общих взысканий и штрафов на целые селения, виновные в пособничестве мятежникам, и пени на помещиков. Имущества лиц, замешанных в мятеже, положено было еще Указом 22 марта секвестировать; что же касается до конфискации имений тех из участников мятежа, которые приговаривались судом к уголовным наказаниям, то мера эта возбуждала порицание со стороны многих влиятельных лиц и в том числе вице-канцлера князя Горчакова. Однако ж по обсуждении этого вопроса взяло верх противоположное мнение, признававшее конфискацию имений не только заслуженной карой государственной измены, но и действительнейшим средством ослабления в Западном крае польского элемента.

Правила 9 мая, установив определенный порядок в распоряжениях относительно арестованных участников мятежа, не могли, конечно, устранить существенные невыгоды, с которыми было сопряжено перемещение из западных окраин во внутренние губернии значительной части населения, пропитанного враждебным России чувством. Города и целые губернии, назначенные для водворения ссыльных поляков, обратились в гнезда польской пропаганды и интриг. Чем ничтожнее и малолюднее городок, тем более сосланные туда поляки приобретали авторитет над местным населением, и тем скромнее держали себя перед ними местные власти. Расселение поляков внутри России и преимущественно в губер-

ниях восточных имело положительно вредное влияние, которое вскоре и выказалось. Но избегнуть этой меры не было возможности. Мы были поставлены в безвыходный круг.

В успешном ходе формирования и мобилизации войск Государь лично удостоверялся, встречая и провожая все части, последовательно перевозимые через Петербург из внутренних губерний на западные окраины. Первой частью нового формирования был Ивангородский крепостной батальон, представившийся Государю на смотру 27 апреля. Его Величество нашел этот батальон «в превосходном устройстве, несмотря на поспешность, с которой он был сформирован» — так было выражено в приказе, которым объявлена Высочайшая благодарность командиру Отдельного корпуса внутренней стражи генералу Лауницу, под главным руководством которого формировались крепостные полки и батальоны. Действительно, нельзя было не подивиться необыкновенной быстроте, с которой формируемые новые части войск принимали стройный и благообразный вид. Едва только 28 марта объявлено было в приказе повеление о формировании нового разряда войск под именами «крепостных», — и вот уже 27 апреля первый сформированный крепостной батальон представляется на Царский смотр. В этом отношении нельзя было не отдать справедливости, умению и энергии начальства Корпуса внутренней стражи и во главе его — генералу Лауницу. К сожалению, наружный вид и строевая выправка не составляют еще всего достоинства войска. Генерал Берг, который радовался прибытию обещанных ему крепостных полков и батальонов, впоследствии жаловался не раз на неудовлетворительный состав их в нравственном отношении, как относительно нижних чинов, так и офицеров. Впрочем, чего же и можно было требовать от тогдашнего Корпуса внутренней стражи, дававшего кадры новоформируемым крепостным войскам: вспомним только, что этот корпус был местом ссылки штрафованных солдат изо всей армии; офицеры же были или выслужившиеся из нижних чинов низшего сословия (так называемые по-тогдашнему «бурбоны»), или произведенные из неудавшихся кадет и безграмотных юнкеров.

Высочайшие смотры следовали один за другим в течение всего мая и начале июня в следующей последовательности:

4 мая в Царском Селе вызваны «по тревоге» войска, расположенные как в самом Царском Селе, так и в окрестностях его*.

---

* В этот день командиром лейб-гвардии Гусарского полка назначен генерал-майор Свиты Альбединский, бывший до того командиром лейб-гвардии Конногренадерского полка, на место генерал-майора князя Яшвиля, назначенного состоящим при новом генерал-губернаторе виленском М.Н. Муравьёве.

14 мая в Петербурге — смотр сформированным вновь третьим батальонам гвардейских и гренадерских пехотных полков, а также батальонам Брест-Литовского и Замостского крепостных полков.

19 мая, в Троицын день, в Петербурге — церковный парад лейб-гвардии Измайловского полка и лейб-гвардии Саперного батальона, по случаю их полкового и батальонного праздника.

21 мая в Петербурге — смотр выступавшим в Виленский округ полкам 2-й бригады 3-й гренадерской дивизии и прибывшей из Варшавы еще одной роте лейб-гвардии Литовского полка.

22 мая в Царском Селе — смотр и учение полкам Кавалергардскому и Кирасирскому Его Величества с их резервными эскадронами.

25 мая в Петербурге — вновь сформированному Ревельскому резервному полку, в 2-батальонном составе.

30 мая в Царском Селе — двум полкам: лейб-гвардии Гусарскому и Образцовому кавалерийскому.

1 июня в Петергофе — полкам лейб-гвардии Конному и Конногренадерскому.

4 июня в Гатчине — лейб-гвардии Кирасирскому Ее Величества полку.

5 июня в Петербурге — вновь сформированному Невскому резервному полку, в 2-батальонном составе, и прибывшей из Варшавы роте Петербургского гренадерского полка короля Фридриха Вильгельма III.

Всеми бывшими на смотрах войсками Государь остался совершенно доволен и благодарил начальствующих лиц особенно за успешное формирование новых частей.

В промежутке между смотрами войск Государь ездил два раза в Кронштадт, чтобы следить за успехом производившихся там инженерных работ и вооружения. Первая поездка была 14 мая, вслед за бывшим в тот же день смотром в Петербурге. Прибыв на яхте «Александрия», Государь осмотрел укрепления и работы заграждения северного фарватера и затем отправился на Ораниенбаумскую пристань, чтобы посетить Великую княгиню Елену Павловну. Вторично, 5 июня, Его Величество, прибыв на большой Крондштадтский рейд, осмотрел работы на Константиновской батарее и другие форты южного фарватера, а также некоторые из стоявших на рейде военных судов: фрегаты «Дмитрий Донской» и «Генерал-адмирал». На последнем, только что возвратившемся из Средиземного моря, произведено было артиллерийское и парусное учение.

Оставшиеся в Петербурге полки 1-й гвардейской пехотной дивизии смотрели с завистью на те части гвардии, которые ратовали в Царстве Польском и Виленском крае. Государь, имевший

наклонность баловать свою гвардию, пожелал доставить и первым полкам случай «понюхать пороху» и заслужить боевые отличия. Решено было отправить и 1-ю гвардейскую пехотную дивизию в Виленский округ, на смену второй, которую возвратить в Петербург. Весть о выступлении в поход была большой радостью, особенно для молодежи. Перед выступлением полков Государь назначил им смотр 12 июня. Полки 1-й дивизии представились уже в полном 3-батальонном составе; вместе с ними находились на смотру третьи батальоны прочих полков гвардейской пехоты и 3-й гренадерской дивизии, также Старо-Ингерманландский резервный полк в 2-батальонном составе. В тот же день происходил обычный смотр батальонам кадет; по окончании смотра Государь поздравил окончивших курс воспитанников с производством в офицеры.

Накануне этого смотра, 11 июня, Наследник Цесаревич Николай Александрович выехал из Царского Села в продолжительное путешествие по России. Обстановка предпринятой поездки соответствовала вполне воспитательной ее цели: кроме главного руководителя генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова и состоявших при Цесаревиче флигель-адъютанта полковника Рихтера и доктора Шестова, сопровождали Его Высочество некоторые профессора и ученые: Победоносцев, Чевелев, Бапст и другие. Цесаревич, отлично подготовленный к путешествию, соединял в себе все условия для того, чтобы извлечь из него наибольшую пользу. Путь его обхватывал всю восточную полосу Европейской России, начиная от Петрозаводска, через Вытегру, Череповец, Рыбинск, оттуда по течению Волги до самого ее устья; далее, посетив Донское войско, Цесаревич закончил свое путешествие объездом Кавказского края. Все это путешествие продолжалось около трех месяцев. Его Высочество останавливался во всех значительных городах и замечательных чем-либо местностях; в иных — даже по нескольку дней, для основательного осмотра всего, заслуживающего внимания. Само собой разумеется, что везде, кроме почетных встреч, официальных приемов и праздников, молодого Царевича приветствовали массы народа с неподдельным восторгом и любовью. И он, в свою очередь, приветливостью и любезным со всеми обхождением, производил везде самое отрадное впечатление.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЯТЕЖА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ. МАЙ — ИЮНЬ

Неудачи, испытанные мятежниками во всех действиях, предпринятых в течение апреля по плану партии «белых» и под ее руководством, дали снова перевес противной партии, которая

требовала более решительных мер для развития мятежа. Новой прокламацией 28 апреля / 10 мая Варшавский революционный комитет объявил, что он принимает впредь наименование «Народового правительства» («Жонда» — Rząd narodowy), как более соответствующее тому значению, которое приняла борьба Польши за свою независимость[123]. При этом подтверждалось, что заявленные прежде принципы польского восстания остаются в полной силе, как относительно цели его, состоящей в том, чтобы достигнуть полной независимости Польши в соединении с Литвой и юго-западной Русью, без предрешения вопроса о будущей форме правления, так и в отношении провозглашенного декретом 10/22 января полного равноправия всего народа польского, без различия сословий и вероисповеданий. Вместе с тем установлена и печать нового правительства, в которой соединены были гербы трех отделов будущего государства польского*, с надписью: «Народовый Жонд. — Свобода, равенство, независимость».

Главным деятелем в новом правительстве явился некто Лемпке, бывший прежде машинистом на какой-то фабрике и занимавший в революционной организации должность «начальника мяста» (города, т.е. Варшавы). Приняв звание «организатора», он употребил все силы и энергию свою, чтобы сосредоточить в своих руках все дело мятежа и устранить из нового правительства все личности, подававшие повод к распрям и раздорам. Ближайшим его сподвижником был Хмелинский, принадлежавший к числу самых крайних коневодов партии «красных». Две эти личности задумали дать мятежу новый характер. Видя безуспешность борьбы с русской силой в открытом бою, он решили прибегнуть к системе терроризма — к кинжалу и яду, чтобы заставить массу населения деятельнее принять участие в мятеже и в то же время навести страх на русские власти и расстроить самую организацию русского управления в стране. Они надеялись, что подобной системой действий скорее вызовут и военное вмешательство Европы.

Таким образом, в то время, когда приверженцы и сподвижники князя Чарторийского в Париже и других столицах старались всеми силами представить польское восстание в глазах Европы в самом светлом виде, как высокий патриотический порыв целого народа за освобождение от иноземного ига, и домогались признания польских мятежных шаек воюющей стороной (belligérants), противная партия «красных», захватив непосредственное руководство мятежом на месте, предалась крайним неис-

* Гербы: Царства Польского (Конгресовки) — одноглавый орел; Литвы — погон; юго-западной Руси — Архангел Михаил.

товствам и злодеяниям над беззащитными личностями. Вопреки настойчивым увещаниям со стороны «белых», учрежден был в Варшаве так называемый «Народовый трибунал», присуждавший к смерти всякого, кто только оказывал сочувствие или содействие русскому правительству, или не подчинялся власти тайных вожаков мятежа[124].

Еще 20 апреля совершено было в Варшаве политическое убийство: бывший секретарь маркиза Велёпольского Миншевский, даровитый писатель, выказывавший замечательное мужество в газетной полемике против польских революционеров, был поражен кинжалом на лестнице дома, где проживал. Убийцы скрылись; но в кармане убитого найдена была записка, извещавшая его о приговоре «Народового трибунала». С этого времени подобные убийства сделались нередкими в Варшаве и большей частью проходили безнаказанно даже и тогда, когда совершались среди белого дня на многолюдных улицах: никто из свидетелей не осмеливался помешать сокрытию убийцы, а полицианты (которые все были из поляков) держались в стороне.

Для приведения в исполнение приговоров кровожадного трибунала учреждена была декретом Жонда 10 мая так называемая «народовая стража», или жандармерия, получившая потом более приличные ей прозвища «кинжальщиков» или «жандармов-вешателей». Инициативу этого гнусного учреждения приписывали одному монаху. Стража народовая была составлена из самых отчаянных головорезов, почти исключительно из низшего слоя мастеровых, рабочих, бездомных бродяг, которые за ничтожную поденную плату (по 50 копеек в день) давали клятву беспрекословно исполнять все приказания своих вожаков. Ксендзы приводили их к присяге, окропляли святой водой кинжалы и внушали, что убийство с патриотической целью не только не грешно перед Богом, но есть даже великая заслуга, святое дело. Главное начальство над этой шайкой извергов принял на себя некто Левандовский, отличавшийся своими звериными наклонностями.

С учреждением этой гнусной шайки начались беспрестанные убийства по всему краю. «Кинжальщики», или «жандармы-вешатели», бродили небольшими группами, иногда рыскали верхом и совершали повсюду злодейства. Войска наши, гоняясь за шайками, находили в лесах людей повешенными, замученных, изувеченных. Несчастные жертвы подвергались мучительной смерти не только по подозрению в шпионстве, в сочувствии русским, но даже за простое ослушание приказаниям агентов Жонда или вожаков шаек, за одно замедление в удовлетворении их требований, за отказ идти «до лясу», т. е. в шайку. Если несчастному удавалось скрыться от убийц, то он подвергал муче-

ниям и смерти всю семью свою. Нередко находили повешенными на дереве мать с детьми. Были и такие изверги (как например, Чарнецкий или Бонча), которые систематически вешали или убивали в каждой деревне известное число крестьян без всякой личной вины, только для внушения страха остальным*. Число жертв, погибших таким образом от руки злодеев, как в Царстве Польском, так и в Северо-Западном крае, в течение года насчитывали в несколько тысяч. Печатавшиеся в «Journal de S-t Pétersbourg», в назидание Европе, длинные списки тех случаев, о которых имелись официальные сведения, были далеко неполны[125].

Руководители мятежа не останавливались ни перед какими гнусными средствами для достижения своих целей; не гнушались прибегать и к грабежу и воровству для пополнения революционной кассы, оскудевшей вместе с устранением партии «белых». Так 27 мая / 8 июня, в Главном варшавском казначействе открыта покража на большую сумму (до 4 миллионов рублей) «заставных листов», т.е. билетов кредитного общества, и других ценностей. Покража эта была совершена служившими в самом казначействе агентами Жонда**. Для расследования дела была наряжена особая комиссия под председательством генерал-майора Краснокутского, и в то же время опубликована ведомость номеров похищенных билетов[126]. Что же касается до ограбления почт, таможенных застав, волостных и уездных касс, то подобные случаи повторялись беспрестанно.

В конце того же мая опубликован в русских газетах найденный случайно знаменательный документ, названный «Польским катехизисом»[127], в котором изложены были категорически иезуитские наставления в руководство польским патриотам. Откровенность, с которой преподавался самый бесчестный, возмутительный образ действий в отношении к России, доходила до того, что невольно зарождалось сомнение — не есть ли это ирония или пасквиль на всю польскую нацию. К сожалению, все те безнравственные и коварные приемы, которые указывались в пресловутом «катехизисе», действительно практиковались участниками польской «справы» в самых обширных размерах.

С половины мая замечалась некоторая перемена в самом образе действий мятежных шаек. Появились мелкие шайки, пре-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Замечательно, что в числе этих извергов было немало иностранцев разных наций» *(примеч. публ.)*.

** Накануне покражи главный кассир Яновский уехал самовольно в отпуск; заступивший его должность помощник лежал больной, а начальник бухгалтерии с двумя счетчиками бежали в самый день открытия кражи. Один из последних был найден на другой день в бане с перерезанной перочинным ножом жилой.

Н.А. Краснокутский

имущественно конные, в составе от сотни до 200 всадников, хорошо вооруженных и на хороших конях. Такие шайки, легче увертываясь от погони наших отрядов, рыскали по всему краю и вместе с «жандармами-вешателями» наводили ужас на мирное население. Мятеж принял какой-то разбойничий характер; вожаки шаек вели себя, как атаманы разбойников.

Такой образ действий мятежников вызвал некоторое изменение и в распоряжениях русских военных начальников. Кроме прежних отрядов в несколько рот с небольшой частью кавалерии или казаков, а иногда и с придачею орудий, начали чаще высылать в разных направлениях мелкие конные разъезды. Но как бы часто ни посылались они, как бы ни были они подвижны и предприимчивы, одно случайное появление их в той или другой местности не могло служить охраной спокойствия и безопасности населения, за совершенным, можно сказать, отсутствием местной полиции, так как все органы администрации в крае повиновались более тайной революционной власти, чем за-

конной. Правительству не оставалось ничего другого, как возложить и полицейские обязанности на войско. В этих видах в начале мая были установлены военные начальники в уездах с подчинением им низших чинов гражданской администрации и с разрешением учредить, по возможности, сельскую стражу из надежных домохозяев для содержания караулов, посылки патрулей, наблюдения за проезжими и проч.

В то же время по инициативе Великого князя наместника заведена была на Висле небольшая флотилия из трех пароходов, вооруженных пушками, двух лодок, снабженных фальконетами и ракетами, четырех катеров, шести шлюпок и одной баржи. Флотилия эта назначалась для усиления полицейского надзора, для воспрепятствования мятежникам ввоза водою оружия и военных запасов, а при случае — и перехода шаек с одного берега на другой*.

В течение мая почти прекратились прежние частые вторжения мятежных шаек в Царство Польское с запада, т.е. из Познанской области, вследствие строгих мер, принятых в то время прусским правительством. В конце апреля раскрыта была в этой области такая же революционная организация, какая существовала в Царстве Польском. При обыске дома графа Дзялинского (17/29 апреля) найдены оружие, запасы и важные бумаги, вполне уличавшие владельца в том, что он был во главе этой организации и вместе с другим крупным землевладельцем, Александром Гуттри, руководил восстанием в Познанской области. Граф Дзялинский, шурин князя Владислава Чарторийского, был членом прусского ландтага, а потому правительство прусское должно было внести в Палату предложение о предании графа Дзялинского судебному преследованию; но прежде еще решения этого вопроса он бежал в Париж, где находился и сообщник его Гуттри. Другой член прусской Палаты от Познанской же области, Бентковский, сложивший впрочем с себя это звание, открыто участвовал в шайках Лангевича и попал в плен.

С расстройством революционной организации в Познани и более строгим наблюдением за границей со стороны прусских властей, как сказано, приостановились и вторжения шаек в Царство Польское с запада и провоз оружия; зато усилились подобные попытки с севера, из области Прусской, в губернии Плоцкую и Августовскую, и всего более из прусских округов Торнского и Страсбургского в наш Липновский уезд. Так как местное население и здесь оказывало мало сочувствия к мятежу, то вожаки шаек прибегли к таким же свирепым мерам терроризма

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «что, впрочем, все-таки случалось не раз» *(примем. публ.)*.

ма, как и в других частях Царства Польского, дабы навести страх и заставить население содействовать мятежу. Образовались отряды «мстителей», или «жандармов-вешателей», в число которых набирались всякие негодяи, объявлявшие себя исполнителями «приговоров» Народового Жонда. И здесь отряды войск, наблюдавшие за границей, нередко находили в лесах несчастных людей, повешенных или избитых палками до смерти.

В северном военном отделе Царства Польского, где до того времени сравнительно было довольно спокойно, появились с мая месяца более крупные шайки численностью до 2 и до 3 тысяч человек под начальством Фрича, Домбровского, Мыстоковского и других. В Плоцкой губернии две таких шайки были разбиты 10 мая между Вышковом и Островом и 22 мая близ самого Острова. В Августовской губернии (где начальство принял генерал-майор Свиты князь Витгенштейн) после продолжительных поисков за бродившими шайками между Сувалками, Августовом и Гродной удалось, наконец, 16 июня настигнуть сильную шайку Вавра, которая в двухчасовом бое понесла огромную потерю; сам предводитель был в числе раненых.

В Люблинском отделе в течение тех же двух месяцев, мая и июня, происходили частые встречи с шайками, не представлявшие, впрочем, ничего выдающегося. Прежняя шайка Лелевеля, достигавшая до 3 тысяч человек, была разбита 7 мая отрядами, высланными из Люблина, Янова и Замостья, и отброшена обратно в Галицию; но потом снова вторглась в пределы Царства и вторично разбита 19 мая близ Юзефова отрядами полковника Медникова из Янова и подполковника Ракусы из Люблина. 12 и 13 мая разбиты две шайки: одна в 1500 человек в Любартовских лесах (к северу от Люблина), полковником Цвецинским; другая — у деревни Мазановки (в 12 верстах от Буга, к северо-западу от Словатичи), майором Анташевичем из Седлеца. В тот же день, 13 мая, мятежники осмелились сами предпринять нападение на транспорт, следовавший из Люблина, с рекрутами, арестантами и пленными под конвоем четырех рот. Шайка была отражена с уроном, и в тот же вечер наткнувшись на другой отряд, высланный из Минска, была окончательно рассеяна.

Предприимчивость и самонадеянность мятежников проявилась снова 28 мая в двух пунктах почти одновременно: в ночь с 27-го на 28-е они вторично напали на роту Костромского пехотного полка в Мендержицех (между Луковом и Бялой), а утром того же дня батальон вновь сформированного Замостского крепостного полка, следуя из Варшавы в Замостье, был внезапно встречен выстрелами из леса у местечка Корытнице (к северу от Ивангорода). В обоих случаях мятежники были отбиты с уроном; но в последнем деле была потеря и в наших войсках, за-

стигнутых врасплох; несколько человек попали в плен к мятежникам.

В июне образовались в Люблинском отделе шайки Крысинского, Зелинского и Янковского, с которыми войска наши имели встречи несколько раз. 4 июня разбита шайка у Бялы отрядами, высланными из Люблина и Радзына; 11-го — у деревни Ружи (к юго-западу от Седлеца); 15-го — на пути из Люблина в Янов подполковником Ракуса; 25-го и 29-го — отрядом полковника Шелькинга, высланным из Люблина. В последний этот день шайка, сделавшая нападение на сельский караул в Домачеве (Гродненской губернии), возвратившись на левую сторону Буга, была настигнута в лесу у деревни Янувки, близ Словатичи, полковником Шелькингом и, охваченная другими колоннами, подоспевшими из Бялы, Влодовы и Бреста, после отчаянного боя разбежалась.

На левой стороне Вислы* происходили в течение тех же двух месяцев, мая и июня, беспрестанные стычки наших летучих отрядов с многочисленными шайками повстанцев, даже в недалеком расстоянии от Варшавы. Одна из этих шаек — Древновского, разбитая 5 мая близ Равы полковником Бремзеном и вторично 6-го числа, между Гроицами и Гура Калвария, высланным из Варшавы отрядом генерал-майора барона Меллера-Закомельского, была окончательно рассеяна 7-го числа. Другая шайка — Оборского, Влодека и Шумлянского, в числе до 3 тысяч человек, появилась в половине мая в окрестностях Лодзи; преследуемая в течение нескольких дней летучими отрядами до самой границы прусской, оставила до 200 пленных и окончательно разбежалась**. Наконец, третья шайка — Кононовича, также в числе до 2 тысяч человек, была два раза разбита на берегах Пилицы, первоначально 1 мая отрядом полковника Эрнрота (из Радома) и вторично 18-го числа выступившим из Варшавы генерал-майором бароном Меллер-Закомельским. Сам Кононович при своем бегстве наткнулся на отряд Эрнрота, схвачен и немедленно расстрелян в местечке Варке.

Самые упорные действия происходили по-прежнему в лесистой и отчасти гористой местности Радомского отдела. Здесь снова появился Чеховский, который долго держался на пространстве между Радо́мом, Опочной и Кельце. Собранные им многочисленные шайки три раза имели горячие схватки с нашими летучими отрядами: 14 мая — у Едлинска (к северу от Радо-

---

* В автографе зачеркнуто: «где лесистая и гористая местность особенно благоприятствовала повстанцам» *(примеч. публ.)*.

** В автографе зачеркнуто: «20 мая остатки шайки частью рассеялись, частью бежали за границу» *(примеч. публ.)*.

ма) с полковником Булатовичем; затем 28-го числа — у деревни Рушкова (к востоку от Опочны) с майором Сухониным* и, наконец, 30 мая близ Вонхоцка были рассеяны кавалерией. Сам Чеховский, раненый, бежал за границу и обезоружен австрийцами.

Пока происходили все эти движения в погоню за Чеховским, случились еще две встречи: 13 мая у Конецполя (к востоку от Ченстохова) майор Бентковский, высланный из Кельце, разбил шайку Де-Лакруа и Литтиха, а 29 мая у деревни Клечева (к северу от Конина) разбита шайка Рачковского и француза Калье соединенными колоннами генерал-майора Краснокутского и майора Нелидова.

В начале июня снова появилась шайка близ прусской границы, состоявшая преимущественно из познанских выходцев, в числе до 500 человек. 4-го числа эта шайка была разбита между Калишем и Велюном высланными из обоих этих пунктов отрядами полковника Померанцева и подполковника Тарасенкова. Вслед за тем 6 и 8 июня вторглись из Галиции две шайки под начальством уже упомянутых прежде вожаков: Бонча (Чарнецкого) и Йордана. Первая, почти исключительно конная и состоявшая из лиц высшего сословия Галиции, хорошо вооруженных и обмундированных, двинулась к Мехову; но наткнулась на засаду и, потеряв до 50 убитых и 100 раненых, спаслась бегством. Сам Чарнецкий, получивший печальную известность своей свирепостью, тяжело ранен штыком и пикой и умер на другой день. Шайка Йордана, в числе до 800 человек (в том числе 100 конных), переправилась через Вислу со стороны Щучина к Стопнице. Она была встречена сначала одной только ротой, но с прибытием подкреплений мятежники, атакованные с трех сторон, понесли весьма большую потерю, так что едва только 200 человек успели уйти за Вислу; многие утонули при переправе; до 100 человек взято в плен и в числе их 2 австрийских офицера.

К половине июня в центральных частях Радомской губернии опять собралось несколько шаек: Оксинского, Заборовского, Литтиха, составившие вместе скопище до 2 500 человек. Генерал-майор Ченгеры, выступив 12-го числа из Водзислава (между Андреевым и Меховом) к Влощове, погнался за этой шайкой,

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «После горячей схватки с драгунами он скрылся в леса и быстро отступил к югу, на деревню Мниов (между Кельце и Петриковым); соединившись здесь с другой шайкой, Чеховский занял весьма крепкую позицию у деревни Новые Заклады. Выбитый ответной атакой пехоты майора Сухонина, Чеховский бросился опять к востоку к Самсонову и Суходниову. Генерал-майор Ченгеры, получив сведения об этих делах, выслал из Кельце отряд полковника Таубе на Самсонов в надежде перерезать путь Чеховскому: но последний уже прошел к Суходниову и далее к востоку» *(примеч. публ.)*.

поспешно от него уходившей; несколько раз настигал ее; наконец, 18 июня, когда вышедшая из Петрокова колонна генерал-майора барона Радена встретила мятежников у Пржедбожа (на реке Пилице, к востоку от Ново-Радомска), шайка бросилась в леса правого берега Пилицы. Оксинский с небольшим числом всадников ускакал за границу, в Галицию, а часть его шайки (до 200 человек) под начальством Литтиха была снова настигнута 21 июня казаками барона Радена и рассеяна, причем сам Литтих убит.

В конце июня появляется на театре военных действий Хмелинский — один из влиятельнейших деятелей мятежа. Этот бывший офицер 4-й артиллерийской бригады* был в прошлом 1862 году замешан вместе с своим братом в преступном покушении на жизнь великого князя Константина Николаевича, вследствие чего бежал за границу и заочно был приговорен судом к каторжной работе. Явившись теперь на театр военных действий в звании «начальника Краковского воеводства», он начал свой поход нападением 24 июня на роту Белозерского пехотного полка, расположенную в Янове (к юго-востоку от Ченстохова); нападение это было отбито, а с прибытием подкреплений к атакованной роте началось преследование шайки, которая была настигнута и разбита 27-го числа полковником Эрнротом. Другая шайка, Грабовского, также попробовала напасть 25 июня на местечко Бялобржеги (на низовьях Пилицы); мятежники бросились из леса с разных сторон на расположенную там саперную роту, но отбиты с потерей. После того шайка Грабовского, соединившись с шайкой Жилинского, усилившись до 2 тысяч человек, была разбита 28 июня двумя ротами у Одрживала (на реке Пилице, к западу от Бялобржеги), а 2 июля вторично близ деревни Ясень (к северо-западу от Равы) колоннами, направленными генерал-майором бароном Раденом из Рогова, Равы и других ближайших пунктов. Мятежники понесли тут огромную потерю.

Между тем 25 июня разбита еще шайка силой до 1000 человек в окрестностях Ловича, а 27-го числа у деревни Балькув (к востоку от Ленчицы) настигнута шайка Скавронского и Скржинского, состоявшая из 300 хорошо вооруженных и обмундированных всадников, выступившим из Калиша отрядом подполковника Тарасевича, который, не ожидая прибытия своей пехоты, с одной конницей, атаковал мятежников и, несмотря на значительное превосходство последних в числе, обратил их в бегство. Наконец, 30 июня генерал Костанда разбил конную

* В автографе зачеркнуто: «выпущенный из Павловского кадетского корпуса» *(примеч. публ.)*.

шайку Тачановского у Загурова (к западу от Конина) близ прусской границы, причем мятежники потеряли до 150 убитых и раненых.

Так продолжалась многие месяцы непрерывная и бесплодная погоня наших отрядов за шайками мятежников, которые при всех встречах с войсками терпели поражения и сильные потери и, несмотря на то, снова собирались и держали в страхе и тревоге всю страну. Такой образ войны, разумеется, был крайне утомителен для войск; но с другой стороны, служил им превосходной боевой школой. Войска приобрели большую опытность, замечательную сноровку в применении к местности, весьма пересеченной и лесистой; выказывали необыкновенную выносливость, бодрость и такую самоуверенность, что не колебались нападать на мятежников даже при огромном превосходстве численном на стороне последних. При этом, конечно, бывали и случаи неосторожности; не раз отряды наши попадали на засады. Так, в ночь с 14 на 15 июня наткнулся на такую засаду драгунский разъезд у деревни Близины (Радомской губернии); но он отступил в порядке, потеряв двух раненых, а с прибытием подкреплений драгуны сами перешли в наступление и разогнали шайку. Зато несколько дней спустя, 18 июня, разъезд из 30 драгун настиг шайку «вешателей» (Висневского) у Гроздикова (в Опоченских лесах) и совершенно истребил ее; 30 человек изрублены и сам предводитель шайки захвачен (потом повешен в Радоме). Другая конная шайка «жандармов-вешателей» в 100 человек была настигнута 25 июня майором пограничной стражи Траутфетером с полуэскадроном гусар и 25 объездчиками в Конинском уезде (у деревни Новой Веси): злодеи были частью побиты, частью скрылись в лесах.

Войска были крайне озлоблены на мятежников за те бесчеловечные жестокости, которые они совершали над местными жителями и над попадавшими в их руки русскими солдатами и офицерами. Поэтому в бою солдаты не щадили противника, и бывали случаи, что офицеры с трудом могли удерживать увлечение солдат; но подобные случаи бывали редко; вообще же можно было дивиться добродушию русского человека, который вне боя оказывает изумительную мягкость и человечность даже к непримиримому врагу. Несмотря на то, поляки имели наглость укорять русские войска в жестокостях против мятежников, умалчивая, конечно, о неимоверных злодеяниях, действительно совершавшихся по распоряжению революционного Жонда. Тут вполне применялась русская пословица: с больной головы на здоровую. Польские глашатаи в подкупленных газетах и говоруны в палатах прокричали, будто бы наши солдаты и офицеры истребляют немилосердно беззащитных противников и варвар-

ски обращаются с пленными. Послы французский и английский в Петербурге обратились к князю Горчакову с просьбой доставить им верные сведения по поводу подобных слухов для успокоения, по их словам, общественного мнения, крайне возбужденного против России. Вице-канцлер передал мне эту просьбу герцога Монтебелло и лорда Нэпира; в ответе своем я выразил, что русские войска действительно имели бы право не щадить польских мятежников после всех наглых оскорблений, которые должны были молча выносить со стороны последних в продолжение двух лет и особенно после вероломного нападения в ночь с 10 на 11 января и ввиду продолжающегося коварного и злодейского образа действий поляков; но что несмотря на все это, действительные факты совершенно опровергают газетные рассказы и клеветы о мнимых жестокостях русских войск. Если в реляциях и поражает несоразмерность в цифрах убитых и раненых, то следует заметить, что кроме раненых, остававшихся на полях сражений, многих других мятежники успевали увозить на подводах; много раненых обыкновенно находили после боя в окрестных деревнях и мызах; много лежало в наших госпиталях, где подавалась им врачебная помощь совершенно наравне с русскими ранеными.

Не раз уже мною указывалось на деятельное участие римско-католического духовенства в польском мятеже. Можно смело сказать, что оно было одной из главных его пружин[128]. Оно не ограничивалось только тайными закулисными происками, подстреканием, внушениями, содействием мятежным демонстрациям, но имело своих представителей в самих шайках, даже в числе их вожаков. Монастыри католические служили убежищем для мятежников и складом оружия и военного снаряжения.

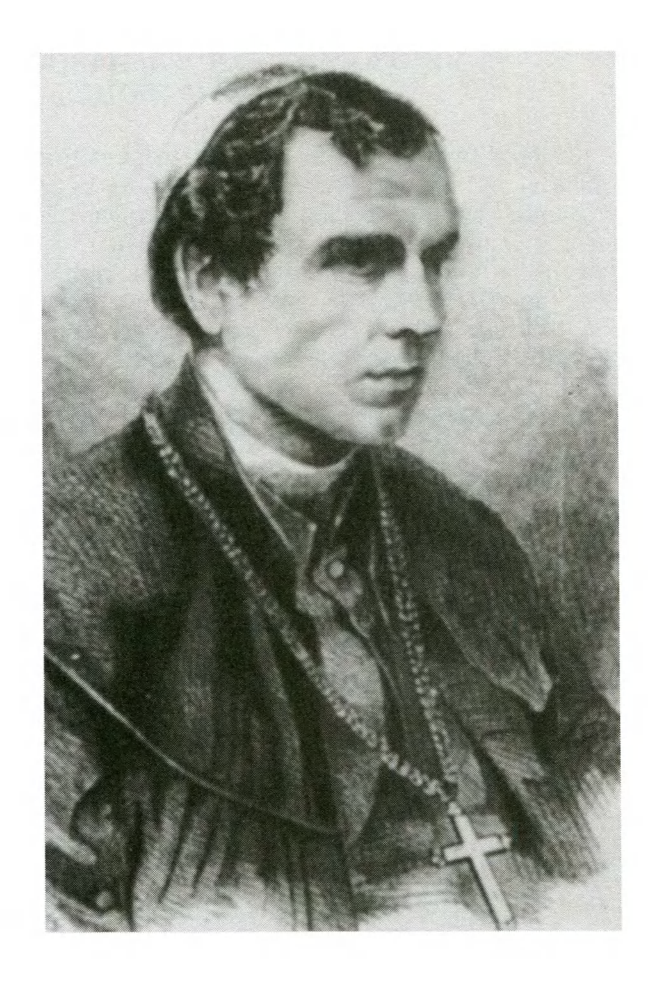
Из числа высших сановников католической иерархии в Польше более других внушал доверие варшавский архиепископ Фелинский, который за год до вооруженного мятежа (в январе 1862 года), при вступлении на Варшавскую кафедру, выказал такие благие намерения, который тогда решился поднять свой пастырский голос против революционных волнений и уличных демонстраций. Однако ж и он не устоял против напора революционной среды. По слабости ли характера, или вследствие внушений из Рима, архиепископ Фелинский поддался давлению руководителей восстания. В феврале 1863 года, когда некоторые из членов Государственного Совета Царства Польского подали разом в отставку, в числе их был и Фелинский. Тогда великий князь Константин Николаевич личными убеждениями отклонил его от такого поступка, имевшего вполне значение политической демонстрации[129]; но вслед за тем, 3/15 марта, архиепископ

представил Его Высочеству письмо на Высочайшее имя, письмо, в котором он, приняв на себя роль ходатая и заступника перед верховной властью «за несчастный народ во имя христианского милосердия и блага обеих наций», убеждал Государя остановить кровопролитие и высказывал, что «дарование Польше одной лишь автономии административной не удовлетворит требований страны, которой нужна жизнь политическая». Архиепископ умолял императора дать Польше «положение государства независимого, связанного с Россией лишь узами династическими». В этом видел он единственное средство достигнуть прочного умиротворения страны[130].

Великий князь наместник опять имел свидание с архиепископом, объяснил ему, как неуместно подобное письмо, и заметил ему, что он, может быть и сам, не отдавая себе отчета, делается орудием революционеров, которые злоупотребляют его именем и саном, чтобы пускать пыль в глаза Европы. Фелинский опять уступил убеждениям великого князя, взял свое письмо назад и тем, казалось, дело было кончено. Но тем не менее известие о поданной архиепископом отставке и самое письмо его появились во французском официальном «Монитёре» и затем во всех европейских газетах[131]. Того только и домогались вожаки мятежа; цель их была достигнута.

Несколько времени спустя представился новый случай неуместного вмешательства архиепископа Фелинского в политические дела. 31 мая / 12 июня назначена была в Варшаве казнь ксендза Конарского, одного из главных участников произведенной еще в 1850 году попытки возмущения в Литве, бежавшего в то время за границу с подложным паспортом и взятого в плен в одной из недавних стычек с шайкой мятежников. В самый день казни Фелинский обратился к директору Главной комиссии внутренних дел с письмом, в котором протестовал против казни Конарского и, ссылаясь на каноническое право, доказывал незаконность судебного приговора; затем требовал по крайней мере выдачи тела казненного ксендза для приличного погребения его по церковному обряду[132].

Еще до этого последнего поступка Фелинского уже признано было необходимым удалить его из Варшавы. В начале июня он был вызван в Петербург и, затем назначено ему местопребывание в Гатчинском дворце, где он пользовался всеми удобствами и почетом, соответствующими его сану. Об этом распоряжении было тогда же сообщено (циркуляром князя Горчакова от 31 мая / 12 июня) представителям России при иностранных дворах для устранения превратных толкований. Однако ж Фелинский не долго оставался в Гатчине: по получении в Петербурге сведений о последней выходке его перед

Зигмунт Фелинский

самым выездом из Варшавы, последовало распоряжение о перемещении его на жительство в Ярославль с сохранением звания и всего содержания.

Удаление Фелинского из Варшавы подало повод к новой демонстрации. Суфраган его (викарный епископ) Ржевуский отказался от вступления в должность архиепископа и протестовал против распоряжения высшего правительства в самых резких выражениях. По распоряжению Капитула, 27 июня / 12 июля протест этот был читан во всех варшавских церквах; вместе с тем снова наложен церковный траур во всем Царстве, т. е. прекращение богослужебного пения с органом и колокольного звона впредь до возвращения пастыря.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЗАПАДНОМ КРАЕ В МАЕ И ИЮНЕ

С тех пор, как в Варшавском революционном правительстве взяла верх партия «красных», такая же перемена совершилась и в личном составе Виленского его отдела. Все прежние представители партии «белых» были устранены, и руководителями мятежа в Литве снова явились Дюлоран, прибывший из Варшавы с обширными полномочиями, Калиновский и Малаховский. Во все отделы Литовского края комиссарами от Варшавского Жонда присланы были также исключительно сторонники партии «красных»[133]. По примеру Царства Польского, появились и в Виленском отделе «кинжальщики», или «жандармы-вешатели», — исполнители «приговоров» таинственного судилища.

Но этим новым правителям не долго удалось властвовать. 12 мая прибыл в Вильну новый начальник Северо-Западного края М.Н. Муравьёв. Ему предшествовала общая молва о его крутом и суровом нраве, так что уже при встрече его на станции железной дороги, в числе собравшихся начальствующих лиц, представителей разных ведомств, сословий, учреждений — одни ждали его с трепетом, а другие с радостной надеждой увидеть скоро конец оскорбительной для русского чувства польской крамолы в западной Руси.

В приказе своем по войскам Виленского военного округа 14 мая генерал Муравьёв так возвестил о своем прибытии в край и вступлении в должность: «Считаю первым приятным долгом объявить войскам, что Государь император повелел мне благодарить их от его имени за их доблестную службу. Смутам и мятежу, возникшим в этом крае, надобно положить предел. Обращаюсь к храбрым войскам, над которыми принимаю начальство, уверенный, что с помощью Божьей, дружными усилиями нашими дерзкие крамольники скоро понесут заслуженную ими кару и порядок восстановится во вверенном мне крае»[134].

С первых же дней вступления в должность, генерал Муравьёв дал всем почувствовать свою твердую руку. Начался ряд энергических мер не только для подавления вооруженного мятежа, но и для прекращения всяких польских поползновений на господство в крае. Признав открыто и без оговорок Северо-Западный край землей русской, Муравьёв поставил себе целью — искоренить все польское и поднять русский элемент. Из первых распоряжений его было — введение в крае военно-административного устройства уездов; в каждом уезде назначен был военный начальник, которому подчинены были и войска, и полиция, и лица гражданского управления. В инструкции, данной 21 мая военным начальникам[135], предписывалось руководствоваться в

точности правилами 9 августа 1861 года о военном положении[136], вменялось в обязанность чаще обходить уезд с войсками, обыскивать леса и немедленно очищать их от гнездившихся в них шаек и бродяг; всех помещиков и шляхту обезоруживать и поступать самым строгим образом со всякими, у кого окажутся оружие и военные запасы по истечении срока, назначенного для предъявления их самими владельцами. Помещикам было объявлено, что всякое допущение в их дома и мызы мятежных шаек подвергнет их личной ответственности, а имения их — секвестру. Строго предписывалось всем начальникам арестовать всякого, кто выкажет какое бы ни было участие в мятеже или содействие мятежникам; имения таких лиц немедленно должны быть секвестрованы без малейшего колебания, не допуская никаких исключений.

Особенное внимание предписывалось обратить на католическое духовенство и монастыри. Генерал Муравьёв при первом же объяснении своем с римско-католическим епископом Красинским укорял духовенство в содействии, оказываемом мятежу. Епископ отрицал это обвинение; но Муравьёв письменно (от 26 мая) указал ему на двух ксендзов, взятых в плен из шаек и уже преданных смертной казни 22 и 24 мая по приговору суда, и на несколько других, ожидавших той же участи. В том же письме генерал Муравьёв настойчиво требовал от епископа, чтобы он, как христианин, внушил своим подчиненным долг их не только самим не участвовать в преступном мятеже, но и вразумлять и отклонять от него свою паству. В заключение письма, указав на тот пункт данной военным начальникам инструкции, который касался католического духовенства, Муравьёв намекнул на то, что закон, карая измену и нарушение верноподданнической присяги, не менее строг и к тем, которые по своему бездействию власти, делаются соучастниками этих преступлений[137].

Генерал Муравьёв не церемонился ни перед духовенством, ни перед помещиками, ни перед чиновным людом, ни даже перед женщинами; он сумел в короткое время восстановить авторитет русской власти и внушить страх тем, которые до того времени над ней насмехались. Приняты были меры, чтобы не только привлечь к ответу виновных в явном участии в мятеже, но и открыть тайных двигателей мятежа, разъяснить всю организацию его. По мере того, как следственные комиссии разъясняли всю подноготную польской смуты, суды постановляли свои приговоры; начался ряд казней и высылка из края массы людей неблагонадежных[138]. Первые упомянутые выше казни двух ксендзов, 22 и 24 мая, произвели сильное впечатление на польское население, которое сначала не хотело верить, чтобы Муравьёв решился в самом деле казнить духовное лицо. Затем

последовали казни: 27 мая — в Динабурге, графа Льва Платера; 28-го — в Вильне, Колышко, сподвижника Сераковского; 6 июня — в Ковне, корнета Белозора, и в Могилеве — подпоручика Корсака и двух прапорщиков Манцевичей; 10 июня — в Лиде, еще ксендза Фальковского, а 15-го — в Вильне, Сераковского. Прежние воротилы мятежа в Литовском крае: граф Старжинский, Оскерко, Елинский, Далевский были арестованы и ожидали решения своей участи, а Гейштор бежал. Заступившие их места новые агенты Варшавского Жонда перессорились между собой: Калиновский затеял отделиться от Варшавского Жонда и сделаться диктатором в Литве; Дюлоран, видя безнадежное положение дела, поспешил уехать из Вильны в Варшаву, чтобы открыть глаза руководителям мятежа; но вскоре потом бежал за границу. Калиновский остался один в Вильне, утешая себя громким титулом «диктатора» и более всего озабоченный своей личной безопасностью[139].

Одной из существенных мер, принятых Муравьёвым против продолжавшегося в крае вооруженного мятежа, было учреждение сельской стражи, или обывательских караулов. Подобная мера давно уже была принята в Юго-Западном крае; в Северо-Западном же прибегли к ней только по прибытии генерала Муравьева. На этот край так привыкли смотреть польскими глазами, что смешивали массу народа литовского и белорусского с наносным верхним слоем польским до тех пор, пока во многих местах сами крестьяне не выказали фактически своего несочувствия к польской смуте. Генерал Муравьёв в борьбе с мятежом не побоялся прибегнуть к содействию местного населения и признал полезным регулировать его помощь установлением правил для сельских караулов. Положено было формировать эти караулы в составе от 60 до 100 человек; начальниками их назначались унтер-офицеры; придавалось по нескольку рядовых от войск. Караулы подчинялись военным начальникам уездов; каждому караулу назначался определенный участок для отправления службы, состоявшей в наблюдении за проезжающими, в арестовании личностей подозрительных, отнятии оружия и т. д.[140]

Формирование народной стражи распространялось постепенно не только на все пространство Виленского военного округа, но потом и на соседние губернии, Смоленскую и Псковскую, для предупреждения попыток разбоя и насилия. В Динабургском и Режицком уездах старообрядцы изъявили готовность образовать из себя конную стражу, выбрав из своей же среды десятников и пятидесятников. На собственный счет они обмундировали сотню, снарядили и снабдили лошадьми, так что от начальства выдано им только оружие. Эта конная сотня добро-

вольцев прозвана была в народе «новыми казаками» и скоро приняла вполне воинственный вид. Государь, получив об этом донесение генерала Муравьёва (от 25 мая), приказал «благодарить за усердие». Впоследствии изъявили желание присоединиться к составу конной стражи и не принадлежавшие к числу раскольников русские и латыши.

2 июня генерал Муравьёв обратился ко всему сельскому населению с объявлением новой Царской милости: о неотлагательном прекращении обязательных отношений крестьян к помещикам; с призывом их к самозащите против польских мятежников. Сельским караулам предписывалось не допускать образования шаек; всякого, кто только окажется участником мятежа, задерживать без разбора звания и представлять начальству[141].

Учреждение сельских караулов в Северо-Западном крае принесло такую же пользу, как и в Юго-Западном, хотя и тут подало повод к порицаниям и упрекам. Подобная мера, конечно, не могла нравиться польским панам, даже и тем из них, которые не принимали открытого участия в мятеже; они кричали об опасности возбуждения народных масс против землевладельческого сословия, об угрожавшей резне (jaquerie); распускали всякие рассказы о своеволии крестьян и проч. Польским панам вторили многие из наших петербургских «здраводумов», не сочувствовавшие лично Муравьёву и его образу действий. А между тем народная стража много способствовала успокоению Западного края. Мятежникам сделалось труднее рыскать и распоряжаться; не редко сельские караулы ловили и обезоруживали небольшие шайки и одиночных бродяг; помогали отрядам в обыске лесов и в поимке остатков разбитых шаек.

Согласно наставлениям, данным генералом Муравьёвым военным начальникам, во всех частях края беспрестанно высылались летучие колонны для уничтожения шаек, собиравшихся то в одной, то в другой местности. В первых числах мая было рассеяно несколько мелких шаек, появившихся в Игуменском и Борисовском уездах Минской губернии. Более крупные шайки были настигнуты одновременно 9 мая в трех разных местностях: одна, силою до 1500 человек, разбита подполковником Маноцковым в Бовержском лесу, в Мариампольском уезде (за Неманом, к югу от станции Козловой Руды); другая, силою до 800 человек, состоявшая большей частью из дворян и шляхты, хорошо вооруженных, разбита близ Свенциан, генерал-майором Свиты графом Шуваловым (Петром Андреевичем), которому поручено было начальство войсками, охранявшими железную дорогу от Динабурга до Вильны; и третья, силою до 400 человек, в Тельшевском уезде, настигнутая отрядом, высланным из Шавли,

понесла такое поражение, что половина мятежников легла на месте.

Вслед за тем появились довольно многочисленные шайки в южных уездах Гродненской губернии: одна, под начальством Траугута (личности, игравшей позже влиятельную роль в Варшавском Жонде), разбита 13 мая генерал-майором Эггером в Белинском лесу, в южной части Кобринского уезда; другая, силою до 2 тысяч человек, под начальством Ленкевича и ксендза Лукашевича, появилась в Слонимском уезде. Высланный из Слонима отряд подполковника Булгарина настиг эту шайку 21 мая среди болот, у Маловид (на шоссе из Кортуз-Березы в Слуцке, на самой границе уездов Слонимского и Слуцкого). Первая атака крепкой позиции мятежников 22-го числа была безуспешна; на другой день, 23-го числа, когда подошли к отряду подкрепления, и предположено было возобновить нападение, мятежники покинули свою позицию и отступили по двум направлениям: одна часть — к Пинским лесам, другая — к Березинским и к Слуцку. В погоню за ними были посланы летучие колонны, которые несколько раз настигали лишь мелкие части шайки, скрывавшиеся в лесах от преследования.

С конца мая опять усилились шайки в северных частях края, особенно в Ковенской губернии, где мятежники находили среди лесов удобные притоны и могли избегать встреч с войсками, предпринимать засады, скрываться после поражения и потом снова собираться. 25 мая высланная из Шавли под начальством полковника Нарбута рота лейб-гвардии стрелкового Императорской фамилии батальона встретила в Цитовянских лесах шайку ксендза Мацкевича, силою до 1300 человек. Мятежники, потерпев значительную потерю, отступили; но 27-го числа разбиты вторично. 7 июня также в Шавльском уезде разбиты две шайки: Матушевича и Шимкевича, а 10-го числа произошло неудачное дело генерал-майора Данилова у Попелюц (к северо-западу от Шавли). Отряд этот, в состав которого входил гвардейский стрелковый батальон, наткнулся неожиданно среди болотистого леса на многочисленное скопище мятежников, составившееся из соединенных шаек Яблоновского, Езеранского и Станевича. Мятежники, хорошо вооруженные, защищались упорно в своем притоне, укрепленном со всех сторон, так что отряд был отбит с немалой потерей, ради неопытности начальников и офицеров, рвавшихся в бой с излишней отвагой. Офицеров убито 3 и ранено 4; из четырех ротных командиров гвардейского стрелкового батальона трое выбыли из строя, и в числе их капитан Розенбах; нижних чинов убито 23, ранено 46.

В следующие за тем дни произошел целый ряд встреч и стычек с мятежниками в разных местах. 12 июня полковник Черт-

ков, с гвардейским стрелковым Императорской фамилии батальоном, после 12-дневной утомительной погони за шайкой Мацкевича и Згерского, силою до 900 человек, настиг ее у деревни Монтвидов (с северу от Кейдан) и совершенно разбил ее. В тот же день военный начальник Виленского уезда, флигель-адъютант Тимофеев разбил значительную шайку близ местечка Гедроицы (к северу от Вильны), а в Вилькомирском уезде рассеяна шайка из 120 конных мятежников. На другой день разбита еще шайка, в Свенцианском уезде, генерал-майором Своевым и полковником Маноцковым. 18 июня шайка Яблоновского, силою до 500 человек, понесла поражение близ Кейдан.

В это же время командующим войсками Рижского округа генерал-адъютантом бароном Ливеном выдвинуты были отряды под начальством полковников Мантейфеля и Будберга для очищения от шаек лесов, пограничных между губерниями Курляндской и Ковенской. Мятежники избегали боя; однако ж 13 июня полковнику Мантейфелю удалось настигнуть шайку Лушкевича и нанести ей большую потерю; 17-го же числа эта шайка вторично разбита полковником Будбергом около Биржи (в северной части Поневежского уезда), а 22-го числа, по получении подкреплений, полковник Будберг открыл и атаковал самый притон шайки Лушкевича, близ местечка Вобольники (к северо-востоку от Поневежа). Мятежники без сопротивления покинули свой притон и бежали, потеряв много убитых и бросив значительные запасы.

В последние два дня июня еще разбиты: 29-го числа — шайка Вислоуха и Любича, в Клявшинском лесу (Трокском уезде), а 30-го числа — шайка Станевича (Писарского) отрядом капитана Левашева, из 2 рот гвардейского стрелкового Императорской фамилии батальона, у деревни Медроги (между Тельшем и Шавли), и шайка Шимкевича, майором Штевеном, у местечка Ловкова (к югу от Ворни). В этом последнем деле в числе убитых мятежников оказался один из графов Платер.

В южных уездах Гродненской губернии в течение июня произошло несколько стычек с мятежниками: 4-го числа, в Волковиском уезде майор Скоробогатов открыл шайку, силою до 1000 человек, у Лыскова (к югу от Волковиска), разбил ее и забрал весь лагерь мятежников; 11-го числа — в Пинском уезде майор Каммерер настиг шайку Траугута, силою до 500 человек, у местечка Сталино (на реке Горыне, в юго-восточном углу Пинского уезда) и вогнал ее в болото; затем, преследуя ту же шайку, окончательно рассеял ее 19-го числа у деревни Колодно (к юго-востоку от Пинска, за рекой Стырем). Наконец, 29 июня небольшая шайка, в 130 человек, была разбита и рассеяна двумя рота-

ми майора Слешинского на границе уездов Слонимского и Новогрудского.

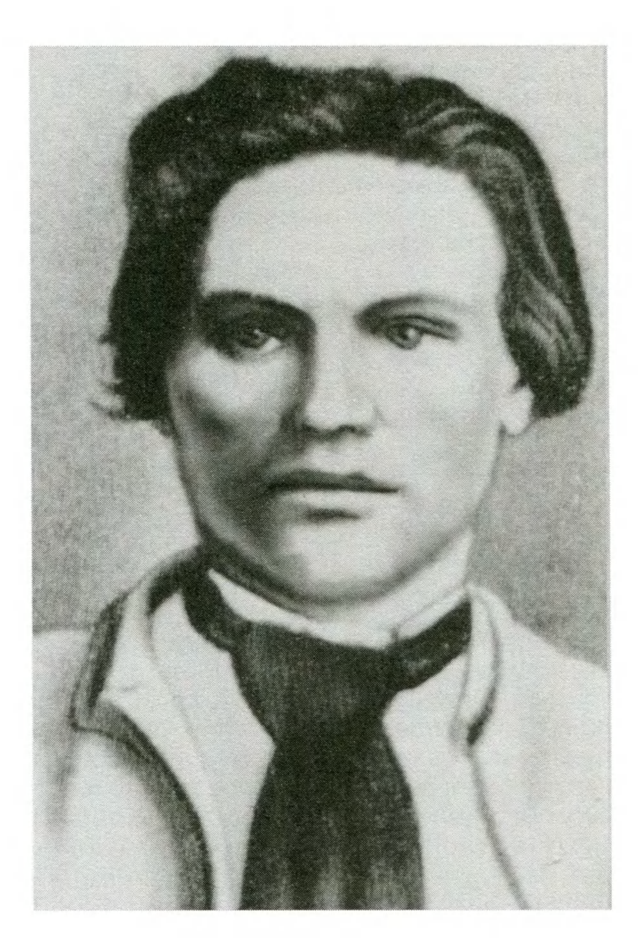
В Минской губернии вновь назначенный губернатором и командующим войсками генерал-лейтенант Заболоцкий* в начале июня собрал несколько небольших отрядов в Игуменском уезде для очищения тамошних лесов от бродивших в них шаек; но войска, обойдя 7-го и 8-го числа самые закрытые местности, не встретили шаек, и только в одном месте произошла неважная перестрелка. Зато в Могилевской губернии мятежники, в числе 120 человек, возобновили 13 июня покушение на местечко Горки; шайка эта была настигнута подоспевшей ротой и уничтожена. В случившемся при этом пожаре домов сгорело 40 мятежников.

Таким образом, и в Северо-Западном крае, несмотря на энергические меры, принятые генералом Муравьевым, вооруженный мятеж все еще не унимался; все наносимые шайкам поражения не приносили видимых результатов. Разбитые в одном месте шайки собирались в новом пункте. Таинственная рука настойчиво поддерживала мятеж в Литве в надежде на близкое вмешательство Европы. И в Польше, и в Северо-Западном крае не переставали ожидать вступления иностранных армий в пределы России; даже почему-то назначался день этого желанного события, именно 16/28 июня. Руководители мятежа составляли новые обширные планы военных действий: вспомнив о прежнем проекте графа Старжинского, предполагали собрать в Августовской губернии скопище в 6 тысяч человек с тем, чтобы оттуда произвести вторжение в губернии Ковенскую и Гродненскую; главное начальство должен был принять Лангевич, которого надеялись освободить из австрийской крепости подкупами. В то же время из Варшавы послан был в Вильну некто Авейде, товарищ Калиновского по университету, с поручением отклонить последнего от намерения отделиться от Варшавского Жонда[142].

Но Калиновский, хотя и величался еще званием диктатора в Вильне, уже находился в то время в крайне затруднительном положении; он должен был скрываться от виленской полиции, беспрестанно переменяя имя и квартиру; денежных средств почти не было; шайки терпели поражения и огромные потери; деятельнейшие участники мятежа, один за другим, гибли в стычках или попадали под тяжелую руку генерала Муравьёва[143].

---

* Генерал Заболоцкий, бывший прежде дежурным генералом 1-й армии в Варшаве, назначен губернатором на место действительного статского советника Кожевникова.

Константин Калиновский

Прошло и 16 июня, так громко и торжественно предвещенное из Hôtel Lambert[144], но о союзной армии не было и речи. Даже и в иностранной печати уже замечалась перемена тона.

В Юго-Западном крае было совершенно спокойно до половины июня. Генерал Анненков от 20 мая писал мне: «Польская шляхта присмирела; но все еще рассчитывает на помощь Европы»[145]. Однако ж в Галиции давно уже собирались шайки, и носились слухи о приготовлениях к новому вторжению на Волынь. Австрийские власти смотрели сквозь пальцы на эти почти открытые приготовления. В самом Львове и по другим городам повстанцы нахально расхаживали вооруженные, в своих воинственных нарядах. Около 12 июня они начали уходить из горо-

дов и стекаться в пограничные местности, располагаясь в помещичьих мызах и окрестных лесах. Генерал Анненков знал об этих сборах и писал мне 5 июня: «Шайки эти бродят, не решаясь вторгаться в наши пределы»[146]. Начальство над этими шайками принял Ружицкий (бывший русский офицер, о котором было упомянуто прежде); но ожидали прибытия из Парижа «генерала» Высоцкого. Число повстанцев, собравшихся на границе Волынской губернии, как полагали, простиралось до 3500 человек. В этом числе участвовали многие из молодых людей самых аристократических фамилий Галиции. Между ними особенно деятельное участие принимал князь Адам Сапега, член Галицийского сейма, сын одного из самых богатых и почетных аристократов в том крае, президента сейма. Молодой князь Сапега на свой счет снарядил отдельную шайку и кроме того доставлял повстанию* щедрые субсидии. Замок его был опорным пунктом мятежников, складом запасов и арсеналом.

В ночь на 19 июня мятежники перешли границу в двух пунктах: главная часть — у Радзивилова, другая — у Подкаменья (в 20 верстах южнее). Предполагавшаяся еще третья колонна наткнулась на австрийский пограничный пост, была задержана и обезоружена. Главная же шайка, неожиданно напавшая на рассвете на Радзивилов, имела такое превосходство в числе над занимавшими местечко двумя ротами, что сначала мятежникам удалось завладеть некоторыми крайними кварталами и засесть в домах; но затем встретили упорное сопротивление; перестрелка продолжалась несколько часов, а между тем подоспело подкрепление к оборонявшимся двум ротам, и тогда мятежники, угрожаемые обхватом их войсками, бежали за границу, оставив на месте до сотни убитых и несколько десятков пленных. После боя окрестные крестьяне еще забирали разбежавшихся по лесу и приводили их к начальникам войск.

Другая часть шайки, вторгнувшаяся у Подкаменья, узнав о неудачном конце нападения на Радзивилов, не решилась уже ничего предпринять и также ушла обратно в Галицию.

По прошествии трех дней, 22-го числа, мятежники намеревались возобновить нападение на Радзивилов; но наткнувшись на русский пограничный пост, ничего не решились предпринять, и затем в пределах Юго-Западного края наступило снова спокойствие.

Попытка мятежников 19 июня побудила начальство этого края установить более бдительное охранение границы. Пограничный кордон был усилен; общее начальство над всеми отрядами, расположенными в пограничной полосе, возложено лично на генерал-лейтенанта Семякина, помощника командующего

---

* Так в тексте (*примеч. публ.*).

войсками округа. Охранение границы представляло немалые затруднения: большая часть ее в пределах Волынской губернии и отчасти Подольской пролегает по сухой меже, не обозначенной никаким естественным рубежом, кроме просеки в 3 сажени шириной. При таких условиях почти невозможно, при самом частом расположении кордонных постов, усмотреть за перебегающими поодиночке через границу людьми. Поэтому самый переход через границу не представлял для мятежников никакого затруднения. Бродивших по лесам мятежников приходилось ловить, посылая по временам патрули, и с помощью окрестных крестьян.

Австрийские власти, как уже было сказано, не принимали серьезных мер для воспрепятствования мятежникам готовиться и собираться к вторжению в наши пределы. Вот как выразился граф Берг в одном письме ко мне, чтобы характеризовать образ действий австрийцев: «Je ne sais pas en combien l'attitude du gouvernement impérial d'Autriche nous est favorable ou hostile; je sais que le gouverneur — général de la Galicie C-te Mensdorff déteste l'insurrection polonaise et qu'il lutte avec des moyens insuffisants contre le réseau révolutionnaire qui s'étend sur toute la Galicie»*. Но далее сам же граф Берг признавал, что австрийские власти, не имея достаточных сил, чтобы открыто бороться с польской революцией, ограничивались только для вида некоторыми слабыми мерами полицейскими, как-то: захватом кое-где оружия, арестованием изредка того или другого из повстанцев, — в сущности же потворствовали переходу шаек за границу для избавления собственной своей территории от беспокойного элемента: «Pour ne pas avoir les incendiaires dans sa maison on est bien aise de les voir courir dans la maison du voisin»**.

К шайкам галицийских поляков присоединялись партии приезжавших из других стран авантюристов с паспортами французскими или английскими. При этом надобно заметить, что в самых войсках австрийских, расположенных в Галиции, состояло немало офицеров из поляков, вполне сочувствовавших мятежу. Зато русское население Галиции и Буковины не только не показывало к нему сочувствия, но относилось к мятежникам с ненавистью. В конце июня в некоторых местностях крестьяне были до того раздражены против них, что вооружились чем могли, и напали на повстанцев, расположившихся по мызам и домам помещи-

---

* «Я не знаю, насколько позиция австрийского императорского правительства благосклонна или враждебна по отношению к нам: я знаю, что генерал-губернатор Галиции граф Менсдорф ненавидит польское восстание и что он, располагая недостаточными средствами, борется против революционной сети, которая распространяется на всю Галицию» *(фр.)*.

** «Чтобы не иметь поджигателей у себя дома, радуешься, когда они убегают в дом к соседу». Письмо графа Берга от 30 июля / 11 августа[147].

чьим. Только прибытие австрийских войск и убеждения властей удержали народ от расправы с блудливыми панами.

Однако ж и австрийское правительство, убедившись в существовании полной революционной организации не только в самой Галиции, но и в Венгрии, решилось наконец из чувства самозащиты действовать несколько энергичнее. В конце июня начались обыски и аресты. В доме князя Адама Сапеги во Львове открыты были несомненные улики деятельного участия его в революционной организации; он сам был арестован, так же как Высоцкий и некоторые другие[148].

ПРОДОЛЖЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ ПО ПОЛЬСКОМУ ДЕЛУ В МАЕ, ИЮНЕ И ИЮЛЕ

Несмотря на раздоры, продолжавшиеся и даже усилившиеся в польском лагере между партиями «белых» и «красных», вся дипломатическая сторона польского революционного движения оставалась постоянно в руках аристократической партии под главенством князя Владислава Чарторийского, претендента на будущую корону польскую. Он находился в прямых сношениях с французским Министерством иностранных дел, имел доступ в Тюильрийский дворец и даже был приглашаем запросто к столу императора Наполеона. У него же, князя Чарторийского, в Hôtel Lambert собирались совещания Польского комитета, состоявшего в это время из следующих лиц: князя Адама Чарторийского, князя Ксаверия Браницкого, Бональда, Голензовского, Воловича, Гуттри и Ордега. В отель князя Чарторийского стекались из разных источников все приношения на дело восстания; на эти средства производились покупка оружия и другие военные расходы; крупные суммы уделялись на подкуп печати всех стран Европы. Здесь же фабриковались бесчисленные газетные статьи, рассылаемые во все редакции с неистощимыми вымыслами, хвастливыми и ложными известиями, клеветами на Россию и всякими фантастическими бреднями, которыми поляки морочили Европу.

В других столицах находились уполномоченные агенты Польского комитета, и все эти посты, оплачиваемые щедрыми окладами из общей революционной кассы, раздавались лицам близким и даже родственным Чарторийским: в Лондоне находился граф Владислав Замойский, дядя князя Владислава Чарторийского; в Стокгольме — князь Константин Чарторийский, двоюродный брат его; в Константинополе — князь Витольд Чарторийский, в Вене — князь Сангушко, в Берлине — граф Цешковский и т.д. Главные руководители восстания в Познани и Галиции, как уже прежде сказано, были также близкие родственники князя Владислава Чарторийского: граф Дзялинский —

шурин его и князь Сапега — двоюродный брат. Таким образом, вся заграничная организация польской интриги заключалась, можно сказать, в семейном кругу Чарторийских, что, разумеется, вызывало упреки со стороны противников их партии. Когда же князь Владислав Чарторийский, в июле месяце, вздумал самовольно принять на себя звание «генерального дипломатического агента в Париже и Лондоне», то в печати появился против этого поступка его формальный протест за подписью Владислава Мицкевича, сына известного поэта.

Семейство Чарторийских имело сильную поддержку при дворах Парижском, Лондонском, Мадридском и в Ватикане; оно было в родстве с бывшей королевой испанской Христиной, тещей князя Владислава (женатого на старшей ее дочери от второго брака с герцогом Рианцаресом).

Нельзя не признать, что руководители польской интриги за границей вели ее с изумительной деятельностью и ловкостью. Они умели долго поддерживать возбуждение общественного мнения против России в надежде, что тем принудят и правительства выступить на подмогу польскому восстанию. В то время, когда Петербургский кабинет обменялся с прочими кабинетами первыми дипломатическими нотами по польскому вопросу и когда вся Европа с напряженным вниманием ожидала, какой оборот примет дело после ответов князя Горчакова (от 14/26 апреля)[149], — польская агитация в печати приняла самые колоссальные размеры: во всех газетах провозглашались победы и подвиги мятежных шаек и распространялись клеветы о мнимых жестокостях русских. Жалкая эта комедия разыгрывалась в продолжение многих месяцев, и вся почти Европа слепо верила распускаемой систематически лжи, отказываясь слушать опровержения ее. Недаром говорят французы: «il n'y a pas de plus sourd que celui qui ne veut pas entendre»*.

Среди общего сочувствия публики и печати к полякам и воинственного задора против России, только весьма немногие газеты решались по временам поднимать голос против общего увлечения и высказывать мнения более трезвые и рассудительные. К этой категории принадлежали из числа больших французских газет — «La Presse», «La France», «Courrier du Dimanche»[150], опровергавшие иногда яростные крики завзятых органов поляков: «L'opinion national», «Constitutionnel»[151] и др.; из английских же «Morning Standart» не редко возражал воинственному органу пальмерстонову «Morning Post». Появлялись также и отдельные брошюры, восставшие против воинственных увлечений; так в конце апреля Larochejaquelein выступил с брошюрой: «La France

---

* «нет более глухого чем тот, кто не хочет слышать» *(фр.)*.

avant la Pologne», a Emile Girardin (редактор газеты «La Presse») издал брошюру «L'apaisement de la Pologne»*. Но эти исключительные голоса, раздававшиеся изредка против польских симпатий Европы, терялись в гуле воинственных кликов за Польшу.

Как в публике и печати, так и в палатах слышался по временам голос благоразумия среди воинственного увлечения. К счастью, французская палата была закрыта в конце апреля, и назначены новые выборы представителей. В английском же парламенте (заседания которого продолжались до 16/28 июля), в прениях по поводу ответных депеш князя Горчакова, большинство высказывалось в смысле миролюбивом. Министр иностранных дел граф Россель, в замечательной речи, произнесенной 26 апреля / 8 мая, весьма дельно выставил невозможность удовлетворения польских мечтаний и несообразность польских домогательств, напомнив при этом неоднократные заявления поляков о том, что дарование Польше каких бы ни было либеральных учреждений не удовлетворит их до тех пор, пока не будет восстановлена прежняя Польша в соединении с западными губерниями России, с Познанью и Галицией. Граф Россель вместе с тем воздавал похвалы благим мерам и намерениям императора Александра II и, несмотря на все сказанное, приходил к тому неожиданному заключению, что российский император должен обязательно восстановить в Польше конституцию 1815 года. При этом однако ж английский министр имел неосторожность проговориться, что из-за польских притязаний было бы безрассудно подвергать Англию случайностям и рискам войны. В этих выводах графа Росселя нельзя не заметить некоторого недостатка логики. Нашлись и в английском парламенте голоса, мужественно восставшие против тогдашних увлечений польским вопросом: так, лорд Ellenborough высказал всю несообразность предполагавшегося тогда требования от России заключения перемирия с мятежниками, а лорд Grey даже настаивал на том, чтобы Англия отказалась от всякого вмешательства в польские дела.

В Париже были крайне недовольны откровенностью, с которой английский министр во всеуслышание заявил о нежелании Англии довести дело до войны. Признание это казалось французскому правительству большим промахом, так как император Наполеон в то время настойчиво вел переговоры с Лондонским и Венским кабинетами, чтобы склонить их к коллективному действию против России. Дипломатические эти переговоры продолжались с половины апреля до июня, — и в течение всего этого времени поляки оставались в полной уверенности, что ев-

---

* «Франция перед Польшей» Ларош-Жаклина, «Усмирение Польши» Эмиля Жирардена *(фр.)*.

ропейская коалиция объявит войну России и что союзная а́рмия прибудет на помощь мятежу. Военный агент наш в Вене генерал-майор барон Торнау писал мне 21 апреля: «Судя по всем признакам, мы не избегнем войны... Поднятый Францией польский вопрос ставит Австрию в безвыходное положение»[152]. Посланник наш в Брюсселе князь Орлов, имевший близкие связи с парижским официальным миром, писал мне 4/16 мая: «Приготовляясь к войне, ради Бога, не будьте врагом мира. Мы можем еще его иметь, бросив несчастный путь дипломатических нот и рутину двадцатых годов. Мы сильны (?!); потому мы и можем говорить без хвастовства и без унижения. Не знаю, примут ли мое предложение, но оно может отвратить войну»[153].

В чем состояло это предложение князя Орлова — мне неизвестно. Князь Горчаков в то время не посвящал меня в тайны дипломатии. Во всяком случае для нас необходимо было во что бы ни стало устранить возможность войны, которая в ту эпоху была бы нам гибельна. Военные наши силы не были готовы к войне; по всем частям только начаты были преобразования и разрабатывалась новая организация армии. Мятеж польский отвлекал значительную часть войск. Поэтому дипломатам нашим приходилось изощрять все свое искусство в диалектике, чтобы, сохранив достоинство России, не навязаться на войну с большей частью Европы.

К счастью нашему, усилия Наполеона образовать коалицию против России встретили непреодолимые затруднения. При существенном различии политических видов и интересов трех держав, не было возможности придти к полному соглашению даже и в редакции коллективной ноты, с которой предполагалось снова обратиться к русскому правительству. Проектированная в Париже нота была препровождена на заключение в Лондон и Вену, и при этом выражалось желание Наполеона III, чтобы заранее установлено было соглашение между тремя державами на счет дальнейшего совокупного образа действий в случае неудовлетворительного ответа России. Однако ж и в Лондоне, и в Вене не сочли осторожным заранее связать себе руки в подобном щекотливом вопросе и после многих взаимных уступок, наконец, решено было опять, вместо одной коллективной ноты, обратиться к Петербургскому кабинету отдельными депешами на имя представителей трех держав в Петербурге, с тем однако же, чтобы все три депеши заключали в себе одинаковые требования от России.

Депеши эти, помеченные условленным числом 5/17 июня, прибыли одновременно в Петербург, и все три представителя Франции, Англии и Австрии после предварительного между собой совещания (11/23 июня), одновременно же, 15/27-го

числа предъявили полученные ими депеши русскому вице-канцлеру*[154].

Условленные между тремя державами требования от России заключались в следующих шести пунктах:

1) Полная и общая амнистия.

2) Национальное представительство, сходное в основаниях своих с хартией 15/27 ноября 1815 года.

3) Отдельная национальная администрация с замещением всех должностей исключительно поляками.

4) Полная и безусловная свобода совести; отмена всяких стеснений католической религии.

5) Признание польского языка официальным.

6) Правильная и законная система рекрутского набора.

Несмотря на тождество главного состава всех трех депеш, между ними, однако ж, было громадное различие как в изложении мотивов, так и в общем тоне редакции. Английская депеша и на этот раз отличалась резкостью и надменностью тона; она заключала в себе оскорбительные для русского правительства упреки, и в том числе упоминалось даже о мнимых жестокостях русских властей и войск относительно польских мятежников, причем английский министр позволил себе дать одинаковый вес русским официальным данным и наглым выдумкам польских заграничных газет. В заключение предлагалось русскому правительству прекратить военные действия заключением перемирия, дабы могла затем собраться конференция из представителей восьми держав, участвовавших в подписании Венских трактатов, для обсуждения будущего устройства Польши применительно к условиям этих договоров.

Французская депеша содержала в себе те же шесть пунктов; но требования Парижского кабинета были облечены в формы весьма вежливые и мягкие. О перемирии и конференции упоминалось как бы вследствие предварительно заявленной самим кабинетом Петербургским готовности обсудить польский вопрос совместно с другими державами; о трактатах же 1815 года, разумеется, не упоминалось вовсе.

Наконец, в австрийской депеше еще более заметно желание смягчить содержание ее: в ней даже не было речи о перемирии; о конференции же упоминалось вскользь и то в виде заявления согласия Венского кабинета на этот способ разрешения вопроса, в случае, если сама Россия признает полезным. В самой редакции шести пунктов допущены были некоторые варианты сравнительно с английской и французской депешами; так исключе-

---

* Все три депеши опубликованы были во французском «Moniteur» 1/13 июля.

на была во втором пункте ссылка на дарованную Польше в 1815 году конституцию.

Прежде чем даны были князем Горчаковым ответы на приведенные депеши, в европейской печати уже поднялась бесконечная полемика по поводу заявленных в них требований. Одни осуждали чрезмерную мягкость депеш и находили эти требования недостаточными для удовлетворения польских домогательств; другие же, напротив того, признавали эти требования неисполнимыми и предвещали неизбежный отказ со стороны Петербургского кабинета, а затем затруднительную для трех союзных кабинетов дилемму: или спасовать перед Россией, или объявить ей войну. В английском парламенте (в заседании 11/23 июня) при обсуждении того же вопроса Дизраэли иронически спросил, известно ли министерству местопребывание и личный состав того польского правительства, с которым русское правительство могло бы заключить перемирие. Он же высказал свое убеждение, что в польском вопросе возможны только два решения: или полная независимость Польши, или полное слияние ее с Россией. В другом заседании парламента (2/14 июля), когда лорд Грей и граф Дерби осуждали вообще вмешательство Англии в польское дело, граф Россель возразил, что ноты, с которыми три державы обратились к Петербургскому кабинету, вовсе не налагают на Англию обязанности предпринять войну.

В некоторых из английских газет также выражалось сомнение в успехе и даже в логичности требований трех держав. Так, одна газета ставила вопрос: что будут делать союзные державы, если Россия изъявит согласие на их требования, но поляки отвергнут их и не признают себя удовлетворенными? И в самом деле, вопрос этот имел полное основание: именно в то время в газетах появился новый польский манифест, прямо провозглашавший, что Польша не перестанет бороться, пока не восстановит своих границ 1772 года. Газета «Morning Standart» (18/30 июня) высказывала, что польский мятеж прекратился бы сам собой, если б вожаки его не рассчитывали на военное вмешательство западных держав.

Князь Горчаков не торопился ответом на предъявленные ему 15 июня депеши трех союзных кабинетов. Ответные его депеши на имя русских послов в Париже, Лондоне и Вене были подписаны 1/13 июля[155], а 5/17 и 6/18 июля, в те именно дни, когда эти депеши были получены в местах их назначения, все три представителя союзных держав были приглашены в Царское Село к князю Горчакову для сообщения им ответных его депеш.

Русский вице-канцлер в своих ответах разобрал по пунктам заявленные союзными кабинетами требования и, не отвергая их прямым отказом, объяснил истинное положение дел в таком

свете, что несбыточность предложенных тремя кабинетами средств решения польского вопроса выказывалась сама собой; в особенности же указана была несообразность предположения о заключении перемирия с неведомой мятежной властью. Князь Горчаков повторил выраженное уже в прежних депешах заявление, что западные державы могли бы со своей стороны оказать действительное содействие умиротворению Польши, положив конец тому возбуждению и той поддержке, которые мятеж получает извне. Что же касается предложенной конференции, то вице-канцлер объявил, что для обсуждения мер, могущих устранить на будущее время возобновление польских смут, русское правительство имеет в виду предложить в свое время частное совещание между представителями трех соседних держав, соучаствовавших в разделе Польши и непосредственно заинтересованных в этом вопросе. Все три депеши князя Горчакова были изложены в принципиальном духе и с обычным изяществом редакции; но различались одна от другой большей или меньшей мягкостью и любезностью, соответственно различию тона иностранных депеш.

Поэтому ответ французскому правительству был гораздо мягче, чем английскому; однако ж герцог Монтебелло, приглашенный в Царское Село 5/17-го числа для прочтения депеши князя Горчакова к барону Будбергу, крайне встревожился и спросил у вице-канцлера пояснения: на каких основаниях предположена им малая конференция и в какой мере примут потом участие Франция и Англия в окончательном решении вопроса. Князь Горчаков, не обинуясь, заявил, что совещание между тремя государствами, соучаствовавшими в разделе Польши, должно происходить в Петербурге и что результаты его будут изложены в протоколе, который будет официально сообщен обеим западным державам. Возвратившись из Царского Села в Петербург, французский посол прямо отправился к лорду Нэпиру, чтобы поделиться с своим коллегой тяжелым впечатлением, вынесенным из объяснений с князем Горчаковым, и при этом высказал свое мнение, что правительство французское наверное признает ответ Петербургского кабинета не только неудовлетворительным, но почти оскорбительным и что поэтому разрыв неминуем*. Узнав, что английский посол в свою очередь приглашен на другой день в Царское Село, герцог Монтебелло решился ехать вместе с ним вторично для объяснений с князем Горчаковым[156]. 6/18 июля оба посла имели свидание с вице-канцле-

* Так, по крайней мере, свидетельствует сам лорд Нэпир в донесении графу Росселю от 6/18 июля о свидании своем с князем Горчаковым, хотя потом официальные французские газеты опровергали это нескромное сообщение английского посла.

ром. Лорд Нэпир настаивал, чтобы князь Горчаков категорически высказал: будут ли результаты предположенной малой конференции облечены в форму общей конференции, подлежащей утверждению всеми государствами, участвовавшими в подписании трактатов 1815 года? Князь Горчаков ответил и повторил несколько раз, что российский император не допустит ничего такого, что могло бы подать западным державам право вмешиваться впоследствии во внутренние дела России.

Ответ русского вице-канцлера, как и предусматривали послы, действительно озадачил кабинеты трех союзных держав и всю европейскую печать — так все были уверены в том, что Россия не может отвергнуть предъявленных ей требований. Все газеты, без различия цвета, отдавали должную справедливость искусству редакции депеш князя Горчакова, но вместе с тем признавали его ответы вежливым отказом по всем пунктам. Вот как выразилась по этому предмету парижская газета «Courrier du Dimanche»:

«Должно сознаться, что эти депеши — верх совершенства и что Император российский имеет отличных дипломатов. Перенести на другую почву вопрос, поставленный западными державами и Австрией, отыскать исходную точку событий, совершающихся в настоящее время в Царстве Польском, не в тех формальных отношениях, в какие поставлена эта несчастная страна, но в постоянном влиянии эмиграции, водворившейся в Париже и злоупотребляющей своими богатствами, влиянием и связями для поддержки непрерывного возмущения польских подданных российского императора; дать в свою очередь советы западным кабинетам и именно французскому правительству взамен тех, которые он позволил себе преподать Петербургскому Двору, и просить западные кабинеты устранить причину тех смут, которые они оплакивают; считать переговоры, начавшиеся несколько месяцев назад «простым обменом мыслей», ни для кого не обязательным; предложить, наконец, как последнее средство для устройства дел конференцию из трех держав, участвовавших в разделе Польши, такую конференцию, в которой Пруссия и Россия играли бы главную роль и решения которой были бы в виде любезности сообщены Англии и Франции, подобно тому, как решения пяти великих держав на Венском конгрессе были сообщены представителям второстепенных государств, — такова простая и логическая система, принятая князем Горчаковым, которую он развил в трех своих депешах с энергией слога и вежливой иронией, приносящими большую честь таланту лица, редактировавшего эти депеши»[157].

Наоборот, ярые противники России и защитники Польши разразились с новым жаром против оскорбительных на их взгляд ответов князя Горчакова и требовали самых решительных мер. Война казалась неизбежной. В Париже были все уверены,

что внезапный в то время отъезд императрицы Евгении в Виши, где находился император Наполеон, был связан с решением рокового вопроса. Когда ответы князя Горчакова были предъявлены английскому парламенту в заседании 8/20 июля, известные ратоборцы за поляков, Геннеси и Горсман, предложили немедленно признать восстановление Польши в прежних ее границах 1772 года. Лорд Пальмерстон на это возразил, что подобное желание повело бы к общей войне и к уничтожению всех трактатов, на которых основывается и самое право Англии на вмешательство. Вообще при этих прениях еще яснее прежнего обнаружилось положительное нежелание Англии быть вовлеченной в войну из-за польского вопроса. Тогда оппозиция в парламенте и большая часть печати опрокинулась не столько на Россию, сколько на свое министерство[158].

Впрочем и во Франции, при всем шуме и крике, в действительности, общественное мнение и масса народа вовсе не были расположены к войне. Само правительство французское, убедившись в том, что нечего рассчитывать на военное содействие Англии и Австрии, уже начало помышлять о том, как бы выйти из своего неловкого дипломатического положения, не уронив национального достоинства и политического обаяния. Парижский кабинет, раздраженный в особенности отказом России от конференции и предложением частного совещания между тремя соседними державами, соучастницами в разделе Польши, видел в этом контрпредложении намерение Петербургского кабинета отвлечь Австрию от союза с западными державами. Но Венский кабинет поспешил успокоить их, объявив формально*, что он не давал согласия своего на предложение Петербургского кабинета и не намерен отделиться от союза. Тогда князь Горчаков в депеше от 15/27 июля**, опубликованной в «Journal de S-t Pétersbourg», разъяснил соображения, которыми руководился Петербургский кабинет: заявленное им предложение, по объяснению вице-канцлера, основано было на твердом убеждении, что вопрос о будущем устройстве Царства Польского по замирении этого края, может быть всего лучше решен путем соглашения между тремя государствами, которые солидарны в этом вопросе и непосредственно заинтересованы сохранением спокойствия в польских областях; соглашение это обеспечило бы вполне как интересы, так и права трех соседних государств на точном основании трактатов 1815 года. В другой депеше, на имя барона Будберга, от 13/25 июля[159], князь Горчаков поручал ему разъяснить

* Депеша графа Росселя, 7/19 июля.

** На имя Кноринга, заведовавшего делами посольства в Вене за отсутствием посла Балабина, вызванного тогда в Петербург.

французскому министру иностранных дел те недоразумения, которые обнаружились при личных его объяснениях с русским послом по прочтении депеши русского вице-канцлера: в опровержение высказанного французским министром упрека, что русское правительство, показывая вид как бы согласия на заявленные тремя союзными кабинетами шесть пунктов, вместе с тем отстраняло возможность исполнения их своим отказом от перемирия и конференции; князь Горчаков снова объяснял совершенную невозможность предлагавшегося заключения перемирия с мятежниками и преимущества предложенного Петербургским кабинетом частного совещания по польскому вопросу между тремя соседними державами. По другому же возражению министра Drouyn de Lhuys, отвергавшего обвинение французского правительства в возбуждении и поддержке польского заговора, князь Горчаков указал на систематическую в продолжение тридцати лет работу польской эмиграции и врагов России за границей для извращения общественного мнения непрерывными клеветами и ложью насчет России и ее правительства. В заключение вице-канцлер высказал, что если французское правительство в своих политических действиях принимает в соображение общественное мнение Франции, то оно не может требовать от русского правительства, чтобы оно пренебрегало общественным мнением России, так единодушно и горячо выразившимся в последнее время вследствие дипломатического вмешательства иностранных держав в польские дела.

Депеша князя Горчакова к барону Будбергу пришла очень кстати, именно в то время, когда французское правительство было в недоумении относительно дальнейшего шага в предпринятом дипломатическом походе и искало предлога, чтобы выйти из щекотливого положения. Французские официозные газеты подхватили новую депешу князя Горчакова, выставив ее как уступку со стороны России, как шаг к примирению. Однако ж орган нашего Министерства иностранных дел «Journal de S-t Pétersbourg» не оставил такое толкование без возражения, объяснив, что Петербургский кабинет ни мало не отступил от прежних своих заявлений, что он и прежде действовал всегда в смысле примирительном и что новая депеша есть не что иное, как вежливое разъяснение прежних заявлений Петербургского кабинета.

Впрочем убедительнейшее подтверждение верности взгляда русского правительства дали сами поляки. С обычным своим нахальством и фанфаронством подпольное их правительство объявило*, что на предположенное перемирие оно согласится не

* В письме на имя князя Чарторийского от 10 июля, опубликованном в польских газетах.

иначе, как с тем, чтобы оно было распространено безразлично на все польские земли, где возникло восстание, и притом на таких условиях: 1) русские войска удержат за собой некоторые определенные местности театра войны для предупреждения могущих быть столкновений с населением (каким?); 2) все арестованные лица будут освобождены, все сосланные возвращены и всякие новые преследования за политические деяния немедленно прекращены; 3) особая международная комиссия будет наблюдать за точным исполнением условий. Такое безрассудное заявление со стороны мятежников было равносильно отказу их в перемирии; но этого мало: и те шесть пунктов, которые тремя союзными кабинетами были предъявлены русскому правительству как условия для успокоения Польши и удовлетворения Европы, были положительно отвергнуты самими поляками, к крайнему смущению Парижского и Лондонского кабинетов. Такой неожиданный оборот дела возбудил сильное неудовольствие императора Наполеона на князя Чарторийского, который заручился в том, что Варшавский Жонд подчинится означенным условиям. Вместо того, вожаки мятежа отнеслись к этим условиям с негодованием и разразились упреками князю Чарторийскому и его партии. Вслед за тем опубликована была обширная мемория*, в которой высказывалось от имени подпольного правительства, что Польша одна считает себя вправе ставить условия для прекращения предпринятой борьбы; что она никак не может принять за исходную точку примирения Венские трактаты[160], заключенные без участия самой Польши, и что она не иначе сочтет себя удовлетворенной, как по восстановлении полной ее независимости в неразрывном соединении со всеми областями, некогда входившими в ее состав. В этом обширном документе, составлявшем вместе и грозный обвинительный акт против России и защитительную речь в оправдание польского восстания, — что ни строка — то бессовестное извращение фактов, полная перестановка ролей. Тем не менее нельзя не отдать справедливости мастерству и иезуитской изворотливости редакции, задевавшей многие щекотливые стороны нашего владычества в Польше. Документ этот можно назвать весьма искусной мистификацией, которая, конечно, должна была произвести впечатление на Европу, мало знакомую с историей России и Польши и вообще враждебно нам настроенную.

Замечательно, что польский мятеж находил себе поддержку и союзников в одно и то же время с двух совершенно противоположных сторон: с одной — в правительствах европейских, принявших Польшу под свою защиту во имя международных трак-

---

* помеченная 3/15 августа.

татов, а с другой — в общеевропейской революционной организации, стремившейся к ниспровержению всего существующего политического строя Европы. Пока партия «белых» работала в дипломатических сферах, чтобы втянуть в польское дело кабинеты, партия «красных» действовала в тесной связи с руководителями всесветной революции. В рядах польских мятежников дрались против русских войск авантюристы всех наций: французы, итальянцы, венгерцы и проч., и проч. Предполагалось даже одновременно с польским мятежом поднять восстание в Венгрии и Венеции. План этот расстроила преждевременная вспышка в Польше; тем не менее поляки продолжали утешаться всякими несбыточными планами. Чтобы показать, до чего доходили их самообольщение и самохвальство, приведу несколько строк из одной польской газеты («Strażnica»[161], № 5) в начале июня: «Настоящая борьба не случайный факт: она возникла не вследствие тайной деятельности национальной организации, рекрутского набора или проектов маркиза Велёпольского; вместе с тем это не есть столкновение с одной Россией, — это бой на жизнь и смерть с целой эпохой европейского эгоизма и деспотизма. Кризис приближается; Европа обратила на нас свои взоры; мы откроем для нее новую историческую эпоху и подарим ей бальзам, в котором она найдет исцеление от своих общественных ран».

В то время, когда шайки мятежников в Царстве Польском и в Литве терпели одно поражение за другим, а надежды на военную подмогу со стороны западных держав становились все более сомнительными, поляки морочили и других и себя самих всякими легкомысленными затеями: то диверсией, готовившейся в Дунайских княжествах, то новой попыткой высадки на берега Курляндии.

Княжества Дунайские представляли тогда благоприятную почву для всяких затей революционеров. Князь Куза, соединивший в своих руках правительственную власть в обоих княжествах и пользовавшийся особенным покровительством императора Наполеона, бесцеремонно ломал все существовавшие в стране учреждения и порядки и переделывал их на французский образец, не обращая никакого внимания ни на возражения сюзерена — султана турецкого, ни на протесты Петербургского и других кабинетов. Княжества Дунайские сделались гнездом революционных заговоров; там беспрепятственно заготовлялись склады оружия и военных запасов и делались все приготовления к формированию международного легиона — польско-мадьяро-итальянского. Порта смотрела сквозь пальцы на все эти проделки и даже не препятствовала побегу за Дунай вербуемых в шайку поляков из состава сформированных в Турции «казачьих» полков.

Константинополь был постоянно переполнен революционерами и эмигрантами всех наций; они свободно разъезжали по областям Оттоманской империи и стекались в Княжества. В числе их появились известный венгерский генерал Тюр, многие из бывших вожаков польских шаек и некоторые из русских эмигрантов.

После долгих приготовлений, раздоров, интриг, наконец, решено было предпринять в первых числах июля вторжение в южную Россию с легкомысленной целью — поднять мятеж на Украине. Но громкие эти замыслы скоро рассеялись, как сон: собравшаяся ничтожная шайка, в числе лишь каких-нибудь 400 человек, под начальством поляка Мильковского и француза Рошбрюна (приехавшего на Дунай из Польши после испытанных там неудач) перешла 1 июля через Дунай в Тульче и двинулась к русской границе. Но в это время правительство князя Кузы, вследствие настойчивых требований из Петербурга и Вены, нашло более осторожным воспрепятствовать безрассудному покушению, которое, не имея никаких шансов успеха, только компрометировало бы княжеское правительство. Местным властям молдавским приказано было отклонить вожаков шайки от их намерения; но так как они не послушались, то пришлось остановить их военной силой. Небольшой отряд молдо-валахских войск встретил шайку 5/17 июля близ Кагула. Мятежники не уступили и военной силе; произошла стычка; были убитые и раненые с обеих сторон; но мятежники были лучше вооружены, чем молдо-валахские войска (у которых ружья были еще гладкоствольные), и шайка продолжала движение. Однако ж, подойдя к русской границе и узнав, что она охраняется довольно сильным кордоном, мятежники отказались от своего безрассудного намерения и дали себя обезоружить.

Таким образом, замыслы поляков со стороны Дуная кончились полным fiasco. Столь же безуспешны были и морские их планы. Липинский после первой своей неудачи предпринял в начале июня новую попытку: с 88 товарищами отправился он из Дании на зафрахтованной датской шхуне в Балтийское море с намерением произвести высадку около Полангена для выгрузки оружия. По заявлению самих поляков, они были застигнуты сильной бурей и принуждены искать убежища на о. Готланде, потеряв 25 человек утонувших; по другим же показаниям, никакой бури не было в то время, а неудача объяснялась тем, что шкипер судна укрывался от русских крейсеров. Шведский военный пароход, посланный к о. Готланду, забрал поляков и отвез их в один из английских портов.

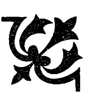

Книга XIII

1863-й год
Второе полугодие

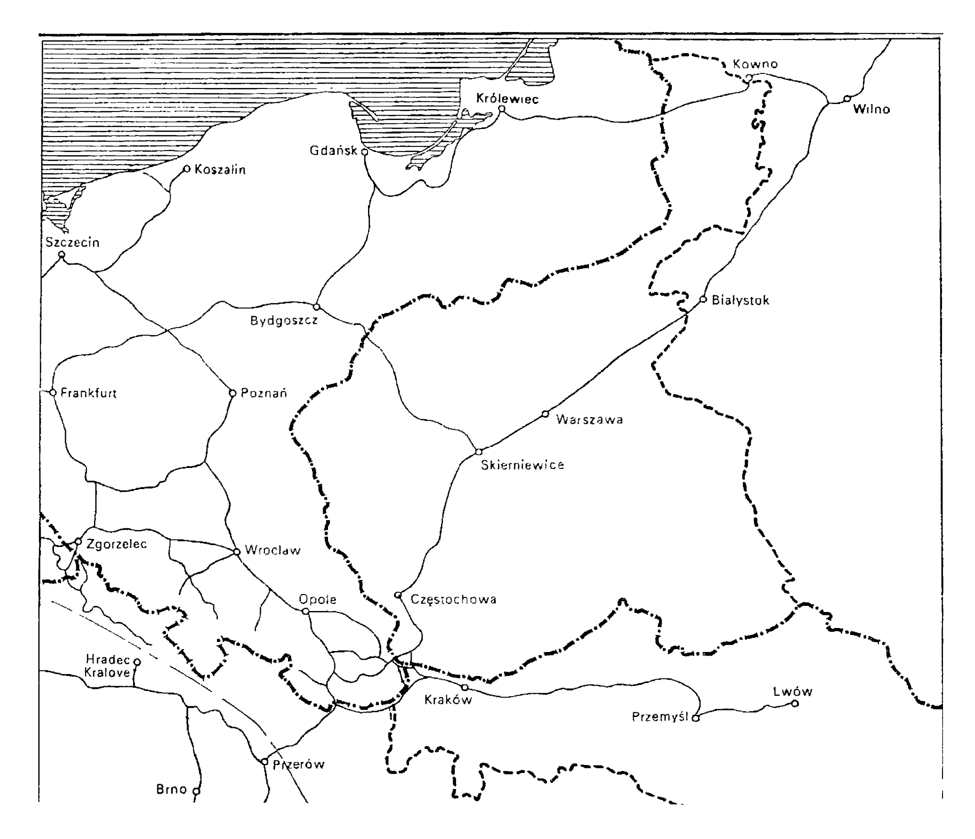

ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ВОЙНЕ. ВЫСОЧАЙШИЕ СМОТРЫ. ИЮНЬ – ИЮЛЬ

С половины июня, то есть после вторых дипломатических нот трех кабинетов по польскому вопросу, политическое наше положение приняло такой угрожающий характер, что признано было нужным, ввиду возможности объявления нам войны тремя союзными державами, сделать некоторые новые военные распоряжения.

На утверждение Государя представлено было мной предположение об общем распределении наших военных сил по разным отделам вероятного театра войны. Соответственно этому предположению, решено было 1-ю гренадерскую дивизию переместить из Москвы в Финляндию; все же прочие войска, остававшиеся во внутренних и восточных губерниях России и не получившие еще назначения на усиление пограничных западных округов — удержать до времени в общем резерве, расположив в двух группах: главный резерв — в центральных губерниях — из всего 2-го резервного корпуса (16-й, 17-й и 18-й пехотных дивизий) с присоединением и 10-й пехотной дивизии от 1-го резервного корпуса; а другой резерв, преимущественно на случай подкрепления войск Киевского и Одесского округов, из остальных двух дивизий 1-го резервного корпуса (11-й и 12-й пехотных) с 4-й кавалерийской дивизией — в губерниях ближайших к Киеву. Две резервные дивизии — 4-ю и 6-ю, остававшиеся не переформированными, положено придвинуть из восточных губерний в центральные, как для занятия караулов в больших городах по выступлении оттуда действующих войск, так и для формирования маршевых батальонов из рекрут нового набора. Выкомандированные вновь казачьи полки оренбургские и уральские направлены в Одесский округ.

В исполнение этих предположений немедленно начались передвижения войск. 1-я гренадерская дивизия с ее артиллерийской бригадой перевозилась по Николаевской железной дороге в Петербург; пехотные полки сажались в Ораниенбауме на суда Балтийского флота и перевозились в Гельсингфорс и другие приморские пункты Финляндии, в три рейса (по 4 батальона за раз); артиллерия же следовала сухопутной береговой дорогой. Передвижение всех прочих войск на предназначенные им места было докончено к половине июля.

Карта железных дорог в 1862 г.

В течение того же времени перевозились из Петербурга по железной дороге в Варшавский округ третьи батальоны полков 3-й гвардейской пехотной дивизии и вновь сформированных батальонов крепостных полков: Брестского, Замостского и Ивангородского; в Виленский же округ — вся 1-я гвардейская пехотная дивизия в 3-х батальонном составе полков на смену 2-й гвардейской пехотной дивизии, возвращавшейся в Петербург в 2-х батальонном составе. С прибытием льготных дивизионов гвардейских казачьих полков весь Атаманский полк сосредоточился в Виленском округе, а находившийся в этом округе дивизион лейб-гвардии Казачьего полка перемещен в Курляндию.

Вследствие полученных сведений о революционных замыслах в Княжествах Дунайских и готовившемся там покушении вторжения шаек в пределы России, при малочисленности войск в

Одесском округе, приказано было 4-й кавалерийской дивизии (1-го резервного корпуса) перейти из Курской губернии в Бессарабию.

По окончании всех исчисленных передвижений, распределение наших боевых сил в Европейской России к концу июля было следующее: в трех западных пограничных округах:

Варшавском	106 батальонов	147 эскадронов и сотен	192 орудия	= 141 тысяча человек
Виленском	101	97	122	=$123\frac{1}{2}$ тысяч
Киевском	54	84	96	= $77\frac{1}{2}$ тысяч
	261	328	410	= 342 тысячи
В Одесском	49	108	136	= 33 тысячи
— Финляндии	36	6	40	= 33 тысячи
— Прибалтийском крае	11	2		= 14 тысяч
Петербурге и окрестностях его	50	55	116	= 67 тысяч
Внутри России	132	101	324	= 200 тысяч
Всего:	539	594	1026	= 690 тысяч

Таким образом, в общей сложности, силы наши в Европейской России (не считая Кавказа) увеличились против начала года на 167 тысяч человек; но такие силы все еще были бы совершенно недостаточны, если б нам пришлось, сверх лежавшей уже на наших плечах борьбы с мятежом, еще иметь дело с коалицией трех первостепенных держав. Притом мы не могли обманывать себя и на счет боевой готовности всех вошедших в наш расчет частей войск. Некоторые из них были только что сформированы; иные еще формировались; материальная часть не была пополнена; запасов не было заготовлено; в крепостях самые необходимые работы далеко еще не были докончены.

При тогдашней нашей относительной слабости для борьбы с многочисленной коалицией естественно возникал вопрос: нельзя ли изыскать средство, чтобы сколько-нибудь отвлечь внимание и силы наших противников. В особенности борьба с Англией представлялась крайне для нас невыгодной: ее флот угрожал бы нашим берегам, которые нам приходилось бы защищать на всем их протяжении, не имея никакой возможности наносить вред противнику; наш же флот был бы обречен, как и в бывшую Крымскую войну, на полное бездействие. Единственное для нас средство вредить Англии могло состоять лишь в

том, чтобы угрожать ее торговле и колониям, посредством крейсеров, которые гонялись бы за бесчисленными коммерческими судами Великобритании, разбросанными по всей поверхности океанов и морей. Но для этого требовались два условия: первое — чтобы назначенные для крейсерства суда вышли из Балтийского моря заблаговременно, прежде объявления войны и второе — чтобы они имели где-либо опорные пункты.

Первое из этих условий побудило нас поспешно приступить уже в июне к снаряжению судов, дабы они могли скорее выйти из Балтийского моря, не возбудив притом преждевременных подозрений в Англии. Поэтому приготовления делались в тайне, и нельзя в этом отношении не отдать справедливости умению, с которым вело дело наше Морское министерство. Сохранению тайны много способствовало то, что тогда снаряжалась другая эскадра для крейсерства в Балтийском море, ввиду ходивших слухов о намерении поляков произвести новую высадку; поэтому усиленная деятельность в Кронштадте и движения наших военных судов не возбуждали особенного внимания. С половины июля суда, назначенные в состав секретной эскадры под начальством контр-адмирала Лесовского, уже начали выходить из Кронштадта поодиночке, с запечатанными инструкциями, которые вскрывались только в открытом море. В инструкциях строго воспрещалось заходить в какие-либо порты; даже запасы угля и провизии подвозились на особых транспортах и грузились на крейсеры в открытом море.

Второму из приведенных условий — относительно опорных пунктов для наших крейсеров — благоприятствовало тогдашнее положение дел в Северо-Американском Союзе. Я уже упоминал в другом месте о существовавших тогда натянутых отношениях Вашингтонского правительства к Лондонскому и Парижскому кабинетам и, наоборот, о сближении его с Петербургским. В Англии и во Франции смотрели не без злорадства на продолжавшуюся уже третий год упорную междоусобную борьбу между северными и южными штатами, рассчитывая на распадение Союза[162]. Отделившиеся от него рабовладельческие штаты, домогаясь признания их воюющей стороной, находили сочувствие в европейских морских державах; по случаю же блокады сепаратистских портов союзным флотом, Ричмондское правительство пользовалось благорасположением Англии, чтобы снаряжать в ее портах каперские суда и наносить вред торговле северян. Британские власти смотрели сквозь пальцы на это нарушение нейтралитета. Один из выпущенных таким образом из Англии каперов — пароход «Алабама» в особенности отличился своей предприимчивостью и отвагой в погоне за коммерческими судами Союза и подал повод (в марте 1863 года) к сильному протес-

ту против Англии со стороны Вашингтонского правительства; а вслед за тем захвачены были союзным американским флотом некоторые коммерческие суда, покушавшиеся, под английским флагом, нарушить блокаду южных портов. Обоюдное раздражение доходило до того, что можно было ожидать со дня на день открытого разрыва между Северо-Американским Союзом и Великобританией. Также и к Франции отношения Вашингтонского правительства становились все враждебнее по мере того, как выказывалось явственное намерение Наполеона III восстановить в Мексике монархическое правление с возведением на престол принца одного из европейских владетельных домов. К тому же Наполеон, как уже было сказано, вздумал было вмешаться в борьбу Союза с отложившимися южными штатами*, предложив свое посредничество. Вашингтонское правительство, как и следовало ожидать, наотрез отвергло (2/14 февраля) это непрошеное вмешательство европейской державы во внутренние дела Америки. В этом случае оно поступило точно так же, как несколько позже поступило и русское правительство, когда западные державы попробовали вмешаться в наши польские дела. Эта замечательная аналогия в положении Северо-Американского Союза и России способствовала еще более их сближению и облегчила соглашение между ними относительно отправления русской эскадры в Северо-Американские порты. Вашингтонское правительство с радостью воспользовалось случаем, чтобы на деле оправдать свои дружественные заверения**.

Таким образом, сборным пунктом для снаряженных нами крейсеров назначен был Нью-Йорк. Эскадра наша состояла из шести паровых судов, вооруженных 188 пушками; а именно: фрегатов «Александр Невский» (на котором поднят был адмиральский флаг) и «Первенец»; корветов «Витязь» и «Варяг»; клипера «Алмаз» и, наконец, фрегата «Ослябя», который должен был идти из Средиземного моря прямо в Америку и там присоединиться к эскадре. В Европе сделалось известно отправление нашей эскадры тогда только, когда она собралась уже у американских берегов. Неожиданное это открытие, конечно, произвело впечатление преимущественно в Англии, так как не трудно было угадать назначение эскадры. Оно тем более встревожило

---

* В автографе зачеркнуто: «несмотря на уклонение Лондонского кабинета» *(примеч. публ.)*.

** Еще в конце 1862 года американский статс-секретарь по иностранным делам Сьюард в депеше к посланнику в Петербурге выражался так: «Наша дружба обеспечена России во всех отношениях, предпочтительно перед всеми прочими европейскими державами, потому именно, что она постоянно желает нам успеха и предоставляет нам устраивать свои дела так, как мы сами находим для себя наиболее выгодным».

британское правительство, что почти все приморские пункты английских колоний и многочисленные промежуточные станции с каменноугольными складами были совершенно открыты и ничем не обеспечены от нападения. В случае войны, действия наших крейсеров, при известной предприимчивости и умении, могли бы нанести чувствительный вред материальным интересам англичан и, во всяком случае, служили бы для нас полезным вспомогательным оружием.

Еще указывалось и другое средство, чтобы отвлечь внимание и часть сил Великобритании — демонстрация в Средней Азии. Хотя я всегда был убежден в том, что страхи Англии за ее Ост-Индские владения совершенно фиктивные, что в действительности мы не могли предпринять ничего серьезного в тех странах (при том положении, в котором мы находились в то время в Средней Азии), что наконец, подобные замыслы могли родиться только в голове Павла I, однако ж, я сказал себе: почему же не попугать, хотя бы привидением, фантомом? и потому вошел в сношение с оренбургским генерал-губернатором Безаком о приготовлениях к экспедиции в Афганистан. Обер-квартирмейстер Оренбургского корпуса подполковник Залесов был вызван в Петербург для личных объяснений по этому предмету. Фантастический этот замысел, конечно, не имел в действительности никаких последствий; но слухи о нем проникли в английскую печать. Далее этого и не простиралась наша цель.

Припоминая теперь ту эпоху, я должен сознаться, что мне приходили не раз черные мысли на счет ожидавшей нас развязки тогдашних политических осложнений; но вообще можно сказать, что мы пережили этот критический момент с бодрым духом и какой-то фантастической надеждой на «русского Бога». В особенности, сам Государь высказывал замечательное спокойствие; он сохранял без малейшего отступления свой привычный образ жизни; не было только Красносельского лагерного сбора; оставалась одна гвардейская артиллерия, занимавшаяся, по обыкновению, практикой боевой стрельбы. Зато Государю приходилось часто делать смотры уходившим и прибывающим частям войск*. С конца июня постепенно возвращались из Вилен-

* Далее в автографе зачеркнуто: «Деятельность по военным распоряжениям не прерывала нимало деятельности по гражданским ведомствам и хода законодательных работ. Последним серьезным делом в Государственном совете перед наступлением каникул были новые положения о Министерстве народного просвещения и Устав университетов. Обе эти важные законодательные работы получили Высочайшее утверждение 18 июня, и вместе с тем последовало повеление, чтобы с началом учебного года (т.е. с августа) открыто было преподавание на всех факультетах Петербургского университета, остававшегося закрытым в продолжение более года» *(примеч. публ.)*.

ского округа полки 2-й гвардейской пехотной дивизии. Первый смотр был 26 июня лейб-гвардии Московскому полку. По этому случаю третий батальон этого полка, вновь сформированный и не участвовавший в походе, был приведен из Петербурга в Царское Село, и когда возвратившиеся батальоны были высажены на станции Царскосельской железной дороги, все три батальона выстроились развернутым фронтом вдоль дороги, ведущей от станции через парк ко дворцу. В 4 часа пополудни Государь выехал из дворца верхом, поздоровался с прибывшими батальонами и затем сам повел их мимо третьего батальона, который отдавал им воинскую честь (на-караул) и приветствовал криками «ура». На дворцовом дворе все три батальона прошли перед Государем церемониальным маршем и затем выстроились в колоннах. Государь вызвал перед фронтом всех офицеров и тех нижних чинов, которые заслужили знаки военного ордена; довольно долго беседовал с ними, несколько раз благодарил за молодецкую службу. После парада все офицеры были приглашены к обеду во дворец.

На другой день, когда полк был перевезен в Петербург и вступил в свои казармы на Выборгской стороне, отслужено было на казарменном дворе молебствие, а после того всему полку предложено было угощение в присутствии председателя и депутации Биржевого комитета.

Тем же порядком были встречены и угощаемы прочие полки дивизии: лейб-гвардии Гренадерский — 3 и 4 июля, Павловский — 9-го и 10-го; Финляндский же возвратился в Петербург уже во время поездки Государя в Финляндию; а потому вступление его в казармы и угощение происходило 18-го числа прежде Высочайшего смотра.

Кроме означенных полков 2-й гвардейской пехотной дивизии, Государь смотрел 2 июля лейб-гвардии Семеновский полк, по случаю выступления его в Виленский округ, и прибывший с Дона казачий № 41 полк. В тот же день, после смотра, Его Величество опять ездил в Кронштадт: осмотрев батареи южного фарватера, остался совершенно доволен как успехом вооружения, так и ходом инженерных работ. На фрегате «Дмитрий Донской» произведено было учение возвратившимся из практического плавания гардемаринам, которых Государь тут же поздравил с производством в офицеры. Затем осматривал укрепления на косе и лагерь, в котором расположены были войска Кронштадтского гарнизона и, наконец, проехав через город на петербургскую пристань, отплыл обратно в Петербург и возвратился в Царское Село.

6 июля назначен был Высочайший смотр гвардейской артиллерии в Красном Селе. Государь прибыл из Царского Села

прямо на «военное поле» и сам указал позиции для батарей. В стрельбе участвовали как батареи с прежними гладкоствольными орудиями, так и получившие уже новые, нарезные. Стрельба оказалась удачной; но кроме того, внимание Его Величества и всех присутствовавших обратила на себя безукоризненная стройность передвижений батарей, приведенных лишь незадолго перед тем в полный 8-орудийный состав и потому имевших в упряжи более, чем наполовину лошадей, только что закупленных.

8 июля происходил смотр выступившему из Петербурга в Виленский округ Преображенскому полку, прибывшему с Дона казачьему № 45 полку.

В это время состоялись некоторые новые личные назначения по военному ведомству: по настоятельным просьбам великого князя Константина Николаевича и графа Берга, начальник 3-й гвардейской пехотной дивизии генерал-адъютант барон Корф (Павел Иванович) получил звание командующего войсками Варшавского военного отдела, а на его прежнюю должность начальника дивизии назначен генерал-майор барон Меллер-Закомельский, вместо которого командиром лейб-гвардии Литовского полка назначен генерал-майор Фуругельм. Командир лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор Ганецкий 1-й получил 16-ю пехотную дивизию вместо генерал-лейтенанта Астафьева, уволенного по личному приказанию Государя вследствие каких-то секретных доносов; командиром же означенного полка назначен полковник Шебашев. Должность начальника 10-й пехотной дивизии, остававшуюся вакантной со времени назначения генерал-лейтенанта Семякина помощником командующего войсками Киевского округа, занял генерал-майор Глебов.

В половине июля из Кронштадта вышла небольшая эскадра, на которой отправились в практическое плавание великие князья Алексей Александрович и Николай Константинович. Эскадра состояла из фрегата «Рюрик» и двух малых яхт «Забава» и «Никс», под начальством контр-адмирала Посьета, воспитателя великого князя Алексея Александровича. Эскадра заходила в некоторые балтийские порты, где великие князья выходили на берег.

ПОЕЗДКИ ГОСУДАРЯ В ФИНЛЯНДИЮ И НИЖНИЙ 10 ИЮЛЯ — 10 АВГУСТА

В своем месте было мной упомянуто о попытках поляков в Стокгольме возбудить общественное мнение против России и склонить шведское правительство к объявлению войны. Враги наши основывали свои расчеты на том предположении, что

И.С. Ганецкий

Финляндия с радостью воспользуется случаем, чтобы отторгнуться от России и возвратиться в состав Скандинавской монархии[163]. Но расчеты эти оказались совершенно ошибочными: несмотря на сочувственные демонстрации полякам в Стокгольме, в правительственных сферах взяло верх благоразумие; сейм, после горячих прений 21 апреля / 3 мая, постановил единогласным заключением всех четырех сословий отклонить вмешательство Швеции в польские дела. С другой стороны, и в Финляндии настроение умов нисколько не соответствовало фантастическим планам польских и русских эмигрантов; напротив того, страна эта, пользуясь полной автономией, дорожила существовавшей связью ее с Россией и с доверием ожидала от русского императора новой торжественной гарантии дарованных ей политических прав[164].

Более полувека Финляндия не пользовалась конституционным правом, предоставленным ей императором Александром I[165]: государственные чины ни разу не собирались со времени перво-

го и единственного собрания их в Борго в 1809 году. И вот наступило время, когда по воле императора Александра II должно было осуществиться давнишнее желание страны — восстановление ее законодательных собраний. Я уже говорил о предварительных мерах, принятых в 1861 и 1862 годах для предположенного открытия Финляндского сейма в 1863 году[166]. Комиссии, назначенные для подготовления законопроектов, окончили свои работы в мае месяце, и тогда финляндский генерал-губернатор генерал от инфантерии барон Рокасовский прибыл в Петербург для получения окончательных повелений относительно предстоящего торжества. 6/18 июня подписан манифест, которым Государь возвестил своим финляндским подданным об открытии собрания государственных чинов 3/15 сентября. Состав собрания был определен на основании старинных шведских статутов 1626 и 1778 годов.

Между тем в Финляндии возникли среди народа толки о подаче Государю, по примеру всей России, адреса с выражением верноподданнических чувств по поводу польских дел. Местные власти вызывали подачу таких заявлений, считая их вполне уместными, как торжественное опровержение пущенных за границей толков о неблагонадежном настроении финляндского населения. Сам барон Рокасовский по возвращении из Петербурга в Гельсингфорс 28 мая, пригласив к себе членов магистрата и некоторых других влиятельных лиц для объявления им Высочайшего решения относительно открытия сейма, навел речь на те сомнения, которые высказывались в иностранной печати на счет верности финляндцев в случае войны и намекнул на то, что было бы желательно каким-либо способом заявить категорическое опровержение этой клеветы. На другой день нюландский губернатор, генерал-майор Свиты барон Вален, в более многочисленном собрании гельсингфорских граждан, повторил сказанное накануне генерал-губернатором. Присутствовавшие объявили, что финляндцы не подали никакого повода к сомнению в их верности и что потому не видят и повода к какому-либо заявлению перед Монархом. Совещание закончилось возглашением «ура» в честь императора Александра I. Однако ж, по настоянию некоторых из граждан, назначено было вторичное совещание в магистрате по тому же вопросу; в собрании этом голоса разделились и большинством решено адреса не подавать.

Известие об этом отказе финляндцев присоединить свой голос к общему хору патриотических заявлений целой России произвело в Петербурге не совсем приятное впечатление. Тем не менее 11/23 июня последовало во всей Финляндии официальное обнародование манифеста 6/18 числа, который, конечно, был принят с восторгом. В то же время финляндцы узнали с удо-

вольствием о намерении Государя лично посетить их страну еще до открытия сейма для смотра войск, собранных в лагере под Тавастгусом.

Поездка эта была предпринята Государем во вторую половину июля. 15-го числа, к ночи Его Величество прибыл на Кронштадтский рейд, прямо на яхту «Штандарт», с великими князьями Александром и Владимиром Александровичами и князем Николаем Максимильяновичем, герцогом Лейхтенбергским. Свиту Государя составляли, кроме меня, генерал-адъютанты князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков, граф Ал<ександр> Влад<имирович> Адлерберг, управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе, статс-секретарь граф Армфельд с его товарищем бароном Шернваль-Валленом и прочие лица Императорской главной квартиры и Военно-походной канцелярии, обыкновенно сопровождающие Государя в его путешествиях. 16-го числа, во вторник, на рассвете яхта снялась с якоря и в сопровождении фрегата «Олаф» быстро пошла на запад. Погода была превосходная. Во время пути, утром, Государь принял доклады адмирала Краббе по Морскому министерству и мой — по Военному. Все плавание было приятной прогулкой. Но на половине пути, к великому смущению морского начальства, приключилось какое-то повреждение в одном из колес яхты. Пришлось Государю и всей свите перейти на фрегат «Олаф», на котором и дошли мы благополучно до Гельсингфорса, опоздав однако же более часа против предположенного времени.

Не в дальнем расстоянии от того места, где покинута была нами яхта «Штандарт», встретили мы шедшую из Свеаборга в Кронштадт эскадру контр-адмирала Беренса (состоявшую из корабля «Император Николай I», винтового фрегата «Дмитрий Донской» и еще трех колесных фрегатов). Сигналом с «Олафа» приказано было одному из фрегатов эскадры идти на помощь яхте, а другому сопровождать «Олаф» обратно в Свеаборг. Таким образом яхта «Штандарт» была туда приведена на буксире, и там, в два дня пребывания, успела исправить случившееся повреждение, так что была уже готова к возвратному пути Государя из Финляндии в Кронштадт.

Было уже $9^1/_2$ часов вечера, когда фрегат «Олаф», пройдя между Свеаборгскими шхерами, пристал к Гельсингфорской набережной, иллюминованной, разукрашенной арками, флагами, гирляндами и усыпанной густой массой народа, ожидавшего уже несколько часов прибытия Государя. Погода была прекрасная. После обычной встречи местным начальством, при громких криках «ура», звуках народного гимна, Государь с генерал-губернатором, а за ним великие князья и свита проехали во дворец, где оставались весьма недолго, и около 11 часов все уже были на

станции Тавастгусской железной дороги (открытой только осенью 1862 года). На всем пути по городу и по железной дороге, несмотря на ночное время, Государя приветствовали толпы народа; все станции были иллюминованы; вдоль дороги горели костры. Прибыв в Тавастгуст около $2^1/_2$ часов ночи, Государь остановился в губернаторском доме*, у подъезда которого выстроен был почетный караул от лейб-гвардии Финского стрелкового батальона. Свита Государя была размещена по обывательским домам.

17-го числа, в полдень, Государь принимал местные власти, духовенство, депутации, а к 1 часу прибыл на военное поле перед лагерем у деревни Парола (верстах в $2^1/_2$ от города). В лагере находились в сборе: лейб-гвардии Финский стрелковый батальон, все 9 поселенных финских стрелковых батальонов, один батальон вновь сформированного Выборгского пехотного полка, Финляндская № 2 батарея и сотня Донского № 16 казачьего полка. Войска эти прошли довольно стройно церемониальным маршем, после чего Государь объехал лагерь, а к 4 часам назначен был обед в деревянном бараке, наскоро выстроенном на этот случай и убранном зеленью и флагами. К обеду приглашены были военные начальники и некоторые прибывшие из Гельсингфорса официальные лица. Многочисленная публика толпилась под раскрытыми окнами барака, чтобы поглядеть поближе на Императора.

После обеда происходил еще смотр стрельбы стрелковых батальонов и батареи, а затем предпринята была приятная вечерняя прогулка по живописным окрестностям лагеря, частью в экипажах, частью по озерам на маленьком пароходе, приобретенном военным ведомством для облегчения сообщений на случай войны. В одном из имений на самом берегу озера, в павильоне, приготовлен был чай. Пристань была красиво убрана цветами и хор детей пропел по-русски гимн «Боже, Царя храни». Возвратились мы в Тавастгуст около 10 часов вечера. В то время года в Финляндии почти не было ночной темноты.

18-го числа утром происходил в окрестностях Тавастгуста двухсторонний маневр. С любопытством следили мы за действиями финляндских стрелков на гористой и пересеченной местности. От «поселенных» батальонов, составлявших нечто среднее между постоянным войском и ополчением, нельзя было требовать более стройности, более находчивости и умения пользоваться местностью. По окончании маневра, когда войска возвращались в лагерь и с песнями проходили перед Государем, Его Величество благосклонно благодарил их; а затем возвратился в

---

* Губернатором в Тавастгусте был тайный советник барон Ребиндер.

город, и после раннего обеда, выехали в 5 часов из Тавастгуста по железной дороге обратно в Гельсингфорс, куда прибыли мы около $8^1/_2$ часов вечера.

В Гельсингфорсе на железнодорожном воксале встретили Государя начальствующие лица; толпы народа приветствовали его восторженными криками; улицы были иллюминованы. На другой день, 19 июля, в 11 часов утра происходил во дворце прием гражданских и военных начальников, Сената, Университета, высшего духовенства и разных депутаций, а в полдень Государь сел верхом и с многочисленной свитой отправился на площадь перед собором, где назначен был смотр пяти батальонам вновь сформированных полков 22-й пехотной дивизии и прибывшим морем четырем батальонам 1-й гренадерской дивизии (Несвижскому полку и одному батальону Перновского). Масса народа теснилась кругом, на площади, на ступенях собора, на балконах и даже на крышах домов. По окончании смотра Государь вызвал из рядов георгиевских кавалеров и приветливо разговаривал с ними, с офицерами и начальниками. Затем сошел с коня и вошел в православный собор; потом посетил лютеранский и прошел на пристань к пароходу «Стрельна», на котором Его Величество со всей свитой переехал в Свеаборг. Здесь назначен был смотр Финляндскому саперному батальону (переформированному из полубатальона), Свеаборгскому крепостному полку (вновь сформированному) и крепостной артиллерии. Эти части войск были выстроены на весьма тесной площадке между казармами, так что с трудом могли пройти церемониальным маршем. Осмотрев крепость, Государь переехал на остров Скатсланд, обошел строившиеся там батареи и остался очень доволен успехами работ, крайне трудных на тамошнем каменистом грунте. Защита Гельсингфорса, или собственно порта Свеаборгского, требовала распространения обороны на весьма большое протяжение. Кроме самой крепости, занимающей несколько островков, признано было необходимым занять целую линию других островов и заградить некоторые проходы между ними. Для устройства батарей на голых утесах приходилось привозить землю издалека. Некоторые батареи строились в несколько ярусов, уступами. Кроме того, для сообщения между батареями, нужно было пролагать дороги на большом протяжении; одним словом, работы были колоссальные.

Государь возвратился в Гельсингфорс к самому обеду, к которому были приглашены начальствующие лица и представители сословий. Вечером происходил бал за городом, в здании минеральных вод. Государь прибыл туда водой, на пароходе «Стрельна», и встречен на пристани распорядителями бала при звуках народного гимна. Все общество гельсингфорское было в сборе;

наехало много из других местностей. В танцах принимали участие и великие князья. В 10 часов мы уже должны были распроститься с финляндским обществом. Государь, провожаемый криками «ура» и народным гимном, а за ним и мы все прошли на пристань к пароходу «Стрельна», который перевез нас прямо на яхту «Штандарт». Вскоре яхта снялась с якоря и благодаря светлой ночи вышла из Свеаборгских шхер. Утром 20 июля, в субботу, мы уже были на кронштадтском рейде. Государь, пересев на яхту «Александрия», проехал в Петергоф, а большая часть свиты, в том числе и я, — в Петербург.

Трехдневное пребывание Государя в Финляндии оставило в стране благоприятное впечатление. Финляндцы не могли не быть тронуты приветливостью и обходительностью Государя, и с своей стороны старались радушным приемом Царя наглядно опровергнуть распущенные враждебной печатью нелепые толки на счет настроения умов в Финляндии, — толки, еще более усилившиеся после странного уклонения гельсингфорских граждан от подачи адреса[167]. Приезд Государя, хотя имел на этот раз прямой целью собственно военные смотры, ознаменовался однако же не одними лишь торжественными встречами и празднествами, но вместе с тем и решением двух существенно важных для Финляндии государственных вопросов.

Высочайшим рескриптом 18/30 июля на имя финляндского генерал-губернатора признана была в принципе равноправность языков шведского и финского в официальном делопроизводстве. Важность этого решения объясняется существовавшим в Финляндии с давних времен антагонизмом между шведской и финской национальностями, то есть между высшими привилегированными классами и массой туземного населения. Русское правительство, предоставив всю власть и администрацию в стране высшему сословию, слепо доверяло влиянию шведской партии, которая систематически подавляла все попытки местного финского населения к самобытности. Финская национальность находилась под таким гнетом, что в 1850 году последовало строгое запрещение печатать на финском языке какие-либо книги, за исключением лишь касающихся религии и земледелия. Только с восшествием на престол императора Александра II, правительство наше поняло наконец, как ошибочно было опираться на господствующий класс, тяготевший к скандинавизму, и насколько была прочнее опора на массу простого финского народа, глубоко консервативную и враждебную шведскому влиянию. Такой поворот в воззрении высшего правительства выразился в отмене упомянутого выше драконовского гонения на финский язык, в учреждении первых учебных заведений среднего разряда с преподаванием на этом языке, и многих других мерах к подня-

тию в финском народе образования и экономического благосостояния[168]. Партия шведоманов, не сочувствуя, конечно, новому направлению правительственных мер и заботясь лишь об удержании в своих руках господства в крае, смотрела на предстоящее открытие сейма с некоторым опасением. По этому поводу поднялась яростная полемика в газетах местных и шведских. Шведоманы осыпали своих противников-финоманов всякими клеветами, инсинуациями, выставляли их чуть не революционерами, тогда как в действительности было совсем наоборот: люди самых крайних мнений принадлежали именно к партии шведоманов. Новое Высочайшее повеление о равноправности обоих языков было торжеством для финоманов и тяжелым ударом для их противников.

Другой вопрос, решения которого давно уже домогались финляндцы, заключался в окончательном установлении в Финляндии отдельной и самостоятельной монетной системы, основание которой было положено в 1860 году введением особой монетной единицы (марки), но для довершения которой оставалось еще отменить обязательный курс в стране русских бумажных денег, уже значительно упавших в ценах. Финляндским финансистам удалось в кратковременное пребывание Государя в Финляндии исторгнуть у него предварительное согласие на изъятие русских бумажных денег из обращения в этой стране. Однако ж окончательное решение столь важной меры, требовавшей соображений Министерства финансов Империи, было отложено до возвращения Государя в Петербург и состоялось лишь два года спустя.

По возвращении из Финляндии Государь прожил в Царском Селе недолго. 22 июля там праздновался день именин императрицы и великой княгини Марии Александровны. На следующий день, 23-го числа, назначен был в Петербурге смотр лейб-гвардии Финляндскому полку, который, как уже было сказано, возвратился из Виленского округа во время отсутствия Государя. Поэтому в этот день (вторник) доклад мой докончил я в вагоне Царскосельской железной дороги, и по приезде в Петербург прямо со станции отправился я вслед за Государем на смотр. Вместе с названным полком представились Его Величеству прибывшие с Дона льготные дивизионы обоих гвардейских казачьих полков и гвардейской казачьей батареи, а также одна из батарей следовавшей в Финляндию 1-й гренадерской артиллерийской бригады.

После смотра Государь вместе с великими князьями Александром и Владимиром Александровичами и Николаем Николаевичем отправился на Биржу (на Васильевском острове), где в

тот день биржевое купечество угощало возвратившихся из похода генералов и офицеров 2-й гвардейской пехотной дивизии и нижних чинов, заслуживших знаки военного ордена. Этим завтраком заканчивался ряд угощений, которыми биржевое купечество чествовало все возвращавшиеся из Виленского округа части гвардии. Огромная зала биржевого здания была по этому случаю великолепно убрана флагами, венками, военными арматурами; столы были накрыты более, чем на 150 генералов и офицеров и 500 нижних чинов. Особый парадный стол был приготовлен для Государя, великих князей и почетных гостей. Его Величество, при входе в зал встреченный председателем и членами Биржевого комитета, выразил им и всему биржевому купечеству благодарность, а в конце завтрака поднял бокал за здоровье георгиевских кавалеров. Председатель Комитета негоциант Брант провозгласил тосты за Государя, императрицу и Царский дом. По отъезде Государя, продолжался еще целый ряд тостов, причем не был забыт и М.Н. Муравьёв, которому послана была приветственная телеграмма. Пир, начавшийся в полдень, протянулся до четвертого часа.

25-го числа Государь ездил в Кронштадт и потому принял мой доклад на пароходе. В этот раз он осматривал стоявшие на восточном рейде суда, возвратившиеся из Тихого океана под начальством флигель-адъютанта Бирюлева: корвет «Посадник» и клипера «Наездник» и «Разбойник». По окончании смотра Его Величество отправился в Ораниенбаум, чтобы проститься с великой княгиней Еленой Павловной, отъезжавшей 1 августа за границу.

На другой день, 26-го числа, Государь принимал в Царском Селе депутацию от петербургского биржевого купечества, прибывшую для принесения Его Величеству благодарности за посещение данного купечеством военного праздника.

27 июля праздновался в Царском Селе обычным порядком день рождения императрицы.

29-го числа происходило в Петербурге в Новодевичьем монастыре погребение лейб-медика Енохина, умершего в Париже 12-го числа вследствие продолжительной болезни. На погребении присутствовали Государь, великие князья и большое число высших сановников. Иван Васильевич Енохин, состоя врачом при Государе с того времени, когда Его Величество был еще Наследником престола, приобрел своим честным и прямым характером особенное расположение Государя и был, можно сказать, домашним человеком во дворце. Личность эта была весьма оригинальная: при грубоватых формах и напускной простоватости, Иван Васильевич поставил себя на такую ногу, что был «на ты» с большей частью лиц, окружавших Государя, и позволял себе

высказывать напрямки то, что не допускалось от кого-либо другого; но он не злоупотреблял таким исключительным положением своим; напротив того, не редко пользовался им для добрых дел. Военно-медицинская часть, которой Енохин заведовал до 1862 года в звании директора Медицинского департамента, обязана ему многими полезными улучшениями.

2 августа назначен был отъезд императрицы в Крым с младшими детьми: великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великой княжной Марией Александровной. Государь пожелал проводить их до Нижнего Новгорода, откуда Ее Величество должна была продолжить путь по Волге. Переехав из Царского Села в экипажах до Колпинской станции (где я откланялся Их Величествам), Августейшие путешественники ехали по Николаевской железной дороге с остановкой для ночлега, дабы не утомить императрицу. Первый ночлег был на станции Бологовской (в вагонах). 3-го числа царский поезд, не останавливаясь в Москве, прошел по соединительной ветви на Нижегородскую железную дорогу. Во Владимире был второй ночлег. 4 августа, прибыв в Нижний к 4 часам пополудни, Их Величества перешли на пароход, приготовленный для дальнейшего путешествия императрицы. Государь сопровождал Ее Величество до того места, где пароход должен был остановиться на ночь, и возвратился в тот же день в Нижний.

Путешествие императрицы по Волге до Царицына было устроено со всевозможными удобствами. Ее Величество нигде не сходила на берег; пароход останавливался каждую ночь, а также проходя мимо больших городов, где местные власти представлялись на пароходе, пока толпы народа на пристани приветствовали Государыню криками «ура». От Царицына императрица переехала по железной дороге на Дон и продолжала путь опять водою. Мелководье реки представляло большие затруднения и задержки; во многих местах приходилось собирать массу народа для того, чтобы сдвинуть пароход на перекат. Только 12 августа Ее Величество достигла Ростова-на-Дону, где встретил ее Наследник Цесаревич.

Его Высочество после объезда всех замечательных мест по течению Волги до самого устья ее, прибыл 31 июля в Калач, где встретил его наказный атаман Донского войска генерал-адъютант Граббе со всем его штабом и множеством собравшихся казаков. 8 августа происходил торжественный въезд атамана всех казачьих войск в Новочеркасск. У собора ожидал его «войсковой круг» со знаменами и «войсковыми регалиями». После молебствия Его Высочеству поднесен был «пернач» — знак атаманского достоинства. Трехдневное пребывание Наследника в столице Донского войска было непрерывным рядом торжественных

встреч, парадных обедов, народных гуляний и военных смотров. 11-го числа Его Высочество, осмотрев Грушевские каменноугольные копи, проехал оттуда прямо в Аксайскую станицу по железной дороге, только что сооруженной и еще не открытой тогда для публики. Съехавшись в Ростове с императрицей, великий князь сопровождал Ее Величество до Таганрога и далее, на пароходе «Тигр» до Ялты, на южный берег Крыма. С 15 августа императрица с младшими детьми водворилась в Ливадии, а Цесаревич продолжал свое путешествие на Кавказ.

Между тем Государь, расставшись 4 августа с императрицей и возвратившись в Нижний, провел там два дня. В то время ярмарка была в полном разгаре. Для высшего надзора за спокойствием и порядком при громадном стечении разнородного люда, назначен был временным генерал-губернатором Нижнего Новгорода и всей губернии генерал-адъютант Ник<олай> Ал<ександрович> Огарёв. 5 августа, утром, происходил в Кремлевском дворце прием местных властей, высшего духовенства, гражданских и военных чинов и представителей разных сословий. Депутация от купечества, съехавшегося со всех концов России, поднесла патриотический адрес. Государь произнес речь, в которой благодарил все сословия за чувства, выраженные в многочисленных адресах и затем сказал: «По последним известиям, я не отчаиваюсь еще в сохранении мира; но если Богу угодно испытать нас войной, то я твердо уверен, что вы дадите мне помощь, и надеюсь, что нашу Россию мы отстоим...» Слова эти вызвали восторженные возгласы всех присутствовавших, сопровождавшие Государя и при выходе его из зала. После приема Его Величество посетил собор, где отслужено было молебствие, а затем отправился на смотр собранных в лагере войск (двух полков 17-й пехотной дивизии: Московского и Лейб-Бородинского Его Величества, 4-го резервного батальона Томского пехотного полка и 16-го стрелкового). На другой день, 6 августа, Государь слушал обедню в Преображенском соборе и, объехав ярмарку, отправился во 2-м часу дня по железной дороге во Владимир.

Здесь утром 7-го числа, после приема местных властей и представителей разных сословий, Государь произвел смотр двум полкам 16-й пехотной дивизии (Владимирскому и Казанскому), 17-му стрелковому батальону, 4-му резервному батальону Азовского полка и местному батальону внутренней стражи. Выехав из Владимира в 2 часа дня, Его Величество прибыл в Москву в 6 часов вечера.

8-го числа, утром, происходил в московском Кремлевском дворце обычный выход, потом шествие в соборы и смотр войскам на Ходынском поле. В лагерном сборе находились два полка 10-й пехотной дивизии (Екатеринбургский и Томский),

четвертые резервные батальоны шести пехотных полков, сводный дивизион уланских полков 7-й кавалерийской дивизии, четыре бригады артиллерии (2-я и 3-я гренадерские*, 17-я и 18-я полевые) и несколько резервных батарей. Несмотря на летнее время, когда Москва обыкновенно пустеет, массы народа везде теснились вокруг Государя, и в Кремле, и на Ходынке. Всеми осмотренными войсками Государь был весьма доволен, хотя в строю находилось много солдат, только что призванных из бессрочного отпуска, и рекрут последнего набора. После смотра и завтрака в Петровском дворце Государь посетил два института и Мариинскую больницу. На другой день, 9-го числа, произведены были в лагере смотр и учение батальонам 1-го и 2-го Московских кадетских корпусов и Александровского сиротского корпуса. Производство в офицеры выпускных воспитанников всех военно-учебных заведений было уже объявлено в приказе накануне, 8 августа, и всем дано старшинство с 12 июня, то есть наравне с теми сверстниками, которые были произведены ранее обычного времени.

В тот же день, 9 августа, после раннего обеда Государь выехал из Москвы и к 11 часам вечера прибыл в Тверь, где провел ночь, а на другой день после приема во дворце, в 7 часов утра, посетил собор и произвел смотр собранным за городом войскам: двум уланским полкам 7-й кавалерийской дивизии, 7-й конно-артиллерийской бригаде и тверскому батальону внутренней стражи. Со смотра он проехал прямо на станцию железной дороги и к 9 часам вечера (10 августа) уже был в Царском Селе.

Ровно неделю продолжалось отсутствие Государя. Этим временем я воспользовался не столько для отдыха в своей семье (на Каменном острове), сколько для того, чтобы подвинуть некоторые работы по министерству, неизбежно задерживаемые в летнее время при моей кочевой жизни. К приезду Государя подготовлено было несколько крупных дел и в том числе предположение о сформировании нескольких новых дивизий и об усилении войск в Царстве Польском.

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЯТЕЖА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ. ИЮЛЬ — АВГУСТ

Уже полгода продолжался в Царстве Польском вооруженный мятеж. Немало жертв стоил он полякам; шайки повстанцев при

* 2-я и 3-я гренадерские дивизии, передвинутые в Петербург для содержания там караулов, выступили без артиллерии, которая присоединилась к ним впоследствии.

всех встречах с войсками терпели поражения. И несмотря на то, кровавая борьба не прекращалась*. Когда одни шайки были истребляемы гонявшимися за ними отрядами, в то же время в других местностях стекались новые скопища.

Только в западной части Царства, после замеченного в исходе июня особенного напряжения сил восстания, казалось, как будто наступило некоторое затишье. Вторжение заграничных шаек из области Познанской прекратилось с тех пор, как прусским правительством приняты строгие меры против образовавшейся в той области революционной организации. Был даже случай встречи прусскими войсками шайки, покушавшейся 4/16 июля перейти нашу границу. После непродолжительной перестрелки повстанцы разбежались, оставив на месте много убитых и до 60 захваченных в плен. Вслед за тем прусское правительство объявило в Познанской области военное положение и еще усилило меры строгости.

В течение всего июля в Калишском и Радомском отделах не было ни одной значительной встречи отрядов наших с мятежниками; попадались только мелкие шайки «жандармов-вешателей», с которыми нередко справлялись одни казаки или кавалерийские разъезды. Одна такая шайка, настигнутая и разбитая 12 июля близ Ловича, состояла под начальством француза Калье, который сам при этом был ранен. Другая шайка, вторгнувшаяся из Галиции в южную часть Радомской губернии, была встречена 25 июля у деревни Кемпе (к югу от Жарновца) отрядом генерал-майора Стюрлера и прогнана обратно за границу. В тот же день полковник Кульгачев, следовавший с эскадроном улан и казаками в авангарде колонны генерал-майора барона Меллер-Закомельского из Варшавы на Тарчин, встретив конную шайку Грабовского из 400 мятежников, разбил ее у Грудова и вогнал в Кампиноские болота.

В северном отделе, где до сих пор было сравнительно спокойнее, произошло в первых числах июля кровопролитное дело на реке Нареве у Рожан (между Пултуском и Остроленкой). Образовавшееся из нескольких шаек значительное скопище, силою до 3800 человек, под начальством Трамчинского, было атаковано двумя соединившимися отрядами: полковника Валуева, преследовавшего шайку со стороны Плоцка, и генерал-майора Раля, прибывшего с колонной гвардейских войск из Варшавы. Мятежники дрались упорно и понесли громадную потерю. Одних убитых у них считалось до 500 (а по другим показаниям даже до 800); в числе их был и сам Трамчинский. С нашей сто-

* В автографе зачеркнуто: «средства их и энергия, казалось, истощились, несмотря на беспрерывную поддержку извне» *(примеч. публ.)*.

роны также была потеря; полковник Валуев ранен в голову косой.

Несколько позже, 17 июля, в той же Плоцкой губернии, у Дживы Млавской (на реке Вкре), шайка мятежников, в числе до 700 человек, под начальством Палацыка, Стржецкого и француза Гастона, разбита отрядом, высланным из Липно.

Было несколько стычек и в Августовской губернии: 8 июля — у Вислоона (к востоку от Мариамполя); 10-го — близ станции Козлова Руда, 26-го — к юго-востоку от местечка Серей; но, вообще, в этой части Царства Польского значительных шаек не появлялось.

Напротив того, в Люблинском отделе мятеж держался упорно и шайки были многочисленны. Но и тут в начале июля было только одно дело, 10-го числа, близ Холма. В половине месяца начали снова появляться шайки в разных местах. Из двух колонн, высланных из Холма 17-го числа, одна, полковника Баумгартена, настигла на другой день у Ченстобровиц (к западу от Красностава) шайку Янковского, Зелинского и Гржимайло, которая после непродолжительной стычки скрылась. Другая колонна, майора Бюхнера, встретила в тот же день недалеко от Холма более сильную шайку Крука (Гейденрейха) и Руцкого, силою до 2 тысяч человек. Здесь мятежники держались упорно, пользуясь своим превосходством в числе; но с прибытием подкреплений к отряду Бюхнера, поспешили уйти.

Во вторую половину июля еще чаще случались стычки в Люблинском отделе. Из шаек Крука, Крысинского, Лютинского, Яроцкого, Гржимайло образовалось в южной части Люблинской губернии скопище, силою до 5 тысяч человек, и сверх того ожидались еще шайки Зелинского и Янковского. Такое небывалое сосредоточение сил мятежников встревожило генерал-лейтенанта Хрущова, командовавшего войсками Люблинского отдела. Он просил подкреплений из Варшавы. Сам граф Берг был озабочен доходившими до него сведениями о новых планах и замыслах руководителей мятежа. Вот что писал он мне еще в начале июля: «Il y a des personnes qui croyent que l'insurrection militaire et armée faiblit; je suis d'avis qu'elle fait une halte pour reparaître plus forte aussitôt que les armes auront été destribuées aux hommes du nouvel enrolement»[169]*.

И действительно, в то самое время, когда вооруженный мятеж несколько ослабел в большей части края, вожаки восстания более чем когда-либо напрягали усилия, чтобы снова раз-

---

* «Есть те, кто верит, что вооруженное восстание ослабло; мое же мнение, что оно делает остановку, чтобы вновь проявиться еще сильнее, как только новые участники мятежа получат оружие» *(фр.)*.

дуть мятеж, придать ему размеры более внушительные в глазах Европы и тем подействовать на союзные кабинеты, колебавшиеся в решении вопроса: война или мир? Польский анонимный «Жонд», имея главной целью возбудить войну, продолжал морочить Европу, распуская всякие хвастливые сведения о своих силах и мнимых победах, разыгрывая пародию на правильно организованное правительство, публикуя свои декреты, смертные приговоры и т.п. В польских газетах того времени развивалась мысль, что оборонительный образ действий не свойствен повстанцам; что единственный для них способ достигнуть успеха в борьбе с Россией и поднять дух народа состоит в нападении на русских везде, где они наименее того ожидают. Видя, что в течение шести месяцев шайки, силою от 600 до 2000 человек постоянно терпели поражения, вожаки мятежа вообразили себе, что дело пойдет успешнее, если они будут сосредоточивать на известных пунктах более значительные массы, до 10 и 12 тысяч человек, продолжая в то же время высылать и мелкие шайки, в числе от 20 до 50 человек, чтобы беспокоить русские войска, прерывать сообщения, грабить почты, кассы, терроризировать сельское население и расстраивать местную администрацию*. Для выполнения грандиозных планов «Жонда» принимались деятельно меры к усилению шаек и заготовлению оружия, которое закупалось в Бельгии и других странах, тайком провозилось через границу и хранилось до поры в складах, среди лесов, зарытое в землю. Вербовка в шайки производилась всякими средствами: то обманом, обещаниями, то угрозами и насилием; а затем было объявлено во всем крае поголовное ополчение: все способные носить оружие с 18 до 40-летнего возраста обязывались явиться на сборные пункты; в самой Варшаве агенты «Жонда» обходили дома и делали перепись всем подлежавшим в ополчение; другие агенты являлись за денежными сборами под видом патриотического налога. Завербованные в шайки сводились на сборные пункты в глухих местностях, большей частью среди лесов; распределялись по ротам, батальонам и эскадронам, приводились к присяге и затем размещались по деревням, где они оставались до призыва на продовольствии обывателей. Люди эти, проживая под видом мирных поселян, не возбуждали в местном начальстве ни малейшего подозрения. Всякого, кто обнаружил бы тайну, ожидала верная смерть.

В Варшаве ходил слух о готовившемся общем восстании в крае, о предстоявших решительных действиях повстанцев**. Граф Берг полагал, что первой целью их будет — прервать сооб-

---

* Письмо графа Берга от 24 июня / 6 июля[170].

** Письмо графа Берга от 29 июля / 10 августа[171].

«Прощание»

щение по железным дорогам, и повторял настоятельные просьбы об ускорении перемещения 2-й пехотной дивизии из Виленского округа в Царство Польское. Тревожило его и другое еще опасение — что повстанцы могут нечаянным нападением овладеть которой-либо из крепостей с помощью сообщников своих в составе гарнизона. Граф Берг сообщал мне секретные сведения о неблагонадежности некоторых офицеров и солдат и жаловался вообще на неудовлетворительный состав новых крепостных полков и батальонов, в которые поступило немало штрафованных нижних чинов из Корпуса внутренней стражи. В то время действительно несколько офицеров и солдат польского происхождения бежали к мятежникам.

Опасения графа Берга еще усилились, когда получено было в Варшаве донесение генерал-лейтенанта Хрущова о многочисленных скопищах, собиравшихся в южной части Люблинской губернии, и в то же время дошли слухи о том, что мятежники будто бы замыслили овладеть крепостью Замостьем внезапным ночным нападением при содействии жителей. Крепость эта была в плохом состоянии; устаревшие ее верки были запущены,

гарнизон весьма слабый. К тому же граф Берг припомнил действительно случившийся уже факт — нечаянного овладения Замостьем толпою заговорщиков, во времена владычества австрийцев в этой части Польши. Затрудняясь уделить из своих войск какую-либо часть для усиления гарнизона крепости, граф Берг просил помощи у генерал-адъютанта Анненкова из Киевского округа, ссылаясь на совершенно спокойное положение Юго-Западного края*.

В действительности, дело разыгралось совершенно иначе, чем ожидали. Полковник Медников, выступивший из Красностава к Туробину с 5 ротами, сотней казаков и 2 орудиями, чтобы следить за грозным скопищем мятежников, узнав, что оно направилось к Юзефову, двинулся вслед за ним и 23 июля встретил противника в сильной позиции у деревни Хруслин (верстах в 8 не доходя Юзефова). Мятежники, ободренные громадным своим превосходством в силах над малочисленным отрядом Медникова, попробовали было сами перейти в наступление; но были остановлены огнем артиллерии и стрелков. Полковник Медников с наступлением темноты счел более осторожным отойти к Краснику, и в то же время скопище двинулось в противоположную сторону, т.е. к северу, к местечку Ополе.

По получении в Люблине известия о неудаче, встреченной Медниковым, выслана была оттуда колонна полковника Цвецинского, который, прибыв 24-го числа в Уржендов (к юго-западу от Люблина), узнал там о движении мятежников к северу и, дождавшись подкрепления от Медникова, 26-го числа двинулся к Ополе, где скопище ночевало накануне и оттуда в тот же день продолжало движение на север к Казимиржу. 27-го числа Цвецинский двинулся вслед за ним; но в этот самый день мятежники, заняв Жиржинский лес, через который пролегает шоссе из Ивангорода в Люблин, подстерегли транспорт, который должен был следовать по этому пути, с почтой и значительной денежной суммой (до 200 тысяч рублей), под прикрытием 2 рот и 2 орудий. Когда транспорт втянулся в лес, мятежники внезапно бросились на него и, окружив прикрытие, завладели фургоном с деньгами и почтой. Роты отстреливались, сколько могли; но расстреляв все патроны, должны были пробиваться штыками и понесли значительную потерю; орудия были брошены в болотистую речку.

---

* В течение июля было только одно покушение мятежников из Галиции на границе Волынской губернии: в ночь на 16 июля появилась у Милятина шайка Висниовского, силою до 300 человек; но она была отражена подоспевшими войсками, с потерей 80 убитых и 27 взятых в плен.

Только под вечер подошел к месту боя полковник Цвецинский с 9 ротами при 4 орудиях; но уже было поздно: мятежники, захватив добычу, разошлись по разным направлениям. Предводители перессорились между собой из-за дележа добычи; каждый забрал себе, что успел. Шайка Янковского направилась к северо-востоку и сожгла за собой мост на Вепрже; другая — Лютинского, Зелинского и Гржимайло — на Брестское шоссе, к Бяле; Крук и Крысинский — к югу, а Цвек (Цешковский) переправился у Казимиржа на левую сторону Вислы и вторгся в Радомскую губернию.

В то самое время граф Берг, для успокоения умов в Варшаве, выдвинул оттуда несколько колонн по разным направлениям (генерал-майоров барона Крюднера, барона Меллер-Закомельского, Фуругельма, Карцова, полковника Клодта). Большая часть этих колонн вскоре возвратилась, не встретив нигде мятежников; только барон Крюднер, узнав 31 июля о появлении около Станиславова шайки Янковского, поспешил навстречу ей; но уже не настиг мятежников. Часть шайки (около 350 человек) бросилась к Бугу (к деревне Заторы), сам же Янковский с захваченной долей добычи ускакал за границу. Барон Крюднер для преследования остатков шайки послал на подводах небольшой отряд из сводной гвардейской роты и 2 эскадрона улан, а сам возвратился в Варшаву.

Другие шайки, из числа участвовавших в нападении 27-го числа в Жиржинском лесу, также потерпели одна за другой поражения. Шайки Гржимайло, Зелинского и Лютинского, бросившиеся к Брестскому шоссе, разбиты 13 августа у Сарнака (к северу от Бялы, близ Буга), 20-го — близ Бялы, и 26-го — в Хотыловском лесу (между Бялой и Брест-Литовском). Шайка Крука и Крысинского, настигнутая 12 августа при Файсловице (к северо-западу от Красностава) соединенными отрядами полковников Еманова и Соллогуба, выступившими из Янова и Люблина, была почти совсем уничтожена; одних пленных взято до 680 человек. Такого числа пленных еще не случалось забирать ни в одном деле. Наконец, Цвек (Цешковский), бросившийся в Радомскую губернию с шайками Эмановича, Рутковского, Громека, всего силою до 2500 человек, потерпел целый ряд неудач: 9 августа — у Коваля (к западу от Радома), 11-го — у Виры (к северо-западу от Радома, верстах в 30), 13-го — у Гжибовой Гуры (близ Вислы, между устьями Пилицы и Радомки) и 14-го — близ Пулавы, где остатки шайки, расстроенной и ослабленной большими потерями, перешли обратно на правую сторону Вислы в Люблинскую губернию и двинулись к Юзефову на соединение с шайкой Лелевеля, вторгнувшейся вновь из Галиции.

Соединенные шайки Лелевеля и Цвека были встречены 19 августа у Закликова (между Завихвостом и Яновом) небольшим отрядом, высланным из Янова. Мятежники, пользуясь своим превосходством в числе, покусились было сами атаковать слабый отряд; но прибывший на подкрепление его майор Штернберг отбил противника и преследовал его к Билгораю и далее в продолжение двух дней, а 22-го числа откинул его к Звержинице (к востоку от Билгорая). С прибытием новых войск из Люблина, Янова и Замостья, шайка Цвека и Лелевеля была 25-го числа окончательно разбита и, потерпев большую потерю, разбежалась. Полагают, что в этом деле убит Лелевель, носивший звание начальника Люблинского воеводства.

Между тем, в окрестностях Гарволина (в 50 верстах от Варшавы по Люблинскому шоссе) появилась новая значительная шайка Жихлинского, в числе до 2 тысяч человек. Выступивший из Варшавы отряд генерал-лейтенанта барона Меллер-Закомельского 13 августа настиг эту шайку и разбил ее. Часть мятежников, пробовавшая защищаться в деревне Воля-Старогродцка, потеряла до 300 человек, из числа которых половина сгорела в домах. При этом был ранен полковник Кульгачев, командовавший авангардом отряда. Остатки шайки бежали на левую сторону Вислы. Преследуя их, барон Меллер-Закомельский также переправился через реку в Горе Кальварии и двинулся к Гроицу; но не встретив уже нигде мятежников, возвратился 16-го числа в Варшаву.

На левой стороне Вислы происходил в течение всего августа целый ряд стычек. 2-го числа близ Щекоцины на реке Пилице (к западу от Андреева) полковник Шульман разбил шайку Хмелинского, состоявшую из 500 человек. В ту же ночь (на 3-е число) шайка в 600 человек вторглась со стороны Кракова, несмотря на то, что была замечена австрийскими войсками, с которыми мятежники имели даже перестрелку. Шайка эта, встреченная нашим отрядом, была отброшена за границу. На другой день, 4 августа, майор Лео из Ченстохова настиг и разбил шайку у деревни Бяла, близ Лелева (к юго-востоку от Ченстохова). 10-го числа шайки Оксинского и Парчевского под общим начальством Тачановского разбиты у Злочева отрядом подполковника Тарасенкова из Калиша. Следовавшая на соединение с Тачановским шайка Бентковского из Познани, была разбита 8-го числа на реке Варте около Турека отрядом генерал-майора Клодта, высланным из Конина.

Отряд этот, состоявший всего из 1 роты, 2 эскадронов гродненских гусар, сотни донских казаков и 50 линейных (кавказских) казаков, преследовал остатки разбитой им шайки к Ласку и далее. Чтобы не потерять противника из виду, послан был

вперед с 25 линейными и 12 донскими казаками штаб-ротмистр Гродненского гусарского полка граф Граббе, младший сын достойного генерала, тогдашнего атамана Донского. Молодой этот офицер, воспитавшийся в боевой школе кавказских войск, отличался отважностью, военным пылом и был весьма любим в полку. Несколько других молодых офицеров того же полка: поручики Витмер и князь Урусов и корнет Ермолов, только что выпущенный из Пажеского корпуса, выпросили позволения присоединиться к своему боевому товарищу в качестве охотников. К ним же примкнул, также в виде добровольца войсковой старшина Донского войска Маноцков. Эта горсть удалых молодцов в ночь с 14 на 15 августа наткнулась на шайку Тачановского, часть которой ночевала в деревне Сендзиовице на дороге между Ласком и Виндавой (к юго-западу от Ласка). В порыве увлечения наши малочисленные всадники влетели без оглядки в деревню и мгновенно окруженные толпою мятежников засели в дома, в которых отстреливались до тех пор, пока противники не подожгли их. Тогда они перебежали на ближайшее кладбище и продолжали защищаться. Большая часть храбрецов была убита и изранена; мятежники наконец ворвались в ограду кладбища, добили и изувечили многих раненых, так что живыми захвачены только два офицера (Витмер и князь Урусов) и два казака*. Граббе и Ермолов были в числе смертельно раненых; оба умерли через несколько часов после боя.

Геройская смерть штабс-ротмистра Граббе и его товарищей произвела сильное впечатление в войсках и в Петербурге; все знавшие этих офицеров искренно оплакивали преждевременную их гибель. Тела их были перевезены в Петербург и погребены (4 сентября) в Александро-Невской лавре с особенными почестями при огромном стечении сочувственной толпы.

Генерал-майор Клодт, продолжая преследовать Тачановского, вошел в соглашение с начальниками отрядов в Велюне, Новорадомске и Ченстохове, чтобы общими силами окружить шайку. После трех дней погони генералу Клодту вместе с генерал-майором бароном Раденом, полковниками Бремзеном и Эрнротом удалось, наконец, 17 августа настигнуть Тачановского у деревни Боровно (между Новорадомском и Ченстоховом), и здесь произошло горячее кавалерийское дело, кончившееся почти полным истреблением шайки. Сам Тачановский бежал за границу, открыто сознаваясь, что считает дело польское проигранным.

---

* Оба офицера и оба казака были вскоре выручены подоспевшим отрядом. Совершенно невредимым спасся только один казак, посланный в начале боя с донесением.

Г.Г. Эрнрот

В конце августа произошло еще несколько встреч с шайкой Скавронского, Парчевского и Шумлянского, состоявшей из 2 тысяч человек и бродившей между Ленчицей и Лодзем. Полковник Гагемейстер, выступивший из Ленчицы, и генерал-майор Бремзен — из Лодзя, настигли наконец шайку 26 августа у Жемхлина (к западу от Равы). Мятежники бросились к Ленчице; но в то время из Варшавы выслан был по железной дороге отряд генерал-майора Краснокутского, который, соединившись с Гагемейстером, 29-го числа снова настиг шайку у Поддембицы (к юго-западу от Ленчицы) и нанес ей окончательное поражение. Потеря мятежников была очень велика; одних пленных взято 114. У нас ранен в руку поручик Гродненского гусарского полка Горяинов (бывший впоследствии моим адъютантом, а потом флигель-адъютантом).

Для полноты моей военной хроники остается еще упомянуть о нескольких встречах, случившихся в Северном военном отделе

А.Л. Гагемейстер

в последние дни июля и в течение августа. 28 июля шайка, силою до 2 тысяч человек, разбита есаулом Дукмасовым, выступившем из Млавы; а 31-го числа другая шайка, Ясинского, в числе 500 человек, настигнута генерал-майором Богговутом, выступившим из Пултуска. Обе шайки понесли большие потери и рассеялись. 10 августа, у Щучина, близ прусской границы, разбита шайка в 800 человек, и в тот же день полковник Желтухин настиг у Осиека конную шайку в 150 всадников, из коих более половины осталось на месте. Затем 22 августа генерал-майор граф Толь рассеял шайку в 300 человек у Замброва (к югу от Ломжи), а генерал-майор Эггер в то же время разбил остатки шайки Вавра близ деревни Стрельцовизны (к востоку от Августова). Наконец, 27-го числа казаки настигли конную шайку у деревни Гумова (к западу от Плонска) и гнали ее до Чарноцина (к югу от Млавы).

Таким образом, и в течение всего августа мятеж в Царстве Польском продолжался без всякого изменения в своем характе-

А.А. Горяинов

ре: шайки, хотя и появлялись несколько более значительные, по-прежнему бродили без определенной цели и по-прежнему терпели большие потери и поражения при всех встречах с войсками. Грандиозные военные планы самонадеянных и хвастливых распорядителей восстания ничем не проявились на деле; имевшиеся в их руках средства израсходовались бесплодно. Хотя еще в начале августа была речь о том, чтобы опять призвать Мерославского и облечь его в звание «генерал-организатора», однако ж назначение это почему-то не состоялось: «декрет» Жонда, помеченный числом 4/16 августа, оставался неизвестным самому Мерославскому до 16/28 сентября. Впрочем, и сам Мерославский, как кажется, не придавал серьезного значения этому «декрету»; живя в Париже, он хлопотал в то время о закупке оружия по поручению Жонда на отпущенную сумму, в которой впоследствии затруднился представить отчет[172].

С другой стороны, и мы нисколько не подвигались в деле усмирения мятежа; время уходило в бесплодной погоне за шайка-

ми, которые после всех нанесенных им поражений, возникали все в большем числе и делались все предприимчивее. Продолжительность вооруженного мятежа, в свою очередь, поддерживала тревожное состояние европейской политики и все более затрудняла положение некоторых кабинетов, так что наши дипломаты имели полное основание сетовать на непонятную для них безуспешность мер, принимаемых для подавления мятежа, при колоссальных наших военных силах. По этому поводу граф Берг писал русскому послу в Париж: «Царство Польское было бы усмирено в шесть недель, если бы мы могли воспрепятствовать подмоге, получаемой восстанием из-за границы, особенно из Галиции... Страна, утомленная уже тяжелыми жертвами, налагаемыми на нее восстанием, успокоилась бы немедленно, лишь только прекратились бы надежды на иностранное вмешательство, поддерживаемые множеством авантюристов, стекающихся с разных стран Европы»*.

В то же почти время граф Берг, вследствие одного моего письма, в котором я упомянул, что в распоряжении его в Царстве Польском состоит уже целая армия в 145 тысяч человек, писал мне, что «действительно, с такими силами можно было бы выиграть блистательное сражение, если б они были сосредоточены на одном поле битвы; но те же силы, раздробленные по всему пространству Царства для охранения множества пунктов и дорог, оказываются недостаточными даже для поисков за мелкими, бродящими по лесам, шайками...»** Граф Берг высказывал мнение о необходимости перемены образа действий в Польше, как в военном отношении, так и в административном. Он считал нужным ввести в Царство такую массу войск, чтобы, по выражению его, «наводнить» страну, и в течение двух, трех осенних месяцев разом подавить мятеж. Он снова убедительно просил о присылке войск, обещая возвратить их к марту 1864 года, высказывая при этом, что в случае, если к весне мятеж не будет подавлен окончательно, то Франция, наверное, поднимет снова дипломатический вопрос, который поведет к европейской войне. Любопытна следующая приписка (post-scriptum) к письму от 12/24 августа: «La politique française de tous les temps a été hostile à la Russie. Les français ont constamment soutenu nos ennemis en Suède, en Pologne, en Turquie. L'histoire est la pour le certifier. Ils font aujourd'hui la même chose. Nous ne pouvons abriter (sic) de cette hostilité qu'à l'aide des états qui ont des intérêts communs aux notres. L'Empereur Alexandre I a su le faire

---

* Письмо графа Берга от 6/18 августа[173].

** Письмо графа Берга от 12/24 августа[174].

avec beaucoup de succés. Toute politique contraire à la sienne nous mene à perdition...»*

К этой мысли граф Берг возвращался не раз в своих письмах. Он был всегда приверженцем сближения с Германией и противником Франции**.

Относительно же гражданского управления, граф Берг считал немыслимым возвращение маркиза Велёпольского к прежней его должности, сознавал, что главное затруднение в Царстве Польском заключается в том, что вся администрация находится исключительно в руках поляков и что вовсе нет русских чиновников. «Le marquis Wielopolski a si radicalement chassé cet élément indispensable, que toute l'administration civile se trouve dans les mains de Polonais, lesquels sans être traitres, ne mettent cependant aucune chaleur et énergie à travailler en notre faveur. Mille relations et considérations sociales et de fortune les paralysent en les placant sous l'influence du plus violent des terrorismes: moral — les prêtres les ménacent d'anathème, et physique — les conjurés du poignard...»***[175]. Граф Берг признавал нужным снова призвать в Царство русских людей, взять в руки правительства железные дороги, «которые, при настоящем их управлении, служат более интересам повстания, чем правительственным»; усилить таможенный кордон для прекращения ввоза оружия и другой контрабанды; наконец, наложить на все население сильную контрибуцию для возмещения чрезвычайных издержек, понесенных правительством ради мятежа****.

---

* «Политика Франции всех времен была враждебна по отношению к России. Французы постоянно поддерживали наших врагов в Швеции, в Польше, в Турции. История — тому подтверждение. Сегодня они делают то же самое. То, к чему мы можем прибегнуть (так!) при этой враждебности, — это к помощи государств, интересы которых общие с нами. Император Александр I умел делать это с большим успехом. Всякую политику, враждебную его политике, мы ведем к погибели...» *(фр.)*

** Далее в автографе зачеркнуто: «Желания графа Берга относительно усиления войск в Царстве Польском были вскоре удовлетворены. Кроме 2-й пехотной дивизии, уже перемещенной туда из Виленского округа, решено было перевести еще из Киевского округа 8-ю пехотную дивизию и бригаду 3-й кавалерийской дивизии, а из внутренних губерний — 10-ю пехотную, входившую в состав 1-го резервного корпуса» *(примеч. публ.)*.

*** «Маркиз Велёпольский столь сильно преследовал этот необходимый элемент, что вся гражданская администрация находится в руках поляков, которые, не будучи предателями, тем не менее не прикладывают никакой энергии и пыла к работе в нашу пользу. Их парализует тысяча общественных отношений и соображений выгоды, ставя под самое жесткое влияние терроризма: моральное — священники грозят им анафемой, и физическое — заговорщики кинжалом...» *(фр.)*.

**** Письмо графа Берга от 6/18 августа.

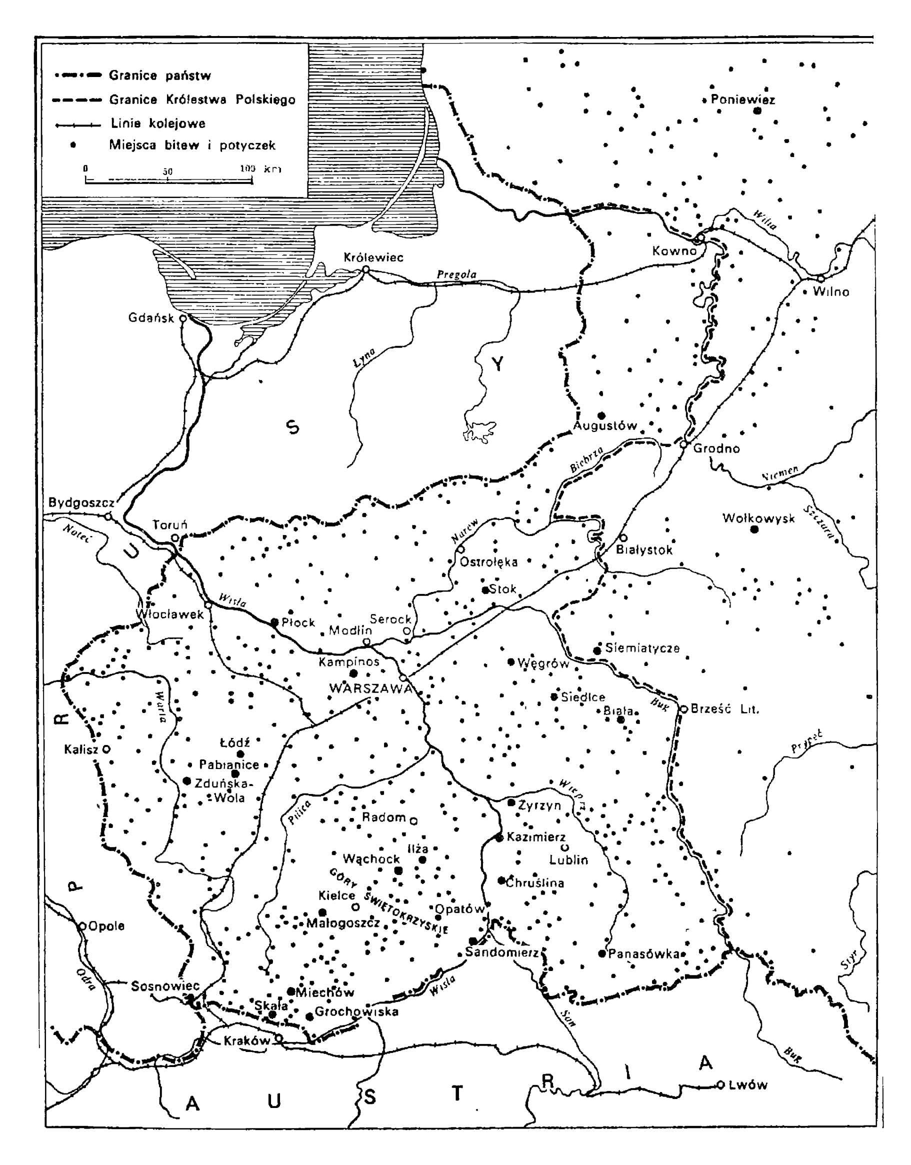
В приведенных заявлениях графа Берга проглядывало заметное влияние того образа действий, который так успешно уже применен был генералом Муравьёвым в Северо-Западном крае, хотя вообще распоряжения Михаила Николаевича громко осуждались графом. В то время возбужден был вопрос о временной передаче Августовской губернии в заведование генерала Муравьёва. Мера эта признавалась полезной в особенности в военном отношении, по географическому положению губернии; да и по духу населения, эта страна ближе подходит к северо-западным губерниям Империи, чем к Царству. И до того времени высылались за Неман отряды от войск Виленского округа для обыска лесов и для ограждения мирного населения от появлявшихся по временам шаек. Жители не раз обращались к начальникам этих отрядов с просьбами о том, чтобы генерал Муравьёв принял их под свою защиту. С такой же просьбой присылали они депутации в Вильну. Граф Берг не противился освобождению его от забот об Августовской губернии и признавал пользу распространения на эту часть Царства тех мер, которые уже были приняты в Виленском крае; считал необходимым назначение туда русских чиновников, в особенности губернатора. Граф Берг предусматривал даже возможность применения со временем тех же мер к прочим губерниям Царства. «Il faudra saisir le moment opportun pour les adapter dans le Royaume selon la situation du pays, d'ailleurs très différent de celle de nos provinces occidentales. Sous ce rapport le gouvernement d'Augustovo est la Lithuanie du Royaume»*.

ПОДАВЛЕНИЕ МЯТЕЖА В ЗАПАДНОМ КРАЕ. ИЮЛЬ — АВГУСТ

Едва прошло 6 недель с тех пор, как генерал Муравьёв принял в свои руки управление Северо-Западным краем, и заметно уже изменилось к лучшему положение дел. Все польское, сочувствовавшее мятежу, притихло, присмирело; сельское же население, масса простого народа приободрились духом. Самая физиономия городов совершенно переменилась: прежние чемарки, конфедератки, знаки траура — исчезли; даже женщины не смели показываться в траурной одежде. Приказания Муравьёва не оставались мертвой буквой, потому что неисполнение их на-

---

* Письмо графа Берга от 29 августа / 10 сентября[176].
«Следовало бы использовать подходящий момент, чтобы применить их в Царстве Польском сообразно с положением в крае, к тому же весьма отличающемся от положения в наших восточных владениях. В этом отношении Августовская губерния — это Литва Царства [Польского]» *(фр.)*.

Карта восстания 1863 г.

влекало неминуемую кару. На женщин, являющихся в трауре на улице или в общественном месте, налагался в первый и во второй раз денежный штраф (по 25 и 50 рублей), а в третий — они

подвергались аресту*. Служащим лицам было объявлено, что те, в семействе которых женщины будут носить траур, подвергнутся сами ответственности и будут исключены из службы. Для ношения же траура по ближайшим родным давались особые билеты от полиции. Большинство женщин в городах не без удовольствия подчинилось строгому распоряжению начальства и поспешило сбросить траур, навязанный революционной тиранией не только на польских, но и на русских женщин, не смевших ослушаться таинственной власти.

В конце июня (23-го числа) генерал Муравьёв обратился с воззванием ко всем классам обывателей края, требуя настоятельно прекращения всяких связей с польским мятежом, угрожая самым строгим преследованием за всякое содействие ему**. Признавая главной опорой мятежа местных помещиков, главный начальник Северо-Западного края прежде всего поставил себе задачей — обуздать этот класс населения. Распоряжением 24 июля запрещено было польским помещикам отлучаться из своих имений без особенно уважительных причин и не иначе, как по билетам, выдаваемым военными начальниками уездов. Самой же чувствительной для польских помещиков репрессивной мерой было установление 10-процентного сбора с доходов их. Сбор этот взыскивался безоговорочно военными начальниками при обходе уезда с отрядом. В случае невнесения в определенный срок, имение подвергалось продаже. Размер этого сбора в известных случаях усиливался в виде штрафа, как например, в случае безвестного отсутствия которого-либо члена семьи. С имений же помещиков не польской национальности сбор взымался в половинном размере, т.е. 5-процентный. Тем не менее этот сбор возбудил ропот со стороны русских землевладельцев, которые и без того уже терпели от уменьшения доходности имений, а во многих местностях также и от насильственных поборов и грабежей повстанцев. Генерал Муравьёв счел нужным разъяснить, что означенный сбор, наложенный на русских помещиков в половинном размере против помещиков польских, не имеет вовсе значения контрибуции, но признан справедливым возмещением тех чрезвычайных расходов, которые несет государство по случаю особых мер, принимаемых для ограждения всех вообще имений от мятежа. Вместе с тем постановлено было, чтобы в известных случаях уменьшать еще размер сбора до $2^1/_2$ и до $1^1/_2$ процента.

---

* Объявлено было еще 31 мая.

** В автографе зачеркнуто: «и обещал ограждение тем, которые останутся верными своему долгу» *(примеч. публ.)*.

Другой класс местных обывателей, оказывавший не менее вредное влияние на положение края своим сочувствием и даже содействием мятежу, было польское чиновничество, служащее в разных ведомствах и учреждениях. Они-то были сообщниками мятежников, тайными их агентами; коварно злоупотребляя доверием своего начальства, они служили не правительству, а мятежу, и парализовали все действия правительственных властей. Генерал Муравьёв был убежден в том, что и его энергия, его сила воли останутся бесплодными, пока исполнителями будут польские чиновники. Поэтому одной из существеннейших мер считал он удаление от дел поляков и замещение их русскими. Тех польских чиновников, которые оказались причастными мятежу, он прямо предавал военному суду. В числе таких лиц были прежний предводитель дворянства Гродненской губернии граф Виктор Старжинский и те мировые посредники, которые одновременно с ним отказались от своего звания. Во всем крае мировые посредники, действовавшие явно во вред крестьянам и в угоду панам, были заменены вызванными из внутренних губерний русскими чиновниками. Вместе с тем обращено было особенное внимание и на личный состав крестьянского самоуправления. Военным начальникам в уездах было вменено в обязанность вникать в образ действий должностных лиц волостного и сельского управления и сменять личности неблагонадежные, имея притом в виду придать крестьянскому самоуправлению возможную самостоятельность.

В силу предоставленной Муравьёву власти, он удалял от должностей и высших лиц местной администрации, не сочувствовавших его системе действий, или таких, на энергическое содействие которых он не вполне полагался. Так, уволены были почти все прежние губернаторы: виленский — генерал-майор Галлер, ковенский — контр-адмирал Свиты Кригер, гродненский — генерал-майор Свиты граф Бобринский, витебский — действительный статский советник Оголин и минский — действительный статский советник Кожевников. На места их назначены: в Вильну — действительный статский советник Панютин, служивший в прежнее время в Варшаве при фельдмаршале графе Паскевиче и пользовавшийся особенным его расположением; в Ковну — генерал-майор Муравьёв, сын Михаила Николаевича; в Гродну — генерал-майор Скворцов, служивший в Корпусе жандармов; в Витебск — генерал-майор Веревкин; в Минск — генерал-лейтенант Заболоцкий, бывший в прежнее время дежурным генералом в 1-й армии. Заменены были и многие другие должностные лица; для замещения же всей массы прежних чиновников польской национальности русскими, генерал Муравьёв вызвал чиновников из Петербурга и других мест,

предлагая им разные льготы и служебные преимущества. Требовалось очень большое число лиц и не легко было заманить столько хороших людей в тот край при тяжелых условиях тамошней службы в те времена. Нашлось однако же немало таких личностей, которые пошли под ферулу Михаила Николаевича Муравьёва из чувства патриотизма, чтобы послужить русскому народному делу. Конечно, не вся масса вызванных тогда русских чиновников могла быть причислена к этому почтенному разряду: много шло и таких, которые оставались без места, не знали, куда пристроиться; а наконец, могли быть и желавшие, как говорится, в мутной воде рыбу ловить. Избежать совершенно подобной нежелательной примеси к большой массе привлеченных в Северо-Западный край русских чиновников было почти невозможно. А между тем, достаточно было и самой незначительной примеси, чтобы навлечь порицание на весь образ действий генерала Муравьёва. Поляки, естественно, недовольные заменою их приезжими русскими, пользовались каждым единичным случаем, чтобы прокричать о злоупотреблениях и неодобрительном поведении всех вообще вызванных Муравьёвым русских чиновников*. Дело шло о передаче администрации целого обширного края, с миллионами населения, из польских, враждебных правительству рук, в руки природных русских, и ввиду такой важности государственной цели, разумно ли сетовать на то, что в числе привлеченных к делу новых личностей попали некоторые недостойные доверия**. Как ни прискорбно это, все-таки общая цель была достигнута: в шести северо-западных губерниях водворилась, наконец, действительная власть правительственная, а вместе с тем открылась возможность окончательно избавить весь край от польского гнета.

Действительно, только с освобождением местного населения от тяжелого владычества польских панов и польских чиновников масса крестьянского народа ожила, поднялась духом. Даже забитое, раздробленное католическое население Жмуди — и то начало выставлять сельские караулы для защиты своей от бродивших еще в той части края повстанцев. «Поверочные комиссии», назначенные для введения в действие благодетельного Указа 1 марта, окончательно освободившего крестьян от обязательных отношений к помещикам, объезжали волости и определяли на месте размер выкупных платежей. Работа эта в некоторых уездах была окончена уже в течение июня; в других произ-

---

* В автографе зачеркнуто: «упрек ничтожный в глазах человека с политическим смыслом» *(примеч. публ.)*.

** В автографе зачеркнуто: «можно было в таком случае сослаться на русскую поговорку: "в семье не без урода"» *(примеч. публ.)*.

водилась в продолжение всего лета. В большей части волостных и сельских управлений обновлен был весь состав должностных лиц.

Для точного приведения в исполнение всех объявленных правил и распоряжений, для ближайшего надзора за действиями должностных лиц сельского и волостного управлений генерал Муравьёв установил такой порядок: уездный военный начальник обязан был как можно чаще обходить свой уезд с небольшим отрядом и в сопровождении одного из его помощников и жандармского офицера. Лица эти составляли вместе комиссию, которая решала все дела на месте и делала распоряжения. В случае поимки бродяг, производивших разбои и грабежи, тут же чинился суд, и приговор приводился в исполнение. Теми же комиссиями взыскивались налоги, контрибуционный сбор, штрафы; разбирались разные споры и недоразумения; приводились в порядок дела в волостных и сельских управлениях, проверялись устройство и служба сельских караулов.

Как ни осуждали Муравьёва за его драконовские меры, однако ж нельзя было не признать, что только такими чрезвычайными, иногда и суровыми средствами возможно было положить конец смуте и водворить в крае поколебленную до основания власть. Учрежденные Муравьёвым подвижные комиссии и предоставленные уездным военным начальникам почти неограниченные полномочия, при всей ненормальности такой меры, достигли однако ж своей цели: только этим способом оказалось возможным, при тогдашнем положении края, придать распоряжениям виленского диктатора исполнительную силу.

По мере того, как в крае восстановлялась правительственная власть и большинство населения выходило из-под польского гнета, все труднее становилось для руководителей восстания поддерживать в Литве вооруженный мятеж[177]. В течение июля в большей части края уже совсем не было слышно о шайках, так что генерал Муравьёв признал возможным постепенно снимать военное положение, начав с Гомельского уезда. Только изредка случались еще стычки с незначительными шайками, появлявшимися в некоторых более глухих местностях. Так, 3 июля шайка из Августовской губернии, вздумавшая перейти через Неман, была встречена полковником Ковалевским, который прогнал ее обратно за реку, настиг в Сейненском уезде и рассеял. 5-го числа разбита в Оль케никском лесу шайка, образовавшаяся из 200 мятежников, преимущественно бежавших из Вильны дворян, чиновников и других горожан, и в тот же день другая шайка разбита у местечка Рожи (к северу от Ковны). 7 июля транспорт, следовавший из Вилькомира в Поневеж, был атакован шайкой местного помещика Толочко; шайка была рассеяна,

и сам предводитель ее вслед затем захвачен на своем хуторе. Затем были еще встречи шаек в Пружанском уезде — 8-го числа, в Ковенском — 13-го и 19-го, в Белостокском — 18-го, 19-го и 21-го, и Бельском — 23-го. Последние же стычки произошли в первую половину августа: 8-го числа разбита окончательно шайка ксендза Мацкевича у деревни Буды в Поневежском уезде, а затем шайки Любича, Сендика и Острога, преследуемые несколько дней сряду в Сейненском и Кальварийском уездах (Августовской губернии) были окончательно рассеяны 14-го числа, и сам Любич убит.

В течение июля, как уже было в своем месте упомянуто, произошла смена гвардейских войск в Виленской округе: на место полков 2-й гвардейской пехотной дивизии (2-батальонных), прибыли полки 1-й гвардейской дивизии, в 3-батальонном составе. Службой тех и других частей гвардии генерал Муравьёв был весьма доволен; да и нельзя было не ценить замечательного усердия этих превосходных войск, рвения их на боевую службу, выносливости, смышлености нижних чинов и развитости офицеров. По случаю выступления из Вильны лейб-гвардии Финляндского полка (11 июня) Муравьёв назначил торжественные проводы с молебствием и раздачей нижним чинам георгиевских крестов. Два дня спустя, 13 июня, дан был прощальный обед бывшему командиру того же полка генерал-майору Ганецкому (Ивану Степановичу), получившему новое назначение (начальником 16-й пехотной дивизии).

От прежних многочисленных шаек, конечно, оставалось в крае большое число людей, разбежавшихся по лесам и скрывавшихся от властей. Голод и нужда заставляли одних прибегать к разбою и грабежу; других — бросать оружие и являться с повинною. Генерал Муравьёв принял меры относительно тех и других. За поимку каждого повстанца назначена была денежная награда по 3 рубля, а за взятого с оружием — по 5 рублей, с отнесением расхода на 10-процентный сбор с помещиков. За все, насильственно взятое повстанцами у крестьян, вознаграждение последних относилось на счет соседних помещиков; если же мятежников снабжал продовольствием сам помещик, то имение его подвергалось секвестру. Военным начальникам предписано было всех мятежников, продолжающих бродить по лесам с оружием, производящих грабежи и насилия, в случае поимки, предавать военному суду по полевым законам и в 24 часа, по конфирмации уездного начальника, приводить на месте в исполнение.

С другой же стороны, установлены были* правила относительно возвращавшихся из шаек с повинною. Предписывалось

---

* Инструкцией 17 июня.

отбирать от них показания и опрашивать о них односельчан, и в случае, если явившийся добровольно не уличается ни в каком особом преступлении, кроме участия в шайке, приводить его к присяге и затем водворять в прежнем месте жительства, под надзором и ответственностью односельчан или городского управления.

Число таких добровольно являвшихся повстанцев постепенно возрастало. Между ними сначала было более простолюдинов, вовлеченных в шайки по легкомыслию и неразумию; но потом стали являться и дворяне. Возвращавшиеся, после допроса и по исполнении всех установленных предварительных формальностей, в назначенный день приводились в костел, где с особенной торжественностью, в присутствии властей, приводились к очистительной присяге. При этом и сами ксендзы произносили назидательные речи; затем представитель правительственной власти объявлял присягнувшим помилование, и бывшие повстанцы обращались снова в мирных обывателей.

Таким образом, крутые, но строго обдуманные меры генерала Муравьёва, возбудившие столько порицаний и осуждения, привели в самое короткое время к положительным и наглядным результатам. Уже к концу июля исчезли в Северо-Западном крае все проявления крамолы польской; паны и ксендзы присмирели; Вильна и другие города превратились, можно сказать, из польских городов в русские. Царские дни 22 и 27 июля[178] праздновались с обычной торжественностью: смотря на толпы народа, стекающегося в костел, теснившегося на гулянии и на иллюминации, — можно было позабыть, что так недавно еще был поколеблен в крае строй гражданский и нравственный.

По инициативе виленского губернского предводителя дворянства действительного статского советника Александра Фадеевича Домейко, составлен был всеподданнейший адрес от имени виленского дворянства с изъявлением прискорбия о постигших Северо-Западный край смутах и с уверениями в верноподданнических чувствах, причем признавалась полная неразделенность края с Россией. Адрес был представлен депутацией генералу Муравьёву в день рождения императрицы, 27 июля. Первоначально под адресом подписались 235 дворян; но потом постепенно добавлялись подписи прочих членов дворянства губернии, и длинные списки имен публиковались в несколько приемов.

Это был первый сигнал, за которым последовал целый ряд других подобных же верноподданнических адресов от разных губерний, уездов, сословий и т.д. Первым после виленского дворянства подан был адрес от Виленского же еврейского общества. В течение всего августа являлись в Вильну к генералу Муравьёву депутации, просившие о представлении Государю этих адресов.

Одной из последних была депутания от дворянства Ковенской губернии, представившая 25 августа адрес за подписью 671 дворянина.

Такой переворот в положении Северо-Западного края был, конечно, крайне досаден для руководителей польского восстания, старавшихся всеми средствами поддерживать в глазах Европы солидарность Литвы с Польшей. Заграничная польская печать приложила все усилия, чтобы подорвать значение подносимых литовским дворянством адресов, разглашая, что подписи под ними или фальшивые, или вынужденные русскими властями. Принявший на себя инициативу в этом деле А.Ф. Домейко чуть не поплатился за это своей жизнью. Утром 30 июля совершено было против него, в собственном его кабинете, покушение выстрелом из револьвера. К счастью, рана оказалась неопасной; вбежавший же в комнату слуга получил более тяжелое увечье. Преступник был схвачен и оказался одним из пяти присланных в Вильну злодеев, по распоряжению тайного Варшавского Жонда.

Случай этот произвел в крае, так же как и в Петербурге, тягостное впечатление, напомнив, что под покровом наружного успокоения тлеют еще остатки недавнего пожара. Впрочем, можно было утешаться тем фактом, что покушение на жизнь виленского предводителя дворянства оказалось делом присланных из Варшавы злодеев, а не местных притаившихся органов мятежа. Следствие по делу об этом покушении повело к открытию некоторых новых фактов и участников бывшей революционной организации в Вильне. В числе арестованных личностей попались семеро из числа так называемых жандармов-вешателей, которые и были казнены повешением. Из числа же главных вожаков последнего революционного комитета в Вильне, один, Малаховский, успел своевременно бежать; другой Авейде, был схвачен на станции железной дороги в ту самую минуту, когда он также намеревался бежать. Только Калиновскому удалось еще некоторое время оставаться в Вильне, скрываясь от розысков полиции: он был арестован только в январе следующего 1864 года и казнен 7 марта того же года.

В течение августа вооруженный мятеж был уже настолько подавлен во всем Северо-Западном крае, что генерал Муравьев счел возможным уступить некоторую часть войск Виленского округа в распоряжение графа Берга, который постоянно жаловался на недостаточность сил в Царстве Польском. Как уже было сказано, туда передвинута была 2-я пехотная дивизия. Генерал Муравьёв с сожалением расстался с полками этой дивизии и с начальником ее, боевым кавказским генералом Манюкиным. Вместо него командующим войсками в Гродненской гу-

бернии назначен генерал-лейтенант Гольтгоер, начальник 3-й пехотной дивизии, который однако же далеко не мог заменить Манюкина. Впрочем он и не долго оставался на своем новом месте: вскоре был он уволен по расстроенному здоровью, и вместо него, по просьбе генерала Муравьёва, принял начальство 3-й пехотной дивизии генерал-майор Ганецкий (Иван Степанович), не успевший еще принять 16-ю пехотную дивизию. Кроме уступки 2-й пехотной дивизии, Муравьёвым оказана была еще и другая подмога Царству Польскому: занятие Мариампольского уезда Августовской губернии было возложено на войска Виленского округа, а вскоре потом и вся эта губерния была присоединена временно к району Виленского округа, — чего так давно желало тамошнее население. Начальство в Августовской губернии было возложено на генерал-лейтенанта Бакланова, старого казака, боевого кавказского генерала, отличавшегося энергичным характером и потому вполне подходившего к требованиям Муравьёва.

Царский день 30 августа опять был отпразднован в Вильне и во всем крае с подобающей торжественностью. По этому случаю явились к генералу Муравьёву депутации от крестьян разных местностей с выражениями благодарности Царю-Освободителю. Прибывший в это время в Вильну корреспондент английской газеты «Morning Herald» был крайне удивлен, найдя в крае не только полное спокойствие и порядок, но даже оживление и праздничный вид. Получив от генерала Муравьёва возможность собственными глазами проверить все, что желал видеть, не исключая тюрем и мест заключения политических преступников, английский газетный соглядатай в своих отчетах отнесся с большими похвалами о деятельности Муравьёва и добросовестно опровергал распускаемые поляками во всей Европе ложные известия о мнимых победах инсургентов и воображаемой силе мятежа.

Но правдивые отзывы одной газеты были как бы единичным слабым голосом, терявшимся в шумном, неистовом крике целой толпы. Статьи одного корреспондента не могли разом образумить общественное мнение всей Европы, извращенное систематической ложью большей части печати.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕ И НАРОДЕ

Вооруженный мятеж поляков и дипломатическое вмешательство Европы, столь прискорбные сами по себе, имели однако же и свою полезную сторону для России. Они произвели благоприятный перелом в настроении умов в среде наших образованных слоев; открыли глаза той части нашей интеллигенции, которая в

течение двух предшествовавших лет легкомысленно поддавалась в сети польской интриги*. Значительное число молодых людей, студентов, юнкеров, офицеров и других, которые сочувствовали польскому движению и на содействие которых даже рассчитывали вожаки его, теперь отрезвилось, поняло, куда вело их безрассудное увлечение. Вместе с тем и в простом народе проявилась такая живая, нравственная сила, которой враги России не подозревали. Поляки и заграничные друзья их сильно ошиблись, поверив русским революционерам, распространявшим ложные сведения, будто Россия накануне общего переворота, будто народ только и ждет случая к общему восстанию. Вместо того, что же оказалось в действительности? Польское восстание вызвало в народе общее патриотическое одушевление; вместо содействия полякам, в народе выказалось такое озлобление против них, что во многих местностях внутри России крестьяне сами хватали и представляли начальству лиц, казавшихся им подозрительными, а в Казанской губернии был даже случай, что крестьяне избили офицеров только потому, что между ними были поляки, говорившие по-польски.

Вмешательство Европы в наши польские дела только усилило общее чувство негодования в России и вызвало те горячие, патриотические заявления, которыми были полны бесчисленные адресы, стекавшиеся к подножию Престола изо всех углов Империи, от всех сословий, разных народностей и вероисповеданий. В продолжение всего лета присылались депутации с этими адресами; каждое воскресенье, после обедни, в Царском Селе Государь принимал их и обходился с ними с обычной своей сердечностью. Затем адресы публиковались в газетах вместе с известиями о разных других манифестациях в патриотическом смысле, в виде пожертвований, подписок и т.п.

Первопрестольная столица, недаром признаваемая сердцем России, не ограничилась одними заявлениями чувств; она пожелала на деле выразить готовность свою придти на помощь правительству в трудных обстоятельствах — мятежа внутреннего и угрозы войной извне. В заседании 18 мая Московской Городской думы, только недавно начавшей свое существование, председатель ее князь А.А. Щербатов в красноречивой речи предложил на обсуждение мысль о сформировании временной охранительной стражи из благонадежных, постоянных обывателей города, с той целью, чтобы дать возможность правительству, в случае надобности, располагать войсками Московского гарнизона, возложив караульную службу в городе на временную охрани-

* В автографе зачеркнуто: «под влиянием ложного либерализма» *(примеч. публ.)*.

тельную стражу, а вместе с тем усилить и полицию московскую, признанную крайне недостаточной для охранения города от опасности, подобной той, которой подвергся Петербург в прошлом году. Предположение это было принято единодушно всеми представителями городского общества с таким энтузиазмом, что вопреки совету председателя отложить решение до следующего заседания, постановлено было немедленно же подписать приговор и отправить с ним депутацию в Петербург. Лишь только сделалось известно в городе о постановлении Думы, вся Москва спешила выразить князю Щербатову свое сочувствие; множество обывателей города заявило ему свою готовность поступить в предположенную стражу. Князь Щербатов сам повез в Петербург приговор Московской Думы; он был немедленно принят Государем, который весьма милостиво поручил ему объявить москвичам Высочайшую признательность за новое выражение их патриотизма, и хотя Его Величество признавал, что обстоятельства еще не требовали вывода войск из Москвы и замены их ополчением, однако ж Московской Думе разрешено было образовать из своей среды комиссию для заблаговременной разработки подробного проекта устройства в случае надобности предположенной временной городской стражи.

Одним из замечательных адресов был присланный от заграничных старообрядцев, некрасовцев[179], поселенных на Дунае в Добрудже. И они, несмотря на полуторавековое свое выселение из отечества, откликнулись на общий голос России против польских домогательств. Они выразили при этом свое негодование по поводу замысла поляков, собравшихся в Дунайских Княжествах завлечь их, русских выходцев, в свои шайки.

С наступлением августа, как было упомянуто, началось представление адресов из Западного края. Хотя никто не доверял искренности заявлений раскаяния и верноподданнических чувств поляков, однако ж эти адресы представляли для русского общественного мнения особое немаловажное значение — как знамение окончательного подавления в том крае польской крамолы, как формальное отречение польского дворянства западных губерний от дерзких замыслов оторвать тот край от России. В этом заключался блестящий результат энергической деятельности генерала Муравьева, который в самое короткое время приобрел чрезвычайную популярность в России, наравне с князем А.М. Горчаковым, оградившим честь и достоинство России от посягательства целой Европы. Михаил Николаевич Муравьёв и князь Александр Михайлович Горчаков оба сделались любимцами всего русского народа, героями дня. И тот, и другой были осыпаемы бесчисленными телеграммами, адресами, письмами, выражениями благодарности и сочувствия. Ни один официальный обед, ни одно

М.Н. Муравьёв

торжество не обходились без горячих речей и тостов в честь их, а простой народ служил за их здоровье молебствия и подносил им иконы. Киевский университет св. Владимира, избрав князя Горчакова своим почетным членом, выразил в дипломе на это звание «свое искреннее сочувствие к неутомимым трудам вице-канцлера для охранения достоинства и славы нашего отечества в борьбе с враждебными нам державами, посягнувшими на права и независимость нашего могущественного государства».

Все эти патриотические манифестации не остались без некоторого влияния на политические соображения. Иностранцы были поражены таким общим и неожиданным для них проявлением национального духа в России. Английский посол, лорд Нэпир, в одной из своих депеш к графу Росселю, писал: «В случае вмешательства или угрозы со стороны иностранных держав, воодушевление будет чрезвычайно сильное. Все национальные и религиозные страсти русского народа затронуты польским вопросом. Рекруты спешат стать в ряды войска с небывалым рвением, твердо уверенные в неизбежности войны за веру...»[180]

Сами поляки были крайне озадачены, встретив в русском народе такой дружный отпор вместо предполагавшихся внутренних смут и разложения, на которые они рассчитывали. Между тем и надежды их на помощь извне также не сбывались; поляки начали догадываться, что ни одна держава не намерена обнажить меча за Польшу. Князь Владислав Чарторийский в письме к графу Росселю от 18/30 августа прямо высказывал, что дипломатическое вмешательство трех держав более повредило, чем помогло польскому делу, именно потому, что возбудило против поляков весь народ русский[181].

Действительно, тогдашнее возбуждение национального чувства и патриотизма во всех слоях русского народа подобно тому, как и в другие исторические эпохи России, дало твердую опору русскому правительству в борьбе с польским восстанием, поддержанным европейской дипломатией. Возбуждение это несомненно отразилось и в воззрениях самого Государя и ближайших его советников на дальнейшее направление польских дел. После всех неудачных опытов действия в примирительном смысле, после совершенного fiasco мечтательных планов маркиза Велёпольского, можно было окончательно убедиться в безвыходности такого пути. Сам Велёпольский, сознав неосуществимость своего идеала, лишенный опоры и в польском народе, и доверия русского правительства, вынужден был бросить дело; он уехал за границу (4 июля) и вскоре совсем вышел в отставку (31 августа / 12 сентября). По мере того, как яснее высказывались несбыточные, наглые домогательства поляков, по мере упорства их в борьбе, — все более укреплялось в мнении Государя убеждение в невозможности установления какого-либо прочного modus vivendi на основах полной автономии Царства Польского, убеждение в необходимости энергических мер не только для подавления вооруженного мятежа, но и для последующего утверждения русской власти в Царстве Польском. Такое решение польского вопроса, конечно, расходилось совершенно с требованиями держав, принявших сторону Польши, — но и зато представляло единственное верное средство, чтобы на будущее время обеспечить безопасность и спокойствие Империи, и вместе с тем наиболее согласовалось с выразившимся так единодушно патриотическим чувством русского народа.

Однако ж нельзя сказать, чтобы такой взгляд на польское дело был общий в русском обществе: было немало таких личностей, даже среди высших правительственных сфер, которые оставались при прежних иллюзиях, мечтая еще о примирении с поляками, о предоставлении Царству Польскому отдельных автономных учреждений, об ограждении прав польской национальности. Между такими заступниками Польши одни руково-

дились отвлеченными принципами равноправности всех народностей; другие — просто по добродушию принимали на себя роль покровителей несчастных и угнетенных; некоторые же, может быть даже большая часть, поддавались личному влиянию ловких агентов польских интриг, иногда сами этого не подозревая. Были, наконец, и такие, которые смотрели на польский вопрос только с точки зрения европейской политики и находили необходимыми уступки требованиям Европы собственно для того, чтобы избегнуть войны. К числу последних принадлежали, конечно, многие из наших дипломатов. Так, для примера приведу выписку из письма посланника нашего в Турине, графа Стакельберга (от 15/27 сентября). Вот что писал мне старый мой товарищ: «Первейший долг наш справиться во что бы то ни стало с мятежом, а потом не менее необходимо будет провозгласить в Польше хотя подобие народного управления, которым мы рот зажмем западным крикунам. Обиженного Наполеона, конечно, трудно будет задобрить; но главное — отделить от него Англию и Австрию...»[182]

Такой взгляд на способ решения польского вопроса может быть объяснен только особым положением дипломата, живущего постоянно за границей, среди иностранцев и читающего исключительно иностранные газеты; но подобные же легкомысленные мнения менее извинительны, когда они провозглашаются людьми чисто русскими, имеющими возможность следить изблизи за всеми перипетиями кровавой драмы, разыгрывавшейся уже третий год в Польше и в западных губерниях. Разве вожаки польского восстания не заявляли сами неоднократно и во всеуслышание, что никакая автономия, дарованная Россией Царству Польскому, не удовлетворила бы поляков, домогавшихся восстановления независимой Польши в пределах 1772 года? Следовательно, не только предоставление Польше «подобия народного управления», как советовал граф Стакельберг, но даже возвращение конституции 1815 года, как требовало английское правительство, не привели бы к прочному умиротворению Польши, а доставили бы только кратковременное перемирие, которым она неминуемо воспользовалась бы, чтобы подготовиться к возобновлению борьбы с большим, чем когда-либо упорством.

В известной части нашего образованного общества часто мнения образуются под влиянием иностранной печати. Поэтому не мудрено, что в описываемую эпоху было у нас немало личностей, подчинявшихся невольно, почти бессознательно пристрастным и недобросовестным разглагольствованиям иностранных газет*. Впрочем и в нашей русской печати того времени да-

---

* В автографе зачеркнуто: «большей частью державших сторону поляков против России» *(примеч. публ.)*.

леко не было единства во взгляде на польское дело. Не говорю уже о таких периодических изданиях, которые прямо имели революционное направление*; но были и такие, которые явно высказывали сочувствие к полякам во имя либеральных принципов и вели горячую полемику с газетами, отличавшимися русским патриотическим настроением. К числу таких изданий с полонофильским оттенком принадлежали «Петербургские Ведомости», редакция которых с 1 января 1863 года перешла от Очкина к В.Ф. Коршу, и «Голос», новая газета, издание которой началось только с того же 1 января, под редакцией А.А. Краевского. Во главе же противоположного лагеря, то есть представителями русского патриотического направления стали «Московские Ведомости» и «Русский Инвалид».

«Московские Ведомости», поступившие с 1 января этого года под редакцию Каткова и Леонтьева (бывших профессоров Московского университета), сразу приобрели необыкновенную популярность своими сильными, блестящими статьями по делам польским, своими обличениями систематической лжи иностранных газет и польских интриг. Статьи эти, вполне согласовавшиеся с тогдашним общим настроением народа, читались с энтузиазмом во всей России и в свою очередь имели сильное влияние на общественное мнение, возбуждая еще более чувство народное[184]. Редакторы «Московских Ведомостей» сделались героями дня; их чествовали и прославляли. 9 июня в московском Английском клубе дан был в честь Каткова торжественный обед, к которому, несмотря на летнее, глухое время, съехалось до 136 членов клуба и гостей. Один из распорядителей пира, Н.А. Жеребцов, в произнесенной речи не поскупился на похвалы заслугам «Московских Ведомостей», которые, по выражению оратора, «верно выразили русские чувства и русские мысли», которые «укрепляют верование в русскую силу». Речь закончилась тостом за здоровье Каткова и восторженными возгласами всех присутствовавших, которые вставали со своих мест и подходили чокаться с виновником торжества. В том же смысле говорил и новый городской голова князь А.А. Щербатов. Расстроенный и смущенный Катков в ответной своей речи скромно выразил желание поделиться своим торжеством с сотрудником и другом — Павлом Михайловичем Леонтьевым. В этой-то речи вылилось знаменитое изречение, которое потом часто припоминалось насмешливыми противниками «Московских Ведомос-

---

* Несмотря на тогдашнее, сравнительно снисходительное отношение цензуры, некоторые из периодических изданий, признанные положительно вредными, были прекращены. Так в мае прекращено «Время», а вслед за тем «Современное Слово»[183].

тей»: говоря о редком единодушии между обоими редакторами, Катков сказал: «Если б мы вздумали с ним (т.е. с Леонтьевым) размежеваться в нашем образе мыслей, в наших чувствованиях, в нашей деятельности, то труд наш был бы напрасен и ни в чем не могли бы мы указать, где оканчивается один из нас, где начинается другой...» На этих словах речь прервана была провозглашением тоста в честь Павла Михайловича Леонтьева. Продолжая снова речь свою, Катков восхвалял общее настроение всего русского народа в ту эпоху и закончил предложением тоста «за торжество всеобъемлющего народного чувства, которое соединяет теперь всех детей Русской земли, всех верных подданных русского Царя...» Ответом на эти слова были, конечно, новые восторженные крики и тост за Государя. Сказано было еще много речей, провозглашены еще тосты в честь Михаила Николаевича Муравьёва, за русского солдата и т.д. Упоминаю так подробно об этом обеде именно потому, что в нем выразилось наглядно тогдашнее настроение не одного лишь московского Английского клуба, но всей Москвы и даже России.

Союзником «Московских Ведомостей» в газетной борьбе с полонофильством и ложью иностранной печати был «Русский Инвалид», который в этом году принял размеры и характер большой политической газеты. Главным редактором назначен был полковник Генерального штаба Романовский — человек испытанной честности и одушевленный искренним русским патриотизмом. От меня он получал главное руководство в ведении политической части газеты: каждый вечер приходил он ко мне с корректурными оттисками и заготовленными статьями. Сотрудниками были некоторые из ученых, пользовавшихся известностью специалистов по части славянства: Коялович, Гильфердинг, Бестужев-Рюмин, Ламанский и другие. Статьи «Инвалида» обращали на себя внимание не только у нас, но и за границей; они перепечатывались в других газетах и часто служили ответом на появлявшиеся чуть не ежедневно в иностранной печати превратные толкования в польском смысле и пасквили на Россию. Редактирование политических статей в «Инвалиде» было делом нелегким, требовало большого такта и осторожности, так как издание это было официальным органом Военного министерства.

Ведение газетной полемики по вопросам часто политическим было, конечно, не делом Военного министерства, но неоднократные попытки мои убедить нашего вице-канцлера, чтобы он принял на себя вести рядом с дипломатической войной и войну газетную — не имели успеха. Напрасно я доказывал, как невыгодно ограничиваться презрительным молчанием в ответ на гнусные против России выходки иностранной подкупленной пе-

чати; напрасно приводил в пример Наполеона III и Кавура, которые в таких колоссальных размерах пользовались печатью как орудием для политических замыслов; князь Горчаков показывал на этот счет крайнее упрямство и постоянно отклонял участие Министерства иностранных дел в газетной войне. На поддержку печати нужны были более или менее значительные расходы, а вице-канцлер наш славился своей скупостью, как на свои собственные, так и на казенные деньги. Между тем пренебрегать таким могущественным орудием, какова печать в наше время, при тогдашних обстоятельствах было даже опасно. Министерство внутренних дел также не брало на себя инициативы. Вот почему я решился принять на себя дело, которое вполне признавал чуждым Военному министерству. Кроме полемики в «Русском Инвалиде», предпринято было еще издание той же редакцией литографированного листка, в подражание иностранным литографированным корреспонденциям, под заглавием «Correspondance russe»: еженедельно выходил листок на двух языках: французском и немецком, с известиями о том, что происходило в России, в особенности о польских делах, и с разъяснениями разных случаев и происшествий, с исправлениями появлявшихся в иностранных газетах неверных сведений. Листки эти рассылались за умеренную плату в редакции иностранных и русских газет, которые охотно черпали из «Русской литографированной корреспонденции» текущие известия и нередко пользовались ее разъяснениями. Издание это продолжалось во все время польских смут и прекращено было, когда миновала самая цель издания.

ОБЩЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ АВГУСТА

В течение лета происходили обычные путешествия и свидания Царственных особ — свидания, которым всегда придается более или менее политическое значение. Прусский король, пробыв около месяца в Карлсбаде, в конце июля имел в Гаштейне свидание с императором австрийским и затем переехал в Баден, где уже находилась королева Августа, после поездки в Англию и посещения королевы Виктории. Последняя также предприняла поездку на континент, посетила бельгийский двор и потом провела почти весь август в замке Розенау (близ Франкфурта-на-Майне) у своей второй дочери Алисы, вступившей в прошлом году в брак с принцем Гессенским Фридрихом. В конце августа королева Виктория возвратилась в Англию.

Император австрийский, после свидания в Гаштейне с королем Вильгельмом, в начале августа отправился во Франкфурт,

где назначен был 4/16-го числа съезд германских государей на конгресс, для обсуждения предложений Австрии по возбужденному в то время вопросу о реформе Союза Германского с целью упрочения его единства и силы[185]. На конгресс съехались почти все германские государи, за исключением однако же прусского монарха, который, несмотря на повторенные настоятельные приглашения, решительно отказался от участия в конгрессе. Пруссия не могла сочувствовать австрийскому проекту, в основу которого положено было главенство австрийского императора в Союзе, тогда как Пруссия сама домогалась первенства, или, по крайней мере, равноправности с Австрией. Совещания конгресса продолжались до 20 августа / 1 сентября; результатом их было то, что принятые большинством членов Союза предложения о новом политическом устройстве Германии были отвергнуты Пруссией, и таким образом, вместо желанного скрепления Союза, угрожало ему распадение. Венский кабинет, убедившись в невозможности придти к общему соглашению, счел более осторожным отложить дело, тем более, что в то время внимание Германии обратилось на другой вопрос — Шлезвиг-Голштинский.

Вопрос этот, тогда казавшийся второстепенным, специально германским, получил потом такое неожиданное значение и повел к таким важным последствиям в общеевропейской политике, что для уразумения последующих событий, необходимо было бы здесь пояснить, хотя в главных чертах, сущность возникших между Германией и Данией недоразумений[186]. Но так как дело это приняло острый характер только к концу года, то отложу объяснение этого вопроса до другого места, чтобы теперь обратиться к тому моменту, на котором остановился мой рассказ, то есть к концу июля и началу августа.

После ответных депеш князя Горчакова от 1 июля[187], как было уже сказано, вся Европа ожидала с напряженным вниманием дальнейших решений трех кабинетов, Французского, Английского и Австрийского, относительно польского вопроса. Конечно, более всех волновались поляки, нетерпеливо ожидавшие объявления войны. Можно сказать, что в этот момент вопрос о войне висел на волоске. К счастью, миролюбивое настроение взяло верх не только в Англии, но и во Франции, где преимущественно поляки находили горячих покровителей. Все усилия Наполеона подвинуть Англию и Австрию к дружному, энергичному давлению на Россию встретили со стороны Лондонского и Венского кабинетов пассивное отношение. Не без труда дипломаты пришли, наконец, к соглашению в редакции новых дипломатических депеш, которые условлено было отправить одновременно к послам трех держав в Пе-

тербурге*. 7/19 августа депеши эти были предъявлены послами нашему вице-канцлеру.

Все три депеши, различаясь между собой лишь в редакции, были почти одинакового содержания. В сущности, они заключали в себе повторение прежних аргументов в опровержение соображений, изложенных в депешах князя Горчакова, о невозможности заключения перемирия с мятежниками и дарования Польше каких бы то ни было либеральных учреждений, пока мятеж еще в полном разгаре; повторялись и прежние толкования обязательности для России трактатов 1815 года. К французской депеше приложена была длинная мемория о значении упомянутых договоров, на которые до того времени Парижский кабинет избегал ссылаться. Это был чисто ученый трактат по международному праву; да и самые депеши имели характер более полемический, чем практический. Все три заканчивались следующим заключением: «Франция, Великобритания и Австрия указывали на необходимость положить предел прискорбному положению дел, угрожающему спокойствию Европы; они вместе с тем предлагали и средства к достижению этой цели и свое содействие. Если ж Россия не делает всего от нее зависящего для осуществления умеренных и примирительных намерений трех держав, если она не вступает на путь, указанный ей дружественными советами, то на нее должна пасть и ответственность за важные последствия, могущие произойти от продления смут в Польше...»

Таков был заключительный вывод всей этой продолжительной дипломатической полемики. Приведенные ноты были чем-то вроде точки в конце длинного периода; в них проглядывало сознание бессилия и бесплодности предпринятого коллективного вмешательства, — и тем дипломатическая кампания могла бы почесться законченной. России были развязаны руки, чтобы покончить польское дело по собственному ее разумению. Однако ж вице-канцлер не оставил этих нот без ответа. Лишь только возвратился Государь в Царское Село из своей поездки в Нижний, князь Горчаков представил на Высочайшее утверждение заготовленные им ответные депеши, которые и были отправлены 14/26 августа в Париж, Лондон и Вену[189]. В депешах этих вице-канцлер уклонился от дальнейшей полемики по тем вопросам, по которым выказалась полная невозможность придти к общему соглашению, и ограничился ответом собственно на заключительное заявление трех держав. Признав выраженное ими желание скорейшего восстановления спокойствия в Польше совер-

* Депеши были отправлены: из Парижа 30 июля / 11 августа, а из Вены и Лондона 31 июля / 12 августа[188].

шенно совпадающим с собственными видами русского правительства, князь Горчаков выразился так: «Наш Августейший Государь по-прежнему проникнут самыми благосклонными намерениями относительно Польши и самыми примирительными чувствами относительно иностранных держав. Забота о благосостоянии всех его подданных без различия племен есть долг, который Е.И.В. возложил на себя перед лицом Всевышнего, перед своей совестью и перед своими народами. Государь император посвящает все свои старания исполнению этого долга. Что же касается той ответственности, которая могла бы пасть на Его Величество по международным отношениям, то эти отношения определяются международным правом. Лишь нарушение основных начал этого права может навлечь ответственность. Наш Августейший Государь постоянно уважает и соблюдает эти начала относительно других государств. Его Величество вправе ожидать и требовать того же уважения со стороны других держав».

Кроме этого одинакового во всех трех депешах заключения, в депешу на имя барона Будберга включена была особая оговорка по одному пункту депеши Друэнь-де-Люиса, где французский министр некоторым образом коснулся западных областей Империи, как бы признавая их также подлежащими международным обязательствам России: «Императорское правительство не может допустить такого воззрения ни в какой мере, хотя бы самой ограниченной, и я прошу Ваше Превосходительство повторить г-ну Друэнь-де-Люису сделанное уже в прежней моей депеше заявление, что Е.В. Государь Император, всегда готовый строго выполнять свои обязательства относительно всех держав, считает долгом настоятельно исключить даже из дружественного обмена мыслей всякий намек на те части его Империи, которых не касается никакой международный договор...»

Наконец, ко всем трем ответным депешам была приложена пространная записка, служившая опровержением всего трактата о польских делах, сопровождавшего депешу французского министра иностранных дел. В русской записке мастерски изложен в историческом порядке весь ход дела присоединения к России разных польских земель, истинное значение договоров 1815 года по отношению собственно к Царству Польскому; затем припоминались все фазисы двух польских восстаний и, наконец, подробное разъяснение тех вопросов, в которых Россия расходилась во взглядах с другими державами.

Несмотря на примирительный тон этой записки и самых депеш князя Горчакова, ответы его опять подняли бурю в европейской печати. Газеты, хотя и восхваляли мастерство русских дипломатов, не скрывали однако раздражения против гордого и полного чувства достоинства русского ответа. Более всего горя-

чились, разумеется, во Франции; но одной Франции, без союзников, немыслимо было предпринять войну за Польшу; да едва ли и входило это в планы Наполеона. Всего вероятнее, что с самого начала он рассчитывал испугать Россию; поэтому во Франции горько жаловались на неискренность графа Росселя, который заранее и неоднократно заявлял в парламенте, что Англия не намерена воевать за Польшу. То же повторил английский министр и после последних ответов князя Горчакова, хотя попрежнему обвинял Россию в нарушении трактатов 1815 года, в ее мнимых жестокостях и угнетении Польши. Таким образом, все возражения князя Горчакова, казавшиеся нам столь убедительными, очевидными, прошли бесследно; Европа ни на шаг не отступила от прежних своих воззрений.

Большое впечатление произвело в то время появившееся в «Moniteur Universel» новое дерзкое воззвание Польского революционного комитета[190]. В этом наглом «манифесте» вожаки восстания снова высказывали сумасбродные свои требования полной независимости Польши вразрез дипломатическим попыткам успокоить восстание либеральными учреждениями. Появление такого документа в официальном органе французского правительства подало повод к большим толкам; говорили, что документ этот прислан из Биаррица прямо от Наполеона с приказанием опубликовать его.

В то же время вожаки польского восстания домогались от трех кабинетов признания мятежных шаек воюющей стороной (belligérants)*, причем указывали на исторические примеры: греков в 1826 году и бельгийцев в 1830**. Князь Вл<адислав> Чарторийский и сам принц Жером Наполеон ездили в Лондон, чтобы склонить к тому английское министерство. Они также добивались, чтобы Англия и Франция объявили Россию лишенной тех прав, которые были ей предоставлены на Царство Польское Венскими трактатами 1815 года, нарушенными ей самой неисполнением возложенных на нее тем же международным актом обязательств. Такие домогательства поляков были, разумеется, горячо поддержаны подкупленной печатью и сделались предметом дипломатических переговоров между тремя кабинетами.

Однако ж и в этом случае оказалось между ними совершенное разномыслие. Насколько Франции было бы приятно устранить хотя бы в частных вопросах силу договоров 1815 года, настолько же нарушение этих договоров противоречило политическим традициям Лондонского и Венского кабинетов. Призна-

---

* Письмо князя Владислава Чарторийского к графу Росселю от 18/30 августа.

** Его же письмо к тому же от 8/20 сентября[191].

ние же польских шаек воюющей стороной вовсе не могло соответствовать интересам Австрии. Опять начался бесконечный обмен дипломатическими депешами, и при этом все более обнаруживалась рознь в видах трех держав.

Отношения наши с Ватиканом после упомянутого выше ответного письма нашего Государя Папе (в конце апреля)[192] не только не улучшились, но все более и более становились натянутыми и неприязненными благодаря польскому влиянию в Риме. В означенном письме возобновлено было сделанное еще в прошлом году нашим правительством предложение о присылке в Петербург папского нунция в тех видах, чтобы Ватикан имел возможность проверить доходящие до него извращенные и заведомо ложные сведения о мнимом угнетении римско-католической церкви в России вообще и в частности в Польше. Но и эта попытка с нашей стороны к сближению с главой католицизма осталась без результата; римская курия отнеслась к означенному предложению совершенно безучастно и повторяла прежние свои жалобы и упреки. Вице-канцлер наш, препровождая означенное письмо Государя к нашему посланнику в Риме Н.Д. Киселёву, предварял его, что Государь готов пойти еще далее в своей уступчивости, а именно — допустить постоянного папского нунция в Петербург на таких же точно основаниях, какие установлены во Франции — стране католической. К этому добавлено в конфиденциальном письме князя Горчакова, что если и такую уступку с нашей стороны римская курия признает недостаточной, то на нее падет и ответственность за безуспешность всех попыток к сближению. В таком случае поручалось Киселёву огласить сделанные Петербургским кабинетом и отвергнутые Ватиканом предложения.

Письмо Государя было вручено Киселёвым кардиналу Антонелли в то самое время, когда удаление архиепископа Фелинского из Варшавы дало Ватикану новый повод к жалобам и упрекам. Папа Пий IX, приняв нашего посланника в особой аудиенции 6/18 июня, заявил ему, что при настоящих затруднительных обстоятельствах присутствие нунция в Петербурге едва ли принесло бы пользу и даже было бы неудобно («serait embarrassant»). Таким образом сам Папа лично отклонил предложенное ему соглашение; в Риме уже не стеснялись оказывать явно официально сочувствие и покровительство польскому мятежу.

Так, в августе месяце опубликован от имени кардинала-викария эдикт, которым установлялись особые молитвы «за несчастную Польшу», причем выражалось, что Его Святейшество Папа Пий IX, видя с сердечным прискорбием эту страну позорищем резни и крови, назначил торжественные процессии для испрошения Божьей помощи избавлению христианства от переносимых им тяжких испытаний. Духовные процессии по улицам

Рима и торжественные богослужения в церквах происходили несколько дней сряду с личным участием самого Папы, который в присутствии массы народа по целым часам стоял на коленях с распростертыми руками перед алтарем, молясь со слезами за Польшу. В процессиях пелись молитвы на польском языке; следовали толпы народа и во главе их князь Константин Чарторийский, австрийский посланник барон Бах в мундире, и множество высших сановников римских.

По случаю отъезда в то время из Рима русского посланника, первый секретарь посольства барон Мейндорф имел объяснение с кардиналом Антонелли по поводу происходивших странных манифестаций и оскорбительных отзывов о русском правительстве в официальных актах римской курии. С подобными же запросами обращался к кардиналу-викарию и прусский посланник генерал Виллизен. Но протесты того и другого дипломата оставлены без всякого внимания со стороны папского правительства.

Раздражение римской курии все усиливалось по мере того, как наше правительство строже поступало относительно католического духовенства в Польше и карало преступное участие его в мятеже. Также натянуты были и отношения Ватикана к прусскому правительству. В польских областях Пруссии католическое духовенство держало себя почти столь же враждебно к местным властям, как и в Царстве Польском. Напротив того, в Галиции оно было на стороне австрийского правительства. По этому поводу приведу здесь несколько строк из одного письма ко мне нашего военного агента в Вене генерал-майора барона Торнау: «Австрийское правительство опирается в Галиции на силу, которая стоит доброй армии: это католическое духовенство, направляемое римским двором, которого выгоды тесно связаны посредством конкордата с судьбой австрийской империи. Это духовенство, так сильно враждующее против нас в Царстве Польском, в Галиции, напротив того, поддерживает власть австрийского правительства. Мне самому приходилось здесь слышать от ультрамонтанов: хотите успокоить Польшу — так восстановите унию, заключите с Римом конкордат»[193].

В последних словах вкралось небольшое недоразумение: конкордат с Римом давно уже существовал у нас[194]; но курия не довольствовалась тем влиянием, которое предоставлялось ей этим конкордатом на римско-католическое население в Польше и вообще в России. Римско-католическая церковь всегда отличалась характером воинствующим, агрессивным, властолюбивым. Тесная связь между Ватиканом и польской смутой, как мне кажется, весьма удачно объяснена в одном письме, полученном мной из Ниццы от тайного советника Валерия Валерьевича Скрипи-

цына, имя которого связано с отменой унии в западной России[195]. Вот что писал он мне 14/26 марта 1863 года:

«Некогда независимая Польша жила и развивалась под властью чисто олигархической, особенно на счет русской народности. Эта власть и заключала в себе всю Польшу, а избирательные короли ее, кроме некоторых исключений, были только знаменем олигархии, которая одна неограниченно управляла бесправным народом польским и располагала судьбами государства. Поэтому дворянство польское составляло тогда род коллективной царствующей династии; а теперь оно представляет коллективного претендента, который, подобно всем претендентам, никогда не откажется от утраченного им права и не подчинится искренно никакой верховной власти, не исходящей из него самого. Никакое правительство никогда не успеет привлечь его на свою сторону никакими уступками, никакими привилегиями, никакими наградами, никаким утонченным к нему вниманием, точно так же, как Наполеон III, при всей своей ловкости, при всем своем могуществе и самодержавии во Франции, не успел бы привлечь на свою сторону ни графа Шамбора, ни принцев Орлеанских. Зная это, Наполеон и не ищет их расположения.

В этом олигархическом принципе заключается и теперь вся жизнь Польши, которая доселе волнует умы Европы, озабочивает наше правительство и так дорого стоит России. В этом же принципе, а не в религиозном фанатизме, как многие полагают, скрывается и причина тесного союза Польши с латинской церковью, в которой Папа также есть только знамя другой олигархической власти, заключающейся в конклаве и высшем духовенстве. Эти две олигархии связаны тождественностью своих принципов: обе они равномерно властолюбивы и завоевательны; обе равно отвергают всякую над собой власть и равно отрицают всякое перед ними право остального человечества. Вот почему они всегда идут рука об руку и до того связаны взаимным интересом, что правительство никогда не успеет их разделить и тщетно домогалось бы от Папы публичного порицания даже преступных действий поляков, если преступления эти имеют целью восстановить не уничтоженную, а только поколебленную в Польше олигархическую власть...»[196]

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ В ИЮЛЕ И АВГУСТЕ

Еще до отъезда Государя в Нижний доходили до него тревожные сведения относительно здоровья и настроения духа великого князя Константина Николаевича. И не удивительно, что тяжелое безотрадное положение, в котором он находился в Вар-

шаве в продолжение уже четырнадцати месяцев, постоянное напряжение всех сил нравственных в борьбе с польской крамолой, беспрерывные беспокойства — должны были подействовать на его нервную натуру. Великого князя не могла не огорчать полная неудача всех попыток к успокоению Польши либеральными уступками столько же, сколько и доходившие до него слухи о злых клеветах и подозрениях, распускаемых на его счет в Петербурге. Государь в письмах к своему брату убеждал его поберечь свои силы и здоровье, не обременять себя излишней работой, которую может предоставить помощнику своему. В то же время поручено было мне Государем сообщить и графу Бергу желание Его Величества, чтобы он в качестве помощника наместника и главнокомандующего старался облегчать труд великого князя, принимая на себя сколь можно бóльшую долю забот и распоряжений. На письмо мое от 1 августа граф Берг отвечал (6 августа)[197], что дошедшие до Государя слухи о чрезмерном обременении великого князя работой преувеличены; что только важнейшие дела доводятся до Его Высочества и что он, граф Берг, пользуясь полным доверием и благосклонным расположением великого князя, не уклоняется от всей тяжкой доли труда, которая должна лежать на помощнике, как по военной части, так и по гражданской.

Государь, по докладе мною ответного письма графа Берга, пригласил великого князя приехать на несколько дней в Царское Село для личных объяснений. Его Высочество немедленно выехал из Варшавы 13 августа утром и приехал в Царское Село 14-го числа к обеду. Выезд его из Варшавы сейчас же возбудил там толки, что он совсем оставляет свой пост, чтобы ехать лечиться за границу. Многие из русских, занимавших должности по гражданскому управлению в Царстве, уже заявили намерение возвратиться в Россию, что крайне встревожило графа Берга, который жаловался, что после этого бегства небольшого числа состоявших в Царстве русских чиновников, сделается совсем невозможным вести дело с одними польскими чиновниками, сочувствующими восстанию и парализующими действия правительства своим пассивным отношением к делу.

Великий князь Константин Николаевич оставался в Царском Селе около недели. В продолжение этого времени он сопровождал Государя в поездках в Красное Село и в Кронштадт. В Красном Селе 15 августа давался праздник от имени гвардии в честь петербургского биржевого купечества в благодарность за выказанное им сочувствие к войскам. Представители купечества в числе 23 человек, прибыли в Красное Село к 5 часам пополудни на экстренном поезде железной дороги и собрались во дворце великого князя Николая Николаевича, командира Гвардейского корпуса. Его Высочество, приняв радушно своих гостей, провел их в так называемую «гофмар-

шальскую» или «столовую палатку», которая по этому случаю была убрана по-праздничному. За обедом, при котором присутствовала большая часть начальствующих лиц гвардии, великий князь как хозяин, после обычного тоста за здоровье Государя, произнес речь, в которой выразил благодарность биржевому купечеству и провозгласил в честь его заздравный тост. Председатель Биржевого комитета Брант, в ответной речи своей, говорил о сочувственном единении всех сословий России при настоящих политических обстоятельствах и закончил тостом за здоровье «радушных хозяев настоящего праздника». Затем следовал целый ряд других тостов, и в заключение один из крупных представителей купечества барон Гауф провозгласил с одушевлением «за счастье и процветание общего нашего отечества». После обеда гости были приглашены в театр; к началу представления прибыл из Царского Села сам государь с великим князем Константином Николаевичем. В антрактах гости приглашены были на чай в боковые комнаты театрального здания; Государь беседовал с ними с обычной приветливостью. Они уехали из Красного Села в полном восхищении от приема.

На другой день, 16-го числа, утром Государь произвел общий маневр гвардейской кавалерии, собранной в Красном Селе и окрестностях его. Перед выездом Его Величества из Красносельского дворца местные крестьяне поднесли хлеб-соль и благодарность за новые дарованные государственным и удельным крестьянам права и льготы.

17 августа праздновалась в Царском Селе пятидесятилетняя годовщина Кульмского боя[198], которым русская гвардия имеет полное право гордиться. К обеду приглашены были в Царскосельский дворец все остававшиеся еще в живых наличные кавалеры Кульмского железного креста, начальники находившихся в Петербурге частей войск, Свита Государева и состоявший при особе Его Величества флигель-адъютант прусского короля полковник Лоен. Всего было за Царским столом до 120 лиц, а кроме того в соседней зале обедали 23 кавалера унтер-офицерского звания. В числе присутствовавших кульмских кавалеров находились генерал-адъютанты: адмирал Колзаков, Хомутов, Муравьёв (Карский), генералы: Данненберг и Ланской (члены Военного совета), Толмачев (директор Николаевской Измайловской военной богадельни), Клюпфель, Де-Витте (член Генерал-аудиториата), барон Вельо (царскосельский комендант), генерал-лейтенант Муравьёв (Александр Николаевич, бывший до 1861 года нижегородским военным губернатором), тайный советник Потемкин (известный в петербургском обществе в качестве «мужа Татьяны Борисовны»), полковники Мясников (гатчинский плац-майор) и Горчаков (роты дворцовых гренадер), два обер-офицера той же роты, и еще 12 отставных военных и чиновников. В числе этих почтенных ветеранов 1813 года один был так стар и хил, что не мог явиться к Царскому столу без сопровожде-

ния своего постоянного слуги, кормившего его, как ребенка. За обедом Государь провозгласил тост «за здоровье кульмских кавалеров и 1-й гвардейской пехотной дивизии, которая блистательно поддержала свою славу на полях Кульмской битвы, так же как и всегда и везде...» По окончании обеда Государь пригласил всех гостей перейти на открытую террасу — галерею дворца, и тут, обходя ветеранов, долго еще беседовал с ними на тему дорогих им воспоминаний великой эпохи. В тот же день, по случаю юбилея, пожалованы были мундиры Гвардейского генерального штаба генералам Муравьёву (Мих<аилу> Ник<олаевичу>) и Данненбергу, а Ланскому — кавалергардский.

19 августа, в понедельник, Государь с великим князем Константином Николаевичем посетили Кронштадт*, осмотрели во всей подробности вновь построенную броненосную батарею «Первенец», собиравшуюся в дальнее плавание (в составе эскадры контр-адмирала Лесовского); посетили одно из судов, прибывших из Тихого океана (транспорт «Гиляк»), обошли адмиралтейство и пароходный завод; затем, осмотрев укрепления северного фарватера, Государь отплыл обратно в Петербург, откуда возвратился в Царское Село; а великий князь остался до следующего дня в Кронштадте.

В продолжение пребывания великого князя Константина Николаевича в Царском Селе происходили неоднократные совещания по польским делам и приняты довольно важные решения. Прежде всего признано необходимым, чтобы Его Высочество для восстановления своего здоровья оставил Варшаву и отдохнул некоторое время в Крыму. Затем положено Августовскую губернию временно отделить от Царства Польского и подчинить начальству Виленского военного округа впредь до совершенного прекращения мятежа, а вместе с тем значительно усилить войска в Варшавском округе для нанесения повстанцам решительного удара. В то же время решено привлечь к польскому делу моего брата Николая Алексеевича, возвращение которого в Петербург из-за границы ожидалось к концу августа.

Для усиления войск в Царстве Польском, согласно настоятельным просьбам графа Берга**, решено направить в его распоряжение, кроме назначенной уже прежде 2-й пехотной дивизии из Виленского округа, еще 8-ю пехотную дивизию с драгунской бригадой 3-й кавалерийской из Киевского округа и 10-ю пехотную дивизию, входившую в состав 1-го резервного корпуса, из-под Москвы. Граф Берг, как уже сказано, брался с такими силами покон-

* Далее в автографе зачеркнуто: «прибыв около 1 часа пополудни на яхте «Александрия» на малый рейд, они выехали на катере в гавань» *(примеч. публ.)*.

** В приведенном уже выше письме его от 12/24 августа.

чить с мятежом в какие-нибудь 6 недель и к марту 1864 года возвратить эти войска. При этом он просил двинуть пехотные дивизии без артиллерии, которая, по его мнению, была бы излишним бременем при тогдашнем раздробленном действии малыми отрядами в погоне за шайками мятежников.

Предназначенное усиление войск в Царстве Польском вызвало большие передвижения, как для замещения частей, выступавших из Виленского и Киевского округов, так и по случаю утвержденного в то же время (13 августа) проекта формирования двенадцати новых пехотных дивизий (от 23-й до 34-й включительно), из резервных полков, сформированных из прежних резервных батальонов 1-й, 2-й, 3-й и 5-й резервных дивизий. Всем этим 48 полкам, переименованным в действующие, даны особые наименования, заимствованные от существовавших в прежнее время полков, упраздненных при общем переформировании армии в царствование императора Николая. Соответственно числу новых пехотных дивизий предстояло переформирование и полевой пешей артиллерии, причем каждая артиллерийская бригада на первое время была в составе трех батарей.

Новые дивизии были распределены по округам: 6 дивизий (с 26-й по 31-ю) — в Виленский, две (32-я и 33-я) — в Киевский и одна (34-я) — в Одесский, а три остальные (23-я, 24-я и 25-я) временно расположены во внутренних губерниях в распоряжении начальника резервов.

Сформирование и перемещение всех означенных дивизий, разумеется, требовали продолжительного времени и могли быть исполнены только к концу года. На первое же время положено было для замещения войск, выбывавших из Киевского округа, передвинуть в него 11-ю пехотную дивизию из Полтавской губернии и гусарскую бригаду 5-й кавалерийской — из Одесского округа. Кроме того направлены в оба эти округа два полка уральских казаков и один из временно сформированных малороссийских конных полков.

С приведением в исполнение всех предположенных передвижений военные силы в трех западных округах должны были возрасти до следующего почтенного размера:

В Варшавском	— до 130 батальонов,	155 эскадронов и сотен,	184 орудия	= 170 тысяч человек
— Виленском	119	84	146	= 145 тысяч
— Киевском	61	105	112	= 90 тысяч
Всего	до 310	334	442	= 405 тысяч человек

Таким образом число войск в одном Варшавском округе должно было возрасти на 73 тысячи человек против начала года, а во всех трех округах — почти на 200 тысяч человек.

Как только решены были главные вопросы относительно дальнейших мер к подавлению польского восстания, великий князь Константин Николаевич выехал из Царского Села 21 августа обратно в Варшаву и, пробыв там несколько дней, 28-го числа отправился со всем своим семейством в Крым заграничным путем. В Вене 29-го числа вечером Их Высочества были встречены на станции железной дороги самим императором Францем-Иосифом и эрцгерцогами в русских мундирах, при почетном карауле от австрийского полка, которого великий князь состоял шефом. Помещение было приготовлено в Императорском дворце (Burg). Их Высочества провели в Вене несколько дней; со стороны императора оказано было им самое радушное гостеприимство.

25 августа возвратился в Петербург мой брат Николай со всей своей семьей. Двухлетний отдых за границей принес ему видимую пользу, как для его здоровья, так и в психическом отношении. Он испытал на себе, как необходимо хотя на некоторое время оторваться от пошлой среды петербургского чиновничества, чтобы стать на более открытый и ясный горизонт во взгляде на дела и людей. Брат Николай, с природным своим здравым умом, с замечательной способностью легко обнимать самые сложные дела, всегда смотрел не с обычной бюрократической точки зрения, а глазами человека государственного. Пребывание же за границей, знакомство со многими замечательными личностями, обращение в среде иностранного общества расширили его взгляд и подняли его на высоту европейской точки зрения. Такой человек был крайне необходим для России, особенно в то время, когда возбуждены были у нас важнейшие основные вопросы государственные, когда предпринято было полное преобразование всего государственного строя. Но ему не суждено было приложить свои способности к разработке готовившихся тогда новых реформ в Империи; ему предназначалась особая, исключительная деятельность — по делу польскому.

Сколько радости было для меня обнять брата и друга после продолжительной нашей разлуки, столько же тяжело встретить его неутешительной вестью об ожидавшем его назначении, которое так пугало его и прежде, когда заговорили было о возможности подобного назначения. И тогда выражал он опасение взяться за новое, крайне тяжелое дело, к которому считал себя вовсе не подготовленным; так и теперь, узнав о предположении Государя возложить на него гражданское управление в Царстве Польском, он решился было на первых порах прямо отклонить

это назначение, несмотря на то, что я предварял его о безуспешности всех сделанных уже мной попыток избавить его от этой горькой чаши. Государь уже несколько раз спрашивал меня, приехал ли мой брат, и когда узнал, наконец, о его прибытии, назначил ему аудиенцию 31 августа в Царском Селе. В немногие остававшиеся до того дни мы с братом имели частые и продолжительные разговоры о польских делах, и чем более обсуждали мы способы прочного на будущее время устройства Царства в тесном единении с Россией, при тогдашней обстановке и обстоятельствах, тем более задача эта представлялась нам трудной и неблагодарной.

30 августа, утром, Государь приехал из Царского Села в Петербург, прямо в Александро-Невскую лавру, куда назначено было собираться всему чиновному люду. Церемониального шествия не было на этот раз, кроме установленной церковной процессии. После службы в лавре и завтрака у митрополита Исидора, Государь возвратился в Царское Село. В этот день, по обыкновению, было большое производство в чины по военному ведомству и много крупных наград*. Между прочим генерал-губернаторы виленский — генерал Муравьев и киевский — генерал-адъютант Анненков награждены орденом св. Андрея; а командир Отдельного корпуса внутренней стражи генерал Лауниц, принимавший самое деятельное участие в формировании новых сил военных, получил звание генерал-адъютанта.

31 августа, накануне отъезда своего в Гельсингфорс, Государь принял моего брата и продержал его довольно долго в своем кабинете. После самой благосклонной и любезной встречи Его Величество высказал весьма обстоятельно свой взгляд на польское дело, указав на сделанные попытки успокоения края посредством целого ряда мер в либеральном смысле, на безуспешность всех уступок, убедивших окончательно в невозможности достижения этим путем прочного утверждения порядка и спокойствия. Решившись принять иное направление, поставив себе целью вопреки требованиям поляков и Европы, теснее связать Царство Польское с Россией, опираясь уже не на шляхту, как прежде, а на массу народа, на сельское население, Государь привел свою речь к тому заключению, что в этом важном деле надеется найти в брате моем самого способного и энергичного работника, почему и решил назначить его начальником гражданского управления в Царстве. Как ни старался брат мой разу-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «в том числе произведены в полные генералы командир Гренадерского корпуса генерал-адъютант Гильденштуббе, а в генерал-лейтенанты генерал-адъютант Тимашев и Свиты — генерал-майор Ахматов (обер-прокурор Синода)» *(примеч. публ.)*.

бедить в этом Государя, ссылаясь на свою неподготовленность к новому для него делу, на совершенное незнание края, учреждений его, языка, нравов, а вследствие этого на неспособность оправдать ожидания, Его Величество настоял на том, чтобы брат на первый раз ознакомился с положением дел, чтобы собрать необходимые сведения, переговорил, с кем найдет нужным, и, пересмотрев несколько записок и докладов, взятых тут же с письменного стола, высказал по ним свои соображения при вторичной аудиенции, которая будет назначена ему по возвращении Государя из Финляндии.

С стесненным сердцем вышел брат из Государева кабинета, убедившись в невозможности отделаться от предназначенной ему участи. Обращение с ним Государя было так благосклонно и любезно, столько было высказано лестного для брата, что можно было позабыть всякие личные эгоистические побуждения и без оглядки пойти на самые тяжкие испытания. Но у брата преобладали побуждения совсем иного рода: он действительно боялся и считал недобросовестным взяться за такое дело, в котором не надеялся достигнуть желанного успеха. Он всегда имел в виду прежде всего пользу государственную; а тогдашнее положение дел в Польше представлялось ему в таком виде, что он отчаивался в успехе свой деятельности на этом поприще; опасался напрасной траты сил и времени. Однако ж, с другой стороны, беседа Государя произвела на него и успокоительное впечатление: он убедился в том, что взгляд Его Величества на польское дело и намерения его относительно будущего направления его вполне согласовались с собственным образом мыслей брата, всегда признававшего, что русскому правительству нечего уже рассчитывать на примирение с польской аристократией, пропитанной до мозга костей враждой и ненавистью к России в силу вековых исторических традиций, и что напротив того, не трудно поднять крестьянское население, высвободив его из-под гнета панов и шляхты, и тем приобрести в нем надежную опору для упрочения русской власти в Польше. При таком взгляде, задача наша в том крае сводилась бы, по крайней мере на первое время, — к устройству собственного быта крестьянского населения, а в таком специализованном объеме, предстоявшее дело уже менее пугало и не казалось неисполнимым.

Итак, возвратившись из Царского Села в Петербург, брат немедленно же принялся, с обычной своей ретивостью за изучение польских дел; начал обдумывать, как взяться за работу и кого привлечь к ней в помощь себе. В тот же день мне удалось видеться с ним весьма короткое время и только поверхностно переговорить о результате приема его Государем. Вечером же я должен был отправиться в Кронштадт, для сопровождения Госу-

даря в Финляндию. Свита Его Величества собралась заранее на яхте «Штандарт»; сам Государь прибыл к полуночи, и вскоре за тем мы снялись с якоря.

ОТКРЫТИЕ ФИНЛЯНДСКОГО СЕЙМА. СЕНТЯБРЬ

Торжественное открытие Финляндского сейма было назначено на 6/18 сентября. По этому случаю Государь вторично в этом году отправился в Финляндию в ночь на 1 сентября на яхте «Штандарт». Сопровождали его министры: Двора — генерал-адъютант граф Адлерберг 1 (Владимир Фёдорович), иностранных дел — князь Горчаков и я как военный министр; кроме того: управляющий Морским министерством генерал-адъютант Краббе, командующий Императорской главной квартирой граф Адлерберг 2 (Александр Владимирович), генерал-адъютант граф Ламберт (Иосиф), Свиты контр-адмирал Аркас, чины Военно-походной канцелярии и доктор Карель.

Что касается министра-статс-секретаря Великого княжества Финляндского действительного тайного советника графа Армфельда и товарища его тайного советника барона Шернваль-Валлена, то они оба, как лица ближе всех других имевшие отношение к предстоявшему торжеству, выехали вперед и ожидали Государя в Гельсингфорсе; великие же князья Александр, Владимир и Алексей Александровичи и Николай Константинович отплыли из Кронштадта позже Государя, 3-го числа на фрегате «Олаф» и прибыли в Гельсингфорс только 4 сентября.

Яхта «Штандарт», снявшись с якоря в 1-м часу ночи, поплыла в сопровождении яхты «Александрия» и парохода «Рюрик», между двумя линиями стоявших на большом рейде иллюминованных судов. Погода была довольно свежая, так что ночью нас порядочно покачивало; но к утру, с приближением к шхерам, ветер стих, и море успокоилось. К 8 часам утра прибыли к Транзунду. Государь осматривал произведенные тут инженерные работы и вооружение батарей, возведенных для защиты проходов между островами на пути к Выборгу. Пересев на яхту «Александрия», мы продолжили путь к этому городу, куда прибыли около полудня. Государь слушал обедню (день был воскресный) во временной деревянной церкви (каменная перестраивалась), потом произвел смотр Выборгскому крепостному батальону, принимал в губернаторском доме местные власти, духовенство, купечество, депутации от граждан и крестьян и навестил действительного тайного советника барона Николаи в его прелестном загородном имении, известном «Monrepos». Возвратившись в Транзунд и снова пересев на яхту «Штандарт», мы отплыли к

Фридрихсгаму, куда прибыли уже около 8 часов вечера. Несмотря на позднее время, Государь произвел смотр батальону Нейшлотского пехотного полка и посетил кадетский корпус. Затем снова продолжали путь к Гельсингфорсу, куда прибыли 2 сентября около 1 часа пополудни.

Встреча Государя на Гельсингфорской пристани была такая же блестящая и восторженная, как за два месяца перед тем. Несмотря на дождь, набережная была усыпана народом; дома разукрашены флагами, гирляндами, коврами. Государь, стоявший на платформе яхты в мундире гвардейского Финляндского стрелкового батальона, был приветствован криками «ура». Вышед на берег, он поздоровался с почетным караулом, прошел во дворец, и немного спустя, выехал вместе с генерал-губернатором бароном Рокасовским; посетил Сенат, университет, православный собор и военный госпиталь. В университете, в одной из аудиторий, студенты пропели финляндский народный гимн, а Государь обратился к ним с несколькими приветливыми словами, беседовал с профессорами, припомнив то время, когда, быв еще Наследником Престола, носил звание канцлера Александровского университета.

Крупный дождь, продолжавшийся весь вечер, расстроил приготовленную в городе иллюминацию, но не помешал массе народа все время толпиться перед дворцом и на улицах, по которым проезжал Государь. На другой день, 3 сентября, погода разгулялась; день был ясный; с утра толпы народа ждали появления Его Величества. Несколько раз Государь выходил на балкон дворца и раскланивался народу.

С этого дня начались церемонии, сопровождающие открытие сейма. По утвержденному церемониалу, в первый день происходило торжественное возвещение герольдами с крыльца Сената о созыве сейма на шведском и финском языках. В полдень Государь принимал назначенного в звание сеймового ландмаршала, генерал-лейтенанта Норденстама, а потом Абоского архиепископа в качестве председателя духовного отдела на сейме. Оба они принесли присягу, с особенной торжественностью, в присутствии многочисленного собрания властей, сенаторов и Свиты Государя. При входе ландмаршала в залу, Государь обратился к нему с краткой речью на русском языке, в которой выразил уверенность, что он оправдает оказанное ему доверие, на что генерал Норденстам ответил по-французски (к немалому нашему удивлению*): «Sire, mon devoir est de justifier la haute et gracieuse

* Генерала Норденстама я знал очень давно (с 1839 года) и также знал, что он всегда говорил по-русски, как русский; по-французски же говорил с большим трудом.

П.И. Рокасовский

confiance de Votre Majesté»*; затем, положив руку на Библию, произнес слова присяги по-шведски, после чего Государь вручил ему ландмаршальский жезл. Тогда генерал Норденстам вышел из залы и с полученным жезлом отправился в «Рыцарский дом», где ожидали его собравшиеся к сейму представители дворянского сословия. Между тем во дворце продолжалась церемония присяги Абоского архиепископа, который, войдя в зал, так же как и Норденстам, на русское приветствие Государя отвечал фразой на французском языке. Обряд присяги совершился тем же порядком; Государь вручил архиепископу диплом на председательство в духовном сословии сейма.

После церемонии присяги Государь произвел на городской площади смотр войскам: гвардейскому Финскому стрелковому батальону, полкам 1-й гренадерской дивизии с ее стрелковым

---

* «Государь, мой долг — оправдать высокое и благосклонное доверие Вашего Величества» *(фр.)*.

батальоном и артиллерийской бригадой, первым батальонам двух полков 22-й пехотной дивизии: Вильманштрандского и Петровского, и сотне Донского № 16 казачьего полка. Смотр прошел блестящим образом. Несметные толпы, теснившиеся кругом войск, оглашали воздух криками «ура» при появлении Государя. В тот же день к обеду во дворец приглашено было до 80 почетных лиц, а вечером дан был большой бал генерал-губернатором.

День 4 сентября назначен был по церемониалу для формального внесения в списки каждого из четырех отделов сейма избранных представителей сословий. Государь, пользуясь этим свободным днем, принял приглашение г-жи Карамзиной (Авроры Карловны, рожденной Шернваль) в ее имение (верстах в 18 от Гельсингфорса), где приготовлена была великолепная охота. Государь с великими князьями (прибывшими в то утро) и некоторыми из лиц Свиты, выехал в 10 часов утра по железной дороге до первой станции, откуда проехал в экипаже до прелестной виллы г-жи Карамзиной. Я не был в числе любителей охоты и потому получил приглашение только к обеду и на вечер. Охота удалась превосходно и результаты ее были наглядны: мы, приехавшие к обеду, увидели на террасе перед домом распростертые трупы по крайней мере сотни несчастных жертв, большей частью, диких коз. Государь был в отличном расположении духа. К обеду собралось до 60 гостей. Стол был накрыт во временной пристройке к одному из балконов дома. Все было устроено с большим вкусом. К сожалению, погода не благоприятствовала празднику; почти весь день шел дождь. После обеда начали съезжаться новые гости к балу; та же пристройка, которая служила столовой, обратилась в танцевальную залу. К вечеру дождь прекратился, и повсюду кругом дома в парке заблистали бесчисленные огоньки; иллюминация удалась вполне. В 11 часов вечера Государь простился с гостеприимной и любезной хозяйкой, а вслед за ним и все мы уехали обратно в Гельсингфорс.

5-го числа продолжалось выполнение обрядов церемониала, а именно прием Государем депутаций от городского и крестьянского сословий и назначение председателей этих двух сословий на сейме. Так же, как 3-го числа, происходил обряд присяги этих председателей в присутствии собравшихся властей, Сената и Свиты Царской. В 3 часа Государь вошел в зал в сопровождении Великих князей; из соседней комнаты введены были сперва представители городского сословия, в числе 7 человек; назначенный из числа их председателем присягнул на Библии и получил из рук Государя диплом, причем произнес на шведском языке речь, которую граф Армфельд перевел на французский язык. Затем то же самое исполнено и с представителями кресть-

янства, с той лишь разницей, что речь председателя была сказана на финском языке.

После церемонии присяги к обеду Царскому были приглашены многие из начальствующих лиц, гражданских и военных, а в 7 часов вечера происходила новая церемония — прием депутаций от всех четырех сословий и принесение ими благодарности за созыв сейма. Церемония эта происходила в той же зале и в присутствии тех же лиц, как и предшествовавшие. Когда Государь вошел в залу, где были уже собраны депутации, ландмаршал сейма генерал Норденстам произнес речь от имени дворянства опять на французском языке, и в заключение просил о назначении дня открытия сейма. Затем говорили один за другим председатели прочих сословий на трех разных языках. На все эти речи Государь отвечал назначением следующего дня, т.е. 6-го числа, для открытия сейма, и затем вышел из зала.

Наступил торжественный день 6 сентября. К $11^{1}/_{2}$ часам утра в лютеранской церкви св. Николая собрались и заняли назначенные места члены сейма, начальствующие лица и Сенат. Когда генерал-губернатор прибыл во дворец с докладом, что все готово, Его Величество, в сопровождении великих князей и Свиты своей, верхом, отправился в церковь, при пушечной пальбе и восторженных криках народа, толпившегося позади выстроенного вдоль улицы шпалерами гвардейского Финского стрелкового батальона. Еще бóльшая масса окружала собор. Сойдя с лошади, Государь вошел в церковь; при входе встретил его епископ Боргоский краткой речью на шведском языке; затем раздались звуки органа, и Государь занял приготовленное ему кресло перед алтарем, с правой стороны, на возвышении; насупротив его были места для генерал-губернатора и Сената, а позади Государя — для Великих князей и Свиты Его Величества. Члены сейма были рассажены по сословиям: справа — дворяне и позади их — горожане; слева — духовенство и позади его — крестьяне. Церковную службу совершал епископ Боргоский с четырьмя пасторами. Епископ произнес проповедь, непомерно длинную, частью по-шведски, частью по-фински, — оба эти языка равно непонятные для нас. Он закончил молитвословием о благоденствии Государя и всего Царского дома. Превосходное пение и музыка сливались с гулом выстрелов. По окончании богослужения Государь опять сел верхом и в сопровождении Свиты возвратился во дворец при неумолкаемых криках «ура».

Вслед за Государем двинулись туда же торжественным шествием, попарно, члены сейма с ландмаршалом во главе. Представители трех сословий (кроме дворянского) прямо собрались в тронной зале и заняли назначенные им места; представители же дворянства предварительно собрались в покоях Государя. Когда

все были на местах, началось шествие из внутренних покоев дворца в тронную залу: оно открывалось церемониймейстерами придворным и сеймовым; за ними следовали представители рыцарства, т.е. дворянства, попарно, младшие впереди; позади их ландмаршал с жезлом; затем сенаторы, также попарно, генерал-губернатор — и Государь, позади которого следовали министр-статс-секретарь Финляндии, товарищ его и лица Государевой Свиты.

Зала была вся белая; только пол покрыт зеленым сукном. Прямо против входа стоял на возвышении трон, по обеим сторонам которого назначены были места: по правую сторону — Сенату, по левую — Свите Государя и за ней наличным генералам; тут же слева поставлен был небольшой стол для секретаря, обязанного редактировать протокол открытия сейма. Представители сословий заняли места по обеим сторонам залы на устроенных вдоль ее возвышениях в виде трех широких, невысоких ступеней: справа от трона — дворяне, слева — духовенство и горожане, а прямо лицом к трону — представители крестьянства. Кругом всей залы хоры для публики, в числе которой преобладали дамы.

При входе в зал Государь был приветствован громким «ура»; вступив на возвышение трона, он не сел, а стал впереди его; позади же стали великие князья, а на ступенях: справа — министр Двора, слева — вице-канцлер. Генерал-губернатор и министр-статс-секретарь Финляндии стали перед троном у подножия возвышения. Как только все заняли свои места, граф Армфельд подал Государю рукопись тронной речи, которую Его Величество произнес на французском языке громким голосом и с выразительностью. В этой речи излагались сначала поводы к созыву сейма и в общих чертах указывались предметы, подлежавшие рассмотрению его, причем упоминалось, что для дальнейшего пополнения некоторых существенных недостатков законодательства Великого княжества Финляндского, имеется в виду впоследствии изготовить еще некоторые законопроекты для обсуждения в последующей сессии сейма, которую предполагается созвать через три года. «Оставляя неприкосновенным принцип конституционной монархии, вошедшей в нравы финляндского народа и запечатлевший все его законы и учреждения, я желаю еще расширить принадлежащие сейму права относительно определения размера налогов и предложения проектов законов, оставляя, однако ж, за собой инициативу во всех тех вопросах, которые могут касаться изменений в самом основном статуте страны». Речь заканчивалась следующим обращением к представителям сословий: «Вам известны мои чувства; вы знаете, как я желаю счастья и благоденствия народов, вверенных моему попе-

чению. С моей стороны ничего не было сделано такого, что могло бы нарушить согласие, которое должно существовать между Государем и народом. Желаю, чтобы это согласие служило и впредь залогом благоприятных отношений, установившихся между мной и честным, верным народом финляндским. Оно будет могущественно содействовать благосостоянию края, столь близкому моему сердцу, и послужит для меня новым побуждением к тому, чтобы созывать вас и впредь в определенные сроки. Вам, представители Великого княжества, предстоит доказать достоинством, умеренностью и спокойствием в прениях, что в руках народа мудрого, готового действовать заодно с Государем своим, в практическом смысле, для развития своего благосостояния, — либеральные учреждения не только не опасны, но составляют залог порядка и благоденствия».

Подчеркнутые слова знаменательны в устах Российского императора и Царя Польского. В них слышался прямой намек на Царство Польское, не выказавшее той «мудрости», о которой говорилось в царской речи, и доказавшее свою несостоятельность для тех «либеральных учреждений», которые император Александр II торжественно признавал «залогом порядка и благоденствия». Приведенные слова имели, конечно, назидательный смысл и для самой России.

Произнесенная Государем речь была немедленно повторена графом Армфельдом по-шведски, а вице-президентом Сената — по-фински, и вызвала при чтении много раз восторженные крики «ура». После того ландмаршал генерал Норденстам, выступив вперед, произнес речь по-шведски, а потом поочередно сделали то же председатели от других сословий, опять на трех разных языках. Во всех этих речах выражалась благодарность финляндцев за оказанную Государем новую милость; а в речи Норденстама была, между прочим, следующая фраза: «Соблюдение правильного конституционного устройства всегда составляло и составляет живейшее желание нашего народа. Все, что Ваше Величество предпримете для надлежащего развития этого устройства, будет принято с глубочайшей признательностью и еще более утвердит горячую преданность и доверие к особе нашего великодушного Монарха...»

После всех речей статс-секретарь граф Армфельд прочел по-шведски перечень тех проектов, которые предъявлялись на обсуждение сейма. Затем Государь, предшествуемый в прежнем порядке представителями дворянства и ландмаршалом, вышел из залы. Толпы народа вокруг дворца с живым любопытством перечитывали розданные экземпляры произнесенной Государем речи; крики «ура» не прекращались все время и еще усилились, когда Государь, вышед на балкон, показался народу.

Государь был в этот день в мундире гвардейского Финского стрелкового батальона; это был день батальонного его праздника; а потому все офицеры батальона были приглашены к обеду во дворец, и провозглашен был Государем тост в честь батальона. Командир его полковник Эрнрот и батальонный адъютант штабс-капитан фон Амонт были назначены флигель-адъютантами, а Великий князь Алексей Александрович как шеф батальона был произведен в полковники.

Вечером была блестящая иллюминация; в городе и на стоявших в гавани судах зажглись бесчисленные огни. Студенты университета устроили fakelzug* и под балконом Государя пропели несколько национальных песен, в промежутках которых оглашался воздух восторженными «ура». В тот же вечер городом был дан большой бал в здании железнодорожного воксала. Помещение станции и самые пути железной дороги преобразились в изящные залы, в которых уместилось до 2 тысяч человек.

Наконец, 7-го числа, в последний день своего пребывания в Финляндии, Государь назначил церковный парад гвардейскому Финскому стрелковому батальону, взамен вчерашнего дня. Парад происходил на плацу перед казармами; командовал сам шеф батальона вновь произведенный полковник великий князь Алексей Александрович. После молебствия (по лютеранскому образцу) батальон прошел церемониальным маршем; затем Государь и все присутствовавшие вошли в казармы, где были расставлены столы для угощения нижних чинов. Государь, подойдя к одному из столов, провозгласил тост за здоровье батальона и за его шефа великого князя Алексея Александровича, который в ответ провозгласил тост за Государя. Само собой разумеется, что тосты эти были встречены дружными «ура».

В 2 часа во дворце был большой обед, к которому приглашены были все депутаты сейма, так что всего собралось до 300 приглашенных. В конце обеда возглашены были два тоста: первый — за здоровье Государя и Царского Дома, второй — за благоденствие Финляндии. После обеда Государь обошел гостей, со многими из них разговаривал, а в $4^1/_2$ часа отправился на пристань, где стояла яхта «Штандарт». Масса народа толпилась на пути Государя, встречая его неумолкаемыми «ура». При этих криках и звуках народного гимна, яхта отчалила от пристани, прошла между островками Свеаборгской крепости, и скоро Гельсингфорс скрылся из виду. К 6 часам утра 8-го числа мы были уже на Кронштдатском рейде; перешли на яхту «Александрия», и в 9 часов утра вышли на Английскую набережную, откуда Государь уехал в Царское Село.

---

* Факельное шествие (*нем.*).

В продолжение шестидневного пребывания Государя в Гельсингфорсе, город этот, обыкновенно столь спокойный, почти мертвенный, так оживился, что не походил на самого себя. Давнишняя мечта финляндцев осуществилась; сопровождавший торжественное открытие сейма ряд церемоний и празднеств возбудил в них непривычный порыв одушевления. Нас, приезжих, принимали и чествовали со всем радушием, какое только они способны были проявить. Но должно признаться, что мы все-таки чувствовали себя в Финляндии, как в иностранном государстве. Особенно коробили нас полное отсутствие русского языка и французские речи перед русским Императором финляндских его подданных.

В самый день отъезда Государя из Гельсингфорса объявлены были награды, пожалованные многим из служивших в Финляндии. В том числе, граф Армфельд получил орден св. Владимира 1-й степени.

Вслед за тем начались заседания сейма, имевшего при открытии следующий состав: отдел дворянский — 141 член, духовный — 32, горожан — 39 и крестьянский — 49, всего же — 261. Таким образом, одно дворянское сословие составляло более половины всего состава сейма. Первые заседания, как обыкновенно, прошли в разрешении вопросов формальных, касавшихся личного состава и назначения комиссий, образуемых по статуту для предварительной разработки подлежащих обсуждению собрания вопросов. Сейму предстояло в течение трехмесячного срока сессии обсудить до 48 предъявленных законопроектов по самым разнообразным предметам гражданского, уголовного и экономического законодательства, большей частью таких, по которым давно уже чувствовалась недостаточность и неприменимость старых законов Финляндии. Для основательного обсуждения всей этой массы проектов требовалось немало времени и усидчивой работы; а между тем, сеймом потрачено было много времени на означенные вопросы личного состава, так что до конца сентября не было даже решено распределение работ между комиссиями; к рассмотрению законопроектов приступлено лишь в начале октября, а в общих собраниях не ранее начала ноября.

Такая проволочка в занятиях сейма объясняется отчасти новизной дела, неопытностью деятелей, педантизмом и тугостью характера народного, отчасти самым устройством сейма, сохранившего обветшалые, неудобные средневековые формы. Самое разделение его по сословиям, заседающим и вотирующим отдельно, представляет такие неудобства, что и в самой Швеции, откуда организация эта перешла в Финляндию, уже тогда поднят был вопрос о коренном преобразовании народного предста-

вительства. Главной же причиной непомерной траты времени были продолжительные препирательства по некоторым щекотливым вопросам, возбужденным случайно и совершенно выходившим из предначертанной программы. Так, в первых же заседаниях горячие споры возникли о допущении в состав сейма трех лиц, состоявших на государственной службе в Петербурге*, на том будто бы основании, что закон устраняет лиц, живущих за границей: к чести большинства финляндских представителей, решено было, что служащих в Империи финляндцев нельзя признавать «живущими за границей». Затем, кроме предложения, принятого единогласно, об изъявлении от имени всей Финляндии благодарности русскому и другим народам за помощь, оказанную стране в предшествовавшие бедственные годы голода, поднят был вопрос о подаче Государю петиции об установлении законом срока периодического на будущее время созыва сейма. Предложение это было уже принято тремя сословиями; но в дворянском оно возбудило горячие прения; некоторые из благоразумных членов возражали, что требовать от Государя утверждения законом того, что уже было им обещано при открытии собрания, было бы неуместным выражением недоверия к Его Величеству. Несмотря на то, предложение было принято огромным большинством голосов (в заседании 8/20 октября). Хотя по старинному шведскому закону, сейм не пользовался «правом инициативы» в законодательстве, однако ж, он находил средство возбуждать всякие новые вопросы под предлогом предоставленного ему права подачи «петиций». На этом шатком основании финляндский сейм в первую свою сессию, прежде чем приступить к обсуждению внесенных в него многочисленных законопроектов, увлекся горячими прениями по другим возбужденным в нем важным, коренным вопросам государственного устройства. Так, затронуты были и преобразование самого представительства в сейме, и отмена некоторых привилегий дворянского сословия, даже ответственность министров, упразднение цензуры, преобразование поселенных войск и т. д. Значительное число заседаний дворянского сословия было посвящено вопросу о добровольном отказе этого сословия от некоторых древних прав его, сделавшихся в течение времени совершенно фиктивными. Между прочим, постановлено, чтобы правом представительства в сейме пользовались впредь уже не все старшие в каждом дворянском роде члены, а только определенное число выбранных лиц. Также решено вопреки сильным возражениям многих членов, чтобы правом заседания в сейме

---

* Именно тайного советника Бруна — во II отделении Собственной Е.В. канцелярии, адмирала Шанца — во флоте, и барона Угла.

не пользовались те из финляндских дворян, которые состоят в русской службе и не владеют недвижимой собственностью в Финляндии, хотя бы и находились на жительстве в самой стране.

Правда, что многие из затронутых неуместных вопросов были устранены окончательно самим сеймом, однако ж, бесполезные эти прения отняли очень много времени, так что в начале ноября сделалось уже очевидной невозможность окончить к назначенному сроку все возложенные на сейм работы. Собрание нашлось вынужденным просить через министра-статс-секретаря о продлении срока сессии до 1 мая (нового стиля) следующего года; но Высочайшее соизволение последовало только на продление до 15 марта (нового стиля)*.

Горячие прения, происходившие в заседаниях сейма, служили, конечно, темой для газетной полемики. Не только в финляндской, но и в шведской печати появлялись ярые статьи, выражавшие часто в весьма резких формах мнения разных партий. Некоторые из высказываемых мнений возбуждали сильное негодование в Петербурге и Москве. В одной из статей «Московских Ведомостей» заключалось резкое осуждение финляндского сейма за его тенденции к сепаратизму. Статья эта произвела в свою очередь сильное раздражение в Гельсингфорсе; финляндские газеты опровергали обвинительный акт «Московских Ведомостей», называя его клеветой, и даже прислано было возражение в самую редакцию этой газеты. Возникла ожесточенная полемика между финляндскими и русскими газетами, так что в нее вмешался даже осторожный, сдержанный орган нашего Министерства иностранных дел — «Journal de S-t Pétersbourg», который в одном из последних своих номеров того года, выразил строгое порицание газете «Helsingfors-Dagbladet» за высказанные ею антирусские воззрения на самобытность Финляндии.

Так отозвалось у нас на первых же порах возрождение конституционной жизни в этой стране, обязанной всецело своей автономией великодушию русских монархов.

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ В КРЫМУ.
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

Из Финляндии Государь возвратился в Царское Село утром 8 сентября — в день рождения Наследника Цесаревича. Поэтому в этот день объявлены были награды, пожалованные чинам Донского казачьего войска по поводу недавнего посещения Новочеркасска Цесаревичем. Наказной атаман генерал-адъютант

---

* Объявлено сейму 28 ноября / 10 декабря.

Граббе получил орден св. Андрея, при рескрипте, в котором припоминались заслуги, оказанные почтенным генералом в течение многолетней боевой его службы, начиная от Прейсиш-Эйлау и до Ахульго[199]. Казакам Донского войска дарована была новая высочайшая милость — сокращение сроков службы: полевой — до 15 лет, внутренней — 7 лет. Кроме того Донское войско получило то, чего давно уже горячо домогалось: грамоту, подтверждавшую все те права, преимущества и неприкосновенность казачьей территории, которые были утверждаемы грамотами всех предшествовавших Государей (1795, 1811, 1817 и 1831). Такая грамота была желательна для того, чтобы успокоить казаков и положить конец распущенным между ними ложным толкам о мнимом намерении правительства упразднить казачество и обратить Донское войско в податное состояние на общих основаниях. Вот почему известие, сообщенное мной по телеграфу в Новочеркасск утром же 8 сентября о новых милостях Царских, произвело там радостное впечатление и ликование. На следующий день собрались к наказному атаману все наличные генералы, офицеры и чиновники с поздравлениями и выражением благодарности, а впоследствии, когда получена была в Новочеркасске подлинная грамота (привезенная генерал-майором Свиты Барановым), казаки отпраздновали это событие с великим торжеством (1 октября) и отправили к Государю депутацию с благодарственным адресом, подписанным всеми собравшимися на праздник представителями войска. Депутация эта представлялась Государю уже в Ливадии.

Отъезд Его Величества в Крым назначен был на 11 сентября, так что по возвращении из Финляндии Государь пробыл в Царском Селе не полные четыре дня, и в это короткое время, как бывало обыкновенно, скопилось множество всякого рода спешных дел, докладов, приемов, совещаний. 9-го числа, т.е. на другой день по приезде, Государь принимал в Царском Селе французского посла герцога Монтебелло по случаю полученного им отпуска во Францию, а в 2 часа пополудни была встреча молодого короля эллинов Георга I.

С октября прошлого 1862 года греческий престол оставался вакантным, вследствие вынужденного отречения короля Оттона[200]. С тех пор Греция под управлением временного правительства и Национального собрания была раздираема непрерывной борьбой партий, заговорами и возмущениями. Попытки временного правительства найти нового короля долго оставались безуспешными: из числа разных кандидатов, одни отказывались от предлагаемой короны, мало заманчивой при тогдашнем положении Греческого королевства; другие (французский принц Жером Наполеон, английский принц Альфред, русский князь Романов-

Александр II

ский герцог Лейхтенбергский) были устранены взаимным соглашением между тремя покровительствующими державами, чтобы не допускать кандидатуры кого-либо из особ царствующих в них домов. Между тем анархия все усиливалась в Афинах. Покровительствующие державы, опасаясь провозглашения республики, настаивали на скорейшем прекращении междуцарствия, и наконец, в начале 1863 года Лондонским кабинетом указан был новый кандидат на греческий престол — второй сын принца Христиана Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургского, дочь которого только что вышла за наследного принца английского*. Юный, 17-летний брат принцессы Александры, принц Вильгельм Георг состоял тогда на службе в датском флоте и только что произведен в лейтенанты. Конечно, в то время еще нельзя было предвидеть, что отец его вскоре вступит на датский престол, а младшая сестра Дагмара сделается со временем императрицей Российской. Народное собрание в Афинах с радостью приняло указание Лондонского кабинета и единогласно решило (19/31 марта) предложить корону датскому принцу. Вслед за тем (14/26 апреля) прибыла в Копенгаген греческая депутация, имевшая во главе знаменитого героя войны за греческую независимость престарелого адмирала Канариса. Король датский Фридрих VII изъявил со своей стороны согласие с тем, однако же, условием, чтобы покровительствующие державы формальным актом устранили всякие притязания со стороны Баварского владетельного дома. После предварительных дипломатических по этому предмету сношений, конференция в Лондоне из представителей трех держав (граф Россель, барон Гро и барон Бруннов) протоколом 15/27 мая признала престол греческий вакантным, а вслед за тем, 25 мая / 6 июня, с участием датского посланника подписан протокол о принятии греческой короны принцем датским Вильгельмом Георгом. В тот же день греческая депутация была принята торжественно датским королем и самим принцем, сделавшимся с этого дня королем эллинов под именем Георга I.

Уже более года в Англии поднят был вопрос об отказе ее от протектората над Ионическими островами[201] и присоединении их к Греческому королевству согласно с желанием, заявленным самими жителями островов. Лондонский кабинет не противился такому предложению, но ставил условием своей уступки — восстановление в королевстве монархического правления, которое могло бы служить в глазах Европы залогом мира и спокойствия в стране. Лишь только состоялось избрание короля Георга, Лондонский кабинет формально заявил (29 мая / 10 июня) о своем

* Брак этот совершен в Лондоне 26 февраля / 10 марта 1863 года.

намерении всем державам, подписавшим Венский трактат, а 20 июля / 1 августа подписан представителями этих держав протокол о присоединении Ионических островов к королевству Греческому.

Как в Греции, так и на островах Ионических известие о принятии короны принцем датским и об уступке Англией своих прав на эти острова принято было с неописанным восторгом. Нетерпеливо ожидали прибытия молодого короля в той надежде, что с его приездом прекратится наконец неурядица, достигшая до того, что представители трех покровительствующих держав в Афинах (от России действительный статский советник Андрей Дмитриевич Блудов) вынуждены были обратиться (20 июня / 2 июля) к президенту Народного собрания коллективной нотой, в которой угрожали выехать из Афин, если не будут приняты самые энергические меры к восстановлению порядка и спокойствия. К сожалению, прибытие нового короля замедлилось. Первоначально предполагалось даже, во внимание к его молодости, отложить отъезд его на целый год; но потом, когда семейство молодого короля убедилось в необходимости скорейшего его прибытия в Афины, решено было придать ему ментора в лице графа Спонека, человека опытного в делах, разумного и с характером спокойным. Между тем, афинское Народное собрание поспешило (15/27 июня) провозгласить короля Георга совершеннолетним.

Прежде окончательного отъезда короля в Грецию признано было приличным, чтобы он посетил дворы пяти первостепенных держав, начав объезд свой с Петербурга. На русской границе в Вержболове встретил его генерал-адъютант барон Притвиц, назначенный состоять при нем во все время пребывания его в России. 9 сентября сам Государь с великими князьями и многочисленной Свитой встретил его на Царскосельской станции железной дороги и привез его во дворец, где приготовлено было для него помещение. Короля сопровождали граф Спонек, два адъютанта (из офицеров датского флота), один профессор, секретарь и доктор. Король имел вид еще не сформировавшегося юноши, но красивого и милого в обращении.

Король Георг был принят при русском Дворе с особенным радушием. В день приезда дан был в Царскосельском дворце большой парадный обед. На другой день утром он присутствовал на смотру войск, расположенных в Царском Селе и окрестностях, а вечером на представлении в Царскосельском (Китайском) театре.

11-го числа утром король был в Петербурге и принимал живущих там греческих подданных. Возвратившись в Царское Село к обеду и простившись вечером с Государем при отъезде его в

Колпино, король оставался после того еще несколько дней в Петербурге, осматривал достопримечательности и посетил 13-го числа Кронштадт, где генерал Тотлебен показывал ему укрепления, а морское начальство — пароходный завод, адмиралтейство и суда. 14 сентября король выехал по железной дороге в Берлин, посетил дворы прусский, бельгийский, английский и закончил парижским, где пробыл со 2/14 по 10/22 октября; наконец, 13/25-го того же месяца отплыл из Тулона на греческом пароходе «Эллада» в сопровождении военных судов русского (фрегат «Олег»), английского и французского. Новый король эллинов прибыл в Пирей по истечении целого года после удаления прежнего короля.

В самый день выезда своего в Крым, Государь принял вторично моего брата для окончательного решения вопроса о назначении его в Польшу. Польские дела, конечно, не переставали озабочивать Его Величество. Брат мой успел уже несколько ознакомиться с общим положением края, собрать необходимые сведения, посоветоваться с друзьями своими[*]. Ближайшее знакомство с делами[**] вполне убедило его в полном отсутствии системы и руководящей идеи в управлении Царством Польским. Более же всего поразило его то, что даже в высшем управлении в Варшаве, так же как и в Статс-секретариате польском в Петербурге, дела не всегда велись в смысле русских интересов, часто с замаскированным потворством польским стремлениям. Брат поехал в Царское Село с тяжелым чувством, обдумывая и перебирая в уме своем те мотивы, которые он мог высказать Государю для объяснения своего уклонения от деятельности в Польше. В ожидании назначенного часа приема брат воспользовался свободным временем, чтобы сделать визиты некоторым лицам, проживавшим в Царском Селе; в том числе, князю Вас<илию> Андр<еевичу> Долгорукову и князю Александру Мих<айловичу> Горчакову. Тот и другой выразили большое удивление, узнав о намерении брата отказаться от почетного назначения на должность начальника гражданского управления в Царстве; они старались отговорить его от такого намерения всевозможными доводами — и с точки зрения личных выгод служебных, и в видах угождения воле Государя, и во имя патриотизма, высших интересов государственных. Брат высказал им обоим, что если действительно такова непреклонная воля Государя, то он скорее готов посвятить себя делу как простой работник, чем принять

---

[*] В автографе зачеркнуто: «приискивал себе сотрудников на тот случай, если б не удалось ему избегнуть упомянутого назначения» *(примеч. публ.)*.

[**] В автографе зачеркнуто: «еще более прежнего отталкивало его от того края» *(примеч. публ.)*.

на себя ответственный пост начальника в крае, совсем ему незнакомом.

В таком смысле высказался брат и при своем представлении Государю, который, по-видимому, был уже подготовлен к тому; и когда брат повел речь о том, что считает самым неотложным делом в Польше — устроить положение крестьян, освободив их вполне из-под зависимости от помещиков, то Его Величество ухватился за эту мысль и выразил свое желание, чтобы брат занялся этим делом на первое время, не устраняя, однако ж, себя и от других отраслей администрации в Царстве Польском, равно требующих радикальных преобразований. Государь, видимо, торопился и не мог посвятить беседе с братом столько времени, сколько было бы нужно для того, чтобы обстоятельно выяснить виды и желания Его Величества относительно предстоявшей работы; однако ж, брат успел испросить, чтобы ему было предоставлено предварительно собрать в Петербурге надлежащие сведения и материалы по крестьянскому делу в Царстве Польском, а затем съездить туда, дабы на месте изучить особенности этого вопроса в Польше, для чего предполагал образовать комиссию, в состав которой пригласить несколько известных ему способных лиц из русских. На все эти предположения Государь весьма благосклонно изъявил согласие, не исключая и щекотливого вопроса о привлечении к делу Ю.Ф. Самарина, участием которого в предстоявшей работе брат особенно дорожил, но которого имя оставило во мнении Государя невыгодную память после того, как Самарин отказался принять орден, пожалованный ему по окончании работы Редакционных комиссий в 1861 году[202]. Государь распростился с братом весьма милостиво, посоветовав ему беречься лично во время предстоявших поездок в Польше и прибавив, что начальству в Царстве будет вменено в обязанность оказывать ему всякое содействие и принять все меры для его безопасности.

Таким образом, сомнения и колебания брата прекратились; положение его выяснилось, по крайней мере, на первое время. Если ему и не удалось совсем устраниться от польских дел, то для него было уже важным успокоением то, что он сохранил за собой полную свободу в ведении дела, не дав себя втянуть в омут местной администрации Царства, которая неизбежно парализовала бы его деятельность. Он получил возможность посвятить себя делу, близкому его сердцу по прежним его занятиям.

Государь, как уже сказано, выехал из Царского в $9^{1}/_{2}$ часов вечера того же 11-го числа. Его сопровождали генерал-адъютант князь Долгоруков и граф Алек<сандр> Вл<адимирович> Адлерберг. Прибыв по железной дороге в Москву в 11 часов утра следующего дня, Его Величество проехал через весь город на Сер-

пуховскую заставу, останавливался только у Иверской часовни и, продолжая путь (на лошадях), приехал к ночи в Тулу. Утром 13-го числа после приема местных властей и представителей разных сословий посетил собор, тульский Александровский кадетский корпус, произвел смотр войскам (Тобольскому пехотному полку, 10-му стрелковому батальону и Тульскому батальону внутренней стражи) и продолжал путь до Орла, где остановился на несколько часов утром 14-го числа и так же, как в Туле, посетил собор, кадетский корпус и произвел смотр войскам (местному батальону внутренней стражи и кадетам).

15 сентября в воскресенье, прибыв утром в Харьков, Государь остановился у въезда в город, где приготовлена была торжественная встреча. Пока перепрягали лошадей, Его Величество принял начальствующих лиц, депутации с хлебом-солью, и затем, проехав через город, прибыл в Чугуев, где был смотр 6-й кавалерийской дивизии. Возвратившись вечером того же дня в Харьков и не останавливаясь, Государь продолжал путь на Полтаву, Кременчуг, Елизаветград, в Николаев. В Полтаве 17-го числа утром Его Величество посетил собор, кадетский корпус, институт и произвел смотр войскам (Украинскому пехотному полку, батальону внутренней стражи и временно сформированному Малороссийскому казачьему № 2 полку). В Елизаветграде также происходил смотр четырем полкам 4-й кавалерийской дивизии, резервным эскадронам 5-й кавалерийской и двум конно-артиллерийским батареям. В Николаев Государь прибыл к ночи 17-го числа; на другой день утром принял начальствующих лиц и депутации от разных сословий Херсонской и Таврической губерний, посетил собор, произвел смотр войскам (пехотным полкам Белостокскому и вновь сформированному Таганрогскому); осмотрел адмиралтейство и затем на гребном катере отправился к батареям, вновь возведенным для защиты Николаева с моря. Наскоро построенная среди самого фарватера Буга Константиновская батарея была уже вооружена орудиями наибольших калибров, какие имелись тогда в нашей крепостной артиллерии*.

Около полудня 18-го числа Государь подъехал на катере к стоявшей близ Константиновской батареи яхте «Тигр», на которой и вышел в море в сопровождении пароходов: «Казбек», «Турок» и «Псезуапс», а на другой день 19 сентября, около 2 часов дня, вышел на берег крымский в Ялте. Здесь на приста-

* Самым сильным в то время орудием была нарезная пушка 60-фунтовая, чугунная, скрепленная стальными кольцами. Стальные же 6- и 8-дюймовые орудия были заказаны за границей Круппу и Бергеру; но еще не поступили на вооружение крепостей.

ни встретили его императрица, Наследник Цесаревич, младшие дети, великий князь Константин Николаевич с его семейством и герцог Георг Мекленбург-Стрелицкий. Собравшаяся, по обыкновению, толпа народа вдоль набережной приветствовала хозяина Ливадии.

Наследник Цесаревич находился в Крыму уже около двух недель по возвращении с Кавказа. Его Высочество, высадившись 24 августа в Поти, проехал через Кутаис в Тифлис. В Мцхете 27 августа встретил его великий князь Михаил Николаевич, и 28-го числа происходил торжественный въезд Цесаревича в столицу Кавказского края. После молебствия в Сионском соборе и приема во дворце наместника начальствующих лиц, чинов всех ведомств, представителей разных сословий Наследник присутствовал на празднестве в память взятия Гуниба (взамен обыкновенного празднования этого события 25 августа)[203]. На террасе у (старого) арсенала приготовлен был под шатром стол для почетных лиц, а на самой площади Гунибской расставлены столы для угощения нижних чинов и представителей народа. Весь день до поздней ночи город ликовал. На другой день, 29-го числа, Их Высочества переехали на Белый Ключ — тогдашнее летнее местопребывание наместника. Здесь праздновался день 30 августа и происходили с подобающей торжественностью крестины новорожденного великого князя Георгия Михайловича. 1 сентября оба великие князя возвратились в Тифлис, где дворянство грузинское чествовало Цесаревича большим парадным обедом, а городское общество — балом. На другой же день Наследник выехал из Тифлиса в обратный путь на Поти, откуда отплыл на яхте «Тигр» к крымским берегам.

Отдохнув несколько дней в Ливадии после продолжительных и поучительных своих путешествий от Заонежского края до Закавказья, Наследник Цесаревич в половине сентября предпринял еще небольшую поездку по Крыму — в Бахчисарай, Севастополь, Георгиевский монастырь и закончил этой прогулкой свои странствования. Присутствие его в Ливадии несколько оживило тихую и однообразную жизнь, которую императрица обыкновенно вела в Крыму, пока при ней находились одни младшие дети и весьма малочисленная свита. Спокойная эта жизнь, в соединении с прекрасным климатом южного берега всегда имела благотворное влияние на здоровье ее. С приездом Государя ливадская жизнь совершенно изменялась; спокойствие и однообразие нарушались ежедневными приемами многочисленных приезжих, считавших долгом являться на поклон, частыми праздниками, церемониями по разнообразным поводам, поездками более или менее дальними.

Так, через день по прибытии в Ливадию, в ночь с 20 на 21 сентября Государь уже отправился в Севастополь, где утром 21-го числа произвел смотр войскам (13-му стрелковому батальону и 13-й артиллерийской бригаде) и возвратился в Ливадию, где на другой день (в воскресенье) принимал депутацию от татарского населения Крыма и одесского городского голову Пашкова, прибывшего с депутацией от города для принесения благодарности за дарование Одессе нового городского управления, за разрешение сооружения железной дороги и учреждение Новороссийского университета. При этом Государь принял поднесенную городом для ливадского сада мраморную группу, изображающую Пенелопу. Вслед за тем происходил прием присланного с приветствием от султана Османа-паши.

24 сентября прибыл с Кавказа великий князь Михаил Николаевич с великой княгиней Ольгой Фёдоровной и детьми. Их Высочества поместились в ближайшем соседстве с Ливадией, в прелестном Ореандском дворце, где жил и великий князь Константин Николаевич со своим семейством.

8 октября Государь снова предпринял поездку в Керчь в сопровождении великих князей Константина и Михаила Николаевичей. Выехав в полночь на яхте «Тигр», Его Величество утром 9-го числа осмотрел инженерные работы керченской крепости, произвел смотр расположенным под Керчью войскам (Литовскому пехотному полку, Керченскому полубатальону внутренней стражи и двум пешим батальонам Кубанского казачьего войска) и 10-го числа утром возвратился в Ливадию.

11 октября там представлялась Его Величеству прибывшая с Кавказа депутация от кабардинцев и осетин с адресами, в которых выражалась преданность их русскому царю и готовность идти на защиту государства от угрожавшей ему опасности.

Наследник Цесаревич выехал из Ливадии в половине октября кратчайшим путем в Петербург. Проездом через Москву он остановился только для посещения Троицко-Сергиевской лавры, которую осматривал 18 октября во всей подробности под руководством одного из бывших его преподавателей профессора Духовной академии Кудрявцева. 19 октября Его Высочество возвратился в Царское Село.

Во время пребывания в Ливадии, при частых свиданиях Государя с великим князем Константином Николаевичем, окончательно решено было увольнение последнего от его должностей в Царстве Польском. К такому решению побуждало не столько расстройство здоровья Его Высочества, сколько перемена системы действий русского правительства относительно Польши. Крутой поворот от прежнего кроткого и мягкого управления с постепенным развитием местной автономии — к решительным

и суровым мерам подавления мятежа и восстановления в крае русской власти — признавался несовместимым с дальнейшим оставлением во главе управления брата царского. Сам великий князь выставлял именно это соображение главной причиной, побуждающей его покинуть свой пост, и настаивал, чтобы в рескрипте, который должен был сопровождать увольнение его, выражено было, что Его Высочество увольняется по собственному его желанию*, вследствие признанной необходимости принятия в Царстве Польском строгих мер, не соответствующих той системе умиротворения края, которая вызвала в прошлом году назначение его наместником. Великий князь желал, чтобы оставление им этого поста получило в глазах России и Европы значение политическое. Так и было сделано: редактированный в Ливадии графом Ал<ександром> Вл<адимировичем> Адлербергом проект рескрипта, по приказанию Государя, передавался предварительно на просмотр великому князю, который своей рукой сделал в нем некоторые поправки. Все бумаги, заготовленные относительно увольнения Его Высочества, были утверждены Государем 10 октября; но приказ по этому случаю последовал только 19-го числа. Тем же приказом генерал-адъютант Берг утвержден в должностях наместника и главнокомандующего, о чем в тот же день сам Государь известил его по телеграфу, прибавив при этом следующие строки: «Да поможет вам Бог оправдать мое доверие; вполне уверен, что войска гвардии и армии под вашим начальством будут продолжать служить с тем же усердием и отличием, как при брате».

25 октября Государь выехал из Ливадии и, путешествуя безостановочно, прибыл в Царское Село утром 1 ноября. Императрица выехала с младшими детьми двумя днями позже; но, путешествуя с остановками для ночлегов, прибыла в Царское Село только 13 ноября. Великий князь Михаил Николаевич со своим семейством возвратился в Тифлис, а великий князь Константин Николаевич, также с семейством выехав из Крыма несколько дней позже, отправился за границу через Вену, куда прибыл 11-го числа.

Во все продолжение отсутствия Государя, с 11 сентября и до 1 ноября, оставаясь в Петербурге, я пользовался временным спокойствием для усиленных занятий делами министерства. В то время разрабатывалось множество важных вопросов, требовавших моего личного участия и частых совещаний. Осеннее время года, особенно в отсутствие Царской фамилии, когда в

* Далее в автографе зачеркнуто: «настаивал на том, чтобы побуждение это было выставлено как можно рельефнее» *(примеч. публ.)*.

Петербурге наступает мертвое затишье, было для меня почти единственным удобным периодом для серьезной работы*.

Сверх усиленных занятий собственно по Военному министерству, приходилось мне посвящать немало времени и делам общим по Государственному совету, в котором в эту осень обсуждались многие весьма важные законодательные работы. В числе их самой обширной и сложной было Положение о земских учреждениях. В разработке этого вопроса, имевшего столь общее значение для будущности России, не мог я не принять самого деятельного и горячего участия. Прения по этому делу заняли много заседаний в продолжение всей осени. По некоторым пунктам проекта мной заявлены были особые предложения и, между прочим, относительно состава земских собраний, в которых имелось в виду уравновесить, по возможности, значение трех составных элементов: крупного землевладения, городского населения и сельского. Припоминаю, что над этим вопросом мне случалось не раз работать с помощью Дмитрия Мартыновича Сольского, состоявшего тогда чиновником II отделения собственной Е.В. канцелярии и уже выдававшегося своими замечательными способностями. Некоторые из выработанных нами вместе предложений относительно соразмерности гласных в собраниях, были приняты Государственным советом; но к крайнему прискорбию, в окончательном результате Положение вообще вышло далеко не соответствующим ожиданиям тех, которые мечтали о создании прочного основания для будущего политического развития России.

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В СЕНТЯБРЕ И ОКТЯБРЕ

С отъезда великого князя Константина Николаевича из Варшавы, генерал-адъютант граф Берг вступил во все права и обязанности наместника и главнокомандующего. Хотя отсутствию

---

* Далее в автографе зачеркнуты два абзаца:

«5 октября происходило в католической церкви отпевание умершей герцогини Монтебелло, супруги французского посла, который по причине его болезни не мог ранее выехать из Петербурга. На отпевании присутствовали наличные члены Царской фамилии и те лица, которые почему-либо оставались в то время в столице. Почести, оказанные при этом случае умершей, обратили на себя внимание Тюильрийского двора; барону Будбергу поручено было выразить Петербургскому кабинету признательность французского правительства.

В ночь с 7 на 8 октября вторично в этом году Петербургу угрожало наводнение. Вода поднялась так высоко, что выступила даже в некоторых центральных частях города и причинила многие повреждения. К утру ветер переменился и вода пошла на убыль» *(примеч. публ.)*.

Его Высочества вначале дано было значение временного отдохновения, однако ж, все догадывались, что он не возвратится на прежний свой пост. С этого времени вся ответственность лежала на графе Берге. 31 августа последовало и окончательное увольнение маркиза Велёпольского от должности начальника гражданского управления.

Принятое в то время решение усилить войска Варшавского округа и временно передать Августовскую губернию в ведение начальника Виленского округа — открывало графу Бергу полную возможность, согласно его требованиям и предположениям, взяться с большей энергией за подавление вооруженного мятежа в Царстве. С обычной своей настойчивостью он повторял во всех своих письмах ко мне просьбу об ускорении передвижения войск*.

Чтобы устранить, по возможности, всякие затруднения в исполнении предстоявших перемещений войск и недоразумения, встречавшиеся при передаче Августовской губернии в ведение генерала Муравьёва, командирован был в Варшаву директор канцелярии Военного министерства Свиты генерал-майор Кауфман (Константин Петрович). Ему поручено было отвезти собственноручное письмо Государя к графу Бергу с личным объяснением, как с ним, так и с М.Н. Муравьёвым, уладить все вопросы. Поручение это было выполнено генералом Кауфманом с полным успехом. Выехав из Петербурга 1 сентября, он пробыл несколько дней в Варшаве и Вильне и возвратился с письмом графа Берга, который очень благодарил за присылку этого достойного и дельного генерала.

Генерал Кауфман привез из Варшавы сведения довольно успокоительные. Вооруженный мятеж заметно ослабевал; стычки с мятежниками случались реже прежнего. Из числа главных предводителей шаек многие уже положили свои головы в бою или подверглись заслуженной казни, а иные, вполне разочарованные, покинули совсем театр действий**. Один из них (Янковский) даже сдался добровольно и открыл многие интересные подробности мятежа.

Однако же, мятежники все еще не отказывались от своих замыслов и не теряли надежд на внешнюю помощь. В этих иллю-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Но при тогдашнем бездорожье это требовало немало времени на перемещение целых дивизий, так что, несмотря на все принятые меры, 10-я пехотная дивизия могла окончательно собраться в Царстве Польском только в первых числах сентября, а 8-я — еще позже, к началу ноября» *(примеч. публ.)*.

** Так, в конце августа Тачановский, богатый познанский землевладелец, после многих неудач уехал в Париж, так же как и француз Калье, рассорившийся с другими предводителями шаек.

зиях поддерживали их тайные сношения Варшавского Жонда с Пале-Роялем. Граф Берг подозревал, что сношения эти производились через посредство курьеров, приезжавших к французскому консулу в Варшаве и пользовавшихся правами дипломатических курьеров. В то время, когда боевые силы мятежа казались уже истощенными, вновь прибывшие в Познань и Силезию французские офицеры выжидали благоприятного момента, чтобы присоединиться к шайкам. Появление этих добровольцев представлялось в глазах легкомысленных поляков верным предвестником скорой помощи иностранных армий.

В конце августа съехались в Варшаву некоторые из самых ярых представителей партии «красных» и во главе их — Хмелинский. Они укоряли революционный Жонд в недостатке энергии и даже заподозрили некоторых членов его в тайных сношениях с русскими властями. Жонду ставили в вину прекращение в последнее время покушений на убийство высших правительственных лиц. Вследствие этих обвинений некоторые из членов революционного правления принуждены были покинуть Варшаву, уступив места свои другим, более рьяным вожакам восстания. В обновленном своем составе[204] Варшавский Жонд замышлял разные предприятия, одно нелепее другого, как-то: взрывать казармы войск, бомбардировать Варшавскую цитадель и т.п. Сделана была попытка подорвать кредит России выпуском массы подложных бумаг; но замысел этот был расстроен открытием полицией заготовленных подложных билетов Государственного казначейства. Предположено было вновь развить и вооруженный мятеж, для чего последовало распоряжение Жонда усилить набор в шайки. Было даже намерение опять призвать Мерославского, который со свойственным ему нахальством вызывался сформировать 10-тысячный иностранный легион. Все эти фантастические проекты, конечно, остались только в пылком воображении вожаков; но ревность их выразилась на деле усилением гнусных злодейств кинжальщиков и жандармов-вешателей. Составленные из этих негодяев мелкие шайки, большей частью конные, продолжали рыскать по всему краю, наводя ужас на мирное население своими зверскими убийствами.

В самой Варшаве начали чаще повторяться убийства по приговорам подпольного трибунала. Они совершались в домах, гостиницах и на улице, среди белого дня, часто в присутствии толпы, которая обыкновенно оставалась спокойной зрительницей преступления, так что большей частью убийца беспрепятственно скрывался, убегая через задние ходы магазинов, кофейных домов и т. п. Одно из самых дерзких убийств совершено 2 сентября: начальник отделения в управлении варшавского обер-полицмейстера Туган-Барановский, родом из литовских

Покушение на Ф.Ф. Берга

татар, человек почтенный, добросовестно исполнявший свои служебные обязанности, был убит в собственной квартире, среди семьи; жена и дочь были ранены; преступник скрылся.

Самое сильное впечатление произвело покушение на жизнь графа Берга. 7 сентября в 6-м часу пополудни, когда он возвращался из Бельведерского дворца в замок по улице Новый Свет и когда коляска его поравнялась с домом графа Замойского, из окон верхнего этажа этого дома сделан был выстрел и затем брошено несколько орсиньевских бомб. Пуля пробила воротник пальто графа и причинила легкую контузию на затылке; но экипаж пробит в нескольких местах; два казака в конвое и 9 лошадей ранены осколками бомб[205].

Граф Берг, не потеряв ни на минуту присутствия духа, немедленно приказал оцепить дом Замойского, занять его войсками, вывести из него всех живущих, вынести все их имущество и тщательно осмотреть все квартиры, особенно верхнего этажа. Приказание было приведено в исполнение неотлагательно. Из

обывателей дома женщины и дети отпущены на свободу, а все мужчины, числом до 120, арестованы, и самый дом конфискован. При обыске его найдено оружие, предметы военного снаряжения, военные снаряды и важные документы, уличавшие жильцов и самого владельца дома в деятельном участии в мятеже. Между ними особенно замечательна упомянутая уже мной записка, писанная рукой самого Мерославского 1 марта 1861 года[206] и заключавшая в себе программу или план задуманного тогда восстания; это полная инструкция, в которой Мерославский (прозванный в своей партии «отцом революции») в подробности указывал весь ход движения, все приемы, придуманные для того, чтобы раздувать мятеж, морочить русских и Европу. Все указания эти осуществлялись с замечательной точностью.

Распоряжения графа Берга относительно дома Замойского, как следовало ожидать, подали повод польским газетам к самым бессовестным клеветам и нелепым рассказам на счет действия солдат и начальников. Однако ж, впоследствии некоторые из более серьезных органов иностранной печати (в том числе английская «Times») вынуждены были опровергнуть распущенные гнусные клеветы.

Телеграмма с известием о покушении на жизнь графа Берга получена была Государем на другой день утром, по возвращении его из Гельсингфорса в Кронштадт. Его Величество тут же поручил мне выразить графу живое участие и вместе с тем одобрение принятых им энергических мер.

Несмотря на эти меры и на усиление полицейских строгостей на улицах Варшавы, через два дня, 9 сентября, совершено новое покушение на убийство: днем на людной улице ранен смертельно полковник Любушин, служивший в управлении X округа внутренней стражи, — человек, ничем не повинный перед польскими революционерами, кроме разве добросовестного и усердного исполнения своих служебных обязанностей.

Для расследования дела по покушению 7 сентября образована была особая комиссия под председательством генерал-майора Ермолова, коменданта Варшавской (Александровской) цитадели. Работа этой комиссии тянулась долго, и только спустя многие месяцы открыты были виновники преступления. Оказалось, что первая мысль о покушении родилась уже давно, вскоре по прибытии графа Берга в Варшаву; когда же там распространился слух, что великий князь Константин Николаевич покидает пост наместника и что место его займет граф Берг, тогда революционным Жондом было решено неотлагательно привести в исполнение задуманное покушение. Душой этого злодейского плана был уже известный нам Ляндовский, сын варшавского врача,

19-летний молодой человек, стоявший, как уже было сказано, во главе тех злодеев, которые за плату 50 копеек в день обязались беспрекословно исполнять кровожадные приговоры Жонда. В числе же исполнителей покушения 7 сентября оказались: отставной юнкер Корвовский, выстреливший из ружья, четверо других, бросавших бомбы и склянки с фосфором; затем участниками были несколько мастеровых, изготовлявших бомбы и фосфорный состав. Всего привлечено к суду 10 человек, кроме нескольких неразысканных. Следственное дело и суд над этим преступниками тянулись 11 месяцев, и только 4/16 августа 1864 года постановлен приговор, которым все виновные присуждены к смертной казни; но по конфирмации графа Берга казнены только трое главные и в числе их Ляндовский. Приговор этот приведен в исполнение 5/17 августа того же года на гласисе Варшавской (Александровской) цитадели.

Такое запоздалое возмездие за столь важное преступление не может удивлять, если примем в соображение те затруднения, которые следственная комиссия должна была встретить в первое время своего действия при тогдашнем состоянии варшавской полиции, когда преступники могли почти наверное рассчитывать на безнаказанность. Я уже говорил о жалобах графа Берга на несостоятельность всей местной администрации в крае, исключительно состоявшей из поляков, не внушавших никакого доверия; в каждом из них можно было подозревать тайного агента революции, а к тому же между служащими в Царстве Польском в эпоху маркиза Велёпольского водворилась крайняя распущенность, исчезла всякая служебная дисциплина. Полиция варшавская также составлена была из поляков, и потому представляла весьма ненадежное орудие для борьбы с крамолой. Всего более чувствовалась неотложная необходимость преобразования ее привлечением в ее состав хотя некоторого числа русских надежных людей. К этой мере и было наконец приступлено графом Бергом. По требованию его командировано в Варшаву значительное число городовых петербургской полиции; к ним добавлено несколько выбранных из войск расторопных нижних чинов; начальниками поставлены бойкие офицеры. Мера эта представляла, конечно, невыгодные стороны, так как русские городовые и солдаты не знали польского языка, не знакомы были с городом, с местными нравами и обычаями. Несмотря на то, изменение состава полиции с первого же раза выказало благоприятные результаты, а по мере увеличения числа русских чинов и знакомства их с местной обстановкой заметно усиливалась и русская власть в борьбе с подпольным врагом.

Уже в течение сентября в Варшаве начали приниматься разные меры для водворения порядка, более соответствующего тре-

бованиям военного положения, которое до того времени существовало только по названию. Установлены были строгие правила для домохозяев и дворников: на первых возложена была ответственность за всякий противузаконный случай в доме, обязанность наблюдать, чтобы не хранилось ничего запрещенного: оружия, других военных предметов, тайных типографий и т.п. Предписано было запирать ворота домов, закрыть задние ходы в магазинах, кофейнях и других общественных заведениях, так чтобы не было проходных помещений с улицы во дворы. Затем объявлено, что дом, в котором преступник нашел бы убежище, будет немедленно очищен от всех жильцов и подвергнут конфискации. Объявлено также, что в случае уличного злодейства, свидетели преступления, не оказавшие содействия к поимке преступника, будут признаны пособниками его и подвергнутся наказанию по всей строгости законов*.

Обыски, произведенные в некоторых домах, показали, что все прежние запрещения хранить оружие оставались мертвой буквой. Так, 28 сентября в самом центре города, на Медовой улице, открыт склад оружия, амуниции, одежды, заготовленной для повстанцев, также переписка и документы, уличавшие самого домовладельца (Грабовского) в деятельном участии в революционной организации; дом этот был конфискован. Тогда объявлен срок (8/20 октября) для заявления домовладельцами о хранящихся у них запрещенных предметах, с тем что объявившие об этом до истечения срока будут освобождены от всякого взыскания, и наоборот те, у кого открыты будут после срока, подвергнутся всей строгости законов военного положения**.

Кроме того на всех варшавских домовладельцев наложен был временный сбор в размере 8% с дохода, в видах возмещения чрезвычайных расходов, вызванных мятежом, на усиление полиции и другие меры охранения порядка в городе***. На имущества всех лиц, прикосновенных к мятежу, наложен секвестр, дабы лишить их возможности оказывать мятежу материальную помощь.

Одной из самых существенных мер, на которую решился граф Берг, был обыск монастырей и принадлежащих костелам домов. Монастыри были гнездами мятежа, опорными пунктами для шаек. Не раз уже бывали случаи, что в них укрывались мятежники; в них находились склады оружия, военных запасов, одежды, продовольствия. При обыске одного монастыря открыта была целая мастерская интендантская. Некоторые подгород-

---

* Объявление обер-полицмейстера 10/22 сентября и 12/24-го.

** Объявление обер-полицмейстера 30 сентября / 12 октября.

*** Объявление 20 сентября / 2 октября.

Вид Ратуши на Театральной площади в Варшаве

ные монастыри имели потаенные ходы. В иных найдены типографские станки. Особенно отличился деятельным участием в мятеже монастырь бернардинов, находившийся в самом центре Варшавы. Между настоятелями и монахами оказались ревностные деятели восстания.

Принятые графом Бергом строгие меры значительно ограничили предприимчивость и дерзость революционной власти в Варшаве. В особенности очищение монастырей и занятие их военными караулами принесли ощутительную пользу: с этого времени почти прекратилась мятежническая печать, прежние воззвания и декреты Жонда.

Однако ж, и после того еще долго продолжало проявляться существование подпольной силы, то отдельными случаями новых злодейств в самой Варшаве, то встречами наших войск с мятежными шайками в разных частях края. Так, 23 сентября в Варшаве совершено еще политическое убийство: в Европейской гостинице — одного из агентов мятежа (доктора Германи), заподозренного в предательстве; последствием этого преступления была, согласно объявленному правилу, конфискация всего здания означенной гостиницы и занятие его войсками. Несколько позже, 6 октября, мятежники покусились на новое злодейство: подожгли здание Ратуши, в котором, кроме Магистрата с его архивами, помещались Управление варшавской полиции и некото-

рые другие учреждения. В поджоге не могло быть сомнения, потому что пожар начался с архива Магистрата, а спустя некоторое время огонь показался в помещении полиции, совсем в другом здании, на втором дворе. Пожар продолжался с утра до поздней ночи. Кассы, денежные суммы и другие ценности, также и значительную часть архивных дел успели спасти.

Что касается до мятежных шаек, то действия их оставались во все продолжение сентября довольно незначительными, несмотря на все усилия вожаков поддерживать и раздувать их.

В центральной части края (в Варшавском отделе) во весь месяц были только две встречи с мятежниками: 2 сентября отряды, высланные из Варшавы (подполковник Адиль-Гирей) и Плоцка (полковник Мусницкий) настигли небольшую шайку у Стрыкова (между Ловичем и Лодзем) и рассеяли ее; а 17-го числа другая шайка разбита у Тарчина, в 30 верстах от Варшавы.

В северном отделе случились три встречи: 3 сентября в Млавском уезде шайка Кольбе разбита у Радзанова отрядами, высланными из Плоцка и Плонска; 6-го числа шайка Бранта напала на пограничный с Пруссией пункт Винцент, где мятежники ограбили и сожгли таможенные строения и потом скрылись в лесах за рекой Наревом; 7-го числа небольшая команда из 75 казаков из Пултуска (штабс-капитан Генерального штаба Шулешкин) нанесла поражение так называемому «золотому эскадрону», состоявшему из 250 отборных всадников, из которых остались на месте до 70 убитых; а в конце месяца довольно многочисленная шайка Орлика, появившаяся на прусской границе, между Млавой и Рыпином, была настигнута 28 сентября на речке Дзялдовке отрядом из Слупце и вторично 2 октября, у Любовидза (близ пограничного местечка Зелюня) отрядом из Млавы, который нанес мятежникам окончательное поражение.

В Люблинском отряде также было 3 случая несколько значительных встреч с мятежниками: 12 сентября высланный из Любартова отряд настиг и рассеял шайку в Пухачевских лесах (к востоку от Люблина); затем 24-го числа разбиты две шайки: одна Цвека (Цешковского) и Вержбицкого у Аннополя, отрядом из Янова; другая — Крысинского, в Хотынском лесу (между Радзиным и Гарволином), отрядом из Радзина, причем забрано до 100 пленных; остатки этой шайки настигнуты и окончательно рассеяны 27-го числа отрядом из Гарволина.

Наконец, на левой стороне Вислы войска Радомского отдела гонялись за шайкой Хмелинского, которая по временам усиливалась до 1200 человек пеших и конных присоединением шаек Искры, Отто и Вагнера (гарибальдийца). Генерал-майор Ченгеры после нескольких дней погони настиг Хмелинского 10 сентября у Хоржева (к северо-западу от Андреева) и, преследуя его

к Влощове, имел стычки 11-го и 12-го числа; но окончательное поражение нанесено Хмелинскому 18 сентября у Малы-Мельково (близ Лелева, по направлению от Андреева к Ченстохову), высланной из Келец колонной полковника Шульмана. В этом деле Отто убит, а Хмелинский после понесенной неудачи бежал в Краков. Пешие мятежники рассыпались в разные стороны, а конница под начальством Вагнера бросилась к востоку от Андреева. Высланный из Келец для преследования ее полковник Таубе с драгунами, после двух дней погони настиг Вагнера 26 сентября у Мотковице (между Андреевом и Пинчовом); здесь произошла отчаянная схватка; шайка понесла огромные потери и разбежалась, а сам Вагнер убит.

В то же время из войск Калишского отдела подполковник Тарасенков, преследуя шайку Слупского, настиг ее 23 сентября у Вевец (к северо-западу от Новорадомска) и вторично 2 октября нанес ей поражение при Душниках (к северу от Серадза).

Усиление войск в Царстве Польском не произвело на первое время заметной перемены ни в образе наших действий в том крае, ни в положении дел. Против рыскавших мелких шаек мятежников не приходилось сосредоточивать крупные отряды и предпринимать какие-либо решительные наступательные действия; нужно было раздроблять силы для повсеместного ограждения мирного сельского населения от продолжавшейся тирании мятежников. В этих видах граф Берг нашел полезным расположить всю 2-ю пехотную дивизию в северной части Люблинской губернии и образовать новый военный отдел — Седлецкий, под начальством генерал-лейтенанта Манюкина (начальника той дивизии). Прочие же, постепенно подходившие подкрепления распределялись по разным отделам. Мятежники покушались было остановить или замедлить перевозку войск по железным дорогам, разрушая и поджигая мосты; но причиненные кое-какие повреждения были быстро исправляемы, и передвижение войск совершалось безостановочно.

Не раз уже замечалось в ходе мятежа, что периоды затишья и нового усиления предприимчивости шаек чередовались в зависимости от происходивших дипломатических сношений между тремя державами, покровительницами Польши. В моменты кризиса в политике вожаки восстания напрягали все свои силы, чтобы подогреть остывавший мятеж, чтобы напустить пыль в глаза западной дипломатии; в это время обыкновенно замечалось усиление шаек, предпринимались более или менее безрассудные вторжения в Царство Польское из Познани и Галиции, а телеграф разносил повсюду хвастливые вести о мнимых подвигах польских воителей.

Так и после временного затишья, замеченного в течение сентября, с наступлением следующего месяца, когда в Париже, Лондоне и Вене еще колебались в решении вопроса: признать ли польских повстанцев воюющей стороной и объявить ли Россию утратившей свои права на Польшу; вожаки восстания затевали новые предприятия, собирали новые шайки и придумывали новые злодеяния. В это же время (около 10 октября) в Варшавском подпольном Жонде произошел опять переворот[207]. Во главе революционной организации явилось новое лицо со званием «начальника Жонда»: некто Ромуальд Траугут — помещик Кобринского уезда, бывший саперный офицер, — о котором было уже раз упомянуто мной в числе предводителей шаек в Северо-Западном крае, откуда он, после понесенных поражений, бежал в Краков, а в начале октября явился в Варшаву под ложным именем Михаила Чарнецкого, мнимого поверенного какого-то львовского торгового дома. Он принялся за переустройство всей подпольной администрации и поддержал еще на некоторое время силы издыхавшего мятежа.

Главные военные предприятия в начале октября были задуманы со стороны Ѓалиции. Собраны были две шайки для вторжения в Люблинскую и Радомскую губернии: одна из них, силой до 1000 человек, под начальством Валигурского, перешла 6 октября границу от Радомысля к Закликову; в тот же день другая шайка — Чеховского, в числе 1000 человек пеших и 300 конных, — шайка, составленная преимущественно из галицких панов и шляхты, с присоединением значительного числа иностранцев (французов, итальянцев, венгерцев), хорошо вооруженная и долго обучавшаяся — переправилась через Вислу у Осека. Шайка Валигурского была замечена австрийскими пограничными войсками, которые успели остановить хвост колонны и после непродолжительной перестрелки заарестовали до 170 человек, которых отправили в крепость Иглау; также захвачен был обоз шайки с оружием и военными запасами; некоторые из мятежников бежали, так что из шайки успели перейти границу только около 570 человек. Шайка эта двинулась на соединении с Вержбицким, следовавшим в это время навстречу ей через Ополе. Но по первому известию о вторжении галицийской шайки, полковник Медников двинулся из Янова и 9 октября настиг Валигурского в лесу у Вулькищацка (между Закликовом и рекой Вислой). Мятежники понесли значительную потерю и ушли обратно за границу.

В тот же день, 9 октября, и Чеховский был встречен войсками у деревни Климонтово (к югу от Опатова, к востоку от Сташова). Мятежники упорно защищались в деревне Юрковице; но окруженные с трех сторон войсками, понесли полное пораже-

ние; до 200 человек погибло в загоревшихся домах; до 150 человек сдались в плен; множество раненых было размещено по окрестным деревням. Сам Чеховский, с частью конницы, бежал заранее к Ильже. Между пленными оказались многие иностранцы и в том числе один итальянский офицер*. В наших войсках потеря также была не маловажная: 28 убитых и 77 раненых.

Около того же времени происходили стычки с другими шайками в Радомском и Калишском отделах. Два отряда, из Велюня и Серадза, преследовали два дня появившуюся к югу от Велюня шайку Слупского и, настигнув ее к югу от Турска, рассеяли ее. Другую конную шайку Рудовского (в 220 всадников) преследовал майор Тихоцкий с $2^1/_2$ эскадронами драгун из Радома. Сделав в три дня 250 верст, драгуны настигли мятежников в ночь с 7 на 8 октября у местечка Солец на Висле (ниже Юзефова). Мятежники спасались от погони вплавь, причем многие потонули.

9-го же числа на рассвете шайки Хмелинского, Куровского и Грелинского, силой до 2 тысяч человек, напали неожиданно на небольшой отряд майора Бентковского, высланный из Келец и ночевавший у деревни Окса (между Влощовой и Андреевом). После довольно продолжительного боя мятежники были отбиты, и в тот же вечер сами атакованы майором Бентковским на ночлеге у деревни Квилина (к западу от Окса), потерпели поражение и бросились бежать, оставив свой обоз.

После этих встреч, случившихся почти одновременно, несколько дней было спокойно, и нигде шайки не показывались до 17 октября. В этот день генерал-майор Ченгеры снова настиг у Бодзентина (к востоку от Келец) шайку Хмелинского, силой до 500 человек, и нанес ей поражение; одних пленных взято до 200 человек. Вслед за тем мятежники возобновили покушения со стороны Галиции. Одна шайка, в числе до 300 человек, вторглась 18 октября в Люблинскую губернию близ Томашова; но встреченная войсками, высланными из Устилуга, немедленно отброшена обратно за границу. Другие же, более сильные шайки, 19 октября направились на Волынь. Главная часть, в числе до 2 тысяч человек, под начальством графа Комаровского (тут же находился и Рошбрюн) попробовала сначала перейти границу у Джар (близ границы Царства Польского); но наткнувшись тут на русские войска, возвратилась, и сделав обход, вторглась против местечка Порецка. Против нее были направлены войска из Устилуга, Владимира-Волынска, Дружкополя, и мятежники поспешили уйти назад в Галицию; однако ж, у них за-

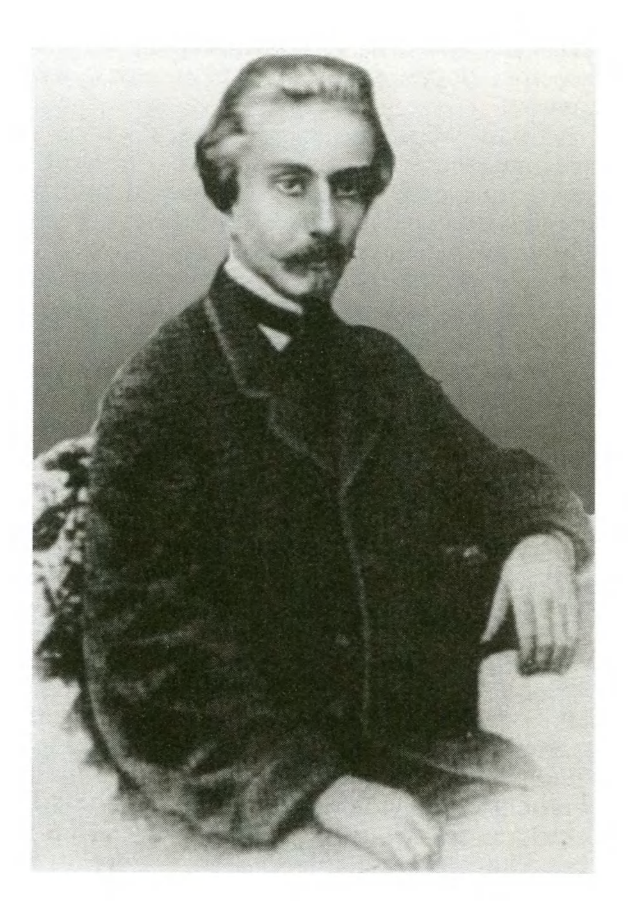
* В то же время во Влацлавском уезде попал в плен другой итальянский офицер, Бречелли, бывший адъютант Гарибальди, со всей шайкой из 48 «жандармов-вешателей».

хвачен обоз и несколько пленных. Показавшаяся в то же время против Радзивилова другая шайка, силой до 800 человек, вовсе не решилась переступить границу. При обратном бегстве шаек австрийцы арестовали до 500 человек и обезоружили их; остальные разбежались по лесам.

В продолжение недели, с 22 по 29 октября, почти ежедневно происходили стычки с мятежниками как в Люблинском, так и в Радомском отделах. В первом — соединенные шайки Зелинского, Кобылинского, Шидловского и Линиевского, составившие вместе до 1500 человек, были преследуемы отрядами, высланными из Холма и Люблина, на протяжении от местечка Пяски до Луковских лесов. Здесь часть шайки наткнулась 27-го числа на отряд, высланный из Радзина, и отброшена им до Желехова, а 29-го числа снова встречена у Ласкаржева (к северу от Ивангорода) отрядом, высланным из Гарволина. В неоднократных стычках в продолжение этой семидневной погони, мятежники понесли большие потери; многие попали в плен, часть разбежалась.

В то же время высланный из Радома летучий отряд из 54 драгун, 10 казаков и 75 стрелков на подводах, под начальством двух молодых, отважных офицеров, поручиков Ассиева и Медянова, обыскивая леса между Радомом и Вислой, где Чеховский снова формировал шайки и устраивал склады, готовясь к «зимней кампании», после трехдневных поисков, наконец, на рассвете 25-го числа внезапно настиг Чеховского, расположившегося с конной шайкой из 120 всадников у деревни Кренпе (верстах в 6 от Липска, к востоку от Илжи). Тут произошла непродолжительная схватка; мятежники обратились в бегство; но сам Чеховский был настигнут лично поручиком Медяновым, сброшен с лошади и при этом получил смертельную рану. Рядом с ним убиты и двое адъютантов его. Чеховский был одним из самых рьяных и вместе с тем жестокосердных «довудцев» шаек; на него вожаки мятежа возлагали большие надежды для продолжения борьбы в предстоявшую зиму и потому весьма скорбели о его гибели.

По смерти Чеховского, руководители восстания рассчитывали на одного из молодых и энергичных предводителей шаек — Жихлинского. В то время он, как раненый, скрывался на мызе у одного помещика в глуши леса между местечком Гройцы и Гура-Кальвария. Посланный для поимки его небольшой разъезд из 40 гусар и 10 казаков под начальством поручика барона Меллер-Закомельского (одного из сыновей генерала), незаметно подкравшись к мызе, удачно захватил Жихлинского с его адъютантом и одним ксендзом, считавшимся начальником в Гощине, и всех троих доставил в Варшаву.

Игнаций Хмелинский

С этого времени осталась в Радомском отделе одна конная шайка Хмелинского и Босака. Под этим последним псевдонимом появился граф Гауке, бывший кавалергардский офицер, брат фрейлины Гауке, на которой был женат принц Александр Гессенский, родной брат императрицы Марии Александровны. Шайка эта продолжала еще довольно долго рыскать в этой части края, злодействуя над мирным населением и ловко увертываясь от гонявшихся за ней отрядов.

В последние дни октября появилась и в северном отделе многочисленная шайка, силой до 3 тысяч человек. Из войск Виленского округа, находившихся в Августовской губернии, отряд из 3 рот лейб-гвардии Семёновского полка настиг 25 октября мятежников между деревней Железной и рекой Омулев (к северо-западу от Остроленки) и рассеял шайку. Затем 31-го числа шайка в 500 человек, предводимая каким-то французом Дюбуа,

была разбита близ Петербургско-Варшавской железной дороги у деревни Порембы, в Островских лесах (между Островом и Вышковом).

Таким образом, вооруженный мятеж поддерживался еще в течение всего октября; но это было бесплодное напряжение последних сил, истощенных уже непрерывной, в продолжение десяти месяцев, борьбой ничтожных шаек с грозными силами Империи. Нельзя не пожалеть о том, что столько энергии, столько молодых сил, столько материальных средств было потрачено на безрассудное дело, затеянное несколькими честолюбцами и поддержанное легкомысленными фанатиками. Расчеты на вооруженное вмешательство Европы рушились, и наступил решительный перелом в положении дел. Русское правительство, успокоившись — по крайней мере до весны — со стороны угрожавшей коалиции, приступило энергически к коренным мерам для восстановления своей власти в Царстве Польском, не заботясь уже о том, чтобы ублажать поляков и Европу.

Одной из первых подобных мер было переустройство полиции. Улучшение состава ее в Варшаве начало скоро приносить наглядные результаты: почти ежедневно открывались в разных местах города склады оружия и военных запасов; также документы и переписка, приводившие постепенно к раскрытию тайн мятежа и участников его; беспрестанно производились аресты таких личностей. Главные деятели и уличенные в злодействах разного рода подвергались смертной казни; другие высылались из края. Особенно содействовало успешной борьбе с остатками крамолы прибытие в Варшаву генерал-майора Трепова, назначенного начальником III округа Корпуса жандармов, — человека, известного замечательной энергией, деятельностью и уже близко знакомого с местными условиями края.

В том же октябре началась деятельность моего брата Николая по устройству быта крестьянского населения в Царстве и по другим административным преобразованиям. О возложенных на него работах сообщено было мной графу Бергу немедленно по отъезде Государя в Крым. В письме от 12 сентября[208] я писал графу Бергу, что Его Величество поручил мне рекомендовать ему моего брата, и прибавил от себя: «De mon côté je puis dire que mon frère ne sait rien faire autrement qu'avec un entier dévouement à la cause qu'il sert et avec toute la bonne foi d'un homme qui agit selon ses convitions»*. Нужно ли пояснять, что

* «Со своей стороны, я мог бы сказать, что мой брат умеет действовать не иначе, как с полной преданностью делу, которому служит, и со всей полнотой доброй веры человека, который действует в согласии со своими убеждениями» *(фр.)*.

фраза эта была вставлена с целью — дать понять графу Бергу, что брат мой приступает к возложенной на него работе не как чиновник-исполнитель, а как самостоятельный государственный деятель.

В продолжение почти месяца с отъезда Государя брат мой работал в Петербурге, предварительно изучая крестьянский вопрос в Царстве по тем материалам, которые мог собрать в Статс-секретариате польском и в некоторых министерствах. Вместе с тем он приискивал себе сотрудников. В этом отношении он уже заранее заручился содействием некоторых друзей и прежних товарищей по Редакционной комиссии. Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкаский и другие* охотно откликнулись на приглашение брата, обладавшего особым даром — притягивать к себе людей хороших и внушать своим сотрудникам преданность и любовь к делу. Те лица, которые с такой любовью потрудились над крестьянским делом в России, не могли не сочувствовать решению того же дела в Царстве Польском, где оно являлось не только вопросом социальным и экономическим, но и политическим, как существеннейшее средство для ослабления мятежной революционной силы. Сами руководители восстания давно уже понимали всю важность этого вопроса и не раз брались за него, чтобы разрешить в свою пользу. Однако ж, на деле они ограничились одними громкими воззваниями; сельское население и не придало никакой веры обольстительным обещаниям мятежников. Освобождение польских крестьян из-под гнета панов и шляхты оставалось открытой задачей для русского правительства, и многие у нас понимали необходимость скорейшего разрешения его. Так, еще в марте 1863 года высказывал эту мысль Валерий Валериевич Скрипицын в письме ко мне из Ниццы: «Одно это может обеспечить в будущем нашу безопасность, потому что везде, а в Польше особенно, не в народе, а только в аристократии гнездятся честолюбивые и завоевательные замыслы; народ же, особенно крестьяне, никогда не мечтают ни о революции, ни о войне; следовательно, всегда останется покойным, если аристократия будет лишена всякого на него влияния; она только может обратить его в могущественное орудие своих властолюбивых замыслов»**. При этом Скрипицын прямо указывал на дарование крестьянам польским в собственность земли, на которой они живут и которую обрабатывают, на

---

* В том числе привлечен был и Яков Александрович Соловьев — один из усерднейших работников в земском отделе в Министерстве внутренних дел при Ланском. Он лишился своего места в 1863 году совершенно неожиданно, вследствие «несходства во взглядах» с Валуевым[209].

** Письмо от 14/26 марта[210].

уничтожение права дворян быть войтами гмин и на дарование народу независимого мирского управления, с устранением всякой власти и влияния дворянства на крестьян.

Все предположения эти суждено было осуществить моему брату. Но для разработки столь сложного вопроса недостаточно было изучить его по материалам, собранным в Петербурге; необходимо было дополнить их работами в Варшаве и проверкой на самых местах. Для этого брат и решился отправиться с своими сотрудниками в Царство Польское, а попутно повидаться с генералом Муравьёвым, который тогда уже сам должен был приняться за ту же задачу в Августовской губернии. Несмотря на то, что М.Н. Муравьёв принадлежал прежде к числу противников освобождения крестьян вообще и личных противников моего брата, однако ж теперь, в применении к Западному краю и к Польше совершенно изменил свое воззрение на крестьянский вопрос и лишь только узнал о возложенном на брата поручении, сам первый протянул ему руку. В письме к нему от 25 сентября М.Н. Муравьёв высказывал, какое значение придает устройству крестьянского быта в том крае; предлагал брату полное свое содействие в разрешении вопроса и выражал желание идти с ним в этом деле «рука об руку»[211].

9 октября брат мой с Ю.Ф. Самариным, князем В.А. Черкасским и несколькими еще сотрудниками (всего 9 человек) выехал из Петербурга; на другой день, прибыв рано утром в Вильну, остановился там на два дня, которые провел большей частью в беседах с М.Н. Муравьевым. Встреча их была самая радушная; в продолжительных совещаниях их оказалось совершенное сходство в основных взглядах их на дело. Брат обещал Муравьёву посетить его еще раз на возвратном пути.

Прибыв в Варшаву 12-го числа под вечер, брат, по приглашению графа Берга, сейчас же явился к нему по-дорожному и был принят чрезвычайно любезно. Помещение для него и для его сотрудников было приготовлено в здании бывшей Европейской гостиницы*, где они, однако ж, оставались не долго, так как помещение это оказалось весьма неудобным для серьезных занятий, и потому они были потом перемещены в так называемый Брюлевский дворец, где нашли полный комфорт.

На другой день приезда, утром, брат представился официально наместнику со всеми своими сотрудниками; все они были приглашены в тот же день к обеду в замок. Граф Берг познако-

---

* Сначала предполагалось поместить их в замке наместника; но после бывшего 6 октября пожара ратуши оказалось необходимым временно перевести в замок большую часть учреждений, помещавшихся прежде в сгоревшем здании.

мил брата со всеми главными лицами варшавской администрации, между которыми мало нашлось личностей симпатичных и внушающих доверие. По наружности наместник обошелся со всеми приезжими весьма любезно; но с первых же дней можно было подметить, что под его учтивыми формами не было искреннего сочувствия. Все окружавшие графа Берга не только поляки, но и русские* смотрели на приезжих петербургских как на людей, вторгающихся в чужие дела.

Приведу здесь выписку из любопытного письма, в котором брат мой, на другой день по приезде в Варшаву (13 октября) сообщил мне первые впечатления, произведенные на него объяснениями с генералом Муравьёвым и графом Бергом:

«Разница между Вильной и Варшавой огромная: там власть действительно восстановлена; она в себя верит и ей верят; между начальником и подчиненными (насколько я успел заметить) полное единство в стремлениях и действиях; наконец, есть план, хотя быть может, отличающийся чрезмерной суровостью, но в основании разумный и строго исполняемый; здесь — ничего подобного мне еще не удалось открыть, да и едва ли откроется; во всяком случае, с первой минуты поражает взаимное недоверие и разъединение. Тут брошено такое семя взаимного недоверия не только между гражданскими и военными элементами, но даже в среде последнего, что только сильная личность могла бы связать все части и дать им одно твердое направление; а именно этой-то личности нет... Не могу скрыть, что я не нашел здесь никакого определенного плана. Все делается наудачу, по случайным соображениям, и я боюсь, что даже эффект, на который рассчитывают, едва ли удастся.

Муравьёв понял очень ясно, что стычки с шайками не разрешают вопроса; что надо побороть и разрушить местную революционную организацию, разорвать нити этой подземной паутины. Для этого он противопоставил свою военно-гражданскую организацию; для этого он поднимает народ и подкашивает денежные источники революции. Он меня поразил ясностью взгляда (и даже ясностью речи) в этом вопросе (что впрочем не мешает ему во всех других общих вопросах отличаться по-прежнему крайней шаткостью понятий и речей). Дело в том, что он попал на настоящее свое призвание и до поры до времени приносит несомненную пользу.

---

* В одном из своих писем из Варшавы (от 4/16 ноября) брат писал мне, что изо всех лиц варшавского управления находит одного генерал-майора Трепова человеком полезным и дельным. «Без него была бы безалаберность полная»[212].

Здесь, наоборот, суровости — дело случайное. Рядом с ними — явные признаки шляхетской тенденции. К крестьянскому делу — ни малейшего сочувствия. Гражданские власти, если не помогают косвенно и тайно мятежу, то относятся к нему как-то нейтрально, и к этому все привыкли. Мне уже попались в руки некоторые документы, которые истинно изумительны. Я постараюсь собрать поболее и представлю при особой объяснительной записке. Первые мои разговоры с здешними властями дают мало надежды, чтобы серьезные меры по крестьянскому делу могли совершиться при настоящем составе здешнего управления...»[213]

В первую неделю своего пребывания в Варшаве брат мой с своими сотрудниками занимался дополнением привезенных из Петербурга сведений по крестьянскому делу в Царстве, старался разъяснить разные темные стороны дела личными разговорами с местными чиновниками и некоторыми из поляков, а вместе с тем делались приготовления к объезду некоторой части края для ближайшего, наглядного ознакомления с действительным положением крестьян. Поездка предположена была в составе целой комиссии, и так как в то время было в крае небезопасно, то сделаны были распоряжения о назначении частей войск в конвой. Распорядителем в пути был подполковник Генерального штаба флигель-адъютант Анненков.

Комиссия, в составе которой, кроме брата, участвовали Самарин, князь Черкаский, Арцимович, выехала из Варшавы в ночь с 19 на 20 октября по железной дороге до Лодзя, откуда начался объезд. В продолжение пяти дней, с утра до вечера, комиссия переезжала из одной деревни в другую, частью в Варшавской губернии, частью в Радомской (в стороне Олькуша); в каждой деревне собирался сход крестьян; члены комиссии беседовали с ними, расспрашивали об их нуждах, выслушивали их жалобы, причем старались устранять всяких лиц, не принадлежащих к крестьянскому сословию, как-то: управителей имений, арендаторов, писцов, ксендзов и подобных им. Крестьяне каждой посещенной местности первоначально выказывали робость и сдержанность, но после первых сочувственных слов приезжих ободрялись и начинали высказываться с откровенностью и доверием. Впервые приходилось им встретить со стороны чиновников благодушное участие к крестьянским нуждам и желаниям. Случалось, что некоторые из крестьян, особенно старики и женщины, прослезившись, бросались обнимать колени своих посетителей. Случаи эти, повторявшиеся почти во всех селениях, произвели глубокое впечатление на членов комиссии; они нашли в крестьянском населении Польши, по крайней мере той части ее, которую посетили, гораздо более утешительных задат-

ков для будущего, чем могли ожидать. О флигель-адъютанте Анненкове брат мой отзывался с большими похвалами, так же как о некоторых провожавших комиссию военных начальниках, и любовался духом войск, от которых назначался конвой.

Совершив благополучно свою поездку, комиссия возвратилась 25 октября в Варшаву[214]. Между тем, пока она спокойно путешествовала по краю, в самой Варшаве произошло новое злодейство — покушение на генерал-майора Трепова. С самого приезда своего в Варшаву он уже был обречен на смерть подпольным Жондом; несмотря на то, он продолжал ездить по городу один, без конвоя и каждое утро имел обыкновение ходить пешком с дочерью из Брюлевского дворца в православный собор молиться за упокой души недавно скончавшейся супруги. 21 октября в 9 часов утра пятеро негодяев подстерегли его в Сенаторской улице, и один из них бросился на Трепова с намерением нанести удар топором по голове. К счастью, топор скользнул и только задел немного ухо. Трепов, обернувшись, схватил злодея за ворот, вырвал из его рук топор и нанес ему три раны. Проходившие в это время офицер и писарь помогли Трепову задержать злодея; другие сообщники последнего убежали, побросав свои кинжалы; но один из них также был вскоре арестован. Все они оказались ремесленниками, завербованными подпольным Жондом. Оба захваченные были по приговору суда повешены 31 октября на Театральной площади, близ самого места происшествия.

В конце октября получено было в Варшаве официальное сведение об увольнении великого князя Константина Николаевича от должностей наместника и главнокомандующего и назначении графа Берга. В своем месте было уже упомянуто, что еще 19-го числа, в самый день утверждения приказа, граф Берг был извещен о его назначении телеграммой самого Государя из Ливадии. Известие это доставило ему большое удовольствие; на другой день вся Варшава уже знала важную новость. Но формальное объявление последовало только 1 ноября, а 3-го числа назначен был по этому случаю большой прием в замке: чины военные и гражданские, духовенство, представители разных учреждений и сословий, иностранные консулы съехались для принесения поздравления новому наместнику и главнокомандующему. Затем 6-го числа собраны были в замок начальники военных управлений и частей войск для прочтения во всеуслышание полученного из Ореанды от великого князя Константина Николаевича прощального его приказа войскам Варшавского округа, а также трогательных писем по тому же случаю, как Его Высочества, так и великой княгини Александры Иосифовны. Для принесения Их Высочествам благодарности от имени всех военных чинов

округа за выраженные в этих письмах теплые чувства, отправлена была с Высочайшего разрешения депутация в Вену ко времени прибытия туда великого князя. 11 ноября депутация принята Их Высочествами с особенным радушием; также оказано было ей самое любезное внимание императором Францем-Иосифом и эрцгерцогом Альбрехтом. Пробыв в Вене несколько дней, Их Высочества отправились в Гослар, где предположили провести зиму в полном спокойствии.

В это время и в Вене убедились, наконец, что система заискивания в поляках, потворства им в угоду Франции и Англии ведет к опасным для самой Австрии результатам. Положение дел в Галиции внушало серьезные опасения: и там уже случались стычки между войсками и шайками мятежников; и там открыта полная революционная организация со своим жондом, собиравшим «налоги», постановлявшим смертные приговоры и приводившим их в исполнение. Так, в октябре убит во Львове окружной судья Кущинский, на которого возложено было ведение следственных дел о лицах, арестованных по обвинению в польских революционных замыслах (князь Адам Сапега и другие). Наконец, и австрийское правительство признало необходимым принять некоторые меры строгости: войска в Галиции усилены; приказано им обезоруживать мятежников, покушающихся предпринимать вторжения в Царство Польское и на Волынь; объявлено от наместника строгое приказание всем имеющим оружие выдать его под страхом наказания. Издание краковской газеты «Час»[215] было наконец прекращено*. Оставалось только пожалеть, что подобные меры не были приняты ранее, так как происходившее в Галиции во все продолжение лета не было ни для кого тайной. Принятые правительством меры подали повод к горячим упрекам министерству в Венском Рейхсрате (5/17 ноября): по обыкновению поляков, депутаты галицийские подняли крик на образ действий властей, полиции и войск, будто бы притесняющих и угнетающих совершенно невинных граждан. Министры должны были, для оправдания местных властей, раскрыть перед палатой всю истину и сознаться в печальных результатах слишком продолжительного потворства польским проделкам.

* В то время в Варшаве открыт был тамошний корреспондент этой газеты: это был один из «жандармов-вешателей» Макоровский, исполнявший не раз приговоры Жонда. С прекращением издания «Часа», немедленно же появилась преемница ее, совершенно с ней сходная, под новым только названием «Chwila» (т.е. «Минута»).

ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКАЯ В ПОСЛЕДНЮЮ ТРЕТЬ ГОДА

С наступлением осени в общей политике европейской польский вопрос как бы отступил на второй план. Этому способствовали, с одной стороны, выказавшаяся в течение продолжительных дипломатических переговоров рознь в интересах и видах трех держав, а с другой стороны — выступившие вперед некоторые новые вопросы, заботившие те или другие государства. Так, для германских государств, после Франкфуртского конгресса и вопроса о реформах Союза, главным предметом забот сделались недоразумения с Данией по поводу Голштинии и Шлезвига; такими же больными местами были: для Франции — вопросы римский и мексиканский, а для Англии — натянутые отношения к Северо-Американскому Союзу.

Положение дел в Италии постоянно озабочивало Наполеона и министров его. Приняв на себя ограждение светской власти Папы в областях, еще остававшихся во владении Римского Первосвященника, император французов должен был держать в Риме значительный корпус войск. Одно лишь присутствие этих войск и обеспечивало существование папской власти. Наполеон, вынужденный действовать в угоду клерикалам, но в то же время, не желая идти прямо вразрез своему же основному политическому принципу — поддержания национальностей, и опасаясь лишиться популярности в народе, как во Франции, так и в Италии, старался установить между королевством Итальянским и Римским престолом хотя бы временный modus vivendi, для чего пытался, с одной стороны, обязать Туринский двор отказаться от всякого посягательства на Рим, с другой — склонить Ватикан к необходимым уступкам духу времени реформами в управлении церковными областями. Попытки эти оставались безуспешными с обеих сторон: итальянское правительство положительно заявило, что не может отречься от политики покойного Кавура, от заветной мечты всей Италии довершить свое объединение перенесением столицы в вечный город; римская же курия не поддавалась никаким советам Франции и за все ее заботы об ограждении светской власти Папы платила недоверием и холодностью. Английское правительство пользовалось этим случаем, чтобы ослабить влияние Франции в Италии, выказывая сочувствие свое к объединению нового королевства и в то же время предлагая Папе, в случае нужды, убежище на о. Мальте.

Другим предметом забот для Наполеона были дела мексиканские. Экспедиция, предпринятая первоначально с той лишь целью, чтобы принудить республиканское правительство к вознаграждению убытков, причиненных французским подданным

бывшими в Мексике неурядицами, приняла совершенно иной характер. Французские войска, проникнув в глубь страны, встретили упорное сопротивление от республиканцев и после значительных потерь, как в боях, так и от болезней, вступили наконец в столицу мексиканскую. Наполеон увлекся химерическими замыслами — водворить в этой отдаленной, чуждой стране монархию и возвести на престол ее одного из эрцгерцогов Австрийского дома. Несмотря на энергический протест республиканского Народного собрания против посягательства Франции на независимость страны, несмотря и на выказанные разумные предостережения во французском Законодательном собрании, в Мексике учреждено временное правительство под опекой французского главнокомандующего маршала Форэ; из набранных случайно личностей составлено подобие Народного собрания, которое в заседании 10 июля (нов. ст.) провозгласило «Империю» Мексиканскую и, согласно указанию французского императора, постановило предложить корону эрцгерцогу австрийскому Максимильяну, брату императора Франца-Иосифа. Немедленно отправлена была в Европу с этим предложением депутация от имени мнимого Народного собрания, непризнанного в стране и не имевшего никакой в ней опоры. Да и положение самих французов в Мексике было незавидное. Большая часть страны была во власти республиканцев; многочисленные их отряды партизанские рыскали в окрестностях самой столицы и на сообщениях французского корпуса с морским берегом и главным опорным пунктом — Вера-Круц. Сформированные французами туземные войска не были в силах меряться с республиканцами, число которых все возрастало. Борьба становилась все труднее для французского корпуса, отброшенного на такое дальнее расстояние от метрополии. Содержание его обходилось чрезвычайно дорого, и едва ли финансовые средства страны могли бы когда-либо покрыть громадные расходы Франции. При этом надобно заметить, что французские военные и морские силы были в то время разбросаны и в других отдаленных морях: в Кохинхине, Китае, Японии.

В сентябре месяце маршал Форэ, передав главное начальство французским экспедиционным корпусом генералу Базену, уехал во Францию с намерением убедить императора Наполеона в необходимости отправления в Мексику новых значительных подкреплений. В то же время прибыла в Европу и мексиканская депутация, которая первоначально явилась в Париж и затем уже отправилась в Триест, близ которого проживал эрцгерцог Максимильян в своем замке Мирамаре. Эрцгерцог, еще молодой человек (31 года), женатый на дочери бельгийского короля Леопольда I, Шарлоте, начальствовал австрийским флотом в чине

вице-адмирала; по всем отзывам знавших его близко, это был человек весьма образованный и симпатичный*. Кандидатура эрцгерцога Максимильяна на мексиканский престол была принята Венским двором с некоторым колебанием: толковали о том, прилично ли принцу дома Габсбургского принять корону из рук Наполеона III? Совместно ли с его достоинством быть обязанным своим положением народному голосованию? Более предусмотрительные возбуждали сомнение в том, обеспечено ли это положение в будущем, можно ли быть уверенным в прочности самого престола мексиканского? Однако ж окончательно император Франц-Иосиф дал свое согласие, и когда депутация мексиканская явилась в замок Мирамар с адресом от мексиканского Народного собрания, эрцгерцог объявил им, что он, согласно с желанием императора Наполеона, примет предлагаемую корону только в том случае, если избрание его будет утверждено поголовным голосованием всего народа и если получит надлежащие обеспечения от опасностей, могущих угрожать империи Мексиканской. Таким образом, окончательное решение вопроса было отсрочено, и французским властям в Мексике предстояло еще разыграть новый фарс — пародию поголовного голосования, когда более половины страны было в полном восстании против владычества заморских завоевателей.

Между тем вмешательство Наполеона во внутренние дела Мексиканского государства и замысел его водворить на американском континенте новую монархию с европейским принцем на престоле — произвели большое неудовольствие в Северо-Американском Союзе, который оказывал явно поддержку республиканскому правительству Хуареса и предупреждал Парижский кабинет, что подобный образ действий его на Американском материке может нарушить дружественные отношения его с Вашингтонским правительством.

Отношения последнего к Лондонскому кабинету, как уже замечено в других местах, были еще более неприязненные вследствие выказанного Англией явного благоприятства отложившимся от Союза южным штатам и в особенности допущения их снаряжать в английских портах каперов для нанесения вреда торговле северных штатов. Эти недоразумения с Вашингтонским правительством имели сильное влияние на великобританскую политику и, вероятно, способствовали в значительной степени тому, что Лондонский кабинет воздержался от более активного содействия Парижскому кабинету в польском вопросе. В Англии

---

* В автографе зачеркнуто: «и единственной слабой стороной его считалось неумение распоряжаться собственными своими денежными делами» *(примеч. публ.)*.

носился слух о заключении будто бы союзного договора между Россией и Северо-Американским Союзом; весьма быть может, что поводом к тому послужили, несмотря на всю свою таинственность, сношения наши с Вашингтонским правительством относительно отправлений в Америку нашей эскадры. Можно себе представить, какое впечатление произвело в Англии первое известие о прибытии этой эскадры к берегам Северо-Американского Союза.

Первым из наших военных судов прибыл в Нью-Йорк в начале сентября фрегат «Ослабя», шедший прямо из Средиземного моря. Появление его в устье Гудзона произвело между американцами настоящий фурор. Русских моряков приняли в Нью-Йорке с восторгом; капитану Бутакову поднесли звание нью-йоркского гражданина. Супруга президента Линкольна посетила русский фрегат и за завтраком провозгласила тост за здоровье русского Императора. Вслед за тем (13/25 сентября) прибыл на нью-йоркский рейд и сам адмирал Лесовский на фрегате «Александр Невский» в сопровождении прочих судов эскадры, за исключением несколько отставшего клипера «Алмаз». Когда русский адмирал с офицерами съехал на берег, то ему приготовлен был в Нью-Йорке торжественный въезд, похожий на триумфальное шествие. В голове шел батальон национальной гвардии; участвовали в шествии все власти, множество депутаций; улицы были запружены массами народа. Адмиралу Лесовскому поднесен был орден. На парадном обеде говорились самые дружественные речи. Один из американских адмиралов в жару импровизации так увлекся, что выразил надежду на заключение тесного союза между Россией и Северо-Американским Союзом, когда последнему будет угрожать внешняя опасность. Адмирал Лесовский отблагодарил ньюйоркцев блистательным банкетом на своем адмиральском фрегате. Эскадру нашу беспрестанно посещали жители Нью-Йорка; балы, обеды следовали один за другими, то в городе, то на русских судах. Скоро наши моряки составили себе обширный круг знакомых и друзей. Все русское сделалось предметом моды.

Эскадра наша оставалась на рейде нью-йоркском до 14 ноября. Перед уходом своим с этой гостеприимной стоянки адмирал Лесовский препроводил к городскому мэру собранную по добровольной подписке между офицерами сумму для раздачи бедным, преимущественно на отопление, по поводу наступавшего холодного времени и дороговизны топлива. Приношение это было сделано в таких любезных формах, что ньюйоркский мэр, в своем ответном письме, выразил вновь самые теплые чувства уважения и дружбы к нашим морякам.

Адмирал Лесовский, перенеся свой флаг на фрегат «Ослабя», отплыл с нью-йоркского рейда, в сопровождении обоих корветов и клипера «Алмаз» к устью Потомака и бросил якорь против Александрии, близ Вашингтона. Здесь так же, как и в других посещенных русскими судами приморских городах Северной Америки, им оказан был самый дружественный прием, с теми же чествованиями и радушием. Эти необычайные любезности не могли быть приятны для Англии и Франции при тогдашних натянутых отношениях их к Северо-Американскому Союзу, так же как и к России. Английские газеты не могли скрыть свою злобу и расточали оскорбительные отзывы, как об американцах, так и о нас, одинаково выставляя и тех и других варварами, равно жестокими угнетателями подвластных народностей.

Продолжавшиеся уже около семи месяцев дипломатические сношения между кабинетами Парижским, Лондонским и Венским по польскому вопросу не приводили ни к какому положительному результату и только отдаляли успокоение несчастной страны, поддерживая в поляках напрасные надежды. После последних депеш князя Горчакова, как уже было сказано, шли толки о признании поляков воюющей стороной, а России — утратившей права на Польшу вследствие будто бы нарушения ей трактатов 1815 года; но и в этом случае оказалось невозможным придти к соглашению; каждая из трех держав смотрела на дело с своей особой точки зрения.

Лондонский кабинет первый решился прямо признать бесплодность дальнейших переговоров по польскому вопросу. Английскому послу в Петербурге отправлена была краткая и сухая депеша от 8/20 октября[216], в которой было выражено, что «правительство королевы не имеет ни малейшего желания продолжать переписку только ради прений...» и что «оно принимает с удовольствием уверения в благосклонных относительно Польши намерениях российского императора, равно как и в примирительном его расположении к иностранных державам»*, но при этом снова напоминало то, что уже прежде оно заявляло, как в депеше от 11 августа (нов. ст.), так и в предшествовавших; а именно — что «на императоре российском лежат в отношении к Польше особенные обязательства, определенные тем же самым актом, в силу которого российский император признается королем польским...» Этой фразой английский министр, очевидно,

---

* «des intentions pleines de bienveillance vis-à-vis de la Pologne et de conciliation vis-à-vis des Puissances étrangères». Перевод: «намерения, полные благосклонности по отношению к Польше, и стремления к соглашению с иностранными державами» *(фр.)*.

имел в виду выразить в мягкой форме ту мысль, что права России на Польшу имеют силу только при условии соблюдения российским императором обязательств, налагаемых на него международными договорами[217]. Это был, конечно, намек на возможность утраты этих прав; однако ж от подобного намека было еще далеко до объявления России лишенной тех прав, — чего домогались поляки.

Прежде чем депеша графа Росселя дошла до Петербурга, лорд Нэпир получил по телеграфу приказание приостановиться передачей депеши князю Горчакову. Приостановка эта, разумеется, подала повод к разным догадкам и предположениям относительно внезапной перемены в видах Лондонского кабинета. Но вскоре сомнения разъяснились: приостановка, как оказалось, мотивировалась только какими-то новыми заявлениями со стороны Австрии, которые однако ж не повлияли на решение Лондонского кабинета, и лорд Нэпир получил новое приказание дать ход депеше, которая и была им предъявлена князю Горчакову 15/27 октября. Последний, прочитав депешу вслух, в присутствии посла, совершенно неожиданно для него выразил свое удовольствие, «видя в этой депеше доказательство дружественного расположения британского правительства к России». Вице-канцлер заметил, что признает эту депешу «вполне соответствующей истинным интересам Польши, так как выраженная в ней умеренность правительства Ее Величества королевы должна окончательно разъяснить несбыточные надежды революционной партии и ускорить осуществление благих намерений российского Императора по отношению к его польским подданным».

В таком виде сам посол английский донес своему правительству о свидании своем с русским вице-канцлером. Депеша графа Росселя от 8/20 октября действительно поколебала иллюзии поляков, выказав им окончательно, что на помощь Англии нечего им рассчитывать. Однако ж они все еще не переставали чего-то надеяться от Франции и с нетерпением ожидали предстоявшего 24 октября / 5 ноября открытия французского Законодательного собрания. Что скажет Наполеон в своей тронной речи о польском вопросе? Вся Европа искала в его словах решительного ответа на вопрос, так долго и так мучительно заботивший общественное мнение. И вот Европа услышала прорицание оракула: коснувшись в умеренных и примирительных выражениях хода дипломатических сношений по польским делам, император французов признал, что «дружественные советы Франции были истолкованы как угрозы» и потому не только не привели к желанному результату, но еще более ожесточили борьбу. «Что же остается делать?» — спрашивал себя Наполеон III. «Разве возможны только два выхода: война или молчание?..» И на эти во-

просы отвечал: «Нет, есть средство избегнуть и войны, и молчания: это — передать польское дело на решение суда Европы. Россия уже объявила, что не сочтет оскорбительной для своего достоинства конференцию, на которой будут разбираться и другие вопросы, волнующие Европу; пусть это заявление послужит к тому, чтобы раз навсегда уничтожить причины несогласий, готовых возникнуть со всех сторон, и чтобы из настоящего тягостного положения Европы, терзаемой столькими разрушительными началами, возродилась эра нового порядка и успокоения...» Затем Наполеон прямо высказал свою заветную мечту: «Не настало ли время перестроить на новых началах здание, подкопанное временем и революциями? Не следует ли признать новыми договорами то, что бесповоротно совершилось, и с общего согласия осуществить то, чего требует сохранение общего мира? Трактаты 1815 года почти повсюду разрушены: и в Греции, и в Бельгии, во Франции, в Италии, на Дунае; Германия домогается изменения их; Англия великодушно отступила от них, уступив свои права на Ионические острова. Что же может быть справедливее и разумнее, как пригласить спорящие государства предстать пред высшее судилище?..» При этом Наполеоном высказана была надежда, что призыв его будет услышан: «Отказ заставил бы подозревать тайные замыслы, которые боятся света. Но если бы даже предложение это и не было принято единодушно, то оно и тогда доставит ту громадную выгоду, что укажет Европе, где опасность и где спасение Теперь, господа, вы знаете, каким языком я буду говорить Европе. Одобренный вами, поддержанный сочувствием общества, я не могу не быть услышан, потому что говорю от имени Франции...»[218]

Таким образом, предложение, которое Наполеон попробовал было заявить еще в марте для разрешения возникших тогда вопросов, — теперь возвещалось уже торжественно, в тронной речи. Во французской палате эта речь была принята с энтузиазмом; но в Европе отнюдь не произвела успокоительного впечатления; напротив того, она отозвалась немедленно понижением курса на бирже. Английские газеты первые подали голос против замысла Наполеона ниспровергнуть все существующие международные договоры. «Перестройка всего политического здания» — одна эта фраза была уже достаточна, чтобы встревожить всю Европу, несмотря на все риторические украшения и высоконравственные сентенции о взаимном доверии, о цивилизации, о бескорыстии Франции и т.д. Император Наполеон принимал на себя роль какого-то общего между всеми государями судьи или посредника, и не высказав вперед никакой программы, никаких основ для предполагаемой «перестройки здания», уже заранее клеймил подозрением все те государства, которые не захо-

тят подвергнуть свои интересы решению предположенного ареопага. При тогдашних обстоятельствах, предложение конгресса более походило на ловушку, расставленную Наполеоном всей Европе, чем на искреннее желание примирения и успокоения. Действительно, кому же могло быть желательно подобное предположение? Тем ли государствам, которые, дорожа существующими трактатами, хотели оставаться на законной почве и отстаивали политический status quo, или тем, которые мечтали о разрушении этих трактатов и домогались каких-либо новых стяжаний? На чем же основан был афоризм — что согласие на предложенный конгресс должно быть признаком бескорыстного желания мира и прогресса, отказ же — признаком честолюбивых, чуть не бесчестных замыслов, «боящихся света»?

Предположение, торжественно выраженное Наполеоном, было так непрактично, можно сказать, легкомысленно, что невольно рождалось сомнение, верил ли он сам в глубине души успеху этого предложения; не смотрел ли он на него, как на средство выйти с видом достоинства из того ложного положения, в которое поставило его неудачное вмешательство в польское дело. Во всяком случае, во Франции одна мысль об отмене ненавистных трактатов 1815 года была так популярна, что в случае, если б и не состоялся конгресс, все-таки одна уже попытка мнимого восстановления в Европе мира и спокойствия на обновленных началах покрыла бы главу Франции великой славой и вся ответственность за дальнейшие европейские замешательства пала бы на других.

На другой же день открытия французских палат, отправлены были из Парижа во все европейские столицы письма императора Наполеона ко всем государям, с приглашением на конгресс в столицу Франции. Первые ответы даны были мелкими государствами, в смысле безусловного согласия на предложение, не исключая Папы и султана турецкого, который даже намеревался лично принять участие в конгрессе. Некоторые государства изъявили согласие лишь условно, с оговорками. Так, Австрия и Пруссия признавали необходимым предварительно условиться в программе предположенных совещаний, причем Венский кабинет не допускал возбуждения вопроса о Венецианской области, а Берлинский — прямо отвергал исходную точку наполеоновского предложение, заявив, что трактаты 1815 года должны попрежнему признаваться основой европейского международного права. Германский Союз также выражал необходимость предварительного определения вопросов, подлежащих обсуждению, и вместе с тем делал оговорку, чтобы решения конгресса не иначе получили силу, как с согласия заинтересованных сторон, что было почти равносильно отклонению всякого практического ре-

зультата задуманного конгресса. Представлялась ли какая-либо возможность, например, достигнуть полюбовного соглашения между королем итальянским, чаявшим решения вопроса о довершении единства Италии, и Папой, выражавшим в своем ответе надежду на восстановление власти его в прежних территориальных границах?

Ответное письмо императора Российского от 6/18 ноября (врученное 15/27-го числа лично бароном Будбергом французскому министру иностранных дел) редактировано было в смысле несколько странном, как бы с той лишь целью, чтобы устранить всякий повод к упреку Петербургскому кабинету в уклонении от предложенного Наполеоном мирного выхода из лабиринта польского вопроса, при полном сознании несостоятельности этого предложения. В означенном письме высказывалось, что предположение о совещании между государями для разрешения спорных вопросов было давно уже мыслью самого Государя; что постоянным его желанием было — заменить взаимным соглашением и доверием то состояние вооруженного мира, которое так тягостно отзывается на благосостоянии народов; при этом упоминалось о мерах, принятых в России к сокращению вооруженных сил, о прекращении рекрутских наборов, о предпринятых обширных реформах; далее выражалось сожаление о том, что мирные эти начинания были прерваны прискорбными событиями, угрожавшими безопасности государства, и горячее желание восстановить спокойствие, чтобы возвратиться на прежний путь мирного развития. «Ничто не могло бы скорее приблизить это время, как общее мирное разрешение вопросов, волнующих ныне Европу, — говорилось в письме Государя. — Опыт свидетельствует, что истинное условие спокойствия в мире заключается не в неподвижности, которая невозможна, — и не в шаткости политических сделок, которые каждое поколение стало бы уничтожать и переделывать по прихоти страстей или интересов минуты; а в практической мудрости, необходимой для того, чтобы примирять историю — этот незыблемый завет прошедшего — с прогрессом — законом настоящего и будущего...»[219] После всех этих отвлеченных афоризмов, так несвойственных обычному характеру нашей дипломатии, высказывалось в заключение искреннее желание прийти на предположенном конгрессе к полюбовному соглашению, но с оговоркой, что для достижения этой цели необходимо предварительно определить, какие именно вопросы и на каких основаниях предполагается подвергнуть общему обсуждению.

Одна лишь Англия решилась отвечать со всей откровенностью положительным отказом. Граф Россель сообщил великобританскому послу в Париже лорду Коулею (12/24 ноября), что

Лондонский кабинет не видит необходимости подвергать пересмотру трактаты 1815 года; что частные изменения, неизбежно происходящие в течение времени в существующих международных договорах в силу естественного хода событий, не уничтожают однако же всего договора, служащего еще основанием политического равновесия Европы. По словам английского министра, предположенный конгресс, в случае возбуждения вопросов по тем пунктам трактатов 1815 года, которые до сих пор оставались в силе, — может скорее повести к войне, чем способствовать упрочению мира.

Французский министр иностранных дел в ответе своем на заявление Лондонского кабинета, успокаивал его на счет бескорыстных видов императора Наполеона; по словам Друэна-де-Люиса, он вовсе не имел намерения затрагивать те части существующих договоров, которые остаются бесспорно в силе; но указывал, в виде примера, на такие вопросы, по которым уже возникли между государствами разномыслия и которые могут быть разрешены не бесконечной дипломатической перепиской, а только путем конгресса. В числе такого рода вопросов указывались: польское восстание, несогласия Австрии с Италией, Германии с Данией, занятие Рима французскими войсками и дела в Дунайских княжествах.

На это объяснение граф Россель снова ответил еще категоричнее, что по каждому из вопросов, указанных французским министром, конгресс встретит непреодолимое препятствие к мирному разрешению, что ни Россия по польскому вопросу, ни Австрия по венецианскому не подчинятся добровольно решению конгресса, если бы приказано было необходимым восстановить независимость Польши, или передать Венецию королевству Итальянскому. Последствием конгресса было бы то, что участвовавшие в нем разошлись бы несравненно с большим еще враждебным друг к другу расположением, чем до конгресса.

Нельзя не признать вполне основательными эти возражения английского министра. Еще рельефнее высказался граф Россель по тому же предмету несколько позже перед парламентом. «Предметом обсуждения в предположенном конгрессе могут быть два главных вопроса: польский и венецианский. Что касается до Польши, то мы спросили русского посла: как намерено правительство его поступить на конгрессе? Посол ответил, что императорское правительство будет стоять на том, что уже отстаивало в своих ответах на ноты Франции, Англии и Австрии. Точно так же я спросил австрийского посла: какие меры намерено принять его правительство в отношении Венецианской области, — и также получил ответ, что оно и слышать не хочет об

уступках или обмене этой области»*. Какого же практического результата можно было ожидать от предложенного конгресса?

Отказом Англии Наполеон был крайне раздражен и долго не мог простить Лондонскому кабинету, что любимая мечта его о конгрессе и на этот раз не осуществилась.

Между тем прения, происходившие в обеих французских палатах об ответе на тронную речь императора выказали весьма явственно господствовавшее в то время вполне миролюбивое настроение в самой Франции. Уже ничего не было похожего на прежнее страстное заступничество за поляков; напротив того, весьма настойчиво высказалось нерасположение нации к войне. Министры со своей стороны дали палатам по этому предмету объяснения вполне успокоительные.

Вообще в Европе наступило заметное охлаждение к польскому вопросу. В печати начали появляться статьи с более трезвым взглядом на дело, с более правдивыми известиями о происходящем в Царстве, и замечалось уже менее доверия пустословию и лжи польских газет. Самые враждебные России органы французской печати стали умереннее в своих нападках на нас**. Даже «Morning Post», орган Пальмерстона, несколько смягчился. Большое впечатление произвела вышедшая в Париже брошюра Прудона, который строго логически приводил к тому выводу, что европейская дипломатия поступила несправедливо и недобросовестно, поддерживая и ободряя мятеж; что поляки не имеют никакого основания требовать восстановления того, что перестало уже существовать в течение почти столетия, и разрушить то, что утверждено несколькими договорами и самым ходом истории[221].

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА В ПОСЛЕДНЮЮ ТРЕТЬ ГОДА

В Северо-Западном крае, благодаря принятым генералом Муравьёвым крутым мерам, спокойствие было восстановлено уже в августе, и с того времени боевые встречи с мятежниками почти прекратились; число добровольно являвшихся из шаек с повинною возрастало с каждым днем. Одной из последних стычек была 7 сентября на границе Гродненской губернии с Царством Польским у деревни Пентково (близ Суража) с шайкой Врублевского, которая прогнана обратно в пределы Царства; да еще держалась несколько долее шайка ксендза Мацкевича,

---

* Речь графа Росселя в заседании палаты лордов 23 января / 4 февраля 1864 года.

** В этом смысле писал мне граф Муравьев-Амурский, в письме из Парижа от 19 ноября / 1 декабря[220].

скрывавшаяся в лесах Ковенской губернии и избегавшая встречи с войсками. Шайка эта была окончательно рассеяна только в конце ноября, а сам Мацкевич с несколькими его сподвижниками схвачен 5 декабря в лесу близ местечка Вильки (верстах в 30 от Ковны) и казнен в Ковне 16 декабря при огромном стечении народа.

В Августовской губернии спокойствие было восстановлено несколько позже. В северных уездах ее начальство было поручено генерал-лейтенанту Бакланову — донскому казаку, получившему на Кавказе известность боевого и энергичного воина; Ломженский же уезд был подчинен генерал-майору Ганецкому. Небольшие отряды в одну, в две роты обходили леса для очищения их от бродивших мелких шаек, и только раз, 25 октября, войскам Августовской губернии пришлось выйти из своего района, преследуя значительную шайку до реки Омулева. Об этом деле я уже упомянул, говоря о действиях в северном отделе Царства Польского в течение октября.

Вообще в Августовской губернии принимались те же меры и вводились те же порядки, какие были уже испытаны генералом Муравьёвым в Виленском округе, и результаты были достигнуты также успешно. И здесь добровольно являвшиеся из шаек с повинною к военному начальству, приводились к очистительной присяге и водворялись в прежних местах жительства. Сельское население Августовской губернии прислало 19 октября депутацию к генералу Муравьёву, чтобы выразить признательность за избавление края от повстанцев. Другая депутация явилась в Вильну 23 октября от старообрядцев Августовской губернии с адресом к Государю от имени 5-тысячного раскольничьего русского населения, сохранившего неприкосновенно и среди иноверной страны русские нравы и обычаи.

Заявления верноподданнических чувств в адресах продолжали стекаться в Вильну и оттуда посылались в Петербург. В Рогачевском уезде (Могилевской губернии) даже шляхта польская изъявила желание, по примеру старообрядцев, сформировать сотню конных ратников. Евреи также представляли адресы и делали пожертвования. Наконец, и католическое духовенство сложило оружие: епископы Самогитский — Волончевский и Виленский — прелат Бовкевич, с членами капитулов, еще в сентябре представили лично Муравьёву свои пастырские увещания, разосланные ими во все подведомственные им приходы, с приглашениям паствы к раскаянию и покорности перед законной властью, причем выражалось ими полное отречение от притязаний на принадлежность Западного края к Польше.

Ежедневно появлявшиеся в газетах новые адресы и всякого рода заявления верноподданнических чувств от населения За-

падного края, конечно, были не по сердцу вожакам восстания, которые всячески старались выставить этот край в глазах Европы неотъемлемой частью Польши. С иезуитской изворотливостью они поспешили истолковать дело по-своему: в польской печати появилось заявление «национального правительства в Литовском отделе» (от 7/19 октября) о том, что означенные адресы будто бы подписываются по принуждению, под жестокими угрозами ослушникам; что ввиду такого терроризма, ввергающего тысячи семейств в несчастье, «национальное правительство разрешило» всем подписывать адресы, так как подпись, вынужденная насилием, ни к чему не обязывает; что несмотря даже на такое разрешение, все-таки нашлось будто бы множество лиц, выказавших непоколебимое мужество и признававших постыдным нарушить свою верность святому делу. Анонимное правительство объявило, что им получены протесты против адресов от губерний Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской и даже от Лифляндии, снабженные будто бы 249 — 646 подписями. Едва ли кто-нибудь видел это число подписей, существовавших, вероятно, только в воображении вожаков восстания; но как бы то ни было, в видах дипломатических эффект был произведен и доверие к адресам было подорвано в Европе. На западе более верили тому, что исходило из тайников анонимного Жонда, чем официальным известиям русского правительства.

Подаваемым адресам, конечно, нельзя было придавать слишком важное значение; наивно было бы верить полной искренности всех тысяч личностей, подписывавших эти верноподданнические заявления. Многие, если не большинство, подписывали, вероятно, потому только, что отказаться от подписания было бы неловко и рискованно в то время, когда уже сделалось ясным, что верх взяла русская сила. Но если даже адресы и не имели другого значения, как только наглядное признание восстановления русской власти в крае, то и в таком случае достигнутый нами успех был очевиден.

В последние месяцы года во всем Северо-Западном крае водворилась уже вполне русская администрация; почти все должности местного управления были заняты выписанными из внутренних губерний чиновниками или военными офицерами, — что дало возможность ввести действительный, строгий надзор за образом действий поляков и не допускать никаких новых с их стороны враждебных попыток. В начале октября последовало строгое воспрещение употребления польского языка в официальной переписке и делопроизводстве, даже в мировых учреждениях и сельских управлениях. М.Н. Муравьёв, которого за границей называли то пашой, то свирепым проконсулом или палачом, в действительности понимал вполне, что одними полицей-

скими и военными строгостями можно только временно подавить вооруженный мятеж и восстановить авторитет власти, но что нужны другие, коренные меры для того, чтобы на будущее время предотвратить возобновление смут. Такими мерами признавал он, в особенности, две: приведение крестьянского населения в такое положение, которое дало бы ему полную самостоятельность и независимость от помещиков, и во-вторых — обрусение верхнего, так называемого интеллигентного слоя населения, усилением числа русских землевладельцев и устранением поляков из состава местной администрации. В одном из писем ко мне, от 17 ноября, М.Н. Муравьёв писал, что «ожидает с нетерпением» обратного проезда моего брата из Варшавы через Вильну, чтобы переговорить с ним об устройстве в крае крестьянского сословия. «Я надеюсь, что по общему с ним соглашению, мы удовлетворительно окончим дело, столь важное для упрочения здесь нашего владычества, — устройства быта сельского населения. Необходимо усилить здесь самобытность крестьян и уничтожить влияние на них польских помещиков»[222]. В этой мысли он вполне сходился с моим братом, оставаясь в то же время истым крепостником в отношении русского крестьянства.

По представлению генерала Муравьёва, последовало 2 декабря учреждение, в виде временной меры, во всех губерниях Северо-Западного края уездных жандармских команд с подчинением их главному начальнику края. Мера эта существенно усилила местный полицейский надзор и обеспечила точное исполнение на местах распоряжений высшей власти. Приказания генерала Муравьева не оставались только на бумаге; установленные им правила строгого надзора за помещиками, шляхтой, католическими ксендзами, действительно исполнялись местными начальниками во всей точности. Открытие у кого-либо спрятанного оружия и военных запасов подвергало виновного строгому взысканию. 12 декабря объявлено было, что те из бывших участников мятежа, которые медлят добровольно явиться с повинною, лишаются после 1 января 1864 года права на помилование.

Учрежденная в Вильне Следственная комиссия работала усиленно для раскрытия всех пружин бывшего мятежа и виновности замешанных в нем многочисленных участников. Только главные виновники, уличенные в государственной измене или в важных преступлениях общих, предавались военному суду и подвергались уголовным наказаниям, со включением и смертной казни; большинство же личностей, не столько преступных по своим деяниям, сколько вредных или опасных в крае, высылались административным порядком на жительство в Сибирь или в восточные губернии Европейской Рос-

Н.Ф. Козлянинов

сии. Масса таких лиц, высылаемых как из Западного края, так и Царства Польского, провозилась в продолжение всей зимы через Петербург по железной дороге, под конвоем одной или двух рот. Муравьёв не раз жаловался на то, что на перепутье в Петербурге высланным полякам, даже и тем из них, которые ссылались по судебному приговору, оказывались нередко неуместные снисхождения и поблажки, благодаря странному взгляду некоторых петербургских властей. Тут подразумевались в особенности военный генерал-губернатор князь Суворов и министр внутренних дел Валуев. Оба они были отъявленными противниками Муравьёва и его системы. Князь Суворов называл его «людоедом» (ogre), что подало повод к остроумному стихотворению Ф.И. Тютчева, ходившему по рукам между поклонниками Муравьёва[223].

Сколько с одной стороны самолюбию М.Н. Муравьёва льстили беспрерывные овации, воздаваемые ему во всей России, столько же раздражали его ругательства и брань против него в

польских и других иностранных газетах, а еще более, доходившие до него из Петербурга слухи о пересудах и противодействии ему в среде лиц высшей администрации. К числу противников его принадлежал и граф Берг, который в письме ко мне от 17/29 декабря писал, что не может одобрять образа действий войск Виленского округа в Августовской губернии, где отряды генералов Бакланова и Ганецкого будто бы систематически грабят и жгут, тогда как в войсках Варшавского округа подобный образ действий строго преследуется. В другом письме, от 27 декабря / 8 января, граф Берг жаловался на вмешательство генерала Муравьёва в дела Варшавского округа[224].

С своей стороны и Муравьёв не щадил ни графа Берга, ни своих петербургских врагов. Напряженная его деятельность, постоянное нервическое раздражение имели неизбежно влияние на состояние его здоровья. Недовольный своим помощником по военному округу генерал-адъютантом Фроловым, М.Н. Муравьёв писал мне (17 ноября), что ему необходим такой помощник, который мог бы, в случае болезни или отсутствия его, Муравьёва, вступить временно в исправление должности его, как по военной, так и по гражданской части. При этом он указывал мне на трех кандидатов для такого назначения: генерал-адъютанта Хрущова, генерал-лейтенанта Длотовского и генерал-лейтенанта Козлянинова, но преимущественно на первого. Однако ж, не успел я еще войти в сношения с графом Бергом относительно перемещения генерала Хрущова, как получил через Александра Алексеевича Зеленого (министра государственных имуществ) просьбу Муравьёва назначить ему в помощники генерал-адъютанта Крыжановского, состоявшего в то время членом Военного совета. На это назначение Государь изъявил свое согласие, и сам лично объявил о нем генералу Крыжановскому на бывшем 6 декабря выходе во дворец. Оставалось устроить судьбу генерал-адъютанта Фролова: генерал Муравьёв ходатайствовал о назначении его сенатором, что в те времена считалось почетным удалением «на покой». Однако ж на ходатайство это не последовало Высочайшего соизволения, и назначение Фролова сенатором состоялось только впоследствии.

День именин М.Н. Муравьёва, 8 ноября, послужил поводом к новым в честь его овациям. Отовсюду полетели в Вильну поздравительные телеграммы; утром на прием к имениннику съехалось огромное число служащих чинов, представителей разных сословий и местностей, духовенство всех исповеданий; депутации подносили адресы и иконы. В самой Вильне собрана была по добровольной подписке значительная сумма на сооружение церкви во имя Архистратига Михаила: при поднесении Михаилу Николаевичу этого пожертвования, депутацией представлено

было ему самому указать место для возведения этого храма. Наконец, прибывший из Петербурга камергер Шевич поднес Муравьёву икону св. Архистратига Михаила при коллективном письме от петербургского кружка почитателей его[225]. Мысль этой манифестации принадлежала графине Антонине Дмитриевне Блудовой, которой удалось собрать до 80 подписей (в числе их была и моя)*. Все подписавшиеся получили от Михаила Николаевича благодарственные письма (от 11 ноября), в которых он писал: «Икону эту я сохраню в семействе моем как драгоценную святыню, которая будет напоминать мне то знаменательное для меня время, когда Провидению и августейшему монарху нашему угодно было избрать меня деятелем и споспешником к подавлению крамолы и мятежа в здешнем крае. В особенности мне приятно будет вспоминать о том горячем сочувствии, которое выразилось так единодушно и торжественно во всей России, в минуту решительной борьбы в этой стране коренного русского населения с чуждым элементом, посягнувшим на уничтожение здесь православия и русской жизни. В тяжелой этой борьбе благословение Божье и мужество доблестных наших войск помогли стереть крамолу. Воссылая за это благодарение Всевышнему, я молю Его, чтобы события, совершившиеся ныне в этом крае и не раз уже здесь повторявшиеся, послужили полезным опытом и указанием для будущего...»

В последние два месяца 1863 года правительственная власть и в Царстве Польском уже укрепилась настолько, что признано было возможным в Варшаве и других городах запретить ношение траура и настоять на исполнении этого полицейского распоряжения наложением штрафа за нарушение его. Внешняя физиономия города заметно изменилась. Варшавский капитул сам обратился к обер-полицмейстеру с просьбой исходатайствовать у наместника разрешение начать снова в церквах колокольный звон и игру органа со дня предстоявшего праздника непорочного зачатия Богородицы (8/20 декабря), на что впрочем дан был ответ, что звонить в колокола и играть органу в церквах не было запрещения от начальства, а потому и возобновить то и другое вполне предоставляется на волю самого духовенства.

В начале ноября приказано было восстановить по всей границе Царства таможенную стражу и вместе с тем безусловно за-

---

* В числе этих подписей выдавались: графа Дм<итрия> Ник<олаевича> Блудова и его дочери, целый ряд имен семьи князей Мещерских, Карамзиных, генерал-адъютанта Н.В. Зиновьева, графа Вьельгорского, графини Протасовой, Дм<итрия> Ник<олаевича> Замятнина, А.А. Зелёного, П.П. Мельникова, графа Гейдена, графа Муравьёва-Амурского, Ф.И. Тютчева, генерала Хрулева и т.д.

Камергер Шевич был внук графа Д.Н. Блудова.

прещен ввоз из-за границы не только оружия, но и кос, олова, а также полушубков и всякой теплой одежды. Распоряжение это имело целью затруднить заготовление теплой одежды для повстанцев, о чем в это время много заботились вожаки мятежа в надежде продлить сбор шаек в течение зимы.

Комиссия по крестьянскому делу, с возвращения своего в Варшаву из поездки по краю, занималась без устали составлением всеподданнейшего отчета о результатах своих исследований и разрабатывала главные основания предположенной крестьянской реформы в Царстве. Работа велась общими силами, неутомимо, дружно, с утра до поздней ночи. Брат мой умел превосходно организовать подобные коллективные работы, служа сам связующим звеном между сотрудниками, не всегда равными в силах, а иногда и не совсем согласными во взглядах. Как ему, так и другим членам Комиссии граф Берг продолжал оказывать по наружности всякие любезности, часто приглашал их к себе; но в глубине души заметно не сочувствовал принятым в работе Комиссии основным началам, казавшимся ему слишком демократичными и радикальными. Как кажется, граф Берг все еще не мог вполне отрешиться от прежнего угодничества к польской аристократии и свыкнуться с мыслью о разрыве с ней. Он оставался под влиянием окружавших его поляков, которые сразу поняли, что новая Комиссия принялась за дело с корней, затронула самые жизненные интересы шляхетства. Поляки откровенно признавались, что Комиссия ведет свои работы с такой последовательностью и систематичностью, которых они до тех пор не видели в мероприятиях русского правительства. О прибытии в Варшаву моего брата и работах его появились в заграничных газетах корреспонденции из Варшавы, в которых умышленно приписывалась Комиссии цель — вводить в Польше русские законы и учреждения.

В первых числах ноября брат мой, посылая ко мне для представления Государю первый свой отчет о работах Комиссии, писал мне: «О затруднениях в наших работах я выразился сколь можно мягче; в действительности же, все здешнее гражданское управление, показывая наружное повиновение, не только не обнаруживает ни малейшего сочувствия к восстановлению русской власти, но очевидно этому противудействует. Наша главная забота — найти средства для исполнения придумываемых реформ и над этим мы более всего ломаем себе головы. Теперь мы начали проектировать заключения, которые я предъявлю графу Бергу и Муравьёву. От первого не легко будет получить искреннее и категорическое мнение... Мы каждый день убеждаемся все более и более, что мешкать решительно нельзя. До весны остается так

мало времени, что страшно подумать, как успеем мы справиться, если желаем что-нибудь сделать серьезное...»*

В том же письме брат выражал свое опасение насчет придуманного для него графом Бергом назначения на должность вице-президента Административного совета Царства Польского. «Надеюсь, что до личного объяснения не вздумают мной распорядиться, что было бы крайне обидно для меня и бесполезно для дела».

С своей стороны, граф Берг, не отличавшийся вообще чистосердечием, писал мне 14/26 ноября: «À mesure que j'apprends à connaître M-r votre frère, je me félicite de l'heureuse idée de nous l'avoir envoyé. Son travail avance; nous sommes d'accord. Je prévois que nous marcherons avec vigueur vers un même but aussitôt que notre Auguste maitre aura daigné sanctionner nos propositions»**[227].

Брат мой, при всем своем нетерпеливом желании скорее покинуть Варшаву и при всем напряжении сил Комиссии, не мог окончить предпринятые работы ранее 24 ноября. Он поставил себе задачей подготовить работу до возвращения в Петербург настолько, чтобы можно было представить ее Государю с заключениями графа Берга и Муравьёва. Распростившись с графом Бергом, брат мой, вместе со своими сотрудниками, выехал из Варшавы 24-го числа; на пути остановился в Вильне, провел там несколько часов в беседе с М.Н. Муравьёвым, и 26 ноября прибыл в Петербург. С этого времени начались его работы по польским делам непосредственно под глазами самого Государя.

Кроме своих работ по крестьянскому делу, брат мой, по поручению графа Берга, привез из Варшавы и некоторые другие из разработанных там проектов по администрации Царства Польского. В числе их было преобразование высшего управления полиции. В основание этого проекта было положено сосредоточие всех видов полицейской и жандармской службы в ведении временного военно-полицейского управления, во главе которого поставлен генерал-полицмейстер, непосредственно подчиненный наместнику и присутствующий в Совете административном наравне с главными директорами правительственных Комиссий; в его же ведение вошли и III округ Корпуса жандармов, и «Канцелярия по делам военного положения», все учреждения и должностные лица, ведающие в крае местной полицией, со включением и варшавского обер-полицмейстера. Главные на-

---

* Письмо от 3/15 ноября.

** «По мере того, как я учусь понимать вашего брата, мне становится легче от счастливой идеи послать его к нам. Его работа начинается; мы с ним согласны. Я предвижу, что сохраняя бодрость, мы двинемся к той же цели, как только наш августейший Государь соблаговолит утвердить наши предложения...» *(фр.)*.

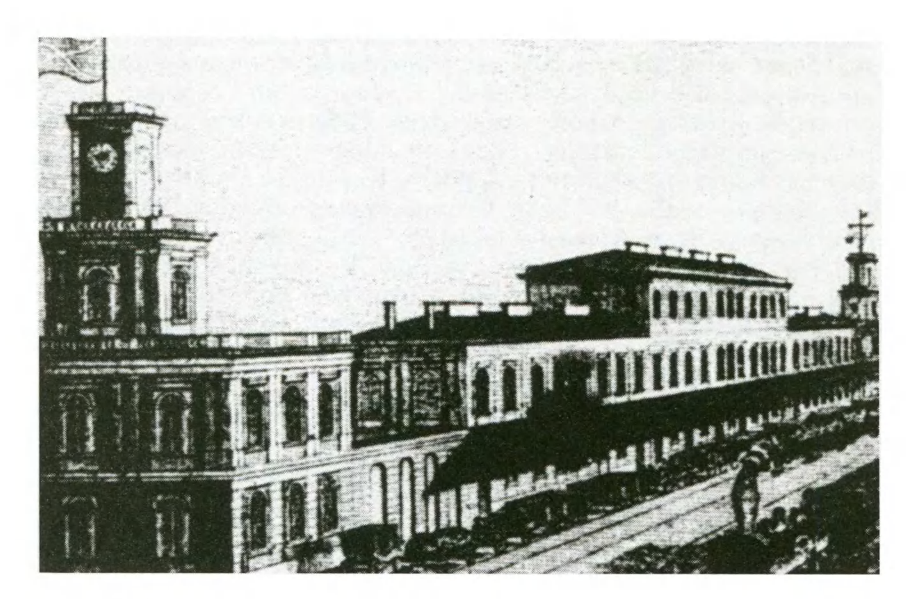
чальники военных отделов и подчиненные им уездные военные начальники поставлены также в зависимость от генерал-полицмейстера собственно по полицейским делам.

Проект этот, по Высочайшем утверждении, был обнародован в Варшаве указом наместника 15/27 декабря. Преобразование это было мотивировано так: «Хотя мерами законного правительства Царства Польского уже сильно поколеблено революционное устройство в Варшаве и жизнь обывателей ее охранена от руки наемных убийц, а имущество их от расхищения, но предводители мятежа усиливаются составить новую революционную организацию и сетью ее обвить все провинции. Остатки истребленных войсками мятежнических вооруженных шаек бродят еще по разным местам Царства, грабят почты и общественные кассы, нападают на безоружных жителей, особенно на крестьян и немецких колонистов и подвергают их разным истязаниям. При подобном положении края обыкновенные средства охранительной полиции оказываются недостаточными к немедленному и окончательному подавлению мятежа и восстановлению законного порядка...»[228] Таким образом сам наместник официально признавал, что к концу года край был еще далеко не в нормальном положении.

На новую должность генерал-полицмейстера назначен был генерал-майор Трепов (приказом 18 декабря); а помощником ему — флигель-адъютант Анненков, произведенный при этом в полковники. Этот офицер Генерального штаба, состоя при войсках Варшавского округа, выказал замечательную ретивость, бойкость и умелость в исполнении разнообразных поручений начальства. Он был командирован в Петербург на время обсуждения представленного проекта о военно-полицейском управлении, для личных, в случае надобности, объяснений и вместе с тем с поручением набрать людей на службу в полиции нового состава. Полковник Анненков обладал всеми качествами, желательными для того, чтобы сделаться отличным помощником такого энергического начальника, каков был генерал-майор Трепов.

Почти в то же время (приказом 21 декабря) назначен и новый обер-полицмейстер в Варшаве — полковник барон Фредрихс, бывший командир Петербургского батальона Внутренней стражи и незадолго перед тем назначенный командиром Орловского пехотного полка. Это был также офицер бойкий, прошедший через строгую школу генерала Лауница.

Таким образом к концу года изменился в Варшаве почти весь личный состав полиции. Благодаря настойчивости и энергии Трепова, принимались и в Царстве Польском некоторые меры, заимствованные из опыта в Виленском округе, несмотря

Здание вокзала Варшавско-Венской железной дороги

на то, что сам граф Берг, как было уже замечено, строго осуждал образ действий генерала Муравьёва. Так, в начале декабря объявлено, чтобы все помещики, равно как и управители, с семействами своими, жили в имениях и не иначе отлучались оттуда, как с разрешения местных военных начальников. По примеру же Северо-Западного края, наложен был тяжелый контрибуционный сбор на помещиков и домовладельцев, ввиду возмещения чрезвычайных расходов правительства, вызванных восстанием. Еще тяжелее обложено было католическое духовенство, особенно высшее; так, с епископов и суфраганов их контрибуционный сбор доходил до 18% с их доходов.

Произведенные полицией многочисленные аресты и обыски дали средство раскрыть всю тогдашнюю подпольную организацию, которая представляла в своем сложном и замысловатом механизме не мало комичного фанфаронства. Центральное управление состояло из нескольких отделов (Wydział), вроде министерств, как то: внутренних дел, иностранных дел, военного, финансов и т.д. Были даже отделы полиции и печати. Во главе каждого отдела стоял директор; но личный состав отделов оставался тайной для всех, даже для директоров, и все сношения отделов, как между собой, так и с местными властями в провинциях или воеводствах производились не иначе, как анонимно, через посредство особого учреждения — «экспедитуры». Переда-

ча распоряжений и донесений делалась особыми лицами — секретарями, которые служили как бы агентами отделов и ежедневно в известные часы съезжались в условленное сборное место, где разменивались конвертами. Этим сборным местом первоначально служила Главная школа, а впоследствии станция Варшавско-Венской железной дороги. При обыске этой станции (25 ноября) найдены были весьма важные бумаги, уличившие служащих в техническом отделении этой линии в деятельном участии в составе подпольного Жонда. У секретаря этого отделения оказались приготовленные к отправке конверты от Жонда ко многим лицам в Царстве и за границей — в Познань, Галицию и др. В числе бумаг найдены счеты в расходовании сумм, отпущенных на покупку оружия и ядов!

Другое любопытное открытие сделано было несколько позже — организации почтовых сообщений, которыми пользовались агенты мятежа для своих беспрерывных разъездов и для пересылки корреспонденции. Оказалось, что в этой тайной почте участвовали и многие личности правительственной почты*. Сношения Варшавского Жонда с тайными агентами его в провинции, комиссарами и начальниками воеводств, парафий и т.п. производились также через посредство служащих на железных дорогах, через чинов местной администрации, помещиков, а часто посредством женщин, исполнявших обязанность курьеров.

Подпольный Жонд, пародируя правительственную бюрократию, рассылал «декреты», постановлял «приговоры судебные», производил «рекрутские наборы», собирал «налоги и подати» и даже дошел до того, что давал предостережения польским газетам. Шарлатанство было доведено до невероятных размеров. Суммы, жертвуемые из патриотического усердия или исторгаемые террором, употреблялись на самые безрассудные затеи, имевшие целью исключительно морочить Европу. Так, вздумали парижские вожаки завести польский флот! Отпечатали бланки управления воображаемых морских сил на морях Балтийском и Черном; зафрахтовали в Англии старое судно, на котором отправился какой-то авантюрист Маньян, облеченный титулом «генерал-капитана морских сил Польши», с десятком таких же, как он сам, проходимцев, возвестив громко в газетах о намерении своем произвести высадку на кавказский берег и войти в связь с черкесами. Подобные ребяческие затеи, конечно, не имели никогда серьезных результатов и только истощали революционную кассу.

---

* Граф Берг, при письме от 17/29 декабря, прислал мне карту учрежденных революционным правительством почтовых путей[229].

Исход продолжительной дипломатической кампании, предпринятой тремя державами против России за Польшу, казалось, должен бы образумить вожаков восстания и окончательно отнять у них всякие иллюзии насчет возможности продолжения борьбы с Россией. Но отличительной чертой польского характера всегда было увлечение собственными легкомысленными идеалами. Достаточно было громких фраз в тронной речи Наполеона, чтобы снова воскресить на время мечты о восстановлении независимости Польши. Они снова подняли голову. В половине ноября в польских газетах появилось смешное объявление от варшавского «начальника мяста» в опровержение распространившихся слухов о намерении Жонда прекратить борьбу; при этом высказывалось с обычным фанфаронством, что в настоящее время национальное польское правительство будто бы располагает несравненно бульшими военными силами, чем в начале восстания. Подобной ложью и хвастовством вожаки мятежа пытались еще возбуждать в своих сторонниках ослабевшую энергию и протянуть мятеж хотя бы до весны. Но в то же время Франко-польский комитет в воззвании «к друзьям Польши, сподвижникам правды и человеколюбия»(!?), приглашая каждого жертвовать по мере сил «на дело, которое не исполняют державы», заявлял прямо, что «средства Польши уже совершенно истощены, что наступившие холода северной зимы застали отряды поляков без теплой одежды»*.

Несколько спустя, в половине декабря, появилось в Царстве Польском новое воззвание революционного Жонда, который громко заявлял, что не прекратит своих усилий, пока не достигнет предположенной цели, а потому призывал народ к новым жертвам и обнадеживал в несомненных успехах национального дела, ввиду готовившегося будто бы восстания в Венгрии и Венеции, и предстоящей весной общей войны[230]. Такое же воззвание появилось и в Венгрии от революционного комитета, образовавшегося наподобие польского, под руководством Кошута. С той же целью — поддержать несбыточные надежды, руководители восстания прибегали ко всяким подлогам и обманам: то выдумывали какой-нибудь нелепый указ русского Императора, то распространяли мнимое воззвание Наполеона к полякам. Но все эти фиглярства не могли уже придать мятежу ни сил материальных, ни нравственных. Он, видимо, близился к концу. С наступлением холодного зимнего времени не было уже возможности шайкам мятежников долго держаться в сборе, скрываясь

---

* В числе подписавших это воззвание стояли некоторые весьма известные имена: Одильон Барро, Карно, Сен-Марк, Жирарден и т.д. В звании секретаря подписался «Ходзко».

от войск в лесных трущобах. Мятежники расходились по деревням, живя скрытно между поселянами; но это не всегда им удавалось; войска в Царстве Польском, значительно усиленные, были расквартированы так широко, что не оставляли нигде большого простора для мятежников. Повсеместное присутствие войск представляло и ту выгоду, что ободряло местное крестьянское население, которое уже не боялось выставлять сельские караулы, останавливать и ловить одиночных повстанцев, помогать войскам в обыске лесов и открытии складов оружия.

В течение ноября и декабря произошли лишь следующие встречи войск с шайками мятежников:

В Северном отделе 4 ноября шайка Ленартовича силой до 600 человек разбита отрядом подполковника Горелова близ прусской границы, к северу от Остроленки (у деревни Дренжек); при этом конница мятежников под начальством венгерца Немети была загнана в болото и вся истреблена; пешие разбежались по лесам.

В Люблинском отделе, почти одновременно в двух пунктах, сами мятежники решились было напасть ночью на малые летучие отряды, высланные из Бялы и Люблина. Один из этих отрядов, майора Гриневецкого, был атакован 5 ноября в местечке Ломазы (к югу от Бялы) шайкой Крысинского; но отбил нападение и после трехдневного преследования мятежников окончательно разбил их у Савина (близ Холма). Другой отряд, ночевавший в Пухачеве (к востоку от Люблина), был атакован в ночь на 6-е число шайкой Крука, Лониевского и Морецкого; и здесь мятежники были отражены, а подоспевший полковник Цвецинский преследовал шайку через Любартов, Баранов, за рекой Вепрж. Шайка расположилась было в Желехове (к северо-западу от Ивангорода); но здесь была настигнута 8 ноября отрядом, высланным из Седлеца, и разбежалась, оставив в руках наших войск несколько пленных и запасы оружия.

20 ноября произошло горячее дело между отрядом полковника Бринкена, высланным из Лукова, и шайкой Шидловского и Янковского, силой до 600 человек, близ Кожуховки (к юго-западу от Лукова). Мятежники, не хотевшие положить оружие, почти все легли на месте или переранены; только 70 человек сдались в плен. Замечательно, что в шайке было множество малолетних, от 13 до 15-летних. Это дело было поистине избиением младенцев.

27 ноября в Красноставском уезде шайка Ленкевского, Козловского, Лютинского и Морецкого была настигнута у деревни Корыбутова-воля (близ Пухачева), соединенными отрядами из Любартова, Ленчны и Парчева под начальством подполковника Антушевского. Мятежники понесли огромную потерю; 60 чело-

век взято в плен; остатки шайки спасались от преследования в разные стороны.

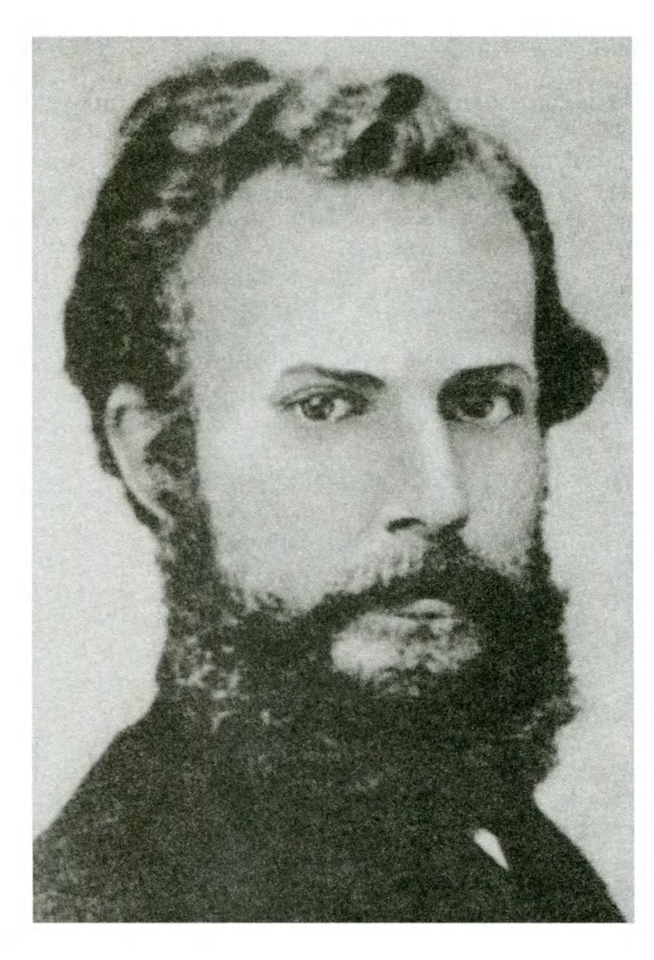
Наконец, в Радомском отделе, как уже сказано, оставалась одна лишь несколько значительная шайка — Хмелинского и Босака. Ей удалось довольно долго избегать встречи с гонявшимися за ней отрядами, а 13 ноября она воспользовалась выступлением войск из Опатова, бросилась к этому городу, захватила кассу в уездном казначействе и скрылась. Но 16-го числа удалось, наконец, одной из колонн — полковника Шульмана из Келец, настигнуть шайку у Гута-нова (к юго-востоку от Кельце). Мятежники бросились к северу в леса Святокряжские и продолжали свои грабежи и злодейства. Против них опять выслано было несколько отрядов — из Опатова, Вержбника, Шидловца, Илжи, чтобы обхватить со всех сторон леса, дававшие шайке приют. Наконец, 4 декабря генерал-майор Ченгеры напал на шайку в лесу между Бодзентином и Вонхоцком, разбил ее и захватил в плен самого Хмелинского с 30 другими мятежниками. Через неделю Хмелинский был повешен в Радоме.

В тот же день, когда был разбит и схвачен Хмелинский, 4 декабря, отделившаяся от него часть шайки понесла полное поражение у деревни Броды (к югу от Илжи, на реке Каменке); на месте осталось до 200 убитых, взято в плен 68; в обозе шайки найдено, между прочим, несколько перехваченных мятежниками почтовых чемоданов с корреспонденцией.

5 и 6 декабря отряды продолжали поиски в Илжинских лесах; но шаек нигде не встретили. К половине декабря почти на всем пространстве Царства уже не появлялись они; главные предводители шаек погибли или были арестованы и частью уже казнены, а другие бежали за границу.

10 декабря опять совершено в Варшаве покушение на убийство: майор Роткирх, помощник начальника Канцелярии по делам военного положения, на улице, в 9 часов утра, в виду множества прохожих, получил две раны, и злодей успел скрыться; но вскоре потом был разыскан: это был сапожник, состоявший на жаловании у подпольного Жонда. Раны Роткирха оказались не опасными; он вскоре поправился.

Под самый конец года нашим «линейцам» (кубанским казакам) под предводительством войскового старшины Занкисова удалось совершить молодецкий поиск за конной шайкой Ляндовского, о котором уже упоминалось несколько раз и который принял кличку «Коса». Шайка эта составилась почти исключительно из отчаянных убийц, спасавшихся от рук варшавской полиции, и была расквартирована в деревнях, в недальнем расстоянии от Варшавы, между Вислой и Люблинским шоссе. Несколько раз поиски за «Косой» не удавались; наконец Занкисову

Рафаил Краевский

посчастливилось: после нескольких дней погони, 20 декабря, т.е. в самый Новый год по новому стилю, он настиг неожиданно шайку близ местечка Парисова и в происшедшей кавалерийской схватке Ляндовский получил лично от руки Занкисова несколько ран, от которых упал с лошади. Большая часть шайки погибла или забрана в плен. На беду, казаки, увлеченные погоней за последними убегавшими мятежниками, передали израненного предводителя их на руки деревенским жителям, и когда возвратились в деревню, то уже не нашли там Ляндовского. Однако ж вскоре потом он был отыскан и, разумеется, понес заслуженную кару.

Также были открыты и многие другие из главных деятелей подпольного Жонда. В числе их занимали должности директо-

ров отделов следующие личности: по внутренним делам — архитектор Рафаил Краевский; финансов — бухгалтер администрации шоссейных дорог Точинский; по военному отделу — Голензовский, бывший офицер, принявший псевдоним Гольковича; иностранных дел — клерк Дунаевский; прессы — учитель вологодской гимназии Пржибыльский; полиции — также учитель гимназии Пиньковский; наконец, начальником города Варшавы — Вашковский. За исключением 7 бежавших за границу, прочие члены Жонда были преданы суду и пятеро из них подверглись в следующем году (24 июля / 5 августа) смертной казни; в числе их — и Траугут.

ПЕТЕРБУРГ В ПОСЛЕДНИЕ ДВА МЕСЯЦА 1863 ГОДА

С возвращением Государя из Крыма, Петербург оживился; в официальном мире пробудилась суетливая деятельность зимнего сезона. Уже 4 ноября назначен был Высочайший смотр на Марсовом поле всем наличным войскам гвардии. Всего на этом смотру находилось $23^1/_2$ батальона, 41 эскадрон и $12^1/_2$ батарей*. При объезде войск Государь благодарил все части, возвратившиеся незадолго перед тем из похода. В тот же день к обеду во дворец были приглашены офицеры полков Преображенского, драгунского и уланского. Офицеры же прочих полков 1-й гвардейской пехотной дивизии были также приглашены несколько дней спустя, 8 ноября, вместе с офицерами лейб-гвардии Московского полка, справлявшего в этот день свой полковой праздник. По этому случаю Государь вторично приезжал в город из Царского Села.

По возвращении в Петербург 1-й гвардейской пехотной дивизии и двух названных гвардейских кавалерийских полков, генерал Муравьёв, в письме от 2 ноября к великому князю Николаю Николаевичу, выразился с таким же полным одобрением о службе этих войск в Виленском округе, как и прежде о полках 2-й гвардейской пехотной дивизии. Да и нельзя было не отдать справедливости превосходным качествам, выказанным всеми частями гвардии в этой тяжелой, хотя и кратковременной кампании: неограниченному их усердию, неутомимости, самоотвер-

* Далее в автографе зачеркнуто: «Не участвовали, конечно, части гвардии, находившиеся в Варшаве (вся 3-я гвардейская пехотная дивизия, полки лейб-гвардии Уланский Его Величества и Гродненский гусарский), а также не возвратившиеся еще из Виленского округа 2-й батальон Преображенского полка, 1-й и 3-й батальоны Семеновского, лейб-гвардии Стрелковый Его Величества батальон и гвардейские казаки» *(примеч. публ.)*.

жению и дисциплине. Генерал Муравьёв отозвался с большой похвалой о начальнике дивизии генерал-майоре Дрентельне, «который, командуя войсками в Виленской губернии, выказал примерную деятельность и знание дела, и был мне (т.е. Муравьеву) самым близким и усердным сотрудником по умиротворению мятежа...» Генерал Муравьёв остался также весьма довольным службой Преображенского полка и лично командира его генерал-майора князя Барятинского (Анатолия) в Сейненском уезде (Августовской губернии). «Вообще, — писал он, — содействию гвардии я обязан главнейше успехом умиротворения и водворения порядка в Виленской губернии, а также в частях Гродненской и Августовской...»

Такие похвалы гвардии доставили большое удовольствие Государю. Со стороны такого начальника, как генерал Муравьев, не грешившего излишней мягкостью и снисходительностью, похвала была действительно заслуженная. Участие гвардейских войск в усмирении польского мятежа не только дало им случай выказать свои достоинства, но и подняло их дух воинский и послужило весьма полезной школой, по крайней мере в том смысле, что развило в них способности к действиям малой войны и приучило их к условиям боевой жизни.

В начале ноября, когда тревожное наше политическое положение уже почти миновало, произошел неожиданно сильный переполох в нашем финансовом мире. 1 ноября на Петербургской бирже вексельный курс вдруг упал более чем на 7 процентов, а 19-го числа — еще на 4%*. Такой резкий со дня на день упадок русских ценностей не мог быть объяснен общим неблагоприятным положением дел, влиявшим на наш кредит; надобно было искать особую причину, и этот вопрос в первое время озадачил петербургское общество, не посвященное в таинства финансовых дел. Но скоро недоумение разъяснилось: паника на бирже была прямым последствием предпринятой Министерством финансов рискованной меры для поднятия ценности нашего кредитного рубля. В своем месте было мной упомянуто, что в этих видах, с 1 мая 1862 года открыт был в Государственном банке размен бумажных знаков на звонкую монету по заранее определенным ценам, которые постепенно возвышаясь, должны были дойти к 1 января 1864 года до al pari**. Сначала операция эта пошла было удовлетворительно; ценность рубля

---

* Курс кредитного рубля: 29 октября был $37^{15}/_{16}$ пенсов и 396 сантимов, а 1 ноября — 35 пенсов и 364 сантима; 19 же ноября — $33^{3}/_{4}$ пенсов и 350 сантимов.

** До равенства (*лат.*).

действительно поднялась; требование из банка звонкой монеты было в первые 9 месяцев довольно умеренно*; но с февраля 1863 года требование начало быстро возрастать, а в три первые дня августа разом пришлось выдать почти $4^1/_2$ миллиона рублей, всего же по 3 августа выпущено из банка звонкой монеты до 65 миллионов рублей. Разменному фонду угрожало близкое истощение. В видах ограничения требования звонкой монеты, объявлено было, что с 6 августа вместо золота будет выдаваться серебро, но вместе с тем предложено желающим принимать банковые векселя по определенному курсу, близкому к ценности серебра. Распоряжение это, конечно, остановило непомерное требование звонкой монеты, но зато усилился перевод банковых векселей за границу, и началась новая спекуляция, не менее опасная для банка. Министр финансов поставлен был в необходимость в конце октября ограничить и выдачу векселей. Лишь только сделалось известно это новое распоряжение, немедленно же и разразился кризис на бирже; с 5 ноября операция размена была вовсе прекращена и надежды на искусственное поднятие курса кредитного рубля рушились. Неудачный этот эксперимент стоил Государственному казначейству более 80 миллионов рублей; кредит России еще более поколебался, и ценность нашего рубля пошла все ниже и ниже**. Последствием же биржевого кризиса была полная пертурбация в ходе торговли, уже и без того подорванной тогдашними политическими обстоятельствами.

Вообще 1863 год был весьма неблагоприятным для успеха тех финансовых мер и преобразований, которые предприняты были с начала 1862 года, т.е. с назначения М.Х. Рейтерна министром финансов. Вместо желанного сокращения расходов и восстановления баланса потребовались значительные сверхсметные расходы вследствие польского мятежа и обширных военных приготовлений на случай угрожавшей нам войны. Одни военные расходы (по обоим министерствам — Военному и Морскому) потребовали до 32 миллионов чрезвычайного (сверхсметного) ассигнования, так что дефицит, предполагавшийся в 15 700 000, возрос втрое против сметного предположения. Трудно было ожидать и на будущий год значительного улучшения нашего финансового положения. Во все продолжение осенних месяцев шла усиленная работа над составлением смет на 1864 год, при-

---

* С 1 мая 1862 года по 1 февраля 1863 вытребовано было звонкой монеты около 19 миллионов рублей, что составляло средним числом с небольшим по 2 миллиона в месяц.

** Ценность рубля, достигшая было в октябре 1863 года до 98,2% номинальной, понизилась к концу года до 89,3%, а к октябрю 1864 года — до 77,3%.

чем употреблялись со стороны Министерства финансов и Департамента государственной экономии все усилия для возможного сокращения расходов и усиления доходов; но усилия эти встречали упорное сопротивление со стороны министерств, и в особенности Военного, которое должно было горячо отстаивать свои сметные цифры, дабы не дать разрушить все то, что с такими усилиями успели мы сделать в течение 1863 года для развития наших вооруженных сил, и чтобы не остановить в самом зародыше предпринятых по военному ведомству реформ. Впрочем, финансовый вопрос занимал такое видное место в ходе этих обширных преобразований, что я подробнее коснусь его в своем месте, когда буду говорить специально о деятельности Военного министерства в этом году. Здесь же возвращусь к своему рассказу.

Почти весь ноябрь Государь провел в Царском Селе и только изредка приезжал в Петербург по каким-либо особым случаям. Так, 23-го числа он приехал для смотра возвратившихся из Виленского округа двух батальонов Семёновского полка. 26 же ноября, в день Георгиевского орденского праздника, вся Царская фамилия переселилась в Зимний дворец. При встрече Их Величеств на петербургской станции Царскосельской железной дороги Императрице поднесен был хлеб-соль торговцами Семеновского плаца, то есть владельцами тех лавок, которые после пожара Апраксинского двора, были временно перенесены на этот плац. Депутация от этих торговцев приветствовала императрицу речью, в которой выразила признательность за милости, оказанные Ее Величеством погорельцам.

Празднование дня ордена св. Георгия совершилось по установленному церемониалу, как и во все другие годы. Императрица и прочие дамы на этот раз не участвовали в процессии по слабости здоровья Ее Величества. К обычному угощению нижних чинов, кавалеров военного ордена, собралось до 1800 человек, а за обедом в Николаевском зале — до 450 генералов и офицеров.

В конце ноября в Петербург возвратился из Варшавы мой брат с выработанными проектами преобразований в Царстве Польском. Товарищи его, князь Черкасский и Ю.Ф. Самарин, проехали в Москву. По прошествии нескольких дней брат мой был принят Государем чрезвычайно благосклонно и радушно. Более двух часов продолжался доклад. Государь со вниманием и участием выслушивал все объяснения, чтение некоторых мест письменного доклада и выразил предварительное одобрение основных начал предположенной реформы крестьянского положения в Царстве. Брат, с обычной своей откровенностью и пря-

мотой, высказал Государю свои опасения и соображения относительно порядка рассмотрения составленных проектов, а также средств к приведению их впоследствии в исполнение на месте. Его Величество с полным доверием вошел в обсуждение обоих этих вопросов, и тут же решено было, для рассмотрения предположенных оснований реформы образовать особую Комиссию под председательством князя П.П. Гагарина, из следующих лиц: князя В.А. Долгорукова, К.В. Чевкина, А.А. Зелёного, П.А. Валуева, М.Х. Рейтерна и В.П. Платонова, с участием, конечно, моего брата с князем В.А. Черкасским и В.А. Арцимовичем. Делопроизводителем назначен был (по указанию брата) С.М. Жуковский. Состав этот, однако ж, несколько изменился впоследствии: князь Долгоруков почему-то просил освободить его от участия в Комиссии, и вместо него назначен граф В.Н. Панин; а в то же время, по просьбе же брата, включен в Комиссию и Ю.Ф. Самарин, который сначала не был помещен в список собственно потому, что он предполагал вскоре уехать за границу по случаю нездоровья. Он охотно отложил эту поездку лишь только узнал, что может быть еще полезен начатому делу участием в Комиссии, и вскоре после Рождественских праздников приехал в Петербург вместе с князем Черкасским. Брат мой весьма дорожил помощью их обоих в предстоявших занятиях Комиссии и при окончательной обработке проектов.

28 декабря Государь собрал у себя для предварительного совещания некоторых лиц из числа назначенных в комиссию, с присоединением вице-канцлера князя Горчакова и открыл заседание заявлением своего одобрения основных начал составленных проектов. После этого, конечно, никто уже не решился возражать, кроме князя Горчакова, который сделал некоторые замечания в общих выражениях. Однако ж с первых же приступов к делу можно было предвидеть, что открытыми сторонниками проектированной реформы будут князь Гагарин, Чевкин, Зелёный, а противниками — Валуев и князь Горчаков. Что касается до других, то они воздерживались от заявления своих мнений. Комиссия должна была открыть свои заседания с первых же чисел января.

Князь Горчаков, хотя и не вошел в состав комиссии, однако ж в качестве министра иностранных дел должен был иметь голос в вопросе, касавшемся Царства Польского. Мало знакомый с делами гражданскими и с внутренней администрацией, он обыкновенно в прениях по таким делам избегал высказывать какие-либо мнения конкретные, а ограничивался общими фразами, более или менее отвлеченными, или, как сам он

говорил, «крупными чертами», «высшими взглядами». В этих громких фразах любил он пощеголять либеральным образом мыслей; но в сущности, либерализм его имел подкладку аристократическую и помещичью. Поэтому и в крестьянском вопросе не мог он сочувствовать проекту, в основу которого положены были начала демократические[231]. К тому же и в качестве дипломата не мог он отрешиться от традиционных взглядов европейских на шляхетскую Польшу. Князь Горчаков принадлежал к числу тех тщеславных людей, которые очень легко поддаются лести и обольщениям, а поляки имели ловких ходатаев в том круге петербургского общества, в котором вращался князь Горчаков.

Эта наклонность к интересам польской аристократии нисколько не вредила огромной популярности, которую князь Горчаков приобрел своими знаменитыми дипломатическими нотами; напротив того, некоторым образом даже возвышала его в той части общества, которая не примирилась еще с уничтожением крепостничества. Впрочем такие тонкости в оценке личности и не доступны массе, создающей популярности; поэтому и князь Горчаков, и М.Н. Муравьёв сделались в это время равно популярными, несмотря на то, что два эти героя дня не имели в себе ничего общего, что между их политическими воззрениями лежала целая пропасть. Как тот, так и другой продолжали получать беспрестанные заявления сочувствия от горячих патриотов; не проходило обеда, пира, торжества без тостов и речей в честь обоих. К концу же года начали даже присоединять к ним и графа Берга: так, на обеде в Московском университете в честь ректора Баршева, 21 ноября, провозглашены были тосты за всех троих и посланы им три телеграммы.

7 декабря в честь князя Горчакова дан был парадный обед в петербургском Английском клубе, в члены которого незадолго перед тем он был выбран. Кроме множества съехавшихся членов клуба, приглашены были и гости. Обед, разумеется, сопровождался речами и тостами. Первый бокал поднят был одним из старшин генерал-адъютантом Николаем Матвеевичем Толстым, с кратким приветственным словом князю Горчакову, который в ответной речи, с редкой для него скромностью, отнес всю приписываемую ему заслугу к державной воле самого Монарха. Как тост, так и ответ вице-канцлера были, разумеется, приветствованы громогласными «ура». Затем говорили М.М. Устинов и граф В.П. Орлов-Давыдов. Последний произнес настоящее похвальное слово князю Горчакову, который вторично ответил длинной речью. Главной мыслью, им высказанной, было то, что «Европа смотрела на Россию сквозь какую-то туманную завесу

и не видела того, что было в действительности; мы дунули на эту завесу — и Европа увидела наше отечество в истинном свете; убедилась, что у нас неприкосновенно святое единство между Царем и народом, а следовательно, и сила наша не поколебалась...»

Речь вице-канцлера, произнесенная перед многочисленным обществом, конечно, не осталась в стенах Английского клуба; она облетела все европейские газеты и затронула заживо приверженцев Польши во Франции. Один из известных французских публицистов Валовский напечатал в «Revue des deux mondes» (книжка 15 января 1864 года) финансовую статью, в которой, желая выставить хвастливость некоторых слов князя Горчакова, старался доказать цифрами и фактами, что силы России, как военные, так и финансовые, слабее, чем были десять лет назад перед Крымской войной и что потому ей следовало бы держаться поскромнее. На эту статью Валовского, разумеется, появились горячие возражения в русской печати.

Декабрь месяц прошел в самой усиленной деятельности во всех министерствах и в Государственном совете. Но работы над составлением финансовых смет на следующий год шли туго, и, несмотря на все усилия, опять оказалось невозможным привести дело к концу до наступления Нового года. Зато Положение о земских учреждениях было окончательно выработано и представлено на Высочайшее утверждение, которое и последовало в первый же день Нового года. Также окончена была работа особой Комиссии, образованной при Государственной канцелярии под председательством государственного секретаря В.П. Буткова для составления проекта Судебных уставов. 24 декабря работа эта внесена на рассмотрение Государственного совета.

В предпоследний день года (30 декабря) на Высочайший смотр представился возвратившийся из Виленского округа гвардейский Стрелковый Его Величества батальон (флигель-адъютанта полковника графа Шувалова Павла Андреевича). На этом смотру командир роты Его Величества капитан Розенбах, раненый в деле 10 июня (у Попелян), награжден званием флигель-адъютанта.

Так закончился этот тревожный 1863 год — один из весьма тяжких для России. К исходу его положение дел стало успокоительнее; мы как бы отдыхали от долгого напряженного состояния; однако ж все еще не совсем с уверенностью смотрели вперед. Кто мог поручиться, что тревоги наши не возобновятся с наступлением весны.

КАВКАЗ В 1863 ГОДУ

До сих пор не говорил я ничего о том, что происходило на Кавказе в течение 1863 года*. После продолжительного безначалия в этом крае, назначение великого князя наместником и главнокомандующим[232] было принято с радостью и польстило как туземному населению, так и войскам.

Новый наместник прибыл 14 февраля в Ставрополь, где встретили его кроме начальника Кубанской области генерал-адъютанта графа Евдокимова, приехавшие из Тифлиса генерал-адъютант князь Григорий Дмитриевич Орбельян, начальник главного штаба армии генерал-адъютант Карцов и начальник гражданского управления статс-секретарь тайный советник Крузенштерн, а также начальник Терской области генерал-лейтенант Святополк-Мирский и многие другие начальствующие лица. После молебствия в соборе происходил прием в доме начальника области, где подготовлено было помещение для Его Высочества. В тот же день приказом по армии возвещено было о прибытии великого князя и вступлении его в должность.

В Ставрополе пробыл он пять дней, чтобы предварительно ознакомиться с положением дел, и затем предпринял объезд Кубанской области, которая в то время оставалась единственной частью Кавказа, где еще происходили военные действия[233]. Выехав из Ставрополя 19 февраля, Его Высочество следовал вдоль Кубани, через Екатеринодар до Варениковской станицы, где переправился за Кубань, проехал в Анапу, далее в укрепление Константиновское и через станицу Крымскую до реки Хабль, на которой было приготовлено место для водворения одной из новых закубанских станиц. До этого места переезды совершались только с небольшим конным конвоем; но далее от реки Хабль, вдоль подошв гор, по направлению новоустраиваемой передовой линии станиц, приходилось уже следовать с довольно сильным отрядом в составе 10 батальонов, 4 эскадронов драгун, 6 сотен казаков при 12 орудиях. Путь пересекал речки Убин, Афипс, Псекупс, Пшиш. После семи дней похода великий князь прибыл 3 марта к станице Пшехинской на реке того же имени. Во все время движение сопровождалось перестрелками с соседними шапсугами и абадзехами, а раз, на переходе 28 февраля от Псекупса к Пшишу, при переправе через лесистую балку, горцы произвели такое сильное нападение, что завязалось жаркое дело, и большая часть шайки, окруженной со всех сто-

---

* В автографе зачеркнуто: «потому что до июня месяца не было оттуда никаких тревожных новостей, и, можно сказать, все обстояло благополучно» *(примеч. публ.)*.

Г.Д. Орбелиани

рон, легла на месте. В нашем отряде во все время движения потеря заключалась в 2 офицерах и 7 нижних чинах убитых, 10 офицерах и 72 нижних чинов раненых.

Избегая напрасного кровопролития, великий князь отменил предполагавшееся движение вверх по Пшехе и 4 марта проехал прямо в Майкоп, далее, 6-го числа, — на Куржипс и, тем закончив свое трехнедельное путешествие по Кубанской области, объявил в приказе 11 марта признательность свою графу Евдокимову за превосходное состояние войск, учреждений, новоустраиваемых станиц и всего, что успел видеть в короткое время своего проезда по области.

16 марта, в 1-ом часу дня, великий князь прибыл в Тифлис. Въезд его в этот полуевропейский и полуазиатский город был такой же эффектный, какой бывает только в одном Тифлисе; едва ли где-либо в другом месте возможно такое чудное соединение торжественности и живописной обстановки с оживлен-

ностью и задушевной искренностью встречающей массы народа. При гуле пушек с Метехского замка и восторженных криках толпы, великий князь в сопровождении многочисленной свиты, верхом проехал прямо в Сионский собор, где встретил его приветственной речью экзарх Грузии Евсевий. После молебствия и принесения Его Высочеством присяги, великий князь, а за ним многочисленная, нарядная процессия двинулись ко дворцу наместника, где собрались начальствующие лица, чины всех ведомств, духовенство, представители сословий, иностранные консулы. Городской голова поднес хлеб-соль. Во весь день улицы были полны народом, а вечером город иллюминован.

Первое время своего управления краем великий князь употребил на изучение его, на ознакомление с положением дел в разных его частях и с действующими лицами. Как сказано выше, в то время главное внимание было обращено на Кубанскую область, где графом Евдокимовым приводился в исполнение с непреклонной настойчивостью принятый еще при князе Барятинском план действий, состоявший в том, чтобы постепенно все более стеснять горское население, выдвигая вперед, в предгорья, сплошную полосу казачьего поселения, и тем вынудить горцев выселиться из гор на равнины. Значительнейшая часть Кавказской армии, сосредоточенная в Кубанской области, давала возможность действовать решительно и одновременно на всем протяжении между рекой Белой и Адагумом. В предстоявшее лето положено было окончательно решить дело на северном склоне Кавказского хребта, водворением сразу до 20 новых станиц на местах, уже заранее подготовленных в зимнее время. Немедленно после проезда великого князя по Закубанскому краю, начали стягиваться войска к назначенным сборным пунктам отрядов; с 1 апреля началось движение их, а вслед за ними — и казачьих семейств на места водворения новых станиц. Один отряд, Адагумский, под начальством старого, опытного казака черноморского, генерал-майора Бабича, должен был понудить натухайцев (покорившихся еще в 1861 году) к переселению из гор на указанные им места на равнине, а на прежних их местах водворить 8 новых казачьих станиц. Другие два отряда: Пшехский, генерал-майора Зотова, и Даховский, полковника Геймана, должны были водворить 12 станиц между Белой и Пшишем и устроить ряд постов в верховьях этих рек, очистив их от гнездившегося еще там непокорного населения.

В Терской области и Дагестане водворилось, по-видимому, такое спокойствие*, какого этот край не знал с незапамятных времен. В гражданской администрации сделаны были значитель-

---

* В автографе зачеркнуто: после пленения Шамиля[234] *(примеч. публ.)*.

Л.И. Меликов

ные успехи; проложено много хороших дорог, — и там, куда за три, за четыре года прежде не решались проникать и сильные отряды, теперь могли разъезжать одиночные люди без конвоя. Чеченцы и дагестанцы принялись за свое хозяйство и промыслы, начали уже отвыкать от оружия и понимать все выгоды мира и спокойствия. Но управление как Чечней, так и Дагестаном требовало осторожного и строгого надзора за населением, в среде которого не могли так скоро исчезнуть все следы недавней еще смуты и в особенности религиозный фанатизм. Еще с 1861 года появилась в Южном Дагестане новая мусульманская секта, проникшая потом и в нагорную Чечню, под названием «зикра». В начале 1863 года учение это было только в зародыше; начальство следило за ним и принимало свои меры. Генерал Карцов в одном письме ко мне писал: «К счастью, мусульманское духовенство не сочувствует новому учению и даже смотрит на него враждебно»[235]. В другом письме, говоря о положении

Дагестана, он остроумно сравнивал эту страну с дикой лошадью, только что укрощенной, но еще не объезженной: «нужно твердо сидеть и осторожно править»[236]. Впрочем тогдашний начальник Дагестана князь Леван Меликов пользовался репутацией весьма опытного правителя. Введенное им местное (военно-народное) управление, примененное к степени культуры и нравам своеобразного дагестанского населения, действовало успешно[237]. В одной только небольшой части Дагестана сохранился еще последний обломок старого азиатского управления, несовместимый с введенным новым порядком — ханство Аварское. Необходимо было покончить с этим анахронизмом, тем более, что тогдашний хан Ибрагим-хан, бывший прежде ханом Мехтулинским и перемещенный в Аварию князем Барятинским в 1860 году, своим жестоким и сумасбродным правлением довел народ до такого положения, что можно было беспрестанно ожидать бунта. По представлению князя Меликова, последовал 20 апреля Высочайший указ об отречении Ибрагим-хана от управления; ханство Аварское обратилось в округ Среднего Дагестана, с применением к нему общего Положения о военно-народном управлении.

В Закавказском крае все оставалось по-старому; в местной администрации не замечалось улучшений; в некоторых частях края продолжалось сильное разбойничество. Переустройство князем Барятинским центрального управления гражданской частью Кавказского края не принесло заметных результатов[238]. Занимавший должность начальника гражданского управления статс-секретарь Алексей Фёдорович Крузенштерн — человек превосходный, честный, благодушный, не обладал теми способностями и энергией, которые необходимы для того, чтобы распущенную с давних времен администрацию привести в должный порядок. Заведомо совершавшиеся злоупотребления и беззакония проходили безнаказанно. Крузенштерн, сам чувствуя свое бессилие, при надломленном здоровье, давно уже намеревался оставить свой пост. О замещении его великий князь Михаил Николаевич заботился еще до выезда своего из Петербурга и приискивал кандидатов. Выбор его остановился (как кажется, на основании указания князя Барятинского) на статс-секретаре тайном советнике бароне Николаи, товарище министра народного просвещения. Он также служил долго на Кавказе, занимая под конец должность начальника Кавказского учебного округа, и хотя был в дружеских, товарищеских отношениях с Крузенштерном, однако ж составлял с ним совершенную противуположность по характеру. На сколько Крузенштерн был со всеми обходителен, добродушен и потому всеми любим, на столько барон Николаи был сдержан, натянут и держал себя каким-то маркизом старых времен; относительно же административных

способностей и деятельности он еще ничем их не выказал. Предложенное ему Великим князем место барон Николаи принял тем охотнее, что у него было имение в Тифлисской губернии и родственные связи в Грузии. Назначение его вместе с увольнением А.Ф. Крузенштерна состоялось 29 июня.

Кроме того, последовали еще некоторые перемены в личном составе кавказского управления. 17 апреля кутаисский генерал-губернатор генерал-лейтенант Колюбакин (Николай Петрович) назначен сенатором, и место его в Кутаисе занял генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский, вместо которого начальником Терской области и командующим в ней войсками назначен генерал-майор Лорис-Меликов (Михаил Тариелович), занимавший до того место дербентского градоначальника и начальника Южного Дагестана. Позже состоялось увольнение от должности атамана Кубанского казачьего войска генерал-майора Иванова, вследствие открытых в его управлении каких-то неблаговидных дел. Место его занял помощник начальника Кавказской гренадерской дивизии генерал-майор Свиты граф Сумароков-Эльстон, некогда состоявший вице-директором канцелярии Военного министерства (при министре Н.О. Сухозанете).

Среди новой своей деятельности на Кавказе великий князь Михаил Николаевич следил с беспокойством за событиями на западной нашей окраине и за ходом европейской политики. Уже в апреле он сообщил мне свои соображения на случай войны и просил об усилении войск на Кавказе. Позже он даже выражал некоторое удивление тому, что принимаемые военные меры не распространяются на Кавказскую армию и что войска этой армии не приводятся на военное положение. В своих ответах я старался успокоить опасения Его Высочества, объясняя ему, что при тогдашнем положении дел, преждевременные военные меры на Кавказе ввели бы нас только в напрасные издержки, которых желательно сколь возможно избегать; усиление Кавказской армии — уже весьма многочисленной — отвлекло бы часть наших сил от тех театров войны, где они могут оказаться более необходимыми.

В соображениях великого князя на случай войны представлялся самым слабым нашим местом кавказский берег Черного моря, в особенности Абхазия, где народонаселение всегда было мало надежно и где оставить войска было бы не безопасно, за неимением обеспеченного с ними сообщения (в случае высадки неприятеля в долине Риона), ни пути отступления в случае неудачи. По этому предмету я предложил мысль — избрать в некотором расстоянии от морского берега, к стороне Цебельды, удобное место для заблаговременного устройства опорного пункта, в котором войска, принужденные отойти от берега,

могли бы удержаться и прикрыть ту часть жителей приморской полосы, которая искала бы спасения от высадившегося неприятеля. Сначала Его Высочество возражал против этого предположения; но потом поручил князю Мирскому лично осмотреть места, удобные для предполагаемого опорного пункта, а также пути из Абхазии через главный хребет на северную сторону его, и сообразить способы приведения в исполнение предположения, которое не удалось в прошлом году осуществить благодаря причудам князя Михаила Шервашидзе. Генерал-адъютант граф Евдокимов был вызван в Тифлис для обсуждения плана охранения Кубанской области со стороны моря.

В начале июня, когда начальство кавказское было озабочено будущим в предвидении возможной войны и совершенно спокойно на счет настоящего положения края, вдруг получено было неожиданное известие о возмущении, вспыхнувшем в Закатальском округе, и об опасности, угрожающей самой крепости Закатальской.

Округ Закатальский, население которого большей частью лезгинское, был только что передан из военного управления в гражданское, но пока состоял еще под главным ведением начальника Верхнего Дагестана генерал-майора князя Шаликова. Беспокойное это население, не отставшее еще от своих воинственных нравов, не могло освоиться с новой обстановкой гражданского управления. Беспокойство и неудовольствие в народе поддерживались фанатиками, проповедовавшими новые религиозные учения. Ходили слухи о готовившемся возмущении; но князь Шаликов, оказывавший всегда расположение к лезгинам и отличавшийся кротким и разумным управлением, не хотел верить этим слухам, пока не получил в ночь с 4 на 5 июня, в Сацхенисе, донесения, что один из влиятельных жителей селения Белокон, Хаджи-Муртуз, имевший чин штабс-капитана милиции, собрав вдруг до 5 тысяч вооруженных лезгин из окрестных селений, задумал в ту же ночь овладеть крепостью Закаталы.

Крепость эта, расположенная над крутыми скалами, некогда считавшаяся неприступной для горцев, была уже почти заброшена. На стенах ее оставлено было только 4 орудия в виде охранительного вооружения; другие орудия, большей частью заржавленные, находились в складе с зарядами, принадлежностью и всяким старым хламом. Гарнизон состоял из одного линейного батальона; но большая часть его была в командировках, так что налицо оставалось не более 200 человек, считая с больными и нестроевыми. К крепости примыкал форштадт или собственно город, совершенно открытый и беззащитный. Мятежникам вполне было известно, в каком состоянии находилась крепость;

они надеялись завладеть ею легко, ночным нападением, которое и было предположено в ночь с 4 на 5 июня. Но исполнявший должность коменданта командир линейного батальона подполковник Романов и гражданский начальник округа штабс-ротмистр князь Тархан-Моуравов, узнав о намерении мятежников, успели в течение дня принять кое-какие меры к обороне; все жители города с частью имущества перешли в крепость; к ночи уже выставлено было на стенах до 20 орудий, вытащенных из склада. Жителям розданы ружья и патроны, так что всех вооруженных защитников оказалось свыше 400 человек. В этом числе были чиновники, учителя, школьники, отставные солдаты, простые лавочники из грузин и армян и т. д.

Мятежники, проведав о готовности крепости к обороне и потеряв надежду овладеть ею внезапным нападением, отложили свое предприятие до следующей ночи, чтобы приготовить лестницы и другие необходимые средства для приступа. Таким образом гарнизон крепости имел еще целые сутки на довершение своих приготовлений к обороне. В ночь с 5-го на 6-е число мятежники приблизились незаметно к крепости, пользуясь темнотой, и массою бросились с разных сторон эскаладировать стены. Некоторым смельчакам даже удалось было взобраться на самую вершину стен, несмотря на стрельбу защитников и на бросаемые ручные гранаты, так что дошло до рукопашной схватки. Около двух часов продолжался ночной бой, окончившийся отражением нападения на всех пунктах. К утру 6-го числа мятежники отошли на некоторое расстояние от крепости, но обложили ее кругом и отрезали ей всякое сообщение.

Между тем князь Шаликов, по первому известию о мятеже, в ту же ночь сделал распоряжения о сборе ближайших войск, а сам поскакал в Лагодехи (верстах в 40 от Закатал) и с горстью собранных там солдат утром 5-го числа поспешно двинулся на выручку крепости. Сначала было с ним всего около сотни людей; а на первом переходе подошла еще одна неполная рота также силою с небольшим 100 человек. С этой малочисленной командой он должен был 6-го числа пробиваться сквозь массы вооруженных мятежников, преградивших ему путь. И в это время еще он был так доверчив, что надеялся личным своим появлением образумить мятежников. Однако же при первой встрече с ними он был сражен пулей, и ничтожный его конвой был охвачен со всех сторон. Начальство над ним принял ротный командир поручик Серафимович. Некоторые из жителей окрестных селений, выехавшие сначала как бы в подмогу войскам, вдруг обратились против них и присоединились к толпе мятежников. Поручик Серафимович со своей небольшой командой, казалось, был обречен на неминуемую гибель. Однако ж эта

горсть отважных кавказцев решилась пробиться сквозь массы мятежников и, преодолев все трудности пути, по весьма пересеченной местности, почти постоянно под перекрестным огнем, в течение 8 часов и на протяжении 30 верст, успела все-таки пробраться в Закаталы, не бросив на пути ни одного раненого, несмотря на то, что из числа 216 человек выбыло из строя 54 убитых, 57 раненых (в том числе 2 офицера) и 38 контуженых. Уцелевшие молодцы, измученные тяжелым переходом и боем, в слабой степени усилили гарнизон крепости. Но мятежники, проученные сильной потерей при первом нападении на крепость, ограничились в следующую ночь (с 7-го на 8-е и с 8-го на 9-е) только слабыми попытками, которые были отбиты гарнизоном без особенных усилий, а 9-го числа уже подошел к Закаталам полковник барон Врангель с четырьмя батальонами Тифлисского гренадерского полка, несколькими сотнями грузинской дружины и орудиями. Тогда Хаджи-Муртуз, видя свои дерзкие планы расстроенными, распустил мятежное скопище и сам с несколькими близкими личностями скрылся в горные ущелья.

Таким образом возмущение было в несколько дней подавлено. Старшины возмутившихся селений начали являться с повинною. По распоряжению Великого князя наместника генерал-лейтенант князь Андроников 2-й, прибыв а Закаталы, принял начальство над войсками, стянутыми туда с разных сторон, а в помощь ему прислан генерал-майор Радецкий. Несколько дней спустя пришел из Дагестана и сам князь Меликов с отрядом, собранным поспешно у Ириба. Не выждав прибытия пехоты, князь Меликов с одной дагестанской милицией двинулся по весьма трудным дорогам, через несколько горных перевалов и 18 июня подошел к Закаталам. Хотя в это время там уже все успокоилось, однако ж появление лезгинской милиции для усмирения лезгинского же населения имело в крае особое нравственное значение.

Благополучный исход этого эпизода вполне зависел от геройской защиты Закатальской крепости. Между защитниками ее потеря была самая незначительная; но зато погибло много солдат и один офицер в отдельных командах, находившихся в разных командировках в окрестностях, как на покосе, так и на «вольных работах». Эти люди были бесчеловечно перебиты мятежниками.

По получении донесения об этих происшествиях, Государь произвел подполковника Романова в следующий чин, поручика Серафимовича наградил орденом св. Георгия 4-й степени; всем оставшимся в живых из его команды даны знаки военного орде-

Ф.Ф. Радецкий

на. Много других наград пожаловано потом по представлению великого князя главнокомандующего.

Расследование обстоятельств происшедшего мятежа и принятие мер к установлению в Закатальском округе более правильной администрации поручены были генерал-адъютанту князю Григорию Дмитриевичу Орбелиани. По первым собранным им сведениям, вспыхнувшее так внезапно возмущение было приписано, с одной стороны, подстрекательству религиозных фанатиков, а с другой — неудовольствию населения вновь введенным непривычным ему порядком гражданского управления и письменного судопроизводства, а сверх того некоторым ошибочным действиям князя Шаликова, поплатившегося за них своей жизнью. Результатом всего случившегося была обратная передача Закатальского округа из гражданского управления в военное.

В течение лета по предположенному плану действий в Закубанском крае водворены были все 20 новых станиц, из которых образовались два новых казачьих полка. Всего же в течение четырех лет, с 1860 по 1863 водворено за Кубанью 58 станиц с населением без малого в 10 тысяч семейств. В сентябре отряды приступили к разработке дорог вверх по горным долинам к перевалам через Главный хребет, ведущим в долины Пшады, Джубы и Туапсе.

Оставшееся еще непокорным воинственное и некогда сильное племя абадзехов убедилось наконец в невозможности дальнейшего сопротивления русской силе. 13 сентября явилась к графу Евдокимову в лагерь Пшехского отряда депутация от всех главных родов абадзехских с изъявлением покорности на объявленных им и столько раз отвергнутых ими условиях, то есть — с обязательством переселиться из гор на указанные места на равнине, позади казачьих поселений. Депутация просила только как милости, чтобы по краткости времени, остававшегося до зимы, переселение было отложено до весны, на что графом Евдокимовым дано было согласие, с тем однако же, чтобы безотлагательно и на прежних своих местах жительства абадзехи подчинились надзору русского пристава.

Таким образом с сентября 1863 года уже на всем северном склоне Кавказского хребта водворена была русская власть. Войска наши выдвинулись до самых перевалов Главного хребта, разорив несколько остававшихся еще в верховьях долин непокорных шапсугских аулов, в которых забрали 5 орудий с запасами снарядов. В октябре занято с бою и самое устье реки Джубы, так что к концу года непокорное горское население оставалось только на узкой приморской полосе от реки Джубы до границ Абхазии, то есть — часть прибрежных шапсугов, убыхи и мелкие племена, соседние с Абхазией. Покорение этих последних остатков некогда страшного «черкесского населения» отложено было до следующего года.

По мере распространения русской власти в Закубанском крае изменялось и административное его деление. Взамен упраздненного еще в июне Лабинского округа, учреждены в сентябре два новых округа: Шапсугский и Абадзехский, в которых вводилось наше военно-народное управление по общепринятому типу.

Покорявшиеся племена, соглашаясь переселяться на указанные им места, конечно, не в полном своем составе подчинялись такому тяжкому для них условию. Более или менее значительная часть этих закоренелых врагов России не хотела и до последней крайности смириться перед русскими. Вынужденные покинуть свою родину, достояние своих предков, горцы предпочитали уходить подальше от своих исконных врагов. Целыми массами

перебирались они с северной стороны хребта на южную, приморскую, где в то время население так стеснилось, что не имело бы возможности долго просуществовать, даже и в том случае, если б русское правительство оставило их там в покое. Одно оставалось им — уходить в Турцию; и действительно, выселение горцев усиливалось с каждым годом. Русские власти смотрели на эту эмиграцию без сожаления и не только не препятствовали ей, но даже поощряли, насколько от них зависело, дабы отделаться от строптивого и неудобоправимого населения. Со стороны же Турции с давнего времени явно оказывалось покровительство переселению. Эмиссары турецкие подстрекали к тому легковерных горцев, сулили им рай земной под властью калифа правоверных. В турецких портах организовались компании, промышлявшие перевозкой кавказских переселенцев на плохих судах, на которых несчастные горцы подвергались весьма возможным бедствиям и опасностям. Достигшие благополучно турецких берегов, не находили там ни приюта, ни помощи и бедствовали в полном смысле слова. В самом Константинополе по улицам бродили толпы переселенцев, оборванных, голодных. Бедственное положение их бросалось в глаза европейцам, затрудняло турецкое правительство и сделалось предметом злобных нападок европейской печати на русское правительство, которое будто бы своими варварскими насилиями над «рыцарскими» племенами Кавказа вынуждает их против воли покидать родимый край. Более всего, конечно, вопили на эту тему английские газеты. В Лондоне образовался даже особый «Черкесский комитет» под председательством известного русофоба Уркварта для вспомоществования черкесским эмигрантам и для облегчения положения их в турецких владениях.

Такое сочувствие к черкесским эмигрантам, конечно, было напускное: под маской гуманности, человеколюбия скрывались побуждения политические — ненависть и вражда к России. В Западной Европе даже худо знали действительное положение дел на кавказском побережье и составляли себе самые фантастические представления вообще о Кавказе. В самой Англии, где всегда так усердно занимались кавказскими делами, невежество насчет этого края простиралось до того, что в одной газете серьезно сообщалось, будто дагестанцы, готовясь к восстанию, обратились к Лондонскому комитету с просьбой о доставлении им (т.е. дагестанцам) оружия через Геленджик!.. Вообще в газетах разглашали, будто положение дел на Кавказе самое критическое; будто готовится общее восстание, не только среди туземного населения, но и в самой армии, переполненной поляками, и многое тому подобное. Подтверждением превратных понятий, существовавших в Европе относительно положения дел на Кав-

казе, служат и те бессмысленные попытки руководителей польского движения, о которых было упомянуто в своем месте: они вообразили себе или хотели похвастаться перед Европой, что могут произвести полезную для Польши диверсию возбуждением к новому восстанию кавказских горцев, для чего и было задумано снаряжение вооруженного судна для доставки на кавказский берег оружия, военных запасов и для высадки горсти вооруженных искателей приключений. Английский пароход «Chesapeake» под английским флагом вошел в Черное море; по судовым бумагам назначение груза значилось в Галаце; но вместо того, пароход вошел в Трапезундскую гавань, выгрузился и, запасшись углем, возвратился в Константинополь. Из Трапезунда же вслед за тем вышло турецкое судно с 40 человеками, вооруженными и одетыми по-черкесски. Куда и зачем пошло это судно — осталось неизвестным[239].

Положение наше на Кавказе настолько уже утвердилось, и так близок уже был конец полувековой нашей борьбы с горским населением, что мы могли с полным пренебрежением смотреть на подобные ребяческие проделки наших врагов. Но тем более было бы для нас прискорбно, если б не удалось нам отвратить угрожавшую войну с западными державами. С появлением неприятельского флота в виду кавказских берегов могло бы разом рушиться все, что было достигнуто на Кавказе такой дорогой ценой. Хотя к исходу года политическое наше положение сделалось менее тревожно, однако ж все еще не было ручательства в том, чтобы страшный призрак войны не восстал снова с открытием весны. Поэтому было бы неосторожно прекратить начатые военные приготовления и оставить недоделанным предположенный общий план развития наших вооруженных сил. Следовало теперь привести и Кавказскую армию в такое положение, чтобы война в том крае не застигла нас врасплох, тем более, что по отдаленности его от центра Империи, нельзя было рассчитывать на своевременное прибытие укомплектований и подкреплений. В этих видах последовало 16 октября Высочайшее повеление привести войска Кавказской армии в военный состав, определенный новыми штатами, причем пехотные полки удержали в 19-й дивизии — 5-батальонный состав, а в гренадерской, 20-й и 21-й дивизиях — 4-батальонный. В драгунских полках 5-е резервные батальоны предписано привести в полный военный состав наравне с действующими, а вместе с тем вновь сформировать 6-е резервные эскадроны в пешем составе. В артиллерийских бригадах должны были сформироваться новые резервные батареи.

Затем 6 ноября сделано новое распоряжение: батальоны кавказской резервной дивизии повелено переформировать в 3-бата-

льонные полки, из которых образовать три новые действующие дивизии: 38-ю, 39-ю и 40-ю, предназначавшиеся, в случае войны, для подкрепления Кавказской армии.

Все эти новые меры должны были приводиться в исполнение в течение зимы, так чтобы к весне Кавказская армия могла быть в новом составе и в полной готовности.

В течение ноября Великий князь Михаил Николаевич предпринял объезд восточной части Кавказского края, то есть Дагестана и Терской области. Всем, что видел он в это путешествие, Его Высочество остался вполне доволен и объявил в приказе по армии свою признательность обоим начальникам областей.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1863 ГОДУ

Обстоятельства 1863 года требовали от Военного министерства наибольшего напряжения деятельности. Вспыхнувший в самом начале года польский мятеж и последовавшие за ним политические усложнения, не только не остановили хода начатых в военном ведомстве обширных преобразований и улучшений, но напротив того, ускорили осуществление многих предположений. С одной стороны, необходимо было принять решительные меры к развитию наших боевых сил, что дало возможность неотлагательно применить предположенные изменения в устройстве и организации войск; с другой стороны — та же польская смута доставила положительное, фактическое подтверждение целесообразности и даже необходимости вновь вводимой военно-окружной системы военного управления; наконец, и в отношении материальных нужд армии усовершенствование технических специальностей, удовлетворение которых откладывалось с года на год ради финансовых затруднений, удалось нам исполнить многое, что при обыкновенном ходе дел отсрочивалось бы еще на многие годы.

Постараюсь, сколь можно в кратком очерке обозреть, что было сделано Военным министерством в течение года. Начну с главной из представших многочисленных и крупных задач: развития наших вооруженных сил и перемен в их организации.

После всех наших забот о сокращении численного состава регулярных войск, нам пришлось с наступлением 1863 года, наоборот, принимать самые энергические меры к широкому развитию наших вооруженных сил. В рассказе моем о событиях этого года указано было постепенно, что по мере усиления польского мятежа и усложнения политических отношений, следовали одни за другими распоряжения об усилении наших войск. Начав в январе с укомплектования до полного военного состава лишь частей, расположенных в Царстве Польском и за-

падных губерниях, мы должны были потом не только привести и прочие войска в военный состав, но и прибегнуть к разным переформированиям и формированию новых частей. Результаты этого ряда мер выразились в следующих цифрах последовательного приращения регулярных войск:

— в первые четыре месяца — на 94 500 человек,

— в течение лета и до конца октября — еще приблизительно на столько же,

— в течение зимы, т.е. после второго рекрутского набора, — еще на 160 тысяч человек,

— в течение же всего года — на 350 тысяч человек, так что вся численная сила регулярных войск, не превосходившая в начале года 812 тысяч человек, в октябре того же года достигла цифры близкой к миллиону, а в начале 1864 года — уже до 1 137 000 человек.

К этому числу следует добавить до 177 тысяч иррегулярных войск, преимущественно конных, не считая остававшихся еще на месте около 200 тысяч казаков.

Распределение наших боевых сил в конце года было следующее:

	людей	батальонов	эскадронов	сотен	орудий
В Царстве Польском и Западном крае	360 200	259	129	226	442
— Одесском округе	69 600	42	36½	60	116
— Петербурге и на Балтийском побережье	102 500	87	54½	13	164
— внутри России	116 800	67	66	164	262
— на Кавказе	237 200	130	20	296	196
	886 300	585	306*	759	1180

Остальные войска — местные, не боевые, и в Азиатской России.

С возрастанием численности войск изменялась и самая организация их, сообразно вырабатывавшимся в министерстве предположениям. В этом отношении 1863 год не только открыл нам возможность привести в исполнение проектированные изменения ранее чем можно было прежде рассчитывать, но вместе с тем выказал на деле те недостатки существовавшей у нас организации войск, которые указывались в моей программе 1862 года. Переход армии на военное положение, несмотря на

* Со включением резервных эскадронов и гвардейских казачьих полков.

всю деятельность и поспешность распоряжений и исполнения, потребовал непомерно долгого времени, и в особенности — на переформирование резервных частей в действующие. В своем месте я упоминал, как постепенно резервные батальоны сперва доводились до полного тысячного состава, потом раздваивались и снова пополнялись, формировались двухбатальонные полки, которые сводились в дивизии и наконец, обращались в 3-батальоные полки. Только к началу 1864 года мы достигли того, что из 6 резервных дивизий (1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и Кавказской) сформировались 76 действующих полков или 228 батальонов, образовавших 19 новых пехотных дивизий, от 22-й до 40-й*. 6-я резервная дивизия осталась не переформированной; она поступила в ведение командира Корпуса внутренней стражи, с тем чтобы вместе с остававшимися батальонами этого корпуса, дать кадры для формирования вновь предположенных резервных и местных войск.

Обращение прежних резервных дивизий в действующие увеличило боевую силу нашей армии с 28 пехотных дивизий до 47. Последнее это число дивизий — по 12 батальонов в каждой — должно было впредь удерживаться неизменно и в мирное время, согласно основному началу проектированной новой организации армии, заключавшемуся именно в том, что число боевых единиц в регулярной армии должно быть постоянное и что все различие мирного состава от военного должно состоять лишь в уменьшении до крайнего предела числа рядов в каждой единице тактической, так чтобы для перехода на военное положение требовалось исключительно пополнить недостающее число рядов призывом нижних чинов из запаса, без формирования каких-либо новых боевых единиц.

Второй мерой для усиления боевой силы армии было — формирование крепостных полков и батальонов. Соображения, побудившие к созданию этого нового разряда войск, объяснены были в своем месте. Сформированные постепенно в течение года 7 крепостных полков и 3 отдельных батальона, всего же 22 батальона, освободили такое же число батальонов действующей пехоты от гарнизонной службы в крепостях и стало быть на столько же батальонов увеличили боевую силу в поле.

---

* Здесь в автографе предполагалась сноска:

«Повеления о переформировании резервных дивизий в действующие последовали: для 1-й, 2-й, 3-й и 5-й (образовавших новые дивизии от 23-й до 34-й) — 13 августа; для 4-й резервной (образовавшей дивизии 38-ю, 39-ю и 40-ю) — в ноябре. 22-я же пехотная дивизия образовалась из 8 финляндских линейных батальонов; прочие 4 финляндских линейных батальона обращены были на формирование крепостных полков: Кронштадтского, Выборгского, Свеаборгского» *(примеч. публ.)*.

Если добавить еще вновь сформированные третьи батальоны в полках гвардейских и гренадерских, да пятые батальоны в полках Кавказской гренадерской, 20-й и 21-й пехотных дивизий, то окажется, что в общей сложности действующая наша пехота усилилась на 266 батальонов (с 360 батальонов, имевшихся в начале года, до 626 — в конце его).

В кавалерии подобное значительное развитие, конечно, немыслимо. Число тактических единиц осталось прежнее (10 кавалерийских дивизий = 58 полков* = 306 эскадронов**); но согласно новой организации, проектированной особой Комиссией под председательством великого князя Николая Николаевича***, окончившей свои работы в марте 1863 года, число рядов во всех полках доведено было до 16 во взводе, и кроме того, в драгунских полках Кавказской дивизии пятые эскадроны приведены в одинаковый состав с действующими, так что численный состав всей регулярной кавалерии с 38 тысяч человек возрос до 49 тысяч (33 850 коней). Главное же усиление конницы в течение 1863 года заключалось в выкомандировании на службу 26 казачьих полков (19 донских, 5 оренбургских и 2 уральских) и двух гвардейских казачьих дивизионов, в числе 580 генералов и офицеров и 23 600 казаков. Кроме того сформированы в виде временной милиции три малороссийских конных полка. В случае войны конница наша могла бы усилиться еще призывом казачьих частей со льготы.

В предположениях упомянутой выше Кавалерийской комиссии обращено было особенное внимание на лучшее устройство резервных частей кавалерии для обеспечения действующих полков в средствах пополнения убыли людей и лошадей, как в военное время, так и в мирное. С этой целью все резервные эскадроны от своих полков были отделены и сведены в особые резервные бригады, по одной на каждую кавалерийскую дивизию. На обязанность этих эскадронов возложена была первоначальная подготовка для своих полков как рекрут, так и приводимых ремонтных лошадей****, так что в этом отношении резервным эскадронам в кавалерии давалось совершенно одинаковое назначение с резервными батальонами в пехоте, — назначение, которому соответствовало данное впоследствии тем и другим наименование запасных.

---

* Со включением двух гвардейских казачьих.

** Со включением резервных эскадронов, учебного и жандармских.

*** Комиссия состояла из 9 кавалерийских генералов и штаб-офицеров.

**** В предположениях Комиссии указано было и на учреждение ремонтных «депо», в которых искупленные молодые лошади, в возрасте $3^1/_2$ лет, выдерживались бы до $4^1/_2$ возраста.

В артиллерии (полевой) требовалось произвести переформирование, соответствующее увеличению числа пехотных дивизий, т.е. сформировать 19 новых артиллерийских бригад. Исполнить это в короткий срок представлялось крайне затруднительным, почти невозможным. Для облегчения задачи, положено было на первое время ограничить состав всех бригад тремя батареями в каждой (одной «батарейной», другой «облегченной» и третьей — «легкой нарезной»). Тем не менее пришлось к существовавшему числу пеших батарей добавить 37 с 296 орудиями. Вместе с тем преобразовывалась резервная артиллерия на одинаковых основаниях с резервными частями в пехоте и кавалерии.

В инженерных войсках изменения заключались лишь в упразднении коннопионер* (которые при тогдашней их организации признавались мало полезным родом войск и между тем дорогостоящим), в переформировании Финляндского саперного полубатальона в полный батальон, в приведении всех частей в военный состав и наконец, в новом распределении частей по бригадам: вместо прежних двух бригад, 1-й и 2-й, находившихся в Варшаве и Киеве, образованы три бригады, в каждой по 3 батальона саперных и по 3 понтонных парка. Распоряжение это имело целью распределить инженерные войска поровну между тремя западными пограничными округами: Варшавским, Виленским и Киевским.

Перечислив главные изменения, последовавшие в течение 1863 года в численности и организации войск, укажу теперь на средства, которыми достигалось пополнение и усиление их состава.

Средства эти были двоякие: призыв нижних чинов, находившихся в отпусках (бессрочном, продолжительном и кратком), и рекрутский набор. По существовавшим до 1863 года штатам, требовалось для перехода всей армии от мирного состава к военному до 614 тысяч нижних чинов; имелось же к началу года в отпусках — всего 186 тысяч человек, следовательно, не доставало 428 тысяч человек, а если исключить из счета отпускных людей физически неспособных, то в действительности означенная цифра дошла бы до полумиллиона. Недостающую эту цифру ничем другим нельзя было пополнить, как рекрутами нового набора; но мыслимо ли было произвести разом такой колоссальный набор, и сколько времени требовалось бы, чтобы всю армию выставить в поле.

Таково было неизбежное последствие шестимесячного перерыва рекрутских наборов после Крымской войны. Необходи-

---

* Приказом 31 декабря 1862 года объявлено об упразднении как Гвардейского коннопионерного эскадрона, так и Армейского дивизиона.

мость устранения подобного ненормального, даже опасного положения была заявлена в моей программе 15 января 1862 года, и вследствие того решено было возобновить ежегодные наборы, в определенных размерах и притом не по полосам (западной и восточной), а одновременно во всей Империи. Как уже известно, Манифестом 1 сентября 1862 года объявлен был первый набор с 15 января по 15 февраля 1863 года, в размере 5 рекрут с 1000 ревизских душ, — что должно было дать контингент около 90 тысяч рекрут. За пополнением из этого числа около 24 тысяч некомплекта в войсках, остальные рекруты, около 66 тысяч, как предполагалось, дали бы возможность уволить с действительной службы в бессрочный отпуск такое же число старослужащих солдат, выслуживших 10 лет и более. Однако ж и тогда, еще до мятежа, имелось в виду не распространять этой меры на войска, расположенные в Царстве Польском и западных губерниях. В этом крае признавалось неудобным, при тогдашних обстоятельствах, заменять старослужащих солдат рекрутами[240].

Вспыхнувший мятеж, конечно, расстроил эти расчеты. Вместо предполагавшегося увольнения стариков в бессрочный отпуск, пришлось призвать на службу большую часть состоявших уже в разных отпусках. Но призванные 155 тысяч бессрочных, с прибавкой 66 тысяч рекрут, доставили приращение численной силы армии всего только на какие-нибудь 220 тысяч человек, а за текущей убылью и того менее; следовательно, далеко еще не доставало людей для приведения армии в полный военный состав. К счастью нашему, год прошел без войны, а чтобы справиться с одним мятежом, наших сил было достаточно. Но война, которой мы избегли в этом году, могла разразиться весной следующего года; поэтому и признано было необходимым произвести новый рекрутский набор, не ожидая наступления нового года, именно — в течение ноября, и притом по 10 рекрут с 1000 душ (с некоторыми изъятиями, определенными в Манифесте 27 июня 1863 года*), — что должно было дать приблизительно до 170 тысяч рекрут.

Много лет потребовалось для того, чтобы исправить сделанную после Крымской войны ошибку и довести запас нижних чинов до нормальной цифры, соответствующей разности в численном составе армии по штатам мирному и военному. Достигнуть этого возможно было не иначе, как установлением ежегод-

---

* От этого набора были освобождены Царство Польское, западные губернии и части Полтавской и Черниговской губерний; последние две — во внимание к тому, что они уже поставили три конных полка милиции. Полагалось однако же, что означенные освобожденные местности поставят впоследствии, при будущих наборах, добавочное число рекрут, для уравнительности в отбывании повинности.

ного контингента новобранцев в размере значительно увеличенном и с сокращением срока службы, — что и было положено в основание предположенных преобразований. С увеличением же контингента новобранцев еще настоятельнее оказывалось необходимым принять все возможные меры к облегчению народу отбывания рекрутской повинности. Вот почему при учреждении в прошлом 1862 году под председательством члена Государственного Совета Бахтина комиссии для пересмотра Рекрутского устава, ей постановлено было первой задачей — указать те меры, которые могли бы быть приняты неотлагательно в отмену существовавших в старом порядке рекрутского набора варварских приемов, усугублявших в глазах народа тягость рекрутства и унижавших самое звание солдата. Предложенные комиссией в этом смысле изменения в Уставе, были применены при первом же наборе 1863 года, а потом постепенно распространялись и развивались при следующих наборах[241].

Главные из этих изменений, объявленных в Манифесте 1 сентября 1862 года, состояли в следующем: рекрутские присутствия открыты во всех уездах, т.е. ближе к месту жительства обывателей; в состав присутствия назначены в качестве блюстителей интересов сословий, отбывающих рекрутскую повинность, мировые посредники и городские головы; все делопроизводство по набору освобождено от гербового сбора; рекруты представляются в присутствие не раздетые, как прежде, до полной наготы, а в рубахах, освобождены от бритья «лба», облегчены условия роста; отменены некоторые ограничения относительно заместительства; с места набора рекруты препровождаются в части войск в своей привычной одежде, а не в виде арестантов*. Вместе с тем постановлено не брать рекрут ранее возраста 21 года, а из государственных крестьян призвать к жребию только старшие возрасты, 23—27-летние. Но при этом отменено прежнее изъятие, существовавшее для населения в 100-верстной западной пограничной полосе, в которой допущена была замена рекрута в натуре взносом денежным.

Все эти облегчительные меры, по-видимому, и не очень важные, оказали однако же заметное влияние с первого же раза: несмотря на то, что в один этот год было взято до 260 тысяч рекрут, оба набора произведены успешнее и спокойнее, чем в былые годы. И народ, и сами рекруты уже не так мрачно смотрели на рекрутчину; постепенно умолкали сопровождавшие

---

* В видах еще большего облегчения рекрутам перехода от первобытного состояния к военному быту, положено было впоследствии, с учреждением новых резервных батальонов, распределять рекрут первоначально в ближайшие батальоны и только позже, когда они освоятся с воинской обстановкой, отправлять их по назначению в дальние войска.

прежде операцию набора вопли и плач. Такой перемене в воззрениях народа, конечно, много помогли и другие меры: отмена телесных наказаний, вообще смягчение военного режима, и в особенности сокращение впоследствии срока службы.

На сколько выказалось с первого же года благоприятное влияние принятых мер, всего нагляднее показывают следующие сравнительные цифры:

	В наборе 1855 года	В первый набор 1863 г.	Во второй набор 1863 г.
Всего взято и отправлено рекрут	147 305	87 108	141 328
Из них бежало	161	86	42
процентов	0,1%	0,09%	0,03%
заболело	7506	1037	1135
процентов	5,1%	1,1%	0,8%
умерло	126	11	16
процентов	0,08%	0,012%	0,011%

Из числа показанных 42 бежавших в последний набор, оказывается: 9 — поступивших по найму, 16 — татар Казанской и Вятской губерний.

Замена рекрут наемщиками и покупка рекрутских квитанций усугубляли безобразие существовавшего в то время порядка отбывания воинской повинности. Наемники составляли самый ненадежный, нравственно испорченный элемент в составе войск. Язву эту не скоро удалось искоренить, хотя и принимались последовательно некоторые паллиативные меры к уменьшению зла.

Существовавший в прежнее время в наших войсках порядок относительно обращения с рекрутами и первоначального обучения их также требовал коренных изменений. И в этом отношении мы воспользовались исключительными обстоятельствами 1863 года: необходимо было приготовить рекрут сколь можно в кратчайший срок, а это дало повод настоять, чтобы в обучении их откинуты были пустые, педантические требования, всякие фронтовые утонченности, удручающие молодого солдата с первого его шага на службе, и можно сказать, пришибающие все его умственные и нравственные способности. В приказе 13 февраля даны были начальникам войск положительные указания по этому предмету; приказано было в обучении рекрут ограничиться лишь теми требованиями, которые существенно необходимы, чтобы молодой солдат мог стать в строй. Притом напоминалось начальникам, что обращение с рекрутами должно быть ласковое, спокойное, без угроз; что при напряженном старании уско-

рить обучение их, следует однако же не упускать из виду и сбережение здоровья людей, соразмеряя занятия с физическими и умственными силами каждого рекрута.

В конце года, при втором наборе, подтверждены были эти указания в приказе 26 ноября, причем было приказано приготовить рекрут к поступлению в строй не позже 1 марта следующего года.

Трудно было бы здесь, в кратком обзоре действий Военного министерства в эту памятную годину, перечислить все частные меры, принятые относительно организации, устройства и службы войск, все вопросы, разрабатывавшиеся в Инспекторском департаменте и разных комиссиях. Упомяну разве только о некоторых, более выдающихся: о новом шаге к уменьшению в войсках нестроевого элемента утверждением положения об офицерской прислуге (денщиках) и заменой, где только возможно, солдат вольнонаемными людьми в качестве сторожей, мастеровых и т.д.; о преобразовании образцового пехотного батальона в «учебный», слиянием его с офицерской стрелковой школой и «гимнастическим кадром»; о введении в Елизаветградском офицерском кавалерийском училище нового положения о мерах к поддержанию военного образования между строевыми офицерами; о пересмотре Устава и порядка действий Комитета о раненых и т.д., и т.д.

Одной из существенных забот Инспекторского департамента было — изыскать средства к пополнению огромного некомплекта в офицерах. Необходимо было допустить разные облегчительные правила для производства в офицеры*, пока не представится возможность привлечь молодежь к военной службе улучшением материального положения офицеров.

В Высочайшем приказе 26 октября объявлено было Монаршее благоволение Инспекторскому департаменту и в особенности членам, принимавшим участие в работах по призыву бессрочноотпускных, по составлению расписания для распределения рекрут. Благоволение это было заслужено в полной мере: Инспекторский департамент и во главе его дежурный генерал граф Ф.Л. Гейден вынесли в этом году на своих плечах громадную, почти невероятную работу.

Рядом с развитием вооруженных сил и переменами в их организации, шли в Военном министерстве и работы по переустройству <u>военных управлений</u>.

1863 год, как я уже сказал, послужил наглядным испытанием вводимой у нас системы военно-окружного управления. При

* Временные эти правила были объявлены в приказе 10 октября.

прежнем подчинении всех расположенных в Западном крае действующих войск начальству 1-й армии, когда все распоряжения по военной части исходили или из Варшавы, или из Петербурга, а местные генерал-губернаторы в Вильне и Киеве были вовсе без всякой военной власти — едва ли было бы возможно справиться с мятежом. Только с учреждением трех западных округов (а потом и четвертого — Одесского) с самостоятельным начальством, соединившим в своих руках власти гражданскую и военную, распоряжающимся всеми военными средствами в подведомственном районе, могли быть приняты энергические меры к восстановлению в возмутившемся крае спокойствия и русской власти.

Но открытые на первый раз четыре военных округа не были еще полным выражением идеи о предположенной территориальной системе военного управления. В ожидании разработки общего положения о военных округах, принимались в течение 1863 года лишь подготовительные, частные меры к более правильному устройству управления в четырех открытых округах. Так, последовательно образовались в них новые отделы военно-окружного управления: Интендантский, Артиллерийский, Инженерный*, с упразднением замененных ими прежних учреждений. Местные войска в означенных округах с июня месяца изъяты из подчинения командиру Корпуса внутренней стражи. Таким образом, постепенным развитием в каждом округе всех отраслей военного управления уже достигнута была главная цель — сосредоточение в руках главного начальника округа начальствования и всеми родами войск в крае, и всеми местными военными средствами и учреждениями.

Между тем в министерстве деятельно разрабатывалось Положение о военно-окружном управлении и проектировалось разделение всей Империи на округа. В феврале, когда были собраны мнения многих лиц, из тех, кому были разосланы экземпляры проектированных в прошлом году главных оснований новой системы, образованы были две редакционные комиссии: одна, под председательством дежурного генерала графа Ф.Л. Гейдена, для разработки «командной» части Положения, т.е. военно-окружного штаба и войсковых управлений; другая, под председательством тайного советника Ф.Г. Устрялова — по всем частям административным и хозяйственным. В состав первой были назначены: вице-директор Инспекторского департамента генерал-

* Интендантские управления, в которых были соединены прежние учреждения комиссариатские и провиантские, открыты в Варшавском, Виленском и Киевском округах с 1 января 1863 года, в Одесском — с августа; Артиллерийские, с учреждением должности окружного начальника артиллерии — в марте, а Инженерные — в сентябре.

Н.Н. Обручев

майор Свиты граф Сиверс (Евгений Егорович), состоявший при военном министре действительный статский советник Штанге, полковники: Масониус, Якимович (Александр Алексеевич), Обручев и Аничков. Вторую комиссию составляли: генерал-майор Поливанов и действительный статский советник Пикторов (оба состоявшие «по министерству») и полковник Аничков, занимавший должности «состоявшего при министре» и профессора военной администрации в Николаевской академии Генерального штаба, автор единственного тогда курса «Военного хозяйства». Работы в обеих комиссиях велись под общим моим руководством и подвигались весьма быстро, хотя не все члены принимали равное участие в этой деятельности. Главными работниками в первой, кроме самого графа Гейдена, были полковники Обручев и Якимович, а во второй — тайный советник Устрялов и полковник Аничков. Этим пяти лицам считаю я себя наиболее обязанным удачным осуществлением моей мысли о военных округах. Что касается прочих членов комиссий, то из них вспоми-

наю о действительном статском советнике Пикторове (Николае Егоровиче), как о чиновнике весьма дельном и оказавшем много пользы Военному министерству; но он был специалистом собственно только по счетной и контрольной части. Поливанов же был человек, погрязший в рутине прежнего комиссариата, и назначением его в редакционную комиссию я просто сделал промах, сколько помнится, вследствие указания самого Ф.Г. Устрялова. Поливанов, быв некогда начальником московского комиссариата, попал под суд и после того долго оставался без должности. По-видимому, он надеялся еще получить какое-либо назначение в министерстве и когда увидел свои ожидания не сбывшимися, сделался ярым противником всех нововведений в военном хозяйстве.

Кроме названных двух комиссий, образованы были еще три специальные: Артиллерийская, Инженерная и Военно-медицинская, из лиц, назначенных от подлежащих управлений, под председательством артиллерийского генерал-лейтенанта Семёнова, инженер-генерал-майора Рыдзевского и доктора действительного статского советника Цыцурина, директора Медицинского департамента.

К концу года комиссиями выработан был целый ряд Положений, которые затем оставалось свести в одно стройное Положение о военно-окружном управлении. Рядом с этими работами составлены были еще Положения об управлении дивизией (как единицей, получившей самостоятельное значение вследствие упразднения корпусов), об управлении местными войсками в округе (за предстоявшим упразднением Корпуса внутренней стражи), и подготовлен проект Положения о полевом управлении армией в военное время. Последний этот проект предстояло еще разослать на заключение наших военных авторитетов и лиц, компетентных в деле военного управления.

В 1863 году положены некоторые начала преобразованиям и в самом центральном управлении военного ведомства. Я уже говорил в своем месте об образовании в начале года в составе Военного министерства Главных управлений, Артиллерийского, Инженерного и Военно-учебных заведений. Несколько позже, приказом 16 октября, образовано еще Главное управление Генерального штаба, в котором слились прежний департамент Генерального штаба с Военно-топографическим депо и Николаевской академией Генерального штаба. Преобразование это имело целью предоставить генерал-квартирмейстеру возможность с большим единством вести дела по обоим этим отделам, и при содействии учрежденного при Главном управлении «Совещательного комитета» давать рациональное и систематическое направление военно-ученой деятельности Генерального штаба по

части статистической, исторической и картографической. Тогда не имелось еще в виду слить часть Генерального штаба с Дежурством, т.е. с Инспекторским департаментом, под наименованием Главного штаба. Мысль эта возникла лишь при позднейшей разработке нового Положения о Военном министерстве и приведена в исполнение только с 1 января 1865 года. Преобразование же прочих частей министерства, — в том числе и решенное уже слияние департаментов Провиантского и Комиссариатского, под наименованием Главного управления интендантского, — требовало еще много предварительных работ и потому ждало своей очереди.

Образованный в 1862 году, под председательством великого князя Николая Николаевича «Специальный комитет по устройству и образованию войск», получил 13 февраля 1863 года устав, придавший этому учреждению самостоятельное значение. Оно должно было служить Военному министерству органом для предварительного обсуждения всех вопросов, непосредственно относящихся к благоустройству войск. С этой целью комитету дан был двойственный состав: члены постоянные — из числа лиц, занимающих известные должности в Военном министерстве, и члены переменные — из строевых начальников разных родов оружия. Участие членов той и другой категории признавалось необходимым: первых — для объединения работ комитета с общими видами и соображениями министерства, других — для постановки этих работ на практическую почву сообразно с истинными интересами и нуждами войск. Периодически обновляемый состав комитета из компетентных строевых начальников должен был, как казалось, вполне оградить министерство от нареканий в односторонности или непрактичности решения таких вопросов, которые непосредственно касаются внутреннего быта войск и строевого их образования.

По части хозяйственной и технической усиленная деятельность Военного министерства в 1863 году не могла удержаться в тесных рамках обычной финансовой сметы. Хотя Государственная роспись была утверждена только в апреле того же 1863 года, когда выказалось уже вполне тревожное состояние западной нашей окраины, однако ж военная смета и на этот раз была урезана до крайности. За выключением из нее тех расходов, которые в прежние Государственные росписи не вносились*, весь итог сметных ассигнований на 1863 год оказался на 6 миллионов рублей уменьшенным против сметы предыдущего года, ко-

* Как было уже упомянуто, Государственная роспись на 1863 год в первый раз составлялась по новым правилам и формам.

торая, в свою очередь, была уже уменьшена против прежних лет. Все мои протесты и заявления о несвоевременности такого сокращения военных расходов не были приняты во внимание; но они подтвердились фактически, когда пришлось приводить войска в полный военный состав, формировать новые части, пополнять спешно вещевые запасы, оружие, усилить инженерные работы, — одним словом, разом создавать силу, достаточную не только для подавления внутреннего мятежа, но и на случай возможной против России европейской коалиции. Для покрытия непредусмотренных расходов на все принятые в то время чрезвычайные меры, потребовалось сверхсметное ассигнование около $35^1/_2$ миллионов рублей. Добавочный этот расход нельзя не признать весьма умеренным, сравнительно с обширностью и важностью задачи. Около половины означенных сверхсметных ассигнований пошло на продовольствие войск; другая половина распределилась на вещевое и денежное довольствие и на госпитальную часть (7 731 000 рублей), на инженерные работы (5 000 000 рублей), на артиллерийскую часть (3 755 000 рублей) и на перевозки по железным дорогам (1 700 000 рублей). Суммы эти дали возможность не только развить наши вооруженные силы до весьма внушительной цифры, но и выполнить некоторые из предположенных мер по хозяйственной и технической части, которые, при обыкновенных обстоятельствах не могли бы осуществиться в близком будущем.

Постараюсь в самом беглом очерке указать на главные успехи, достигнутые в течение года по части военного хозяйства.

Артиллерийская часть наиболее причиняла нам забот и требовала особенно спешных мер. Как вооружение пехоты, так и устройство артиллерии полевой и крепостной, находились в положении переходном. Только часть пехоты была вооружена нарезными 6-линейными винтовками; остальная имела еще 7-линейные нарезные и даже гладкоствольные. Оружейные наши заводы не в силах были разом удовлетворить потребность всей армии, несмотря на то, что Тульский завод уже был отдан в арендное управление полковнику Стандершельду, обязавшемуся контрактом поставлять ежегодно увеличенное число ружей. Пришлось заказывать ружья за границей, и несмотря на то, требуемое на всю армию число винтовок могло быть поставлено только к лету следующего 1864 года. Что же касается введения нового оружия, заряжаемого сзади, то об этом еще только шли споры между специалистами. Оружейным комитетом под председательством герцога Георга Мекленбург-Стрелицкого, испытывался странный образец — двухпульной системы. Сам герцог занимался с любовью ружейным делом, но к сожалению, тормо-

зил его своим немецким педантизмом; а военные наши специалисты-техники смотрели на усовершенствование оружия с каким-то стоическим квиетизмом*.

В полевой артиллерии только что доканчивалось перевооружение легких батарей новыми 4-фунтовыми нарезными пушками; для батарейных же — только приступали к нарезке имевшихся прежних 9-фунтовых орудий. Также и для осадной и крепостной артиллерии в то время ограничивались нарезкой прежних орудий, по французской, так называемой, разветвляющейся системе. Так как обстоятельства требовали неотлагательного вооружения крепостей, особенно приморских, то спешили нарезывать не только бронзовые орудия, но и прежние тяжелые чугунные, скрепляя их стальными кольцами. Впрочем и тогда уже сознавалась недостаточность прежних орудий, как в полевой, так и еще более в крепостной артиллерии. Тогдашние наши калибры, даже и с нарезным каналом, уже не были в состоянии бороться с броненосным флотом. Пруссия и Бельгия вводили у себя стальные орудия, заряжающиеся с казенной части. Заводы Круппа и Бергера (в Вестфалии и на Рейне) уже заявили себя в сталелитейном деле, которое у нас было только в зародыше. Литье и проковка стали только что вводились в Путиловском (впоследствии Обуховском) заводе, устроенном под Петербургом, за Шлиссельбургской заставой, под покровительством Морского министерства, да на Пермском заводе горного ведомства. Со своей стороны, Военное министерство предполагало устроить сталелитейный завод на южном Урале, под названием Княже-Михайловского. Но все это ожидалось только в будущем; для настоящей же неотложной потребности не было другого средства, кроме заказа за границей.

Генерал Баранцов, положивший всю свою душу в дело усовершенствования артиллерии, сам отправился в сентябре за границу, присутствовал на опытной стрельбе в Берлине из прусских 4-фунтовых стальных пушек с затвором Варендорфа, и был поражен их меткостью. Однако ж в то время уже шла речь о клиновом затворе Круппа. Генерал Баранцов поехал в Эссен на Крупповский завод, где был принят с особенной предупредительностью. Туда же прибыл на свидание с ним бельгийский военный министр генерал Шазаль, желавший получить наш русский чертеж орудий, проектированных генералом Маиевским,

* Далее в автографе зачеркнуто: «Медленное движение ружейного дела давало мне повод к частым объяснениям с герцогом, который относился ко мне, по крайней мере при личных сношениях, с благосклонностью» *(примеч. публ.)*.

профессором баллистики в нашей Михайловской артиллерийской академии. Крупп весьма любезно вызвался поставить нам к весне 1864 года до 50 полевых пушек прусского образца с клиновым затвором, которому генерал Баранцов отдал решительное предпочтение перед всяким другим. Для крепостной же артиллерии только что проектировались орудия 8 и 9-дюймовые. От Круппа генерал Баранцов поехал в Бельгию, где на первый раз заказал 5 тысяч кавалерийских заряжаемых сзади карабинов.

Государь, принимавший живое участие в ходе дел по артиллерийской части, как в Военном министерстве, так и в Морском, не мог не замечать невыгод разрозненности действий обоих ведомств. Для согласования их распоряжений, особенно по заказам, опытам, усовершенствованиям, учреждена была (Высочайшим повелением 25 марта) смешанная комиссия из представителей сухопутной и морской артиллерии, военно-инженерного и горного ведомств, под председательством генерала Баранцова. Мера эта однако же не вполне достигла цели: каждое из двух министерств продолжало идти своей дорогой.

По части инженерной в 1863 году все внимание было обращено на приведение наших приморских крепостей в состояние оказать серьезное сопротивление неприятельскому флоту в случае разрыва с западными морским державами. Генерал Тотлебен разъезжал по всем пунктам, где производились крупные работы, и лично направлял их: в Кронштадте, Выборге, Свеаборге, Динамюнде, Керчи. За невозможностью в короткое время усилить оборону крепостей значительными фортификационными сооружениями, и в особенности при крайне недостаточном артиллерийском вооружении, принимались деятельные меры к изготовлению и усовершенствованию подводных мин.

Кроме приморских крепостей, во всех других пунктах инженерные работы отошли на задний план. Вводились постепенно и по инженерному ведомству новые порядки, связанные с устройством военно-окружных управлений; принимались разные частные меры по организации и устройству инженерных войск.

Из всех хозяйственных отделов министерства наиболее успешная деятельность выказалась Комиссариатским департаментом, найденным мной за два года ранее самым слабым и расстроенным. К марту 1863 года приведена к окончанию ревизия, возложенная мной на тайного советника Якобсона, который умел не только раскрыть прежнее жалкое состояние нашего Комиссариата под управлением графа Канкрина, но и принять разумные меры к возможному в столь короткое время исправлению главных недостатков. В последние годы полного мира и спокойствия, комиссариатское ведомство не было в состоянии

даже удовлетворить текущие потребности армии; войска не получали своевременно вещей, ни даже жалования. В 1863 году, несмотря на общее переформирование армии, на приведение всех войск в полный военный состав, на два рекрутских набора, — нигде не встретилось остановки в снабжении войск вещами. Такой успех достигнут своевременным в 1862 году пополнением «неприкосновенных» запасов и поднятием доверия к военному ведомству в торговой и промышленной сфере.

Спешность, которая требовалась в 1863 году во всех распоряжениях по комиссариатской части для удовлетворения текущих надобностей, не позволила в этом году приступить к предположенному преобразованию этого отдела военной администрации; однако ж начало предположенному слиянию комиссариатской части с провиантской было уже положено в существовавших четырех военных округах с учреждением в них окружных интендантств. Положения об этих интендантствах, так же как о Главном управлении интендантском, еще разрабатывались.

Достигнуты некоторые успехи и по технической части интендантства. Так, между прочим, положено основание замене прежнего грубого, так называемого «армейского» сукна, лучшим сортом из мериносовой шерсти, под названием «неворсованного» сукна. Как уже было сказано, снабжение армии сукном лежало на попечении Министерства финансов, которое держалось старинной системы протекционизма относительно фабрик, изготовлявших «армейское» сукно исключительно для армии. Несмотря на поддержку со стороны правительства и на крайне низкое качество продукта, Министерство финансов в последние годы встречало большие затруднения в заготовлении по установленной цене полного количества потребного для армии сукна. После продолжительных переговоров и переписки, после многих колебаний и опасений, министерство это наконец согласилось сложить с себя чуждую ему обязанность и передать ее Военному министерству, с тем однако же условием, чтобы не вдруг отрешиться от поддержки специальных фабрик армейских сукон, а перейти с некоторой постепенностью к свободной конкуренции и к новым образцам сукна.

Также и относительно некоторых других предметов снабжения войск (холста, сапожного товара и других), комиссариатское ведомство уже не встречало тех странных затруднений в заготовлении, какие так сильно озабочивали Военное министерство в предшествовавшие годы; вместе с тем улучшались и качества вещей. Состоявшая под председательством профессора Модеста Яковлевича Киттары техническая комиссия (в Москве) продолжала работы по установлению точных способов проверки качества вещей, принимаемых от поставщиков.

В числе новых распоряжений по комиссариатской части в этом году надобно упомянуть о первом испытании в войсках переносных (походных) палаток, по образцу французских tentesabri, а затем о первом заказе, также для испытания, повозок нового образца, предложенного для войскового обоза комиссией генерала Липранди*.

Одной из заслуг тайного советника Якобсона было приведение в порядок счетной и контрольной части комиссариатского ведомства. Эта часть была так запущена при его предшественниках, что в Государственный контроль не было доставляемо отчетов с 1858 года по 1862. В два года управления И.Д. Якобсона отчетность за все эти прошлые годы закончена и представлена и с того времени уже каждый год представлялась своевременно. Новые сметные правила введены окончательно по всему Военному министерству, и в то же время выяснились условия нового предположения Государственного контролера о единстве кассы, испытание которого должно было начаться в Петербурге с 1 января 1864 года.

В конце 1863 года И.Д. Якобсон, считая свою задачу оконченной, просил об освобождении его от возложенной на него должности генерал-кригс-комиссара. Я уговорил его остаться по крайней мере до предстоявшего нового устройства Главного интендантского управления**.

В ожидании этого преобразования, провиантская часть оставалась пока без изменений. Генерал-провиантмейстер генерал-лейтенант Данзас — человек дельный, честный, но флегматичный, занимался исключительно обеспечением текущего продовольствия войск. Несмотря на значительное увеличение состава армии, на беспрестанные и неожиданные перемещения войск, нигде не встречено остановки в довольствии их. Пища солдатская улучшилась; приняты меры к образованию на западной окраине складов провианта, достаточных даже и в случае сосредоточения больших сил к весне 1864 года.

В заключение обзора хозяйственных отделов Военного министерства за 1863 год, остается сказать несколько слов о военно-врачебной части (госпитальной и медицинской). Как по дру-

* Далее в автографе зачеркнуто: «К сожалению, я должен сознаться, что из всех многочисленных предметов забот Военного министерства об улучшении устройства войск, наименее успеха достигнуто по части обозов, несмотря на то, что в течение многих лет несколько комиссий одна за другой трудились над решением задачи о лучшем типе войсковой повозки» *(примеч. публ.)*.

** Далее в автографе зачеркнуто: «ввиду тогдашних обстоятельств и продолжавшихся еще приготовлений на случай войны» *(примеч. публ.)*.

гим отделам, так и здесь, общее положение дел в тот год заставило приводить в исполнение с большой торопливостью некоторые из предположенных мер, не терпящие отлагательства. Так, по случаю изъятия госпиталей из ведения Комиссариатского департамента и подчинения их вновь учрежденным в военных округах инспекторам госпиталей, необходимо было дать им в руководство временное положение, не ожидая окончания составляемого особой комиссией генерала Вольфа Госпитального устава. Работы этой комиссии, учрежденной еще в 1859 году, подвигались крайне медленно, и то, что уже было сделано, приходилось переделывать вследствие возникших новых предположений. Такой поворот в этом деле, разумеется, не мог быть приятен Вольфу — человеку флегматичному, желчному, озлобленному и притом болезненному. Не выказывая своего неудовольствия, он устранился от продолжения возложенной на него работы, взял отпуск, уехал за границу и вскоре совсем вышел в отставку*. Удаление его облегчило и ускорило предстоявшую переделку подготовленного комиссией проекта нового Госпитального устава[242].

Все другие предположенные улучшения, как по госпиталям в мирное время, так и по устройству санитарной части в армии в случае войны, и по специально-медицинской части — значительно подвинулись вперед в 1863 году. Военные действия по усмирению мятежа польского требовали неотложных распоряжений для обеспечения действующих войск санитарными средствами по военному положению. Вместе с тем шли деятельные приготовления и на случай разрыва с западными державами: ускоренно пополнялись материальные запасы для развития в бóльших размерах военно-врачебных учреждений на разных театрах войны; заранее принимались меры к увеличению врачебного персонала, — что было особенно трудной задачей по общей в Империи недостаточности врачей и фельдшеров.

Все распоряжения по военно-медицинскому ведомству велись под непосредственным руководством директора Медицинского департамента действительного статского советника Цыцурина.

Иррегулярные войска. В подкрепление войскам, как в Западном крае, так и во внутренних губерниях, вызваны были в 1863 году 26 конных казачьих полков**. Некоторые из этих пол-

* Хотя генералу Вольфу и предлагалось продлить его отпуск, насколько признает он нужным для восстановления своего здоровья, однако ж он настоял на увольнении в отставку. Впрочем болезненное состояние его действительно не позволяло ему возвратиться на службу.

** Всего на действительной службе состояло в то время 109 220 казаков.

ков, проходившие через Петербург в Северо-Западный край, представлялись на Высочайший смотр, и надобно сознаться, произвели впечатление не совсем выгодное: жалкие лошаденки, люди почти не обучены, плохо одетые. Смотры эти выказали наглядно упадок строевого состояния донских и оренбургских казаков. В особенности прискорбно было видеть плохое их вооружение. Сделанный заграничный заказ (через Таннера) винтовок особого казачьего образца не был еще выполнен; да если бы и было налицо все количество заказанного оружия, то оно далеко не хватило бы на все число казачьих полков.

Военное министерство, изыскивая средства к скорейшему снабжению казачьих войск хорошим оружием, вместе с тем вело переписку с атаманами о мерах к улучшению строевого образования казаков и в особенности к обучению их стрельбе.

Главные работы в Управлении иррегулярных войск обращены были на улучшения гражданского устройства и экономического быта казачьего населения. Пересмотр Положения о казачьих войсках, на указанных министерством основаниях, продолжался в местной комиссии, образованной на Дону под руководством наказного атамана; но работы ее, как можно было предвидеть, не были окончены к назначенному сроку, и дело отложено на следующий год. В течение же 1863 года удалось осуществить две крупные меры: 1) сокращение сроков казачьей службы: полевой — до 15 лет, а внутренней — до 7, что принято было казаками за великую милость; 2) Высочайше утвержденное 14 мая окончательное обращение башкир в гражданское состояние[243].

Затем многие еще вопросы находились в разработке в Управлении, некоторые же на рассмотрении Военного совета. Назову только важнейшие из них: предположение оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Безака о слиянии в гражданском управлении как Оренбургского войска, так и Уральского казачьего и прочего населения; устройство бывших помещичьих крестьян на Дону, упразднение Иркутского и Енисейского казачьих полков, развитие на Дону каменноугольного и соляного промысла, улучшение быта духовенства в казачьих землях, применение к Донскому войску основных начал предположенного преобразования судебной части и т.д. и т.д. Говоря о тогдашней деятельности Управления иррегулярных войск, не могу не помянуть с сердечным уважением почтенного его начальника генерал-лейтенанта Николая Ивановича Карлгофа. Это был скромный, добросовестный и просвещенный труженик.

<u>По военно-судной части</u> в 1863 году сделан значительный шаг вперед. Объявленная 17 апреля отмена телесных наказаний,

хотя и не полная, обставленная разными ограничениями, произвела общий переворот во всей системе нашего военно-уголовного и дисциплинарного законодательства. Вследствие этого капитального акта, необходимо было переделать существовавший Воинский устав о наказаниях и Положение о дисциплинарных взысканиях. Первый труд, подготовленный секретарем Капгером и внесенный уже в соединенное присутствие Военного и Морского генерал-аудиториатов, требовал нового пересмотра[244]. Разработка Положения о дисциплинарных взысканиях, возложенная на особую комиссию* под председательством предместника моего генерала Сухозанета, также затормозилась возникшим в комиссии разногласием по существеннейшим, основным пунктам, так что оказалось необходимым предварительно представить означенные спорные вопросы непосредственно на Высочайшее разрешение. Только по получении в марте 1863 года Высочайших указаний, комиссия докончила работу, которая и получила затем обычный ход законодательным порядком, т.е. в соединенное присутствие Военного и Морского генерал-аудиториатов, а 6 июля последовало Высочайшее утверждение нового Положения[245].

Между тем в комиссии генерал-адъютанта Крыжановского проектированы были основные начала преобразования военного судоустройства и судопроизводства. Предположения, представленные комиссией в апреле месяце, были затем разосланы на заключение высших военных начальников, а потому окончательное решение вопроса отдалилось до следующего года[246].

Кроме отмены телесных наказаний для нижних чинов 1-го разряда (не штрафованных), 1863 году принадлежит другая еще знаменательная мера — учреждение «суда общества офицеров». Учреждение это, принятое не очень сочувственно известной частью старых служак, сжившихся с суровыми порядками и нравами прежних времен, имело однако же благотворное влияние на нравственный быт наших офицеров. Если при низком еще уровне армейского офицерского общества и могли быть на первое время опасения каких-либо неправильностей в пользовании предоставленным правом, то подобные случаи, по всем вероятиям, очень редкие, должны были вознаградиться в общей слож-

---

* Здесь автором предполагалась сноска:

«Членами комиссии были: генерал от инфантерии Офросимов, генерал-адъютант Гринвальд, генерал Лауниц, генерал-адъютант Гильденштуббе, генерал-лейтенант Семякин, вице-адмирал Румянцев, генерал-лейтенанты Веселитский, барон Бреверн-де-Лагарди, Крыжановский, граф Гейден, тайный советник Капгер, контр-адмиралы Беренс, Воеводский, князь Голицын, действительные статские советники Философов и Глебов и коллежский советник Проворов» *(примеч. публ.)*.

ности очищением армии от значительного числа попавших в нее личностей, хотя и не преступных перед формальным законом, но недостойных офицерского звания.

Начавшиеся в 1862 году прискорбные проявления превратных политических идей между молодыми офицерами, некоторые случаи вредной пропаганды между нижними чинами, а затем вспыхнувший польский мятеж — вызвали аудиториатское ведомство на новое, мало ему знакомое поле деятельности — разбор дел политических. Кроме нескольких, более или менее известных офицерских процессов такого рода, аудиториатское ведомство вынесло на своих плечах массу дел судных и следственных в Царстве Польском и Западном крае. Тогдашний личный состав этого ведомства не был подготовлен к такой деятельности: военно-судные комиссии составлялись из военных офицеров, мало знакомых с законами; руководили ими аудиторы — люди мало образованные, неразвитые рутинисты, большей частью вышедшие из простых писарей. При таком личном составе ведомства, трудно было разом преобразовать военно-судную часть радикальным образом и поставить ее на высоту новых требований. Надобно было позаботиться о средствах к подготовлению специалистов и по этой части. Но пока мы с Вл<адимиром> Дм<итриевичем> Философовым обсуждали средства к образованию будущего рассадника военных юристов, пришлось на первое время ограничиться некоторым развитием существовавшего уже Аудиториатского училища и постановить, чтобы на будущее время аудиториатские вакансии замещались не иначе, как воспитанниками этого училища. С другой стороны, предположено было военных офицеров, желающих посвятить себя военно-судному делу, прикомандировывать предварительно к Аудиториатскому департаменту для практического ознакомления с делом и для слушания лекций военно-уголовного права. Мысль эта была зерном, из которого впоследствии выросло предположение о Военно-юридической академии.

Новые идеи, которые я старался проводить как в устройстве военно-судной части, так и вообще во всем, что имеет прямое влияние на нравственную сторону офицерского общества и солдат, — встречали много противников и создавали мне не мало врагов. Меня упрекали в либеральном направлении и даже пробовали заподозрить меня в глазах Государя в затаенных революционных замыслах. Старые командиры, привыкшие с молодых лет к грубому обращению с офицерами, к употреблению ругательных слов даже перед фронтом, к собственноручной расправе с солдатами, к палкам и розгам, — не могли понять, как можно без всего этого поддержать в войсках дисциплину. Даже люди образованные, благовоспитанные полагали, что отмена телесных

наказаний в войсках должна неизбежно уронить дисциплину и повести к распущенности. Так например, граф Берг, в письме от 27 декабря 1863 года, писал мне, что замечая большое число пьяных солдат, он получал от полковых командиров оправдание, что пьянство увеличилось со времени отмены телесных наказаний. Граф Берг высказывал и свое опасение: не преждевременно ли сделано это распоряжение. «Les ivrognes n'ayant pas la crainte de punition corporelle, inclinent extrèmement à être impertinents dans leurs réponses. Est-ce que nous ne nous sommes pas trop hâtés d'abolir les peines et punitions corporelles? Que vous dit-on sur cet objet de la part des autres armées et corps d'armée? Je ne vous cache pas l'embarras dans lequel se trouvent les chefs des régiments»*[247]. В ответ на это замечание, я писал графу Бергу 2 января 1864 года: «Le ministère reçoit de différents cotés des avis assez variés à ce sujet; mais la majorité des chefs, et particulièrement ceux qui sont les plus intelligents et les plus soigneux, n'éprouvent aucune difficulté pour maintenir la discipline et la bonne conduite des soldats; tout au contraire, ils attestent par des faits, que le moral du soldat en général s'est élevé prodiqieusement depuis qu'il n'est plus traité comme un animal. Il est vrai d'un autre coté que la tâche des chefs est devenu plus difficile, car pour gouverner la masse il ne suffit plus d'avoir toujours des gros mots à la bouche et le bâton à la main; il faut un peu d'intelligence, de patience, surtout de soins; enfin il faut connaitre les nouveaux règlements qui déterminent d'une manière plus précise les rapports du chef envers ses subordonnés. Par conséquent si l'un des commandants de régiments ou de compagnies se plaint de n'avoir plus la force pour maintenir l'ordre et la discipline dans la troupe, on peut hardiment en conclure que c'est un mauvais officier, qui n'est pas capable de remplir sa besogne. En tout cas l'abolition des bâtons dans notre armeé est un fait accompli, un fait dont nous pouvons nous glorifier devant toute l'Europe, et il ne peut plus être question de revenir au passé...»**[248]

---

* «Пьяницы не боятся телесных наказаний, и склоны быть особенно наглыми в своих ответàх. Не слишком ли мы торопимся отменить телесные кары и наказания? Что вы слышите по этому поводу из других армий и армейских корпусов? Я не скрываю от вас затруднений, в которых находятся командиры полков...» *(фр.)*.

** «Министерство отовсюду получает довольно разные мнения по этому вопросу; но большинство командиров и особенно те из них, кто является наиболее разумным и заботливым, не испытывает никаких трудностей при поддержании дисциплины и хорошего управления солдатами; совсем наоборот, следуя фактам, они отмечают колоссальный подъем солдатского духа главным образом тогда, когда с ними больше не обращаются, как с животными. С другой стороны, верно то, что задача командиров становится более трудной, поскольку, чтобы управлять массой, теперь им не хватает грубого слова во рту и палки в руке; нужно немного понимания, терпе-

По моему убеждению, одной из главных задач, предстоявших Военному министерству, было поднятие нравственного уровня нашей армии, как относительно нижних чинов, так и офицеров. К достижению этой цели следовало идти неуклонно, не обращая внимания на ворчание и злобные нападки наших, так называемых, консерваторов. С упразднением крепостного права и отменой (хотя и неполной) телесных наказаний для народа, не было уже прежних препятствий к тому, чтобы облагородить и звание солдата, внушить ему известное чувство достоинства и сознательное отношение к своему долгу. Немыслимо было оставить розги и палки для солдата, когда он был освобожден от них в первобытном своем крестьянском состоянии. Притом же можно было уже в это время предусматривать, что рано или поздно солдатское звание не будет исключительным уделом «черного» народа, «податного». Рекрутские наборы 1863 года дали армии, сравнительно с прежними (до 1856 года), людей, заметно более развитых, понятливых и способных к тому роду образования, который требуется от солдата при современном состоянии военного дела.

Немалых трудов стоило внушить строевому начальству необходимость индивидуального развития солдата. Обучение его грамоте и некоторым знаниям, нужным в его быту, принялось не вдруг, а вследствие многолетних настояний. Военные действия в 1863 году против мятежных шаек выказали на опыте результаты принятой новой системы обучения солдат. Сметливость их, лучшая стрельба, развитие телесное — дали нашим малым отрядам сильный перевес над повстанцами в действиях малой войны. Самые упорные противники всяких нововведений должны были признать этот наглядный результат.

Не менее настоятельно было поднять нравственный и умственный уровень офицеров. Большая часть их в армии состояла из людей, не получивших ни воспитания, ни научного образования. Юнкера, поступавшие в полки без всякого научного ценза, прослужив наравне с солдатами большее или меньшее число лет, производились в офицеры без всякого экзамена; о военных же науках не было и речи. Ни младшие офицеры, ни старшие

ния, особенно заботы; наконец, узнать новые правила, которые самым точным образом устанавливают отношения командира и подчиненных. Следовательно, если один из командиров полков или рот сетует на то, что не имеет сил поддерживать порядок и дисциплину в войске, из этого можно твердо заключить, что это — плохой офицер, который не способен выполнить свою работу. В любом случае, отмена палок в нашей армии — свершившийся факт, с помощью которого мы можем славить себя перед всей Европой, и возвращение к прошлому больше не может быть серьезным вопросом...» *(фр.)*.

начальники не имели понятия о тактике своего оружия, не говоря уже о других военных науках. Выпускаемые же из кадетских корпусов составляли в армии незаметное меньшинство; лучшие из них выпускались в гвардию, значительнейшее число — в специальные роды оружия, — а неудавшиеся — в линейные батальоны и внутреннюю стражу.

Тогдашняя служба в армии была так непривлекательна, что несмотря на легкий доступ к офицерскому званию, число желающих поступать в военную службу с каждым годом уменьшалось, так что во всех почти войсках был большой недостаток в офицерах. Насколько в прежние времена военный мундир пользовался в обществе почетом и казался для молодежи привлекательным, настолько теперь выказывалось какое-то пренебрежение ко всему военному. Молодые офицеры чуть не стыдились своего мундира; они как будто старались очистить себя в глазах общества, либеральничая и относясь презрительно к своей службе.

Польский мятеж и толки о готовящейся войне произвели благоприятный переворот в духе нашего офицерства. Возбужденное в самом обществе чувство патриотизма вытеснило ребяческие бредни политические. Оставалось только рядом последовательных мер улучшить по возможности материальный быт офицеров и дать полезное направление их занятиям. В последнем этом отношении чувствовалась крайняя необходимость восполнить хотя сколько-нибудь отсутствие в них специального военного образования, а для этого и положено было ввести практические занятия по тактике: в зимнее время — посредством письменных задач, а в летнее — в виде полевых поездок и решения задач в поле. Занятия этого рода могли привиться в войсках не вдруг, в особенности потому, что сами командиры и штаб-офицеры были еще слабее в познаниях, чем молодые офицеры.

Что касается офицеров, выпущенных в последние годы из кадетских корпусов и других военно-учебных заведений, то несмотря на полученное ими лучшее образование, сравнительно с произведенными из полковых юнкеров, служба мало выигрывала от их школьных познаний, как по замеченной уже малочисленности таких офицеров в армии, так и вследствие недостатка основательности полученных ими военных познаний для практического применения к делу. Притом же многие из них выказывали наклонность к вольнодумству и тот странный взгляд на службу, о котором я говорил выше. Это не были уже те служаки, хотя и неотесанные, которые в прежние времена вырабатывались в кадетских корпусах, а напротив того, — юноши самонадеянные, пренебрегавшие службой и увлекавшиеся разными политическими бреднями. Таково было, по крайней мере, мнение

строевых начальников, мнение, которое, к сожалению, нашло себе подтверждение в нескольких судебных приговорах об офицерах, обвиненных в политических преступлениях. Нарекания эти, как я уже упоминал прежде, и подали повод еще в 1862 году Главному начальству военно-учебных заведений поднять вопрос о преобразовании кадетских корпусов.

О положении наших Военно-учебных заведений вовсе не упоминалось в очерке дел Военного министерства за предшествующий 1862 год именно потому, что все вопросы по этой части в министерстве отлагались впредь до решения предположения о преобразовании кадетских корпусов. Комиссия, на которую возложена была эта важная задача, под председательством Главного начальника Военно-учебных заведений великого князя Михаила Николаевича, состояла из следующих лиц: члена совета Военно-учебных заведений генерал-лейтенанта Желтухина, генерал-адъютанта Баранцова, исправляющего должность начальника штаба Военно-учебных заведений генерал-майора Корсакова и начальников некоторых из этих заведений. Работа комиссии была уже почти приведена к концу, когда председатель ее вдруг получил назначение на Кавказ. Тогда же последовало Высочайшее повеление о подчинении Военно-учебных заведений военному министру. С назначением генерал-майора Исакова начальником этих заведений, мы с ним дружно принялись за работу по переустройству кадетских корпусов и прочих заведений. К счастью, наши взгляды на это дело совершенно совпадали; к тому же нашу задачу значительно облегчили выработанные уже упомянутой комиссией главные начала предположенного преобразования. Основания эти в главных чертах согласовались с теми мыслями, которые изложил я за несколько месяцев перед тем в моем отзыве на запрос, сделанный мне великим князем Михаилом Николаевичем, а именно: полагалось отделить специально-военное образование в особые военные училища от заведений общевоспитательных. Это основное начало было уже утверждено Государем; нам с Исаковым оставалось обдумать самый план предстоявшего на этом главном основании преобразования. Составленное нами предположение было утверждено Государем 14 мая 1863 года, и с этого времени начался ряд мер для постепенного приведения его в исполнение.

Прежний штаб Военно-учебных заведений, переименованный в Главное управление со включением в него прежнего Управления училищ военного ведомства, получил временное Положение и Штат, Высочайше утвержденные 30 августа. Независимо от этого Управления, учрежден в составе министерства Главный военно-учебный комитет, назначением которого было

Н.В. Исаков

поддержание связи и единства между военно-учебными заведениями, подведомыми Главному управлению, и прочими, вошедшими в состав других специальных ведомств (артиллерийского, инженерного и др.). Председателем комитета назначен был генерал от артиллерии Дядин, почтенный старик, посвятивший большую часть своей долголетней службы военно-учебному делу; членами же назначены: генерал-лейтенанты барон Медем, Резвый, Баумгартен, генерал-майор Гедеонов и тайный советник Шульгин — все пятеро также принадлежавшие к числу прежних деятелей военно-учебного ведомства. Затем постоянными членами комитета должны были состоять, по своим должностям, как начальник Военно-учебных заведений, так и начальники тех ведомств, в которых состояли специальные военно-учебные заведения (генерал-квартирмейстер, товарищи генерал-фельдцейхмейстера и генерал-инспектора инженерной части) и, наконец, начальники этих самых заведений.

Приказом 16 сентября объявлены Положение, Штаты и табели вновь учреждавшихся военных училищ. Из них одно, получившее название «Первого, Павловского» (вследствие желания Государя сохранить наименование прежнего Павловского кадетского корпуса), помещено в обширном здании 1-го кадетского корпуса. Прежнее Константиновское училище, получившее прибавочное название «второго», осталось в своем помещении у Обухова моста, где в прежнее время помещался Павловский кадетский корпус (перемещенный на Петербургскую сторону, в прежнее здание Дворянского полка). Наконец, в Москве учреждено вновь Третье Александровское военное училище, в здании у Арбатских ворот, где до того помещался Александровский сиротский кадетский корпус (некогда дом графа Апраксина). Все три военных училища открыты с началом учебного 1863—1864 года, на основании нового Положения и Штатов. В учебных программах училищ преобладали военные науки; вся обстановка получила строго военный, строевой характер.

Напротив того, кадетские корпуса должны были постепенно преобразоваться в «военные гимназии» с характером заведений общеобразовательных и воспитательных. Первый опыт устройства этого нового типа заведений был сделан на бывшем 2-м Петербургском кадетском корпусе. К сожалению, некоторые из существовавших кадетских корпусов в это время совсем упразднены; а именно: 1-й Петербургский кадетский корпус, уступивший свое помещение Первому (Павловскому) военному училищу, — слился с Павловским кадетским корпусом, получившим название «Первого»; в Москве, как сказано выше, Александровский сиротский корпус также упразднен, уступив свое помещение Третьему (Александровскому) военному училищу; Александровский Виленский (бывший Брестский), малолетние Тульский и Тамбовский также прекратили свое существование. Говорю — к сожалению — потому, что вскоре потом оказалось необходимым изыскивать средства к открытию новых военных гимназий, и я должен был сознать сделанную ошибку. Упразднение означенных кадетских корпусов было допущено частью по финансовым расчетам, дабы иметь средства к учреждению военных училищ без увеличения сметных требований; частью же в угоду существовавшему тогда, еще сильнее, чем позже, общественному мнению о нерациональности специально-военных заведений общеобразовательного характера. В то время Военное министерство шло рука в руку с Министерством народного просвещения; я невольно поддавался напору общественного мнения, требовавшего объединения общеобразовательных заведений. Тогдашний министр, Александр Васильевич Головнин, давнишний мой приятель, вел дело так, что мне действительно казалось возмож-

ным, при преобразовании кадетских корпусов в военные гимназии, поставить их наравне с «реальными гимназиями», проектированными Министерством народного просвещения. Самое название, присвоенное новым заведениям, должно было указывать публике цель и характер предпринятого преобразования и оградить их от того нерасположения общества, которое навлекли на себя кадетские корпуса. Нерасположение это было так сильно, что когда возникла переписка о распределении между новыми заведениями так называемых «дворянских кандидатов», то есть стипендий в кадетских корпусах, дворянские собрания некоторых губерний вовсе отказались было от права иметь своих стипендиатов в корпусах и требовали возвращения пожертвованных во время оно капиталов. Неприятные эти препирательства с дворянством некоторых губерний продолжались несколько лет и уладились только тогда уже, когда новым заведениям посчастливилось приобрести и укрепить за собой выгодную репутацию.

Специальные училища — Артиллерийское и Инженерное должны были получить новое устройство, согласованное в главных основаниях с устройством военных училищ*. Школу гвардейских прапорщиков и юнкеров предположено преобразовать в специальное Кавалерийское училище. В академии Артиллерийскую и Инженерную прекращено поступление офицеров, только что выпущенных из училищ, а положена условием предварительная двухлетняя служба в строю.

Военные училища были поставлены на такой уровень, что поступление в них обусловливалось предварительным образованием в размерах полного гимназического курса. Поэтому заведения эти не могли давать достаточно офицеров для пополнения всей армии; необходимо было устроить другого рода рассадники для массы офицеров, довольствуясь гораздо низшим уровнем образования, как приготовительного, общего, так и специально-военного. С этой целью выработан был особой комиссией при Инспекторском департаменте особый тип заведений под названием «юнкерских училищ»: пехотных, кавалерийских и казачьих. Училища эти должны были постепенно открываться во всех военных округах и пополняться полковыми юнкерами. С учреждением этих училищ открывалась возможность постановить общим правилом — производить в офицеры не иначе, как по выдержании выпускного экзамена этих училищ. Такой мерой

* Далее в автографе зачеркнуто: «Оба названных училища получили единообразный состав из трех классов, соображенных таким образом, что юнкера, окончившие курс в военных училищах и желающие получить дополнительное образование специально для службы в артиллерии и саперах, могли поступать прямо в старший класс того или другого специального училища» *(примеч. публ.)*.

установилась на будущее время низшая норма общего и военного образования всей массы офицеров нашей армии.

Затем оставался еще вопрос о преобразовании существовавших в то время так называемых «училищ военного ведомства», наследовавших характер родоначальников своих — школ военных кантонистов[249]; но вопрос этот только еще выступал на очередь, так же как и многие другие вопросы, за которые приходилось приниматься в следующие годы, среди самых серьезных забот по тогдашним политическим обстоятельствам.

Книга XIV

1864-й год

Начало года. Январь и февраль

Царство Польское в январе и феврале

Март и начало апреля

Крестьянская реформа в Царстве Польском

С половины апреля до конца мая

Пребывание Государя за границей.
26 мая — 10 июня

Кавказ

Лагерное время. Июль — август

Вторичная поездка Государя за границу.
22 августа — 26 октября

Пожары

Последние два месяца в Петербурге

Польские дела во вторую половину года

Кавказ во вторую половину года

Дела в Средней Азии

Главные вопросы международной политики
в 1864 году

Дела Военного министерства в 1864 году

НАЧАЛО ГОДА. ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ

Назначенный на 1 января обычный выход во дворце был на этот раз отменен, по случаю легкого нездоровья императрицы. Взамен того, приказано было высшим чинам, придворным лицам и Свите Государя собраться в малой церкви Зимнего дворца, где после обедни Их Величества и принимали поздравления с Новым годом.

При этом поздравлении я не присутствовал, считаясь на карантинном положении вследствие скарлатины, которую в течение зимы выдержали почти все мои дети один за другим. Хотя мне было разрешено Государем продолжать заведенным порядком являться к нему с докладом, и на этом основании в самый Новый год я был перед обедней в кабинете Его Величества для представления лично моего годичного отчета, однако ж, не показывался вообще ко Двору, пользуясь предлогом, чтобы избавить себя от обычных приглашений на обеды, вечера, балы; через что сберег много времени для работы.

Награды и новые назначения, обыкновенно ожидаемые на Новый год, не представляли на этот раз ничего выдающегося. Председатель Комиссии прошений князь Александр Федорович Голицын получил орден св. Андрея; управляющий Министерством юстиции тайный советник Замятнин утвержден в должности министра; брат мой Николай получил звание статс-секретаря; наконец, генерал-адъютант Гринвальд, главноуправляющий Государственным коннозаводством, назначен членом Государственного совета с оставлением в прежней должности. В тот же день, 1 января, объявлено в приказе о назначении генерал-адъютанта Крыжановского на место Фролова, помощником командующего войсками Виленского округа, а также о некоторых изменениях в личном составе Управления Императорской главной квартиры: комендантом ее, на место, оставшееся вакантным с назначения генерал-майора Свиты Веймарна (Александра Петровича) командиром лейб-гвардии Павловского полка, — поступил старший адъютант Управления флигель-адъютант полковник Рылеев, а на место последнего — флигель-адъютант полковник Воейков.

Представленный мной в Новый год всеподданнейший доклад или краткий отчет о деятельности Военного министерства за 1863 год[250], по примеру предыдущих лет, был налитографирован

и разослан членам Императорской фамилии и разным высшим лицам. От многих из них получил я весьма лестные отзывы. Так, великий князь Михаил Николаевич писал мне (8 марта): «С большим любопытством и удовольствием прочел я ваш отчет за прошлый год: честь и слава вам и подчиненным вам учреждениям за неимоверную, усиленную деятельность, выказанную в это трудное время, и что столько важных мер исполнено столь успешно и своевременно». Великая княгиня Елена Павловна удостоила меня таким лестным рескриптом, что мне даже неловко приводить здесь ее чрезмерно благосклонные выражения. Генерал Безак в письме от 27 февраля выразился так: «Отчет ваш дает полное понятие о состоянии военных средств государства. Что касается до меня, то мне в особенности нравится организация армии для военного и мирного времени, отличающаяся простотой и удобством. Дай Бог довести вам это дело до конца...»

Из второстепенных лиц, сообщивших мне свои мнения, особенно приятно мне привести отзыв одного бывшего кавказца, боевого генерала — Кишинского, командовавшего тогда 15-й пехотной дивизией. В письме от 4 февраля он писал: «Командуя дивизией, я мог убедиться, насколько каждый из нас, от солдата до начальника, ясно и глубоко сознает благодетельное влияние произведенных реформ и насколько солдаты и офицеры проникнуты уважением к вам и благодарностью к живой вашей деятельности...»[251]

Наступивший 1864 год был одним из плодотворных годов в летописи нашей законодательной и административной деятельности, прерванной на некоторое время трудными политическими обстоятельствами. С подавлением польской смуты и с успокоением дипломатических усложнений[252], правительство получило возможность снова обратиться на путь начатых государственных реформ.

Первый день года ознаменовался многозначительным законодательным актом, составлявшим, можно сказать, второй после освобождения крестьян важный шаг к государственному перерождению России. 1 января 1864 г. обнародовано Положение о земских учреждениях, при указе, в котором целью этих учреждений было постановлено: «Призвать к ближайшему участию в заведовании делами, относящимися до хозяйственных польз и нужд каждой губернии и каждого уезда, местное их население, посредством избираемых от оного лиц»[253]. На министра внутренних дел возлагалось составление правил для открытия в течение того же 1864 года новых учреждений в 33 состоящих на общем положении губерниях Европейской России (то есть за

исключением всего Западного и Прибалтийского края, губерний Архангельской, Астраханской и области Бессарабской).

Земские учреждения в том виде, в каком они были окончательно установлены после продолжительных и горячих прений в Государственном совете, получили характер вполне всесословный, вопреки домогательствам поборников дворянских привилегий. В Положении допущено в пользу дворянского сословия лишь то преимущество, что предводителям его, как уездным, так и губернским, предоставлено председательство в собраниях, и то с оговоркой — если не будет назначено самим Государем особое лицо для председательствования в губернском собрании. Участие крестьян в местном самоуправлении наравне с председателями высших сословий казалось явлением совершенно новым, хотя первоначальная мысль об этом участии всех сословий проглядывала уже в учреждениях императрицы Екатерины II, — правда в форме, весьма наивной, одиночных «заседателей» в составе административных и судебных мест[254]. В Положении 1 января 1864 года, как уже было сказано, имелось в виду дать земским собраниям такой состав, в котором не могло бы преобладать ни одно сословие. Если на деле эта цель законодателя и не была вполне достигнута, то виной тому было не столько самое Положение, сколько другие обстоятельства, подточившие в корне не одни земские учреждения, но и все Великие реформы императора Александра II. Положению о земских учреждениях суждено было испытать в практическом применении многие невзгоды от того недоверия, которое проявилось со стороны самого правительства к этому детищу с самого рождения его, — отчасти же от неподготовленности всех сословий к самоуправлению, от полного подавления в них всякой самостоятельности, отсутствия не только политического, но и общественного духа.

Несмотря на эти неблагоприятные обстоятельства, несмотря и на то, что в самом Положении о земских учреждениях ясно выражалось старание законодателя строго ограничить круг деятельности этих учреждений исключительно местными хозяйственными делами, — несмотря на все это, обнародование этого Положения было встречено с живой радостью всеми, кто только сочувствовал предпринятым реформам и обольщался светлыми надеждами на благоприятные последствия их для возрождения России. Введение местного самоуправления, хотя и в скромном на первое время круге, указанном Положением 1 января 1864 года, казалось великим шагом на пути к будущему развитию государственного строя России.

Министерство внутренних дел не торопилось исполнением возложенной на него обязанности относительно введения в действие нового Положения. Правила были представлены на Высо-

чайшее утверждение только 25 мая[255], а к приведению их в действие, то есть к образованию избирательных съездов и к самым выборам приступлено лишь в конце года, и в начале следующего.

С первого же дня 1864 года положено основание довольно важной мере по финансовой части — введению единства кассы.

Состоявшая под председательством статс-секретаря Татаринова комиссия, по окончании в 1862 году работ своих относительно составления финансовых смет и Государственной росписи, приступила тогда к разработке другого, тесно связанного с этим делом вопроса — о кассовом устройстве. В основание этого устройства положено было так называемое единство кассы, то есть сосредоточение выплаты по всем расходам казны, без различия ведомств, исключительно в кассах Государственного Казначейства, в связи с предварительным контролем, или поверкой законности производимого расхода. Составленное Комиссией по этому предмету Положение было Высочайше утверждено еще в июне 1863 года; но введение его в действие сопряжено было со многими затруднениями и требовало со стороны Министерства финансов некоторых приготовительных распоряжений. Единство кассы было делом совершенно новым и пугало еще гораздо более, чем в свое время испугали новые сметные правила. Более всех других ведомств опасалось Военное министерство задержек в производстве расходов и усложнения переписки. Поэтому Высочайшим повелением 8 октября того же 1863 года и было постановлено, не вводя нового Положения сразу повсеместно, предварительно произвести опыт в самом Петербурге, начав с 1 января наступившего года[256].

Хотя опыт в самом Петербурге и не мог служить вполне убедительным основанием для вывода окончательного заключения об употребимости какого бы то ни было порядка ко всем углам и захолустьям обширной Империи, однако ж, назначение Петербурга местом для первого испытания нового Положения имело на своей стороне то преимущество, что давало возможность центральным управлениям всех ведомств ближе ознакомиться с новым порядком, а вместе с тем и неотлагательно устранять всякое затруднение, которое могло бы встретиться на практике на первых порах. И действительно, даже и в Петербурге практика указала составителям проекта и Министерству финансов необходимость кое-каких исправлений в подробностях, дополнений или разъяснений, так что общее применение единства кассы ко всем местностям Империи могло осуществиться только двумя годами позже, то есть с 1 января 1866 года.

4 января происходил Высочайший смотр последним возвратившимся из Виленского округа частям гвардии: лейб-гвардии Стрелковому Императорской фамилии батальону и Атаманскому казачьему полку. В день Крещения, 6 января, обычная процессия на Иордан сопровождалась большим (наружным) парадом, в котором участвовали все войска Петербургского гарнизона и ближайших окрестностей (29½ батальонов, 42½ эскадрона и 92 орудия).

На другой день, 7-го числа, Государь, великие князья и военная свита присутствовали при отпевании в лютеранской церкви св. Петра и Павла скончавшегося на 81-м году жизни генерал-адъютанта Владимира Карловича Кноринга. В свое время он был на счету блестящих кавалерийских офицеров, командовал боевым Подольским кирасирским полком, переименованным впоследствии в лейб-гвардии Кирасирский полк, и выказал себя во всех кампаниях, следовавших одна за другой с 1805 по 1814 год и позже в Польскую войну 1830—1831 гг.[257]. В 1836 году генерал-лейтенант Кноринг был назначен командиром Гвардейского резервного кавалерийского корпуса, а в последние годы жизни состоял членом Военного совета; но по преклонности лет и нездоровью редко посещал заседания и не принимал участия в делах. Генерал Кноринг пользовался уважением в военном мире как заслуженный ветеран и честный, благородный человек. Тело покойного было перевезено в имение его в Лифляндии и там предано земле.

12 января происходил в Зимнем дворце ежегодный большой бал, которого я избежал благодаря своему карантинному положению, так же как и крестин новорожденного великого князя Петра Николаевича, происходивших 25-го числа.

---

21 января скончался в Москве тамошний военный генерал-губернатор генерал-адъютант Павел Алексеевич Тучков вследствие непродолжительной болезни (грудной жабы). Павел Алексеевич Тучков был в свое время одним из блестящих офицеров Гвардейского генерального штаба, участвовал в турецкой войне 1828—1829 годов в должности капитана над вожатыми; а потом занимал видные посты обер-квартирмейстера Гвардейского корпуса и начальника штаба Отдельного гренадерского корпуса. Затем в продолжение 9 лет он оставался на скромном месте директора Военно-топографического депо до самой Крымской войны, когда он был снова привлечен к более видной деятельности назначением начальником штаба формировавшейся против Австрии «Средней армии», а потом начальником всех резервных войск. В 1859 году, по смерти генерал-адъютанта графа Закревского, Тучков назначен московским военным генерал-губернатором, и на этом почетном месте заслужил общее уваже-

ние и любовь москвичей своей обходительностью, добротой, мягким и спокойным характером. Тучкова я знал довольно близко в то время, когда он занимал должность директора Военно-топографического депо. Он отличался благородством, деликатностью и всегда сохранял невозмутимое спокойствие.

Смерть П.А. Тучкова вызвала общую скорбь в Москве; толпы народа стекались в генерал-губернаторский дом поклониться праху уважаемого начальника города. Управление городское пожелало выразить общее сочувствие столицы, приняв на счет города расходы погребения, — на что получено было разрешение. Погребение совершено 26 января по тому же церемониалу, который соблюдался при погребении предместников покойного: князя Дмитрия Владимировича Голицына и графа Закревского. При отпевании в Чудове монастыре, также и на всем пути от Кремля до Новодевичьего монастыря теснилось почти все население Москвы, а на Девичьем поле толпа выпрягла лошадей из печальной колесницы и повезла ее на себе до монастырской ограды.

На место покойного Тучкова, московским военным генерал-губернатором назначен был (приказом 28 января) генерал от инфантерии Михаил Александрович Офросимов, занимавший должность командира 3-го резервного корпуса. Все служебное его поприще было исключительно строевое: некогда командовал он гвардейским пехотным полком (Финляндским), потом гвардейской же пехотной дивизией (2-й) и затем 2-м армейским корпусом. В 1859 году, когда Тучков был назначен московским генерал-губернатором, на место его, начальником всей резервной пехоты поступил генерал Офросимов и оставался в этом звании до упразднения его в 1863 году. Тогда он был назначен командиром вновь сформированного 3-го резервного корпуса, которого штаб-квартира находилась в Москве. Таким образом, генералу Офросимову было как будто суждено вторично стать преемником П.А. Тучкова. Новый начальник первопрестольной столицы не уступал своему предместнику в спокойствии и ровности характера, доброте и благородстве; на всех пройденных им ступенях службы он умел заслужить общее уважение справедливостью в отношении к подчиненным и прямотой перед начальством.

Командиром 3-го резервного корпуса на место Офросимова назначен (1 февраля) генерал-адъютант Александр Иванович Гильденштуббе, который только что перед тем был уволен от должности командира Отдельного гренадерского корпуса по случаю упразднения его*.

---

* приказом 13 января.

По заведенному уже несколько лет порядку, на 4 февраля назначен был «Кавказский вечер». Это был четвертый с основания «Кавказских вечеров». Так же, как и прежде, «хозяином» был добродушный Викентий Михайлович Козловский, а распорядителями генерал-майор Михаил Петрович Кауфман (начальник Инженерной академии и училища), полковник Дм<итрий> Ил<ьич> Романовский (редактор «Русского Инвалида») и флигель-адъютант С.А. Шереметев. Гостей съехалось до 90 человек и в числе их удостоил своим посещением великий князь Николай Николаевич. Вечер прошел, как обыкновенно, в радушных, непринужденных беседах, прерываемых казачьими песнями и музыкой, а ужин сопровождался обычными тостами и речами. На этот раз, однако же, не доставало главного «тулумбаша», застольного оратора — графа Соллогуба, который почему-то не мог приехать в Петербург.

Это был последний «Кавказский вечер», на котором я присутствовал.

---

19 февраля, в третью годовщину освобождения крестьян от крепостной зависимости, кончил жизнь один из видных государственных деятелей, имя которого было тесно связано с этим великим событием — граф Дмитрий Николаевич Блудов — личность, достойная во многих отношениях памяти. По своему рождению и воспитанию, Дмитрий Николаевич принадлежал к той образованной, симпатичной молодежи, которая выдвинулась на вид в первые годы царствования императора Александра I. Можно сказать, что он развивался в одном кружке с В.А. Жуковским, Дашковым, князем П.А. Вяземским, Александром Ивановичем Тургеневым; был в близких отношениях с Державиным, Озеровым, Карамзиным. Под влиянием этой развитой и талантливой среды, Д.Н. Блудов в молодости своей предался с любовью литературе и приобрел репутацию искусного пера. Карамзин прочил его в свои преемники для продолжения «Истории государства Российского». Первая половина служебного его поприща принадлежала Министерству иностранных дел; он пользовался особенным расположением графа Каподистриа; но с отъездом последнего из России (1822 г.), Блудов оставил дипломатический путь, и в конце 1825 года мы видим его в должности делопроизводителя в Верховной следственной комиссии, учрежденной по делу 14 декабря[258]. Биограф Д.Н. Блудова* объясняет назначение его к исполнению этой обязанности

* Егор Петрович Ковалевский, автор сочинения «Граф Блудов и его время». 1866. Весьма жаль, что этот труд не доведен до конца и остановился на 1825 годе.

непосредственным выбором самого Государя Николая Павловича, вследствие рекомендации Карамзина, и считает нужным оправдать Блудова от обвинений, взведенных на него заграничной печатью по поводу участия его в прискорбном деле против декабристов[259]. Хотя участие это было совершенно пассивное, и редакторская роль делопроизводителя не могла иметь ни малейшего влияния на исход дела, — тем не менее понятно, что для почитателей Дмитрия Николаевича и для его близких желательно было снять с памяти достойного человека и самую тень укора, вовсе незаслуженного.

С 1826 года и до самой кончины своей Д.Н. Блудов постоянно принимал самое ревностное и полезное участие в высшей административной деятельности, неизменно оставаясь верным своим возвышенным нравственным правилам, своему благородному и честному направлению. В продолжение двух царствований не было почти ни одного важного государственного дела, к которому он не приложил бы своей доли труда. К его перу прибегали часто для редактирования важных государственных актов, как то: манифестов, грамот, рескриптов и т. п. Занимая высшие должности в государственном управлении, он отличался добросовестным отношением к делу, теплым патриотическим чувством и желанием добра.

Мне довелось сойтиться с графом Д.Н. Блудовым уже на склоне его жизни, когда силы его, физические и умственные заметно ослабели, — и все-таки я не мог не оценить остававшихся еще следов его блестящих дарований, его гуманного, истинно-просвещенного взгляда на вещи, его добродушного, кроткого характера. Он жил очень скромно, держал себя просто, со всеми был обходителен; но любил говорить, и хотя иногда заговаривался, однако ж, часто был весьма занимателен своими рассказами о прошлом. Он искренне, непритворно сочувствовал всем благим нововведениям и принимал к сердцу всякое дело, клонившееся к добру. Несмотря на упадок сил, соединяя в своем лице должности председателя Государственного совета и Комитета министров, члена нескольких комитетов и президента Академии наук, граф Блудов принимал весьма деятельное участие в ходе крестьянского дела, так же как и во всех других важных законодательных работах последних лет.

Дело крестьянское было в особенности близко к сердцу графа Дмитрия Николаевича. Он принадлежал к тому кружку нашей просвещенной молодежи начала текущего столетия, от которого немногие уцелевшие еще представители с умилением встретили великий акт 19 февраля 1861 года, вспоминая, как они в те времена позволяли себе только мечтать об отмене ненавистного крепостного права. Известный наш эмигрант, декаб-

рист Николай Иванович Тургенев заплакал, когда в Париже получено было известие о Манифесте 19 февраля.

Граф Дмитрий Николаевич в последнее время часто хворал; довольно долго он уже не выходил из комнаты, — хотя по временам чувствовал облегчение и вставал с постели. День 19 февраля он провел довольно бодро и под вечер подошел к окну; но вдруг силы ему изменили и почти мгновенно он кончил жизнь, на 79 году от роду.

Совпадение кончины графа Блудова со знаменательной годовщиной освобождения крестьян вдохновило музу Фед<ора> Ив<ановича> Тютчева, который на другой день написал на эту тему прекрасное стихотворение. Позволяю себе привести здесь несколько строк:

«И тихими, последними шагами
Он подошел к окну. День вечерел,
И чистыми, как благодать, лучами
На западе светился и горел.
И вспомнил он годину обновленья,
Великий день, новозаветный день,
И на лице его, от умиленья
Предсмертная вдруг озарилась тень.
Два образа заветные, родные,
Что как святыню в сердце он носил,
Предстали перед ним — Царь и Россия,
И от души он их благословил.
Потом главой приник он к изголовью:
Последняя свершилася борьба,
И сам Спаситель отпустил с любовью
Послушного и верного раба...»[260]

В скромной квартире на Караванной улице, где граф Блудов жил вдвоем с дочерью, графиней Антониной Дмитриевной, теснилось все общество петербургское на панихидах утренних и вечерних, а 22-го числа совершено погребение в Александро-Невской лавре, в присутствии Государя, почти всей царской семьи, всех высших чинов и массы служащих всех рангов. Тело покойного предано земле вблизи от могил Карамзина и Жуковского.

С кончиной графа Блудова, разумеется, возникли немедленно толки о замещении его в разных званиях и должностях. На третий день после погребения, 25 февраля, состоялись ожидаемые назначения: председателем Комитета министров — действительный статский советник князь Павел Павлович Гагарин, который уже и замещал председателя во все продолжение болезни графа Блудова. На него же возложено было временно и председательство в общем собрании Государственного совета, а председателем Департамента законов назначен (27 февраля) статс-

секретарь барон Модест Андреевич Корф, вместо которого главноуправляющим II отделением Собственной Е.В. канцелярии назначен действительный тайный советник граф Виктор Никитич Панин.

Что касается до Академии наук, то президентом ее, несколько времени позже, назначен был генерал-адъютант адмирал Федор Петрович Литке, который был уже вице-председателем Русского географического общества и пользовался известностью в ученом мире как кругосветный мореплаватель.

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ В ЯНВАРЕ И ФЕВРАЛЕ

Мятеж в Царстве Польском к началу 1864 года был уже почти подавлен, и власть русского правительства в крае восстановлена. С 1 января введено в действие новое военно-полицейское управление[261], во главе которого, как было уже сказано, стал генерал Трепов — человек с характером и энергией. Органами его на местах сделались уездные военные начальники, которым были подчинены и полиция, и жандармские команды: офицер жандармский сделался непосредственным помощником уездного военного начальника. В то же время последний поставлен в прямые отношения к начальникам расположенных в уезде войск и в свою очередь подчинен по военной части начальнику Военного отдела. Таким сосредоточением местной власти достигнут был важный результат — единство и энергия в распоряжениях. На должность уездных военных начальников выбраны были офицеры из гвардейских и армейских войск; большей частью они оказались людьми дельными и благонамеренными. Вообще учреждение военно-полицейского управления было одной из удачных и действительных мер к восстановлению в крае спокойствия и порядка, после продолжительного периода анархии.

С учреждением этого управления и с изменением почти всего личного состава служащих в полиции, так же как и в других отраслях администрации*, положение дел заметно улучшилось, как в Варшаве, так и в губерниях. Полиции удалось заарестовать многих из главных коноводов восстания, при чем попадались переписка их, бланки, печати и другие улики, способствовавшие к постепенному раскрытию всех тайных нитей крамолы. По временам открывали также запрятанное оружие и оставшиеся без употребления разного рода снаряды, заготовлен-

* Из всех ведомств самым неблагонадежным по личному составу оказался Округ путей сообщения, переполненный поляками. Начальник его генерал-майор Кербедз, ученый инженер, но слабый начальник, был замещен генерал-лейтенантом Шуберским.

Заковывание в кандалы

ные для предполагавшихся новых злодейств, как-то: адские машины, орсиньевские бомбы, воспламеняющиеся вещества и т.п.

Существование подпольной власти все еще заявляло себя по временам то каким-нибудь злодейством, то появлением мелкой шайки; но эти одиночные случаи были уже похожи на предсмертные судороги умирающего, на последнюю борьбу жизни с наступившей смертью. Войска наши продолжали обходить леса, обыскивая глухие местности, и по временам находили зарытые склады оружия и военных запасов, или натыкались на бродивших повстанцев, которых ловили с помощью населения, настолько оперившегося, что оно уже не боялось выставлять сельские караулы и арестовывать подозрительных личностей.

Однако ж, случались еще и в начале 1864 года довольно серьезные встречи войск с мятежниками. Так, 5 января, близ Ильжи, в Опатовском уезде (Радомской губернии) небольшая колонна, неожиданно наткнувшись на шайку Рембайло, понесла некоторую потерю; но зато несколько дней спустя, получив подкрепление, 9-го числа, отплатила мятежникам и рассеяла их, причем сам предводитель шайки убит. В Радзынинском уезде (к востоку от Варшавы), 7 января, войсковой старшина Занкисов разогнал шайку Линиовского, а 12-го числа, у Красностава, разбита другая шайка, Марецкого, который при этом убит.

Остатки разбитых и рассеянных шаек бродили поодиночке или малыми группами по лесам, пока не натыкались на отряды. Нередко сами повстанцы добровольно являлись с повинною. Тюрьмы и казематы были переполнены арестованными, ожидав-

шими решения участи своей следственными и военно-судными комиссиями. Только главные коноводы мятежа, виновные в важных злодеяниях или против военной службы, подвергались уголовным карам, и в том числе смертной казни; большинство же высылалось из края или отпускалось в дома под надзор полиции.

Как ни старались вожаки восстания поддержать тлевшие еще остатки мятежа, однако ж, замечалась уже явная перемена в общем настроении и расположении умов в крае. Не только сельское население перестало трепетать революционного террора и радовалось восстановлению русской власти, но и в среде шляхты и даже католического духовенства заметны были признаки отрезвления, потеря веры в успех восстания и сознание необходимости отрешиться от безрассудных иллюзий. В самой Варшаве жизнь принимала свой обычный характер, чему начальство старалось всячески содействовать. Граф Берг вообразил себе, что уже наступило время «примирения» враждебных национальностей, сближения русского общества с польским. В этих видах даны были два больших блестящих бала в наместниковском замке: 20 января — президентом города генерал-майором Витковским, а 24-го — самим наместником. Балы эти были признаны вполне удавшимися потому, что удалось заманить некоторых из польских аристократов и даже несколько дам. А между тем скрывавшиеся еще в Варшаве закоренелые революционеры затевали было новое злодеяние: они намеревались во время бала в наместниковском замке произвести взрыв, употребив для этого снаряды и снадобья, припасенные прежде и не пущенные в ход вследствие арестования или бегства главных деятелей. К счастью, за несколько дней до бала полиции случайно удалось открыть означенные снаряды и воспламеняющиеся вещества, тщательно спрятанные на одном заводе. Злодейский замысел не состоялся, хотя все-таки злоумышленники успели на одной из боковых лестниц замка разлить и воспламенить фосфорный состав, не причинивший, однако ж, никакой беды.

В то время, когда в Царстве Польском все шло уже к успокоению и восстановлению законного порядка, заграничные вожаки восстания все еще пытались поддерживать возбуждение в общественном мнении в пользу Польши. С открытием заседаний во французской и английской палатах, возобновились в них прежние бесплодные разглагольствования о польских делах, казавшихся уже окончательно сданными в архив. В заседании 16/28 января французского Законодательного собрания, завзятые защитники Польши воспользовались прениями об ответном адресе на тронную речь императора, чтобы поднять опять все прежние оскорбительные нападки на Россию и лично на рус-

Ф.Ф. Трепов

ского Государя и повторить прежние, давно опровергнутые клеветы и лжи. Однако ж, неприличные эти выходки вызвали со стороны правительственных ораторов дельные и сочувственные к России возражения; после красноречивых объяснений Морни и Руэ, все предложения в пользу Польши были отвергнуты даже без голосования. Очевидно было, что правительство Наполеона III, сознав ошибочность прошлогодней своей дипломатической кампании и считая дело польского восстания поконченным, не находило уже расчета снова возбуждать какие-либо политические усложнения и даже показывало желание поправить свои натянутые отношения к России.

Также и в английской верхней палате, в заседании 22 января / 11 февраля, граф Россель весьма категорично выразился относительно польского дела. Он сказал, между прочим, что великобританское правительство, присоединившись в прошлом году к дипломатическому вмешательству Франции, никогда не имело в виду начинать войну из-за Польши. «Я полагаю, — прибавил английский министр, — что теперь и во Франции само прави-

тельство, так же как и народ, не желает вовсе подобной войны... Французы не были бы довольны, если б их правительство начало войну, дорогостоящую и сопряженную с большими пожертвованиями с целью восстановления Польши...»

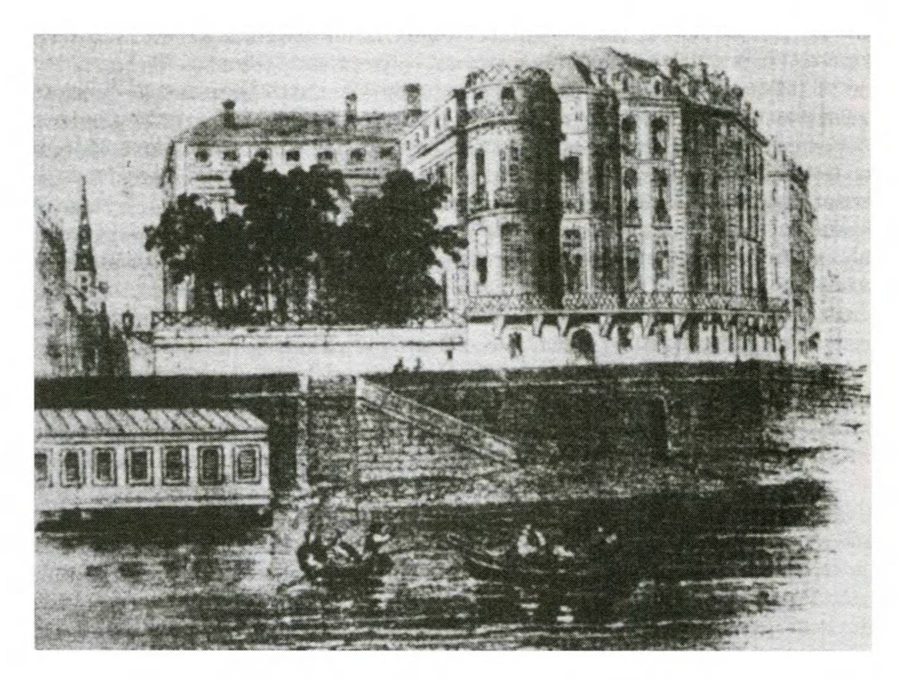
Несмотря на такое явное охлаждение Франции и Англии к польскому вопросу и решительно выраженное обоими правительствами уклонение от дальнейшего вмешательства в это дело, вожаки восстания все еще не могли окончательно расстаться со своими заветными мечтами и поддерживали между поляками химерические надежды, что с весной непременно возгорится война. Средоточием этой агитации был по-прежнему Hôtel Lambert; но в то же время работали польские кружки в Дрездене, Бреславле, Кракове, Львове и других пунктах. Среди них более чем когда-либо бушевали страсти, взаимные пререкания, ссоры, интриги. Особенно отличался яростью съезд «красных» в Дрездене, под главенством Куржины. Тут решено было окончательно устранить от дела прежнего «генерал-организатора» Мерославского, уличенного в злоупотреблениях по возложенной на него закупке оружия и военных запасов; также заявлено было недоверие к Гутри, и разбирались возникшие несогласия между двумя тогдашними заправилами Варшавского революционного Жонда — Траугутом и Бржезинским; съездом решено было устранить первого, выказавшего несочувствие к плану «красной партии» снова возбудить восстание в смысле социалистическом[262].

Приведение в исполнение этого приговора Дрезденского революционного съезда было предупреждено варшавской полицией, так что Траугут в то же время был арестован и предан военному суду*. Бржезинский же хотя и оставался еще некоторое время номинально главой Жонда, но подпольная власть сделалась уже бессильной. Правительственный авторитет настолько укрепился, а ежедневные полицейские открытия и аресты настолько разоблачили деятелей мятежа, что самое пребывание их в Варшаве сделалось уже весьма рискованным.

Положение дел в Царстве так изменилось к концу января, что начали являться к наместнику депутации с адресами, в которых выражалось прискорбие о минувших событиях и сочувствие к восстановлению законного порядка. Первый пример подан был городом Варшавой, от которого поднесен был адрес 20 января, в день бала городского; за ним последовал целый ряд таких же адресов от разных городов, губерний, сословий и проч.[263]

---

* Как уже было сказано, он казнен 24 июля 1864 года.

Отель Ламбер

По желанию графа Берга в начале февраля вторично командирован был в Варшаву директор Канцелярии Военного министерства генерал-майор Кауфман с той целью, чтобы лично убедиться, насколько изменилось положение дел в Польше со времени прежней поездки его в сентябре предыдущего года. К приезду Кауфмана граф Берг собрал в Варшаву всех начальников военных отделов: генералов Ушакова*, Хрущова, Манюкина, Семеку, Бельгарда 1-го и князя Витгенштейна. 6 и 7 февраля происходили совещания их в присутствии генерала Кауфмана, который получил таким образом возможность выслушать подробные объяснения всех прибывших с мест ближайших распорядителей о настоящем положении дел в каждой части края. Кауфман возвратился в Петербург с весьма успокоительным донесением о несомненном улучшении дел сравнительно с виденным им полгода назад; однако ж, он вынес убеждение, что польское восста-

* По ходатайству графа Берга, Ушаков был вскоре сменен и назначен членом Генерал-аудиториата; на место его, начальником 7-й пехотной дивизии и Радомского отдела назначен генерал-лейтенант Бельгард 2-й, а на место этого последнего начальником 2-й гренадерской дивизии (находившейся также в Царстве Польском) назначен генерал-адъютант Паткуль.

ние далеко еще нельзя было считать делом совершенно поконченным.

И действительно, в то самое время, когда Кауфман в Варшаве выслушивал успокоительные рассказы начальников отделов, в разных местах края снова появились довольно сильные шайки повстанцев, вторгнувшиеся из Галиции в Радомскую и Люблинскую губернии. Одна из них, в числе свыше 1000 человек, под начальством уже известного «Топора»*, перейдя Вислу по льду, проникла в Святокржижские лесистые горы и 9 февраля осмелилась напасть на город Опатов и сжечь в нем несколько домов; но выбитая вскоре с уроном, разбрелась мелкими частями по лесам. По распоряжению генерала Ченгеры, направлено было несколько отрядов для облавы; многие из повстанцев были схвачены и в числе их сам предводитель. Прочие шайки также были частью истреблены, частью рассеяны и захвачены в плен.

Это были последние, сколько-нибудь значительные попытки вторжения повстанцев из Галиции. Австрийское правительство наконец убедилось в необходимости серьезных мер против революционной организации в самой Галиции, где 12/24 февраля и объявлено военное положение. С этого времени начались там многочисленные аресты и судебное преследование вожаков и укрывателей складов оружия. Если позже и появлялись еще в пределах Царства Польского мелкие шайки (как, например, 17 марта из Познанской области, а 19-го — из Восточной Пруссии), то это были, можно сказать, безрассудные выходки, не имевшие никакого серьезного смысла.

Последним и самым существенным ударом, нанесенным польской смуте, был Указ 19 февраля 1864 г. об устройстве быта крестьян в Царстве Польском. Этот день 19 февраля сделался и для Польши таким же великим днем, как для всей Империи[264].

Составленный под руководством моего брата Николая, проект устройства польских крестьян, как уже было сказано, обсуждался с самого начала года в особой комиссии под председательством князя П.П. Гагарина и прошел не без горячих прений и борьбы. Брату удалось с помощью обоих главных сотрудников его, князя В.А. Черкасского и Ю.Ф. Самарина, отстоять работу свою** и потом провести ее через соединенное присутствие комитетов Польского и Главного по устройству сельского состояния. Дело велось усиленно, так что подоспело к 19 февраля;

* Псевдоним бывшего капитана Генерального штаба Жвирждовского, дебютировавшего в начале мятежа в Северо-Западном крае.

** Далее в автографе зачеркнуто: «без всяких существенных изменений» *(примеч. публ.)*.

этим числом и было помечено последовавшее Высочайшее утверждение.

В Положении 19 февраля 1864 года принято было за основное начало неотлагательно и вполне расторгнуть всякие узы, связывавшие крестьян в Царстве Польском с землевладельцами. Крестьяне должны были сделаться немедленно же собственниками своих земельных наделов, и все повинности их относительно помещиков прекращались разом. Установленный взамен выкупа, поземельный налог предоставлено крестьянам вносить в казну; вознаграждение же помещиков за отошедшие крестьянам земли возлагалось на учрежденную для того «Ликвидационную комиссию». Особым указом определялось новое устройство гмин с самостоятельным общественным управлением, вне всякого влияния землевладельцев[265]. По одному только вопросу оказалось невозможным с первого же раза развязать крестьян с помещиками — именно относительно так называемых «сервитут», то есть некоторых предоставленных крестьянам прав пользования известными угодьями на помещичьих землях. Решение этого щекотливого вопроса пришлось по необходимости, а вовсе не с коварным умыслом, приписанным русскому правительству иностранцами, предоставить будущему соглашению между заинтересованными сторонами, при посредстве учреждений, на которые возлагалось приведение нового Положения в действие[266].

Вожаки восстания и заграничные их друзья, желая умалить значение акта 19 февраля 1864 года, толковали, что в Польше крестьяне были освобождены от крепостной зависимости еще в 1807 году Наполеоном I и что, если с тех пор положение сельского населения не улучшилось, то вина падает на русское правительство. Французы, с обычной своей легкостью, вообразили себе, что они, заступаясь за поляков, в самом деле домогаются восстановления либеральных учреждений, дарованных Польше Наполеоном I и нарушенных деспотизмом «московитов». С другой стороны, и вожаки польской смуты обоих лагерей — и «белые», и «красные» — хвалились своими великодушными намерениями будто бы не осуществившимися опять-таки по вине русского правительства.

В действительности же, вот каков был исторический ход крестьянского дела в Польше.

Введением в 1807 году знаменитого «Code Napolèon»[267]; конечно, крепостное состояние крестьян было юридически отменено; но экономическое и социальное положение их через это не только не улучшилось, но сделалось еще тягостнее. Не обеспеченные в своих правах на землю, они были поставлены в полную зависимость от помещиков, которые продолжали держать крестьян как рабочий скот («быдло»), отягощали их непосиль-

ной барщиной и всякими повинностями; по своему произволу сгоняли их с земли, когда находили выгодным для себя обрабатывать ее вольнонаемными рабочими или отдавать в аренду*. Притом помещик, в качестве гминного войта, удержал за собой полицейскую и судебную власть с правом подвергать крестьян всяким наказаниям, не исключая и телесных. Такова была в действительности пресловутая попечительность польских панов о крестьянах.

Со времени присоединения Царства Польского к России и до 1846 года со стороны русского правительства ничего почти не было сделано для облегчения положения помещичьих крестьян. Между тем как в имениях казенных и майоратных крестьяне были поставлены в условия весьма удовлетворительные, правительственные власти в Польше постоянно ублажали панов и шляхту в ущерб крестьянскому населению. Указ 26 мая / 7 июня 1846 года[268] закрепил за крестьянами участки земли, состоявшие дотоле в их пользовании, воспретив помещикам сгонять крестьян, пока они исправно выполняют свои обязательства и повинности относительно землевладельца; но самые эти обязательства и повинности не были определены законом. Установление размера их было предоставлено Совету управления Царства; а как Совет состоял исключительно из польских же помещиков, то понятно, что на практике Указ 1846 года остался мертвой буквой. Совет даже признал неудобным обнародовать этот указ. Помещики же так повернули дело, что воспользовались законом, чтобы именем правительства узаконить ими же самими наложенные на крестьян чрезмерные тягости. Помещики позволяли себе вопиющие нарушения прав крестьян, которым ничего другого не оставалось, как терпеть; жаловаться было некому, так как все жалобы их проходили через руки тех же панов и солидарного с ними чиновничества.

Указ 1858 года[269] об «очиншевании» крестьян, то есть об обращении барщины и натуральных повинностей в денежный оброк, также оставался без исполнения до 1861 года. Решение крестьянского вопроса в Империи встревожило польских помещиков; граф Андрей Замойский во главе Земледельческого общества задумал было вырвать крестьянский вопрос в Польше из рук русского правительства и разрешить его в интересах землевладельцев, присвоив себе в то же время заслугу собственной, помещичьей инициативы. С другой стороны, партия демократическая, или «красных», задумала также воспользоваться крестьянским вопросом в своих видах — чтобы привлечь сельское

---

* По данным, собранным в 1863 году, оказалось, что к этому времени около половины помещичьих крестьян были совсем безземельными.

А. Замойский

население к революционным замыслам, обольщая надеждами на даровой земельный надел. Ни той, ни другой партии не удалось достигнуть своих целей. Земледельческое общество было закрыто; но помещики, разъехавшись по своим имениям, толковали, будто русское правительство воспрепятствовало им, панам, облагодетельствовать крестьян. Такое извращение истины было обычной уловкой польских «патриотов». В Варшаве и других центрах революционного движения прославляли либеральные намерения графа Андрея Замойского и его партии, не углубляясь в сущность проектированного ими плана.

Русскому правительству необходимо было скорее взять в свои руки крестьянское дело в Царстве Польском, тем более,

что само сельское население, имевшее перед глазами устройство крестьян в имениях казенных и майоратных, а также в самой России, ждало от русского Царя такой же милости. В некоторых местностях крестьяне уже отказывались от отбывания повинностей в пользу помещиков. К сожалению, дело это все еще оставалось в руках той же варшавской администрации, которая продолжала тянуть сторону польских панов*. Поэтому и новые указы 4/16 мая 1861 года и 24 мая / 5 июня 1862, определявшие правила очиншевания и выкупа крестьянами барщины и натуральных повинностей, оставались так же, как и прежние, почти без применения[270]. А между тем революционная партия не скупилась на обольщения и соблазны, издеваясь над бессилием русской власти.

В таком положении было крестьянское дело в Царстве Польском, когда осенью 1863 года оно по Высочайшей воле было возложено на плечи моего брата. Он принялся за него с обычным своим самоотвержением, с глубоким убеждением в великой важности для России предстоявшей задачи, имевшей значение не только экономическое, но и политическое. Задача состояла в том, чтобы вывести польского крестьянина из-под векового гнета, поставить его в положение, отнюдь не менее выгодное, чем дарованное сельскому населению всей Империи, но притом с неотлагательным прекращением всякой зависимости его от помещика. Положения 19 февраля 1864 года вполне разрешили эту задачу. Нужно было немало твердости и настойчивости, чтобы достигнуть такого результата, особенно при несочувственном отношении и даже противодействии со стороны всей местной администрации.

Указы 19 февраля были привезены в Варшаву генерал-адъютантом графом Эдуардом Трофимовичем Барановым, которому поручено было возвестить польским крестьянам Царскую милость. Объявление указов в Варшаве было исполнено 23 февраля / 6 марта, в воскресный день, на главных городских площадях, с подобающей торжественностью, с герольдами и конвоем гвардейской кавалерии. Толпы народа нарасхват разбирали экземпляры указов и оглашали воздух восторженными криками. Также и во всех других городах и селениях указы объявлялись торжественно, читались в костелах и на площадях. Везде народ выказывал искреннюю радость и признательность русскому Царю, к великой досаде неисправимых революционеров[271].

---

* Прискорбно вспоминать, что и в это время приходилось русским войскам подавлять эти мнимые бунты крестьян.

МАРТ И НАЧАЛО АПРЕЛЯ

В 1864 году минуло пятидесятилетие со времени славной эпохи вступления союзных армий в Париж и свержения Наполеона I[272]. Еще 15/27 февраля праздновалась в Берлине годовщина сражения при Bar-sur-Aube[273], в котором королю прусскому Вильгельму довелось впервые быть в огне и за которое получил он первые знаки военного отличия: железный крест от своего отца короля Фридриха Вильгельма III и орден св. Георгия 4 степени от императора Александра I. По случаю этого юбилея, король принимал торжественно поздравления от кавалеров железного креста и прибывшей из Варшавы русской военной депутации из нескольких георгиевских кавалеров с генералом Панютиным во главе. К депутации этой присоединились: состоявший при особе короля генерал-адъютант граф Адлерберг 3-й (Николай Владимирович) и наш военный агент в Берлине флигель-адъютант полковник Веймарн. С особенной любезностью король принял приветствие русской депутации; в то же утро оба государя обменялись самыми задушевными телеграммами, в которых взаимно выразили чувства неизменной дружбы, основанной на дорогих для обоих воспоминаниях о достопамятной эпохе.

Самая же годовщина вступления союзников в Париж праздновалась у нас 18 и 19 марта. В первый из этих дней в Зимнем дворце был большой парадный обед, к которому приглашены были все, оказавшиеся налицо участники войны 1814 года, как служащие, так и отставные. Таких набралось до 136 человек; в числе их более видные личности были: генералы князь А.С. Меншиков, граф П.А. Клейнмихель, Я.В. Захаржевский (начальник Царского Села), граф Вл<адимир> Фед<орович> Адлерберг 1-й, Ни<колай> Петр<ович> Анненков, П.Я. Куприянов, барон Ник<олай> Ив<анович> Корф, Ф.С. Панютин, Ф.Я. Миркович, П.А. Даненберг, Ник<олай> Онуфр<иевич> Сухозанет (бывший военный министр), М.Г. Хомутов и другие. Были также и многие гражданские чины: Александр Серг<еевич> Танеев (управляющий I отделением собственной Е.В. канцелярии), Александр Вас<ильевич> Кочубей (сенатор), граф Мих<аил> Ю<рьевич> Виельгорский (обер-гофмейстер)* и другие; наконец, были и духовные лица: протоиереи Сицилийский и Одоевский, и 4 унтер-офицера Дворцовой гренадерской роты. Кроме этих ветеранов великой эпохи, присутствовали за Царским столом особы Императорской фамилии (в числе их находившийся в то время в Петербурге принц Нассауский), статс-

* Вероятно, ошибка Д.А. Милютина. Имеется в виду Матвей Юрьевич Виельгорский *(примеч. публ.)*.

дама графиня Протасова, пять фрейлин и еще одиннадцать приглашенных лиц по своим званиям, и я в числе их.

Обед происходил в Александровском зале, украшенном портретом императора Александра I и картинами замечательнейших битв 1813 и 1814 годов. В Портретной же галерее накрыты были длинные столы для нижних чинов, участвовавших в этих кампаниях. Таких оказалось 112 человек, в числе которых двое состояли еще на службе: один — в Гвардейском экипаже, другой — в Кавалергардском полку. За обедом Государь выразил в нескольких сердечных словах благодарность достойным ветеранам и провозгласил тост за «храбрую русскую армию», после чего перешел в Портретную галерею и там приветствовал также тостом старых воинов, которые отвечали единодушным «ура». При этих тостах на хорах раздался тот самый марш, под звуки которого войска наши вступали в Париж.

По окончании обеда все гости собрались в Белом зале, где Государь с императрицей обошли сперва нижних чинов, а потом беседовали поочередно со многими лицами. Некоторым из присутствовавших оказано было Его Величеством особенное внимание зачислением в те части войск, в которых они состояли в день вступления союзников в Париж: князя Меншикова — в лейб-гвардии 1-ю артиллерийскую бригаду*, генерала Мирковича — в лейб-гвардии Конный полк, генерал-лейтенанта барона Медема (наш первый профессор стратегии) — в Гвардейскую конную артиллерию. Отставные генералы барон Засс и Лукаш приняты снова на службу.

На другой день, 19 марта, т.е. в годовщину самого вступления в Париж, назначен был на Дворцовой и Адмиралтейской площадях парад, в котором участвовали $37^1/_2$ батальонов, 48 эскадронов и $12^1/_2$ батарей. Ровно в час Государь вышел из дворца и, сев верхом, объехал войска в сопровождении многочисленной свиты, а затем, став во главе войск, сам провел их мимо Александровской колонны, у которой стояли ветераны 1814 года. Отсалютовав памятнику, воздвигнутому в честь Александра Благословенного, Государь остановился по правую сторону колонны, и все войска прошли перед ним церемониальным маршем. По окончании парада, площадь перед дворцом мгновенно наполнилась толпами народа, огласившего воздух криками «ура». Вечером происходил обычным порядком, в Большом театре, инвалидный концерт, который был на этот раз блистательнее обык-

* Несколько дней позже (29 марта) зачислен в ту же бригаду и генерал-адъютант Бибиков (Илья Гаврилович), некогда состоявший при Великом князе Михаиле Павловиче в должности начальника штаба генерал-фельдцейхмейстера.

новенного, благодаря парадным мундирам и присутствию всей Царской фамилии. Когда Государь показался в ложе, публика потребовала народного гимна, который был повторен несколько раз.

В этот день Государь снова обменялся с королем Прусским, а также и с императором Австрийским приветственными телеграммами. Государь вообще дорожил воспоминаниями прошлого и не пропускал случая поддерживать старые традиции. Тем более придавал он цены историческим воспоминаниям о великой эпохе, которые в его глазах должны были скреплять и на будущее время связь между тремя союзниками. Но воспоминания эти и торжественные манифестации по поводу знаменательного юбилея, конечно, отозвались неприятно во Франции. Печать французская, и без того уже крайне враждебная России, откликнулась с горечью на обмен юбилейными приветствиями между Петербургом, Берлином и Веной.

---

19 же марта генерал-лейтенант барон Медем праздновал юбилей своего производства в офицеры. Утром съехались к нему с поздравлениями депутации от артиллерии, от Академии Генерального штаба, от Главного военно-учебного комитета и от Военно-учебных заведений. Конечно, и я счел долгом принять участие в приветствовании почтенного юбиляра. По этому случаю он получил лестный рескрипт и, кроме упомянутого выше зачисления в Гвардейскую конную артиллерию, произведен в полные генералы с назначением на место, оставшееся вакантным за смертью генерала Дядина — председателем Главного военно-учебного комитета.

Генерал барон Медем пользовался в военном мире большим уважением и сочувствием не только как ученый, оказавший существенные услуги Военной академии в самые первые годы по учреждении ее, в звании профессора стратегии и военной истории, но и как человек, в высшей степени добродушный и скромный. Быв его слушателем в Академии, я до сих пор вспоминаю с удовольствием его лекции. Несмотря на то, что он был и тогда очень глух, не обладал звучным голосом, беспрерывно покашливал, а по временам раздирал нервы слушателей визгом мела по доске, чтения его были не только чрезвычайно интересны, но, можно сказать, увлекательны. Он сам увлекался своим предметом, которому предавался с живым участием и любовью. Его курс военной истории был весьма обширен и содержал в себе массу фактических подробностей, которые требовалось удержать в памяти, — и несмотря на то, мы не тяготились им, потому что все эти подробности были у него осмыслены, связаны общей нитью критической оценки, и притом излагались в живом, устном рассказе. Что же касается собственно теорети-

ческой части курса, т. е. стратегии, то заслуга барона Медема заключалась в том, что он первый разоблачил односторонность всех появлявшихся до того теорий или «систем» стратегии. Изложив эти разные системы в кратком сравнительном очерке, он ограничился одним лишь общим выводом — что искусство ведения войны не подчиняется каким-либо формальным правилам или системе, а заключается в разумном соображении всех разнородных «элементов», вещественных и нравственных, обусловливающих успех борьбы. В таком смысле и составлена им небольшая книжка «Обозрение известнейших систем стратегии», появившаяся именно в тот год, когда мне довелось быть слушателем почтенного барона Николая Васильевича. После профессуры своей в Военной академии он занимал многие годы в Военно-учебных заведениях пост «Главного наставника» по военным наукам; затем был назначен военным цензором и, наконец, членом Совета по делам печати в Министерстве внутренних дел. Занимая эти должности именно в ту эпоху, когда началось замечательное развитие военной литературы, барон Медем должен был работать неутомимо и снова оказал услугу своим просвещенным взглядом и благодушным сочувствием к успеху образования.

Хотя барон Медем в действительности был произведен в офицеры в самый день вступления союзных войск в Париж, однако ж в приказ внесено было его производство только 27 марта 1814 года. Годовщина этого дня была отпразднована большим обедом в залах Николаевской академии Генерального штаба. Собралось до 120 почитателей, сослуживцев и учеников почтенного юбиляра. После обычного тоста за здоровье Государя и другого — за Его Высочество генерал-фельдцейхмейстера, я провозгласил тост в честь самого юбиляра, сказав при этом несколько слов о его заслугах. После того произнесены были речи начальником Академии генерал-майором Леонтьевым, генерал-адъютантом Баранцовым, князем Николаем Сергеевичем Голицыным (бывшим в свое время адъюнктом барона Медема в Академии), действительным статским советником Волковым, служившим под начальством барона в Цензурном комитете, и, наконец, бывшим профессором И.П. Шульгиным. Затем читаны были полученные из разных мест поздравительные телеграммы от многих артиллеристов и офицеров Генерального штаба, бывших учеников барона Медема. В некоторых местностях юбилей его был отпразднован ими заочно. Юбиляр был растроган до слез и отвечал на приветствия несколькими задушевными словами. Все произнесенные речи на этот раз были не сбором риторических фраз, а искренним выражением уважения и признательности, которые юбиляр заслужил своей полезной ученой деятельностью и личным своим характером.

За несколько дней до чествования юбилея барона Медема похоронили другого столь же уважаемого старого артиллерийского генерала Алексея Васильевича Дядина, скончавшегося в ночь с 10 на 11 марта, на 74 году жизни. С самого производства в офицеры в 1811 году, и до смерти он постоянно трудился с редкой добросовестностью. Большую часть своей деятельности посвятил он так же, как и барон Медем, военно-учебному делу: долго был преподавателем артиллерии, потом членом Учебного комитета при штабе Военно-учебных заведений и, наконец, председателем учрежденного в 1863 году Главного военно-учебного комитета. Состоя в то же время многие годы управляющим делами Артиллерийского комитета, а потом членом Артиллерийского отделения Военно-ученого комитета, Алексей Васильевич принимал деятельное участие в работах по усовершенствованию технической части нашей артиллерии. Это был человек в высшей степени честный, добрый и скромный. 13 марта совершено отпевание покойного в Сергиевском всей артиллерии соборе и затем погребение на кладбище Вознесенского девичьего монастыря.

Открытый лично Государем в прошлом сентябре финляндский сейм работал с усиленной деятельностью над массой внесенных в него законопроектов, захватывавших самые разнообразные стороны государственной жизни. Понятно, что сейм не имел возможности окончить свои труды в предположенный срок; два раза испрашивалась отсрочка, и сессия длилась всего 7 месяцев. Можно было бы вполне сочувствовать такой ревности финляндских «государственных чинов», если б значительная часть времени не была потрачена на бесплодные и неуместные препирательства по вопросам, возбужденным в сейме известной партией, мечтающей о полной независимости Финляндии. Вопросы эти подавали повод к неприличным выходкам против русского правительства; выражались домогательства расширения конституционных прав, какого Финляндия никогда не имела и прежде завоевания ее русским оружием, как-то: полной самостоятельности в управлении финансами, права законодательной инициативы (моционного права), даже ответственности высшего управления страны перед сеймом. Безрассудные эти толки в заседаниях сейма сопровождались резкими статьями в местной печати, которые, в свою очередь, вызывали горячие протесты в русских газетах, и таким образом завязалась желчная полемика. Русские газеты (в том числе и «Русский Инвалид») укоряли Финляндию в стремлениях сепаративных, в неблагодарности к русскому правительству и несправедливости к русскому народу.

Наконец, 3/15 апреля наступил последний срок, данный Государем для продления заседаний сейма. В этот день назначена была церемония закрытия его. По старинному обычаю, еще накануне этого дня, был прочитан с парадного крыльца Сената Высочайший манифест о предстоявшем закрытии сейма. В самый же день церемонии, утром, собрались в Николаевском лютеранском соборе члены сейма, Сенат, высшие должностные лица и во главе их сам генерал-губернатор генерал от инфантерии барон Рокасовский. Божественная служба сопровождалась превосходным пением и музыкой, а по окончании службы раздались пушечные выстрелы, и все присутствовавшие, имея во главе генерал-губернатора, последовали пешком из собора в императорский дворец. Проходя мимо университета, процессия была приветствована студентами, пропевшими финский народный гимн. Когда члены сейма заняли свои места в Тронной зале дворца, а чины управления стали по сторонам трона, генерал-губернатор вошел в зал и стал у подножия трона. Тогда ландмаршал сейма и председатель дворянского (рыцарского сословия) генерал Норденстам, а потом и председатели (тальманы) других сословий* поочередно подходили к представителю верховной власти и произносили речи, одни на шведском языке, другие на финском. Во всех речах выражались чувства благодарности и преданности Государю, и в заключение ландмаршал вручил генералу Рокасовскому протокол (мемориал) сейма. Тогда генерал-губернатор прочел по-русски тронную речь, в которой выражались от Высочайшего имени, с одной стороны, благодарность за неоднократные заявления чувств верности и преданности народа финского, с другой же — явный укор представителям его в сейме. «Не могу не сожалеть о том, что некоторые прения подали повод к недоразумениям касательно отношений Великого княжества к Российской империи. В неразрывном своем соединении с Россией, Финляндия ненарушимо сохранила предоставленные ей права, и под сенью своих законов продолжает пользоваться всеми нравственными и вещественными выгодами, предоставленными ей могуществом Империи. Россия открывает жителям Финляндии обширное и беспрепятственное поприще торговли и промышленности, а благодушный русский народ не раз, когда тяжелые испытания посещали ваш край, доказывал свое братское участие и деятельную помощь. Следовательно, ясное понимание истинных польз Финляндии должно склонять вас к упрочению, а отнюдь не к ослаблению

---

* Здесь автором предусматривалась сноска: «От духовенства — архиепископ Бергенский, от городского сословия — выборный бургомистр Эрн, от крестьянского — Мехи-Песка» *(примеч. публ.)*.

той тесной связи с Россией, которая служит неизменным ручательством благосостояния вашей родины...»[274]

После этих строгих, вполне заслуженных слов было, однако же, объявлено намерение Государя вновь созвать земские чины через три года.

По прочтении тронной речи и переводов ее на шведский и финский языки, члены сейма прокричали обычное «ура» и удалились из дворца, чтобы снова собраться в так называемом «рыцарском доме» — месте обычных заседаний своих. Здесь ландмаршал произнес прощальную речь и передал ландмаршальский жезл старшине дворянского сословия графу Крейцу, который во главе дворянской депутации отнес его в Сенат, где, в общем присутствии последнего, передал жезл в руки генерал-губернатора, после краткой речи на французском языке.

В тот же день ландмаршалом генералом Норденстамом дан был представителям дворянского сословия обед, а генерал-губернатором — прощальный вечер для всех членов сейма.

Так закончилась первая сессия финляндского народного представительства, восстановленного после полувекового перерыва. Она оставила по себе не совсем выгодное впечатление в нашем высшем правительстве и в русской публике, негодовавшей на антирусское настроение, проявившееся на сейме. Однако ж, по роспуске собрания, с Высочайшего разрешения, остались в сборе две образованные из его членов комиссии для разработки и подготовления к следующей сессии двух законопроектов: одного — по предмету разъяснения и применения основных законов страны (собственно говоря — конституционных ее прав), другого — по преобразованию некоторых отделов высшей администрации в Великом княжестве.

Для полноты моей хроники за последние недели Великого поста следовало бы здесь упомянуть о прибытии в Петербург 5 апреля польской депутации; но так как ее появление в столице имеет тесную связь с крестьянской реформой в Царстве Польском, то рассказ об этой депутации отложу до другого места.

В это же время в Петербурге было много толков о деле известного писателя Чернышевского, который был предан суду Сената по обвинению в государственном преступлении. Определение Сената было внесено на рассмотрение Государственного совета (по Департаменту гражданских и духовных дел), который признал Чернышевского виновным «в сочинении возмутительного воззвания, передаче оного для тайного напечатания с целью распространения и в принятии мер к ниспровержению существующего в России порядка управления», вследствие чего положил утвердить приговор Сената, а именно: лишить Черны-

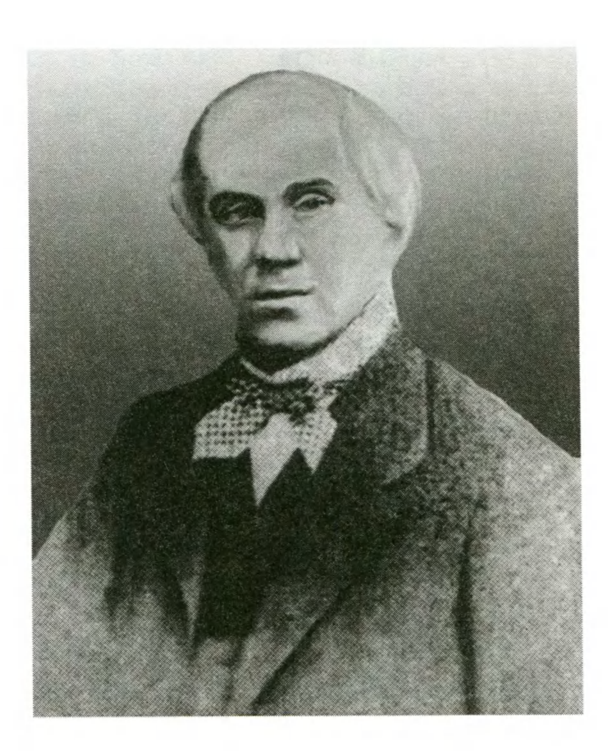
шевского всех прав состояния и сослать в каторжную работу в рудниках на 14 лет и затем поселить в Сибири навсегда. Приговор этот был утвержден Государем 7 апреля, с уменьшением срока каторжных работ наполовину[275].

8 апреля в Петербург возвратился из-за границы великий князь Константин Николаевич, который провел зиму в Госларе со своим семейством, по случаю болезни великой княгини Александры Иосифовны. Впрочем, великий князь пробыл в Петербурге недолго и 1 мая опять уехал за границу.

На шестой же неделе Великого поста, в четверг (9 апреля), по заведенному порядку, Государь осматривал в залах Зимнего дворца картографические и топографические работы военного и морского ведомства.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА В ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ

Объявление в Царстве Польском указов 19 февраля было окончено повсеместно к половине марта. Везде оно сопровождалось выражениями благодарности крестьян, преданности их царю и полным ликованием. Между тем подготовлялись все необходимые средства к успешному введению в действие нового крестьянского Положения. На этот предмет заранее уже было обращено особенное внимание моего брата. Многолетний опыт убеждал его, что предоставить это дело местной администрации в Царстве было бы новой, непоправимой ошибкой; необходимо было, напротив того, совершенно устранить от всякого в нем участия не только поляков, но и тех из русских, которые, давно служа в Польше, более или менее поддались влиянию польской среды. Брату моему удалось, благодаря прямым его докладам Государю, обставить дело крестьянской реформы в Царстве Польском вполне самостоятельно. Высшее заведование делом было возложено на особый комитет, названный «Учредительным»; хотя председательство в нем и предоставлено было самому наместнику, но большинство членов было назначено из кандидатов, указанных братом моим; а как самая влиятельная роль принадлежала главному директору Правительственной комиссии внутренних и духовных дел, то на эту должность назначен был князь В.А. Черкасский, на место занимавшего ее поляка Островского, назначенного членом Государственного совета Царства. Назначение князя Черкасского состоялось 3 марта, причем ему присвоен был прямо чин тайного советника. Затем, под общим руководством Учредительного комитета должны были действовать на всем пространстве Царства местные «комиссии по крестьянским делам», по нескольку на каждую губернию.

Н.А. Милютин

В каждый участок назначался «комиссар», соответствовавший мировому посреднику в Империи.

Нелегко было набрать для всей этой организации потребное число лиц, вполне благонадежных и способных. Для одного состава местных комиссий, в числе 13, нужно было 133 человека. Хотя брат, с помощью своих сотрудников и статс-секретаря Ст<епана> Мих<айловича> Жуковского (управляющего делами Главного комитета по устройству сельского состояния) завербовал в Петербурге значительное число чиновников, однако ж даже оно было недостаточно. Поэтому признано было необходимым прибегнуть к содействию военных офицеров; нужно было выбрать из войск гвардии и армии до 70 человек. Мера эта была вполне одобрена графом Бергом, несмотря на неудовольствие строевого начальства. Мне приходилось по возможности примирять интересы войсковые с настоятельной потребностью края, ибо я не мог не сознавать всей важности хорошего выбора исполнителей предстоявшей крестьянской реформы и очевидной невозможности обойтиться в этом деле без деятельного участия военных лиц. Выбор офицеров был сделан с самой строгой разборчивостью.

Чтобы дать первое движение предпринятому делу и направить его верным путем, брат мой отправился сам в Варшаву, вместе с князем Черкасским и несколькими еще лицами, завербованными на службу в Царство. В Варшаве они остановились опять в Брюлевском замке, пока для князя Черкасского готовилось особое казенное помещение. Граф Берг принял их попрежнему любезно и обещал полное свое содействие успеху дела. Но большая часть варшавской администрации вместе с польскими панами едва скрывала свое нерасположение к приезжим реформаторам. Брата моего прозвали «председателем хлопского Жонда»*. Помещики, убедившиеся в бесповоротном решении крестьянского вопроса, обратили все свои заботы на выгоднейшую, по возможности, для своих интересов ликвидацию дела.

11/23 марта князь Черкасский вступил в должность и на приеме своих подчиненных обратился к ним с речью на русском языке, что было для поляков совершенной новостью. 14-го числа открыты заседания Учредительного комитета. В числе первых, подлежавших его обсуждению вопросов, было устройство, согласно новому Положению, гминного (крестьянского) управления и выборы должностных лиц. Приведение в исполнение этой части реформы значительно облегчилось при существовавшей уже на местах военно-полицейской организации. Под руководством уездных военных начальников выборы новых войтов, солтысов, лавников и на другие должности гминного управления произведены были везде совершенно удовлетворительно. Крестьяне хорошо поняли всю важность для них нового Положения и умели воспользоваться предоставленным им правом самоуправления: почти во всех гминах войты были выбраны из крестьян; как помещики, так и вся масса жившей на счет крестьян тунеядной челяди — доставлявшие во время мятежа главный контингент шайкам — были таким образом устранены, и крестьяне сразу освободились от прежнего тяжелого гнета. По желанию крестьян, открытие новых гминных управлений сопровождалось молебствиями и празднествами. Вновь выбранные должностные лица принялись разумно за свое дело; но с первого же времени возникли бесчисленные жалобы крестьян на прежние притеснения и несправедливости помещиков.

Между тем, в Варшаву собирались чиновники и офицеры, завербованные в состав крестьянских комиссий. Первой работой брата моего было ознакомить своих «новобранцев» — как он называл их — с предстоявшим им делом. Для этого каждый вечер он собирал их у себя группами и толковал им Положение

* Письмо его от 7/19 марта.

19 февраля, давал им наставления, экзаменовал их, стараясь знакомиться с каждым из них, чтобы убедиться в пригодности к делу. Сам он в шутку называл эти вечерние сборища «публичными лекциями». Он работал неутомимо в продолжение почти шести недель, проведенных в Варшаве. Когда инструкции были окончательно составлены и напечатаны, когда завербованные волонтеры оказались достаточно подготовленными, назначен был выезд комиссий во все части Царства. 14 апреля было отправление первой партии в числе 60 человек, гражданских и военных. После торжественного молебствия в соборе, отслуженного архиереем, все отъезжавшие собрались у брата на завтрак; он напутствовал их в последний раз своими наставлениями и советами, задушевно простился с ними и благословил в путь. По прошествии же нескольких дней тем же самым порядком были отправлены и остальные волонтеры.

Комиссиям на первый раз поручено было «объехать свои участки, ознакомиться с местными условиями, наблюсти за выборами и введением крестьянского управления, разобрать на месте важнейшие (то есть наиболее вопиющие) жалобы, а по другим собрать предварительные сведения, и уже затем, когда пополнится состав каждой комиссии, открыть окончательные действия»*, то есть приступить к самой разработке «ликвидационных табелей» по каждому имению. По собственным словам брата, «цель этой административной рекогносцировки — во-первых, упрочить доверие крестьян к правительству и доказать на деле, что Высочайшие указы не останутся мертвой буквой, и во-вторых, — приучить новых наших деятелей к предстоящей каждому самостоятельной работе»**.

Комиссиям предстояло дело нелегкое, тем более что редкий кто из завербованных молодых людей знал польский язык; немногие были прежде знакомы с местными законами, нравами и обычаями; а при всем этом им предстояло на каждом шагу остерегаться ухищрений и интриг со стороны помещиков, ксендзов и шляхты. Еще до прибытия комиссий на места уже распущены были в народе разные злонамеренные слухи с целью посеять между крестьянами смущение и недоверие к новым агентам русского правительства. Понятно, что крестьянская реформа возбуждала ярость и негодование сколько в среде помещиков, столько же и между революционерами всех партий. Не было границ клеветам и злобным нападкам, расточаемым поляками в заграничной печати против русского правительства вообще и деятелей по крестьянскому делу в особенности. Партия «белых» обвиняла

* Из письма брата ко мне от 22 марта / 3 апреля[276].

** В том же письме.

русское правительство в социалистическом нарушении прав собственности, а «красные» досадовали на то, что все расчеты их привлечь к себе массы народа окончательно расстроились.

Выбранные из рядов войск молодые офицеры выполняли возложенные на них обязанности с полным успехом. Импровизированные комиссары, призванные к делу, совершенно им чуждому, вложили в него всю душу, движимые исключительно патриотическим чувством. Только весьма немногие из них оказались не вполне удачными, или по бестактности, или вследствие излишнего увлечения: таких пришлось устранить и заменить другими; но вообще брат мой был очень доволен нашей военной молодежью и вполне признавал оказанную военными офицерами услугу крестьянскому делу в Польше. Не раз слышал я от него, что он не мог бы ничего сделать без помощи этих нескольких десятков хороших, умных и честных офицеров. Можно смело сказать, что в Польше не только подавление вооруженного мятежа, но и водворение гражданского благоустройства и порядка были вынесены на плечах военных людей.

К сожалению, надобно сознаться, что со стороны старших начальствующих лиц не всегда оказывалось полное и чистосердечное содействие ходу крестьянского дела. Некоторые не поняли политической стороны этого дела и, по узкости своих взглядов, жаловались на отвлечение от строя значительного числа офицеров; другие же переносили на крестьянское дело в Царстве Польском прежние свои чувства ненависти к делу освобождения крестьян в России и видели в действиях крестьянских комиссий проявление демократических начал, нарушение прав аристократии, прав собственности. Во главе этой второй категории можно поставить самого наместника в Царстве, хотя он и старался скрывать свои инстинктивные чувства. Брату моему, а еще более князю Черкасскому приходилось нередко выдерживать тяжелую борьбу с упрямым и хитрым старцем.

Двуличность графа Берга выказывалась на каждом шагу. Он осыпал брата и его сотрудников любезностями, беспрестанно приглашал их к себе, и писал мне: «M-r votre frère est un excellent collaborateur. Je vous envoie ci-annexée une lettre qui exprime nos opinions unanimes»*; а между тем брат, сообщая мне о бывших уже у него с графом Бергом стычках «по поводу непозволительного послабления, оказываемого им своим полякам» (членам Совета: Дембовскому, Забровскому и другим), писал: «Дело

---

* Письмо графа Берга от 23 марта / 4 апреля 1864 года[277].

Перевод: «Ваш брат — отличный сотрудник. Я посылаю вам приложенное здесь письмо, где выражены наши единодушные мнения» *(фр.), (примеч. публ.)*.

в том, что я уличил их в явном подлоге (искажение журнала Совета), а он (т.е. граф Берг) защищает их совсем неприличным образом. Черкасскому и мне очень трудно. Совет самым наглым образом водит графа Берга за нос, а он не хочет этого понять. Сегодня, впрочем, мы объяснились, и он, кажется, совсем сдался; но коварному старику доверять нельзя. Если не пойдет на лад, то принужден буду написать подробно Государю, хотя и не хотелось бы беспокоить его здешними дрязгами»*.

Несколько позже брат узнал, что граф Берг вел против него тайную интригу и в сношениях своих со статс-секретарем Платоновым (исправлявшим должность министра статс-секретаря Царства) взводил на действия моего брата разные несправедливые укоры. В письме от 20 апреля / 2 мая брат писал мне: «Донесение Берга — чистая ложь, а между тем, не разобрав дела, мне делают почти официальное внушение**. Признаюсь, я не ожидал такой благодарности за семинедельную мучительную работу».

Раздосадованный этими дрязгами, утомленный непрерывной работой, брат мой поспешил выехать из Варшавы 25 апреля, чтобы лично разъяснить дело Государю. Тогда в польском лагере распустили слух, что он уже не возвратится в Варшаву и что введение Положения 19 февраля будет приостановлено.

По приезде в Петербург, брат был немедленно же принят Государем, в котором нашел прежнюю благосклонность, прежнюю приветливость и прежний взгляд на польские дела. С первого же доклада возникшие недоразумения были разъяснены. Государь понимал вполне особенности характера графа Берга, знал его слабые стороны, не исключая и недостатка правдивости***, а потому не придавал безусловной веры его словам; но по принятой ли системе, или по мягкости своего характера, относился к нему всегда сдержанно и продолжал оказывать ему всякие знаки внимания и почета, а через это, вместо прекращения столь вредных для дела недоразумений и пререканий ясным и твердым указанием своей воли, как бы сам поддерживал между исполнителями ее рознь и борьбу. Этим чаще всего объясняется та шаткость, которая замечалась в ведении всех реформ его блестящего царствования.

Крестьянское дело в Царстве и по отъезде брата из Варшавы продолжало идти по прежнему, данному направлению; но и противодействие со стороны самого наместника также не прекращалось, и вся тягость борьбы легла на князя Черкасского,

---

* Письмо от 29 марта / 10 апреля 1864 года.

** В письме статс-секретаря Платонова к брату, по Высочайшему повелению.

*** Государь сам иногда рассказывал анекдоты, характеризовавшие привычку графа Берга к вымыслам.

которого, к счастью, не легко было свернуть с дороги и подчинить чужой воле. Он всегда находил поддержку в моем брате, который в свою очередь, личными докладами Государю, давал делу надлежащее направление.

Когда новое устройство крестьянского самоуправления было окончательно введено во всех местностях Царства Польского, граф Берг испросил Высочайшее соизволение на присылку в Петербург депутации с благодарственными адресами от крестьянского сословия. По многочисленности выборных от всех уездов, решено было разделить их на две очереди. В первую очередь, в начале апреля, собрано было в Варшаву до 73 человек от двух губерний: Варшавской и Радомской. Представление этой депутации Государю и распоряжения по ее отправлению были поручены помощнику генерал-полицмейстера флигель-адъютанту полковнику Анненкову. Прибыв в Петербург 5 апреля, депутация нашла приготовленное помещение в одной из гостиниц и встречена флигель-адъютантом Янковским (поляк), которому поручено было самим Государем принять депутацию и быть при ней руководителем.

На другой день по приезде, депутация, по изъявленному ею желанию, собралась в католической церкви св. Екатерины (на Невском проспекте) для молебствия, а 7-го числа была принята Государем в Белом зале Зимнего дворца. При входе Государя в зал, вся пестрая толпа крестьян, разнообразных типов и в национальных одеждах, как один человек, опустилась на колени. По знаку Государя все стали и стоявшие впереди поднесли хлеб-соль и благодарственный адрес[278]. Государь произнес по-русски приветственную речь, которую статс-секретарь Платонов перевел на польский язык. Депутаты, окружив Государя, простодушно и сердечно выражали свои чувства благодарности и преданности. Когда же в залу вошла императрица с молодыми великими князьями, депутаты подходили к Ее Величеству и по польскому обычаю, с благоговением прикасались к ее платью, повторяя со слезами на глазах выражения своей преданности.

По окончании приема, депутатов водили по залам дворца; потом показывали им сельскохозяйственный музей, помещавшийся в соседнем с дворцом манеже, а вечером были они на представлении акробатов и на пирушке, устроенной для них вместе с прибывшими в то же время русскими старшинами из разных волостей Петербургской губернии. В следующие три дня (8, 9 и 10-го) польским депутатам показывали все, что могло интересовать их в столице и в Царском Селе. Наконец, 11 апреля угощали их большим обедом в зале городской думы, опять вместе с русскими старшинами, в присутствии Их Величеств и вели-

Ф.Ф. Берг

ких князей. Государь, подойдя к одному из столов и взяв бокал, провозгласил тост «за неразрывную связь России с Польшей». Один из волостных старшин провозгласил тост за здоровье Государя, а из числа поляков один высказал с горячим чувством безграничную признательность всего польского крестьянства за дарованные ему Царские милости и кончил тостом за здоровье императрицы. Когда Их Величества удалились, пошли разные тосты одни за другими, при криках «ура» и взаимных излияниях в братских чувствах русских с поляками.

На другой день после этого пира польские депутаты слушали обедню в католической церкви и затем отправились в обратный путь. Ровно месяц спустя прибыла в Петербург, 5 мая, вторая, более многочисленная депутация от губерний Плоцкой, Люблинской и Августовской, в числе 115 человек, между которыми были и русские старообрядцы, и униаты, и немецкие колони-

сты. Они были приняты совершенно так же, как и первая депутация; также прием их Государем происходил (7 мая) в Белом зале Зимнего дворца, в присутствии императрицы и великих князей; но обедом угощали их 10 мая в Царском Селе, где в то время уже находилась Царская фамилия. Обед этот происходил в манеже, совершенно в том же порядке, как и бывший обед первой депутации в городской думе; вместо же русских старшин Петербургской губернии присутствовали на этот раз прибывшие старшины удельного ведомства[279].

Все, что видели, слышали и испытали польские депутаты в оба приезда их в Петербург, конечно, произвело на них глубокое впечатление. Оказанный им прием, благодушие и простота обращения Государя, Царской семьи, братское сочувствие со стороны русских выборных — все это открыло им как бы новый мир, совершенно отличный от той мрачной картины, которая прежде создалась в их воображении на основании злостных внушений шляхты и духовенства. По возвращении в Варшаву, крестьянские депутаты, представляясь наместнику, выражали ему, стоя на коленях и со слезами, свое счастье и чувства благодарности.

С ПОЛОВИНЫ АПРЕЛЯ ДО КОНЦА МАЯ

День рождения Государя (17 апреля) пришелся в этом году в Страстную пятницу, и потому официальное празднование его было отложено на второй день Святой недели. В ночь на Светлое воскресение (с 19-го на 20-е) был обычный съезд во дворце к заутрени и христосование; на другой же день, 20-го числа, Государь принимал поздравление в малой дворцовой церкви.

В приказе на 17 апреля было только объявлено о зачислении Государя во все полки гвардии, в которых Его Величество не состоит шефом; обычные же награды и производство в чины по военному ведомству состоялись на Пасху. В этот день великий князь Михаил Николаевич получил благодарственный рескрипт и утвержден в звании главнокомандующего. В начале приказа было выражено, что «Государь император с отеческой радостью усматривая, что в западных губерниях Империи и в Царстве Польском возникшие в прошлом году смуты и мятежи ныне благополучно прекращены, и повсюду водворяются в том крае мир, спокойствие и порядок, объявляет сердечную свою признательность главным местным начальникам: генерал-адъютанту графу Бергу, генералу от инфантерии Муравьеву и генерал-адъютанту Анненкову, за отличные их распоряжения, увенчавшиеся столь счастливыми успехами». Затем объявлена Высочайшая благодарность всем начальникам, офицерам и низшим

чинам «за понесенные ими тяжкие труды, за мужество при всех боевых встречах с вооруженными мятежниками и за примерную дисциплину, соблюдением которой они снова поддержали честь и славу русского воинства». Особенное внимание оказано было графу Бергу, который получил, при весьма лестном рескрипте, портрет, украшенный бриллиантами, для ношения на груди, и зачислен в гвардейский Литовский полк. Мне пожалованы алмазные знаки на орден св. Александра Невского, при грамоте, в которой было выражено, что награда эта жалуется «за полезные преобразования в военной администрации»; в числе этих преобразований указано учреждение западных военных округов, «совершенное в трудное время усиленных работ Военного министерства по распоряжениям, вызванным политическими обстоятельствами»; затем упоминалось о приведении в прошлом году армии на военное положение, о формировании 14 новых дивизий, «совершившемся быстро и без затруднений», и т.д. Вообще по Военному министерству в этот день пожаловано большое число наград. Тайный советник Якобсон, который, вследствие настоятельных его просьб, был уволен от управления Комиссариатским департаментом, с оставлением членом Военного совета, получил также алмазные знаки на орден св. Александра Невского. Вместо него управляющим названным департаментом назначен тайный советник Устрялов. Свита Государя увеличилась четырьмя новыми генерал-адъютантами (генерал-квартирмейстер генерал-лейтенант Веригин, товарищ главноуправляющего IV отделением Собственной Е.В. канцелярии генерал-лейтенант барон Фредерикс, начальник штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Карцов и обер-прокурор Синода генерал-лейтенант Ахматов) и тремя флигель-адъютантами (полковники Эйлер, Веймарн и Павленков).

В самый день Светлого воскресения сошел в могилу один из тех немногих уцелевших ветеранов, которых начало службы относилось к прошлому столетию — граф Петр Петрович фон-дер Пален, генерал-адъютант, член Государственного и Военного советов, генерал-инспектор всей кавалерии и шеф Сумского гусарского полка. Граф Пален участвовал еще во взятии Дербента в 1796 году графом Зубовым и затем во всех войнах, веденных Россией до польской кампании 1831 года включительно. В молодых летах он выказал себя лихим кавалеристом, а в высших чинах — одним из лучших наших корпусных командиров. С 1834 года он оставил военное поприще с назначением членом Государственного совета, а потом — послом в Париже. С большим достоинством и тактом исполнял он обязанности представителя России при дворе короля Луи-Филиппа и уже в преклонных летах возвратился в Петербург. Он скончался на 86 году

жизни, после продолжительной болезни. Граф П.П. Пален — живой памятник пяти последовательных царствований, был блестящим образцом сановников и светских людей старого поколения.

Звание генерал-инспектора всей кавалерии было для графа Палена чисто почетным титулом; но с кончиной его, признано было полезным придать этой должности реальное значение для действительного высшего специального надзора за образованием и материальным устройством нашей конницы. Такое значение звание генерал-инспектора и получило впоследствии (13 августа того же 1864 года), с назначением на эту должность великого князя Николая Николаевича.

---

27 апреля, в понедельник на Фоминой неделе, происходил на Марсовом поле обычный смотр войскам, известный под названием «майского парада». В строю находилось 43 батальона, 43 эскадрона и $31^1/_2$ батареи. Погода вполне благоприятствовала этому блестящему зрелищу. Со следующего же дня начались смотры проходивших через Петербург в Виленский и Варшавский округа «маршевых» батальонов, назначенных для пополнения расположенных в этих округах пехотных полков. Маршевые эти батальоны, в числе 40, формировались из рекрут последнего набора (ноябрьского) с той целью, чтобы полки, состоявшие на военном положении, комплектовались несколько уже подготовленными молодыми солдатами и были освобождены от первоначального обучения рекрут. Это первоначальное их обучение и формирование батальонов были возложены на батальоны Внутренней стражи и на 6-ю резервную дивизию, с помощью высланных из соответствующих полков штаб и обер-офицеров и унтер-офицеров. Это было первым шагом к учреждению впоследствии «резервных батальонов» в виде кадров для первоначального подготовления новобранцев — и этот первый опыт оказался весьма удачным: в течение менее 4 месяцев было подготовлено до 43 тысяч рекрут настолько, что представленные на Высочайшие смотры 28 апреля, 4, 6, 15 и 23 мая 17 батальонов имели уже весьма стройный вид. Государь остался совершенно довольным этими батальонами, и начальство Корпуса внутренней стражи получило Высочайшую благодарность; полки же действующих дивизий, в которые влились, так сказать, эти батальоны, избегли забот о первоначальном воспитании рекрут — забот, которые при тогдашних обстоятельствах в Западном крае и Царстве Польском были бы для них совсем не по силам.

Государь, переселившись вскоре после Святой недели в Царское Село, приезжал оттуда в Петербург довольно часто по случаю упомянутых смотров. 30 же апреля Его Величество ездил на

Обуховский сталелитейный завод на 12-й версте от Петербурга по Шлиссельбургской дороге. К устройству этого завода приступлено было только за год перед тем, частной компанией из горного инженера полковника Обухова, некоего Путилова, весьма предприимчивого антрепренера, и купца Кудрявцева в качестве капиталиста. Обширное это дело было предпринято под особенным покровительством Морского министерства, которое выпросило у Государя крупную субсидию. Устройство завода, несмотря на значительные размеры его велось так деятельно, что при осмотре его Государем уже производились опыты отливки небольших болванок орудий и некоторые другие работы. Большие надежды возлагались на этот завод. В высшей степени было важно для нас, при тогдашнем введении стальных орудий и брони, стать в независимое положение от заграничных заводов. К сожалению, надеждам нашим не суждено было скоро осуществиться. При всех достоинствах инженера Обухова и энергии (иногда чрезмерной) Путилова, при сильной поддержке Морского министерства, дела завода велись так, что бедный Кудрявцев скоро оказался разоренным; потребовались новые, крупные субсидии от казны, а нашей артиллерии долго еще приходилось прибегать к помощи Круппа.

В Северо-Западном крае, благодаря крутым мерам, принятым М.Н. Муравьёвым, не было уже и помина о мятеже, о каких-либо шайках или революционных попытках. Всякие польские затеи были подавлены; все присмирело. Также было тихо и в Августовской губернии, временно перешедшей под железную руку Михаила Николаевича и не менее энергического исполнителя его распоряжений генерала Бакланова.

Генерал Муравьёв, строго карая деятельных участников бывшего мятежа, высылал из края тех поляков, которые за неимением явных улик не могли быть подвергнуты уголовному преследованию. Очистив край, сколько было можно, от таких вредных личностей, он вместе с тем обуздывал остававшихся на местах польских панов тяжелыми контрибуциями и штрафами. В то же время искоренялось все польское, и принимались меры к восстановлению русской народности. В этом отношении он нашел деятельную помощь в преосвященном архиепископе Литовском и Виленском Иосифе, который старался вывести в среде православного населения края (большей частью бывшего униатского)[280] следы польского католического влияния, как например, молитвенники на польском языке; внушал, чтобы носили на себе православные кресты, и т. п. Генерал Муравьёв обратил также внимание на народные школы и между прочим заводил русские школы для еврейских детей.

Католическое духовенство в крае совершенно смирилось, по крайней мере, по наружности. Уже в январе от Виленской епархии поднесен был всеподданнейший адрес, в котором выражались скорбь о заблуждении увлеченных собратий и верноподданническая преданность престолу.

Одной из важнейших задач во всем Западном крае было, конечно, скорейшее окончание устройства крестьянского населения. Поверочные комиссии[281] работали усердно, хотя им приходилось выдерживать борьбу с польскими помещиками, привыкшими выжимать из крестьян последние средства. Они, в бессилии своем, прибегали к обычному своему оружию — к интриге и клевете. На комиссии посыпались обвинения всякого рода; не смея прямо восставать на распоряжения высшей власти, поляки распускали самые нелепые слухи и анекдоты на счет чиновников, входивших в состав комиссий; выставляли их социалистами, революционерами. К сожалению, эти иезуитские происки находили благосклонный прием в известных петербургских сферах. Некоторые наши недальновидные государственные мужи возмущались польскими наветами, осуждали действия Муравьева относительно польских помещиков и, сколько могли, противодействовали предлагаемым им мерам к обрусению края. Михаил Николаевич считал для этого недостаточным вырвать крестьянское население из рук панов и шляхты; он домогался ослабления численного преобладания польской национальности в местном землевладельческом сословии и в этих видах предполагал принять целый ряд мер, хотя и не совсем согласных с понятием о строгой справедливости при нормальном положении дел, но оправдываемых чрезвычайными политическими обстоятельствами. Так, он настаивал, чтобы, с одной стороны, формально воспретить полякам приобретать имения в крае, продаваемые по каким бы то ни было случаям, а с другой — доставить возможные облегчения и льготы русским покупщикам имений. Но первое из этих предположений встретило в Петербурге безусловное сопротивление; последовало только Высочайшее повеление, 23 марта, о выдаче ссуд и некоторых других льгот желающим покупать имения, продаваемые с публичных торгов по разным случаям, в том числе и казенные, и конфискованные[282].

Интриги польские в Петербурге беспокоили Мих<аила> Ник<олаевича> Муравьёва; противодействие, встречаемое им со стороны некоторых лиц высшего правительства, в особенности министра внутренних дел Валуева, шефа жандармов князя Долгорукова, петербургского военного генерал-губернатора князя Суворова, раздражало его и затрудняло его распоряжения. Поэтому в конце апреля, ровно через год после его назначения на должность главного начальника Северо-Западного края, он ре-

шился съездить в Петербург, чтобы лично изложить Государю положение дел в истинном его виде, расчистить путь к дальнейшим успехам, так часто преграждаемый петербургскими интригами. Прибыв в Петербург 25 апреля не совсем здоровым, генерал Муравьёв был принят Государем только через несколько дней. По собственному рассказу Михаила Николаевича, прием был сухой, и хотя Его Величество в коротких словах поблагодарил его за достигнутые в Северо-Западном крае успешные результаты, однако ж ясно было видно, что наговоры влиятельных лиц, противников муравьевского образа действий, произвели влияние на взгляд Государя. Муравьёв, со своей грубоватой откровенностью, высказал ему все, что было на душе, и объявил положительно, что не может долее оставаться на своем месте, если не будет утвержден весь ряд предположенных прежде и предлагаемых вновь мер к прочному искоренению в крае следов польской пропаганды. Государь пожелал, чтобы М.Н. Муравьёв изложил свои предположения письменно.

14 мая он представил свою записку[283], которую Государь, по прочтении, приказал обсудить в первом же заседании Комитета по делам Западного края. При этом было выражено Его Величеством предварительное согласие на главные основания предположенных мер, за исключением только одной из наиболее важных — обязательной продажи в определенный срок секвестрованных польских имений исключительно русским покупщикам.

17 и 19 мая в Западном комитете обсуждались предположения генерала Муравьёва. Оба заседания были весьма продолжительны, и споров было много. Противники Михаила Николаевича, не смея прямо оспаривать меры, на которые уже было выражено предварительное согласие Государя, старались по возможности, под каким-нибудь предлогом отложить решение вопроса, или ослабить и парализовать предположенные меры редакционными поправками и вставками. Так, все меры, касавшиеся крестьянского населения, признаны подлежащими рассмотрению Главного комитета по устройству сельского состояния; относившиеся до духовенства — положено передать оберпрокурору Синода; по некоторым вопросам оказались нужными предварительные сношения с министром финансов или другими ведомствами. Особенно продолжительны были прения по вопросу об ограничении определенной нормой числа учеников польского происхождения во всех учебных заведениях Империи. По этому вопросу оказалось неожиданное разделение голосов: предположение генерала Муравьёва об установлении одной общей нормы в 1/10 всего числа учащихся было поддержано только тремя лицами: генералом Зелёным, братом моим и... князем Долгоруковым; я же присоединился к большинству 7 голо-

сов, которые вместе с председателем признавали несообразным установление какой-либо одной общей нормы в учебных заведениях всех родов и во всех местностях, а полагали ограничивать польский элемент в большей или меньшей соразмерности, смотря по заведениям и местностям. Разногласие это было потом решено Государем в пользу меньшинства голосов и, стало быть, согласно предположению Муравьёва. Кроме этой меры, приняты Комитетом и Высочайше утверждены следующие: 1) прекращение употребления польского языка в официальном делопроизводстве и переписке; 2) ограничение числа католического духовенства и монахов; 3) перенесение католической епископской кафедры из Ворни в Ковну; 4) устройство русских поселений, в том числе из отставных солдат. Притом в журнале Комитета выражено было одобрение общего направления или главной цели действий, изложенных в записке генерала Муравьёва, то есть — признание западных губерний страной искони русской и вследствие того противодействие всякому преобладанию в крае польского элемента.

Такое единогласное формальное признание Комитетом основной идеи всей деятельности генерала Муравьёва в Северо-Западном крае было уже большим для него успехом, и хотя многие и важные вопросы из заявленных им предположений остались нерешенными, однако ж, он был настолько удовлетворен, что не имел уже причины уклоняться от продолжения начатого великого дела, пока здоровье позволяло нести это нелегкое бремя. Притом он не счел возможным выжидать в Петербурге разрешения всех возбужденных им вопросов, переданных на обсуждение в разные ведомства, так как в скором времени предстоял проезд Их Величеств через Вильну, на пути за границу. Поэтому генерал Муравьёв, откланявшись Государю, поспешил оставить Петербург и 25 мая прибыл обратно в Вильну, за два дня до проезда Их Величеств.

При последнем своем докладе Государю генерал Муравьёв просил себе помощника по гражданскому управлению краем, дабы иметь по временам отдых от тяжелых трудов, несоразмерных с силами и здоровьем. Кандидатом на эту должность он указал генерал-майора Свиты Потапова, занимавшего тогда должность начальника штаба Корпуса жандармов и управляющего III отделением Собственной Е.В. канцелярии. По всем вероятиям, Муравьёв предварительно заручился согласием на такое назначение со стороны князя Вас<илия> Андр<еевича> Долгорукова, который не прочь был иметь в Вильне «своего человека», через которого можно было бы влиять на ход дел в Северо-Западном крае; но что побудило Муравьёва выбрать себе в помощники Потапова — не могу себе объяснить. Не мог же он

И.А. Крыжановский

не знать, что Потапов, при ограниченном уме, состоя долго адъютантом при фельдмаршале князе Паскевиче, привык угодничать и лицемерить, а в последнее время, будучи ближайшим помощником князя В.А. Долгорукова, вполне подчинился его взгляду на польское дело. На предположенное назначение Потапова Государь изъявил согласие, хотя и заметил, что не считает его довольно знакомым с гражданской частью. Притом, в виду предстоявшего отъезда князя Долгорукова для сопровождения Государя за границу, признано было необходимым отложить новое назначение Потапова до возвращения Его Величества.

Предположенное назначение Потапова было не совсем приятно для генерала Крыжановского, занимавшего должность помощника генерала Муравьёва по военной части. К тому же в это самое время он серьезно занемог, что подало ему благовидный предлог просить об увольнении в продолжительный отпуск за границу для лечения, с отчислением от должности. Для замещения его, генерал Муравьёв опять обратился к прежнему кандидату, которого имел первоначально в виду на ту же должность — генерал-лейтенанту Хрущову. Я уже имел случай упо-

мянуть, что Александр Петрович Хрущов, еще с турецкой кампании 1828 и 1829 годов, а еще более с обороны Севастополя, пользовался репутацией отличного боевого офицера; притом он обладал особенными способностями привязывать к себе подчиненных, внушать к себе доверие и уважение. Но граф Берг не благоволил к нему и был недоволен его распоряжениями в Люблинском отделе*, что давало Хрущову еще большую цену в глазах Муравьёва.

Увольнение генерала Крыжановского и назначение на его место Хрущова, а на место последнего командующим 5-й пехотной дивизией и Люблинским отделом генерал-майора Костанды последовали 15 июня. Выезд Хрущова из Люблинского отдела, в котором он начальствовал в продолжение всего мятежа, с 1861 года, сопровождался самыми трогательными, задушевными прощаниями и проводами.

Может казаться странным, что я, говоря довольно обширно о делах в Царстве Польском и Северо-Западном крае, так редко упоминаю о том, что происходило в то же время в трех юго-западных губерниях. Объясняется это отчасти тем, что в этом крае вооруженный мятеж не получил такого развития, как в других частях нашей западной окраины. Все попытки польских революционеров в Галиции поднять мятеж на Волыни и в Подолии остались безуспешными, благодаря устойчивости тамошнего русского православного населения. Но из этого нельзя еще вывести заключение о полном спокойствии и благополучии этого края; напротив того, в первую половину 1864 года, когда в северо-западных губерниях все польские замыслы были окончательно подавлены и не смогли уже вновь проявляться, на юге продолжались еще в Галиции покушения внести смуту в соседние губернии: Волынскую и Подольскую. Оттуда распускались разные ложные слухи с целью возбудить неудовольствие в крестьянском населении и подстрекать подольскую шляхту к возобновлению бессильной крамолы. В мае месяце, когда генерал Муравьёв распускал сельскую стражу по миновании в ней надобности, генерал-адъютант Анненков вводил у себя новое устройство военно-

* Так, между прочим, в письме от 30 декабря 1863 года (ст. ст.) граф Берг жаловался, что генерал Хрущов не исполняет данной ему инструкции, продолжая по-прежнему посылать сильные отряды с артиллерией, вместо предписанной высылки большого числа легких, летучих колонн, так как артиллерия бесполезна, только мешает быстроте движений. «On me dit que le genéral Хрущов est un homme obstiné; dans ce cas je serai plus obstiné encore...»[284]

Перевод: «Мне говорят, что генерал Хрущов — упрямый человек; в этом случае я буду еще более упрям» *(фр.)*.

полицейского управления. В приказе его 28 мая объяснялось, что цель этого распоряжения заключалась в «успешнейшем ограждении спокойствия в крае и предупреждении беспорядков посредством революционной пропаганды». Во всех трех губерниях учреждено было 6 военно-полицейских управлений; каждое из них заведовало несколькими смежными уездами. В голове управления поставлен был штаб-офицер, при котором учреждена военно-следственная комиссия.

Учреждение это с первого взгляда как бы соответствовало военно-уездному управлению, введенному в предыдущем еще году в Северо-Западном крае и потом в Царстве Польском. Однако ж, в сущности, было важное различие. В Юго-Западном крае военно-полицейское управление поставлено было совершенно особняком, без определенной связи с гражданским (губернским и уездным) управлением, так и с военными начальниками отрядов. Можно было вперед предвидеть, что принятая чрезвычайная мера, несогласованная с общей организацией местного управления, поведет к столкновениям и недоразумениям.

С восстановлением спокойствия и порядка на западной нашей окраине и минованием всяких опасений внешней войны, открылась возможность уменьшить боевые наши силы в трех западных округах и вместе с тем распределить войска согласно условиям мирного времени. С наступлением лета начались передвижения войск. 1-й гренадерской дивизии предстояло возвратиться из Финляндии в Москву*; но предварительно назначено было ей участвовать вместе с гвардией в лагерном сборе под Красным Селом. Из состава 3-го резервного корпуса две дивизии, 23-я и 24-я, должны были переместиться в окрестности Петербурга и временно поступить под начальство командира Гвардейского корпуса, впредь до образования Петербургского военного округа; 25-я же дивизия должна была перейти в Прибалтийский край.

В связи с этими перемещениями войск произошла и перемена в начальствующих лицах. Командир 2-го резервного корпуса

* Выступление гренадер из Финляндии сопровождалось трогательными проводами и разными изъявлениями сочувствия со стороны жителей к русским солдатам и офицерам. В Гельсингфорсе 14 июня начальником дивизии генерал-адъютантом Кушелевым и полковыми командирами дан был парадный обед в местном клубе в честь генерал-губернатора барона Рокасовского и местных управлений Финляндии, а на следующий день сам барон Рокасовский дал бал в честь офицеров выступавшего Несвижского гренадерского полка. Нижние чины того полка были угощены завтраком. Толпа народа провожала полк при посадке его на суда. Финляндцы отзывались с большими похвалами о поведении и обращении солдат во всех местах стоянки 1-й гренадерской дивизии.

генерал-адъютант Сталь-фон-Гольштейн, по расстроенному здоровью, уволен от должности (30 апреля), и так как предстояло в скором времени упразднение корпусов с учреждением военных округов, то открывшаяся должность командира 2-го резервного корпуса осталась не замещенной, а войска этого корпуса были временно подчинены генерал-адъютанту Гильденштуббе, с сохранением ему прежнего звания командира 3-го резервного корпуса.

Пока заканчивались еще работы по составлению Положения о военно-окружном управлении и принимались подготовительные меры к предстоявшему открытию новых округов, признано было полезным, не ожидая утверждения означенного Положения, неотлагательно учредить на временных основаниях один из предположенных округов — Рижский. Приказом 30 же апреля, расположенные в трех прибалтийских губерниях войска (25-я пехотная дивизия и некоторые мелкие части) подчинены местному генерал-губернатору, с присвоением ему звания командующего войсками Рижского округа. Самое же назначение на эту должность генерал-адъютанта барона Ливена объявлено только 10 мая.

25 марта последовало Высочайшее повеление о присвоении всем пехотным и кавалерийским полкам армии общей нумерации, так чтобы каждый полк именовался своим номером с добавкой своего исторического названия. 4 мая Высочайше повелено уволить немедленно в отставку всех нижних чинов, выслуживших 20 лет и более. Увольнение же в бессрочный отпуск и приведение войск в мирные составы было отложено до прибытия в полки рекрут и до окончания летних лагерных сборов. Предположенное значительное сокращение численной силы войск было бы неосторожно привести в исполнение сразу; необходимо было соблюсти в этом случае обдуманную постепенность, дабы в составе частей войск не слишком ослабить основной кадр старослужащих солдат при несоразмерно большом числе самых молодых солдат и рекрут.

Несмотря на предстоявшее приведение армии в мирный состав, Военное министерство все еще было озабочено недостаточным числом офицеров. При совершившемся в последнее время громадном развитии кадров армии вновь сформированными частями пехоты и артиллерии, существовавший и прежде некомплект офицеров увеличился до огромной цифры. Поэтому, независимо от разных мер, придуманных для удержания офицеров от бегства из строя и для привлечения вновь офицеров на службу, признано было нужным и в 1864 году, по прошлогоднему примеру, ускорить выпуск из военно-учебных заведений. Немедленно по окончании годичных экзаменов, 23 мая, представ-

лены были на смотр Государю выпускные воспитанники петербургских заведений в составе сводного батальона и эскадрона, и в тот же день все они были произведены в офицеры.

ПРЕБЫВАНИЕ ГОСУДАРЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ. 26 МАЯ — 10 ИЮЛЯ

Здоровье императрицы давно уже внушало такие опасения, что врачи признали для нее необходимым провести предстоявшую зиму в южном климате; предварительно же, в течение лета, как Ее Величеству, так и Государю советовали пользоваться Кисингенскими минеральными водами.

26 мая, утром, Их Величества выехали из Царского Села по железной дороге, за границу, с младшими детьми: великими князьями Сергеем и Павлом Александровичами и великой княжной Марией Александровной. Свиту их составляли обер-гофмаршал граф Андрей Петрович Шувалов, шеф жандармов князь В.А. Долгоруков, генерал-адъютант граф Александр Владимирович Адлерберг, генерал-адъютант граф Ламберт 2-й, флигель-адъютант Рылеев, лейб-медики Карель и Гартман; из дам: статс-дама графиня Протасова, фрейлины баронесса Фредерихс и Тютчева; затем чины Военно-походной канцелярии и Управления Императорской главной квартиры.

Вице-канцлер князь Горчаков должен был выехать несколько дней позже и прибыть прямо в Кисинген. На время отсутствия его, управление Министерством иностранных дел возлагалось на товарища его, тайного советника Ник<олая> Алекс<еевича> Муханова.

В первый день путешествия Их Величества доехали до Динабурга, где назначен был ночлег. На другой день утром, перед выездом из крепости, Государь принял депутацию от местных жителей и отнесся в особенности милостиво к крестьянам, которых благодарил за усердное содействие усмирению мятежа. В Вильне была блестящая встреча Их Величеств на воксале железной дороги; отсюда генерал Муравьев проводил Государя до границы, а в Ковне присоединился и граф Берг, который ловил каждый случай, чтобы иметь личный доклад у Государя и на коротком переезде от Ковны до Вержболова вручить Его Величеству пачку разных докладных и памятных записок. Иногда ему удавалось выманить при этом и прямо Высочайшие разрешения по таким вопросам, которые особенно занимали его и по которым он имел мало надежды достигнуть желанной цели узаконенным путем, через надлежащее министерство.

28 мая, вечером, объехав Берлин по соединительной ветви железной дороги, Их Величества прибыли в Потсдам. На стан-

ции их встретил король Вильгельм с многочисленной свитой и почетным караулом, а во дворце ожидали члены королевской фамилии.

29-го числа Их Величества пробыли в Потсдаме. Утром происходил блестящий смотр войскам на Темпельгофском поле. Императрица присутствовала в экипаже с некоторыми из принцесс. Потом Их Величества и вся свита были приглашены на большой парадный обед в оранжерее, а вечером было собрание на половине Их Величеств императора и императрицы*.

На пути из Потсдама в Кисинген Их Величества остановились в Дармштадте, где провели два дня. Императрица отдохнула здесь в родной семье от утомительного дня в Потсдаме и от сильных жаров в пути. 2 июня Их Величества прибыли в Кисинген и в следующий же день начали свой курс лечения.

Вилла, где приготовлено было помещение для Их Величеств, составляла принадлежность (флигель) так называемого «кургауза»; тут же поместилась почти вся свита, а потом и князь Горчаков с бароном Жомини и небольшой канцелярией.

Наш вице-канцлер прибыл в Берлин вечером того же дня, когда Их Величества выехали из Потсдама. День 31 мая провел он в столице Пруссии, имел продолжительную беседу с Бисмарком, в присутствии посланника Убри, а вечером был принят самим королем вместе с Бисмарком**. 1 июня князь Горчаков продолжал путь в Кисинген, а король Прусский отправился в Карлсбад, куда должен был потом приехать и министр-президент Бисмарк.

На время отсутствия Государя, по прежним примерам, в Петербурге была учреждена, секретным распоряжением, правительственная комиссия; на этот раз председательство в ней возложено было на великого князя Николая Николаевича (так как великий князь Константин Николаевич оставался за границей). Комиссия состояла из князя П.П. Гагарина, министра юстиции графа Вик<тора> Никит<ича> Панина, министра внутренних дел П.А. Валуева и меня. Указы о составе комиссии и о предоставленных ей правах были объявлены нам, членам, только по отъезде Государя. Вместе с тем каждому из министров дана была

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Перед выездом из Потсдама утром 30-го числа розданы были по обыкновению русские ордена и другие награды множеству лиц из свиты короля, придворных и военных начальников. Командира прусской гвардии принца Августа Вюртембергского (брата великой княгини Елены Павловны) Государь назначил шефом нашего 9-го уланского Бугского полка» *(примеч. публ.)*.

** Далее в автографе зачеркнуто: «В тот же день, а также и на следующий происходили весьма продолжительные совещания между прусскими министрами» *(примеч. публ.)*.

инструкция о порядке делопроизводства в отсутствие Государя: только немногие доклады посылались за границу непосредственно Его Величеству, с фельдъегерями, отправляемыми по два раза в неделю. По прочим делам, подлежавшим в обыкновенном порядке Высочайшему разрешению, министры должны были или представлять в правительственную комиссию, или разрешать сами. Каждую неделю с фельдъегерем представлялся Государю реестр данных комиссией от Высочайшего имени разрешений.

Вслед за отъездом Государя брат мой нашел нужным снова побывать в Варшаве, чтобы личным участием в ходе крестьянской реформы облегчить князю Черкасскому, Я.А. Соловьёву и А.И. Кошелеву ведение этого дела в беспрерывной борьбе с наместником, который, не сочувствуя общему направлению предпринятых преобразований, употреблял разные ухищрения, чтобы парализовать действия брата моего и его сотрудников*.

К приезду своему в Варшаву брат мой собрал туда главных деятелей крестьянских комиссий с тем, чтобы они отдали отчет о результатах объезда своих участков, представили собранные ими на местах данные и получили новые наставления для дальнейшего ведения дела. Брат провел в Варшаве все время, пока Государь оставался за границей. В продолжение этого времени заграничные поляки пытались было подействовать на Государя через князя Горчакова, подав ему записку, заключавшую в себе гнусные изветы на действия крестьянских комиссий в Царстве Польском. Но происки эти не удались: по Высочайшему повелению записка была препровождена к брату на его заключение.

Что касается меня, то во все продолжение отсутствия Государя я оставался в Петербурге, стараясь воспользоваться этим временем, чтобы усилить работы по министерству; в особенности же, чтобы ускорить окончательное обсуждение в Военном совете проекта Положения о военных округах и принимавшиеся тогда подготовительные меры к предстоявшему открытию новых округов.

Значительную часть этого лета я провел один, без семьи, которая была приглашена моей сестрой Мордвиновой погостить у нее в имении Никольском, Псковской губернии, на р. Шелони, в том самом, где некогда и я провел лето, именно в 1856 году, перед назначением на Кавказ. Старшая дочь, Елизавета, по совету врачей, отправилась в начале июня для лечения в Старую Руссу, со своей теткой Дорой Михайловной Понсэ. Сын мой, находившийся тогда в университете, провел вакантное время

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Для этого граф Берг старался противопоставить им личности противоположного направления» *(примеч. публ.)*.

частью в Старой Руссе, частью в Никольском. Жена моя с большей частью семьи выехала из Петербурга 16 июня вечером по Николаевской железной дороге до Чудова, а далее по Волхову на Новгород.

Мне не удалось проводить свою семью на железную дорогу, как я намеревался; за несколько часов до ее отъезда случилась на Охтенском пороховом заводе страшная катастрофа, заставившая меня немедленно поспешить на место происшествия.

Весь город был встревожен раздавшимся в $2^1/_2$ часа пополудни гулом взрывов, от которых задрожали окна даже в центральных частях Петербурга; на воздух поднялись громадные клубья беловатого дыма. Пожарные команды всех частей города немедленно поскакали на Охту и застали значительную часть заводских построек (фабрик) в огне. Распространение пожара угрожало новыми, еще ужаснейшими взрывами в соседних строениях, наполненных порохом и воспламеняющимися материалами. Ввиду страшной опасности, пожарные команды под непосредственным распоряжением брандмайора полковника Элермана действовали с геройской неустрашимостью, в присутствии прибывших на место военного генерал-губернатора князя Суворова и товарища генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютанта Баранцова. Когда я приехал на место, распространение огня было уже остановлено и опасность новых, еще более ужасных бед устранена; но окончательно пожар потушен только в течение наступившей ночи.

Страшный вид представлял «городок», то есть выжженное пространство заводских построек и ближние его окрестности. По всем признакам, первый взрыв произошел в одной из вододействующих «фабрик», где пороховой состав перемешивается в кожаных бочках. Что именно произвело этот взрыв — так и осталось неизвестным; но по всем вероятиям, какая-то совершенно случайная, независящая от человеческой воли причина, так как в то время ни одного рабочего не было внутри взорванной фабрики. Рабочие обыкновенно входят в постройки этого рода только для того, чтобы вложить в бочки «закладку», и потом, когда механизм пущен в движение, уходят за новой закладкой. От взрыва первой бочечной фабрики воспламенились быстро одна за другой и соседние бочечные же фабрики, а потом и другие заводские строения: крутильня, прессы призматического пороха, чистильня, разымочная, насосочная и, наконец, сушильня. Один взрыв за другим следовали так скоро, что находившиеся в городке люди не могли определить ни числа взрывов, ни последовательности их. Рабочими овладел панический страх; они бросались, кто куда попал; некоторые даже в воду, где и погибли. Кругом взорванных строений все было истреблено и повалено;

большие деревья вырваны с корнями; везде разбросаны на дальние расстояния обломки построек, машин, а местами — изуродованные трупы погибших людей. Начальник завода, генерал-майор Венден, и его помощники, прибежав в городок, в первые минуты не могли ничего предпринять: так все люди были ошеломлены неожиданной катастрофой. Тогда только принялись за тушение пожара, когда подоспели свежие люди — рабочие с капсюльного завода, три роты квартировавшего на Охте Беломорского пехотного полка, а затем и первые пожарные команды из города. В первый день не было возможности привести в известность число жертв и размер вещественных потерь от случившегося несчастья; только впоследствии выяснилось, что всех людей, убитых и смертельно изувеченных было 12, столько же тяжело изувеченных, но оставшихся в живых, и до 54 пострадавших сравнительно легко. Пороху истреблено почти до 5 тысяч пудов, кроме других материалов, не осталось почти ни одного строения в городке, вовсе не пострадавшего от взрывов. Даже в окрестности на версту в радиусе разбиты были стекла, вырваны рамы и двери.

Обходя печальное пепелище, я не только скорбел о пострадавших людях, но и горевал о том, что главный наш пороховой завод должен на долгое время приостановить свое производство и тогда именно, когда нам было настоятельно необходимо пополнять скудный наш запас пороха. Поэтому мы с Александром Алексеевичем Баранцовым тут же положили принять неотлагательно самые энергические меры к восстановлению завода, с тем притом условием, чтобы воспользоваться данными уже нам печальными уроками и придумать такое устройство заводских строений, которое устранило бы опасность общего пожара от такого частного, самого незначительного случая воспламенения пороха в какой-либо одной из частей завода*. Опыт не только у нас, но и во всех иностранных государствах доказал, что подобные случаи неотвратимы, что никакая человеческая предусмотрительность не может обеспечить пороховой завод от подобных частных случаев; следовательно, остается только добиваться, чтобы, так сказать, локализовать беду, ограничить ее самыми незначительными размерами. Такая цель и была поставлена в обязанность учрежденной вслед за тем комиссии под председательством инспектора пороховых заводов генерал-лейтенанта Яфимовича, для составления проекта переустройства Охтенского завода. Другая комиссия была образована под председательством

* Это был вторичный взрыв на Охтенском заводе после еще более страшного в 1858 году.

М.М. Яфимович

артиллерийского генерал-лейтенанта Кузмина, для расследования случившейся 16 июня катастрофы.

Странные бывают случайности совпадения фактов, друг от друга совершенно независимых. В тот же день, когда произошло несчастье на Охтенском заводе, чуть было не случилось то же самое на Казанском пороховом заводе. 16 же июня, в $6^1/_2$ часов утра, и там, в одной из фабрик воспламенился изготовлявшийся состав «саксофрагина» (особого сорта пороха для разрыва камней). Хотя при этом не было собственно взрыва, однако ж, пламя, охватившее мгновенно всю постройку, могло легко распространиться на соседние, близко друг от друга расположенные строения, в которых находился порох, если б не удалось с помощью сбежавшихся рабочих и подоспевшей из города пожарной команды остановить распространение огня. При этом никто из людей не потерпел ни увечья, ни обжога.

При тогдашнем настроении умов, особенно в восточном крае, где беспрестанно случались пожары, приписываемые умышленным поджогам, совпадение в один и тот же день взры-

вов на двух отдаленных друг от друга пороховых заводах естественно подало повод к подозрению злого умысла. Однако ж, при рассмотрении обоих случаев не нашлось никаких данных, которые сколько-нибудь могли бы подкрепить такие подозрения.

В Кисингене Государь и императрица вели образ жизни, по возможности, частных лиц, под псевдонимом графа и графини Бородинских; вставали они рано и каждое утро, в 7 часов, уже были у источника в курзале. Кроме питья минеральной воды, Их Величества ездили в так называемые «салины» (солончаки в четверти часа езды от Кисингена) и там брали ванны. Иногда Государь ходил туда пешком, и тогда на дороге собирались кучки поселян из окрестных деревень, чтобы приветствовать освободителя двадцати миллионов народа от рабства. Государь нередко останавливался и радушно разговаривал с поселянами.

Вслед за приездом Их Величеств в Кисинген, прибыли туда, 4 июня, император и императрица Австрийские; для них приготовлено было помещение в нескольких шагах от виллы, занятой русским императором. В тот же день оба императора обменялись визитами; два дня спустя, 6-го числа, то же сделали обе императрицы. 5-го числа приехал в Кисинген великий князь Константин Николаевич, а затем начали съезжаться один за другим: юный, 18-летний король Баварский Людовик II (незадолго перед тем наследовавший своему отцу Максимилиану I), великие герцоги Ольденбургский и Мекленбургский, наследный принц Вюртембергский, герцог Кобургский, принц Александр Гессен-Дармштадтский и другие принцы германские. Наехало и немало государственных людей и дипломатов разных наций: из русских — посланник при Баварском дворе Озеров (Иван Петрович), послы в Лондоне и Париже барон Бруннов и барон Будберг, посланник в Турине генерал-адъютант граф Стакельберг и другие. При императоре Австрийском находился министр иностранных дел граф Рехберг, а при короле Баварском — первый министр фон-дер-Пфортен.

Таким образом, маленький, скромный городок Кисинген обратился на несколько недель в шумный и блестящий сборный пункт владетельных особ, принцев и государственных сановников. Беспрерывные торжества, праздники, приемы, обеды, иллюминации составляли резкую противоположность тем санитарным условиям, которые были желательны для пользующихся минеральными водами. В особенности же для нашей императрицы этот суетливый и шумный образ жизни был утомителен и не по душе, а вдобавок и погода весьма мало благоприятствовала лечению. Ее Величество очень мало показывалась в публике и только иногда, в хорошие дни, каталась с детьми или с Госу-

дарем. Зато императрица Австрийская привлекала общее внимание в курзале и на прогулках своей красивой наружностью и изящными туалетами. Любопытная публика также толпилась около обоих императоров, несмотря на их инкогнито*. Наш вице-канцлер обращал на себя не меньшее внимание, когда расхаживал по аллеям под руку с графом Рехбергом или кем-нибудь другим из названных государственных людей. Князь Горчаков вообще был в то время в большой моде: фотографические его изображения распродавались нарасхват.

Съехавшиеся в Кисинген государи имели ежедневные свидания; личные между ними отношения были самые дружественные и радушные. Королю Баварскому Государь предложил (8/20 июня) звание шефа русского полка — 1-го С.-Петербургского уланского, которого шефом был прежде отец его, покойный король Максимилиан I. Впрочем император Франц-Иосиф пробыл в Кисингене недолго: 10/22 июня он выехал оттуда в Карлсбад на свидание с королем Прусским. Там же пользовалась водами великая княгиня Елена Павловна.

Карлсбад, в свою очередь, сделался политическим центром, на который обратилось внимание всей Европы. Вообще эти съезды государей с их министрами иностранных дел, обмен взаимных между ними вежливостей сильно подстрекали любопытство и подавали повод к бесконечным толкам и догадкам в обществе и печати. Придумывали разные политические комбинации, более или менее несбыточные. Одна из лондонских газет («Morning Post») выступила даже с подложными документами, будто бы разоблачающими переговоры между Россией, Пруссией и Австрией о восстановлении Священного Союза. Хотя немедленно же появились официальные опровержения этой мистификации и в печати, и в английском парламенте (22 июня / 4 июля), однако ж газетная эта проделка все-таки произвела на некоторое время впечатление, особенно во Франции.

При тогдашнем напряженном положении европейской политики, наши дипломаты и полуофициальный орган Министерства иностранных дел успокаивали общественное мнение, утверждая, что пребывание Государя в Кисингене имеет исключительной целью пользование минеральными водами для укрепления здоровья. Находившийся в то время на водах в Крейцнахе граф Муравьёв-Амурский писал мне 15/27 июня: «Слышу, что в Кисингене политикой не занимаются, чему впрочем я искренне радуюсь, тем более что положение там нашего Государя, без политических целей и занятий, чрезвычайно почетно, и хотя наш курс на бирже все падает, но значение России против прошло-

---

* Император Франц-Иосиф путешествовал под именем графа Hohenembs.

годнего так возвысилось, что и ожидать было нельзя. Только не распускайте 47 дивизий пехоты, которые, по моему личному мнению, наиболее способствовали этой благоприятной для нас перемене...»[285]

В действительности, присутствие Государя и князя Горчакова в Кисингене, хотя и не имело политического значения, однако ж, и не совсем было чуждо тогдашним политическим делам. Главным, животрепещущим вопросом для Европы был в то время датский. После тяжкого удара, нанесенного бессильной Дании соединенными силами Австрии и Пруссии, велись еще переговоры об условиях мира и решалась будущая участь герцогств Шлезвига и Гольштинии, послуживших яблоками раздора. Во всем этом позорном для Европы деле вопиющего насилия двух больших держав над слабой, маленькой Данией, Петербургский кабинет постоянно действовал в смысле умеряющем и примиряющем. В том же духе старался Государь повлиять и при личных своих свиданиях с монархами Австрии и Пруссии, так же как и князь Горчаков в своих совещаниях с государственными людьми обеих держав. Кроме того, в Кисингене 7/19 июня подписан Государем* формальный акт, которым император Российский уступил в пользу великого герцога Ольденбургского свои исторические права на наследство герцогств Шлезвиг-Гольштинии. Чтобы выяснить значение этого акта, необходимо изложить несколько обстоятельнее предшествовавший ход датского вопроса, что и полагаю сделать ниже в особой статье, дабы не разорвать связи рассказа, тем более что при этом изложении придется коснуться и других сторон европейской политики того времени.

Во время пребывания Их Величеств в Кисингене скончался в Ницце 13/25 июня король Вюртембергский Вильгельм I, на 83 году жизни, старейший из всех государей Европы и по летам, и по времени вступления на престол (в 1816 году). Он был в тройном родстве с российским Императорским домом**. Наследовал ему сын, принц Карл, супруг великой княгини Ольги Николаевны, которая таким образом сделалась королевой Вюртембергской.

---

* и контрассигнирован князем Горчаковым и бароном Жомини.

** Король Вильгельм I был сначала женат на великой княжне Екатерине Павловне, овдовевшей после смерти первого ее мужа принца Фридриха-Георгия Гольштейн-Ольденбургского. Одна из дочерей от брака короля Вюртембергского с великой княжной Екатериной Павловной сделалась королевой Нидерландской. От второго же брака короля с принцессой Полиной Вюртембергской родился наследный принц Карл, вступивший в 1846 году в брак с великой княжной Ольгой Николаевной. Наконец, король Вильгельм I приходился родным дядей великой княгине Елене Павловне, дочери принца Павла Вюртембергского, умершего в 1852 году.

22 июня выехал из Кисингена обратно в Госларь великий князь Константин Николаевич, и в тот же день вечером приехал Наследник Цесаревич Николай Александрович, выехавший из Петербурга 18 июня в сопровождении своего попечителя генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова, флигель-адъютанта полковника Рихтера и еще нескольких лиц, в числе которых был и профессор Б.Н. Чичерин*. Здоровье Наследника Цесаревича было в то время вполне удовлетворительно; в самый день приезда своего в Кисинген он появился вечером на прогулке в «кургартене» и обратил на себя общее внимание своей привлекательной наружностью и обходительностью.

24 июня императрица Австрийская Елизавета выехала из Кисингена в Вену, а 1 июля Государь, кончив курс вод, отправился через Дармштадт, Майнц, Кельн и Утрехт в летнее местопребывание вдовствующей королевы Нидерландской Анны Павловны. Повидавшись со своей теткой, Его Величество на другой же день возвратился в Кисинген, а 3 июля, вместе с Императрицей и детьми, переехал в Швальбах, куда прибыл и Наследник Цесаревич. В тот же день выехал из Кисингена и король Баварский. Муниципалитет кисингенский устроил на прощание с Их Величествами, накануне их выезда, вечерний праздник с иллюминацией и фейерверком, а утром перед самым выездом, толпы народа с музыкой стеклись, чтобы проститься с отъезжавшими и проводили их криками «ура».

На пути из Кисингена в Швальбах, Их Величества останавливались для обеда во Франкфурте, а потом в Висбадене посетили русскую церковь. В Швальбахе Государь пробыл всего три дня. 5-го числа, простившись с императрицей и детьми, он отправился в обратный путь в Россию. Императрица осталась с детьми в Швальбахе для дополнительного курса тамошних минеральных вод.

На обратном своем пути в Россию Государь провел день (6-го числа) в замке Вильгельмсталь (близ Эйзенаха) с великим герцогом Саксен-Веймарским, посетил в тот же день вечером, в Веймаре, могилу покойной великой княгини Марии Павловны, и здесь, во вновь воздвигнутой часовне, отслужена была панихида, после которой Государь продолжал путешествие. День 7-го числа он провел у вдовствующей королевы Прусской в замке Бабельберг (близ Потсдама), а затем, проехав без остановки через Берлин, прибыл 8 июля в 10 часов вечера в Вильну.

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Цесаревич на пути своем перекочевал в Берлин и Бромберг, а в Швейнфурте встретился с королем Баварским Людвигом II, который проводил до этого города великого князя Константина Николаевича и возвратился в Кисинген вместе с Наследником Цесаревичем» *(примеч. публ.)*.

На этом переезде, по приказанию Государя, не было никаких почетных встреч. Только на границе, в Вержболове, ожидал граф Берг, которого Государь пригласил ехать в царском поезде до Вильны. Брат мой, зная обычную сноровку наместника пользоваться такими случаями, чтобы эскамотировать какое-либо непосредственное разрешение Государя, оставался в Варшаве до времени возвращения Его Величества из-за границы и выехал с таким расчетом, чтобы встретить его в Вильне. По приезде туда поздно вечером, Государь остался там ночевать. На станции железной дороги встретились граф Берг с Муравьевым. Очевидцы рассказывали, что были удивлены намеренным невниманием последнего к приехавшему соседу, для него даже не было приготовлено ни экипажа, ни квартиры. Брата моего Государь принял очень милостиво и предложил ему на другой день сопутствовать Его Величеству до Петербурга.

9-го числа, в 7 часов утра, назначен был Высочайший смотр собранным под Вильной войскам. Государь нашел эти войска в отличном состоянии и выразил свою благодарность генералу Муравьёву назначением его шефом 101-го Пермского полка. Остановившись перед фронтом этого полка, Государь сам скомандовал «на караул» и первый провозгласил «ура» в честь нового шефа. Муравьёв был глубоко растроган этим неожиданным выражением особенного царского внимания. Вообще Государь на этот раз обошелся с ним весьма благосклонно и одобрил все принятые и предположенные им меры к обрусению края. Можно сказать, что в это время М.Н. Муравьёв был на высшей точке почета и славы; в крае, ему вверенном, все преклонялось перед его силой и твердой волей; подчиненные его из русских людей смотрели на него, как на опору русского владычества в стране; во всей России гремела слава укротителя польской смуты; отовсюду посылались ему приветственные адресы и телеграммы, подносились иконы.

По окончании смотра войск, Государь прямо проехал на станцию железной дороги, где принял милостиво депутацию от крестьян; польским же дворянам и духовенству было отказано в приеме. В тот же день, под вечер, происходил смотр войскам под Динабургом. Здесь, вместе с войсками, перед Государем прошла довольно стройно временно сформированная конная милиция, предназначенная уже к роспуску. После прохождения ее, Государь подъехал к этой импровизированной коннице и в самых задушевных словах благодарил за услуги, оказанные во время мятежа верным крестьянским населением. Войсками и здесь Государь остался вполне доволен и вторично выразил свою благодарность генералу Муравьёву. Вообще проезд Его Ве-

личества произвел в Северо-Западном крае весьма выгодное впечатление: русские ликовали, а поляки повесили носы.

В Динабурге Государя встретили молодые великие князья Алексей Александрович и Николай Константинович, приехавшие туда из Риги, где в то время стояла эскадра, снаряженная для практического плавания великих князей. Эскадра эта, состоявшая из фрегата «Светлана», клиперов «Изумруд» и «Яхонт» и нескольких меньших судов, под начальством контр-адмирала Посьета, вышла из Кронштадта 17 июня, заходила в Ревель и в некоторые другие прибрежные пункты, а 3 июля прибыла к Риге. Великие князья на фрегате «Светлана» отбывали службу наравне с находившимися на том же фрегате морскими кадетами и носили кадетскую же форму. При них состояли, кроме самого контр-адмирала Посьета в качестве главного наставника, капитан 2-го ранга барон Мирбах, капитан-лейтенант барон Шилинг, протоиерей Рождественский и англичанин Мичин. Великие князья приехали из Риги в Динабург вместе с генерал-губернатором генерал-адъютантом бароном Ливеном и, отобедав с Государем, остались там ночевать, а на другой день возвратились в Ригу на эскадру, которая в тот же вечер снялась с якоря и продолжала свое практическое плавание по Балтийскому морю.

Государь, простившись в Динабурге с Муравьёвым, прибыл 10 июля, в 6 часов утра, в Царское Село.

КАВКАЗ

1864 год можно назвать последней страницей в истории кавказской вековой войны; это год окончательного умиротворения края, не знавшего мира с незапамятных времен.

Уже к концу предшествовавшего года на всем Кавказе оставалось непокорной русской власти лишь незначительная часть горского населения, скучившаяся в узкой приморской полосе, от устья Джубы до границы Абхазии, на протяжении каких-нибудь 150 верст. На всем остальном пространстве края местное население уже вполне успокоилось и подчинилось русскому управлению. Только в одном уголке Чечни спокойствие это едва было не нарушилось в самом начале 1864 года мгновенной вспышкой магометанского фанатизма.

Занесенное в этот край каким-то фанатиком Кунта религиозное учение «зикры» начало привлекать к себе довольно значительное число приверженцев[286]. Так как оно имело значение чисто религиозной секты, основанной на строгом благочестии, то местное начальство первоначально не считало его опасным; но среди восприимчивого и увлекающегося населения чеченско-

го учение это скоро приняло оттенок политический; Кунта из прежнего апостола обратился в революционера, и среди последователей его начало проявляться сопротивление местным властям. Начальник Терской области генерал-лейтенант Лорис-Меликов признал необходимым арестовать главу секты Кунту и выслать его из края. Мера эта возбудила среди его приверженцев сильное волнение; толпы «зикристов» начали собираться сперва у чеченского аула Герменчук, а потом у Шали. К счастью, большинство чеченского населения не сочувствовало фанатикам; старшины окрестных селений даже пытались склонить мятежников к покорности; но те упорствовали, и тогда, по распоряжению генерала Лорис-Меликова, собран был наскоро небольшой отряд под начальством генерал-майора князя Туманова (начальника Среднего отдела Терской области). Отряд этот двинулся против бунтовщиков, и 18 января у Шали произошел небывалый бой: толпа из 3 тысяч фанатиков, пеших и конных, и в том числе даже нескольких женщин, без выстрела, с одними шашками и кинжалами, бросилась с исступлением на общее каре, составленное из 6 батальонов. Войска подпустили мятежников на самое близкое расстояние и затем открыли батальный огонь, от которого мгновенно вся толпа бросилась бежать, оставив на месте до 150 тел.

Этот удар произвел решительное действие и положил сразу конец безрассудной попытке. Все окрестные племена не только не помогли бунтовщикам, но предложили русским властям свое содействие для восстановления в крае спокойствия. Разбитое скопище зикристов рассеялось по разным аулам и притаилось. По приказанию генерала Лорис-Меликова, старшины сами забирали скрывавшихся вожаков мятежа и представляли их начальству.

Такая быстрая развязка вспыхнувшего мятежа и в особенности настроение, выказанное при этом большинством населения Чечни и Нагорного Дагестана, вполне успокоили главное кавказское начальство с той стороны и позволили ему сосредоточить все внимание и силы на прибрежье Черного моря. Хотя большая часть горцев, бежавших с северных склонов Кавказского хребта к морю, равно как и местных племен самого прибрежья (шапсугов, убыхов, джигетов) уже решились совсем покинуть родину и переселялись в Турцию, однако ж, кавказское начальство считало нужным против этих жалких обрывков непокорного горского населения направить с сухого пути и с моря такие громадные силы, каких не случалось еще сосредоточивать ни в одну из прежних кавказских экспедиций в самые тяжелые эпохи нашей борьбы с горцами. По составленному в Тифлисе общему плану действий, положено было генерал-адъютанту

графу Евдокимову с войсками Кубанской области двинуться с северной стороны хребта на южную и вдоль морского берега, а в то же время войскам закавказским под начальством кутаисского генерал-губернатора генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского произвести десант в устье р. Мзымты. Распоряжения по морской части принял на себя главный командир Николаевского порта генерал-адъютант Глазенап, а общее начальство предоставил себе лично сам великий князь Михаил Николаевич.

В течение зимы войска Кубанской области разрабатывали дороги через горные перевалы, а во вторую половину февраля граф Евдокимов уже предпринял действия на южный склон хребта несколькими колоннами: главная (или Даховский отряд), под начальством генерал-майора Геймана, направлена через хребет по долине Пшиша в долину Туапсе; другая колонна (или Джубский отряд), генерал-майора графа Сумарокова-Эльстона, должна была из долины Псекупса следовать в долину Шапсуго и далее вдоль морского берега на соединение с первой колонной; а для связи между обеими колоннами генерал-майор Свиты Граббе двинулся от верховья Псекупса в верховья Туапсе. Сам граф Евдокимов находился при колонне генерала Геймана.

21 февраля эта колонна перевалила через хребет и беспрепятственно спустилась до самого устья Туапсе (где находилось некогда укрепление Вельяминовское). Население южного склона гор покинуло свои места жительства и частью выселилось уже в Турцию, частью готовилось еще к отправлению. Очищение всех долин между Джубом и Туапсе дало возможность приступить к устройству ряда постов вдоль последней этой долины и затем упразднить все оставшиеся позади кордонные линии Кубанской области. 4 марта колонна Геймана двинулась далее к р. Псезуапе и на другой день заняла без сопротивления место бывшего форта Лазарева. С 6-го по 16-е число войска осматривали местность по долинам между Туапсе и Псезуапе. Все шапсугское население, покинув свои дома, собралось к устью Туапсе в ожидании судов для перевозки в Турцию.

Узнав, что на пространстве между Псезуапе и Шахе собирается скопище убыхов с намерением вступить в бой, генерал Гейман, не дав времени горцам собраться в больших силах, немедленно двинул свой отряд тремя колоннами и смело атаковал скопище в занятых им завалах. Угрожаемые обходом, горцы бежали и понесли большую потерю; с нашей стороны урон был незначительный. Генерал Гейман продолжал движение вдоль берега, к реке Шахе, а 25 марта дошел до устья Сочи — места бывшего укрепления Навагинского. На пути его встречали туземные всадники, число которых постепенно все возрастало, а с приближением к Сочи явился и главный старшина убыхов, тот

самый, который руководил сборищем, оказавшим последнее сопротивление. Он объявил от имени всего племени намерение выселиться в Турцию. Ему предложено было собрать к 30 марта на Соче старшин от всех окрестных племен для представления их самому главнокомандующему, которого в то время ожидали в отряде.

Великий князь, выехав из Тифлиса 28 марта, через Поти и Сухум, прибыл 2 апреля к устью Сочи. Собравшимся тут старшинам убыхов, джигетов и ачипсоу Его Высочество объявил, что все население горское, желающее выселиться в Турцию, должно собраться на указанных пунктах морского берега; на сбор их и отправление назначил месячный срок и обещал принять со своей стороны меры к облегчению переезда морем. Старшины выслушали это объявление с покорностью, даже с благодарностью, и затем Его Высочество возвратился в Поти. По распоряжению его, зафрахтовано было для перевозки горцев несколько транспортных судов и назначены некоторые из военных судов; со стороны же турецкого правительства, по предварительному сношению, обещано было прислать для той же цели 3 фрегата и 2 парохода (без вооружения).

Таким образом, русская власть окончательно водворилась на всем протяжении Кавказского побережья; дело покорения Кавказа казалось уже законченным, и в дальнейших военных действиях надобность миновала. Но такая преждевременная и почти бескровная развязка не входила в расчеты многих личностей, жаждавших новой боевой славы; в самой среде ближайших сподвижников великого князя главнокомандующего были недовольные на графа Евдокимова за то, что он повел дело слишком поспешно и покончил прежде, чем разыгран был предположенный блестящий эпилог великой кавказской эпопеи. Нужно было хотя чем-нибудь потешить войска и в особенности начальников, рассчитывавших на великие и богатые награды. И вот решено — не отменяя предположенной высадки, под начальством князя Святополк-Мирского, воспользоваться подготовленным сбором громадных сил, чтобы осмотреть основательно все горные трущобы, впервые сделавшиеся нам доступными, очистить их от последнего, еще гнездившегося в них бедного горского населения, выбрать направления для проложения новых путей и по возможности приступить к самой разработке некоторых из них.

8 мая сам великий князь главнокомандующий прибыл с десантными войсками к устью Мзымты, и вслед за тем двинуто было в горы $25^{1}/_{2}$ батальонов, с 11 сотнями конницы, несколькими колоннами: одна, из $5^{1}/_{2}$ батальонов, под начальством генерал-майора Шатилова (командующего войсками в Абхазии) — от Гагр в долину Псоу; другая, из 8 батальонов, с конницей и

артиллерией, под начальством генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского, высадившаяся в Адлере, направлена вверх по Мзымте; третья, генерал-майора Геймана, из 4 батальонов с конницей, — по долине Сочи и далее в верховья Мзымты, наконец, четвертая, генерал-майора Свиты Граббе, из 6 батальонов с конницей, направлена туда же с северной стороны с верховья Малой Лабы, через перевал Главного хребта.

Все эти колонны, кроме первой, не встретили на своем пути никакого сопротивления и только должны были преодолевать чрезвычайные затруднения местности. Колонна же генерала Шатилова, разработавшая предварительно (в течение апреля) дорогу от Гагр в долину Псоу, начав движение в самую котловину, обитаемую незначительным племенем айбга, была встречена выстрелами и камнями в самой теснине, которой названная речка прорывается через хребет, замыкающий эту котловину с юга. При этом войска понесли некоторую потерю (около 60 человек); но горцы, занявшие теснину, должны были отступить, лишь только в обход их позиции отделено было несколько рот от второй колонны, князя Мирского, при которой находился и сам Великий князь. 18 мая генерал Шатилов вступил в котловину, занимаемую племенем ачипсоу, куда спустились к 20-му числу и другие три колонны, и здесь-то, в этой трущобе, обставленной со всех сторон высокими, недоступными горами, великий князь имел утешение отпраздновать счастливый конец Кавказской войны. 21 мая, все собравшиеся войска (23 батальона, с конницей и милицией) выстроились на тесной площадке, вокруг небольшого холма, на котором отслужено всем состоявшим при войсках духовенством благодарственное молебствие, после которого Его Высочество объехал все четыре фаса обширного каре, поздравляя каждую часть от имени Государя и всей России и благодарил «за трудную, честную и верную службу». Подъехав к графу Евдокимову, великий князь обнял его и благодарил всех других начальников. Войска прошли церемониальным маршем, а по окончании парада главнокомандующий угощал всех генералов и штаб-офицеров обедом, за которым провозглашены были многие тосты и прочитан самим великим князем отданный в тот день приказ по армии.

В тот же день, 21 мая, Его Высочество из лагеря в Ачипсоу отправил следующую телеграмму на имя Государя:

«Имею счастье поздравить Ваше Величество с окончанием славной Кавказской войны. Отныне не осталось более на Кавказе ни одного непокорного племени. Вчера сосредоточились здесь отряды генерал-лейтенанта князя Мирского, генерал-майоров Шатилова, Геймана и Граббе, и сегодня при общем сборе

Д.И. Святополк-Мирский

совершен благодарственный молебен. Здоровье войск весьма удовлетворительно; они находятся в самом блестящем виде»[287].

На телеграмму эту, полученную Государем в Кисингене (по передаче из Поти 25 мая) великий князь получил следующий ответ от Его Величества:

«Благодарю от души всех начальников, офицеров и нижних чинов за их молодецкую службу, увенчанную полным успехом. Я горжусь ими более, чем когда-либо».

Несколько дней спустя, 31 мая, великий князь, в письме ко мне (с парохода «Тигр» между Шапсуго и Пшадой) писал: «Полувековая Кавказская война положительно кончилась; нет более ни одного горского племени, не покорившегося державе нашего возлюбленного Государя Императора...», на что я отвечал, поздравляя великого князя с блистательным успехом, что Его Высочеству «будет принадлежать слава окончательного умиротворения края, который с незапамятных времен не знал мира и покоя»[288].

Великий князь, по возвращении в Тифлис, отпраздновал там совершившееся великое событие 9 июня торжественным молебствием на Гунибской площади, перед войсками и народом, а затем — завтраком для начальствующих и почетных лиц, с речами и тостами.

Когда же донесение о последнем акте Кавказской войны было получено в Кисингене (15 июня), Государь выразил свое удовольствие щедрыми наградами главным деятелям: самому великому князю пожалованы орден св. Георгия 2-й степени и украшенная алмазами шашка с надписью: «за окончание Кавказской войны». В собственноручном письме к Его Высочеству Государь писал: «Этими двумя наградами я хотел, в лице твоем, почтить всю славную кавказскую армию и уверен, что молодцы наши так их и примут». Графу Евдокимову пожалован тот же орден, при рескрипте, в котором поставлялось ему в заслугу представленное им еще в 1860 году предположение о способе действий для скорейшего окончания войны в западном Кавказе, предположение, «увенчавшееся блистательным успехом, превзошедшим наши ожидания». Генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский получил звание генерал-адъютанта. Кроме наград, непосредственно назначенных Государем главным лицам, предоставлено было главнокомандующему войти с представлением о награждении других генералов и офицеров, в самых широких размерах.

По случаю общей радости для всего Кавказа, награжден был и почтенный ветеран — генерал-адъютант князь Григорий Дмитриевич Орбелиани — орденом св. Александра Невского. Не был забыт и фельдмаршал князь Барятинский, положивший основание всей системы действий за последние годы. Государь обратился к нему с рескриптом (от того же 15/27 июня), в котором выразил желание поделиться с ним радостным известием, «ибо Вам принадлежит большая доля участия в сем важном событии, оканчивающем долголетнюю, кровопролитную войну, стоившую в продолжение 50 лет великих жертв и усилий». В ознаменование своей признательности за оказанные князем Барятинским заслуги, Государь пожаловал ему украшенную алмазами шпагу с надписью: «в память покорения Кавказа»*.

---

* Князь Барятинский оставался за границей; о нем некоторое время даже совсем было не слышно. В ноябре 1863 года сделалось известно, что он женился на разведенной с мужем Елизавете Дмитриевне Давыдовой, урожденной княжне Орбелиани. Узнав об этом от князя Владимира Ивановича Барятинского, брата фельдмаршала, я написал ему поздравительное письмо и получил ответ из Англии от 6 декабря, весьма любезный и дружеский. В этом письме он уже выразил свое сомнение в возможности когда-либо возвратиться снова к служебной деятельности.

Предположив оказать по поводу окончания Кавказской войны и некоторые общие для Кавказских войск милости, Государь отложил объявление о них до возвращения своего в Петербург.

Стремление кавказских горцев к переселению в Турцию обнаружилось уже давно, вслед за Крымской войной. С каждым годом увеличивалось число семейств, получавших от русских властей разрешение на путешествие в Мекку для поклонения гробу Магомета. Под этим предлогом сотни семейств уходили в Турцию и не возвращались на родину. В горах появились эмиссары, подстрекавшие горцев к переселению под власть калифа правоверных. Считают, что таким образом в два года, 1858 и 1859, ушло до 30 тысяч душ. Затем в 1860 году переселение несколько приостановилось вследствие дошедших слухов о бедственной участи, постигшей выселившихся в Турцию ногайцев Кубанской области. Но с 1861 года, когда началось систематическое занятие предгорий за Кубанью казачьими станицами, чтобы заставить туземное население выселяться из гор на равнину, горцы вынуждены были решиться на одно из двух: или исполнить требования русских властей и подчиниться им, или уходить в Турцию. Таким образом, уже в 1862 году, в то время, когда одни горцы, сравнительно в небольшом числе, спускались с гор и водворялись на указанных местах на равнине Закубанской, другие уходили на южную сторону хребта и по частям отплывали в Турцию. В 1863 году, как уже было мною сказано, движение это еще усилилось. Турецкое правительство поощряло эмиграцию горцев; присылались к ним прокламации с обещаниями помощи; а между тем среди скученного населения появились болезни и голод, так что можно было уже заранее предвидеть, какое последствие будет иметь предположенное ранней весной 1864 года наступательное движение наших войск на южный склон гор. Поэтому еще осенью 1863 года кавказское начальство само облегчало горцам средства к выселению, объявив, что оно не будет препятствовать турецким судохозяевам перевозить горцев. Начальству Кубанской области было даже разрешено зафрахтовать несколько пароходов. Таким образом, уже в течение зимы 1863—1864 г. отплыло с Кавказского берега до 60 тысяч переселенцев. С весной переселение приняло громадные размеры. Русское начальство назначило 2 военных корвета и 2 военных транспорта, наняло 2 парохода от Русского черноморского общества и несколько парусных судов. Турецкое правительство, как уже сказано, также прислало 2 военных фрегата (без вооружения) и несколько пароходов. Во все пункты посадки назначены были комиссии для регулирования отправки и

выдачи пособий нуждавшимся. Многие из переселенцев освобождались от платы за перевозку. Больных горцев лечили русские врачи и принимали в военные лазареты.

Считают, что в течение первой половины 1864 года всего отправлено в Турцию до 318 тысяч душ, что составит вместе с прежними переселенцами до 400 тысяч человек. На пособие беднейшим роздано около 140 тысяч рублей. Эмигранты направлялись по распоряжению турецких комиссаров частью в Азиатскую Турцию, на Трепизонд, Синоп и другие порты, частью в Европейскую — в Варну и Кюстенжи[289].

Выселение продолжалось и позже, хотя уже не такими большими массами. Выселялись и некоторые из тех горцев, которые уже согласились было водвориться на указанных русскими властями местах Закубанской равнины, увлеченные примером своих земляков. Это стремление к выселению охватило не одни только племена западного приморского Кавказа; оно проявилось и между чеченцами, жившими уже несколько лет мирно и спокойно. И там главной причиной эмиграции было, по-видимому, требование русского начальства, чтобы горское население переходило на равнину. Генерал Лорис-Меликов не удерживал желавших покинуть свою родину, и вот целые караваны чеченских переселенцев двинулись по Военно-грузинской дороге в Закавказье, к границе Азиатской Турции. Сотни семейств, с имуществом и частью скота, искали нового отечества в стране, где ожидало их разорение и гибель. Переселенцы, уходившие с нагруженными арбами, встречали нередко на пути возвращавшихся из Турции земляков своих в полной нищете — и все-таки шли вперед, как будто побуждаемые неведомой роковой силой.

Выселение кавказских горцев такими массами подняло снова бурю против России в европейской печати и даже в дипломатии. По обычаю журналистики, обрушились на нас тяжкие обвинения в жестокости и бесчеловечии. Особенно английские газеты были наполнены жалобными статьями о несчастном положении прибывавших в Турцию «черкесов». Что переселенцы терпели большую нужду, что между ними была страшная болезненность и смертность, что они гибли в пути и на своем новоселье — в том, конечно, была значительная доля правды; но в том неправы органы иностранной печати, что они сваливали всю вину на русское правительство. Переселение разом такой массы населения, конечно, не могло обойтиться без затруднений и жертв. До марта 1864 года перевозка горцев совершалась даже без ведома русского правительства; горцы сами сговаривались тайно с турецкими судохозяевами, отправлялись на плохих кочерьмах, на которых пассажиры скучивались без всякой соразмерности с вместимостью судов. Не мудрено, что при таком порядке, быва-

ли и весьма печальные случаи. С того же времени, как отправка переселенцев начала производиться под глазами русских властей, как я уже выше сказал, принимались все меры к облегчению положения горцев и безопасности их перевозки.

Тем не менее эмиграция «черкесов» послужила поводом к сильной агитации в Англии. Британцы прикинулись в этом случае филантропами, хотя в сущности не столько беспокоились об участи полудиких горцев, сколько досадовали на благополучное для России разрешение кавказского вопроса. Та же нота звучала и в парламентских прениях, возбужденных в конце мая по поводу предоставленных палате документов касательно черкесской эмиграции. В числе этих документов были донесения английских консулов и послов в Петербурге (лорда Нэпира) и Константинополе (Бульвера). Лорд Нэпир, не раз обращавшийся то к князю Горчакову, то ко мне за разъяснениями появлявшихся в газетах ложных известий, доставлял своему правительству совершенно верные сведения по этому делу, объяснял истинный образ действий России на Кавказе и опровергал упреки, делаемые русскому правительству в бесчеловечном образе действий относительно горцев. Он даже прямо высказывал, что турки, которые теперь жаловались на затруднения от переселения разом массы эмигрантов, сами же подстрекали горцев к выселению и к сопротивлению русским. Лорд Нэпир признавал невозможным для русского правительства приостановить начавшееся движение целых горских племен; указывал на заботливость русских властей об облегчении бедственного положения скопившегося на морском берегу населения и противопоставлял донесения английских консулов, из которых ясно видна нераспорядительность турецкого правительства, ничего не приготовившего для приема и водворения эмигрантов. Порта смотрела на переселение черкесов только с политической стороны и заботилась преимущественно о том, чтобы подкрепить пришлым населением мусульманский элемент в тех областях, где большинство жителей христианское. Массы черкесов были направлены и водворены частью в Болгарии, Румелии, на границах Сербии, частью среди армянского населения восточных окраин Азиатской Турции.

24 июня / 6 июля в Лондоне собрался многочисленный митинг по поводу «черкесского» вопроса. Председательствовал известный лорд Стратфорд-Редклиф, отъявленный враг России; в числе присутствовавших были не менее известные государственные люди: лорд Кларендон, Стенлей, Роулинсон и другие. Сам председатель и другие участники митинга не поскупились на брань против России и на похвалы туркам, не поцеремонились извращать общеизвестные факты, чтобы только возбудить в анг-

лийской публике сочувствие к бедствующим эмигрантам и вызвать помощь со стороны частной благотворительности.

Рассказывая о событиях, имеющих значение историческое, как-то неловко приводить частные, маловажные случаи, касающиеся только личности пишущего. Но я пишу не историю, а свои личные воспоминания, в которых едва ли возможно держаться в границах строгой объективности. Даже было бы неестественно, если б в этих воспоминаниях я прошел бы молчанием эпизод, имевший влияние на мои личные отношения с великим князем Михаилом Николаевичем.

До мая 1864 года Его Высочество оказывал мне самое благосклонное, смею сказать, даже дружественное расположение. Между нами велась непрерывная частная переписка; собственноручные письма Великого князя были всегда в самом любезном тоне[290]. Но вдруг, нежданно-негаданно, чуть было не произошел между нами полный разрыв из-за самого пустого случая.

По заведенному издавна порядку, известия о военных действиях вообще публиковались в газетах не в том самом виде, в каком получались от начальников; дело министра было соображать, в какой редакции удобнее возвестить публике о происходящем на театре войны. Так и телеграммы великого князя о ходе последних событий на Кавказе печатались то целиком, то с некоторыми редакционными изменениями; иногда же приходилось даже печатать лишь сокращенные известия. Сообщенные Его Высочеством в апреле и начале мая утешительные известия об изъявлении покорности последними горскими племенами черноморского прибрежья, были опубликованы с некоторой торжественностью, как об окончании Кавказской войны; нам было тогда весьма кстати заявить Европе о таком важном факте. Но вот, по прошествии некоторого времени, вдруг получается известие о встрече колонны генерал-майора Шатилова с враждебным скопищем горцев. Телеграмма великого князя от 14 мая из лагеря на Мзымте, возвещавшая об этом деле, дошла до Петербурга в следующей искаженной редакции:

«В обществе айбга сосредоточилась бездомная и воинственная молодежь со всего берега; оказали упорное сопротивление. Отряд генерал-майора Шатилова на чрезвычайно скалистой и трудной местности, усиленной завалами. Обходное движение колонны генерал-майора Батезатула, высланной отсюда, заставило скопище разбежаться. Потери в обеих колоннах за все время до 70 человек. Войска выказали себя молодцами, перенесли страшные трудности; здоровье их вполне удовлетворительно. Выселение идет весьма быстро. Через 4 дня надеюсь в Ахчипсоу соединить все отряды».

Телеграмму эту казалось мне неудобным опубликовать в настоящем ее виде. Не говоря уже о необходимости, во всяком случае, исправить редакцию, я опасался, что после громкого возвещения об окончательном покорении всех горских племен, об умиротворении всего Кавказа, известие о новом сражении, в котором войска наши вновь «выказали себя молодцами», подало бы повод к толкам в публике и печати, поколебало бы доверие к прежним официальным известиям. Телеграмма эта особенно была некстати при тогдашних наших объяснениях с иностранными послами относительно газетных толков по поводу переселения горцев. По всем этим соображениям, я счел нужным поместить в «Инвалиде» полученное известие в измененной редакции[291]. В номере 19 мая было напечатано:

«Горцы, собравшиеся на берегу моря, продолжают отправляться на наших и турецких судах в Турцию; переселение идет весьма быстро. Здоровье войск вполне удовлетворительно; они с успехом исполняют назначенное им движение, молодцами преодолевая затруднения, которые представляют им уже не горцы, а чрезвычайно скалистая и труднодоступная местность. Только в обществе айбга, молодежь и бездомные, более из молодечества, нежели с другой целью, решились вступить в бой; но без больших потерь с той и другой стороны, были рассеяны».

Очевидно, что редакция эта имела целью ослабить в глазах публики значение последней боевой встречи, не представлявшей и в действительности ни малейшей важности. Но, совершенно неожиданно для меня, сделанное изменение в редакции телеграммы, крайне разгневало великого князя. 3 июня я получил из Кутаиса такую телеграмму от Его Высочества:

«Крайне удивлен депешей из Поти от 14 мая, напечатанной в № 111 «Инвалида»*; в ней совершенно искажен смысл моей депеши Государю из лагеря на Мзымте от 14-го числа. Прошу объя-снить».

В свою очередь, и я был крайне удивлен такой телеграммой. В письме от 8 июня я объяснил великому князю соображения, заставившие меня изменить редакцию телеграфического известия. Но письмо мое еще более раздражило его, как мог я видеть из полученного от него ответа (от 3 июля) и из письма генерала Карцова, который был искренне сокрушен о таком раздоре между нами. Все старания его успокоить гнев своего начальника остались напрасными. В ответе своем Его Высочество упомянул,

---

* Нельзя, конечно, не признать некоторым образом вину редакции «Инвалида» в том, что напечатанному известию дана была форма телеграммы из Поти и притом от того же числа, когда великий князь отправил свою телеграмму из лагеря на Мзымте.

что в особенности показался ему оскорбительным тон моего письма, написанного действительно в минуту раздражения. Одновременно с ответом мне великий князь написал и Государю о своем неудовольствии. Фельдъегерь привез эти письма в то время, когда Государь, по возвращении из-за границы, находился в Красном Селе, накануне дня, назначенного для торжественного празднования великого события — покорения Кавказа. Когда утром, после учения войск на военном поле, я пришел с докладом к Государю, Его Величество заговорил с сожалением о полученной от великого князя жалобе на меня. Я объяснил Государю все дело и, с своей стороны, выразил, сколько я огорчен резким ответом Его Высочества, в особенности же тем, что такой ничтожный случай мог разом изменить существовавшее до сих пор доброе его ко мне расположение. Государь, со свойственной ему добротой, сказал мне, что будет об этом писать своему брату, и советовал мне также написать Его Высочеству в примирительном смысле. Так я и поступил: в письме от 14 июля, из Петергофа, я выразил глубокое свое сожаление о том, что неумышленно навлек на себя неудовольствие Великого князя. На это я получил ответ (от 29 июля) в столь же примирительном смысле: «Ручаюсь вам, — писал он, — что с моей стороны и помину не будет о прошлом. Надеюсь, что и вы не перемените ваших отношений ко мне и что мы оба, по-прежнему, будем идти рука об руку для пользы службы нашего возлюбленного Государя...»

Весь этот неприятный для меня эпизод закончился моим письмом от 6 августа, и затем между мною и великим князем восстановились прежние отношения, хотя наша частная переписка и прервалась на несколько месяцев. Кратковременная эта размолвка с ним была не единственным в моей долгой служебной практике случаем, выказавшим мне на опыте, как трудны служебные отношения, когда должностное лицо есть вместе с тем и член Царской семьи.

ЛАГЕРНОЕ ВРЕМЯ. ИЮЛЬ — АВГУСТ

Немедленно по возвращении Государя из-за границы (10 июля) начались частые поездки Его Величества в Красное Село, а вместе с тем и моя кочевая жизнь. В этом году находилось в Красносельском лагерном сборе, кроме гвардейских войск (за исключением находившихся в Варшаве 3-й гвардейской пехотной дивизии и двух кавалерийских полков): 1-я гренадерская дивизия, остановленная на пути из Финляндии в Москву, 23-я пехотная и стрелковые роты полков 24-й пехотной дивизии, содержавших караулы в Петербурге во время отсутст-

вия гвардейских полков. 23-я пехотная дивизия и стрелковые роты 24-й заняли место 3-й гвардейской дивизии в так называемом авангардном лагере, а гренадерская дивизия расположилась отдельным лагерем на речке Пудости. Всего было в сборе 70 батальонов, 45 эскадронов и 132 орудия, численно до 54 тысяч человек. Всеми войсками командовал великий князь Николай Николаевич; в строю находились великие князья Александр и Владимир Александровичи.

11 июля, т.е. на другой день по возвращении своем в Царское Село, Государь приехал утром в Петербург на погребение генерал-адъютанта Хомутова, скончавшегося 7-го числа, на 69 году жизни, после непродолжительной болезни. Отпевание и погребение происходили в Александро-Невской лавре. Вечером того же дня Его Величество прибыл опять в Красное Село для объезда лагеря, присутствовал потом на «парадной заре», происходившей заведенным порядком у Царской ставки, и остался ночевать в Красном Селе, так как на следующий день, 12 июля, в воскресенье, назначен был общий парад всем находившимся в сборе войскам по случаю празднования окончания Кавказской войны*.

На так называемом «Царском валике», среди «военного поля» поставлен был шатер походной церкви; все войска выстроились большим каре вокруг валика. После объезда войск Государь и вся свита сошли с коней и поднялись на вершину валика, у подошвы которого расположились знамена всех бывших в строю частей войск и вызванные из них георгиевские кавалеры, которых оказалось всего до 1250 человек. В походной церкви была отслужена обедня и затем благодарственное молебствие, с коленопреклонением, при пушечной пальбе. Вся пехота при этом стала на колени. По окончании богослужения духовенство, спустившись с валика, обошло ряды георгиевских кавалеров и знамена, окропляя их святой водой; затем войска прошли церемониальным маршем.

В тот же день отслужено было со всей торжественностью благодарственное молебствие в Петербурге (в Исакиевском соборе), в Москве и во всех городах России. Повсеместно праздновалось радостное событие окончания полувековой Кавказской войны. Тем же числом, 12 июля, помечены все пожалованные по этому случаю награды и объявлены в рескрипте на имя великого князя главнокомандующего Кавказской армией общие милости: во-первых, сокращение срока службы с 20 лет до 15 всем

---

* Незадолго до приезда Государя, 3 июля, в Красном Селе случился пожар: сгорели некоторые деревянные постройки насупротив дворца и в том числе «столовая палатка».

нижним чинам, поступившим в кавказские войска по наборам ранее 1858 года; а казакам Кубанского и Терского войск — до 15 лет полевой службы и 7 лет внутренней; во-вторых, учреждение серебряной медали в память покорения Западного Кавказа, для ношения на груди всеми, участвовавшими в военных действиях в этом крае с 1859 по 1864 г., и особого креста для всех, когда-либо принимавших участие в Кавказской войне. В знак особенного внимания к заслугам Нижегородского драгунского полка, Государь повелел зачислить себя в этот полк, а несколько позже (25 августа) пожаловано полку исключительное наружное отличие — всем нижним чинам на воротники мундира особые петлицы по образцу орденской георгиевской ленты.

13-го числа Государь оставался в Красном Селе: утром происходило учение 1-й гвардейской пехотной дивизии, побригадно, а вечером — смотр батальону военных училищ, батарее Михайловского артиллерийского училища и Учебному пехотному батальону. Вечером же Его Величество возвратился в Царское Село.

15 июля Государь ездил в Кронштадт. Осмотрев на Восточном рейде вновь построенные броненосную батарею «Первенец» и башенную лодку (монитор) «Вещун», Его Величество прошел на яхте «Александрия» вдоль укреплений и линии заграждений Северного фарватера, а затем посетил на Большом рейде фрегат «Дмитрий Донской», отправлявшийся в практическое плавание в Атлантический океан с гардемаринами и кондукторами. Наконец, Государь осмотрел форт «Константин», на котором в то время производились большие работы.

Приказом 15 июля последовали назначения генерал-майора Свиты Потапова помощником генерала Муравьёва по гражданской части, а флигель-адъютанта полковника Мезенцова — начальником штаба Корпуса жандармов и управляющим III отделением Собственной Е.В. канцелярии. Генерал Потапов немедленно затем отправился к новому своему посту в Вильну.

Следующие дни Государь опять провел в Красном Селе в ежедневных учениях и смотрах. День именин императрицы, 22 июля, праздновался также в Красном Селе. Как по этому случаю, так и в честь окончания Кавказской войны вечером устроен был офицерами всех войск Красносельского сбора прекрасный праздник на Дудергофе. Долина между двумя лесистыми возвышенностями и ферма были иллюминованы; с большим вкусом устроена была временная зала для танцев под открытым небом, украшенная военными атрибутами, зеленью, цветами и ярко освещенная разноцветными фонарями. Арка с вензелем Государя и императрицы и с надписью «Кавказ» также горела разноцветными огнями. Вдоль всего пути Государя от Красного

Села до Дудергофа расставлены были нижние чины всех частей войск, без оружия, с песенниками и хорами музыки. Государь приехал на праздник в начале 10-го часа вечера; у подножия Дудергофских высот встретил его великий князь Николай Николаевич, верхом, а при входе в павильон ожидала Его Величество хозяйка праздника великая княгиня Александра Петровна с приглашенными дамами. В числе гостей тут же находились испанский посол герцог Д'Осунья и американский посланник Клей. Праздник удался вполне. Немедленно по приезде Государя начались танцы, продолжавшиеся за полночь. Но Государь уехал в $11^{1}/_{2}$ часов в Красное Село через Большой лагерь, который был также иллюминован.

В следующие два дня, 23 и 24 июля, Государь оставался в Красном Селе, смотрел учебные части войск, гимнастику, состязание в стрельбе, и наконец, произведен был общий всем войскам двухсторонний маневр, после которого началось передвижение войск на сборные пункты, назначенные по плану больших маневров.

Между тем, 28-го числа Государь еще раз посетил Кронштадт, по случаю возвращения из дальнего плавания эскадры контр-адмирала Лесовского. Эскадра эта, так встревожившая в свое время Англию появлением своим у берегов Северной Америки и необыкновенно радушным там приемом, получила приказание возвратиться в Балтийское море, лишь только возникшие по польскому вопросу политические недоразумения были улажены. Контр-адмирал Лесовский собрал свои суда в гавани Нью-Йорка, где должен был оставить на время фрегат «Александр Невский» для исправления некоторых повреждений и перенести свой флаг на фрегат «Пересвет», на котором и отплыл, в мае месяце, от гостеприимных берегов Америки в сопровождении фрегата «Ослабя» и корвета «Витязь». 20 июля эскадра эта благополучно прибыла на Кронштадтский рейд[292].

28-го числа, около полудня, Государь на яхте «Александрия» прибыл из Петергофа на большой Кронштадтский рейд, в сопровождении великих князей Александра и Владимира Александровичей и морской свиты. Осмотрев во всей подробности суда эскадры, Его Величество произвел им учение, закончившееся примерным десантом на катерах, и затем возвратился в Петергоф.

Морское министерство признало приличным, по возвращении эскадры Лесовского, сделать официальную манифестацию для выражения признательности русских моряков правительству и народу Северо-Американского Союза за оказанный эскадре радушный прием. С этой целью контр-адмирал Лесовский с офицерами эскадры, прибыв 6 августа в Петербург и встречен-

С.С. Лесовский

ный на пристани Английской набережной директором канцелярии Морского министерства генерал-майором Свиты Грейгом, отправился вместе с ним к Северо-Американскому посланнику Клею, жившему поблизости пристани, в Галерной улице. Посланник принял наших моряков в своей генеральской форме и выслушал стоя произнесенные Грейгом и Лесовским речи, на которые отвечал как сам посланник, так и секретарь его Борк. После непродолжительной, радушной беседы наши моряки возвратились в Кронштадт. День спустя, 8-го числа, генерал Клей отдал визит, прибыв на эскадру вместе с генералом Грейгом и секретарем посольства Борком. Посланник был встречен на фрегате «Ослабя» с подобающим почетом, при звуках национального американского гимна и салютом 15 выстрелами. Лесовский показывал гостю все, что служило воспоминанием пребывания эскадры в Северо-Американских портах, а затем угостил завтраком, к которому были приглашены некоторые из кронштадтских властей. Тост, провозглашенный в честь президента Северо-Американского Союза, сопровождался новым салютом — 21 выстрелом. Генерал Клей ответил тостом «за Россий-

ского императора — освободителя, утешителя и друга человечества», затем следовал целый ряд других тостов, а когда американский посланник сошел с фрегата, чтобы возвратиться в Петербург, его снова провожал салют 15 выстрелов.

Между тем с 30 июля начались большие маневры. Программа этих маневров заключалась в том, что «западный» отряд, наступающий со стороны Копорья к Петербургу, оттесняет передовые войска противника, защищающего столицу, до Ропши, где с обеих сторон стягиваются все силы и разыгрывается генеральное сражение. Начальствовали — одной стороной генерал-адъютант Баранцов, другой — генерал-адъютант Тотлебен. Государь с вечера 29-го числа прибыл в Лопухинку (к западу от Гостилиц), где собралась вся свита. За отсутствием генерал-адъютанта графа Адлерберга 2-го, получившего отпуск за границу для лечения, Главной квартирой Государя заведовал временно князь В.А. Долгоруков.

В первый день маневров, 30-го числа, одна сторона маневрировавших войск наступала от речки Воронки к сел. Дятлицам; другая отступала до Ропши, куда перешла и Главная квартира Государя. На второй день происходил бой у Дятлиц. В следующие два дня (1 и 2 августа, в субботу и воскресенье) войскам дан был отдых, и во время этого примерного перемирия начальствующие лица обеих сторон съезжались в Ропшу, приглашались к обеду и на вечернее собрание, а 1-го числа происходила в Ропшинском парке обычная церемония водосвятия.

В последние два дня маневров (3-го и 4-го, понедельник и вторник) действия происходили под самой Ропшей и у Кипени, где подан был сигнал «отбой», и затем войска возвратились в свои места лагерного расположения. Государь уехал в Петергоф; я же поспешил в Петербург, чтобы повидаться с женой, которая приехала на несколько дней из деревни, частью для свидания со своей сестрой, находившейся в Петербурге проездом из Старой Руссы в Гамбург, частью же для домашних распоряжений по случаю перемены квартиры. С окончания контракта по найму помещения для военного министра, в доме князя Барятинского на Большой Миллионной, приходилось нам переселиться на новую квартиру, в доме Лохвицкого на Дворцовой набережной (бывший некогда домом министра финансов). Но в Петербурге я провел с женой только один день, заваленный притом массой дел по министерству; затем она возвратилась в Никольское, а я должен был снова провести два дня в Красном Селе. 6 августа здесь справлялся праздник Преображенского полка и Гвардейской артиллерии, а также расположенного в лагере на Пудости лейб-гренадерского Екатеринославского Е.В. полка. Празднование это, по обыкновению, продолжалось целый день: утром —

церковный парад у походной церкви 1-й гвардейской пехотной дивизии; затем обед для нижних чинов в лагере Преображенского полка; позже обед у Государя в Красном Селе для начальствующих лиц и офицеров празднуемых частей войск; вечером происходили офицерские скачки, обыкновенно привлекающие массу публики из Петербурга и окрестных мест; в лагере же устроены были разные увеселения для солдат с иллюминацией и фейерверком; праздник заключился офицерским ужином, длившимся чуть не до рассвета. Торжественный этот день ознаменовался зачислением великого князя Николая Николаевича в Преображенский полк, пожалованием Великому князю Александру Александровичу ордена св. Владимира 4-й степени, назначением начальника Гвардейской артиллерии генерал-лейтенанта Вилламова генерал-адъютантом, а командира Учебного пехотного батальона полковника Нотбека (числившегося в Преображенском полку) — флигель-адъютантом.

Наконец, 7 августа происходил на военном поле общий смотр войскам Красносельского сбора, и на другой день началось выступление гвардейских войск из лагерного расположения на зимние квартиры; но 1-я гренадерская дивизия была оставлена еще на несколько дней в своем лагере на Пудости вместе с полками 24-й дивизии, прибывшими туда по освобождении их от караульной службы в Петербурге. Таким образом, пришлось и мне еще раз побывать в Красном Селе. 11 августа происходил Высочайший смотр этим войскам на военном поле, после чего 1-я гренадерская дивизия выступила в Москву, а полки 24-й пехотной дивизии — в места квартирного их расположения в Новгородской губернии.

Накануне этого смотра, 10 августа, Государь еще раз ездил в Кронштадт, вместе с великим князем Александром Александровичем. На этот раз посещение имело целью осмотр собственно морских работ в самом Кронштадте: пароходного завода, адмиралтейства, новых доков. В тот же день Его Величество осматривал работы саперов под Петергофом, у деревни Сашино.

В течение немногих дней от окончания Красносельских маневров до отъезда Государя в Москву совершился, можно сказать, громадный шаг в деле военных преобразований: целый ряд новых обширных и сложных Положений и распоряжений, представленных Его Величеству со времени его возвращения из-за границы, был окончательно утвержден и объявлен к исполнению. Важнейшим было, конечно, Положение о военных округах, которое, после продолжительного и внимательного рассмотрения Государем было утверждено им 6 августа в Красном Селе, но объявлено 10-го числа. В приказе этого дня повелено было с

1 сентября открыть в Европейской России шесть новых военных округов в дополнение к четырем, уже существовавшим с 1862 года. В последних этих округах с того же срока вводилось военно-окружное управление на основании нового Положения. Вместе с тем закрывались все прежние упраздняемые управления и учреждения, в том числе и остававшиеся еще корпусные управления, так как по новому Положению, формирование корпусов, так же как и армий, предполагалось лишь в военное время. Только в виде исключения, повелено было Государем сохранить в мирное время наименование корпуса войскам гвардии, но с упразднением корпусного управления.

Высочайшими приказами 10 и 11 августа объявлены и личные назначения на главные должности военно-окружного управления. В существовавших уже округах осталось все прежнее начальство: в Варшавском — граф Берг получил звание главнокомандующего войсками округа; а в прочих — генерал-губернаторы Муравьёв, Анненков и Коцебу — звание командующих войсками с сохранением и звания генерал-губернаторов. Из округов же вновь открываемых, в Финляндском и Рижском, звание командующего войсками было соединено также с генерал-губернаторским в лице барона Рокасовского и барона Ливена. В Петербургском округе великому князю Николаю Николаевичу присвоено звание «командующего войсками гвардии и Петербургского округа». По каким именно соображениям Государю угодно было непременно добавить в титул Его Высочества указание на гвардию особо от других войск округа — затрудняюсь дать логическое объяснение. Затем в Московском и Харьковском округах командующими войсками были назначены: генерал-адъютант Гильденштуббе, командир упраздненного 3-го резервного корпуса, и генерал-адъютант Лауниц — командир Корпуса внутренней стражи, также упраздненного[293]. При этом генералу Лауницу объявлена в рескрипте Высочайшая благодарность за оказанные им услуги по командованию в течение 7 лет означенным корпусом, так же как и за все полезные труды по разным вопросам последних военных преобразований.

Что касается Казанского округа, то назначение на должность в этом округе генерал-адъютанта Кноринга последовало несколько позже, 20 августа, почему и самое открытие округа было отсрочено до 20 сентября.

Из прежних корпусных командиров оставались еще генерал-адъютанты Безобразов и Сталь-фон-Гольштейн (1-го и 2-го резервных корпусов); оба они получили назначение членами Комитета о раненых и награждены орденом св. Александра Невского.

В некоторых из военных округов установлена была новыми штатами должность помощника главного начальника округа. На места эти назначены были: в Петербургском округе — генерал-адъютант барон Бюллер, в Виленском и Киевском — состоявшие уже прежде в той же должности генерал-лейтенанты Хрущов и Семякин, а в Одесском — генерал-лейтенант Брюмер (бывший «кавказец») заместил генерала от кавалерии барона Фитингофа, назначенного членом Комитета о раненых. В Варшавском же округе, где по-видимому, более чем где-либо необходим был помощник главнокомандующему, соединявшему в себе и звание наместника, должность эта осталась незамещенной вследствие непонятной причуды графа Берга.

Начальниками военно-окружных штабов остались в Варшавском, Виленском, Киевском и Одесском округах прежние: генерал-майоры Минквиц, Циммерман, Ган и Свечин; в прочие же, вновь открываемые, назначены: в Петербургский — генерал-адъютант граф Бреверн-де-Лагарди, бывший до того начальником штаба Гвардейского корпуса, в Финляндский — генерал-майор Окерблом, в Рижский — генерал-майор Никитин, в Московский — генерал-майор Баумгарт, в Харьковский — генерал-майор Рооп, в Казанский — генерал-майор Батезатул. Из названных генералов трое не принадлежали к Генеральному штабу: граф Бреверн, начавший службу в гвардейской конной артиллерии, а позже бывший командиром Кавалергардского полка, Ган — пехотный и Баумгарт — артиллерист. Назначение этих лиц состоялось не по моему выбору, а в видах уступки просьбам главных начальников, не отрешившихся еще от прежнего предубеждения против Генерального штаба. В особенности в Петербургском округе — или лучше сказать в гвардии — твердо держался предрассудок, что начальником штаба здесь необходим истый фронтовик.

Одновременно с приведенными назначениями, замещены были главные должности и по другим отделам военно-окружного управления: артиллерийскому, инженерному, интендантскому и медицинскому. Особенное внимание было обращено на выбор личностей для вновь созданной должности членов от Военного министерства в военно-окружных советах. По самому существу возложенных на этих членов обязанностей необходимо было избрать таких лиц, которые были в совершенстве знакомы с военным законодательством, особенно по части хозяйственной, и вместе с тем заслуживали полного доверия министра.

Всем назначенным лицам предложено было отправиться немедленно же к местам назначения, дабы подготовить все необходимое для открытия новых управлений в определенный

день — 1 сентября. Исключение было сделано, как уже сказано, только относительно Казанского округа.

В связи с введением Положения о военно-окружном управлении, следовал целый ряд других новых Положений и распоряжений, о которых постепенно объявлено было в приказах в течение августа месяца. Приведу только важнейшие:

11-го числа — Положение о вновь учрежденных «интендантских складах», с упразднением прежних комиссариатских комиссий; Временное Положение о военных госпиталях. В тот же день состоялось окончательное слияние департаментов комиссариатского и провиантского в Главное интендантское управление, с назначением тайного советника Устрялова на должность главного интенданта, а помощниками ему — из прежних вице-директоров названных департаментов: тайного советника Котомина, генерал-майора Клауди и статского советника Шёнига. Прежний директор Провиантского департамента генерал-лейтенант Данзас назначен членом Генерал-аудиториата.

13-го числа — Положение об управлении местными войсками, взамен прежнего Корпуса внутренней стражи. Начальник местных войск в каждом округе введен в состав военно-окружного управления; на него же возложена обязанность «инспектора госпиталей». Непосредственное начальство над местными войсками возложено на губернских и уездных воинских начальников.

14-го числа — Положение об организации крепостной артиллерии.

15-го числа — Положение об управлении генерал-инспектора кавалерии и назначение в это звание великого князя Николая Николаевича, а в должность начальника канцелярии генерал-инспектора — генерал-майора Джунковского. За упразднением должности начальника Резервной кавалерии, занимавший эту должность генерал-адъютант граф Ржевуский назначен членом Комитета раненых.

Затем, в течение того же августа месяца еще объявлено было несколько новых Положений, как-то: об организации инженерных войск, артиллерийских парков и т.д. Более обстоятельное указание на все, что было сделано в это время для осуществления предначертанного обширного плана военных реформ, найдет себе место в отдельной статье, посвященной собственно деятельности Военного министерства в 1864 году.

После смотров и маневров Красносельских обыкновенно Государь ездил на несколько дней в Москву смотреть войска, собираемые ежегодно в лагере на Ходынке. В 1864 году в этом лагерном сборе находились 16-я и 17-я пехотные дивизии с их артиллерией, Уланская бригада 7-й кавалерийской дивизии, сверх

того четыре артиллерийских бригады: 2-я и 3-я гренадерские*, 10-я и 1-я резервная и батальон Александровского военного училища.

14 августа, утром, Государь выехал из Царского Села в Колпино и оттуда по железной дороге в Москву. Его сопровождали Великие князья Александр и Владимир Александровичи, князь Вас<илий> Андр<еевич> Долгоруков и я; кроме того, по обыкновению, сопутствовал по железной дороге главноуправляющий путями сообщения генерал-лейтенант Мельников. Прибыв в Москву в 11-м часу вечера, Государь проехал в Кремль по иллюминованным улицам между густыми толпами народа, встречавшего, как всегда, неумолкаемыми криками «ура». На другой день, по заведенному порядку, был выход во дворце, шествие по соборам и затем общий смотр войскам на Ходынке. На смотру, сверх названных выше войск, представлялся проходивший в то время через Москву в Петербург сменный эскадрон Собственного Е.В. конвоя. После смотра все начальствующие лица и Свита Государя были приглашены к обеду в Петровский дворец, где Его Величество оставался во все время пребывания своего в Москве, вблизи от лагеря.

16-го числа, утром, прибыли в Москву великие князья Алексей Александрович и Николай Константинович, только что окончившие свое практическое плавание. После свидания своего с Государем в Динабурге, 9 июля, они возвратились на эскадру контр-адмирала Посьета, посетили некоторые иностранные порты Балтийского моря и Категата и вышли на берег в Травемюнде, откуда проехали в Швальбах навестить императрицу. Пробыв с нею несколько дней, в том числе 22 и 27 июля — дни именин и рождения Ее Величества, великие князья возвратились на эскадру и прибыли в Кронштадт 14 августа, в самый день выезда Государя из Царского Села в Москву.

По случаю воскресного дня, 16-го числа, Государь утром слушал обедню в лагере, в походной церкви 17-й пехотной дивизии, и затем отправился в сопровождении великих князей в село Ильинское — имение, только что купленное для императрицы у князя Голицына. Государь был встречен в своем имении крестьянами, с хлебом и солью, при восторженных криках «ура»; староста поднес приветственный адрес. Его Величество осматривал работы, производившиеся для приспособления прежнего господского дома к пребыванию императрицы, давал указания строителям и садоводам. Отобедав в Ильинском, Его

---

* 2-я и 3-я гренадерские и 10-я пехотная дивизии были двинуты в Царство Польское без артиллерии.

Величество возвратился в Петровский дворец, а вечером посетил театр в Москве.

17-го числа, утром, произведено было учение войскам на Ходынском поле; затем смотр стрельбы собранной в лагере многочисленной артиллерии (6 бригад), а несколько спустя, цельная стрельба пехоты и смотр гимнастических упражнений. В 5 часов — большой обед, к которому приглашены были высшие чины военные и гражданские; вечер — в Малом театре. Это был день не легкий; тем не менее Государь все-таки нашел свободные минуты, чтобы посетить некоторые из московских институтов; но следующий день — последний, проведенный нами в Москве, был еще утомительнее. 18 августа 1864 года было 50-летней годовщиной существования Комитета о раненых[294], а потому предстояло праздновать этот юбилей в Измайловской военной богадельне; но ранее, утром, назначен был войскам Ходынского лагеря двухсторонний маневр в окрестностях Всесвятской рощи и села. Обеими сторонами командовали начальники дивизий: генерал-лейтенанты Моллер и Тулубеев. Маневр начался в 9 часов утра и продолжался около 4 часов. Особенность всех московских военных упражнений состояла в том, что всегда войска обступала масса зрителей самого разнородного состава, начиная от крестьян окрестных деревень и до разряженных городских дам, приезжавших в щегольских экипажах из Москвы. Публика эта бывала так любопытна и назойлива, что часто мешала начальникам видеть действия войск, бесстрашно останавливалась перед дулами пушек, но более всего, конечно, толпилась поближе к Государю, который обыкновенно в таких случаях обходился с непрошеными зрителями чрезвычайно благосклонно.

После маневра и завтрака в Петровском дворце Государь с великими князьями и вся свита отправились в Измайловскую военную богадельню; но так как празднество назначено было в 3 часа, то Его Величество успел еще заехать в Зоологический сад, на Пресненских прудах, и провести там около часа. Толпы народа наполняли улицы, по которым проезжал Государь, и ждали его у въезда в ограду богадельни.

Богадельня эта устроена в той самой местности, где находилась родовая вотчина Романовых, а потом и загородная царская усадьба. Здание богадельни возведено на месте бывших некогда царских палат; входящая в состав главного здания большая церковь в старинном стиле также выстроена в новейшее время (в 1850 году); уцелела от старины только одна башня, обращенная ныне в колокольню. Сохранился и водяной ров, окружавший в прежнее время всю усадьбу, так что через него въезжают в ограду на мосту.

У ворот богадельни Государя встретило начальство, прибывшие на торжество некоторые члены Комитета о раненых и Свита Его Величества. Между воротами и главным подъездом выстроены были старики-инвалиды. Поздоровавшись с ними, Государь в сопровождении великих князей и свиты вошел по главному крыльцу в церковь, у входа которой встретил его преосвященный Леонид, викарий митрополита Московского, с крестом и святой водой. Став на свое место, Его Величество приказал мне прочесть во всеуслышание указ, данный в этот день Комитету о раненых, и Высочайший приказ о назначении председателем Комитета великого князя Константина Николаевича, а членами — великих князей Николая и Михаила Николаевичей и директора Измайловской богадельни генерала от инфантерии Толмачева. В указе упоминалось об этих назначениях, как о выражении Царской заботливости относительно обеспечения заслуженных инвалидов; в тех же видах открывалась повсеместная подписка на пожертвования в пользу инвалидного капитала. По прочтении мною, среди церкви, означенных актов, отслужено было преосвященным Леонидом молебствие с возглашением вечной памяти Императорам Александру I и Николаю I и «всем православным воинам, за веру, Царя и Отечество живот свой положившим», а затем многолетие Царскому семейству. Преосвященный Леонид в сопровождении Государя обошел стоявших в церкви инвалидов, окропляя их святой водой. Из церкви Государь прошел в лазарет, где обращался с участием к больным старикам, а затем в столовую, где был приготовлен обед на 150 человек. К обеду собрались георгиевские кавалеры и раненые офицеры, как служащие, так и отставные, и все призираемые в богадельне. После обеда Государь осматривал еще помещения семейных инвалидов, летние бараки и, поблагодарив директора богадельни, уехал в Москву.

В тот же вечер назначен был выезд из Москвы. Государь, заехав на короткое время в театр, прямо оттуда прибыл на вокзал Николаевской железной дороги, где собрались к 11 часам Свита Государя и начальствующие лица. Толпы народа проводили Царя криками «ура»; улицы и станция железной дороги были иллюминованы.

19 августа, в 3-м часу дня, мы были уже в Царском Селе. Но Государь пробыл здесь всего два дня: 22-го числа, в 8 часов утра, он снова отправился за границу с великими князьями Александром и Владимиром Александровичами. На время отсутствия Его Величества, повелено было прежней правительственной комиссии опять вступить в действие на тех же самых основаниях, как было установлено при отъезде Государя в мае месяце. Изменение заключалось лишь в том, что к числу прежних

членов прибавился граф Владимир Федорович Адлерберг, а за отсутствием статс-секретаря Валуева, приглашался по вопросам, касавшимся Министерства внутренних дел, товарищ министра тайный советник Тройницкий.

С отъездом Государя опять наступила для меня более спокойная жизнь; по крайней мере я мог располагать свободнее своим временем для работ по министерству. К началу сентября прекратилось мое одиночество с возвращением моей семьи из деревни, за выездом оттуда самих хозяев, Мордвиновых, которые должны были в это время переселиться в Одессу, по случаю назначения зятя моего Семена Александровича начальником Одесского таможенного округа. С переездом моей семьи в Петербург, начались хлопоты для водворения в новом помещении. К большому моему огорчению, пребывание в деревне оказалось не в пользу второй моей дочери, Ольге, которая, выдержав весной сильную корь, начала в деревне страдать глазами. В течение осени этот недуг обострился и обратился в тяжкую и продолжительную болезнь. Во всю наступившую зиму бедняжка не могла выносить ни малейшего света и провела многие месяцы в совершенно темной комнате. Болезнь дочери, нежно любимой, приводила меня в глубокое сокрушение.

---

27 августа в Одессе скончался генерал от инфантерии Павел Петрович Липранди (от болезни расширения сердца). Тело его было перевезено в Петербург и погребено 17 сентября на Митрофаньевском кладбище. Отпевание происходило в церкви лейб-гвардии Семеновского полка, которым покойный генерал некогда командовал.

Павел Петрович Липранди имел репутацию дельного боевого генерала. Почти всю свою офицерскую службу провел он в армии, участвовал еще в кампании 1813 года, потом в Турецкой войне 1828—1829 г. и в Польской 1831 года. При штурме Варшавы, командуя Елецким пехотным полком, во главе его заслужил Георгия 3-й степени и с тех пор выдвинулся на вид. В 1833 году император Николай назначил его флигель-адъютантом, позже командиром состоявшего в составе Гвардейского корпуса гренадерского короля Прусского Фридриха Вильгельма III полка, а потом лейб-гвардии Семеновского, которым он командовал по 1848 год, когда был назначен начальником штаба отдельного Гренадерского корпуса с производством в генерал-лейтенанты. В то время это было место видное; император Николай ежегодно производил смотры Гренадерскому корпусу, который в своем строевом образовании и требованиях службы тянулся за гвардией. Однако ж Липранди оставался недолго в этой должности: в 1849 г. он уже получил 12-ю пехотную дивизию, с которой и

принял деятельное участие в Севастопольских побоищах, под Балаклавой и на речке Черной. В 1855 году он назначен был командиром 6-го пехотного корпуса, потом 2-го корпуса, и наконец в 1861 году, в чине полного генерала, членом Военного совета. В этом звании он принимал деятельное участие в предпринятых по военному ведомству улучшениях и преобразованиях; к нему обращался я нередко за советом, как к генералу, обладавшему большой опытностью и умом. В особенности генерал Липранди занялся делом устройства нового полкового управления и хозяйства; по этой части предложил он собственный свой проект, который был введен в нескольких полках для испытания.

При всем уважении, которым пользовался Павел Петрович, как генерал умный и боевой, он однако же не внушал сочувствия войскам. Это был человек сухой, желчный, с некоторой дозой греческой хитрости. Тогдашние сослуживцы его, фронтовики, чуждались генерала Липранди, называли его «умником».

ВТОРИЧНАЯ ПОЕЗДКА ГОСУДАРЯ ЗА ГРАНИЦУ. 22 АВГУСТА — 26 ОКТЯБРЯ

Императрица Мария Александровна оставалась в Швальбахе после отъезда оттуда Государя еще целый месяц. Тамошние воды, по-видимому, имели хорошее влияние на ее здоровье; оно было настолько удовлетворительно, что Ее Величество, пользуясь наступившей прекрасной погодой, могла ежедневно прогуливаться пешком или кататься с детьми в открытом экипаже. 14 июля она сделала даже довольно дальнюю поездку — в Эльтвиль (на берегу Рейна) для свидания с королевой Вюртембергской Ольгой Николаевной, на пути ее в Остенде. Во все время пребывания императрицы в Швальбахе, туда приезжали, для посещения Ее Величества, многие из иностранных принцев и принцесс: великий герцог Саксен-Веймарский с дочерьми, герцог Нассауский, австрийский эрцгерцог Стефан, король баварский, великий герцог Гессен-Дармштадтский, супруги принцев Фридриха Карла Прусского и Фридриха Нидерландского, наконец, королева Прусская Аугуста. Выше упоминалось уже о посещении Швальбаха великими князьями Алексеем Александровичем и Николаем Константиновичем. В начале августа, в виде развлечения юным великим князьям Сергею и Павлу Александровичам и великой княжне Марии Александровне, устроена была поездка по Рейну до Кёльна и обратно. 11 же августа императрица с детьми выехала из Швальбаха в Югенгейм, где она всегда находила желанное спокойствие и отдохновение.

Между тем, Наследник Цесаревич, выехав из Швальбаха еще 14 июля, посетил вдовствующую королеву Нидерландскую Анну

Павловну в летнем ее местопребывании близ Утрехта, а потом короля и королеву в Гааге, а затем провел более месяца на морских купаниях в Схевенинге (в Голландии). По окончании курса, 19 августа, он отправился в Копенгаген, где поселился сначала в доме русского посольства, а потом в загородном королевском дворце Фреденсборге. Здесь произошло первое знакомство Великого князя с будущей его невестой принцессой Дагмар; здесь же Его Высочество съехался с принцем Уэльским и его супругой — старшей сестрой принцессы Дагмар. Английский наследный принц был принят датчанами с особенным радушием и почетом, ибо всем известны были его сочувствие к Дании и принятое им участие в постигшей ее бедственной судьбе[295]. Принц и принцесса, после посещения датского двора, предприняли потом путешествие в Стокгольм; Наследник же Цесаревич Николай Александрович прибыл 28 августа, вместе с великим князем Алексеем Александровичем, в Югенгейм, где таким образом съехались к 30 августа[296] вся наша Царская семья.

Государь, как уже было сказано, выехав 22 августа из Царского Села с великими князьями Александром и Владимиром Александровичами, проехал безостановочно через Берлин прямо в Югенгейм, куда и прибыл вечером 24-го числа. Императрица выехала навстречу ему до Франкфурта с младшими детьми.

К 30 августа прибыл в Югенгейм и король Прусский. Этот день праздновался в семейном кругу по обряду православной церкви; присутствовали король Вильгельм и все великогерцогское Гессенское семейство. В тот же день король выехал из Югенгейма, навестил в Швальбахе императрицу Французскую Евгению и возвратился в Берлин; но вскоре переехал опять в Баден, где находилась королева Аугуста.

В Петербурге день 30 августа отпразднован обычной церковной процессией в Александро-Невскую лавру, где совершено торжественное богослужение в присутствии великого князя Николая Николаевича, остававшегося старшим из наличных членов Императорской фамилии. Приказ этого дня отличался огромным производством по военному ведомству, особенно в генеральских чинах: до 24 генерал-майоров повышено в генерал-лейтенанты. Из наград значительнейшей был орден св. Андрея Первозванного, пожалованный обер-гофмаршалу Андрею Петровичу Шувалову, находившемуся при императрице. Князю Василию Андреевичу Долгорукову также оказано Царское внимание назначением шефом Чугуевского уланского полка. В тот же день последовало, наконец, увольнение от должности министра-статс-секретаря Царства Польского тайного советника Ленского и назначение на его место товарища его статс-секретаря Платонова, назначение, не обещавшее существенной перемены в на-

правлении дел польского Статс-секретариата, так как новый министр-статс-секретарь, хотя и русский по имени, но женатый на польке, пропитан был польским духом. В числе наград пожалован и брату моему орден Белого орла, как выражено в грамоте, «за неутомимо ревностные и существенно полезные труды по составлению возложенных на него Высочайшим доверием и вполне сообразных с Высочайшими указаниями проектов разных постановлений, относящихся к упрочению благосостояния Царства Польского».

---

3 сентября (15-го) Государь с императрицей и детьми выехал из Югенгейма в Фридрихсгафен — летнее местопребывание короля и королевы Вюртембергских на берегу Боденского озера. Проездом через Стутгарт они посетили вдовствующую королеву Вюртембергскую.

В Фридрихсгафене в то время гостили у королевы Ольги Николаевны принцесса Мария Максимилиановна, а незадолго перед тем приехала из Карлсбада великая княгиня Елена Павловна. Пробыв всего четыре дня в Фридрихсгафене, Государь выехал оттуда 8 сентября в Потсдам, на прусские маневры, с Наследником Цесаревичем и с великим князем Алексеем Александровичем. Проездом Государь заехал в Швальбах, чтобы посетить императрицу Евгению, которая оставалась там до 21 сентября*. Визит Государя и великих князей был непродолжительным; вечером того же дня их ожидали уже в Потсдаме; но случившееся в то время на железной дороге крушение товарного поезда замедлило проезд Государя, так что прибыл он в Потсдам только к 8 часам утра следующего дня.

Кроме двух великих князей, в Свите Государя состояли: князь В.А. Долгоруков, граф А.В. Адлерберг, флигель-адъютанты Рылеев и граф Воронцов-Дашков; при Наследнике — генерал-майор Рихтер, адъютанты князь Барятинский и Козлов и профессор Чичерин; при великом князе Алексее Александровиче — контр-адмирал Посьет. Король Вильгельм выехал навстречу своему племяннику и немедленно по приезде их в Потсдам, отправились они на маневры, происходившие в окрестностях. В тот же день, в 5 часов, во дворце был большой обед, а вечером — парадный спектакль в театре.

В следующие дни продолжались маневры, на которых Государь присутствовал каждое утро вместе с королем. 12/24 сентября, в последний день маневров, после семейного завтрака в Потсдамском дворце, Государь простился с королем, который прово-

---

* Из Швальбаха она отправилась в Баден-Баден, чтобы посетить королеву Прусскую, но объехала Дармштадт, где находилась наша императрица.

дил его на станцию железной дороги, в русском мундире. Несколько часов спустя после отъезда Государя, выехали также и Великие князья: Наследник Цесаревич в Копенгаген, а великий князь Алексей Александрович в Петербург.

В ночь с 12 на 13 сентября Государь прибыл в Эйзенах и оттуда в замок Вильгельмсталь — летнее местопребывание великого герцога Саксен-Веймарского, с которым Государь был весьма дружен. Между ними было двойное и близкое родство: великий герцог Карл Александр был сыном великой княгини Марии Павловны и женат на принцессе Нидерландской, дочери королевы Анны Павловны. Государь провел два дня в Вильгельмстале и прибыл в Дармштадт 15-го числа. Здесь встретила его императрица, прибывшая туда накануне из Фридрихсгафена с великими князьями Александром, Владимиром, Сергеем и Павлом Александровичами и великой княжной Марией Александровной. Таким образом, Царское семейство снова водворилось в Югенгейме.

В ночь с 19 на 20 сентября, петербургский военный генерал-губернатор князь Суворов получил из Дармштадта следующую телеграмму Государя:

«Возвестите обывателям столицы 101 пушечным выстрелом о помолвке Наследника с принцессой Дагмарой. Мы уверены, что все наши верноподданные разделят нашу радость и вместе с нами призовут Божие благословение на юную чету».

В то же утро, 20-го числа, в воскресенье, отслужено в Исакиевском соборе, после обедни, молебствие, при пушечных выстрелах с крепости, а вечером город был иллюминован. Как в Петербурге, так и во всей России, известие о помолвке Цесаревича было принято с каким-то особенным сочувствием, что можно приписать, с одной стороны, симпатичной личности самого Наследника, а с другой, — тому безотчетному, но довольно общему в русском народе предубеждению, вследствие которого радовались, что наконец, будет русская Царица не из немецких принцесс. Невеста Цесаревича, родная сестра принцессы Уэльской и короля Греческого, была еще очень молода; ей не минуло и 17 лет. Несмотря на то еще годом ранее, когда старшая сестра ее вышла замуж за принца Уэльского, в Англии пронесся слух о будущем браке принцессы Дагмары с Наследником русского престола. Известие это, появившееся тогда в лондонских газетах и оставленное без внимания, обратилось в пророческое предсказание.

В то же самое время, когда Петербург молился в Исакиевском соборе при пушечной пальбе с Петропавловской крепости, в Дармштадтском великогерцогском дворце также совершалось в

семейном кругу царском молебствие священником висбаденской православной церкви. Вслед за тем начали съезжаться в Дармштадт отсутствовавшие члены Императорской семьи и другие высокие особы, для принесения поздравления Их Величествам. 23 сентября прибыли: великая княгиня Мария Николаевна, которая провела летние месяцы в Англии (в Torquay, в Девоншире), принцесса Баденская Мария Максимилиановна с ее супругом принцем Вильгельмом и король Бельгийский Леопольд*. Сам Цесаревич, остававшийся в Копенгагене до 29 сентября, прибыл в Югенгейм 1 октября, а на другой день Царскую семью снова посетил король Прусский Вильгельм. 4 октября происходило официальное празднование радостного события в Царском семействе, а 6-го числа назначен выезд Их Величеств в Ниццу.

В продолжение пребывания Государя в Дармштадте наезжали туда многие из находившихся за границей русских сановных лиц; в числе их — вице-канцлер князь Горчаков и фельдмаршал князь Барятинский. Первый, выехав из Петербурга вслед за Государем, провел все время в Швейцарии и возвратился в Петербург только 21 октября, незадолго до возвращения Государя. Князь Барятинский прибыл из Англии с своей супругой, чтобы представить ее Их Величествам. И князь, и княгиня были приняты весьма благосклонно**; пробыв в Дармштадте несколько дней, они отправились оттуда обратно в Англию; но должны были остановиться в Дессау, по случаю возобновившегося у фельдмаршала припадка подагры.

Путешествие царской семьи из Дармштадта в Ниццу совершалось малыми переездами, дабы не утомить императрицу, здоровье которой несколько расстроилось в последние суетливые дни пребывания в Дармштадте. Первый ночлег был в Мюльгаузене, второй в Лионе, третий в Марсели. В Мюльгаузене Их Величества были встречены присланным от императора Наполеона генерал-адъютантом Флёри***, а в Лионе — маршалом Канробером и префектом департамента Роны. В этом городе толпы народа наполняли улицы в ожидании проезда русского императора; но Их Величества, избегая шумных манифестаций, проехали такими улицами, где их не ожидали. Императрица была так слаба, что ее внесли на кресле в отель, в котором приготовлено было помещение; на следующее утро Их Величества выехали из

* Король Леопольд, пробыв два дня в Дармштадте, продолжал путь в Баден-Баден для посещения короля и королевы Прусских.

** Княгине Елизавете Дмитриевне Барятинской был тогда же пожалован Екатерининский орден (меньшего креста).

*** Генерал Флёри остался при Государе на все время пребывания его во Франции.

отеля на станцию железной дороги опять незаметно для народа; притом и погода была в этот день дождливая.

В Ниццу Их Величества прибыли 9 октября около 5 часов пополудни, под проливным дождем. Дождливая погода началась только накануне после нескольких месяцев совершенной засухи. Жители Ниццы вспоминали, что случилось то же самое в тот год, когда в Ницце провела зиму императрица Александра Федоровна. Несмотря, однако ж, на непогоду, Их Величества были встречены на станции железной дороги не только местными властями (префект департамента Гавини, городской мэр Малосена, начальник военной дивизии генерал Корреар) и командирами стоявших в Виллафранке русских военных судов[297], но и всеми почти русскими, находившимися в то время в Ницце, и массой народа, толпившегося кругом станции. Улицы, по которым Их Величества проезжали от станции до приготовленных помещений в двух загородных виллах (villa Pellion и Bermont), были разукрашены флагами, русскими и французскими вперемешку, и гербами обоих государств. Везде население встречало царственных гостей с почтением и радушием.

На следующий день, 10 октября, утром, погода несколько прояснилась; Их Величества проехали по городу, а в полдень Государь произвел смотр Французскому стрелковому батальону, прибывшему в Ниццу для караульной службы на все время пребывания императрицы. Вечером Государь был в театре. Между тем, погода снова разбушевалась; к сильному ливню присоединился такой ураган, что в городе снесено было много труб и крыш, поломано деревьев, а ничтожная речка Пальон выступила из берегов и залила многие улицы. Государь не без затруднения возвратился из театра в виллу Пельон.

11-го числа, в воскресенье, Их Величества с детьми были у обедни, в русской церкви, на улице Longchamp. Тут собралась вся русская колония. По окончании обедни, некоторые из присутствовавших представились Государю и императрице. Контр-адмирал Лесовский, находившийся в отпуску по возвращении из Америки, приняв по желанию Государя начальство над эскадрой в Виллафранке, представил Государю командиров судов: фрегата «Александр Невский» и корвета «Витязь», а русский посол барон Будберг представил русского консула в Ницце Грива. Вместе с послом прибыл из Парижа и военный агент наш во Франции флигель-адъютант князь Витгенштейн.

Как во все время переезда через Францию, так и в Ницце Государь сохранял по возможности «инкогнито», он любил иногда ходить по городу пешком. 13-го числа совершенно неожиданно он посетил казарму стрелкового батальона во время обеда, попробовал солдатскую пищу и выразил командиру батальона свое

желание, чтобы на счет Его Величества добавлено было ежедневно одно блюдо и по бутылке вина на человека. На другой же день, 14-го числа (26-го), устроено было от имени Государя угощение стрелков, un banquet, как выражались французы, в присутствии флигель-адъютанта князя Витгенштейна.

После нескольких дней беспрерывного дождя, наконец, к 15/27-му числу погода совсем разгулялась. Их Величества воспользовались прекрасным днем, чтобы посетить русские суда в Виллафранке и французскую императорскую яхту «L'Aigle», предложенную Наполеоном в распоряжение императрицы. Их Величества были приняты с подобающим почетом адмиралом Jurien de la Gravière, начальствовавшим французской эскадрой в Виллафранке. В тот же день, в 8 часов вечера, приехал в Ниццу сам император Наполеон. На другой день, 16-го числа, утром, оба императора обменялись визитами: наш Государь предупредил посещение Наполеона, приехав к нему в мундире и с некоторыми лицами своей свиты, в то самое время, когда Наполеон собирался ехать в виллу Pellion. Император французский немедленно же отдал визит и также представил Государю свою свиту — весьма немногочисленную, сравнительно с русской. При Наполеоне прибыли только четверо: камергер виконт Вальш, шталмейстер маркиз де-Ко, секретарь Пьетри и ординарец граф д'Эспейль. Наполеон обедал у Их Величеств, а вечером оба государя присутствовали вместе в театре. На другой же день, 17-го числа, в 8 часов утра, император Наполеон уже выехал из Ниццы в Париж и проездом через Марсель имел свидание с королем Бельгийским Леопольдом, ехавшим в Ниццу.

16-го числа прибыла в Ниццу великая княгиня Мария Николаевна. От короля итальянского Виктора-Эмануэля прислан был для приветствия Их Величеств генерал Сонназ, знакомый уже нам почтенный старичок, приезжавший в Петербург в 1862 году. Посол французский в Петербурге герцог де Монтебелло также прибыл в Ниццу для представления Государю своих отзывных грамот, по случаю состоявшегося в то время увольнения его от этой должности и назначение на его место барона Талейрана-де-Перигор.

17 октября Государь вторично посетил русскую эскадру в Виллафранке и произвел учение обоим судам, а на другой день, 18-го, в 11 часов утра выехал из Ниццы обратно в Россию. На пути он останавливался в Стутгарте и Потсдаме, где король Вильгельм уговорил его провести несколько дней, чтобы принять участие в большой охоте, назначенной 22 и 23 октября, в окрестностях Вальмирштадта*. По тому же случаю прибыли в

---

* Близ Магдебурга, к северу.

Потсдам великий герцог Саксен-Веймарский и великий князь Константин Николаевич; кроме их присутствовали на охоте многие принцы и принцессы королевского дома; массы народа стеклись на это зрелище. Истреблено было громадное число четвероногих жертв; один Государь убил 62 кабана и 42 штуки другой дичи. Прямо с охоты, из Вальмирштадта, 24 октября, Государь вместе с королем прибыл по железной дороге в Берлин около 7 часов вечера и пробыл в доме русского посольства до часа, назначенного для отъезда в дальнейший путь. В 10 часов вечера король Вильгельм прибыл туда же в русском мундире, чтобы проводить Государя на станцию железной дороги, где оба монарха распростились. Вместе с Государем выехал в Петербург и великий князь Константин Николаевич. 26 октября, утром, они прибыли в Царское Село.

У Государя было намерение — возвратиться в Петербург через Варшаву; но граф Берг, признававший преждевременным приезд Государя в средоточие недавнего еще мятежа, убедил его отложить свой приезд до следующего года.

Императрица, оставшись в Ницце с младшими детьми и небольшой свитой, проводила время тихо и спокойно. Здоровье ее заметно поправлялось под влиянием теплой погоды; ежедневно каталась она в открытом экипаже с детьми, а по воскресеньям бывала в русской церкви. Вскоре после отъезда Государя из Ниццы императрицу посетил король Бельгийский Леопольд I.

Между тем Наследник Цесаревич, расставшись со своими родителями еще в Стутгарте, 6 октября предпринял путешествие в Италию: через Нюренберг, Мюнхен, Инспрук, Ботцен он прибыл 17/29 октября в Венецию, где провел около недели и затем, проехав через всю Ломбардию, посетил Милан, пробыл два дня в Турине и 29 октября приехал в Геную с намерением продолжать путь в Ниццу. Но бывшие перед тем ливни и бури так испортили дорогу по Корнишу, что Цесаревичу пришлось дождаться в Генуе присылки из Виллафранки русского фрегата «Александр Невский», на котором он и прибыл 31 октября в Виллафранку. Здесь встретила его императрица с младшими детьми и привезла его в Ниццу, где великий князь провел около недели. В продолжение этого времени он посетил (4/16 ноября) русскую эскадру, усилившуюся прибывшим из Шербурга фрегатом «Олег», и французскую яхту «L'Aigle»; а 8 ноября, вечером, отплыл на корвете «Витязь», в сопровождении фрегата «Александр Невский» в Ливорно, откуда отправился во Флоренцию. Русские же суда возвратились немедленно на свою стоянку в Виллафранке.

Как во время пребывания в Ницце, так и при выезде оттуда в Ливорно, здоровье Наследника Цесаревича казалось вполне

удовлетворительным; он имел вид бодрый, веселый; замечалась только некоторая бледность в лице, которую приписывали утомлению от путешествий.

ПОЖАРЫ

Пожары в летнее время — дело привычное у нас в России; это наша хроническая болезнь. Но в 1864 году лето было особенно знойное и сухое; горели не только дома и деревни, но и леса, и трава. Пожары в этом году начались ранее обыкновенного — с мая месяца, и были весьма значительны. Так выгорела большая часть городка Сердобска (Саратовской губернии); затем сильно пострадали Петровск (той же губернии), Мозырь (Минской), Молога (Ярославской). 4 июня случился страшный пожар в Нижнем: сгорели ярмарочные здания на огромном пространстве.

В то же время появилось и другое еще бедствие во многих частях России — сибирская язва, не только на животных, но и на людях. В губерниях Тверской, Новгородской, Олонецкой зараза приняла значительные размеры, особенно по направлению судоходных путей; в середине лета она проникла даже в Петербург, где было несколько случаев сибирской язвы на людях. Хотя принимались разные меры, полицейские и врачебные, для противодействия заразе, однако ж она действительно начала ослабевать только с наступлением холодной погоды, и к осени уже перестали беспокоиться об этом бедствии.

Напротив того, пожары заметно усилились с июля месяца, особенно в поволжских губерниях: Самарской, Саратовской, а также в Оренбургской. 1 июля был страшный пожар в самом Оренбурге. Не проходило почти дня без известия об истреблении огнем целых деревень, местечек или значительной части того или другого города. Конечно, в народе ходили толки об умышленных поджогах; но почти никогда не удавалось открыть поджигателей. В немногих только случаях попадались дети. Если в большинстве случаев и можно было приписать пожар неосторожности и беспечности, то с другой стороны, бывали и такие случаи, что подозрение в поджоге находило подтверждение в подметных предостережениях, или в заранее ходивших слухах о предстоящем пожаре или в появлении огня в постройках нежилых и т. п.

Самое сильное впечатление во всей России произвело известие о колоссальном пожаре, истребившем в августе месяце почти весь город Симбирск. С 13-го числа там начались почти ежедневные пожары; иногда в нескольких местах в одно время. Пожары эти удавалось прекращать, хотя и не без значительных

утрат; но 19 августа, утром, когда опять загорелось в двух местах, поднялся, к несчастью, такой сильный ветер, что оказалось уже невозможным остановить поток пламени. Огонь быстро охватил большую часть города и переносился с такой яростью, что жители едва успевали сами спасаться, не помышляя уже о спасении имущества. Сгорели почти все казенные и общественные учреждения, архивы, комиссариатские склады, хлебные амбары и проч. Не обошлось и без жертв человеческих. Найдено было до 46 трупов, и многие пострадали от обжогов. К вечеру буря начала стихать; но пожар продолжался всю ночь.

Большая часть города была уже истреблена; масса населения, оставшись без крова и всякого имущества, расположилась в поле за городом, под открытым небом; но тем не окончилось еще бедствие: 21-го числа возобновился пожар, и сгорело еще до 30 домов, уцелевших от прежних пожаров.

В самый разгар бедствия беспокойство и отчаяние в населении города дошли до крайних пределов и обратились в открытое буйство. Ожесточение пострадавших от пожара искало виновников бедствия; некоторые, случайно попавшиеся личности, поплатились даже жизнью: так, один офицер Самарского пехотного полка (прапорщик Мезенов) был убит рассвирепевшей толпой; другой, ехавший вместе с ним, избит. Несмотря на усердное содействие войск тушению пожара и охранению имущества, в народе возникло безумное подозрение на солдат расположенного в Симбирске резервного батальона Белевского пехотного полка и даже на самого командира батальона подполковника Дудинского. Такое же недоверие возбудил и вступивший незадолго перед тем в Симбирск Самарский пехотный полк, вероятно, вследствие большого числа состоявших в этом полку офицеров польского происхождения*. По всем вероятиям, истинные виновники поджогов умышленно посевали в народе недоверие к войскам, подозрения на начальствующих лиц и чиновников.

Первое известие о страшном бедствии, постигшем Симбирск, было передано в Петербург телеграммой губернатора действительного статского советника Анисимова, из Казани, так как в Симбирске телеграфная станция была истреблена. Известие это получено только 22 числа, в самый день выезда Государя из Царского Села за границу. Губернатор, потерявший совершенно голову, доносил в своей телеграмме, что злоумышленни-

* В полках, вновь сформированных, в то время число офицеров было далеко от комплекта; офицеры же польского происхождения переводились преимущественно в войска, расположенные в восточной части России. Оттого и вышло, что в Самарском полку в наличном числе 23 офицеров состояло до 15 поляков; из них 8 таких, которых сам командир полка признавал неблагонадежными.

ки, пользуясь смятением, производили разные беспорядки, что много арестованных, но что нет помещения для заключения их; что «полиция ослабела»; что все жители выселились в поле и что опасаются недостатка в продовольствии. Г-н Анисимов даже поспешил упомянуть, что в поджогах подозревают поляков из военных и что по этому поводу один офицер Самарского полка убит народом.

Государь, получив эти прискорбные известия почти перед самым своим выездом на станцию железной дороги, успел только дать приказания отправить на место происшествия члена Военного совета генерал-адъютанта барона Врангеля, с обширными полномочиями для водворения порядка и принятия решительных мер к успокоению населения, к облегчению положения погорельцев. В распоряжение его была отпущена сумма для выдачи первоначальной помощи нуждающимся; предоставлено было ему взять с собой несколько лиц для поручений, по своему выбору.

Барон Врангель неотлагательно отправился в Симбирск, и уже 26 августа получена от него первая телеграмма оттуда о том, что пожары в городе прекратились, но продолжаются почти ежедневные поджоги в окрестных деревнях. 21 и 25 августа были значительные пожары в ближайших от Симбирска уездных городах Сенгилее и Карсуне. Барон Врангель не замедлил, конечно, принять меры к облегчению бедственного положения погорельцев симбирских: кроме раздачи пособия от казны, повсеместно собирались пожертвования; для продовольствия бивакировавшего в поле населения привозили из окрестных деревень, попечением благотворительных частных лиц, печеный хлеб и разные запасы. Приступлено было к устройству временных помещений для укрытия погорельцев от непогоды, так как наступило уже холодное время. Вместе с тем сделано было распоряжение о подкреплении крайне недостаточных средств полиции городской и земской, командированием из войск офицеров и надежных солдат.

Три дня спустя после своей первой телеграммы, барон Врангель уже донес, что в Симбирской губернии пожары прекратились и что доверие к войскам в народе восстановлено; но зато возникли опасения за соседние губернии и за распространение поджогов вниз по Волге и в Оренбургский край. Вследствие этого донесения, правительственная комиссия в Петербурге, распоряжавшаяся именем Государя, признала необходимым распространить данные барону Врангелю полномочия и на губернии Казанскую, Самарскую и Саратовскую; удержать в Нижнем на некоторое время генерал-адъютанта Огарёва, находившегося там в качестве временного генерал-губернатора по случаю яр-

марки, и вызвать из Варшавы находившегося там по собственным частным делам оренбургского генерал-губернатора генерал-адъютанта Безака. По Военному министерству сделано распоряжение о немедленном выкомандировании в приволжские губернии 6 сотен казаков от Оренбургского, Уральского и Астраханского войск.

Все принятые правительственной комиссией меры были утверждены Государем в Фридрихсгафене. В то же время шеф жандармов князь Долгоруков писал мне: «Внутреннее состояние России очень озабочивает Его Величество. Последние телеграммы великого князя Николая Николаевича довольно успокоительны; но зоркое наблюдение необходимо повсюду, и я бы очень просил вас возбуждать деятельность правительственной комиссии. Она должна непременно, при предоставленных ей правах, действовать решительно, не стесняясь ничем...»*

Читая эти строки, можно подумать, что они писаны человеком с железным характером и энергией; но именно этими-то свойствами и не отличался наш шеф жандармов, при всех других его прекрасных качествах.

Опасения барона Врангеля оправдались на деле: в течение сентября пожары распространялись в Приволжье. 5-го числа случился вторичный пожар в Нижнем, в ярмарочных рядах; но на сей раз положительно признано, что причиной была просто неосторожность. В Самарской же и Саратовской губерниях не было сомнения в поджогах. Барон Врангель доносил, что несмотря на учрежденные повсеместно караулы и давно уже прекратившиеся летние жары, ежедневно горят лучшие села; некоторые большие цветущие селения исчезли с лица земли. В одном Петровской уезде (Саратовской губернии) сгорело более 1500 крестьянских дворов и много помещичьих усадьб.

Дело приняло такое грозное направление во всем Приволжском крае, что правительственная комиссия признала нужным отправить доверенное лицо из опытных юристов с необходимым числом дельных чиновников для основательного расследования зла и раскрытия виновных. Выбор остановился на московском сенаторе Жданове, который и отправился прямо в Симбирск. Еще до его прибытия учрежденная уже там бароном Врангелем следственная комиссия обвинила в симбирских поджогах двух, случайно попавшихся солдат Симбирского полка: одного — родом поляка (Запруцкого), другого — черемиса (Фёдорова), сознавшегося в поджоге сарая с сеном 19 августа; третий обвиненный, рядовой инвалидной роты Григорьев, уроженец Витебской губернии, католик, препровождавшийся по этапу через Сим-

* Письмо князя Долгорукова от 14/26 сентября, из Вильгельмсталя[298].

бирск, уличен был в том, что на городском базаре богохульствовал, порицал православную церковь и гласно перед народом заявлял, что пожары были делом мести поляков за пролитую польскую кровь. Все трое, по распоряжению барона Врангеля, были преданы военному суду по полевым законам и приговорены: Фёдоров и Григорьев — к смертной казни, а Запруцкий — к водворению в Сибири. По конфирмации приговора бароном Врангелем, первые двое были расстреляны 12 и 21 сентября.

Казнью этих двух несчастных жертв барон Врангель полагал успокоить умы народа и водворить порядок в крае, не подумав, что такая суровая мера служила как бы официальным оправданием и подтверждением народного говора, обвинявшего в поджогах войска. В действительности, не эти же двое слабоумных, неразвитых солдат могли быть признаны истинными, главными виновниками целого ряда преступлений, истреблявших многие города и села в нескольких губерниях России. Очевидно, что надобно было искать иных виновников столь широко распространившегося зла. Но барон Врангель, удовольствовавшись принесенными в жертву двумя несчастными солдатами, поспешил закрыть учрежденную им следственную комиссию и донес телеграммой от 18 сентября, что, считая дальнейшее свое пребывание в Симбирске ненужным, просит разрешения возвратиться в Петербург.

На такое неожиданное заявление барона Врангеля я отвечал ему телеграммой же, что закрытие следственной комиссии преждевременно; что дело не кончено, а только начинается и что сенатор Жданов (о командировании которого уже было известно барону Врангелю) должен исполнить возложенное на него поручение во всей полноте, под главным руководством его, барона Врангеля. Вместе с тем было мной поручено директору канцелярии Военного министерства генералу Кауфману съездить в Симбирск для личного на месте разъяснения странных действий барона. Но последний настаивал на отозвании его, заявляя, что дальнейшее его пребывание в Симбирске с прибытием сенатора Жданова делается невозможным и, ссылаясь вместе с тем на свое болезненное состояние, 23-го числа он телеграфирует:

«Возложенное на меня поручение я исполнил; восстановил спокойствие, порядок, доверие к правительственным лицам и войскам».

На другой день — новая телеграмма: «Я болен; покорнейше прошу отозвать меня теперь же»[299].

После этого становилось уже действительно бесполезным удерживать старика в Симбирске; ясно было, что он находился в каком-то возбужденном, нервном состоянии, и потому 26 сентября испрошено было мной Высочайшее разрешение отозвать

В.Ф. Лауниц

его, поручив дальнейшие военно-полицейские распоряжения в крае генерал-адъютанту Кнорингу, назначенному на должность командующего войсками Казанского военного округа. В это время генерал-адъютант Безак уже находился в Оренбурге и распоряжался сбором оренбургских и уральских казаков, а генерал-адъютанту Огарёву, как уже упомянуто, предписано было оставаться в Нижнем, хотя там было все спокойно. Получаемые в то время тревожные сведения из разных других мест (Харькова, Ростова-на-Дону и проч.) заставляли принимать везде меры осторожности. В этом отношении открытие военных округов пришлось весьма кстати. Во всех главных центрах являлась самостоятельная военная власть, снабженная всеми средствами для подавления силой всякой попытки к беспорядкам. Не во всех округах военная власть была соединена с властью гражданской, как например в Казани и Харькове; тем не менее в каждом центре округа существовала уже такая власть, которая при чрезвычайных обстоятельствах могла быть облечена временными

полномочиями для установления необходимого в таких случаях единства власти. Так, прибывший в Харьков в звании командующего войсками округа, генерал-адъютант Лауниц, как человек энергичный и опытный, немедленно же принял меры к предупреждению беспорядков и поджогов, хотя и не был облечен формально особыми правами относительно гражданской администрации.

Генерал Кауфман, прибыв в Симбирск 25 сентября, застал еще там барона Врангеля, которому разрешение возвратиться в Петербург было сообщено только 27-го числа. Кауфман нашел Симбирск, так же как и другие посещенные им города Поволжья, несколько уже успокоенными; пожары прекратились, что можно было отчасти приписать и наступлению сырого времени года. О самом же бароне Врангеле Кауфман писал мне 26 сентября: «Приезд его сюда, судя по общему говору, был весьма благодетелен; его приветствовали как спасителя; он приободрил всех, подтянул несколько войска, поселил доверие к ним в жителях; в деревнях устроил сельские разъезды, открыл двери свои для всех нуждающихся и помог, кому словами, кому делом; но тем роль его и кончилась. Ваше превосходительство знает барона Врангеля, его рыцарское направление, его доброту сердечную; он импонирует своей наружностью, нравится своей приветливостью; он может быть и энергичен и не подорожит собою в минуту опасности, даже распорядится в критическую минуту; но выдержки от него ожидать нельзя, и административных способностей очень немного. К тому же он весьма нервозен и по временам страдает нервной головной болью и печенью; это делает его раздражительным, нетерпеливым. Теперь он упорно настаивает на своем отъезде, отчасти по причине болезни, отчасти потому, что сознает, что ничего более сделать здесь не может»[300].

Приведенные строки из письма генерала Кауфмана представляют совершенно верную характеристику барона Врангеля. Таков он был действительно. Мне довелось познакомиться с ним еще в 1839 году, во время самого штурма Ахульго 16 июля, когда командуемый им Графский полк (так на Кавказе называли сокращенно полк фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского, ныне Ширванский) понес страшную потерю, так что в строю не осталось ни одного офицера нераненого. Немедленно по отбитии нашего штурма, я зашел в палатку раненого полкового командира; он бодро разговаривал со мной, несмотря на простреленную грудь. Это был человек в полном смысле симпатичный; с прекрасной воинственной наружностью соединялись в нем рыцарское благородство и обворожительное обращение. Позже, ровно через 20 лет, я встретился с бароном

Врангелем опять в горах Дагестана, почти на месте первого нашего знакомства. Но при всех прекрасных качествах барона, у него были и недостатки, именно — нервность чуть не женская, может быть, происходившая отчасти от ран. Только этой главной чертой и можно объяснить странную его настойчивость в требовании отозвания из Симбирска, где он пробыл ровно месяц и где оставаться долее чувствовал себя не в силах.

Барон Врангель выехал из Симбирска 1 октября, после прощального обеда, данного в Дворянском собрании, причем ему оказаны были разные овации: предводитель дворянства Языков поднес ему на золоченом блюде с гербом Симбирской губернии благодарственный адрес. На этом обеде присутствовал и генерал-адъютант Кноринг, приехавший только накануне из Казани. В Симбирске он пробыл лишь неделю и поспешил обратно в Казань, где у него было немало дела по случаю устройства нового военно-окружного управления. Генерал-адъютант Кноринг был добрый старик, некогда считавшийся хорошим конноартиллерийским офицером, но никогда не отличался ни бойкостью, ни способностями. К счастью, гроза над Поволжьем прошла; к октябрю уже все начало приходить в нормальное положение и следами пронесшейся бури остались только пепелища нескольких городов и многих сел, да следственная комиссия сенатора Жданова[301].

Комиссия эта, открыв свои действия с 20 сентября, потратила немало времени, трудов и бумаги на отыскание корня обрушившегося на Поволжье бедствия. К следствию привлекалась масса разных личностей; допросам, справкам, очным ставкам не было конца, и все-таки не удавалось напасть на следы настоящих виновников*. Существовало общее убеждение в том, что поджоги были делом поляков, высланных из Польши и Западного края и рассеянных по всем губерниям, преимущественно же восточным; подозревались также и русские революционеры, пользовавшиеся всякими средствами, чтобы возбуждать в народе неудовольствие и недоверие к правительству. Но подозрения эти получили подтверждение только впоследствии, в показаниях некоторых из польских революционеров, привлеченных к следственным и военно-судным делам в Царстве Польском и Западном крае; а между тем напрасно заподозренные лица содержались многие месяцы в заключении. В числе их — штаб-офицер, командир батальона, подполковник Дудинский, ни в чем не повинный, промучился полтора года под тяжестью подобного подозрения, а старуха мать его сошла с ума от огорчения.

---

* Генерал Кноринг в письме от 1 декабря писал мне, что комиссия еще никого виновного не открыла[302].

Преступным покушениям всякого рода много помогало полное расстройство, слабость и неумелость нашей губернской администрации. Симбирский губернатор Анисимов был человек недурной, но вовсе не созданный для того, чтобы быть представителем правительственной власти. Лишенный всякой внешней представительности, энергии, самостоятельности, он не пользовался ни влиянием, ни уважением, и в роковой день пожара совершенно растерялся. В Симбирске, где воду можно доставать за пять верст и привозить по дороге в гору, не было принято никаких мер на случай пожара, а между тем, собранная сумма на устройство водопровода лежала без употребления*. Отсутствие всякой полицейской организации в уездах давало полный простор бродяжничеству; преступления оставались безнаказанными, ибо крестьяне не смели даже указывать на известных им виновников преступлений, опасаясь мести злодеев.

Генерал Кауфман, побывав в Самаре, Казани, Нижнем, возвратился через Москву в Петербург. В Казани и Нижнем все было спокойно. Генерал Кноринг озабочен был устроением нового управления, а генерал Огарев настоятельно просил об освобождении его от возложенных на него временных обязанностей в Нижнем, на что и последовало Высочайшее разрешение 24 октября. Генерал Кауфман привез мне сведения об успешном ходе дела по устройству военно-окружных управлений в Москве и Казани. Несмотря на новизну и сложность дела, никаких затруднений или недоумений не встречалось.

ПОСЛЕДНИЕ ДВА МЕСЯЦА ГОДА В ПЕТЕРБУРГЕ

Лишь только возвратился Государь из-за границы, немедленно же назначен был 28 октября большой смотр на Марсовом поле всем войскам, расположенным в Петербурге и окрестностях. Затем по заведенному порядку справлялись полковые праздники: 6 ноября — Лейб-гусар, в Царском селе, а 8-го числа лейб-гвардии Московского полка, в Петербурге; 26-го же числа — день празднования ордена св. Георгия — происходило торжество в Зимнем дворце, по установленному церемониалу, с обычным угощением нижних чинов — георгиевских кавалеров (которых на этот раз набралось до 780 человек) и парадным обедом в Николаевском зале для генералов и офицеров. Вечером того же дня давалось в Александринском театре бесплатное представление для нижних чинов.

---

* Письмо генерал-адъютанта Кноринга ко мне от 8 октября[303].

По случаю происшедших в истекшее лето перемен в личном составе дипломатического корпуса в Петербурге, Государь принимал иностранных послов в официальных аудиенциях: 29 октября великобританского посла лорда Нэпира, оставлявшего свой пост, а неделю спустя, 8 ноября, — его преемника сэра Андрю Буханана. 1 ноября происходил прием нового французского посла барона Талейран-Перигора, который, представив свои верительные грамоты, уехал вскоре обратно во Францию за своей женой и в начале декабря представлялся в Ницце императрице Марии Александровне. 21-го числа того же месяца персидский поверенный в делах Абдурахим-хан представлял Его Величеству проезжавших через Петербург персидских послов, назначенных в Лондон и Париж: Махмуда-хана и Гасан-Али-хана.

В самый день возвращения Государя из-за границы, 26 октября, в Петербурге получено было из Харькова известие о смерти генерал-адъютанта Лауница, почти внезапно скончавшегося вследствие воспаления мозга от падения с лошади. Смерть этого генерала была чувствительной потерей для службы; я лично пожалел глубоко о своем хорошем сотруднике. Это был человек дельный, энергичный и, хотя по летам своим принадлежал к отжившему уже поколению старых служак николаевских времен, тем не менее не чуждался новизны, которую считал полезной для улучшения благоустройства и быта войск. Военное министерство и армия обязаны ему многими полезными нововведениями.

Положение дел в Харьковском военном округе не позволяло оставить даже на самое короткое время должность главного начальника незамещенной; поэтому испрошено было мной Высочайшее разрешение, впредь до избрания лица на эту должность, поручить временно заведование округом генерал-адъютанту Мерхелевичу, который в то время инспектировал там войска. Генерал Мерхелевич, по получении моей телеграммы, немедленно же отправился в Харьков и 19 ноября вступил в должность.

Вскоре после смерти Лауница, 12 ноября, сошел в могилу один из видных сановников петербургских — «статс-секретарь у принятия прошений» и председатель Комиссии прошений князь Александр Федорович Голицын, занимавший эти две должности в продолжение более 24 лет и заслуживший общее уважение своей добротой и обходительностью. Преемниками князя Голицына были генерал-адъютант Павел Николаевич Игнатьев — в должности председателя комиссии, и князь Сергей Алексеевич Долгорукий — в звании статс-секретаря у принятия прошений.

Ноябрь 1864 года ознаменовался новой великой реформой, которая наряду с освобождением крестьян останется навеки памятником царствования императора Александра II. 20 ноября

утверждены Судебные уставы[304]. Коренное изменение прежнего безобразного нашего судопроизводства и судоустройства было встречено общей радостью; только одно и слышалось желание, чтобы новая реформа была введена скорее и повсеместно. Но к сожалению, очевидна была для всех совершенная невозможность покончить разом с отжившим старым порядком и перейти вдруг к новому. Переход этот представлял своего рода задачу, решение которой требовало разнообразных соображений и немалых денежных средств.

В том же ноябре, 19-го числа, последовало Высочайшее утверждение нового Устава гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения. Прения в Государственном Совете по представленному А.В. Головниным проекту были весьма продолжительны и упорны[305]; я принял в них деятельное участие в числе тех членов, которые поддерживали основную мысль министра — о двояком типе средне-образовательных учебных заведений, под наименованием гимназий классических и реальных. Несмотря на сильную оппозицию, встреченную со стороны поклонников классического образования (т.е. собственно изучения древних языков), большинство голосов в Государственном совете высказалось в пользу проекта; но защитникам его пришлось, к крайнему сожалению, допустить две, довольно важные уступки: во-первых, оставить неопределенным относительное число того и другого вида гимназий, предоставив решение этого вопроса местным влияниям, то есть случайности, и во-вторых, закрыть воспитанникам реальных гимназий доступ в университеты по всем факультетам, не исключая и физико-математического и медицинского. Последняя эта уступка в особенности казалась мне прискорбной, ибо допущение в университет исключительно одних воспитанников классических гимназий, при ограниченном числе и составе специальных высших учебных заведений, лишало большинство учеников реальных гимназий всякого средства получить высшее образование и обрекало эти заведения на приниженную роль и даже на неминуемый упадок. Тем не менее Устав 19 ноября 1864 года, завершивший предпринятое А.В. Головниным преобразование всей организации учебных заведений Министерства народного просвещения, на всех ступенях образования*, можно признать существенным успехом, вопреки возбужденным в позднейшее время ожесточенным и пристрастным нападкам. По моему глубокому убеждению, Министерство народного просвещения за то время, когда во главе его стоял статс-секретарь Головнин, выказало большую деятель-

* Новый Устав университетов утвержден был еще в 1863 году; а Положение о народных училищах — 14 июля 1864 г.[306]

ность и умение вести дело систематично и с осмотрительностью. В особенную похвалу Головнину можно поставить принятый им способ ведения дела: все преобразования его вырабатывались гласно, при участии возможно большего числа компетентных голосов; он привлекал к работе личности всех разнообразных направлений и партий. Искренне стремясь к прогрессу, он шел к нему путем добросовестной работы.

28 ноября Государь переселился из Царского Села в Зимний дворец, а потому поездки мои с докладом в Царское Село прекратились; но зато началась обычная суета петербургского зимнего сезона. Удрученный болезненным состоянием моей второй дочери, принимавшим тревожный характер, я более чем когда-либо тяготился в эту зиму обязанностями придворными и светскими, от которых не всегда возможно было уклониться.

6 декабря праздновался день именин Наследника Цесаревича, а вместе с тем справлялся батальонный праздник лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской фамилии. По этому случаю командир батальона полковник Давыдов получил звание флигель-адъютанта. В тот же день директор канцелярии Военного министерства генерал-лейтенант фон Кауфман (Константин Петрович) и состоявший при Е.В. генерал-инспекторе кавалерии генерал-лейтенант Волков удостоены звания генерал-адъютантов, а генерал-майор Свиты Стюрлер назначен шталмейстером Двора Наследника Цесаревича. После обедни в Зимнем дворце Государь принимал депутацию от московских единоверцев, которая поднесла Его Величеству старинную икону. Государь весьма милостиво обнадежил депутацию в скором разрешении поданного единоверцами незадолго перед тем прошения о разъяснении сомнений и недоразумений относительно положения единоверческой церкви, вследствие постановления церковного собора 1667 года, которое, как известно, наложило тяжелое проклятие на отпавших от православия. Дело это находилось еще на рассмотрении Синода. Государь высказал при этом, что ему «весьма приятно видеть в самом прошении единоверцев новое доказательство искренности их объединения с православной церковью, к которой принадлежит большинство русского народа и в которой не должно быть розни».

Вскоре после дня именин Наследника Цесаревича получены были первые известия о начале его болезни. Во время пребывания его во Флоренции погода стояла холодная и ненастная; в начале декабря Его Высочество почувствовал сильные боли в членах и слег в постель. Состоявший при Цесаревиче врач Шестов не придал этим страданиям большого значения, приписав их простуде и ревматизму. По прошествии нескольких дней, действительно, боли облегчились, так что великий князь встал с

А.А. Баранцов

постели и, хотя движение в членах все еще не совсем было свободно, однако ж решился ехать в Ниццу, чтобы провести предстоявшие праздники вместе с императрицей. 21 декабря прибыл он на русском фрегате «Олег» в Виллафранку и оттуда благополучно переехал в Ниццу.

В конце года Государь пожелал осмотреть вновь вводимые в нашей артиллерии стальные орудия, как береговые, то есть больших калибров, так и полевые, и предложенные нашими артиллеристами железные лафеты. Посетив для этого, 28 декабря, орудийную мастерскую, устроенную в старом здании арсенала, на Литейной улице, Его Величество приказал объявить в приказе Высочайшую благодарность генерал-адъютанту Баранцову и благоволение членам Артиллерийского комитета за успешный ход усовершенствований в нашей артиллерии.

После довольно продолжительного перерыва переписки моей с фельдмаршалом князем Барятинским, в конце года получил я от него собственноручное письмо от 15/27 ноября, из Дессау, где он должен был, после своей поездки в Дармштадт, оставать-

ся несколько месяцев, по причине сильного приступа подагры. Письмо это считаю нелишним привести почти целиком как документ, характеризующий наши личные отношения в то время:

«Не получая от вас личных известий*, я огорчаюсь мыслью, что добрые наши отношения могут, ежели не перемениться, то по крайней мере получить невольное охлаждение. Опасение это вынуждает меня вызвать от вас хотя несколько дружеских строк, чтобы известиться о вас, о Наталии Михайловне и любезном вашем семействе. Я знаю, сколько вы заняты; оттого и не претендую на частую переписку; но изредка хотя давайте о себе известия...

Много нового, в особенности у вас, по вашему управлению; много сделано прекрасного, бессмертного; иногда, сознаюсь, хотелось мне очень вступить с вами в полемику по некоторым нововведениям, которым я не вполне сочувствую; но бросал перо, сознавая невозможность в таком отдалении вступать в спор. Для того требуется живой обмен мыслей, возможный только при личном свидании и при тех условиях взаимного уважения, дружбы и любви к делу, которые всегда обоими нами руководили. По несчастью, состояние здоровья моего сокрушительно; иногда надежда, хотя и слабо, но все-таки озаряет мою будущность, а потом исчезает вдруг всякая возможность и думать о возвращении в Россию, в особенности жить в Петербурге. Кузнецов**, который отправляется туда и вручит вам это письмо, доложит вам в каком состоянии здоровья я нахожусь. Жду с нетерпением облегчения, чтобы возвратиться в Девоншир...»[307] и т. д.

Упоминаемое в этом письме несочувствие князя Барятинского к некоторым из сделанных по военной части реформам нисколько не удивило меня, так как мне близко были известны некоторые его односторонние и причудливые взгляды на многие вопросы военной администрации и устройства войск. К сожалению, он никогда не высказал мне своих замечаний и возражений, хотя имел к тому много случаев при позднейших наших личных свиданиях.

Еще позволю себе здесь привести относящуюся также к исходу 1864 года переписку с дядей моим графом П.Д. Киселёвым

---

* Под этим выражением разумелись частные письма, в отличие от официальных сношений, продолжавшихся своим порядком. Частная же переписка наша прервалась только потому, что на последнее мое письмо от 5 января 1864 г. не было ответа от князя Барятинского.

** Кузнецов был адъютантом при князе Барятинском и доверенным его лицом. Выслужившись из писарей, он отличался скромностью и большим тактом.

по поводу посланного ему экземпляра Положения о военных округах. В препроводительном полуофициальном письме своем от 22 сентября я упомянул, что основная идея вводимой ныне у нас военно-окружной системы впервые была намечена в записке, составленной мною еще в 1856 году, вследствие одной из наших с ним бесед и по его же совету. В ответ на это, я получил от старика-дяди весьма любезное собственноручное письмо от 12/24 декабря (из Парижа)[308], которое, сознаюсь откровенно, доставило мне истинное удовольствие. Приведу это письмо почти целиком:

«Получив, любезный и многоуважаемый Д.А., ваше полуофициальное письмо от 22 сентября / 4 октября, с приложением нового Положения по военной администрации, я в приятный долг себе вменяю изъявить вам мою искреннюю признательность за воспоминание о дряхлом дяде, который в сем отношении не избалован своими*. Новый труд Военного министерства я буду читать, коль скоро расстроенное здоровье дозволит мне заняться этим важным и для меня любопытным предметом; а между тем мне отменно приятно воспользоваться случаем, чтобы упомянуть мимоходом о важном влиянии, которое в истекшем году имело разумное и быстрое приготовление нашей армии к отражению враждебных замыслов против России здешних попечителей всемирного спокойствия. Наши дипломатические ноты под сим только условием могли иметь и имели желаемое последствие. Вот успех, с коим поистине могу вас поздравить, желая притом, чтобы и на будущее время не теряли из виду, сколь мало надежны звучные фразы без действительной силы. Деловые туземцы говорили мне не раз как лицу неофициальному: «Votre gouvernement a mis de l'eau dans notre vin par le rapide développement des forces dont il pouvait disposer. C'est un service rendu à tout le monde, nous en acceptons la part qui nous revient»**.

Я, как старик, увлекся предметом, и несмотря на трудность для меня владеть пером, пишу более должного. Прошу извинить и не утруждать себя ответом, который при министерских занятиях не должен быть обязательным. Faites moi l'amitié, cher ami, de me rappeler au cordial souvenir de mon aimable nièce, votre bonne et excellente femme. Embrassez pour moi vos enfants, avec lesquels il me faudra renouveller connaissance, et laissez moi vous

---

* Этот намек на родственников затрудняюсь объяснить, тем более, что из близких родственников графа Павла Дмитриевича оставался в это время только младший брат его Николай Дмитриевич, да несколько племянников.

** «Ваше правительство подлило воды в наше вино тем, что быстро развернуло силы, которыми могло располагать. Это услуга, оказанная всему миру, и мы принимаем причитающуюся нам ее часть» *(фр.)*.

serrer la main avec toute l'amitié que je vous porte et qui vous appartient à bon droit»*.

Приведенное письмо, писанное слабой рукой 83-летнего старика, заслуживало бы места в жизнеописании графа Павла Дмитриевича; весьма сожалею, что не вспомнил об этом письме, когда приятель мой А.П. Заблоцкий работал над своей книгой[309]. Для меня же оно имело двойную цену: и в отношении выраженных в нем добрых родственных чувств, на которые дядя мой не был расточителен, и в отношении одобрительного отзыва его о заслуге, оказанной Военным министерством в трудное время, только что нами пережитое. Мнением такого замечательного государственного человека, каков был граф П.Д. Киселёв, нельзя не дорожить.

ПОЛЬСКИЕ ДЕЛА ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА

Эмиграции польской нелегко было расстаться со своими заветными мечтами; но все попытки расшевелить снова «польский вопрос» как в печати, так и в английском парламенте оставались тщетными, так что стоявшие во главе движения должны были наконец убедиться в полной безнадежности дела. Сам претендент на польскую корону князь Владислав Чарторийский, утратив прежнее обаяние в среде эмиграции и убедившись в совершенной перемене направления политики Франции, решился сложить с себя председательство в Польском комитете и после последней аудиенции у императора Наполеона III уехал в Италию, передав председательство князю Адаму Сапеге, только что бежавшему из австрийской тюрьмы во Львове. Но и князь Сапега недолго оставался во главе польской эмиграции. В начале июня на новом съезде главных польских вожаков в Дрездене (Гуттри, граф Дзялинский, Гауке, или Босак, ксендз Катковский, Пржебыльский, Рупрехт, Гейденрейх, или Крук и др.) крайняя партия «красных» взяла верх и задумала было возобновить мятеж в чисто демократическом духе, с беспощадным преследованием помещичьего сословия, дабы привлечь на сторону мятежа массу сельского населения. Возникла даже преступная мысль о цареубийствах, о покушении на жизнь собравшихся тогда в Кисингене трех государей. К счастью, весь этот безумный план не состоялся; но князь Сапега нашелся вынужденным

* «Окажите мне любезность, дорогой друг, напоминанием обо мне сердцу моей любимой племянницы, вашей доброй и прекрасной жены. Поцелуйте от меня ваших детей, знакомство с которыми мне предстоит возобновить, и позвольте пожать вам руку со всем дружеским чувством, которое я к вам испытываю и которое обязывает вас делать то же» *(фр.)*.

Йозеф Гауке-Босак

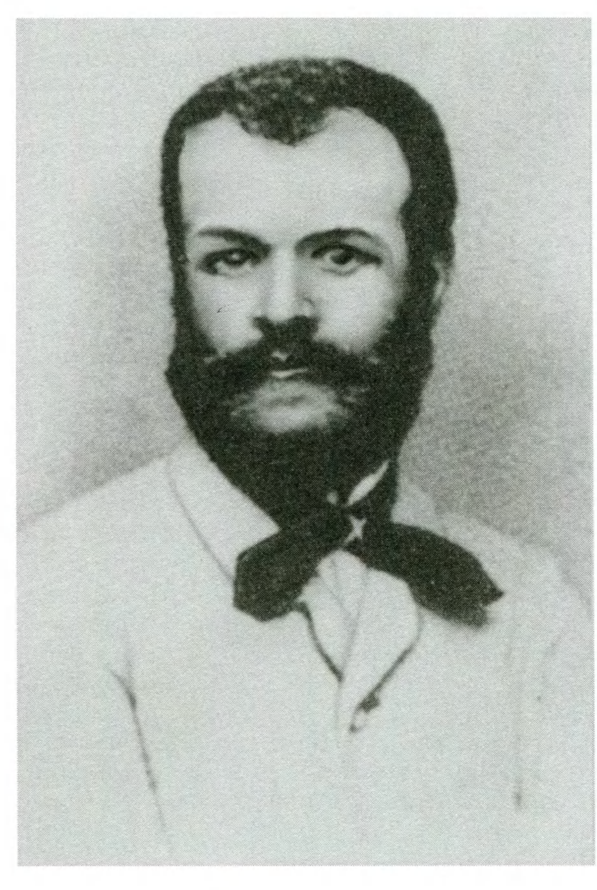
последовать примеру князя Чарторийского, и с июля месяца польская революционная работа за границей сосредоточилась на некоторое время в руках Куржины. Однако ж, и он, лишенный поддержки «белых», не имея денежных средств, скоро убедился в полном своем бессилии что-либо предпринять и решился объявить своим сторонникам, что дело польское на время приостанавливается.

Между тем, в самой Варшаве, хотя и гнездились еще остатки прежнего подпольного Жонда в лице некоего Бржезинского, а потом Вашковского, однако ж эти последние могикане мятежа

Ромуальд Траугут

не имели уже никакого значения и должны были более всего заботиться о личной своей безопасности, постоянно угрожаемые розысками полиции. Вся тайна организации Жонда была уже раскрыта; почти все главные действующие лица, не успевшие бежать, были заарестованы и преданы полевому суду. Глава Жонда Траугут, трое из бывших директоров отделов центрального управления (Краевский, Точинский, Жулинский) и заведовавший заграничной корреспонденцией Езиоранский, приговоренные судом к смертной казни, были повешены 24 июля на гласисе Варшавской цитадели; другие шестеро из главных членов Жонда успели скрыться за границу, в том числе и Голензовский, заведовавший военным отделом, и Яновский, носивший звание статс-секретаря. Также бежали Бржезинский и Вашков-

Ян Езиоранский

ский. Много других участников подпольной организации сослано было в каторжные работы и в том числе 3 женщины.

Таким образом, к половине года можно было положительно признать польский вопрос сданным в архивы европейской дипломатии. Поэтому не было уже для нас необходимости оставаться долее в том напряженном военном положении, в которое были вынуждены стать ввиду угроз западных держав. В июне месяце возбужден был мною вопрос о возвращении в прежние места расположения тех войск, которые были в прошлом году передвинуты временно для подкрепления Варшавского и Виленского округов, а также о периодическом перемещении войск с той целью, чтобы не давать им слишком свыкаться с известными местностями и, так сказать, породниться с местным населением. Подобная периодическая смена войск систематически

производилась в царствование императора Николая I: тогда все три корпуса, составлявшие «действующую армию», перемещались в известные сроки из одного района в другой (Виленский, Варшавский и Киевский). Но граф Берг, в письме от 3/15 июля*, возражал и против уменьшения войск в Царстве Польском, и против предполагавшейся периодической их смены. По его мнению, хотя мятеж в Польше и подавлен, однако ж, «польский заговор в Европе еще не искоренен». Он находил весьма полезным и на дальнейшее время оставить в Варшаве гвардейские войска и гренадер, в особенности в том соображении, что в этих войсках офицеры, более образованные и благовоспитанные, могут лучше поддержать достоинство военного мундира, чем офицеры армейские, большей частью бедные и мало представительные. Более существенным препятствием к выводу какой-либо части войск из Польши было то, что весь порядок и спокойствие в крае держались военной организацией; с перемещением войск пришлось бы оторвать почти всех военных начальников от того круга действий и тех местностей, с которыми они ознакомились и свыклись. Граф Берг, забыв прошлогоднее свое «честное слово» — не удерживать просимые им подкрепления далее марта 1864 года, теперь доказывал совершенную необходимость оставления всех частей войск и всех начальствующих лиц на своих местах не только на весь 1864 год, но и на следующий 1865. Эти два года, — как он выражался, — должны быть новой эрой в истории края, с новым устройством земледельческого населения, с упразднением монастырей, введением новой системы рекрутского набора, новых налогов и т. д. В заключение граф Берг прибавил: «Ne soyez pas impatient»**[310].

С прекращением последних следов бывшего мятежа в Царстве Польском, наступило время гражданского перерождения Польши. Предпринятые правительством реформы шли беспрепятственно, систематически, по предначертанному общему плану. Губерния Августовская, которая, благодаря энергическим мерам генерала Муравьева, была ранее других частей Царства очищена от вооруженных шаек и успокоена, снова передана

---

* Привезенным мне братом моим, по возвращении его из Варшавы в Петербург.

** «Не будьте нетерпеливы» *(фр.)*.

По докладе Государю моей переписки с графом Бергом, 12 июля последовало Высочайшее повеление — оставить еще на некоторое время все находившиеся в Царстве Польском войска, но привести их из полного военного состава в уменьшенный (по тогдашнему положению — в «усиленный», сравнительно с «обыкновенным» мирным).

была (в августе) в ведение варшавского наместника. Во всем Царстве велись успешные работы комиссий по крестьянскому делу. Председательствующие в них лица, съехавшиеся в Варшаве в июле месяце, получили от моего брата новые указания для дальнейшего ведения работ и снова разъехались по своим местам, чтобы приступить к существенной части дела — к составлению «ликвидационных табелей»[311] по всем помещичьим имениям. Комиссии были завалены тысячами жалоб на разные притеснения и обиды со стороны помещиков; приходилось разбирать массу спорных вопросов. Комиссии исполняли возложенное на них дело, можно сказать, с полным успехом; своим образом действий они укрепили доверие народа к правительству. Крестьяне привыкли смотреть на комиссии и комиссаров как на прямых своих защитников и покровителей. Конечно, не таковы были отношения комиссий к помещикам, которые не могли примириться с лишением своего векового господства над «хлопцем», хотя, с другой стороны, в экономическом отношении, были вынуждены признавать, по крайней мере в большинстве случаев, решения комиссий справедливыми и добросовестными.

После крестьянского дела, выступали на очередь другие реформы по всем частям социального устройства Царства Польского: учебной, церковной, финансовой, судебной и т. д. Брат мой, занимаясь в Петербурге разработкой одного проекта за другим, по временам приезжал в Варшаву, когда по ходу дел считал необходимым поддержать деятельность своих сотрудников в постоянной их борьбе с местной интригой и часто с противодействием самого наместника.

День 30 августа ознаменовался двумя, весьма значительными мерами на пути нового устроения Царства. Одним из подписанных в этот день указов распространены на Царство Польское те смягчения в уголовном законодательстве, которые были объявлены в Империи 17 апреля 1863 года[312], то есть отмена телесных наказаний и наложения клейма на уголовных преступников, сокращение сроков заключения в арестантских ротах и рабочих домах и т.д. Другим указом того же 30 августа введены некоторые преобразования по учебной части, а именно: Положения о начальных школах, о женских гимназиях и прогимназиях, о Варшавской русской гимназии и Евангелическом немецком училище в Варшаве, а также учреждение учебных дирекций[313]. Главной целью этих новых Положений было освободить начальные школы от зависимости их от помещиков и духовенства, устранить клерикальное направление и исключительное господство польского языка и польского духа. В этом отношении Указы 30 августа 1864 года были необходимой поправкой введенного в 1862 году маркизом Велёпольским устройства учебной части в

Царстве. С обнародованием этих указов, сын маркиза Велёпольского, Сигизмунд, занимавший место директора Отделения народного просвещения, был уволен от этой должности и получил придворное звание шталмейстера, с оставлением при наместнике Царства Польского.

7 сентября в Варшаве праздновалась годовщина покушения на жизнь графа Берга[314]. Утром собрались в замке представители разных сословий и ведомств для принесения поздравления наместнику; при этом генерал-адъютант Шварц (начальник артиллерии) приветствовал его приличной речью, и затем поднесена была ему от имени всех военных подчиненных картина, изображавшая событие 7 сентября 1863 года*. После этого утреннего приема граф Берг проехал в православный собор в открытом экипаже в сопровождении многочисленной свиты ехавших верхом генералов и офицеров. В соборе встретил его архиепископ Иоаникий приветственным словом, и затем отслужено было молебствие.

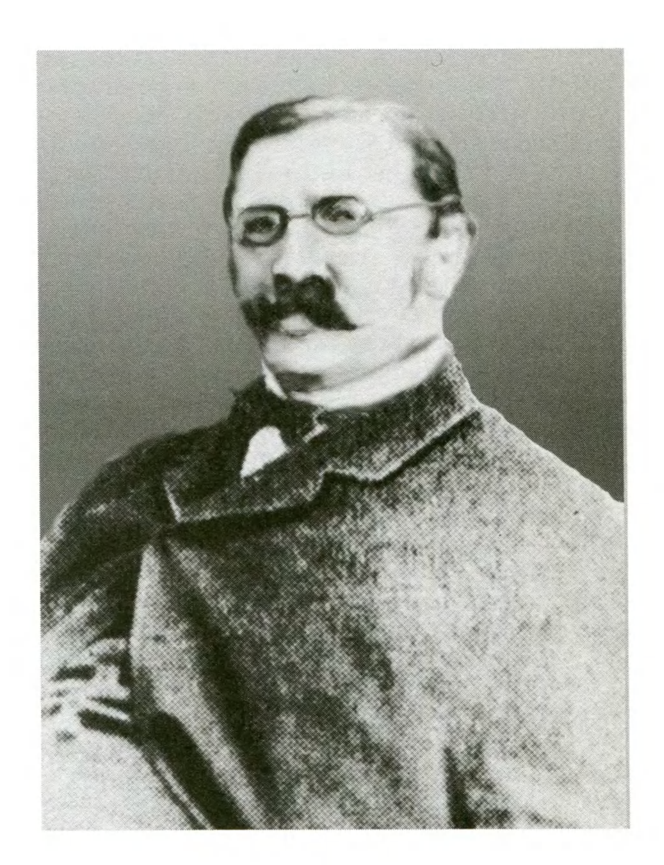
Все преобразовательные меры, какие только принимало русское правительство в Царстве Польском, возбуждали естественное раздражение в польской аристократии и вызывали яростную брань в польской заграничной печати. Но более всех других подняло бурю распоряжение относительно монастырей. Я уже говорил не раз, что католическое духовенство и монахи играли весьма видную роль в бывшем восстании: они были не только фанатическими подстрекателями мятежа, но и сами участвовали в вооруженных шайках, лично совершали зверские злодеяния, а монастыри служили гнездами, где находили верное пристанище жандармы-вешатели, кинжальщики, вожаки шаек, где хранились и изготовлялись запасы для них. Все это было положительно доказано как полицейскими обысками, так и следственными делами. Необходимо было устранить на будущее время вредное влияние этих вертепов безнравственности и крамолы. Для разработки этого вопроса образована была особая комиссия под председательством князя Черкасского. По собранным ею сведениям, оказалось, что число монастырей возросло в Царстве до огромной цифры — 155 мужских с 1635 монахами и 42 женских с 549 монахинями. Из этого общего числа, в 71 мужском и 4 женских число монашествующих не достигало 8 — цифры, установленного даже папскими буллами наименьшего состава монастыря. Хотя все почти монастыри, за весьма лишь немногими

* Картина в больших размерах, заказанная известному художнику Шарлеманю, не была еще готова, а потому поднесен был только эскиз предположенной картины.

исключениями, были более или менее прикосновенны к восстанию, однако ж, насчитывалось 39 таких, которых преступная деятельность была положительно констатирована судебным порядком[315].

Предположения моего брата и князя Черкасского относительно закрытия монастырей и секуляризации их имущества, так же как и другие реформы, не обошлись без некоторого противодействия со стороны наместника и в высших петербургских сферах. Высказывалось опасение, что крутые меры в подобном деле могут снова поднять взрыв неудовольствия и волнений в крае, а вместе с тем вызвать новые нарекания в Риме и во всей католической Европе. Поэтому слышались советы действовать осторожно, постепенно сокращая число монастырей. Но брат мой, вместе с князем Черкасским, был совершенно другого мнения: они находили более верным нанести удар разом и даже неожиданно, для чего положили вести дело в строгой тайне, так чтобы никто не знал о готовившемся закрытии монастырей до самого часа исполнения этой меры. В этих видах, указ и Положение о монастырях в Царстве Польском, хотя и были утверждены Государем 27 октября / 8 ноября, не были обнародованы и держались в тайне, пока изготовлялись и печатались экземпляры на разных языках и пока в Варшаве принимались, в такой же тайне, необходимые приготовительные меры к неожиданному и быстрому исполнению.

Указ 27 октября / 8 ноября начинался заявлением, что коренным законом России всегда была веротерпимость; что монархи России неизменно оказывали покровительство церквям всех исповеданий и что религия римско-католическая пользовалась полной охраной русских законов. «Тем с большей скорбью, — говорилось в указе, — усмотрели Мы, что во время возникших в Царстве волнений некоторая часть духовенства римско-католического не оказалась верной ни долгу пастырей, ни долгу подданных. Монахи, забыв заповеди Евангелия и презрев добровольно принесенные перед алтарем обеты иноческого звания, возбуждали кровопролитие, подстрекали к убийствам, оскверняли стены обителей, принимая в них святотатственные присяги на совершение злодеяний, а некоторые вступали сами в ряды мятежников и обагряли руки свои кровью невинных жертв». Столь тяжкие обвинения были бы достаточны, чтобы оправдать самые строгие меры со стороны правительства; но Указ 27 октября / 8 ноября ограничивался лишь сокращением числа монастырей, установлением за ними более действительного надзора епархиального начальства и отобранием от них земель и угодий с тем, чтобы доходы с этих имуществ обратить на производство тем же монастырям штатного содержания и на другие потребности духовного ведомства. Упразднению безусловно подлежали

В.А. Черкасский

две категории монастырей: те, которых преступное участие в мятеже положительно обнаружено судебным порядком, и те, в которых наличное число монашествующих не достигало наименьшей канонической цифры — восьми. Монахам и монахиням упраздняемых монастырей предоставлялось на волю — или переместиться в другие остающиеся монастыри, или выехать за границу, за исключением, конечно, личностей, привлеченных к судебной ответственности.

Закрытие монастырей, предназначенных к упразднению, было исполнено совершенно удачно в ночь с 15/27 на 16/28 ноября. Для этого составлены были особые комиссии, в которых приняли участие сам генерал Трепов и помощник его полковник Анненков. Ничего не ожидавшие монахи и монахини были застигнуты среди глубокого сна; все было заранее приготовлено для немедленного перемещения их в другие монастыри, вместе с имуществом. Не могло быть и помышления о каком-либо сопротивлении исполнению верховной воли[316].

Принятая решительная мера относительно монастырей в Царстве Польском не могла не вызвать раздражения в католическом мире. В предвидении этих последствий, брат мой с особенной заботливостью заранее приготовил и своевременно разослал во все столицы Европы официальные извещения о сделанном русским правительством распоряжении, с обстоятельным объяснением всего дела, дабы предупредить преднамеренное искажение фактов и превратные толкования. В сущности, принятые в Царстве Польском меры относительно монастырей, не заключали в себе ничего такого, чего не было уже давно сделано в других государствах, даже и в тех, где господствующее вероисповедание есть римско-католическое и где притом духовенство не подавало правительству таких же поводов к репрессивным мерам, как в польских областях России. Сами Папы не раз восставали против чрезмерного умножения монастырей и предписывали упразднять такие, в которых число монахов было слишком ничтожно, также и секуляризация монастырских имений не составляла чего-либо небывалого; к тому же мера эта в Царстве Польском была направлена не в ущерб католической церкви, а на ее же нужды — для обеспечения духовенства штатным содержанием, для поддержания духовных училищ, благотворительных учреждений и т.п. Если меры эти и были вызваны целями политическими, то эта политическая сторона нисколько не противоречила истинным выгодам самой церкви.

Несмотря на все это, мы однако ж, не избегли резких осуждений не только в клерикальных органах печати, но даже в официальном французском «Монитёре». Не говорю уже о негодовании и раздражении Ватикана, с которым в то время уже прерваны были всякие официальные сношения.

Едва только польский мятеж был подавлен, и власть русского правительства восстановлена в крае, как уже начались у нас толки о примирении с поляками, об уступках национальным их чувствам. На эту тему заговорили иностранные газеты и некоторые русские; нашлись заступники за поляков и в нашем высшем обществе, даже в среде правительственных лиц. Одни говорили во имя гуманности, великодушия победителя; другие — с точки зрения мудрости политической. В таком смысле издавались за границей брошюры неким бароном Фирксом, полунемцем, полуполяком, под псевдонимом «Шедо-Ферроти»; печатались статьи в «Indépendance Belge», в «Journal des Débats»; им вторили домашние наши газеты: «Голос», «Петербургские Ведомости», а в особенности самый ярый орган помещичьей и аристократической партии — «Весть»[317]. Газета эта приняла под свою защиту не одних русских помещиков, но и польских и немецких.

Поэтому она относилась с негодованием и ругательствами ко всем мерам правительственным, клонившимся к поднятию русской народности в Западном крае и к ограничению польского землевладения*.

Эти толки о примирении и сближении с поляками раздавались у нас в то самое время, когда в среде польской эмиграции открыто высказывалась непримиримая вражда к России, когда одна партия прямо провозглашала возобновление мятежа, а другая, в сознании бессилия польской революции, откровенно проповедовала необходимость выжидания более благоприятных обстоятельств; когда, наконец, Ватикан прямо внушал католическому духовенству в Польше не подчиняться светской власти. При таких условиях толковать о примирении, о забвении всего прошлого могли только те, которые с иезуитским коварством рассчитывали снова усыпить бдительность русского правительства, или те, которые простодушно поддавались коварному обольщению.

В спорном вопросе о будущих отношениях России к подвластной ей Польше я стал решительно на сторону тех, которые не доверяли польским медоточивым речам; которые считали смирение поляков одной маской; которые признавали необходимым для предотвращения на будущее время новых смут и новых затей польских раз навсегда отменить все то, что обособляло Польшу, что отделяло ее от остальных областей России. В этом случае, смею думать, я не противоречил нисколько своим общим политическим убеждениям; ибо при всем уважении к каждой национальности, я признаю необходимым подчинение интересов национальных высшим требованиям государства — обеспечению его целости и внутреннего спокойствия. Теперь вопрос не в том, хорошо или дурно было в свое время присоединение Польши к России[318]; законно было или преступно раздробление ее; требовалось ли это для блага и спокойствия соседних государств? Раз, — что значительнейшая часть бывшей Речи Посполитой вошла в состав Российской империи, на тех или других условиях, является право государства обеспечить это соединение двух национальностей под общей верховной властью. Это не значит, что одна национальность должна быть поглощена другой; было бы противно общечеловеческой справедливости требовать, чтобы побежденный народ отказался от своего языка, так же как от своей веры, от своих привычек и т. д.; но в этом и нет надобности с точки зрения государственной. По моему мнению, пусть поляк говорит в своей семье и со своим

* В автографе зачеркнуто: «и о действиях генерала Муравьева отзывалась с ненавистью» *(примеч. публ.)*.

земляком по-польски, так же как рижский немец — по-немецки, а рядом с ним эстонец — по-эстонски; пусть каждый из них любит свою национальную литературу, свои народные песни и т. д.; но когда дело идет об управлении, о суде, о государственных учреждениях — тут уже не должно быть места национальности; тут необходимо возможно большее единство и слияние между частями одного государства. Вот в каком смысле я с своей стороны подавал всегда голос во всех советах и действовал во всех случаях, когда дело шло о тенденциях областного сепаратизма, касалось ли оно Польши, Прибалтийского или Западного края.

Польские дела, к крайнему моему сожалению, сделались случайным поводом к временному охлаждению моих дружеских отношений с тогдашним министром народного просвещения А.В. Головниным. В то время, когда по моим убеждениям, необходимо было в интересах государственных поддерживать патриотическое возбуждение в русском обществе и народе, когда я со своей стороны действовал в этом смысле через редакцию «Русского Инвалида» заодно с «Московскими Ведомостями», А.В. Головнин был, напротив того, сторонником примирительного образа действий относительно Польши и противодействовал возбуждению национального русского чувства. Так как цензура была в то время в ведении Министерства народного просвещения, то приходилось тяжело тем периодическим изданиям, которые, подобно «Московским Ведомостям», с горячностью ратовали против польских фантазий и настаивали на самых энергичных мерах не только для подавления настоящего мятежа, но и для совершенного на будущее искоренения польских затей посредством обрусения края. «Русский Инвалид» издавался помимо цензуры; а потому последняя обрушилась всей своей строгостью на «Московские Ведомости». Издание это в то время пользовалось громадной популярностью; номера «Московских Ведомостей» читались с жадностью во всей России, тогда как петербургские газеты: «Голос», «Петербургские Ведомости» и др., отличавшиеся оттенком космополитическим и потому покровительствуемые цензурой, упали в общественном мнении. Талантливые редакторы «Московских Ведомостей» приезжали в Петербург с жалобами не столько на денежные штрафы, которые приходилось им платить, сколько на причиняемые цензурой затруднения. Катков познакомился со мной, бывал у меня на воскресных вечерах; тогда он искал во мне поддержки против А.В. Головнина; но и потом, в продолжение нескольких лет, мы с ним оставались в лучших отношениях, пока не возгорелась яростная борьба между классическим и реальным направлением в школьном деле. Тогда Катков сделался вдруг отъявленным

моим врагом и начал с ожесточением нападать на все предпринятые в военном ведомстве реформы, которым прежде выказывал полное сочувствие. Польское дело, послужившее поводом к временному сближению моему с редактором «Московских Ведомостей» и к временному же охлаждению дружеских моих отношений с А.В. Головниным, перестало быть животрепещущим вопросом дня; выступили вперед новые интересы — и самой силой вещей, временные отношения перевернулись. Редактор «Московских Ведомостей» вступил на новый путь, которому не мог я сочувствовать, а между тем с А.В. Головниным я вскоре снова сблизился как с человеком разумным, просвещенным и заслуживающим полного уважения.

КАВКАЗ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ГОДА

Окончание Кавказской войны было приветствовано во всей России великой радостью: счастливое это событие давало надежду на значительное сокращение наших военных сил и военных расходов, на развитие в крае гражданственности, торговли, промышленности; открывалась блестящая перспектива для предприятий разного рода: устройству заводов и фабрик, образованию торговых обществ, сооружению железных дорог и т.д. Кавказ должен был совершенно изменить свою физиономию; из военного лагеря обратиться в цветущую, культурную страну. Поэтому рядом с радужными надеждами высказывалось и некоторое сожаление о том, что с прекращением войны Кавказ перестанет быть военной школой для нашей армии; что утратятся и воинственность казачьего его населения и превосходные качества кавказских войск. Но можно ли было скорбеть об этом ввиду тех благих последствий, которые ожидались в будущем, как для благосостояния самого края, так и для улучшения наших расстроенных финансов.

В последние годы войны на Кавказе мы должны были держать в этом крае громадные силы: пехоты — 172 батальона регулярных, 13 батальонов и 7 сотен иррегулярных; конницы — 20 эскадронов драгун, 52 полка, 5 эскадронов и 13 сотен иррегулярных, при 242 полевых орудиях. Общий годовой расход на содержание этих войск достигал 30 миллионов рублей. С окончанием войны и выселением значительной части воинственного и беспокойного туземного населения, не было уже надобности в таких силах собственно для обеспечения спокойствия в самом крае; на будущее время число войск на Кавказе обусловливалось уже не местными потребностями, а общим стратегическим распределением всех боевых сил Империи.

Еще до окончания последних военных действий на Черноморском прибрежье, в апреле месяце, в частном письме к великому князю Михаилу Николаевичу, я затронул вопрос о своевременности сокращения военных расходов: «В настоящее время нет уже в виду никаких причин, вызывающих нас на новые пожертвования, и без того уже слишком тягостные для государства»*. Затем в мае месяце, по личному приказанию самого Государя, я обратился к великому князю главнокомандующему формальным отзывом о доставлении соображений относительно сокращения войск на Кавказе и военных расходов; при этом я писал Его Высочеству: «Мне самому тяжело расстраивать только что начатое воссоздание нашей военной силы, вызванное угрожающим положением Европы; но я должен, скрепя сердце, подчиниться очевидной необходимости — не доводить, без крайней нужды, государственные финансы до окончательного расстройства. При всем том, однако же, я буду твердо отстаивать все то, что составляет непременное условие будущей нашей военной силы. Мы отнюдь не должны ослаблять самый фундамент этой силы; напротив того, должны во что бы ни стало стать в такое положение, чтобы впредь быть более в готовности к войне, чем были до сих пор. Следовательно, мы должны пожертвовать тем, без чего можно в мирное время обойтиться, не лишая себя, однако же, средств, чтобы в случае войны опять вооружиться в самое короткое время»**.

Великий князь обещал обратить все свое внимание на разрешение предложенной ему задачи и по возвращении из экспедиции в Белый Ключ (где было летнее его пребывание), занялся разработкой предположения об изменениях в организации Кавказской армии с целью сокращения расходов. Согласно представленному им мнению, последовало 17 октября Высочайшее повеление: полки Кавказской гренадерской, 19-й, 20-й и 21-й пехотных дивизий привести в состав четырех батальонов, из коих три батальона оставить в полном военном составе, а четвертый — сократить до кадрового; полки же прочих пехотных дивизий (38-й, 39-й и 40-й), состоявшие из трех батальонов, привести все в обыкновенный мирный состав. Соответственно тому сделаны были сокращения в составе полевой артиллерии. Кроме того, конечно, распущены были по домам все временно выставленные казачьи части и туземные милиции.

На первый раз тем и ограничились сокращения Кавказской армии.

---

* Письмо мое от 6 апреля 1864 года.

** Письмо мое от 12 мая 1864 года[319].

Покинутая туземным населением обширная горная полоса Черноморского прибрежья осталась совершенно пустынной. Предстояла нам новая задача — занять войсками и заселить эту местность. В среде кавказской администрации и отчасти в публике существовало убеждение, что в этой роскошной стране, богато одаренной природой, не трудно будет водворить мирное, трудолюбивое и промышленное население. Между прочим, имелось в виду переселить туда все Азовское казачье войско, которое с давних времен несло береговую службу на гребной флотилии и которого часть уже была водворена в окрестностях Анапы и Новороссийска. Но казаки Азовские так неохотно шли на новые места Кавказского берега, что приходилось переселять их почти насильственно. С умиротворением края не представлялось уже необходимости настаивать на дальнейшем их переселении; а потому испрошено было мною Высочайшее повеление отменить предположенную меру и предоставить Азовским казакам, не желающим переселяться на Кавказский берег, остаться на прежних своих местах, но с обращением их в гражданское ведомство и упразднением самого войска Азовского, сделавшегося бесполезным для местной службы.

К заселению покинутого горцами прибрежья приступлено было уже с лета того же 1864 года. На пространстве между укреплением Константиновским и р. Туапсе устраивалось 13 станиц, в которых водворялись казаки Кубанского войска и небольшое число из Азовского. Станицы эти образовали пеший казачий батальон, названный «Шапсугским». В то же время шло в обширных размерах заселение казаками северных предгорий Кавказского хребта в Кубанской области: здесь водворилось более 40 станиц, из которых составились два новых конных полка Кубанского казачьего войска: 27-й и Псекупский. Кроме того устраивались новые штаб-квартиры для частей войск, выдвинутых во вновь занятую горную полосу. Дальнейшее заселение прибрежья было делом будущего.

Среди кипучей деятельности в новозанятом крае явилось новое, неожиданное затруднение, причинившее немало хлопот местному начальству. Большая часть того населения шапсугского, абадзехского, бжедуховского и других племен, которое изъявило покорность и водворялось уже на равнине Закубанской, вдруг решилось, в сентябре месяце, переселяться в Турцию, по примеру ушедших уже единоплеменников. Что побудило их к такому решению? Кроме распускаемых между легковерными горцами ложных слухов о мнимых намерениях русского правительства обращать их в христианство, брать в солдаты и т.п., возник на этот раз новый повод: горцы узнали о мерах, принимаемых русским правительством к отмене прав привилегирован-

ных сословий над подвластными, низшими классами; а так как в туземных племенах кавказских существовали еще во всей силе холопство и рабство, то опасение лишиться исконных своих прав, по всем вероятиям, и дало решительный толчок колебавшейся части населения. Решившись покинуть Кавказ, оно разом поднялось с тех мест, где начало было водворяться, и двинулось массой к морскому берегу в окрестности Новороссийска и укрепления Константиновского прежде, чем русские власти могли принять какие-либо меры, чтобы отклонить горцев от такого намерения, или задержать движение до весны. Таким образом, в осеннюю пору, когда переезд морем сделался уже весьма неудобным, пришлось вновь отправлять до 25 тысяч душ собравшегося на берегу народа. Имевшиеся под рукой пароходы, русские и турецкие, и парусные суда были недостаточны для перевозки такой массы людей в короткое время; а между тем в ноябре наступили сильные бури, продолжавшиеся почти весь этот месяц. 16 ноября случилась катастрофа: страшный ураган, известный на кавказском берегу под названием «боры», выкинул на берег несколько судов, готовившихся отплыть; при этом погибло до 250 человек. Несчастный этот случай произвел такое впечатление на бедных горцев, что после того они уже избегали садиться на парусные суда и перевозка значительно замедлилась. На берегу оставалось еще более 10 тысяч человек; наступили холода; между горцами усилилась болезненность. Тогда русские власти признали необходимым решительно приостановить отправление и на зимнее время распределить остававшихся на берегу горцев по ближайшим казачьим станицам. Казаки выказали при этом замечательное добродушие и человеколюбие: не только дали охотно убежище прежним своим неукротимым врагам, но снабжали их пищей и платьем. Заботы русского населения и русского начальства об облегчении участи несчастных, покидавших свою родину, были оценены даже турками. По крайней мере, находившийся на месте амбаркации горцев агент турецкого правительства, сам родом шапсуг, свидетельствовал в письме к великому князю главнокомандующему о попечительности русского начальства, человеколюбием которого спасено от гибели много несчастных горцев. Тем не менее в иностранных газетах, особенно в английских, все-таки поднялись опять злобные крики на бесчеловечие русского правительства.

Пока выпроваживались с Кавказского берега последние жалкие остатки прежнего многочисленного туземного населения, граф Евдокимов, главный руководитель всего дела умиротворения Западного Кавказа, собрался ехать в Петербург, чтобы окончательно просить об увольнении его на покой. Он имел полное право на отдых после непрерывной, в течение всей

жизни, кипучей деятельности. Возложенная на него в последние годы задача была выполнена ранее и успешнее, чем можно было ожидать. Государь, приняв кавказского героя с особенной благосклонностью, изъявил согласие на просимое им увольнение от должности начальника Кубанской области, но с оставлением на службе, со всем почетом и всеми преимуществами, на какие он приобрел несомненное право. Граф Николай Иванович возвратился из Петербурга в Ставрополь 30 декабря, совершенно довольный и радостный. Молва о предстоящем оставлении им должности уже разнеслась по всему Кавказу. В Ставрополь собралось множество подчиненных его: генералов, офицеров, простых казаков, чтобы сделать почетные проводы. В честь его был дан торжественный обед, конечно, со множеством тостов и речей.

С водворением русской власти на всем протяжении Кавказского побережья Черного моря, наступило время окончательного решения будущего положения Абхазии — страны, давно уже подвластной России, но все еще остававшейся под управлением местного владетеля. Князь Михаил Шервашидзе, нося звание генерал-адъютанта и пользуясь почему-то особенным почетом со стороны кавказского начальства, постоянно играл весьма двусмысленную роль в отношении русского правительства. После предосудительного поведения его во время Крымской войны, владетель Абхазии продолжал с азиатским коварством вести интриги среди соседних с Абхазией горских племен, с затаенной целью препятствовать утверждению русского владычества в этом крае. Козни его явно выказались в последнее время. Великий князь наместник вполне убедился в том, что дальнейшее оставление князя Михаила в Абхазии было бы положительно вредно и потому испросил Высочайшее разрешение удалить его в одну из внутренних губерний и ввести в Абхазии русскую администрацию, по примеру, данному незадолго перед тем князем Барятинским относительно Мингрелии. Великий князь, вызвав князя Михаила в Кутаис, лично объявил ему Высочайшую волю, и вслед затем владетель Абхазии выехал в Воронеж, где было назначено ему пребывание. Немедленно же приступлено было к введению в Абхазии нового управления.

Важнейшей задачей, стоявшей на очереди по гражданскому управлению Кавказского края было — освобождение крестьянского населения из-под власти высших (привилегированных) сословий. Хотя в большей части Закавказского края положение сельского населения представляло некоторое сходство с крепостным состоянием в России, однако ж, во многом и отличалось весьма существенно, так что применение к этому краю об-

щего Положения 19 февраля 1861 года требовало весьма значительных отступлений и притом не одинаковых для всего края. В этом отношении существовало чрезвычайное разнообразие, обусловливаемое историческими причинами, нравами, обычаями. Поэтому в каждой из губерний закавказских образована была особая комиссия для разработки проекта специального Положения. К началу 1864 года такой проект был выработан для одной Тифлисской губернии, причем признано было необходимым оказать от правительства значительное воспособление землевладельцам для облегчения им предстоявшего перехода к новому хозяйственному положению; на этот предмет определено было 2 миллиона рублей. Представленный проект устройства крестьян в Тифлисской губернии, по рассмотрении установленным порядком в высших государственных учреждениях, Высочайше утвержден 13 октября, в день рождения великого князя Михаила Николаевича, а 8 ноября, в день его именин, обнародован в Тифлисе и во всей губернии[320].

Обнародование Положения в Тифлисе происходило с особенной торжественностью: после обедни в Сионском соборе, все власти, чиновные люди, представители дворянства, старшины сельских обществ собрались на площадке перед дворцом наместника; начальник гражданского управления барон Николаи прочел Указ 13 октября по-русски, а потом прочитан был перевод его на грузинский язык; затем совершено благодарственное молебствие, после которого все присутствующие перешли к галерее дворца, на которую вышел великий князь с многочисленной свитой. Его Высочество поздравил представителей дворянства и крестьян с новой Царской милостью; громкие «ура» были ответом на это приветствие. Дворяне были приглашены во дворец к завтраку, а для крестьян было приготовлено угощение на площадке, под шатром. Завтрак, конечно, сопровождался тостами и речами. Великий князь, встав из-за стола, вышел на площадку к пировавшим представителям крестьян, и на его вторичное приветствие снова раздались оглушительные «ура». Праздник закончился иллюминацией и даровым представлением в театре.

ДЕЛА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

До 1864 года государственная наша граница в Средней Азии представлялась в совершенно ненормальном виде. С тех пор, как передовые наши укрепления были выдвинуты в степь, далеко вперед старой границы, с одной стороны — на низовья Сыр-Дарьи (форты № 1 или Казала, № 2, Перовский, Джулек и Яны-Курган), а с другой — в Заилийский край (Верное, Токмак,

Пишпек), между этими двумя передовыми линиями образовался большой промежуток степной местности, где граница наша оставалась как бы разорванной. Между крайними пунктами этих линий, Пишпеком* и Яны-Курганом**, расстояние в 750 верст было ничем не прикрыто от хищнических набегов кочевников и враждебных нам в то время коканцев, бухарцев и хивинцев. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы убедиться в необходимости установления связи между двумя пограничными линиями, подведомственными двум разным начальствам — Оренбургского края и Западной Сибири. Этот вопрос и был поднят в зиму с 1863 на 1864 год; он обсуждался в нескольких совещаниях, происходивших у меня, с участием директора Азиатского департамента Министерства иностранных дел генерал-адъютанта Николая Павловича Игнатьева и вице-директора действительного статского советника Петра Николаевича Стремоухова[321].

Наше Министерство иностранных дел с давних времен держалось в азиатской политике систем пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому нашему успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатических запросов Лондонского кабинета, ревниво следившего за каждым нашим шагом в степях. Сам вице-канцлер князь Горчаков, почти не занимавшийся лично азиатскими делами и чуждый самых поверхностных сведений об Азии, не хотел даже вникать в обстоятельства, вынуждающие нас по временам принимать военные меры на азиатских наших окраинах, и приписывал всякое военное предприятие своеволию местных военных начальников, стремлению их к боевым отличиям и наградам. Хотя в этом обвинении и была, может быть, некоторая доля правды, однако ж, не одно же мелкое честолюбие второстепенных личностей заставляло прибегать к оружию против полудиких азиатских соседей, и не мы одни, русские, узнали долгим историческим опытом, как трудно остановиться в заранее определенных территориальных границах, когда подобное соседство вызывает самой силой вещей неудержимое распространение сферы действий и власти. Поэтому Министерство военное бывало иногда в довольно щекотливом положении: нужно было, с одной стороны, добросовестно подчиняться требованиям и видам Министерства иностранных дел, тогда как, с другой стороны, невозможно было не признать основательности военных соображений и действий местных начальников, отвечающих за безопасность и спокойствие вверенного им края.

---

* взятым у коканцев в 1860 году генералом Цимерманом.

** Яны-Курган — также коканское укрепление, взято в 1861 году генералом Дебу.

Назначение в 1861 году генерал-адъютанта Игнатьева директором Азиатского департамента значительно облегчило дело. Это был человек молодой, честолюбивый, предприимчивый, знакомый с Азией и приобретший уже известность удачными своими миссиями в Хиву и Китай. Как офицер Генерального штаба, он был со мной в самых лучших отношениях, почти товарищеских, хотя и был гораздо моложе меня. Благодаря этим личным отношениям мы входили в частные между собой соглашения по азиатским делам, и общими силами успокаивали пугливость вице-канцлера. Так уладилось и предположенное на 1864 год исполнение плана соединения передовых линий Сыр-Дарьинской и Заилийской. План этот был утвержден Государем и состоял в том, чтобы с наступлением весны одновременно двинуть два отряда навстречу друг другу: один со стороны Яны-Кургана, от войск Оренбургского края, другой — от Верного или Пешпека, из Западной Сибири*. Сначала предполагалось сомкнуть линию по северной стороне гор Каратау, в Сузаке; но потом принято было мнение начальника Сыр-Дарьинской линии полковника Веревкина, чтобы пунктом соединения двух отрядов был город Туркестан (или Азрет)**. Поэтому назначено было полковнику Веревкину в мае месяце двинуться с отрядом к этому городу, в то же время как со стороны Верного отряд полковника Черняева*** двинется к Аулье-ата и, овладев этим пунктом, пойдет далее на соединение с Веревкиным****.

Названные пункты были в то время в руках коканцев. В Кокане властвовал Худояр-хан, поставленный на ханство зятем его эмиром Бухарским Музафаром*****, который завладел этой страной в 1862 году, прогнав избранного коканцами хана Шаги-Мурата. В том же году бухарский эмир, пользуясь удалением афганского эмира Дост-Магомета к возмутившемуся против него Герату, успел завладеть и некоторыми областями на левой стороне Аму-Дарьи, отнятыми прежде у Бухары Дост-Магометом, так что в это время эмир Музафар воображал себя могущественнейшим в Азии владетелем. Афганский же эмир Дост-Магомет, после продолжительной осады Герата, овладев им наконец вероломством (летом 1863 года), вслед за тем умер, и на место его провозглашен был эмиром Афганским один из многочисленных сыновей его — Шир-Али. Что же касается до ханства Хивинско-

* Письма мои к генерал-адъютанту Безаку и генералу Дюгамелю 11 февраля.

** Письмо генерал-адъютанта Безака ко мне 26 апреля[322].

*** Полковник Черняев назначен в 1862 году начальником штаба Отдельного оренбургского корпуса.

**** Письмо генерала Дюгамеля 21 марта[323].

***** женатом на сестре Худояр-хана.

го, то оно было тогда обессилено борьбой с туркменами, которые держали в блокаде главные города хивинские (Кунград, Кипчак, Ходжент) и грабили в окрестностях самой Хивы.

Предположенное движение отрядов в степь было исполнено совершенно успешно. 5 июня полковник Черняев без особых затруднений овладел укрепленным городом Аулье-ата, с потерей всего 3 раненых; а неделей позже, 12 июня, полковник Верёвкин, после нескольких дней осадных работ занял Туркестан (Азрет), потеряв всего 5 убитых и 24 раненых. Войска обоих отрядов вошли в непосредственную между собой связь, и общее над ними начальство принял полковник Черняев как старший в чине.

Образовавшаяся таким образом новая линия от р. Чу до Яны-Кургана получила временно название «Передовой Кокандской линии», впредь до окончательного распоряжения об общем устройстве всего края*. Начальником новой линии назначен был Черняев, произведенный, в награду за успешное исполнение возложенного на него дела, в генерал-майоры, так же как и Верёвкин**.

Но сообщение между обоими вновь занятыми пунктами: Туркестаном и Аулье-ата не было еще вполне обеспечено; оно пересекалось горами Каратау; лучшие дороги от названных пунктов сходились к Чемкенту — значительному кокандскому городу, отстоящему верст на 160 как от Туркестана, так и от Аулье-ата. Черняев и Веревкин ясно видели, что для довершения новой линии придется рано или поздно занять Чемкент. В июле месяце они решились было овладеть этим пунктом. Черняев двинулся от Аулье-ата 7-го числа, с 6 слабыми ротами и сотней казаков, а со стороны Туркестана высланы были только 2 роты с сотней казаков, под начальством капитана Генерального штаба Мейера. Между тем в Чемкенте собралось более 6 тысяч кокандских войск с 4 орудиями. 13 июля капитан Мейер, подойдя к Чемкенту, был окружен многочисленным скопищем при Ак-булаке и должен был отбиваться в течение целых двух дней (14 и 15 июля). Черняев, находившийся в то время в 60 верстах от места боя, узнав об опасном положении Мейера, выдвинулся 14-го числа на один переход и остановился, а на другой день, 15-го, послал вперед на помощь Мейеру только 50 казаков с 75 стрелками, посаженными на коней. Эта горсть, встреченная многочисленным неприятелем, не могла соединиться с Мейером, которому удалось, в ночь на 16-е число, отойти на несколько верст назад по дороге к Туркестану, и только 16-го числа по-

---

* Высочайшее повеление 18 июля.

** Приказ 12 июля.

дошел на соединение с ним высланный Черняевым подполковник Лерхе с 3 ротами и одной сотней.

Таким образом, попытка завладения Чемкентом не удалась и чуть было не обошлась нам очень дорого. Слабый отряд Мейера, мужественно отбиваясь в течение двух дней от назойливых натисков многочисленного противника, отделался еще довольно благополучно, потеряв всего 13 убитых и 54 раненых и контуженых (в том числе 3 офицеров)*. Почему Черняев медлил идти на выручку Мейера — осталось неизвестным. К счастью нашему, коканцы не продолжали наступательных действий; с своей стороны Черняев должен был отложить возобновление действий на Чемкент до получения подкреплений и до более благоприятных обстоятельств.

В это время коканские и бухарские власти были озабочены событиями в западных областях Китайской империи, где мусульманское население уже несколько лет было в полном восстании. Также и наше сибирское начальство обратило внимание на происходившие там кровавые смуты, почти прекратившие наши торговые сношения с Китаем. Мятежные дунгане завладели уже большей частью Кашгарии (Алты-шара), истребляя везде китайские войска и все китайское население поголовно. Пекинское правительство не имело достаточно сил для подавления восстания на дальней окраине, когда большая еще опасность угрожала империи в самых центральных областях. Тайпинги занимали южные области, осаждали Нанкин и угрожали самой столице. Бессильное правительство богдыхана должно было пользоваться помощью недавних своих врагов — Франции и Англии для охранения приморских торговых пунктов. Команды, высаженные с английской и французской эскадр, еще в прошлом 1863 году помогли китайцам выручить Шанхай из власти мятежников, а в июле 1864 года китайцы обязаны были английскому майору Гордону освобождением Нанкина от осаждавших его тайпингов[324].

В делах Дальнего Востока Англия и Франция играли весьма двусмысленную роль. Смуты и неурядицы, потрясавшие Китай, представляли удобную почву для вмешательства во внутренние его дела. Обе державы извлекали выгоды из затруднительного положения Пекинского правительства, для своих торговых интересов и политического влияния. Когда же мятеж усилился так, что начал угрожать приморским городам и, следовательно, торговле европейской, начальники английской и французской эскадр явились на помощь китайцам: снабжали их военными средствами, доставляли инструкторов для обучения их войск,

* За дело при Ак-Булаке капитан Мейер произведен в подполковники.

руководили ими в бою и даже поддерживали высаженными на берег отрядами. Но лишь только дела китайцев поправлялись, европейские союзники их умеряли свои благодеяния и даже отказывали в своих услугах, чтобы не работать на свою собственную голову.

Не менее своеобразна была политика обеих европейских морских держав и в отношении Японии. Заявляя свое дружественное расположение к верховному правительству микадо и тайкуна, англичане и французы в то же время громили своими эскадрами приморские города и укрепления Японии, под видом наказания вассальных князьков (даймиосов), будто бы вышедших из повиновения центральной власти. Так, в 1863 году англичане бомбардировали и разрушили многолюдный японский город Кагосимо, а в 1864 году соединенная англо-французская эскадра форсировала проход Симоносаки и принудила японцев открыть некоторые гавани для европейской торговли.

Полученные в октябре месяце известия из Средней Азии снова встревожили нашу дипломатию. Генерал-майор Черняев, который уже прежде подбивал Веревкина соединенными силами овладеть Чемкентом для лучшего устроения новой Коканской линии и получил от него решительный отказ, теперь, сделавшись начальником всей этой линии, задумал на собственный риск привести свой план в исполнение. Собрав отряд из $10^{1}/_{2}$ рот пехоты, $2^{1}/_{2}$ сотен казаков и 20 орудий, он подступил 19 сентября к Чемкенту, занятому коканскими войсками, как полагали, в числе до 10 тысяч человек. В течение ночи построена была батарея, и с рассвета 20-го числа открыт огонь. В следующую ночь заложена другая батарея. Коканцы, ободренные медленностью наших осадных действий, начали тревожить наш отряд вылазками. 22-го числа утром войска наши, отразив сильную вылазку неприятеля, перешли сами в наступление и по следам коканцев ворвались в город и цитадель. Все дело продолжалось не более часа. Потеря наша, как было показано в реляции, собственно при штурме состояла из 2 убитых, 17 раненых и 19 контуженых; за все же время осады — 6 убитых и 41 раненых и контуженых. Трофеями были 23 орудия, много оружия и военных запасов.

За успешное это дело генерал-майор Черняев награжден орденом св. Георгия 3-й степени, и кроме того за все предшествовавшие действия ему пожалован орден св. Станислава 1-й степени. Все офицеры отряда были также награждены; нижним чинам розданы знаки военного ордена и денежная награда.

После взятия Чемкента генерал-майор Черняев, в полуофициальном письме от 26 сентября писал мне: «Мысль В<ашего>

Пр<евосходительства> соединить нашу среднеазиатскую границу может считаться теперь совершенно оконченной, а за спокойствие вновь отмежеванного в этом году края, с населением до полумиллиона, можно также поручиться. Последний оглушающий удар, нанесенный коканцам под Чемкентом, дает право надеяться, что они сами, без посторонней помощи, в продолжение года ничего противу нас не предпримут»[325].

Хотя положение наших малочисленных войск в пункте, столь далеко выдвинутом, как Чемкент, представлялось не совсем безопасным и возбуждало большие опасения в оренбургском начальстве*, однако ж, на этот раз нельзя было осуждать Черняева в излишней отважности и предприимчивости, так как действительно, занятие Чемкента, лежащего на лучшем пути сообщения между Туркестаном и Аулье-ата, было почти необходимо для обеспечения связи между вновь занятыми пунктами. Черняев справедливо выразился в приведенном выше письме, что оставляя Чемкент в руках коканцев, мы не могли бы спокойно оставаться на зиму на новой линии. Но Черняев не остановился на занятии Чемкента; честолюбие влекло его все далее и, спустя 6 дней, он, с своими ничтожными силами, уже двинулся к Ташкенту, хотя знал, что в этом городе до 100 тысяч жителей и коканские войска.

Подойдя к Ташкенту 1 октября, Черняев на другой же день повел войска на штурм и, разумеется, был отбит, с уроном 16 убитых и 62 раненых, в том числе 4 офицеров. Он отступил к Чемкенту, и хотя в своей реляции включил обыкновенные в таких случаях прикрасы (как например, что неприятель понес урон более нашего, что войска наши после дела рвались на новый бой, считая себя не отраженными неприятелем, а остановленными крутизной и глубиной рва, что несмотря на одушевление войск, «желавших проучить сарта и во что бы ни стало взять Ташкент, он ограничился сделанной рекогносцировкой»), тем не менее эта неудача была весьма прискорбна потому, что в Азии мы держимся не столько материальной силой, при малочисленности наших войск, сколько нравственным авторитетом.

И действительно, после отраженного штурма Ташкента коканцы сделались предприимчивее: правивший ханством Коканским Алимкул (за малолетством хана), собрав в Ташкенте значительные силы (по слухам, от 10 до 15 тысяч человек), двинулся в начале декабря вдоль р. Сыр-Дарьи, чтобы наказать киргизов, покорившихся русским, и обойдя Чемкент, напасть на Азрет (Туркестан), где русский гарнизон состоял всего из $2^1/_2$ рот и $1^1/_2$ сотни казаков. Комендант Туркестана подполковник Жем-

* Письма генерал-адъютанта Безака ко мне от 21 и 24 ноября[326].

чужников, получив сведение о приближении коканцев, 4 декабря выслал для разведок есаула Серова с сотней уральских казаков и одним орудием. Верстах в 20 от Туркестана Серов внезапно был окружен многочисленным скопищем. Уральцы спешились, расположились в виде каре и начали отстреливаться. Коканцы с яростью бросались в атаку; но были отражаемы с большой потерей, и потом сильно обстреливали горсть казаков. Подполковник Жемчужников, узнав об опасном положении Серова, утром 5-го числа выслал на выручку его роту пехоты, которая, однако ж, была в свою очередь атакована неприятелем и должна была возвратиться в Туркестан. Целый день казаки держались без пищи, без воды; половина их была уже перебита; остававшиеся в живых 52 человека, почти все израненые, тем не менее решились пробиться сквозь неприятельские толпы и начали отступать, продолжая отстреливаться. Только с приближением к Туркестану они были поддержаны вышедшей навстречу ротой пехоты. Коканцы же, узнав в то время о движении Черняева со стороны Чемкента, отказались от дальнейших намерений и отступили за Сыр-Дарью.

Геройский подвиг уральских казаков был награжден Государем пожалованием всем оставшимся в живых казакам знаков военного ордена и по 3 рубля на каждого; двое сверх того произведены в урядники; сам есаул Серов получил Георгия 4-й степени.

Генерал Черняев, после своей неудачи под Ташкентом, в реляции счел нужным оправдываться в том, что не возобновил атаки, сам сознаваясь, что «рисковать находившимся перед Ташкентом отрядом, для составления которого он принужден был оставить, при полумиллионном населении, только одни гарнизоны в Аулье-ата, Туркестане и Чемкенте, рисковать единственным резервом всего края для нового нападения — значило бы поставить на карту самую безопасность Ново-Коканской линии». И действительно, он поставил на карту, по его же собственному выражению. Были слухи, будто бы штурм был предпринят «спьяна». Во всяком случае и самое движение к Чемкенту и потом к Ташкенту было предпринято без спросу. В реляции своей Черняев мотивировал наступление к Ташкенту тем, что по имевшимся у него сведениям, город этот будто бы призывал к себе бухарцев, что население его, мирное, торговое и промышленное тяготится войной и что большинство жителей даже желает русского подданства. В полуофициальном же письме ко мне от 26 сентября, т.е. еще до движения к Ташкенту, Черняев объяснял так: «Не зная положительно о видах правительства относительно распространения нашего в Средней Азии и заключая из письма генерал-адъютанта Игнатьева, что мы намерены противодействовать бухарскому эмиру в занятии Ташкента (о

чем он теперь ведет переговоры с Коканом, обещая за уступку этого города свою помощь против нас), я решился сделать движение, с той целью, чтобы не обязываясь ничем, при благоприятных обстоятельствах поставить судьбу этого многолюдного торгового города в распоряжение правительства. Все движение я предполагаю сделать в две недели».

Из этой выписки видно, что Черняев был в переписке с генералом Игнатьевым; стало быть, не мог быть в полной неизвестности о видах правительства, то есть Министерства иностранных дел, которое постоянно противилось всякому движению нашему впредь в Средней Азии. Впоследствии положительно выказалось, что Черняев не хотел знать видов правительства и действовал на свою голову, вопреки получаемым самым категорическим предписаниям своего начальства. Мне случалось слышать упреки, почему подобные самовольные действия местных второстепенных начальников проходят безнаказанно? В особенности Министерство иностранных дел сетовало на то, что не только такие начальники не подвергаются ответственности, но еще награждаются и прославляются. Признавая в этих упреках некоторую долю основательности, я был, однако же, убежден в необходимости большой осторожности в подобных случаях. Требуя от местных начальников соблюдения по возможности даваемых им инструкций и указаний, я вместе с тем находил вредным лишать их вовсе собственной инициативы. Страх ответственности за всякое уклонение от инструкции может убивать энергию и предприимчивость. Бывают случаи, когда начальник должен брать на свою собственную ответственность предприятие, которое в заранее составленной программе не могло быть предусмотрено. Дело в том, конечно, чтобы подобные отступления от программы в частностях не противоречили общей цели и действительно оправдывались необходимостью.

Действия наши в степях Средней Азии постоянно поддерживали агитацию в Англии и побуждали правительство великобританское обращаться к нашему с запросами и попреками. В надежде положить им конец, вице-канцлер согласился на предложение нового директора Азиатского департамента П.Н. Стремоухова сообщить представителям России при дворах больших держав циркулярное разъяснение нашего образа действий в Средней Азии, наших целей и желаний. Разъяснительная эта депеша от 21 ноября 1864 года разрабатывалась Азиатским департаментом совместно с Военным министерством. В ней высказывалась давно известная истина, что государство, становясь в соприкосновение с народом полудиким, а тем более с кочевым и склонным к хищничеству, вынуждено бывает самой силой вещей постепенно выдвигать вперед свою пограничную линию и

искать естественных рубежей, удобных для охранения; объяснялось, как Россия подвигалась таким образом в Средней Азии, вовсе не из желания расширять свою территорию, а исключительно в видах обуздания и умиротворения беспокойных соседних племен, для водворения между ними гражданственности. При этом высказана была, — совершенно напрасно, — надежда на то, что с занятием в последнее время некоторых пунктов для лучшего устройства нашей пограничной линии с Коканом, мы стали в такое положение, что далее выдвигаться вперед уже не будет надобности, потому будто бы, что, оставив за собой степное пространство, занятое одним кочевым населением, мы теперь вошли уже в соприкосновение с населением оседлым, имеющим уже некоторое гражданское устройство. «Имея своими соседями подобные государства, — говорилось в депеше, — мы, невзирая на отсталость их в цивилизации и непрочность политического их положения, можем все-таки питать надежду, что правильные сношения со временем заступят, к общей выгоде, место постоянных беспорядков, препятствовавших доселе преуспеянию этих стран...»[327]

Надежды эти были совершенно призрачны; по крайней мере со стороны Военного министерства не было таких иллюзий. Можно только сожалеть, что Министерство иностранных дел постоянно прибегало к подобным успокоительным заявлениям и тем связывало себе руки в дальнейших действиях. Факты, совершавшиеся вслед за тем, почти сами собой, без ведома высшего правительства, всегда опровергали только что данные дипломатические обещания и давали повод нашим противникам укорять нашу политику в коварстве и вероломстве.

В конце года вызваны были в Петербург генерал-губернаторы оренбургский и западносибирский (генерал-адъютант Безак и генерал Дюгамель) и сверх того приглашен из-за границы граф Н.Н. Муравьёв-Амурский, на совещания по поводу возбужденного тогда вопроса о новом делении Азиатской России и устройства административного во вновь занятых странах Средней Азии. Вместе с тем обсуждались в то время предположения генерала Безака о разделении Оренбургской губернии на две губернии — Оренбургскую и Уфимскую, а также об упразднении Башкирского казачьего войска с передачей башкир в общее гражданское управление. Предположения эти уже были в ходу с самого начала года. Постепенная передача башкирских «кантонов» в гражданское ведомство началась еще в 1863 году, а в апреле 1864-го командовавший Башкирским войском полковник Богуславский уволен от этой должности; все подготовлялось к окончательному упразднению отдельного Башкирского управления.

А.П. Безак

Граф Н.Н. Муравьёв-Амурский немедленно по получении моей телеграммы от 16/28 декабря приехал из-за границы, весьма довольный тем, что вспомнили о нем по случаю азиатских дел. В это время генерал-адъютант Граббе просил об увольнении его от должности атамана Донского казачьего войска, и возникла мысль о назначении на эту должность графа Муравьёва-Амурского; однако ж, он отклонил это предложение: состояние здоровья его не позволило ему даже оставаться долго в Петербурге, и вскоре он опять уехал за границу.

ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ В 1864 ГОДУ

Возникшая в 1864 году война между Данией и государствами германскими занимает такое место в общем ходе современной политики европейской, что не может быть обойдена и в моей

хронике, хотя для объяснения поводов к этой войне потребуется довольно пространное изложение. Тогдашние дела датские представляются первым шагом к осуществлению пресловутой системы господства силы над правом, которая была потом проведена с такой последовательностью прусским железным канцлером.

Давнишние недоразумения между Германией и Данией по поводу герцогств Голштинии и Шлезвига, улаженные на время международным протоколом Лондонской конференции 1852 года, возникли снова в 1863 году и приняли такой острый оборот, что несмотря на все старания европейских кабинетов отвратить вооруженное столкновение, разрешились открытой войной. Две сильные державы, Пруссия и Австрия, прибегли к вопиющему насилию против слабого государства Датского, с целью оторвать от него две области, из которых одна входила в состав Германского Союза, а другая имела население смешанное— немецкое и датское.

Лондонская конференция 1851 и 1852 годов имела главной целью — предотвратить недоразумения, которые могли возникнуть относительно престолонаследия в случае смерти короля Фридриха VII. Так как он был бездетный, то по датским законам наследие должно было перейти к младшей, женской линии Голштейн-Глюксбургской, тогда как в герцогствах, в силу существовавшего салического права[328], являлись другие претенденты, и во главе их принц Август Аугустенбургский. Лондонская конференция, в которой приняли участие все пять великих держав и сверх того Швеция, имея в виду сохранить единство Датской монархии, постановила протоколом 8 мая 1852 года, чтобы после короля Фридриха VII вступил на престол датский, нераздельно с герцогствами, принц Христиан Глюксбургский. Подписанием этого акта обе германские державы: Австрия (за себя и за Германский Союз) и Пруссия отказались от своего притязания образовать из обоих герцогств отдельное от Дании государство, поставив, однако ж, условием, чтобы герцогства сохранили свою административную автономию и общие свои гражданские учреждения. Принц Аугустенбургский, с своей стороны, отрекся от прав наследования за условленное денежное вознаграждение.

Еще ранее, договором, подписанным в Варшаве 24 мая / 5 июня 1851 года уполномоченными России и Дании, подтверждено было формальным образом отречение российского императора, как главы старшей линии Голштейн-Готорпской, от тех наследственных прав на герцогства, которые договорами 1763 и 1773 годов были уступлены в пользу мужской линии тогдашнего короля Христиана VII[329]. В предвидении прекращения этой линии с кончиной короля Фридриха VII, постановлено было договором 1851 года, что российский император вновь отказывает-

ся от означенных прав своих в пользу наследника Фридриха VII, то есть принца Глюксбургского и его мужеского потомства, причем положительно оговорено, что отказ этот имеет целью сохранение целости монархии Датской и что потому договор остается в силе только до тех пор, пока цель эта будет осуществлена, то есть пока все владения датской короны будут соединены под скипетром датского короля в мужском потомстве принца Христиана Глюксбургского. Договор этот вошел в силу с установлением общеевропейского соглашения относительно датского престолонаследия Лондонским протоколом 8 мая 1852 года.

Казалось, что нераздельность Датской монархии была вполне обеспечена и возможность столкновения ее с Германией устранена; но дипломатия не могла положить конца национальному антагонизму в герцогствах. Неудовольствие немецкого населения на датское правительство усилилось в 1863 году вследствие антинемецких стремлений тогдашнего министерства Галля. Голштинский сейм постановил обратиться к Франкфуртскому федеральному сейму с петицией о защите прав и интересов герцогства как составной части Германского Союза.

Вслед за тем 18/30 марта 1863 года король Фридрих VII обнародовал постановление Датского сейма, предоставлявшего Голштинии отдельное, самостоятельное устройство, даже с особой военной силой. Казалось, что предоставление герцогству такой широкой автономии должно было вполне удовлетворить немецкие притязания; однако ж, вышло совершенно наоборот: в Германии означенное постановление было признано новым нарушением прав обоих герцогств, между которыми тесная связь была так недавно еще гарантирована Лондонским протоколом 1852 года. Австрия и Пруссия протестовали против датского манифеста 18/30 марта; Германский же федеральный сейм, в заседании 28 июня / 10 июля 1863 г., постановил потребовать от датского правительства немедленной отмены означенного постановления, а некоторые из представителей второстепенных государств уже предложили неотлагательную федеральную экзекуцию, то есть занятие герцогства союзными войсками.

На требование Германского Союзного сейма датское правительство отвечало (15/27 августа 1863 года), что находит невозможным отменить постановление Датского сейма, но изъявляло готовность войти в соглашение с Германским Союзом, насколько требования его будут совместимы с державными правами датской короны в тех частях монархии, которые не входят в состав Германского Союза. Ответ этот не удовлетворил Франкфуртского сейма. Несмотря на советы Англии, Франции и России в духе примирения и умеренности, сейм настаивал на своих требованиях и готовился к предположенной военной экзекуции. Исполне-

ние этой меры возлагалось на войска королевств Саксонского и Гановерского. Датское правительство, с своей стороны, также начало готовиться к защите своих прав силой оружия, а вместе с тем обратилось к заступничеству трех великих держав и возлагало надежды на союз с королевством Шведо-Норвежским, которое сначала обнадеживало Данию в помощи против несправедливых придирок Германии; но потом, видимо, уклонялось от заключения формального союза.

Ни та, ни другая сторона не внимала миролюбивым советам кабинетов Лондонского, Парижского и Петербургского. Несмотря на несоразмерность сил и средств, в Дании господствовали воинственное настроение и сильное раздражение против притязаний Германии. Как в Копенгагене, так и в Стокгольме подняла голову скандинавская партия, давно уже мечтавшая о тройственном союзе Швеции, Норвегии и Дании. Датский сейм с патриотическим энтузиазмом принял проект новой конституции, которая должна была окончательно закрепить объединение датской монархии и поглощение ею герцогства Шлезвигского прямо наперекор немецким притязаниям. Представители Англии, Франции и России в Копенгагене отклоняли короля от утверждения новой конституции; шведский посланник граф Гамильтон также предупреждал, что правительство его считает опасным утверждение этой конституции.

В таком положении были дела, когда король датский Фридрих VII вдруг скончался 3/15 ноября 1863 года. В силу Лондонского протокола 1852 года, вступил на престол принц Глюксбургский, под именем короля Христиана IX. Перемена эта послужила поводом к новому усложнению вопроса. Германские державы объявили, что не считают себя связанными Лондонским протоколом, вследствие нарушения его самим королем датским, а Франкфуртский сейм, кроме того, заявил, что означенный акт заключен без участия представителей Союза Германского и самого герцогства Голштинского. Сын отказавшегося от прав на герцогства принца Августа Аугустенбургского, молодой принц Фридрих обнародовал манифест о своем вступлении на престол Соединенных герцогств Шлезвиг-Голштейна и Лауенбурга. Местное население с радостью приветствовало этот манифест, и немедленно же некоторые из германских владетелей признали права принца Фридриха.

Новый король датский Христиан, также как и предместник его покойный Фридрих VII, первоначально колебался утвердить вотированную Датским сеймом конституцию; но министры угрожали выходом в отставку, если король не утвердит конституцию, так как не могут отвечать за сохранение порядка и за безопасность самого престола. Раздражение в народе против немцев дошло до того, что ожидали бунта в самом Копенгагене; пошли

даже толки о том, чтобы корону датскую предложить королю шведскому. 6/18 ноября король Христиан решился утвердить новую конституцию. Датское население приняло это решение с восторгом; но в то же время в герцогствах не только народ, но и правительственные чиновники отказали в присяге королю, и во многих местностях открыто провозглашен был принц Фридрих герцогом Шлезвиг-Голштинским.

В заседании 16/28 ноября Франкфуртского сейма, представителями Австрии и Пруссии заявлено было, что обе державы, подписав Лондонский протокол 1852 года, не считают возможным уклониться от исполнения этого договора, если только король датский, с своей стороны, согласится выполнить обязательные для него условия того же договора. На этом основании Австрия и Пруссия отклонили признание прав принца Аугустенбургского, несмотря на то, что прусская палата, после весьма настойчивых возражений Бисмарка, приняла огромным большинством голосов предложение оппозиции пригласить правительство к неотлагательному признанию прав принца Аугустенбургского и даже к поддержанию их, в случае надобности, силой оружия. Принц Фридрих, молодой еще человек (24 лет) состоял в прусской службе майором и женат был на принцессе Гогенлоэ-Лангенбург, двоюродной сестре английской королевы. Бисмарк оспаривал его право, как на основании формального отречения отца его, так и потому, что принц Фридрих рожден был от морганатического брака отца его с графиней Даненшёлд. Еще до подписания Лондонского протокола 1852 года король прусский предварял принца Августа, что этот неравный брак уничтожает всякие притязания его на престолонаследие в герцогствах. Настоящие цели, руководившие Бисмарком в упорном сопротивлении домогательствам принца Аугустенбургского, раскрылись только впоследствии. В описываемую же эпоху совместный отказ Австрии и Пруссии в этом деле прикрывался благовидными соображениями международных обязательств. Между обоими кабинетами, Венским и Берлинским, состоялось соглашение действовать в датском вопросе совершенно заодно, о чем было заявлено официально.

25 ноября / 7 декабря Франкфуртский сейм постановил приступить немедленно к военной экзекуции. Войскам саксонским и гановерским, в числе до 12 тысяч человек, приказано было двинуться в Голштинию; главнокомандующим экзекуционным корпусом назначен саксонский генерал фон-Гаке, а гражданскими комиссарами — фон-Кённериц и фон-Ниссера. В виде резерва положено было придвинуть к границам Голштинии до 5 тысяч прусских войск и столько же австрийских, а кроме того

мобилизовать, на случай дальнейшей надобности, еще до 20 тысяч прусских и австрийских войск.

В Дании также приступлено было к военным приготовлениям; призваны были солдаты из запаса; снаряжался флот. Силы Дании были ничтожны сравнительно с могущественными противниками и, несмотря на превосходство датского флота на море, борьба была весьма неравная. На требование германских государств, чтобы датский король отменил ноябрьскую конституцию, датское министерство отвечало, что признает невозможным исполнить это требование без согласия сейма, но предлагало приостановить введение в действие этой конституции временно, до новой сессии сейма.

Германские государства не удовлетворились таким предложением, и 7/19 декабря датское правительство получило от имени Австрии, Пруссии, Саксонии и Гановера требование, чтобы датские войска очистили Голштинию. Вслед за тем войска саксонские и гановерские вступили в пределы Голштинии, австрийские заняли Гамбург, а прусские расположились в Любеке и окрестностях. Безрассудно было бы Дании противиться вступлению союзных войск в ту часть монархии, которая считалась в составе Германского Союза; да к тому же она не была вовсе приготовлена к обороне. Расположенные в Голштинии датские войска получили приказание отойти за р. Эйдер, составляющую пограничную черту между Голштинией и Шлезвигом; на ту же границу перенесена была и таможенная линия.

По мере выступления датских войск, везде население выражало свою радость восторженными демонстрациями. Собравшиеся в Гамбурге голштинские государственные чины постановили (10/22 декабря) признать принца Фридриха Аугустенбургского герцогом Голштинским. В Альтоне и многих других городах Голштинии принц был торжественно провозглашен герцогом. Прибывшие в это время в Альтону федеральные комиссары не воспрепятствовали такому преждевременному разрешению вопроса, по которому Федеральный сейм встретил упорное сопротивление со стороны Берлинского кабинета.

Еще в начале декабря русское правительство заявило французскому и английскому о своем намерении воспользоваться вступлением на престол датский нового короля, чтобы отправить в Копенгаген чрезвычайного посла с обычным по этому случаю поздравлением, возложив на него поручение, в виде дружественного совета, склонить короля Христиана к отмене ноябрьской конституции, несовместной с обязательствами, принятыми на себя покойным датским королем в 1852 году. Поручение это было возложено на действительного статского советника Эверса. Русское правительство предложило обоим другим кабинетам действовать совместно, в видах устранения нарушения мира. Оба

кабинета охотно приняли предложение России*. Соединенные усилия четырех названных кабинетов, сочувственно относившихся к Дании, подействовали на короля Христиана, который, сознавая опасность своего положения, решился собрать сейм и предложить на его решение изменить ноябрьскую конституцию в тех статьях, которые подали повод к столкновению с Германией. Тогда министерство Галля подало в отставку (16/28 декабря); образование нового кабинета было поручено епископу Монраду, а главнокомандующим всеми датскими войсками назначен генерал фон-Меца. К 19/31 декабря датчане очистили всю Голштинию до Эйдера и даже выступили из Рендсбурга, удержав за собою только предмостное укрепление. В тот же день Рендсбург был занят саксонскими войсками.

В таком положении были дела по датско-германскому столкновению к началу 1864 года. Россия вместе с Англией, не теряя еще надежды уладить спор мирным путем, склоняли датское правительство к уступчивости и внушали умеренность германским государствам**. Но пока происходил обмен дипломатиче-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «и послали в Копенгаген чрезвычайными послами: лондонский — лорда <нрзб>.; а парижский — генерала Флери, одного из самых приближенных лиц при императоре Наполеоне. Шведский посланник Гамильтон также получил от своего правительства инструкцию действовать заодно с представителями трех больших держав» (*примеч. публ.*).

** Далее в автографе зачеркнуто: «Лондонский кабинет возобновил предложение о решении датского вопроса европейской коалицией, на что Петербургский кабинет немедленно изъявил полное согласие. Парижский же кабинет отклонил предложение: Наполеон не мог забыть неудачу, которую потерпело незадолго перед тем его предложение о конгрессе. Со стороны Пруссии и Австрии не встречалось препятствия подвергнуть спорный вопрос обсуждению конференции, с оговоркой, однако же, чтобы предварительно установлены были некоторые условия.

В виду несогласия Франции на конференцию, Лондонский кабинет заявил новое предложение — чтобы четыре кабинета: Петербургский, Лондонский, Парижский и Стокгольмский приняли на себя посредничество между Данией и Германией с условием приостановить с обеих сторон военные приготовления. На это предложение наш вице-канцлер возразил, что едва ли Австрия и Пруссия согласятся подчиниться решению посредничествующих держав, ввиду господства в Германии раздражения умов. Впрочем, между Петербургским и Лондонским кабинетами поддерживалось полное согласие по датскому вопросу. Правительство наше действовало с полным бескорыстием, не имея другой цели, как только предотвратить войну. Когда претендент на Шлезвиг-Голштинский престол принц Аугустенбургский обратился к русскому представителю при Германском Союзе тайному советнику барону Унгерн-Штернбергу с просьбой препроводить письмо его к русскому Двору о принятии им звания герцога Шлезвиг-Голштинского, посланник наш не принял этого письма, объявив принцу, что Россия связана Лондонским протоколом 1852 года и что в случае нарушения этого акта император Российский вступает снова в свои права на герцогство. Ответ этот был вполне одобрен вице-канцлером» (*примеч. публ.*).

ских депеш между кабинетами, во Франкфуртском сейме дан был делу решительный оборот. В заседании 2/14 января 1864 года представители Австрии и Пруссии предложили потребовать от Дании неотлагательного исполнения требований Союза Германского и в случае нового отказа, занять Шлезвиг. Предложение это встретило возражения со стороны некоторых государств германских, и тогда Австрия и Пруссия объявили, что они берут дело герцогств в свои руки уже не в качестве членов Союза, а как державы европейские, подписавшие Лондонские протоколы 1851 и 1852 годов. Таким образом, Австрия, позабыв на этот раз свое соперничество с Пруссией и свою роль главы Германского Союза, поддалась внушениям прусского министра-президента и сделалась бессознательным орудием его честолюбивых планов.

Лондонский и Петербургский кабинеты снова убеждали короля датского отменить ноябрьскую конституцию. Король Христиан, уже заявивший личное свое на это согласие, считал, однако же, необходимым исполнить не иначе как в законной форме решение сейма; но Пруссия и Австрия не соглашались дать нужное для того время и потребовали немедленного же исполнения их требований. Война сделалась неизбежной. Она была давно уже решена в планах Бисмарка, который, в оправдание их замыслов, ссылался на мнимую необходимость войны в видах предупреждения революции в Германии.

Решение Австрии и Пруссии действовать относительно Дании самостоятельно, с устранением Союза Германского, произвело страшное раздражение во всей Германии, не исключая и самой Пруссии. В прусской палате оппозиция резко упрекала министерство в том, что оно злоупотребляет своей силой и вместе с австрийским правительством становится во враждебные отношения к Союзу Германскому. В заседании 10/22 января палата, так же как и в предшествовавшие годы, не утвердила внесенного министерством бюджета на 1864 год и отказала в чрезвычайном 12-миллионном кредите по случаю предстоявшей войны. Но на другой день палата господ отвергла вотированные нижней палатой изменения в бюджете и постановила утвердить последний в первоначальном его виде. Тогда палата представителей в заседании 13/25 января объявила постановление верхней палаты недействительным, и в тот же день была распущена. Таким образом, в пятый год прусское министерство распоряжалось без утверждения бюджета законным порядком и начало войну без разрешения палатой потребных на то чрезвычайных кредитов.

Для вторжения в Шлезвиг назначено было 42 тысячи человек прусских войск, под начальством принца Фридриха-Карла, младшего брата короля, и 20 тысяч австрийских, под начальст-

вом генерала Габленца; общее же начальство союзными войсками было вверено 80-летнему фельдмаршалу Врангелю, который был еще в 1848 году главнокомандующим союзными войсками, вступившими тогда в пределы Дании[330].

Со стороны датчан, как уже сказано, главнокомандующим назначен был генерал фон-Меца. При своей малочисленной армии, Дании ничего другого не оставалось, как обороняться по возможности в укрепленных позициях. Главная оборонительная линия датчан, известная под названием «Даненверка», была значительно усилена в последнее время и вооружена многочисленной артиллерией; но большей частью орудиями старых образцов. Другая сильная укрепленная позиция была устроена в Дюппеле, в виде предмостного укрепления, защищавшего переправу через узкий морской пролив на острове Альзен.

13/25 января датские посланники выехали из Берлина и Вены, и в тот же день прусские войска вступили в Киль, а 20 января / 1 февраля союзники перешли через Эйдер границу Шлезвига. Австрийцы беспрепятственно заняли крепость Рендсбург, а пруссаки — Экенфиорде. Первое горячее дело было 21 января / 2 февраля при Мисунде, после чего союзники подвигались, почти не встречая сопротивления. Полагали, что главная, упорная оборона ожидала их в Даненверке. Но каково же было общее удивление, когда союзники, подойдя 26 января / 7 февраля к этим грозным укреплениям, нашли их покинутыми датчанами. Союзные войска заняли беспрепятственно город Шлезвиг, а датские стянулись к Фленсбургу.

Неожиданное очищение Даненверка датскими войсками, вполне оправдываемое несоразмерностью численной силы армии с протяжением укрепленной позиции, произвело, однако же, страшное неудовольствие в Копенгагене и во всей Дании. Главнокомандующий фон-Меца был сменен генералом Герлаком. По мере занятия страны союзными войсками, немецкое население ее с восторгом провозглашало принца Фридриха Аугустенбургского герцогом Шлезвиг-Голштинским и заменяло датские флаги герцогскими. Принцу подносились адресы и делались всякого рода овации.

Демонстрации эти не нравились прусским властям, и с самого вступления австро-прусских войск в герцогства начались неудовольствия между начальниками этих войск и поставленными в Голштинии от имени Германского Союза гражданскими властями. Фельдмаршал Врангель жаловался на федеральных комиссаров, будто бы причиняющих австро-прусским войскам всякого рода затруднения. Прусское правительство домогалось, чтобы федеральные войска в Голштинии были замещены прусскими и присоединились к австро-прусским войскам для наступательных

действий. С этой целью командирован был в Дрезден и Вену генерал Мантёйфель. Предложение было решительно отвергнуто Франкфуртским сеймом; но Мантёйфелю удалось склонить Венский кабинет к тому, чтобы, не ограничиваясь занятием Шлезвига, перенести войну и в Ютландию. Кроме того, прусское правительство, вопреки решению сейма и несмотря на протест федеральных комиссаров, ввело свои войска в Альтону. К началу февраля весь Шлезвиг был очищен датскими войсками, а 7/19 февраля союзники уже вступили в пределы Ютландии и заняли город Кольдинг; пруссаки подступили к Дюппельским укреплениям.

Быстрые успехи союзников заставили датское правительство обратиться к четырем кабинетам — Лондонскому, Парижскому, Петербургскому и Стокгольмскому с просьбой о заступничестве их против насилий со стороны Германии*. Лондонский кабинет, по соглашению с Петербургским, возобновил прежние свои настояния об открытии конференции с прекращением военных действий. На этот раз согласилась и Франция, только с оговоркой, чтобы при решении вопроса о герцогствах спрошено было желание самого населения их (les voeux de la population). Что касается до воюющих сторон, то предлагаемое разрешение спора конференцией, казалось, было всего желательнее для Дании, так как в это время (к 1/13 марта) австрийские войска уже подступили к Фредериции и вскоре открыли бомбардировку этого укрепленного города, а прусские осадные батареи начали обстреливать Дюппельские укрепления и даже бомбардировать Зондербург (на острове Альзене). Но в Копенгагене господствовали странная самоуверенность и воинственный задор. По-видимому, датчане возлагали мечтательные надежды на свой флот, объявив блокаду прусских берегов. На предложение Лондонского кабинета о конференции Копенгагенский кабинет изъявил согласие, но без перемирия и не иначе, как на основании Лондонского протокола 1852 года. Пруссия же и Австрия, соглашаясь на конференцию также без прекращения военных действий, отказывались принять означенный протокол исходной точкой перегово-

---

* Далее в автографе зачеркнуто: «Французское правительство по-прежнему положительно уклонялось от военной поддержки; великобританское же, напротив, было бы не прочь оказать даже вооруженную помощь, если б другие державы согласились действовать в том же смысле. Посол английский в Петербурге лорд Нэпир старался выведать у князя Горчакова намерения русского правительства по этому предмету, но вице-канцлер с обычной своей осторожностью уклонился от всяких обнадеживаний и в ответе Копенгагенскому кабинету ограничился платоническими выражениями готовности своей содействовать восстановлению мира, высказав притом, что единственным к тому средством считает европейскую конференцию» *(примеч. публ.)*.

ров. В это время Бисмарк уже заявлял как minimum требований со стороны Пруссии, чтобы герцогство Голштинское вместе с немецкой (южной) частью Шлезвига образовало особое государство в составе Германского Союза, под верховной властью датского короля, с обращением Рендсбурга в федеральную крепость, а Киля — в федеральный военный порт. Но как увидим дальше, прусский министр-президент не остановился на этих скромных желаниях.

Несмотря на существенное различие в условиях, заявленных противными сторонами, конференция состоялась; но совещания открылись в Лондоне только с 13/25 апреля, а между тем военные действия продолжались с новыми успехами на стороне союзников*. Пруссаки под Дюппелем после сильного огня осадных батарей, повели 6/18 апреля решительную атаку на передовые укрепления и овладели ими. 9/21-го прибыл на театр войны сам король прусский в сопровождении Бисмарка. 17/29 апреля австрийцами занята Фредериция. На ютландское население наложена тяжелая контрибуция, под предлогом возмещения убытков, нанесенных Пруссии захватом ее купеческих судов датскими крейсерами**.

26 мая / 7 июня постановлено Лондонской конференцией, чтобы воюющие стороны заключили перемирие. Военные действия были приостановлены как на суше, так и на море. Но дипломатические переговоры затянулись, по невозможности склонить противные стороны к взаимным уступкам. Дания с такой же настойчивостью держалась оснований Лондонского протокола 1852 года, с какой Пруссия отвергала их. Притязания Берлинского кабинета возрастали по мере одерживаемых военных успехов. Но честолюбивые замыслы его начали уже возбуждать подозрение и недоверие со стороны Австрии и Союза Германского. В мае месяце явилась в Берлин депутация из Голштинии с петицией к королю Вильгельму о присоединении герцогств к

---

* В автографе зачеркнуто: «Замедление со стороны Франкфуртского сейма, приглашенного принять участие в конференции, было причиной, что совещания открывались только 13/25 апреля. В них приняли участие представители Великобритании — граф Россель (в качестве председателя) и Кларендон, Франции — Латур д'Овернь, России — барон Бруннов и Эверс, Австрии — граф Аппони и Бигелебен, Пруссии — граф Бернсторф и Балан, Германского Союза — Бейст (саксонский министр), Швеции — генерал Вахтемейстер и Дании — министр Квадде и Кригер» *(примеч. публ.)*.

** В автографе зачеркнуто: «Только на море датчане одержали некоторые успехи: 5/17 марта над прусскими судами против устья Одера, 27 апреля / 9 мая — над австрийскими близ острова Гельголанд. Последнее это морское дело произошло как раз на другой день после постановления Лондонской конференции приостановить военные действия на один месяц, как на сухом пути, так и на море» *(примеч. публ.)*.

Прусской монархии. Она принята весьма благосклонно, хотя и не получила категорического ответа.

В заседаниях Лондонской конференции представители Англии и Франции уже не отстаивали нераздельности Датской монархии на основании протокола 1852 года, но возражали только против обращения Рендсбурга в федеральную крепость и требовали, чтобы северная часть Шлезвига осталась за Данией. Представитель же России заявил, что с отменой протокола 1852 года восстановятся прежние права императора Российского на Шлезвиг-Голштейн; но что Его Величество, в своем искреннем желании облегчить мирное разрешение вопроса, передает свои права великому герцогу Ольденбургскому. Заявление это в сущности не облегчало решения запутанного вопроса о престолонаследии в герцогствах, но противопоставляло кандидатуре принца Аугустенбургского нового конкурента. В последующих заседаниях конференции шли горячие прения о разграничении северного, или датского Шлезвига от южного, или немецкого. Германские уполномоченные противились раздроблению Шлезвига и оспаривали все предлагавшиеся направления пограничной линии. Конференция, не достигнув никакого результата, закрылась 13/25 июня, и на другой же день военные действия возобновились.

Неудачный исход Лондонской конференции и возобновление войны произвели тяжелое впечатление в Европе, особенно же в Швеции и в Англии. В Стокгольме произошли шумные народные манифестации против правительства, подняли снова вопрос о скандинавском союзе. В английском Парламенте также укоряли министерство в том, что оно не оградило Данию от угрожающих европейскому равновесию насилий со стороны германских государств*. Но напротив того, в Париже злорадствовали; снова заговорили о конгрессе — любимой мечте Наполеона III и об «изменении карты Европы». В Берлине также радовались

---

* В автографе зачеркнуто: «Министры возражали (15/27 июня), что Лондонский кабинет действовал в смысле сохранения мира, что материальной помощи Дании никогда не обещал и что остается в твердом намерении соблюдать нейтралитет; при этом английское министерство высказало опасение могущих произойти столкновений с Северо-Американским Союзом, — но умолчало о других причинах, побуждавших Англию воздержаться от вооруженного вмешательства в датско-германскую распрю. С одной стороны, она опасалась, чтоб это вмешательство не дало императору Наполеону повода воспользоваться европейскими усмотрениями для осуществления своих тайных замыслов; а с другой стороны, министерство не могло, даже и в конституционной Англии, совершенно устранить личное влияние королевы Виктории, которая в душе сочувствовала германским притязаниям, тогда как наследный принц держался открыто на стороне своего тестя короля датского» *(примеч. публ.)*.

тому, что фиаско Лондонской конференции развязало руки Пруссии и дало ей возможность оружием достигнуть более выгодных результатов. Вот что писал мне в это время граф Адлерберг (Александр Владимирович) из Кисингена: «Политический горизонт затмевается. Пруссаки, у которых голова кружится от спеси после Дюппельской победы, только и бредят войной. Англия покаместь отличается нерешительностью; но весьма вероятно, что общественное мнение, сильно разгоряченное, возьмет верх над министерством. Франция выскажется только после Англии, — а за тем трудно предвидеть, как разыграются дела»*.

После прежнего упорного сопротивления прусского правительства признанию прав принца Аугустенбургского, Бисмарк, при последних переговорах в Лондоне, уже готов был уступить желаниям Австрии и Германии и соглашался образовать из обоих герцогств особое владение в составе Германского Союза под властью принца Фридриха; но имел при этом в виду склонить последнего на особое соглашение, состоявшее в том, чтобы военные силы герцогств вошли в состав прусской военной организации и чтобы крепости и военные порты в герцогствах считались федеральными, но в полном подчинении прусским военным властям. Таким образом, по плану прусского министра-президента, новое государство только по имени считалось бы независимым; в действительности же, составляло бы вассальное владение Прусской монархии. Однако ж принц Фридрих, приглашенный в Берлин для переговоров, не поддался обольщениям Бисмарка, и с тех пор началось самое суровое преследование его; кандидатура его была окончательно устранена Берлинским кабинетом, и весьма кстати в то самое время появился новый претендент — великий герцог Ольденбургский, который предъявил формально 11/23 июня Франкфуртскому сейму акт, подписанный в Кисингене 7/19-го числа, о передаче ему российским императором наследственных прав старшей линии Гольштейн-Готорпской.

С возобновлением военных действий, положение дел приняло скоро решительный оборот. Главное начальство над австро-прусскими войсками принял принц Фридрих-Карл, вместо престарелого фельдмаршала Врангеля, который, по слабости здоровья, был уволен от командования, с возведением при этом в графское достоинство. Молодой 35-летний принц, с отлично составленным при нем штабом, повел дело энергично: на четвертый день по открытии действий, 17/29 июня, прусские войска уже переправились через морской пролив на остров Альзен, севернее Дюппеля; датчане, угрожаемые обходом в тыл, покинули

---

* Письмо графа Адлерберга от 13/25 июня[331].

и Зондербургскую свою позицию и отступили без сопротивления. Австрийцы также подвигались вперед вглубь Ютландии, так что датские войска повсюду были в полном отступлении. Очевидно, Дания была бессильна, чтоб остановить неприятельское вторжение; пора было опомниться от непостижимого обольщения, побуждавшего Копенгагенское правительство упорствовать в неравной борьбе. 26 июня / 8 июля министерство епископа Монрада подало в отставку; во главе нового кабинета стал Блюме. Снова датское правительство обратилось к Англии, Франции и России с просьбой оказать содействие заключению мира. Все три державы советовали обратиться прямо к Берлинскому и Венскому кабинетам. Так и поступил король Христиан. 30 июня / 12 июля принц Иоанн Глюксбургский, брат короля, отправился в Карлсбад просить находившегося там в то время короля прусского о заключении перемирия и мира.

Австрия и Пруссия (4/16 июля) согласились приостановить военные действия на две недели, но с тем, чтобы немедленно же открыты были в Вене переговоры и установлены предварительные условия мира. С 14/26-го числа переговоры начались, причем Германский Союз был совсем устранен под тем предлогом, что он не принимал прямого участия в войне. Условленный срок перемирия был так короток, что не было времени много спорить. Датские уполномоченные были вынуждены уступить всем требованиям противников и согласиться на полное отделение от Дании обоих герцогств во всем их составе и вместе с Лауэнбургом, так что ей пришлось пожалеть о том, что не согласилась своевременно на те уступки, которые требовались от нее месяцем ранее.

Подписав 20 июля / 1 августа предварительные основания мира, Бисмарк уехал из Вены в Гастейн, где в то время находился король Вильгельм. Прусский министр-президент в извещении своем кабинетов Лондонского, Парижского и Петербургского об означенных предварительных основаниях мира имел наглость хвалиться умеренностью, выказанной Пруссией и Австрией. Однако ж, лорд Россель, в ноте прусскому послу графу Бернсторфу (8/20 августа) высказал откровенно иной взгляд Лондонского кабинета, признававшего так же, как и прежде, что война против Дании не оправдывалась ни необходимостью, ни справедливостью; что результатом ее является раздробление Датской монархии вопреки международному соглашению 1852 года; что, наконец, английское правительство не может одобрить отторжения от Дании и той части Шлезвига, которой население чисто датское, ибо таким образом война, начатая во имя немецкой национальности, приводит к нарушению прав национальности датской.

Дальнейшие переговоры о подробностях мирного договора велись в Вене более двух месяцев. Между тем отношения Австрии и Пруссии к Германскому Союзу все более становились натянутыми и даже враждебными. Недоразумения, беспрестанно возникавшие в самой Голштинии между федеральными властями и прусско-австрийским военным начальством, обострились вследствие случайного происшествия в Рендсбурге: пустая ссора между прусскими и ганноверскими солдатами, ссора, дошедшая, однако ж, до расправы оружием, дала повод прусскому главнокомандующему принцу Фридриху-Карлу, по приказанию из Берлина, объявить генералу Гаке, чтобы он вывел федеральные войска из Рендсбурга, который впредь будет занят одними прусскими войсками. Гаке исполнил требование, заявив, однако же, что уступает насилию и слагает с себя ответственность за последствия. Этот поступок пруссаков произвел негодование во Франкфуртском сейме и в целой Германии. Прусское правительство, чтобы загладить слишком уже бесцеремонный образ действий свой в отношении Германского Союза, предложило Франкфуртскому сейму снова занять Рендсбург федеральными войсками. В то же время предоставлено было тому же сейму разобрать юридически права разных претендентов на Шлезвиг-Голштинский престол: принца Аугустенбургского, великого герцога Ольденбургского и вновь заявившего свои права принца Фридриха Вильгельма Гессен-Касельского. От каждого из этих претендентов сейм потребовал предъявления документов и доказательств, на которых они основывали свои притязания.

Окончательный мирный договор Австрии и Пруссии с Данией был подписан в Вене 18/30 октября. В нем было выражено, что король датский отказывается от всех прав своих на герцогства Шлезвиг, Голштинию и Лауенбург в пользу короля прусского и императора австрийского. Стало быть, этим актом формально устранены были все права Германского Союза в решении будущей судьбы герцогств. Ратификации договора были разменены 4/16 ноября. Прусское правительство немедленно потребовало от Франкфуртского сейма вывода федеральных войск из Голштинии, и вслед за тем гражданская власть в этом герцогстве была передана комиссарам австрийскому и прусскому — графу Ревертера и Зейдлицу.

В Берлине ликовали; возвратившиеся с театра войны победоносные прусские войска вступали в столицу с великим торжеством; их приветствовали речами, венками, восторженными криками. Совсем иное настроение выражалось в Австрии. Там победы над Данией не возбуждали особенной радости; и правительство, и народ относились с затаенным недоверием к образу действий Берлинского кабинета; сознавали, что Австрия, всту-

пив в союз с постоянной своей соперницей, для совместной борьбы с Данией, сделалась орудием в руках Пруссии, а вместе с тем разорвала свои традиционные связи с Германским Союзом. Таким печальным для Австрии исходом ее политики в датском вопросе объясняется последовавшее в октябре увольнение графа Рехберга от должности министра иностранных дел и замещение его графом Менсдорф-Пульи, бывшим до того наместником в Галиции, а прежде — послом в Петербурге*. Перемена эта указывала на желание Венского кабинета в дальнейшем ведении своей иностранной политики принять положение более самостоятельное и стараться снова сблизиться с Германией.

При таком настроении в Вене, крайне тяжелое впечатление должно было произвести появление в берлинских официозных газетах статей, в которых заявлялось намерение прусского правительства поставить разрешение будущей судьбы герцогств в зависимость от другого вопроса — о преобразовании самого устройства Союза Германского, или говоря прямо — вопроса об утверждении в Германии прусской гегемонии.

Такое открытое заявление дало ключ к разгадке всей политики Берлинского кабинета.

Вопрос датский составляет как бы средоточие общей политики европейской в 1864 году**. Затем собственно в сфере нашей русской внешней политики наибольшее значение представляли: 1) отношения наши к Ватикану, 2) перемена династии в королевстве Греческом и 3) дела в Княжествах Придунайских.

Светская власть Папы в то время поддерживалась исключительно покровительством императора Наполеона III и присутствием в Риме французского гарнизона[332]. Туринский кабинет не раз возбуждал вопрос о выводе иностранных войск с Аппенинского полуострова; но достигнуть соглашения по этому предмету было трудно, так как Наполеон III ставил непременным условием положительное обеспечение неприкосновенности Римских владений и сохранение светской власти Папы; а королю итальянскому невозможно было формально отречься от заветной мечты всего народа о перенесении столицы королевства в Рим. Переговоры по этому предмету, прерванные со смертью Кавура,

* Граф Менсдорф принадлежал к высшей австрийской аристократии и приходился в близком родстве с королевой английской и королем бельгийским, по матери своей, принцессе Саксен-Кобургской, сестре матери королевы Виктории.

** В автографе зачеркнуто: «и заключал в себе зародыш последних важных европейских событий, результатом которых было, можно сказать, перемещение центра тяжести политического равновесия Европы» *(примеч. публ.)*.

были возобновлены в 1864 году, в Париже, между французским министром иностранных дел Друэном-де-Люисом и послом итальянским Нигра, при участии маркиза Пеполи, который занимал тогда пост итальянского посла в Петербурге, но как человек, пользовавшийся особенным личным расположением при французском дворе, вызван был своим правительством для негласного содействия начатым щекотливым переговорам.

Дипломатические переговоры по римскому вопросу затруднялись и некоторыми случайными обстоятельствами, колебавшими доверие Наполеона III к итальянскому правительству. В начале года арестовано было в Париже несколько тайных агентов крайней революционной партии в Италии, прибывших с намерением совершить покушение на жизнь императора французов; а вслед за тем (в апреле) глава итальянских патриотов Гарибальди, посетив Англию, был принят там с небывалыми почестями и с таким энтузиазмом, какой редко проявляется среди флегматичного народа английского. Эти овации в честь итальянского национального героя произвели неприятное впечатление в Париже. Восстановление дружественных отношений между дворами Парижским и Туринским было целью поездки в Турин принца Наполеона, брата двоюродного императора Наполеона и зятя короля Виктора-Эмануэля; в тех же видах, несколько позже (в августе) предпринята была поездка наследного принца итальянского Гумберта, который посетил дворы Копенгагенский и Лондонский, всего долее оставался во Франции, сопровождал Наполеона в Шалонский лагерь и дождался в Сен-Клу возвращения императрицы Евгении с германских вод.

Переговоры по римскому вопросу приняли вдруг благоприятный оборот, когда в разговоре императора Наполеона с маркизом Пеполи высказана была мысль о перенесении столицы королевства Итальянского из Турина в какой-либо другой, более центральный пункт, за исключением только Рима. Наполеон ухватился за эту мысль, признав, что подобное решение со стороны итальянского правительства было бы равносильно отказу его от занятия Рима. На основании такого компромисса достигнуто было желанное соглашение, и 3/15 сентября подписан договор, которым французское правительство обязалось вывести французские войска из римской территории в двухлетний срок, под тем условием, чтобы правительство итальянское со своей стороны обязалось уважать неприкосновенность этой территории и приняло на себя известную часть государственных долгов, лежавших на прежних Папских владениях; в дополнительной же конвенции постановлено было условие о перенесении столицы королевства во Флоренцию, с тем чтобы королевский декрет по этому предмету последовал до истечения 6-месячного срока.

Договор 3/15 сентября произвел весьма неприятное впечатление как на патриотов итальянских и сторонников единства Италии, так и на клерикальный мир и Римскую курию. С одной стороны, юному королевству Итальянскому трудно было отрешиться от надежды на то, что рано или поздно столицей его будет Рим*; с другой стороны, и в самом Риме договор 3/15 сентября был принят за отступление императора французов от принятой им на себя роли охранителя светской власти Папы. В глазах клерикалов, выступление французских войск из Рима должно было неизбежно предать судьбу папского престола в руки революционной партии.

Опасность, висевшая над престолом папским, казалось, должна была побуждать курию действовать осторожно, сдержанно и в примирительном духе, но вместо того Ватикан выказывал более чем когда-либо заносчивость и притязательность. Даже к Франции, покровительнице своей, он нередко относился с высокомерием. В отношении же к русскому правительству образ действий Ватикана доходил до непозволительной дерзости.

В то время, когда польская смута совсем уже затихла, когда польский вопрос сошел уже со сцены европейской дипломатии, один только Ватикан продолжал поддерживать дух крамолы в польском католическом духовенстве и даже усилил свои враждебные русскому правительству выходки. Еще в апреле Папа Пий IX в своей аллокуции в римской «коллегии пропаганды», по поводу принятых русским правительством мер к обузданию католического духовенства, разразился гневом не только против правительственных распоряжений, но даже позволил себе дерзкие нападки лично на Императора Александра II, который будто бы «терзает и угнетает церковь, посягает на религию католическую и преследует несчастных служителей церкви, виновных лишь в том, что они остались верными Иисусу Христу». В таком же роде выразился Пий IX и в день празднования 18-й годовщины своего папства, 5/17 июня, а затем в энциклике 28/30 июля к епископам в Царстве Польском. Порицая в самых резких выражениях распоряжения русского правительства, Папа высказал, между прочим, относительно удаления архиепископа Фелинского, что «нет слов, чтобы выразить все негодование и ужас, возбужденные подобным поступком». Что же вызвало такое негодование и ужас? То, что архиепископ, позволивший себе явно принять сторону крамолы против правительства, не

* Далее в автографе зачеркнуто: «в самом Турине вспыхнуло народное возмущение (9/21 сентября), и последствием его была перемена министрства: министерство Мингети уступило место министерству генерала Ламарморны» *(примеч. публ.)*.

понес за то другого взыскания, как только перемещение его на жительство в Ярославль, с сохранением архиепископского звания и содержания и со всевозможным уважением к его духовному сану. Никакое другое правительство не ограничилось бы такой мягкой и снисходительной мерой. В той же энциклике Папа прямо внушал польским епископам мужаться, терпеть и не подчиняться мерам светского правительства, «противным их совести и Божеским законам».

Таким образом Папа, во имя религии, гласно и официально возбуждал римско-католическое духовенство к сопротивлению законной власти, снова подстрекал смуту и даже оскорблял личность самого Государя. Явно враждебные действия Ватикана не позволяли нашему правительству поддерживать долее в примирительном духе сношения с Ватиканом. В конце мая посланник наш в Риме Николай Дмитриевич Киселёв был отозван, и все дипломатические отношения прерваны. Оставшемуся в Риме секретарю посольства барону Мейендорфу приказано было заведовать текущими делами, не входя ни в какие политические вопросы, и держаться в стороне от официального круга.

Н.Д. Киселёв выехал из Рима, где положение его сделалось уже с прошлого года невыносимым. Кроме всех непозволительных действий курии в отношении к русскому правительству, каковы, например, прошлогодние публичные моления и процессии за польских мятежников, посланник наш имел и личные причины тяготиться своим положением в Риме. В ноябре 1863 года он женился на вдове Торлониа, рожденной княжне Русполи, красивой женщине, принадлежавшей к высшей римской аристократии. Папа противился этому браку ее со схизматиком и не иначе соглашался, как с условием, чтобы дети были римско-католического исповедания. Такого условия, конечно, невозможно было принять русскому подданному, и таким образом женитьба Н.Д. Киселёва осталась как бы не признанной в римском официальном кругу.

После перерыва официальных сношений с Петербургским кабинетом Ватикан ничем уже не стеснялся и усугубил свои враждебные выходки против России. Поднят был вопрос, возникший было еще в прошлом году, но не получивший тогда хода — о канонизации Иосафата Кунцевича, епископа Полоцкого и Витебского, ознаменовавшего в XVII столетии свою католическую ревность самыми жестокими, зверскими гонениями на православное население края и убитого в Витебске в 1623 году доведенным до отчаяния народом. Тело убитого епископа как мученика за веру было погребено с особенными почестями в Бяле (Люблинской губернии), и гробница его считалась святынею. С возникновением мятежа польского в

1863 году, вожаки его, в союзе с иезуитами, вспомнили забытый исторический факт, чтобы расшевелить религиозный фанатизм польского католического населения; они затеяли разыграть торжественно церемонию канонизации убитого изверга. Сначала затея эта встретила некоторые затруднения со стороны курии; но в 1864 году Папа, в своем раздражении против русского правительства, изъявил согласие на задуманное кощунство, и впоследствии, в начале 1865 года, комедия была разыграна с обычной торжественностью.

Не ограничиваясь открытым разрывом с одной «схизматической» Россией, Ватикан ополчился против всего цивилизованного мира. В обнародованной 21 декабря (нов. ст.) 1864 года энциклике — обширном манифесте, состоявшем из 80 пунктов — Папа Пий IX предавал проклятию и современную науку, и современный порядок государственный, якобы противные учению христианскому; в особенности громил всякие посягательства на светское полновластие папства; осуждал все правительства, препятствовавшие прямым сношениям епископов с главою Римской церкви. Таким образом Папа восстал не только против всех европейских конституций, но и против утвержденных самим Ватиканом конкордатов. Энциклика папская произвела в католическом мире тяжелое впечатление и поставила самое духовенство римско-католическое в безвыходное положение[333]. Во Франции было даже запрещено обнародовать этот документ in extenso*, а духовенству — упоминать в своих проповедях о некоторых пунктах энциклики, могущих «породить неуместные толкования».

В королевстве Греческом вступление на престол молодого короля Георга I давало надежду, что после продолжительного периода анархии восстановятся наконец спокойствие и порядок. Юный 18-летний король, прибыв в октябре 1863 года в свое королевство, встречен был народом с непритворным восторгом; но появление его не могло разом прекратить ожесточенную борьбу партий, столько лет уже оспаривавших друг у друга власть и прибегавших для того к самым противозаконным средствам, не исключая заговоров, насилий и возбуждения народных мятежей.

Со вступлением на престол нового короля ультрарадикальное министерство Бульгариса должно было уступить место умеренно-либеральному кабинету, во главе которого стал престарелый адмирал Канарис. Это был человек, пользовавшийся в стране наибольшим уважением и доверием; но при его преклонных летах, ему не по силам было бороться с необузданными, ярыми противниками. Положение короля было также нелегкое; но при

---

* полностью *(лат.)*.

нем состоял опытный и честный руководитель — прибывший с ним из Дании граф Спонек, который, не домогаясь ни внешних почестей, ни власти, помогал королю своими разумными советами и умиротворяющим влиянием, что однако же, не оградило его от козней и ненависти со стороны туземных политических воротил.

Продолжительная неурядица в Греции приписывалась отчасти недостаткам самой конституции королевства, стеснительной для правительства и верховной власти. Поэтому принц датский, будущий король Георг, согласился принять корону греческую не иначе, как под условием изменения конституции 1844 года[334]. В бытность молодого короля в Париже (перед отъездом его в Афины), ему внушали там мысль поступить по примеру наполеоновских coups d'état* и просто отменить неудобную конституцию; однако ж, король, как говорили, по совету графа Спонека, не последовал такому внушению и решился на пересмотр конституции законным путем, то есть через Народное собрание, хотя при тогдашнем составе его можно было вперед предвидеть, что внесение на обсуждение его проекта новой конституции подаст повод к новой ожесточенной борьбе.

Другим условием принятия греческой короны Георгом I было присоединение к королевству Ионических островов, на уступку которых уже ранее было заявлено согласие Лондонским кабинетом. Окончательное соглашение по этому предмету последовало только 17/29 марта 1864 года; Англия отказалась от протектората на эти острова с тем условием, чтобы укрепления в Корфу и других пунктах были срыты. 21 мая / 2 июня греческие войска вступили в Корфу, и поднятый на цитадели греческий флаг был приветствован народом с неописанным восторгом. Вслед за тем король Георг посетил новоприсоединенные острова, и выбранные от них депутаты вступили в афинское Народное собрание.

Между тем в этом собрании происходили бесконечные препирательства по поводу новой конституции. Ожесточенные прения сопровождались зачастую бурными сценами, выходившими иногда из границ парламентских приличий. Так прошло все лето, и спорам не видно было конца. Между покровительствующими державами уже велась переписка о совместном вмешательстве в греческие дела в видах прекращения анархии и упрочения новой династии. В начале октября, вследствие совещания между представителями России, Англии и Франции в Афинах, король Георг решился 6/18-го числа обратиться к Народному собранию с формальным требованием, чтобы рассмотрение про-

---

* государственных переворотов *(фр.)*.

екта конституции было приведено к концу в 10-дневный срок, с угрозой, что в противном случае король будет вынужден принять решение по своему личному усмотрению, и затем ответственность за могущие быть последствия падет на представителей народа. При королевском послании были предложены собранию проектированные вновь статьи касательно учреждения Государственного совета, или верхней палаты. Энергичный шаг короля произвел свое действие: Народное собрание приняло все предложенные правительством статьи и 15/27 октября заключило свои прения. Король выразил собранию свою признательность, а 16/28 ноября торжественно присягнул новой конституции. В тот же день собрание было закрыто.

К сожалению, и в этот торжественный момент, когда для королевства Греческого, казалось, наступала новая эра восстановления законного порядка и спокойствия, не обошлось без скандала в самом собрании вслед за выходом короля. Смуты, раздоры и козни не прекращались и после того; беспрестанные кризисы министерские сделались хронической болезнью Греческого королевства*.

В княжествах Дунайских (Валахии и Молдавии) князь Куза продолжал самовольно править страной, не стесняясь ни статутами ее, ни международными трактатами, ни традициями историческими. Поддерживаемый явно и тайно французским правительством, он действовал с самой дерзкой самоуверенностью, вопреки протестам Порты и советам русского правительства. Подражая во всем французскому образцу, он поставил себе задачей преобразовать все на французский лад; даже в школах вводилось преподавание на французском языке; наоборот, всячески старался разорвать традиционные связи княжеств с единоверной Россией и славянским миром. В этих видах введен был латинский алфавит взамен кириллицы; переменен календарь; замышлялось даже введение унии. Возмутительны были самовольные и насильственные распоряжения относительно так называемых «посвященных монастырей», о чем уже было мною говорено[335]. В конце 1863 года правительству князя Кузы удалось, несмотря на сильную оппозицию в Народном собрании, провести закон о секуляризации монастырских имуществ. Добившись легального утверждения мер, уже ранее принятых самовольно, князь Куза начал распоряжаться монастырскими имениями совершенно по своему произволу, раздавая их в арен-

---

* В автографе зачеркнуто: «Избрание короля Георга на греческий престол было в первое же время признано всеми государствами, за исключением лишь Австрии и Пруссии, со стороны которых формальное признание последовало только в сентябре 1864 года, по окончании войны с Данией» *(примеч. публ.)*.

ду, или продавая за бесценок своим сторонникам. Чтобы действовать свободнее в делах церковных, он объявил православную церковь в княжествах независимой от патриарха Константинопольского. Замыслы его встревожили весь православный мир. Собравшийся в Константинополе Синод из восточных патриархов обратился к правителю Дунайских княжеств с энергичным увещанием; но какое значение могло иметь это увещание для князя Кузы, которого реформаторские увлечения не останавливались даже перед коллективными протестами четырех держав (России, Англии, Австрии и Турции).

Неприязненные отношения князя Кузы к России выказались явно в продолжение польского мятежа, когда княжества обратились в сборное место эмигрантов польских и русских, авантюристов всех наций и даже вооруженных шаек. Французское правительство в то время смотрело на княжества Дунайские как на передовой свой пост, из которого, в случае надобности, можно уязвить Россию.

Диктатура князя Кузы возбуждала в самой стране сильное неудовольствие, особенно же в Молдавии, которая не сочувствовала слиянию обоих княжеств и скорбела о своей прежней автономии. В Молдавии удержалась еще сильная партия русская; напротив того, в Валахии уже пустило глубокие корни влияние Западной Европы; в молодом поколении было много людей, получивших воспитание во Франции; они-то и составляли главную поддержку правительства князя Кузы против старой, боярской партии, опиравшейся на массу народа, недовольного беспрерывными нововведениями и отягощенного чрезмерными налогами. Антагонизм этот был поводом к постоянному раздору в Законодательном собрании, в котором горячие прения иногда доходили чуть не до драки. Правительство князя Кузы, пропитанное наполеоновской политикой, прибегало к тем же приемам, какие были в обычае «Второй империи», чтобы образовать в палате желаемое большинство. Однако ж, несмотря на все искусство подражания, бухарестское собрание не всегда оказывалось покорным правительству. Не раз бывали с его стороны формальные протесты против незаконных мер министерства и отказы в утверждении бюджета. Так было и в начале 1863 года, когда правительство сочло нужным закрыть собрание и собрать его вновь только в ноябре того же года, после того, как образовалось новое министерство, во главе которого поставлен был Когольничано — один из самых решительных корифеев ультра-либеральной партии, человек самонадеянный, владевший даром слова, но не пользовавшийся в стране ни уважением, ни доверием. Еще в 1859 году занимал он пост министра в Молдавии и тогда навлек на себя общее нерасположение своим крутым и

деспотическим образом действий (как например, арестование и ссылка митрополита). Князь Куза не мог выбрать лучшее орудие, чтобы провести важнейшую из задуманных реформ: ввести в княжествах, взамен существовавших двух отдельных статутов, одну общую конституцию, с новым избирательным законом, по образцу французского suffrage universel*.

Решившись на этот важный шаг в мае 1864 года, князь Куза, следуя в точности французскому образцу, воспользовался первым предлогом, чтобы распустить Народное собрание, с участием даже вооруженной силы, хотя никто и не думал сопротивляться, и вслед за тем, обнародовал plébiscite, которым новая конституция подвергнута поголовному голосованию всего народа. Комедия эта разыграна 17/29 мая, причем, конечно, были приняты все обычные меры, чтобы выказать, что масса народа на стороне правительства**. Немногие из бояр, осмелившиеся поднять голос против насильственного переворота (Константин Сутцо в Бухаресте, Бальш в Яссах) были арестованы; все члены Верховного суда уволены в отставку; печать была под строгим контролем. Результатом голосования, конечно, было громадное большинство голосов в пользу новой конституции. Польские эмигранты поспешили подать князю Кузе поздравительный адрес.

И все это творилось на глазах Европы в то самое время, когда по предложению русского правительства в Константинополе собралась европейская конференция, для обсуждения положения дел в Дунайских княжествах***. С первого же заседания конференции (происходившего 27 апреля / 9 мая) явно обнаружилось между представителями Европы разномыслие: революционные приемы князя Кузы нашли защитников в представителях Франции и Италии. Благодаря их заступничеству и похвальным статьям о действиях бухарестского правительства во французской печати, конференция отнеслась с крайней снисходительностью к прямым нарушениям существовавших международных трактатов и султанских фирманов. После трех заседаний постановлено было отложить окончательное решение до ожидаемого приезда в Константинополь самого князя Кузы.

---

* всеобщие выборы *(фр.)*.

** В автографе зачеркнуто: «Некоторые из них решились даже перейти на сторону федерального правительства. Однако ж, с января месяца обе стороны снова напрягли все свои силы в ожесточенной борьбе» *(примеч. публ.)*.

*** Конференция под председательством турецкого первого министра Али-паши состояла из представителей России (Новиков, временно исправлявший должность посланника), Англии (Бульвер), Франции (Мусье), Австрии (Прокеш-Остен), Пруссии (Брасье де С.-Симон) и Италии (Греппи).

Он прибыл 27 мая / 8 июня, не как подсудимый, явившийся чтоб отдать отчет перед Европой в своих незаконных действиях, а подобно победителю после выигранного сражения. Ему оказаны всякие почести; прием султана был благосклонный. Однако ж, в конференции действия князя Кузы подверглись строгому осуждению, и по настоянию России, в протоколе конференции было прямо выражено порицание как незаконных распоряжений его относительно монастырей, так и произведенного им в последнее время переворота и самопроизвольного изменения конституции княжеств. Относительно монастырей конференцией было постановлено, чтобы правительство княжеств отнюдь не допускало отчуждения монастырских имений и не пользовалось доходами с них, которые должны поступать в особую кассу под контролем держав впредь до окончательного решения вопроса. Что же касается до новой конституции, данной князем Кузой, то конференцией сделаны в ней значительные изменения* и постановлено, чтобы впредь не допускалось никаких новых перемен иначе, как по соглашению с Портой и другими державами. Постановления эти были подписаны всеми представителями европейских государств в последнем заседании 16/28 июня в форме дополнительного акта к Парижской конвенции 19 августа 1859 года, с подтверждением притом, что конвенция эта сохраняет свою обязательную силу[336]. Окончательное утверждение означенного акта в Петербурге последовало 28 июня / 10 июля.

Между тем, в Бухаресте распущены были слухи, будто бы князь Куза достиг в Константинополе полного успеха, что все сделанное им одобрено и утверждено конференцией и султаном. Возвращение его в Бухарест 10/22 июля имело вид триумфального въезда. Истина обнаружилась, конечно, с обнародованием постановлений конференции; но желанный эффект был уже произведен. Князь Куза и после того нисколько не изменил своего образа действий, продолжая распоряжаться самовластно, вопреки только что подписанному протоколу европейской конференции.

Самовластие бухарестского диктатора принесло, однако же, одну существенную пользу; оно дало возможность осуществить такую благую меру, которую едва ли удалось бы провести строго легальным путем: это — освобождение крестьян от крепостной зависимости, притом с наделом земельным, по образцу русского

---

* Законодательное собрание образовано из палаты представителей (депутатов) и Сената. Поголовное голосование отменено, а порядок выборов основан по-прежнему на имущественном цензе, хотя несколько пониженном.

Положения[337]. Мера эта, принятая вопреки сильной оппозиции боярства и торжественно обнародованная в день 30 августа (по ст. ст.), должна быть, несомненно, поставлена в заслугу князю Кузе.

Остается сказать несколько слов о положении дел на заатлантическом материке, насколько имели они связь с политикой европейской.

Мексиканская экспедиция оказалась одним из самых неудачных предприятий Наполеона III[338]. В самом начале 1864 года (14/26 января), при обсуждении мексиканских дел во французском Законодательном собрании, некоторые из ораторов (Тьер, Жюль Фавр и другие) снова высказались весьма сильно и дельно против мер французского правительства и предсказывали печальные результаты задуманного плана водворения в Мексике европейской монархии. Предостережения эти, конечно, не могли уже поправить дело. Наполеон ласкал себя надеждой, что с возведением на мексиканский престол австрийского эрцгерцога Франция получит возможность выйти с честью и славой из трудного положения. Полагалось к концу года уже возвратить в Европу экспедиционный корпус, а до того времени отнести содержание его на счет новой империи.

Но какими средствами могла располагать будущая империя для расчетов с покровительницей своей и для покрытия предстоявших расходов на собственное свое водворение, на устройство администрации, на содержание войск, которые предполагалось набрать в Европе? Приходилось прибегнуть к займу под ручательством Франции, которая, таким образом, принимала на себя обязательства по займу тех сумм, которые ей же следовали в уплату.

Эрцгерцог Максимилиан после долгих колебаний объявил наконец категорически согласие на принятие предложенной ему короны и в феврале предпринял поездку через Брюссель в Париж, вместе с эрцгерцогиней Шарлотой, для свидания с ее отцом королем Леопольдом и с императором Наполеоном. В бытность их в Париже (с 22 февраля / 5 марта по 1/13 марта) улажены были все вопросы относительно содержания французских войск, срока их возвращения в Европу, замены их иностранным легионом и, наконец, предположенного займа; по всем этим предметам заключен был формальный договор. Эрцгерцог посетил также Виндзорский двор и опять через Брюссель возвратился в Вену (8/20 марта), где пробыл всю Страстную неделю среди всех съехавшихся для прощания с ним членов императорской семьи. В продолжение этого времени последовало соглашение о том, чтобы эрцгерцог, принимая корону мексикан-

скую, формально отрекся от всяких прав члена императорского Австрийского дома. Затем эрцгерцог с эрцгерцогиней уехали в свой замок Мирамара (близ Триеста), куда вслед за ними прибыл (27 марта / 8 апреля) и сам император Франц-Иосиф с министрами Рехбергом и Шмерлингом. Здесь и подписан был означенный формальный акт отречения эрцгерцога Максимилиана, а на другой день (28 марта / 10 апреля) происходило торжественное представление мексиканской депутации и формальное принятие эрцгерцогом короны «Мексиканской империи».

2/14 апреля новый мексиканский император с своей супругой и многочисленной свитой отплыл из Триеста на австрийском военном фрегате «Новара»; массы народа провожали отъезжавших с почестями и сочувствием. Путешествие предстояло дальнее, и впереди ожидала участь крайне загадочная. Император Максимилиан пожелал получить напутственное благословение Папы, а потому первоначально посетил Рим и только в половине июня вышел на мексиканский берег в Вера-Круце. 30 июня / 12 июля происходил торжественный въезд императора и императрицы в столицу — город Мексико.

Несмотря на все почести и шумные манифестации, с которыми новый император был встречен в стране, он мог с первых же шагов понять, что положение дел было далеко не так благоприятно, как старались ему представить в Париже и как могло казаться, судя по льстивым уверениям депутаций. Во Франции систематически скрывали истинное положение дел в Мексике; в правительственных заявлениях и в печати умалчивалось все, что могло обнаружить в глазах общества неудачный оборот дел и незавидное положение французского экспедиционного корпуса. Император Максимилиан нашел в стране полнейшую анархию; власть его признавалась только там, где находились французские войска; финансы были в полном истощении. Полученные посредством займа суммы были израсходованы в самое короткое время, а страна не давала почти никаких доходов, так что новое правительство с самого начала было поставлено в невозможность выплачивать условленную сумму на содержание французских войск. Император Максимилиан скоро убедился, что поголовное голосование, на котором основано было избрание его, была в сущности мистификация; что страна пропитана республиканским духом и что власть императорская может опираться исключительно только на французские войска. Разочарование было полное.

В довершение же затруднений, правительство Северо-Американского Союза смотрело весьма неприязненно на водворение в Мексике монархического государства. Вашингтонский конгресс, в заседании 23 марта / 4 апреля, единогласно постановил, что не

может признать монархии, «основанной европейской державой на развалинах американской республики». Постановление это подало повод к дипломатическим объяснениям Парижского кабинета с правительством Северо-Американского Союза и усилило существовавшие уже между ними натянутые отношения.

В Северо-Американском Союзе все еще продолжалась упорная междоусобная война[339]. С обеих сторон громадные армии действовали с переменным счастьем и без решительных результатов. Война велась с крайним ожесточением; пленных бесчеловечно расстреливали; имения мятежников конфисковались; ценные имущества, большие склады товаров предавались уничтожению; целые города и колоссальные железнодорожные сооружения разрушались.

В начале 1864 года — уже четвертого от начала войны — успех заметно начал склоняться на сторону северных штатов. Отложившиеся от Союза южные штаты доведены были до истощения сил. Президент этих штатов Джеферсон Девис провозгласил поголовный сбор всех способных носить оружие; ответом было распоряжение Линкольна о призыве 500 тысяч новобранцев. Вслед за тем (в феврале) последовало решение Вашингтонского конгресса об окончательной отмене рабовладения на всем пространстве Союза и объявлено прокламацией президента освобождение невольников во всех штатах без исключения.

Военные действия приняли в апреле самый упорный и кровопролитный характер. Обе противные армии, каждая силою до 100 тысяч человек, под начальством Гранта и Ли, дрались почти без перерыва в продолжение целой недели; бой доходил иногда до рукопашной схватки, и потери с обеих сторон были громадные (считали до 40 тысяч человек с каждой стороны). Несмотря на то, результаты этой беспримерной борьбы были почти ничтожны. Правда, армия сепаратистов отступила за р. Потомак; но Грант с северной армией не счел возможным продолжать наступление, и затем настал снова продолжительный период нерешительных действий с обеих сторон.

7/19 июня произошел замечательный морской бой между федеральным корветом и сепаратистским крейсером «Алабама», который, как известно, снаряжен был южанами в Англии и уже успел причинить немалый ущерб торговле северных штатов. По случаю полученных повреждений, крейсер зашел для починки в Шербургский порт; туда же направился и федеральный корвет, гонявшийся за крейсером. В означенный день, утром, последний вышел из порта в сопровождении французского военного судна и одного английского парохода; но вслед за ним вышел и союзный корвет, и лишь только оба судна встретились в откры-

том море, произошел между ними ожесточенный бой, кончившийся потоплением крейсера. Только небольшая часть экипажа его была спасена при помощи присутствовавших при этом поединке нейтральных судов. В числе спасенных был и предприимчивый капитан «Алабамы»; несмотря на свои раны, он объявил, что немедленно по выздоровлении снарядит новый крейсер и возобновит погоню за федеральными судами.

Во вторую половину года война уже не представляла ничего замечательного. Общественное внимание было поглощено вопросом о предстоявшем выборе президента на новое 4-летие. Периодически повторяющаяся по этому случаю борьба между партиями имела на этот раз особенное значение: выбор того или другого кандидата был связан с другим важным вопросом о том, будет ли продолжаться упорная междоусобная война или настанет примирение? Существовала весьма многочисленная партия, желавшая немедленного примирения с отложившимися штатами, хотя бы даже пришлось отменить только что провозглашенное прекращение невольничества. Такова была программа собравшегося в Чикаго конвента демократов, признавшего своим кандидатом в президенты генерала Мак-Лелана. Кандидатом противной партии аболиционистов был настоящий президент Линкольн, стоявший твердо за принцип безусловного и повсеместного прекращения невольничества. Спорный вопрос решился 8/20 ноября: огромным большинством голосов вторично выбран Линкольн, а вице-президентом — Джонсон. Таким образом торжественно заявлена была твердая воля американского народа — продолжать войну и во что бы ни стало принудить отложившиеся штаты к восстановлению Союза, с признанием безусловной отмены невольничества.

Выбор Линкольна принят был в Англии и во Франции с неудовольствием; напротив того, русское правительство поспешило поздравить президента. Со времени основания Северо-Американского Союза только четыре раза состоялось избрание президента на второе четырехлетие.

В личном составе нашего дипломатического корпуса в течение лета произошли значительные перемены. На место посланника в Константинополе, остававшееся вакантным еще с прошлого года, за увольнением князя Лобанова-Ростовского с дипломатического поприща, назначен (21 июля) генерал-адъютант Николай Павлович Игнатьев, занимавший до того времени место директора Азиатского департамента в Министерстве иностранных дел. Он был еще молод, отличался выдающимися способностями дипломатическими, честолюбием, энергией и горячим патриотизмом, с заметным оттенком славянофильским.

Новый представитель России прибыл в Константинополь 22 августа и принят султаном радушно и с обычным почетом.

Посол наш в Вене Балабин, страдавший уже некоторое время психической болезнью, уволен от должности еще в мае; тогда же советник посольства Кноринг представил императору отзывные грамоты бывшего посла и временно вступил в заведование посольством. В августе последовало назначение посланником в Вену генерал-адъютанта графа Стакельберга, на место которого переведен в Турин Ник<олай> Дм<итриевич> Киселёв, бывший представитель России в Риме.

Также и в составе иностранного дипломатического корпуса в Петербурге произошли довольно важные перемены. Представителем Австрии назначен граф Ревертера, бывший австрийским комиссаром в герцогствах Шлезвиг-Голштинии. Великобританского посла лорда Нэпира, переведенного в Берлин, заменил сэр Андрью Буханан; а на пост французского посла в Петербурге назначен барон Талейран-Перигор, бывший до того посланником в Берлине, куда на место его поступил Бенедетти. Назначение обоих послов, английского и французского, состоялось уже в сентябре. Это были две личности совершенно различные: Буханан — старичок, на вид очень добродушный и обходительный; барон Талейран — еще в цвете лет, изящный и несколько чопорный*.

ДЕЛА ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА В 1864 ГОДУ

Отдавая сам себе отчет в действиях своих за 1864 год, считаю себя вправе сказать, что в этот год сделан весьма заметный шаг в ходе исполнения предначертанного в начале 1862 года плана преобразований, как в отношении организации войск и военных управлений, так и по разным специальным частям военного устройства.

1864 год застал нашу армию в период самого большого развития наших сил: к весне численность войск была доведена до 1 137 000 человек одних регулярных войск (811 батальонов, 294 эскадрона, 1332 орудия), а с иррегулярными** — до 1 250 000. Такое грозное напряжение военных сил отвратило угрожавшую нам опасность войны с европейской коалицией и способствовало полному подавлению польского восстания. Лишь только

---

* Барон Талейран был женат на русской — на дочери богатого негоцианта Бенардаки, которого другая дочь была первой женой Александра Аггеевича Абазы.

** В иррегулярных войсках состояло на действительной службе более 110 тысяч человек.

опасность миновала, немедленно же возбужден был, по моей инициативе, вопрос о приведении армии на мирное положение, с уменьшением числа войск как на бывшем театре польского мятежа, так и на Кавказе, дабы облегчить сколь возможно государству бремя чрезвычайных расходов.

Однако ж при всем желании доставить такое облегчение, не было возможности разом перейти от полного военного состава армии к тому мирному составу, который было желательно установить на будущее время. Введенная тогда организация войск доставляла ту выгоду, что сокращение армии удобно могло производиться с известной постепенностью, так как части пехоты (составляющей главную массу войск) могли быть приводимы, смотря по обстоятельствам, в тот или другой из трех мирных составов: усиленный, обыкновенный и кадровый, то есть полагая батальоны в 680, 500, 300 рядовых. На первое время признано было возможным из 40 пехотных дивизий, находившихся в Европейской России, привести 28 дивизий, расположенных в западных пограничных округах, в усиленный мирный состав, а 12 дивизий, расположенных во внутренних и восточных губерниях — в кадровый. Вместе с тем в кавалерии, из числа 9 дивизий, только в четырех (т.е. в 24 полках) допущено было сокращение на два ряда во взводе (из 16 рядов до 14). Об этих сокращениях объявлено было 7 августа. Относительно же войск на Кавказе, как уже было сказано, Высочайшее повеление последовало 11 октября, так что к приведению его в исполнение приступлено было только в конце года. В общей сложности, все сокращение военных сил в этом году не превышало 232 тысячи человек, и к началу 1865 года состояло налицо всего до 905 тысяч человек регулярных войск. Дальнейшее уменьшение их численности было отложено до следующего года.

Необходимость постепенности в сокращении армии обусловливалась не столько обстоятельствами политическими, или требованиями службы, сколько самым составом войск в ту эпоху. Вследствие шестилетнего после Крымской войны перерыва рекрутских наборов, в войсках не было вовсе людей средних сроков службы. Для сокращения армии в большей соразмерности пришлось бы уволить всех нижних чинов, поступивших в рекруты до 1856 года и оставить исключительно только молодых солдат последних трех наборов 1863 и 1864 годов, чего, конечно, нельзя было допустить. Очевидно, что только через известное число лет, при ежегодных наборах в требуемом одинаковом размере, можно было достигнуть равномерности в составе частей войск по срокам выслуги нижних чинов, и только тогда получалась бы возможность перечислять в запас всех нижних чинов старших сроков, сколько бы ни оказалось их в излишке сверх той налич-

ной численности, до которой было бы желательно сократить армию в мирное время.

Ввиду этого весьма важного соображения, еще в 1862 году, согласно собственноручной резолюции Государя, предполагалось при ежегодных рекрутских наборах брать в первые семь лет (1862—1869) по пяти рекрут с тысячи душ, а в последующие годы — по четыре. На этом основании повелено было, указом 23 сентября 1864 года, произвести в начале следующего года (с 15 января по 15 февраля) набор по пяти рекрут с тысячи душ. Дальнейшие же наборы, начиная уже с 1866 года, предполагалось ограничить четырьмя рекрутами, в том соображении, что предшествовавшие два усиленных набора 1863 и 1864 годов, давших вместе до 15 рекрут с тысячи душ, доставили большее число людей, чем прежде рассчитывалось для доведения армии до полного военного состава. С поступлением рекрут последующих наборов, в нормальном числе четырех с 1000 душ, уравновешивалось бы ежегодное пополнение армии с ежегодной убылью старослужащих по мере выслуги узаконенных сроков, и таким образом поддерживалась бы общая цифра численности армии до полного военного состава (т. е. в общей сумме чисел наличных людей на службе и в запасе).

При переходе армии на мирное положение соблюдено было в точности положенное в основание новой организации начало — чтобы число боевых единиц оставалось без изменения в мирное и в военное время, дабы для постановки армии на военное положение не требовалось формировать новые части, не имеющие в мирное время самостоятельного кадра. На этом основании боевые наши силы сохранили ту организацию, до которой были доведены в 1863 году, то есть усилились против прежнего на 19 пехотных дивизий, или на 228 батальонов, — что можно признать вполне выгодным для нас результатом польского восстания и политических усложнений 1863 года.

Приняв за основание отнюдь не упразднять в мирное время ни одной боевой единицы, а сокращать только число рядов, Военное министерство, в видах возможно большего облегчения Государственного казначейства, изыскивало средства к уменьшению небоевого элемента в войсках. К этой главной цели стремилось оно как при разработке новой организации местных войск, так и при составлении новых штатов для всех родов войск вообще.

Относительно организации местных войск преобразования клонились в особенности к тому, чтоб и в этом разряде вооруженных сил каждая часть не только удовлетворяла бы требованиям местной службы мирного времени, но и в военное время способствовала бы усилению боевых сил. В этих видах сформи-

рованные в 1863 году крепостные полки и батальоны получили окончательно устройство Положением, объявленным 14 августа 1864 года[340]; части эти предполагалось даже со временем увеличить соответственно требованию обороны крепостей с тем, чтобы для гарнизонов их не приходилось отделять слишком значительные части полевых войск. Та же цель имелась в виду и при формировании губернских местных батальонов и уездных команд, взамен Корпуса внутренней стражи, окончательно упраздненного приказом 13 августа 1864 года. Означенным батальонам дан был такой штатный состав, который позволил бы, при наименьшем числе людей в мирное время, развивать эти части в военное время до состава, достаточного для того, чтобы не было надобности удерживать внутри государства какую-либо часть полевых войск. Наконец, вновь сформированные «резервные» батальоны (на первое время 70 пехотных, 10 стрелковых и 3 саперных) получили значение «рекрутских депо» или тех частей, которые впоследствии были названы «запасными»: по тогдашнему предположению, это были кадры, через которые должны были проходить в мирное время рекруты нового набора для первоначального их обучения, а в военное — все вообще нижние чины, требуемые для укомплектования армии и пополнения в ней убыли. Я уже говорил в другом месте, какую пользу мог приносить этот разряд войск, с одной стороны, избавляя действующие войска от обязанности первоначального обучения рекрут, весьма тяжелого для войск в мирное время при значительном сокращении наличного их состава, и совершенно невозможного в военное время; а с другой стороны, облегчая рекрутам переход от прежнего их домашнего быта к условиям военной службы, большей частью с переменой и климата. К сожалению, резервные батальоны не долго сохраняли такое назначение: впоследствии, когда оказалось необходимым еще более развить наши боевые силы ввиду колоссального усиления армий в других государствах, пришлось, во избежание новых слишком громадных расходов, обратить резервные батальоны в кадры для формирования новых действующих частей (что составляло отступление от первоначального коренного основания новой организации); обязанности же, возложенные на резервные батальоны, перенести частью на губернские батальоны и уездные команды, частью на формируемые временно запасные части.

Переформирование и упразднение прежнего Корпуса внутренней стражи было связано с образованием новых местных военных управлений: губернских и уездных. Начальству местных войск в округе, губернии и уезде подчинены были названные разряды войск, не входивших в состав дивизий, и сверх того еще некоторые мелкие части, как то: этапные и конвойные ко-

манды, военно-арестантские роты, «подвижные» инвалидные роты при госпиталях, переименованные в «госпитальные» команды. Изъяты были из подчинения начальству местных войск только резервные части кавалерии, артиллерии, саперные, а также крепостная артиллерия и местные артиллерийские команды: эти части войск оставались в ведении своего специального начальства, хотя и подчинялись главному окружному начальству на общем основании.

Организация местного военного управления на всех ступенях его имела большую важность для предстоявшего устройства нового порядка комплектования войск и в особенности для приведения их на военное положение (мобилизации). Важность этой организации могут оценить те, кому известны все трудности, встречаемые в распоряжениях по этому поводу при наших географических и других условиях. Положительно можно сказать, что без полной, стройной организации местных военных управлений было бы немыслимо достигнуть когда-либо того порядка и той быстроты, с которыми совершается мобилизация огромных армий в настоящее время.

Все приведенные организационные меры обнимали войска, расположенные в Европейской России; что же касается до азиатских наших окраин, то в 1864 году было только приступлено к обсуждению начал предстоявших переформирований. Для войск кавказских выработанный в Тифлисе проект был привезен в Петербург осенью, лично начальником штаба Кавказской армии генерал-адъютантом Карцовым. Предположения же о войсках Оренбургского края, Западной и Восточной Сибири обсуждались в течение наступившей зимы при личном участии съехавшихся в это время в Петербург генерал-губернаторов.

Выше было сказано, что Военное министерство, заботясь о возможном уменьшении в составе войск небоевого элемента, составляющего, так сказать, непроизводительное бремя для Государственного казначейства, вырабатывало с этой целью новые штаты для всех разрядов и родов войск. В этой работе много было сделано в течение 1864 года, благодаря усиленной деятельности Инспекторского департамента под руководством дельного и работящего начальника его — графа Федора Логгиновича Гейдена. Также выработаны были Положения об организации некоторых специальных войск. Приказом 26 августа объявлен новый состав инженерных войск, то есть саперных бригад: в каждую из них включено, кроме состоявших прежде двух саперных батальонов, по одному резервному саперному батальону и по два понтонных полубатальона, за исключением «Сводной бригады», которая состояла из трех действующих батальонов (гвардейского, гренадерского и 7-го) без понтонных полубатальонов. Затем

А.П. Карцов

28 августа объявлено Положение о новой организации артиллерийских парков[341], которые положено было свести в 8 парковых бригад, в каждой по одному летучему и по 3 подвижных парка. Организация эта, впрочем, подвергалась впоследствии несколько раз изменению соответственно переменам, происходившим в самом составе и устройстве полевой артиллерии.

В том же 1864 году, приказом 15 июля, упразднены прежний «фурштат» и «фурштатские» батальоны. Впрочем эта мера в сущности не имела другого значения, как только переименования состоявших в войсках чинов «фурштатских» в «обозных», так как и до того времени фурштатские батальоны существовали только по имени; в действительности же, фурштатские или обозные чины были с давних времен распределены по полкам. И прежде войсковой обоз у нас не составлял отдельного рода войск, как в других европейских армиях, и в этом иностранцы видят недостаток нашей организации, тогда как по моему мнению, напротив того, можно считать важным преимуществом нашей армии именно то, что каждый наш полк имеет всегда

свой обоз при себе. При наших расстояниях и разного рода других невыгодных условиях для мобилизации армии, чем менее предстоит в то время забот и спешных распоряжений, тем выгоднее. Поэтому я твердо держался того мнения, что нам следует и впредь оставаться при нашей системе полкового обоза, не создавая отдельного рода войска «обозного». Само собой разумеется, что сказанное не относится к обозам интендантским и госпитальным. Относительно этих обозов, конечно, наша армия еще недостаточно обеспечена: формирование интендантского транспорта (или «подвижного магазина») предполагается только в военное время; но опыт последних войн указывает, какие встречаются затруднения для быстрого формирования громадных перевозочных средств, требуемых при нынешних многочисленных армиях, если в мирное время не существует никаких для того кадров.

Перечислять все частные меры, принимавшиеся ежегодно для упорядочения устройства нашей армии, усовершенствования личного ее состава, улучшения быта офицеров и нижних чинов, было бы крайне затруднительно; да такие подробности и не могут входить в план моих воспоминаний о давно прошедшей деятельности Военного министерства. Ограничиваясь лишь крупными чертами совершавшихся преобразований в наших военных силах, я не могу, однако же, пропустить некоторых таких подробностей, которые в каком-либо отношении характеризуют воззрения или отношения прошлого времени.

В числе множества второстепенных вопросов, возбужденных в Военном министерстве, была мысль об уничтожении сохранившейся у нас с прошлого века аномалии — различия в градации чинов в гвардии «старой» и «молодой» и в армии. Различие это составляло обидную для одних войск привилегию в пользу других, создавало, так сказать, своего рода аристократию в войсках, поселяла зависть, рознь между гвардией и армией; наконец, представляло многие несообразности и неудобства на практике, как например, при переводах офицеров из одних войск в другие. Молодой, неопытный офицер гвардии, переходя в армию, «садился на голову» старым, заслуженным офицерам, иногда же прямо получал штаб-офицерскую должность. Несообразно было, что специальные войска и Генеральный штаб, составляемые из офицеров, наиболее образованных, долее учившихся, стояли ниже гвардии в градации чинов. При всей очевидности этих неудобств и несообразностей, затронуть подобный вопрос было гораздо труднее, чем преобразование всей армии и всего военного управления. По старой привычке, различие в чинах считалось привилегией гвардии. Когда только задумано было поднять означенный вопрос и когда поручено было мною подготовить общественное мнение в печати (в «Ин-

валиде» и «Военном Сборнике»), сейчас же поднялась буря. Хотя в статьях упомянутых изданий и объяснялось, что преимущества гвардии останутся нетронутыми, так как сущность их заключается собственно в быстром ходе производства, а не в различии наименования чинов, хотя и предлагались для устранения устаревшей аномалии такие средства исполнения, которые не нарушили бы интересов никого из служащих в гвардии, однако ж наши «консерваторы» начали кричать о радикализме и разрушительных замыслах военного министра, объясняя означенное предположение какими-то тонкими целями — демократическими замыслами, подкапыванием основ престола и т. д. Кончилось тем, что Государь однажды, при докладе моем (в Красном Селе) выразил мне свое неудовольствие по поводу возбужденного вопроса о чинах и приказал прекратить печатание каких-либо статей по этому предмету.

Встретив неудачу в общем вопросе об уравнении чинов в разных разрядах войск, я не отказался, однако ж, от мысли достигнуть того же по крайней мере в Генеральном штабе, в котором существовало тоже несообразное различие в чинах между гвардейским Генеральным штабом и армейским. Такое различие между офицерами одного и того же специального рода службы, получающими совершенно одинаковое образование, было еще страннее, чем между офицерами гвардии и армии. Я объяснил Государю, что распределение офицеров Генерального штаба по войскам гвардейским и армейским должно быть предоставлено соображению прямого их начальства; что различие в чиновной градации ставит в затруднение перемещение офицеров и что вообще нет никакого основания одним офицерам давать привилегии перед другими того же рода службы. Государь, после некоторого колебания, согласился на мое представление, чтобы все офицеры Генерального штаба, при каких бы войсках ни состояли, имели одну общую линию производства, одинаковую градацию чинов и носили одинаковый мундир. Высочайшее на это разрешение объявлено было 5 ноября 1864 года. Однако ж, и здесь Государь потребовал, чтобы офицеры, находясь при гвардейских войсках, носили при парадной форме так называемые «чакчиры», то есть панталоны с красными лампасами, которые не полагались состоящим при армейских войсках офицерам Генерального штаба. Подробность эта, хотя и мелочная, но характеристичная.

Высочайше утвержденное 6 августа 1864 года Положение о военно-окружном управлении[342], как уже сказано, введено было во всех округах Европейской России с 20 августа, за исключением Казанского, открытого месяцем позже. В то же время упразднены и последние остававшиеся еще три корпуса: 1-й, 2-й и 3-й

резервные; Гренадерский был упразднен ранее приказом 13 января, а Гвардейскому сохранено только наименование корпуса, без отдельного управления. Дивизии гвардейские так же, как и армейские, были подчинены непосредственно главному начальнику округа. Введение нового Положения не встретило нигде затруднений, и полное преобразование всей нашей военной администрации совершилось без малейшего перерыва в ходе дел.

В самый день открытия округов, 20 августа (в этот же день Государь возвратился из Москвы в Царское Село), в Высочайшем приказе объявлено было благоволение всем лицам, принимавшим участие в разработке Положения; особенная благодарность выражена тайному советнику Устрялову, полковнику Аничкову и статскому советнику Андреевскому (чиновнику канцелярии Военного министерства). Председатель Военно-кодификационной комиссии генерал-лейтенант Непокойчицкий, также оказавший существенное содействие при окончательном редактировании и обсуждении проекта, назначен членом Военного совета.

С учреждением стройной организации местного военного управления во всех инстанциях, прекратились все отношения губернской гражданской власти к местным войскам и к комендантским управлениям. 31 августа последовало Высочайшее повеление, чтобы впредь все начальники губерний именовались просто губернаторами, без прибавочного звания «военных» или «гражданских»[343], за исключением лишь некоторых губерний на Кавказе и на азиатских окраинах, где остались «военные» губернаторы по исключительному положению края, а также Кронштадта и Николаева, где признавалось нужным оставить военных губернаторов из адмиралов, с подчинением им морской части; в этих двух пунктах и комендантские управления оставлены в подчинении военных губернаторов, которые в свою очередь подчинены по военной части военно-окружному начальству. Кроме того допущено было изъятие в отношении военных генерал-губернаторов петербургского и московского, которым оставлено на первое время это звание, равно как и подчинение им комендантских управлений. Прочие генерал-губернаторы получили вместе с тем и звание командующих войсками округа, так что во всех пограничных округах высшая местная власть, как военная, так и гражданская, соединилась в одном лице. В прочих же округах образовалась в каждой губернии совершенно самостоятельная местная военная власть; губернский воинский начальник в чине полковника или даже генерал-майора, подчиненный прямо военно-окружному начальству (начальнику местных войск округа), стал уже в независимое положение от губернатора. Такое устранение губернаторов от всякого влияния на военную часть принято было многими из них неприязненно, да

и сам министр внутренних дел не скрывал своего неудовольствия, тем более что Высочайшее повеление по этому предмету последовало без предварительного с ним соглашения. В этом-то неудовольствии и кроется корень тех мелочных пререканий, которые в первое время нередко возбуждались губернаторами с местным военным начальством.

Положением 6 августа должности главного начальника военного округа дан был, в отношении к подчиненным ему войскам, характер инспектора, облеченного обязанностью высшего надзора за правильностью и законностью всего устройства войск и обучения их. Тем не менее признавалось необходимым, как уже было упомянуто прежде, в видах поддержания единства и единообразия в том и другом отношении во всей армии, производить ежегодно инспектирование войск высшими доверенными лицами от имени самого Государя, и в этих-то видах присвоено было звание «инспекторов войск» некоторым из членов Военного совета. Приказом 29 января 1864 г. учрежден при Военном совете особый «отдел» из членов-инспекторов с той целью, чтобы они ежегодно, после объезда назначенного каждому из них района расположения войск, собирались для общего совещания о сделанных ими замечаниях и для составления общего всеподданнейшего отчета о результатах инспектирования. На основании этого Положения началось с 1864 г. ежегодное командирование означенных членов Военного совета, каждый раз по особому Высочайшему повелению, и в конце года представлялся Государю общий отчет с объяснениями и мнениями министерства. Практиковалось это несколько лет сряду и не без пользы: многое, не доходившее до министерства обычным путем, через военно-окружное начальство, узнавалось из личных наблюдений инспектировавших лиц и вызывало новые меры со стороны центральной власти. К сожалению, не все члены Военного совета, облеченные званием инспекторов, оказались на высоте своего призвания; мало-помалу инспекторские объезды сокращались и по прошествии нескольких лет прекратились совсем.

Кавалерия, по специальности своей, требовала и специального инспектора, подобно другим специальным родам оружия. 15 августа 1864 года Высочайше утверждено Положение о генерал-инспекторе кавалерии[344], с назначением на эту должность великого князя Николая Николаевича — знатока и страстного любителя кавалерийского дела. Вместе с тем упразднена прежняя должность начальника Резервной кавалерии, и занимавший ее генерал-адъютант граф Ржевуский назначен членом Комитета о раненых. Начальником канцелярии Его Высочества генерал-инспектора назначен состоявший при нем для поручений генерал-майор Джунковский.

Положением о генерал-инспекторе кавалерии, составленным по предварительному соглашению с великим князем, возлагались на него только обязанности инспекторские и преимущественно по разным специальностям кавалерии, как то: конного состава, ковки, седловки, обучения и т. п. Но великий князь, по своему характеру и привычкам, не держался строго в рамках Положения и вместо роли инспектора стал действовать как начальник: отдавал «приказы» по кавалерии, забрал в свои руки все назначения, часто распоряжался даже помимо прямого, т. е. военно-окружного начальства. Сдерживать генерал-инспектора в пределах, указанных Положением, было делом весьма щекотливым.

Целый ряд новых Положений, утвержденных и объявленных почти одновременно, в августе 1864 года, преобразил коренным образом всю нашу военную администрацию, во всем ее объеме, во всех инстанциях, от высших до низших. Хотя введение этих Положений на практике, как уже было замечено, и совершилось беспрепятственно, без всяких затруднений, однако ж, надобно было предвидеть, что в первое время возникнет много вопросов, недоумений и сомнений, требующих разъяснений. В этих видах образована была особая комиссия под председательством тайного советника Устрялова, на которую возложено было наблюдение за правильным и единообразным введением новых Положений. Независимо от того, командированы были некоторые доверенные лица для разъяснения дела на местах. К великому моему удовольствию, оказалось, что новая машина везде пошла вполне удачно, как в округах, вновь открытых, так и в существовавших уже с прошлого года. В этих последних приходилось только, так сказать, регулировать делопроизводство согласно с новым Положением.

Признаюсь, я не смел даже надеяться на то, что новый механизм управления с первого раза начнет действовать так успешно. Самая сложная часть, конечно, была интендантская: тут потребовалось несколько более продолжительное время, чтобы постепенно завести новые порядки в устройстве всех составных частей. Однако ж и эта часть мало-помалу устроилась благодаря разумному руководству Ф.Г. Устрялова и В.М. Аничкова. Труднее было поставить на законную почву вновь учрежденные военно-окружные советы, особенно в тех округах, которые существовали уже ранее и где главные начальники привыкли уже всем распоряжаться по личному своему разумению. Так, граф Берг и генерал Анненков в первое время никак не могли подчиниться коллегиальным формам делопроизводства и показали мало сочувствия к учреждению военно-окружных советов*. Случалось, что

* Письма действительного статского советника Пфеля из Варшавы от 22 сентября и генерала Баумгартена из Киева от 8 декабря.

граф Берг, при самом открытии заседания, прежде полного доклада дела, прямо объявлял свое решение, не спрашивая мнения членов*. В Вильне не было того же потому только, что там председательствовал в заседаниях совета не сам генерал Муравьёв, а помощник его. Тем не менее и военно-окружные советы мало-помалу наладились с помощью назначенных во все округа членов от Военного министерства, в роли прокуроров или юрисконсультов. Такие члены, каковы были: в Петербурге — действительный статский советник Саломе, в Варшаве — действительный статский советник Пфель, в Москве — полковник Унковский (бывший мой адъютант), принесли несомненную пользу правильному введению военно-окружной системы и водворению законности в решении хозяйственных дел. Коллегиальное обсуждение с надлежащими справками и указаниями на закон заступило место единоличного произвола и решения дел наобум.

Оставалось еще ввести военно-окружную систему на Кавказе и в азиатских окраинах. Признавалось нужным предварительно обсудить, в какой мере общее Положение о военно-окружном управлении удобно применяется к особенным местным условиям каждого края. Относительно Кавказа нужно было вести дело с большой осторожностью, чтобы не затронуть щекотливости великого князя главнокомандующего и не возбудить противодействия с его стороны. Что же касается до азиатских окраин, то введение там военных округов было связано с возбужденным тогда вопросом о новом административном делении всей Азиатской России. Обсуждение обоих вопросов облегчалось присутствием в Петербурге генерал-губернаторов оренбургского и западно-сибирского. В рассмотрении же вопроса о применении Положения к Кавказскому краю принял участие прибывший также в Петербург осенью начальник штаба Кавказской армии генерал-адъютант Карцов. Первоначально у великого князя Михаила Николаевича родились было разные сомнения по этому вопросу. В письме ко мне от 11 декабря он высказывал опасение всякой «ломки» в военном устройстве и управлении Кавказа, ссылаясь на исключительные условия края. В успокоение Его Высочества, я объяснял ему, в ответном письме от 27 декабря, что применение к Кавказу системы военно-окружного устройства вовсе не будет ломкой, а напротив того, существующее в этом крае со времен фельдмаршала князя Барятинского военное устройство и послужило, так сказать, прототипом устройству военных округов[346].

Общее преобразование военного управления по плану военно-окружной системы вызывало, конечно, соответственные из-

* Письмо Пфеля от 8 ноября[345].

менения и в частностях — в устройстве всех военных учреждений по разным отделениям министерства.

По части артиллерийской, так же как и по другим отделам, главной задачей в этом году было переустройство местных учреждений соответственно Положению о военных округах. Но преобразования эти не отвлекали внимания министерства от усовершенствований по технической части, которая в то время была в периоде полного перерождения. Как в ручном оружии, так и в артиллерийских орудиях начинался переход к заряжанию сзади и к увеличению дальности выстрела. Изобретатели являлись один за другим с разными предложениями; каждое нововведение требовало продолжительного испытания; а потому ни одно государство не решалось еще вводить то или другое оружие, высматривая, что делалось у соседей. К сожалению, такое выжидательное положение менее опасно для всякого другого государства, чем для России, по сравнительной бедности наших промышленных и технических сил, при ограниченности финансовых средств и громадном размере армии. Поэтому западные государства всегда перегоняют нас в заготовлении для своих армий тех предметов вооружения и снаряжения, которые признают совершеннейшими.

Так было и с ручным оружием. Только что успели мы закончить перевооружение всей нашей армии 6-линейными нарезными винтовками, как уже во всех государствах поднят был вопрос о ружьях, заряжаемых сзади с металлическим патроном. Дело это было еще так ново, что везде приступали только к испытанию первых, весьма несовершенных изобретений, которые вскоре потом забывались с появлением новых механизмов. Между тем, наши оружейные заводы (из которых один — Тульский — был уже передан в арендное содержание генералу Стандершельду, а другой — Сестрорецкий — предполагалось передать на том же основании полковнику Лилиенфельду) продолжали изготовлять 6-линейные винтовки.

Точно так же и в полевой артиллерии мы только еще вводили нарезные медные орудия, а в Германии и Бельгии уже появились первые стальные пушки, заряжаемые сзади. И мы не замедлили обратиться к заводу Круппа с заказом таких же орудий, одинакового калибра с нашими прежними 4-фунтовыми; но так как заказы наши должны были соразмеряться с ассигнуемыми ежегодно денежными средствами, то снабжение всей нашей полевой артиллерии орудиями нового образца не могло быть доведено до конца ранее нескольких лет. Таким образом, не было никакой возможности избегнуть в устройстве материальной части нашей артиллерии более или менее продолжительного переходного положения. В течение известного периода при-

шлось иметь в наших артиллерийских бригадах батареи с орудиями нескольких различных типов. Так, в 1864 году из трех батарей каждой бригады одна имела старые 12-фунтовые гладкостенные пушки, другая — 4-фунтовые нарезные медные, и третья — 4-фунтовые же стальные, заряжаемые сзади. Такое разнообразие в материальной части батарей, разумеется, усложняло до крайности состав парков и запасов.

В крепостной артиллерии в то время началось стремление к увеличению калибра орудий и дальности выстрела. Но мы имели тогда на вооружении крепостей только небольшое число стальных орудий 6- и 8-дюймовых; заказано было Круппу несколько орудий 9- и 11-дюймовых, так как 8-дюймовые уже признавались недостаточными для борьбы с флотом, вследствие постепенного утолщения брони. Впрочем, в отношении крепостной артиллерии мы не отстали от других государств, ибо нигде еще на вооружении крепостей не было самых больших калибров, только что проектированных и испытываемых. Можно даже сказать, что вопрос о применении системы заряжания сзади к орудиям самых больших калибров возбужден был нашими же артиллеристами.

По части инженерной мы были также в переходном положении. Все наши крепости, сухопутные и приморские, как уже было замечено, оставались в недоконченном виде*. И в этом отношении можно сказать, что вся Европа находилась не в лучшем положении: везде были настроены громадные и дорогостоящие каменные казематированные сооружения, бессильные против огня современной артиллерии. Но в других государствах финансовые средства позволяли принять энергичные меры к перестройке крепостей соответственно новым преобразованиям искусства; у нас же по смете инженерного ведомства отпускались ежегодно столь недостаточные суммы, что для приведения в должное состояние наших главных крепостей потребовалось бы несколько десятков лет; а между тем военное искусство продолжает все двигаться вперед, являются новые требования, и рассроченные работы остаются неисполненными. Не раз высказывалось мною, что подобные единовременные потребности военной охраны государства, каковы, например, введение нового оружия, перестройка крепости, точно так же как сооружение железных дорог — следовало бы относить не на годичную, обыкновенную смету, а на экстраординарные кредиты. Так и

---

* В автографе зачеркнуто: «Построенные большей частью в царствование императора Николая, они не соответствовали уже силе новой артиллерии» *(примеч. публ.)*.

практикуется в других государствах. Наши же финансисты не соглашались с этим взглядом. Ежегодно, при рассмотрении сметы, мне приходилось выдерживать борьбу с министром финансов, с Государственным контролером и Департаментом экономии — и чаще всего нападки департамента падали именно на инженерную смету. Каждый год эта смета урезывалась, тогда как потребности все возрастали; поэтому не было возможности удовлетворить не только современные фортификационные требования, но и настоятельную потребность постройки казарм и даже поддержания существующих зданий в исправности.

По части интендантской, соединившей в себе прежние два отдельные ведомства: комиссариатское и провиантское, с упразднением прежних «комиссариатских комиссий», нужно было дать совершенно новое устройство заменившим их «интендантским складам». Госпитали, состоявшие прежде в исключительном ведении Комиссариатского управления, получили новое устройство и подчинены окружному начальнику местных войск, с присвоением ему и звания «инспектора госпиталей».

Соединение означенных двух ведомств выразилось и в центральной инстанции слиянием департаментов комиссариатского и провиантского в одно «Главное интендантское управление», приказом 11 августа. Временно управляющий (с 19 апреля) Комиссариатским департаментом тайный советник Устрялов получил звание «главного интенданта», а директор прежнего Провиантского департамента генерал-лейтенант Данзас назначен членом Генерал-аудиториата. Никто не мог лучше руководить преобразованиями в интендантстве, как Ф.Г. Устрялов — так деятельно работавший над самым Положением об интендантстве. Со вступлением его в должность главного интенданта, начался непрерывный ряд улучшений во всей сложной процедуре заготовления и хранения предметов интендантского довольствия, в порядке снабжения войск, отчетности и т.д. В 1864 году положено основание всему тому, что осуществилось постепенно в последующие годы.

Военно-врачебная часть много выиграла со введением военно-окружной системы. Центральное военно-медицинское управление получило прямой орган в лице окружного военно-медицинского инспектора, стоящего во главе особого специального управления и занимающего место в числе членов военно-окружного совета. С изъятием же госпиталей из подчинения комиссариату, медицинское ведомство получило в деле госпитальном более влиятельное участие. Я должен, однако ж, здесь заметить, что данное госпиталям новое устройство не совсем удовлетворило тех из наших врачей, которые мечтали о том, чтобы стать пол-

ными хозяевами в военно-врачебных заведениях, по примеру введенного уже в морском ведомстве нового устройства госпитальной части. Я не разделял того мнения, будто бы управление госпиталем и ведение в нем хозяйства составляет прямую задачу медицинской специальности. Мне казалось, что напротив того, самые знаменитые врачи бывают плохими администраторами и что диплом лекарский или докторский не есть еще гарантия исправной и добросовестной служебной деятельности. Не раз высказывал я самим врачам, что устранение их от прямого заведования хозяйственной частью госпиталей и лазаретов желательно в их собственных интересах: через это облагораживается личное значение врача в глазах прочих служащих и самих больных.

В новом уставе госпиталей оставлено прежнее раздвоение обязанностей и ответственности между старшим врачом и смотрителем; но над ними обоими поставлен «начальник» госпиталя, более в качестве инспектора или попечителя, чем распорядителя. Этим средством предполагалось устранить невыгоды двойственности в составе госпитального управления, не отнимая, однако же, ни у врача, по специальности врачебной, ни у смотрителя по части хозяйственной, необходимой для каждого из них самостоятельности и надлежащей доли ответственности.

Проекты Положений о госпиталях и лазаретах в мирное и в военное время были разосланы на заключение начальствующих лиц и, по получении от них замечаний, снова пересматривались и исправлялись.

По части военно-судной также разосланы были начальствующим лицам составленные особыми комиссиями проекты: Воинского устава о преступлениях и наказаниях и Положения о дисциплинарных проступках и взысканиях. Отзывы об этих обоих проектах получались самые разноречивые. Основания нового судоустройства и судопроизводства уже были рассмотрены в соединенном собрании Военного и Морского генерал-аудиториатов. Кроме того, продолжались работы по преобразованию арестантских и военно-тюремных учреждений.

По части военно-учебной начатые преобразования значительно подвинулись вперед в течение 1864 года. К началу учебного года преобразованы 6 бывших кадетских корпусов в военные гимназии, а именно: кроме 2-го Петербургского (преобразованного уже в предыдущем году), корпуса 1-й Петербургский, оба Московских, Тульский и Орловский*, а существовавшее при 1-м Московском кадетском корпусе малолетнее отделение уп-

* Приказ 17 мая 1864 года.

разднено*. Бывшая Школа гвардейских подпрапорщиков и юнкеров обращена в Кавалерийское училище, а младшие ее классы, соответствовавшие гимназическому курсу, отделены в особое заведение, под названием «Приготовительного пансиона» при Кавалерийском училище. Пехотные военные училища в Петербурге получили** наименования: 1-го Павловского и 2-го Константиновского, а Московское — 3-го Александровского. В приказе было сказано: «Дабы сохранить память о 1-м кадетском корпусе, как о рассаднике военного образования в отечестве, и предания, связанные с его именем о доблестях военачальников и государственных людей, проведших юность в этом заведении, — придать Павловскому военному училищу название Первого военного училища, передать ему от бывшего 1-го кадетского корпуса знамя, архив, все исторические памятники и военно-учебные пособия и хранить в нем мундир в Бозе почивающего Императора Николая Павловича, дарованный 1-му кадетскому корпусу»[347]. Вместе с тем Государь, считавшийся шефом 1-го кадетского корпуса, принял звание шефа 1-го военного Павловского училища. Следовательно, в позднейшие времена, когда военные гимназии были опять переименованы в кадетские корпуса[348], совершенно ошибочно 1-я военная гимназия была признана наследницей прежнего 1-го кадетского корпуса.

Военные училища приняли с самого начала их учреждения обстановку чисто военную, так что в кратком моем всеподданнейшем отчете за 1864 год я счел себя вправе выразиться так: «Минувшим летом*** Ваше Императорское Величество изволили сами удостовериться в том, насколько уже укрепилось в юнкерах военных училищ строевое образование после лагеря, проведенного ими среди войск****. Замечено, что в юнкерах значительно изменились прежние их кадетские понятия о службе. Они стали сознательнее понимать отношения дисциплинарные и серьезнее смотреть на все служебные требования».

Что касается «юнкерских училищ», которые должны были доставлять армии главную массу офицерского состава, то в 1864 году вновь учреждены два училища — в Москве и Вильне, на основании нового Положения, объявленного 20 сентября; существовавшие же два училища — в Варшаве и Гельсингфорсе повелено было преобразовать, на основании того же Положе-

* Приказ 1 сентября 1864 г.

** Приказ 17 мая 1864 г.

*** т. е. в Красносельском лагере 1864 года.

**** В прежнее время кадеты в летнее время помещались в отдельных лагерях. Лагерь петербургских военно-учебных заведений был так же, как и ныне, в Петергофе.

ния, с 1 января следующего года. Затем предполагалось постепенно устраивать такие же училища в прочих округах, с таким расчетом, чтобы все вместе могли при двухлетнем курсе, выпускать в армию до 1500 офицеров ежегодно. Юнкерским училищам дан был характер учреждений войсковых, а потому они были поставлены в подчинение начальникам военно-окружных штабов и главным начальникам округов; ведению же начальства Военно-учебных заведений предоставлена была только учебная часть.

Все преобразования по этим заведениям подвигались с большой осторожностью и строгой постепенностью. Нельзя не отдать полной справедливости генералу Исакову, который действовал обдуманно и с знанием дела. Особенно находил я в нем весьма ценное достоинство — умение отыскивать и выбирать себе помощников для непосредственного ведения воспитательного и учебного дела. Здесь более, чем в какой-либо другой сфере действия, успех предпринятых преобразований зависел именно от удачного выбора личностей; дело состояло не в одном изменении наружных форм организации, но в полном нравственном перерождении, в водворении того духа и направления, которые должны были определить новый характер заведений: одних — общеобразовательных, воспитательных (военные гимназии), других — специально-военных (военные училища). Со стороны генерала Исакова и с моей требовалось много личных устных внушений начальникам и всему персоналу заведений. Ближайшие начальники заведений, в свою очередь, должны были приложить много стараний и умения взяться за дело, чтобы завести новые порядки и стать в новые отношения к вверенному им юношеству. При этом припоминаю с удовольствием тогдашние мои отношения к некоторым из этих начальников, в особенности же к директорам новых военных гимназий: 2-й Петербургской — полковнику Даниловичу, 2-й Московской — полковнику Мезенцову, Орловской — полковнику Бушену и другим.

С началом учебного 1864—1865 года я начал часто посещать петербургские военно-учебные заведения и лично следил за развитием их, хотя свободного времени на эти разъезды было у меня весьма мало. Во все дни недели все часы были так распределены, что я мог располагать только одним утром пятницы; в другие же дни только урывками удавалось заехать по дороге в которое-нибудь из заведений в промежуток между одним и другим делом. Сам Государь имел прежде привычку посещать военно-учебные заведения, хотя по одному разу в год; но постепенно эти посещения делались все реже, по недостатку ли времени, или потому, что в заведениях вводились новые порядки, для

него непривычные. При одном из моих докладов Его Величество спросил меня, слежу ли я лично за ходом дела в заведениях и выразил желание свое, чтобы я по возможности чаще посещал их, между прочим и потому, что сам Государь не может бывать в них так часто, как в прежнее время.

Специальные училища, Артиллерийское и Инженерное, получили новое устройство*, согласованное с организацией военных училищ и военных гимназий: в том и другом установлен был трехгодичный курс, соображенный таким образом, чтобы кончившие двухлетний курс военных училищ могли дополнить специальное свое образование для службы в артиллерии или саперах, поступив на один год в старший класс того или другого специального училища. Чтобы достигнуть такой единообразной для обоих этих училищ организации, приходилось в одном из них (Артиллерийском), состоявшем до того из одного только класса, добавить два класса снизу, а в другом (Инженерном), куда прежде принимались дети, — откинуть низшие классы, соответствовавшие старшим гимназическим. Переход к новому составу исполнен в обоих училищах постепенно, в двухлетний срок разумными и опытными начальниками их, генерал-майорами Платовым и Кауфманом 2-м (Михаилом Петровичем).

В заключение остается здесь упомянуть о наших высших военно-учебных заведениях: академиях Артиллерийской, Инженерной и Генерального штаба. Во всех трех производился полный пересмотр учебных курсов, с той главной целью, чтобы каждая из академий сколь можно ближе удовлетворяла практические требования соответствующего рода службы.

Для разъяснения необходимости такого пересмотра курсов приходится мне войти в некоторые подробности и коснуться прежнего положения академий за время подчинения их начальству Военно-учебных заведений. Когда генерал-адъютант Ростовцев принял академии в свое ведение[350], то он поставил себе целью — образовать из них нечто вроде военного университета, состоящего как бы из трех факультетов. Главной задачей его было — привлечь в академию как можно большее число слушателей, и надобно отдать ему справедливость, что он достиг этой цели, доставив академиям самые широкие средства как в отношении личного состава, так и материальных пособий. Но, по правде говоря, в деятельности Якова Ивановича всегда была слабая сторона — стремление к наружному эффекту, которому часто приносилась в жертву действительная польза дела. Притом он сам, не знакомый ни с которой из специальностей военной

* Положение о преобразовании обоих этих училищ объявлено в декабре 1864 года[349].

М.П. Кауфман

службы, не придавал значения, так сказать, технической стороне ее, а заботился только о расширении теоретического преподавания, ставя главным назначением академий — распространять общее военное образование в военной среде, вместо того, чтобы готовить специалистов для каждого рода службы. Желание привлечь в академии слишком большое число слушателей имело невыгодные стороны: аудитории наполнялись молодыми людьми, недостаточно подготовленными для серьезных занятий, не вполне способными к специальному роду службы; а потому масса офицеров только напрасно отвлекалась от строевой службы, так как неудавшиеся слушатели академий редко возвращались во фронт, а большей частью искали выхода в какие-либо нестроевые должности. Главная же невыгода заключалась в том, что переполнение аудиторий слишком большой массой слушателей затрудняло ведение специальных практических занятий и не допускало надлежащего развития их, тогда как в них-то и вся суть всякой прикладной науки. Можно сказать вообще, что недоста-

и преобладание теоретического учения составляют слабую сторону нашего русского образования по всем специальностям; все наши специальные учебные заведения именно тем грешат, что заботятся более о широком научном преподавании, чем о приготовлении умелых практиков. Мы больше хотим знать, чем уметь.

Вот с этой точки зрения казалось мне необходимым изменить направление преподавания и во всех наших военно-учебных заведениях, в особенности же в специальных училищах и еще более в академиях. Самая передача этих учебных заведений в ведение подлежащих специальных начальств вызвана была той же целью. Только само начальство каждого специального ведомства может успешно приготовлять пригодных для него деятелей; оно же имеет в своих руках и все средства, личные и материальные, необходимые для такой обстановки учебного заведения, которая соответствовала бы вполне практическим требованиям и духу специального рода службы.

Пересмотр учебных курсов в указанном направлении возложен был первоначально на самые конференции всех трех академий. Такая задача требовала много времени и, конечно, не обошлась без горячих споров между представителями разных предметов преподавания. Наиболее вопросов возникло по академии Генерального штаба, на которой преимущественно выказались идеи Я.И. Ростовцева. Хотя в первоначальном Уставе «Военной академии», по мысли генерала барона Жомини, ей присвоено было двойственное назначение: с одной стороны, — специальное приготовление офицеров для службы Генерального штаба, с другой, — более широкая цель — распространение военного образования в армии, однако ж, вторая цель не должна была оттеснять первую на задний план. Служба Генерального штаба требует, кроме высшего научного образования, и своего рода техники, притом весьма разнообразной: офицер Генерального штаба попеременно работает то на коне, при войсках, то в поле как съемщик, то в штабе или канцелярии, — и наконец, в кабинете над трудами военно-статистическими или военно-историческими. С этой разнообразной деятельностью должен быть соображен и курс академии, и в особенности ведение практических работ учащихся офицеров. Поэтому я настаивал, чтобы по всем предметам преподавание было преимущественно практическое, прикладное; чтобы усилены были упражнения классные в зимнее время и работы полевые — в летнее; чтоб офицеры занимались верховой ездой, глазомерными съемками, рекогносцировками и т. д.

Годичные экзамены в академии, происходившие осенью, должны были служить исходной точкой для предстоявшей рабо-

ты пересмотра курса. В этих видах назначено было присутствовать на экзаменах комиссии, составленной из опытных генералов и штаб-офицеров Генерального штаба, под председательством генерал-майора Менькова (редактора «Военного Сборника»). По окончании экзаменов, комиссия представила свой отчет с указанием на те изменения в академическом курсе, которые признавались полезными в предположенном направлении.

Назначение экзаменной комиссии и представленный ею доклад показались начальнику академии генерал-майору Леонтьеву обидными для него и для всей конференции; он даже просил об увольнении от должности. Однако ж, при личном объяснении, мне удалось успокоить этого достойного и полезного начальника академии. Для дальнейшего ведения дела я принял на себя председательство в совещаниях, открытых в декабре, по преобразованию академического курса; к совещаниям приглашались члены конференции, и таким образом все уладилось к общему удовольствию. Генерал Леонтьев оставался еще многие годы, до самой смерти своей во главе академии, которой принес существенную пользу.

В финансовом отношении 1864 год был одним из самых тяжелых для России, несмотря на благоприятный оборот в делах политических и усмирение польского мятежа. Переход с военного положения к мирному начался только во вторую половину и даже к концу года и притом с такой постепенностью, что сокращение наличной численности войск могло отозваться на военных расходах только в течение следующего 1865 года.

По Государственной росписи на 1864 год, составление и утверждение которой так же запоздало, как и в предыдущем году (в Государственный Совет внесена только 18 апреля), общая сумма расходов по всем ведомствам, со включением чрезвычайных по военным обстоятельствам и оборотных, была исчислена в 392$^{1}/_{2}$ миллиона рублей, а доходов — в 346 миллионов, так что несмотря на превышение последних против предшествовавшего года на 27$^{1}/_{2}$ миллионов, предвиделся дефицит до 46$^{1}/_{2}$ миллионов (со включением 4 миллионов обыкновенно предполагаемого недобора в доходах)*. В приведенной цифре расходов приходилось на Военное министерство 152 миллиона, то есть на 6 миллионов менее прошлогоднего; в том числе заключалось более 37$^{1}/_{2}$ миллиона на чрезвычайные расходы по военным обстоятельствам. Таким образом в оба года, 1863** и 1864, постановка

---

* В действительности, оказался дефицит в 47 605 270 рублей.

** На тот же предмет ассигновано было в 1863 году 35$^{1}/_{2}$ миллионов рублей.

армии на военное положение и приготовления к войне обошлись нам в 73 миллиона рублей сверх обыкновенных расходов мирного времени.

Приведение армии на мирное положение в конце 1864 года дало возможность при исчислении расходов на следующий 1865 год достигнуть значительного сокращения в военных расходах. На этот раз приняты были по всем ведомствам меры к своевременному составлению смет, так что Государственная роспись была рассмотрена в Государственном совете и утверждена до истечения года (в декабре). По этой росписи, общая сумма расходов по всем ведомствам выразилась цифрой 372 миллиона рублей, то есть на $20^1/_2$ миллиона менее прошлогодней; но так как доходы исчислены были в 350 миллионов (на 3 700 000 более прошлогоднего), то все-таки оказался опять дефицит более 22 миллионов рублей. Собственно на Военное министерство по смете 1865 года причиталось всех расходов 128 миллионов, то есть на $25^1/_2$ миллионов менее прошлогоднего, хотя в этой цифре заключалось до 7 358 000 рублей таких расходов, которые составляли последствие минувших политических обстоятельств и военного положения.

Если смету, составленную на 1865 год, сличить со сметами прежних лет мирного времени, предшествовавших реформам по военному ведомству, например, со сметой 1860 года, то окажется весьма незначительное возвышение расходов, так как для правильного сравнения необходимо из приведенной цифры 128 миллионов исключить: 1) означенные 7 358 000 расходов чрезвычайных за минувшее военное время, 2) около 7 миллионов расходов по военно-учебным заведениям, не входившим прежде в смету Военного министерства, и 3) также около 7 миллионов других сумм, которые по прежним правилам и формам не вносились в смету. За вычетом этих трех сумм, общий итог военных расходов на 1865 год составил бы около 107 миллионов рублей, то есть более, против 1860 года, лишь на 6 миллионов рублей.

Такое превышение не может показаться значительным, если принять в соображение общее возвышение ценностей и потребностей, а в особенности то, что армия наша к 1865 году не была еще доведена до нормального ее мирного состава. В предстоявший год ожидалось дальнейшее сокращение в наличном составе войск; сокращение это должно было доставить и соответственное уменьшение расходов, которое должно было с избытком покрыть выведенную выше цифру увеличения военной сметы в пятилетний период (1860—1865 гг.).

Приведенные цифры фактически опровергают обвинение, которое не раз взводилось на Военное министерство в том,

будто бы причиной возрастания сметы были предпринятые преобразования в военном управлении и в организации войск. В действительности, все эти преобразования велись с возможно строгим расчетом, так чтобы новые учреждения не требовали больших денежных средств, чем прежние. Постоянно имелось в виду, чтобы необходимые улучшения достигались через сокращение или упразднение всего излишнего, бесполезного, без новых пожертвований из Государственного казначейства.

Тем не менее, я не скрывал от Государя в ежегодных своих отчетах, что стремление к сокращению военной сметы должно иметь известный предел, и что дальнейшие сбережения, какие могут быть еще достигнуты предстоявшими преобразованиями, необходимо будет обращать на удовлетворение многих насущных нужд военного ведомства и на некоторые новые расходы, которые долее откладывать решительно невозможно. В числе таких настоятельнейших нужд указывалось на улучшение крайне скудного содержания всех военнослужащих, а в особенности строевых офицеров, продовольствия солдат, полкового хозяйства; затем на пополнение запасов всякого рода, на постройку казарм, на предстоявшее перевооружение войск, на усовершенствование крепостей и т. д. Для удовлетворения всех этих нужд требовались весьма крупные денежные средства, а пока положение наших финансов не позволяло их удовлетворить, до тех пор благоустройство военных сил государства не могло считаться обеспеченным.

Комментарии и указатели

КОММЕНТАРИИ

[1] Основные положения судебной реформы, разработанные специальной комиссией юристов под председательством С.И. Зарудного, обсуждались в Государственном совете с 28 апреля по 30 июля и со 2-го по 4 сентября 1862 г. 29 сентября «Основные преобразования судебной части в России» были утверждены императором, а 3 октября опубликованы в газетах. 27 сентября 1862 г. Александр II утвердил доклад государственного секретаря В.П. Буткова относительно дальнейшей законодательной работы над проектом судебной реформы: специальная комиссия под председательством государственного секретаря должна была подготовить законопроекты к 15 января 1863 г.

[2] Речь идет о реформе государственного контроля, разработанной комиссией В.А. Татаринова. В основу реформы легли два документа: составленный Татариновым в 1856 г. «Общий сравнительный обзор действовавших за границей систем государственной отчетности» и всеподданнейший доклад бывшего государственного контролера Н.Н. Анненкова «О применении к России основных начал государственной отчетности, принятых в иностранных государствах» (см.: Преобразование государственной отчетности. СПб., 1861. Ч. III.). Комиссия Татаринова разработала новые правила составления и исполнения государственной росписи и финансовых смет, утвержденные императором 22 мая 1862 г. и введенные в действие с начала 1863 г. Кроме этого, была реформирована вся система государственной отчетности и создано новое контрольное учреждение — ревизионная комиссия. [См.: Полное собрание законов (далее ПСЗ). Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 2-е. № 40100, 40363]. Контрольная реформа вводилась в действие в течение 1864—1865 гг. Подробно о реформе см.: *Сакович В.А.* Государственный контроль в России, его история и современное устройство. СПб., 1896. Т. 1. С. 141—161.

[3] Литографированный экземпляр всеподданнейшего доклада о деятельности Военного министерства за 1862 год от 1 января 1863 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 16.

[4] Развитие оппозиционного движения поляков в форме национальных и религиозных манифестаций в Царстве Польском Милютин описал в своих воспоминаниях за август — октябрь 1861 г. Нарастание борьбы летом и осенью 1862 г. отражено им в книге XI «Воспоминаний» за 1862 год. См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. М. 1999. С. 47—61, 71—87, 107—113, 173—185, 319—351, 395—407.

[5] П.А. Валуев был в описываемое время министром внутренних дел. См.: *Валуев П.А.* Дневник. М., 1964. Т. 1. С. 198—199.

[6] Подробно об этом см.: *Лемке М.* Эпоха цензурных реформ. 1859—1865. СПб., 1904. С. 246—264.

[7] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 1-е. № 38080.

[8] Н.А. Милютин занимался разработкой проекта городской реформы 1846 г. в качестве руководителя Хо-

зяйственного департамента Министерства внутренних дел (в 1842—1849 гг.).

[9] Вел. кн. Михаил Николаевич с начала 1863 г. вступил в должность кавказского наместника, освободившуюся в декабре 1862 г. из-за болезни князя А.И. Барятинского.

[10] См.: Отчет Главного управления военно-учебных заведений. СПб., 1865. С. 3.

[11] Подразумевается деятельность А.И. Барятинского на посту наместника Кавказа в 1856—1859 гг. Милютин служил вместе с Барятинским в качестве начальника штаба Кавказской армии.

[12] Речь идет об императрице Марии Фёдоровне, жене императора Александра III.

[13] См. обстоятельное дело III отделения «О беспорядках в Царстве Польском и западных губерниях» (ГАРФ. Ф. 109. 1 эксп. 1863 год. Д. 23). Опись этого дела опубл. в кн.: Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1962. С. 292—317; Исторический очерк Восстания 1863 года, составленный в Варшавской цитадели. Wrocław, etc. 1985.

[14] Маркиз А. Велёпольский был начальником гражданской администрации и вице-председателем Государственного совета Царства Польского. Его политический курс формулировался как «система примирения и твердости», т. е. был направлен на подавление революционного движения, при некоторых уступках польской аристократии. Проект рекрутского набора, о котором идет речь, был предложен Велёпольским действительно с целью обезвредить наиболее революционно настроенные круги населения Царства. Материалы о ходе набора содержатся в вышеуказанном деле III отделения (Там же. Ч. 1885 «О рекрутах Царства Польского»). Упоминаемый Милютиным закон 1816 г. вводил конскрипционную систему, которая представляла собой промежуточный вариант комплектования армии между рекрутским набором и всеобщей воинской повинности. Впервые конскрипционная система была введена во Франции в 1798 г.

[15] Имеется в виду вел. кн. Константин Николаевич, назначенный наместником Царства Польского 27 мая 1862 г.

[16] Ср.: Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде (далее — Записки О. Авейде). М., 1961. С. 507—508.

[17] Речь идет о Центральном национальном комитете (ЦНК) четвертого состава под председательством З. Падлевского и борьбе двух партий: «белых» и «красных». В партии «белых» объединились те, кто отражал интересы имущей шляхты и буржуазии, кто добивался автономии Царства Польского и присоединения к нему литовских, украинских и белорусских земель в границах 1772 г. Партия «красных» включала разнородные элементы, объединенные лозунгом восстановления национальной независимости. В ней были представлены мелкая и деклассированная шляхта, интеллигенция, городские низы, отчасти крестьянство (Краткая история Польши с древнейших времен до наших дней. М. 1993. С. 137). Подробнее о ЦНК четвертого состава см.: Записки О. Авейде. С. 468—506; *Устимович М.П.* Заговоры и покушения на жизнь графа Берга. Варшава, 1870. С. 90—92.

[18] Подразумеваются события, произошедшие во время Польского восстания 1794 года под предводительством Т. Костюшко.

[19] Имеется в виду Адам Чарторийский — глава консервативно-аристократической польской партии в эми-

грации. Оценка Милютиным политических взглядов З. Падлевского расходится с мнением хорошо знавших его лиц. Вот что писал о Падлевском, например, О. Авейде: «Падлевский представлял собою смесь качеств и недостатков на основаниях самых благороднейших чувств. Он не был чужд честолюбия, в особенности военного, но честолюбие это имело свои границы и свое достоинство; он отдал душу за предмет любви своей. Падлевский был решительным революционером. Он был настоящим главой защитников ускоренного восстания потому именно, что был весьма любим в организации, потому что был начальником города и имел на своей стороне, по крайней мере, большую часть комиссаров и, следовательно, мог располагать во всякую минуту судьбами комитета» (Записки О. Авейде. С. 463—464).

[20] Текст прокламации опубл. в кн.: *Giller Agaton.* Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. Paryż, 1867. T. 1. C. 312.

[21] Записки О. Авейде. С. 511—514; *Даниловский В.* Возникновение диктатуры Мерославского // Следственные показания о восстании 1863 года. Wrocław, etc. 1965. С. 44—45.

[22] Описание Милютиным боевых столкновений российской армии с повстанцами базируется на сведениях из недельных военных журналов, которые посылались императору и ему как военному министру из штаба 1-й армии, дислоцированной в Царстве Польском. Свой экземпляр журнала Милютин передавал в департамент Генерального штаба, чем объясняется отсутствие этих журналов в его личном архиве. В настоящее время 62 недельных журнала хранятся в фонде Военно-ученого архива и коллекции «Восстание 1863—1864 гг.» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1311. Ч. 1—2 — журналы за период с 3 мая по 3 сентября 1863 г.; Ф. 484. Оп. 1. Д. 50, 107 — журналы за период с 3 сентября по 28 октября 1863 г., с 28 октября 1863 г. по 1 сентября 1864 г.). Подробная характеристика журналов военных действий в Царстве Польском как исторического источника дается в статье Л.А. Обушенковой, опубл. в кн.: Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. М., 1962. С. 179—215.

[23] См.: Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна, 1915. Ч. 2. С. 42—44.

[24] 23 января вел. кн. Константин Николаевич послал Александру II из Варшавы следующую телеграмму с информацией о начале восстания: «В городе и дома все благополучно. Шайки на правом берегу Вислы очень усиливаются и отчасти имеют оружие. Телеграф в Плоцке ими поврежден, сообщаемся с ним чрез прусские телеграфы. Посылаю туда еще полк казаков. В 10 верстах от Плоцка полк. Козлянинов, командир Муромского полка, убит мятежниками. Подробности ожидаем» (см.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. / Под ред. С. Кеневича и И. Миллера. Wrocław, etc. 1974. С. 3).

[25] 2 октября 1861 г. Царство Польское было объявлено на военном положении, согласно приказу командовавшего в то время 1-й армией и и. д. наместника ген.-ад. гр. К.К. Ламберта. Позднее военное положение было временно снято постановлениями 27 августа, 28 сентября и 4 декабря 1862 г.; но 12 января 1863 г., ввиду возникших во многих районах беспорядков, было опять введено постановлением наместника вел. кн. Константина Николаевича.

[26] В.И. Назимов был виленским, ковенским и гродненским генерал-гу-

бернатором; Н.Н. Анненков — киевским, волынским и подольским.

27 Подразумевается убийство имп. Александра II 1 марта 1881 г.

28 А. Велёпольский собирался провести реформы, из которых наиболее существенными были: 1) Крестьянская реформа на началах очиншевания, но без разрыва связей между помещиками и крестьянами; 2) тщательная разработка системы местного самоуправления; 3) развитие в национальном духе системы народного просвещения; 4) довольно радикальное разрешение еврейского вопроса. Подробно о политике А. Велёпольского см.: *Lisicki M.H.* Le marquis Wielopolski. Sa vie et son temps. 1803—1877. Vienne, 1880. T. 2. P. 303—318; *Stankiewicz Z.* Dzieje wielkości i upadku Aleksandra Wielopolskiego. Warszawa, 1967.

29 Из переписки вел. кн. Константина Николаевича с братом остается неясным, кто инициировал назначение Сумарокова на должность помощника наместника, но очевидно, что Константин Николаевич очень хорошо относился к Сумарокову и желал его назначения. Так, в письме от 20—21 февраля (4—5 марта) 1863 г. он, в частности, писал: «За присылку Сумарокова особенно тебе благодарен. В последние года я с ним особенно близко сошелся, хотя мы часто спорим. С маркизом он тоже был в хороших сношениях. Посему я твердо уверен, что с его прибытием сюда прекратятся все неприятности и все сплетни» (Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 111). Переписка подтверждает и высказывание Милютина о том, что назначение Сумарокова было встречено неодобрительно в некоторых петербургских кругах (см. письмо Александра II от 25 февраля / 9 марта. Там же. С. 123).

30 Здесь Милютин не совсем точен. Вел. кн. Константин Николаевич, судя по его письмам к Александру II, не давал согласия на назначение графа Берга своим помощником (см. письмо от 1/13 марта. Там же. С. 132). Когда назначение состоялось, наместник высказал свое к этому отношение в письме от 17/29 марта: «Не могу скрыть от тебя, Саша, что телеграммы твои от 15 и 16 чисел о назначении гр. Берга меня чрезвычайно удивили и глубоко огорчили <...>, и особенно причины, которые ты выставляешь для этого решения, а именно важность энергических военных действий. При теперешнем положении дел <...> военные операции никаких затруднений не представляют <...> Гораздо труднее теперь предстоящая работа восстановления администрации и гражданского порядка <...> Какое же будет иметь значение присылка в эту минуту гр. Берга? Особенно после той памяти, которую он оставил по себе в Финляндии <...> Каким образом будет истолковано его назначение и в Польше, и в Европе — предвидеть нетрудно <...>! Не говорю уже о том, до какой степени это затруднит личное мое положение иметь помощником человека, которого я уважать не могу и который это знает» (Там же. С. 159—160).

31 Т. е. включение в состав Польши земель, отошедших к России, Австрии и Пруссии по разделам 1772, 1793 и 1795 гг.

32 Рукописную копию конвенции см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 43. Полный текст документа, в переводе на русский язык опубл. в кн.: *Ревуненков В.Г.* Польское восстание 1863 года и европейская дипломатия. Л., 1957. С. 134.

33 Имеется в виду Священный союз, акт о создании которого был подписан 26 сентября 1815 г. русским императором Александром I, австрийским императором Францем I и королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III.

Об отношении европейских держав к конвенции Альвенслебена см.: *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 146—165.

[34] См.: *Ревуненков В. Г.* Указ. соч. С. 173—183.

[35] Текст ноты опубл. в кн.: *Filipowicz T.* Confidential correspondence of the British Government respecting the Insurrection in Poland. 1863. Paris, 1914. P. 103—105.

[36] *«Монитёр»* — рус. сокр. назв. известного французского журнала «Le Moniteur Universel», основанного в 1789 г. в Париже. До 1 января 1869 г. был официозом. Упомянутое письмо имп. Наполеона III опубл. в марте 1863 г.

[37] См. письмо вел. кн. Константина Николаевича к Александру II от 1/13 марта в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 129—132.

[38] См. коммент. 21.

[39] *Ландвер* — особый вид резервных войск в Германии и Австрии в XIX — нач. XX вв.

[40] Имеется в виду экспедиция Дж. Гарибальди на о. Сицилию в 1860 г. для освобождения Юга Италии от власти Бурбонов.

[41] Польская военная школа находилась с 1 мая по август 1862 г. в итальянском городе Кунео, куда переехала из Генуи. Она выпустила 150 инструкторов и обучила военному делу до 400 чел.; почти все ее воспитанники участвовали в восстании 1863 г. Благодаря З. Падлевскому после своего переезда в Кунео школа не утратила политического характера и представляла польскую эмиграцию в Италии. Подробно см.: *Фалькович С.М.* Идейно-политическая борьба в польском освободительном движении 50—60-х годов XIX в. М., 1966. С. 223—232; *Kieniewez S.* Hiztoria Polski. 1795—1918. Warszawa, 1975. S. 244.

[42] Подробную биографическую справку об Анне Генриетте Пустовойтовой см. в кн.: *Берг Н.В.* Польское восстание 1863—1864 гг. // Русская старина. 1879. Кн. 3. С. 410—416.

[43] См.: Записки О. Авейде. С. 515—521; *Kieniewicz S.* Powstanie Styczniowe. Warszawa, 1972. S. 425—437.

[44] Л. Кошут в 1848—1849 гг. возглавлял венгерское восстание против Австрийской империи.

[45] Об участии крестьян в восстании подробно см.: *Зайцев В.М.* Сословный состав участников восстания 1863—1864 гг. на территории Царства Польского // Исследования по истории польского общественного движения XIX — начала XX вв. Сб. статей и материалов. М., 1971. С. 7—39; Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 года. По материалам Радомской губернии. Сб. док. Wrocław, etc. 1962.

[46] Здесь приведена цитата из телеграммы Александра II к вел. кн. Константину Николаевичу от 17 февраля / 1 марта, ответной на подробное донесение наместника от 15/27 февраля. Оба документа опубл. в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 95—97, 104.

[47] Речь Посполитая — официальное название польско-литовского государства со времени Люблинской унии 1569 г. до 1795 г.

[48] Имеется в виду Литовский провинциальный комитет, образованный тамошними «красными» летом 1862 г. С сентября того же года во главе Комитета стал К.С. Калиновский. Дюлоран, служивший в Управлении железной дороги в Вильне, был агентом ЦНК, и через него осуществлялись связи с руководителями восстания в Варшаве. Калиновский и его сторонники медлили с подчинением ЦНК. Они оставляли за собой право принять решение о дате начала борьбы в

Литве. Соответствующие переговоры тянулись до самого начала восстания. Подробнее об этом см.: *Kieniewicz S.* Powstanie Styczniowe. S. 293—299.

[49] Военное положение в пограничных с Царством Польским уездах западных губерний было введено именным указом 15 января (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1. № 39169). 4 февраля оно было распространено на остальные уезды Виленской и Гродненской губерний. Началом боевых действий в Виленском военном округе принято считать приказ командующего от 23 января. Наиболее полные данные о ходе восстания в Западном крае содержатся в «Журнале военных действий русской армии при подавлении польского восстания на территории Виленского военного округа», который велся в канцелярии 1-й армии с 11 января по 9 октября 1863 г. (Подлинник см. в РГВИА. Ф. 14064. Оп. 2. Д. 12).

[50] Имеется в виду Польское восстание 1830—1831 гг., охватившее кроме Царства Польского и западные российские губернии.

[51] Оценка Милютиным роли крестьян Северо-Западного края в восстании основана на официальных донесениях командиров правительственных войск. В советской историографии напротив всячески подчеркивалось активное участие части крестьянского населения в восстании. См.: *Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963. С. 129—136.

[52] См.: Михаил Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson». Предисл. В.П. Полонского // Красный архив. 1934. № 7. С. 108—145; *Пирумова Н.М.* Бакунин. М., 1970. С. 202—209; письмо Бакунина к Гутри опубл. в кн.: Материалы для биографии М. Бакунина / Под ред. В. Полонского. М.; Пг.; Л. 1925. Т. 2. С. 567—568.

[53] На Правобережной Украине восстание началось в ночь с 26 на 27 апреля только в двух губерниях: Киевской и Волынской. В первой оно охватило 10 уездов, а во второй — всю территорию. Зачинщиком восстания была молодежь Киева: студенты университета, гимназисты, служащие и офицеры. В Киевской губернии действовало несколько повстанческих отрядов под командованием В. Рудницкого, Ф. Опоцкого, А. Зелинского, Р. Минского и др. В Волынской губернии руководители восстания намеревались создать повстанческое войско, но план этот не удался из-за поражения восставших в Киевской губернии. Главные повстанческие силы Волынской губернии сформировались в Житомирском уезде под руководством полковника Э. Ружицкого. В числе повстанцев было примерно 2 тыс. крестьян и однодворцев. Подробно об этом см.: *Рудницкий В.* Исторический очерк восстания 1863—1864 гг. в юго-западных губерниях // Следственные показания о Восстании 1863 года. С. 196—254.

[54] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 50. Л. 5.

[55] 19 февраля 1863 г. истекал двухлетний срок, в течение которого крестьяне обязаны были «пребывать в прежнем повиновении у помещиков и беспрекословно исполнять свои обязанности» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 1-е. № 36650). В связи с этим среди крестьян были широко распространены слухи о даровании «настоящей воли», что способствовало активизации крестьянского движения. (См.: Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 гг. М.; Л. 1950).

Уставная грамота — документ, определявший взаимоотношения помещиков и крестьян в каждом имении.

[56] Институт мировых посредников был введен Положением 19 февраля

1861 г. для реализации крестьянской реформы. Посредники назначались из дворян с определенным цензом; обладали юридической независимостью (от дворянства и местной администрации) и несменяемостью. В компетенции мировых посредников были: разбор споров между помещиками и крестьянами, составление уставных грамот. Мировые посредники первого призыва (1861—1863 гг.) были в значительной части убежденными сторонниками отмены крепостного права. Подробнее об этом см.: *Устьянцева Н.Ф.* Институт мировых посредников в крестьянской реформе // Великие реформы в России. 1856—1874 / Под ред. Л.Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнела. М., 1992. С. 166—184.

[57] Положение об удельных крестьянах было утверждено 26 июня 1863 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39792); реформа для государственных крестьян проведена законами 18 января и 24 ноября 1866 г. (Там же. Т. 41. Отд. 1-е. № 42899. Отд. 2-е. № 43888).

[58] Белоруссия и Литва относились к числу районов с наибольшим засильем крепостников-помещиков. На 4 млн крестьян приходилось свыше 200 тыс. дворян и 30 тыс. священнослужителей. В течение 1861 г. крестьянские волнения прокатились по всем губерниям края. В конце 1861 и особенно в 1862 г. борьба крестьян против реформы приняла характер бойкота института мировых посредников, отказа от уставных грамот. К февралю 1863 г. процент действующих уставных грамот составил в Литве и Белоруссии только 40%.

[59] *Западный комитет* был образован 20 сентября 1862 г. и просуществовал до декабря 1865 г. Председательствовал в нем князь П.П. Гагарин. Членами комитета были: шеф жандармов князь В.А. Долгоруков, министры: иностранных дел князь А.М. Горчаков, военный — Д.А. Милютин, юстиции — Д.Н. Замятнин, внутренних дел — П.А. Валуев, финансов — М.Х. Рейтерн, народного просвещения — А.В. Головнин, государственных имуществ — А.А. Зелёный и обер-прокурор Синода А.П. Ахматов. Деятельность комитета заключалась в разработке мер по подавлению польского восстания в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Архив Западного комитета хранится в РГИА (Ф. 1267).

Главный комитет об устройстве сельского состояния был учрежден 19 февраля 1861 г. в связи с проведением крестьянской реформы. Он заменил собой Главный комитет по крестьянскому делу, образованный в 1858 г. Бессменным председателем комитета был вел. кн. Константин Николаевич. Комитет просуществовал до 1882 г.

Речь идет об обсуждении двумя этими комитетами 9 февраля проекта закона об обязательном выкупе крестьянских наделов в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской губерниях и так называемых Инфляндских уездах Витебской губернии. Участник обсуждения П.А. Валуев в своем дневнике записал: «Несмотря на сильное сопротивление кн. Гагарина, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина, Бахтина и на отрицание sotto vole (нерешительное) гр. Адлерберга и бар. Корфа, вопрос решен утвердительно. Это — мера огромной важности и огромных размеров. Считаю ее необходимою ввиду нынешних польских дел, коих дальнейшее развитие столь загадочно и двусмысленно, но не скрываю от себя всех с ней сопряженных затруднений» (*Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 207).

[60] Речь идет о записке В.И. Назимова, представленной в Комитет министров 14 февраля 1862 г. В ней предлагалось разрешить крестьянам Литвы и Белоруссии обязательный выкуп наделов.

[61] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39337.

[62] Там же. № 39928. Подробно о подготовке этого указа и о противоречиях между министром внутренних дел П.А. Валуевым и киевским генерал-губернатором Н.Н. Анненковым см. в кн.: *Зайончковский П.А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 402—406.

[63] Проект земской реформы разрабатывался с 1859 г. Комиссией о губернских и уездных земских учреждениях под председательством сначала Н.А. Милютина, а затем П.А. Валуева. 22 февраля 1862 г. Валуев представил Александру II доклад с изложением основных положений реформы. В марте того же года проект рассматривался в Совете министров, а позднее — в Особом совещании под председательством вел. кн. Константина Николаевича. 2 июня 1862 г. основные положения проекта были утверждены императором и опубликованы в печати. Окончательный текст проекта был составлен в начале 1863 г. С 1 июля началось его обсуждение в Государственном совете, куда были приглашены предводители дворянства Московской и Петербургской губерний (*Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 года. М., 1957. С. 230—241); *Морозова Е.Н.* У истоков земской реформы. Саратов, 2000.

[64] В эпоху Великих реформ государственный контролер В.А. Татаринов ввел гласность бюджета, и с 1863 г. каждый год публиковалась роспись доходов и расходов за истекший год (первая, за 1862 г., опубликована в 1863 г. и т.д. ежегодно).

[65] Положение «о питейном сборе» было утверждено императором 1 января 1863 г. Подробно об акцизной реформе см.: *Крисчн Д.* Забытая реформа: отмена винных откупов в России. // Великие реформы в России. 1856—1874. С. 126—139.

[66] Подробно о проекте П.П. Мельникова и его реализации см.: *Соловьева А.М.* Железнодорожный транспорт во второй половине XIX в. М., 1975. С. 89—94.

[67] Главное общество российских железных дорог было учреждено 26 января 1857 года с целью строительства в течение 10 лет и последующей эксплуатации в течение 85 лет первой сети российских железных дорог; после этого она передавалась бесплатно в собственность государства.

[68] Более подробно о развитии частного железнодорожного строительства в начале 60-х годов см.: *Соловьева А.М.* Указ. соч. С. 87—95.

[69] Новый университетский устав 1863 г. восстанавливал автономию университетов, сведенную почти к нулю уставом 1835 г. Текст устава 1863 г. см. в кн.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3. С. 923—991. Курс на университетскую контрреформу был взят после назначения в 1866 г. министром народного просвещения Д.А. Толстого. Его поддерживали И.Д. Делянов, Н.А. Любимов, М.Н. Катков. (*Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на путях реформы. Шестидесятые годы XIX в. М., 1993. С. 246—248).

[70] Подразумевается очередная годовщина «Воззвания к моему народу», в которой Фридрих-Вильгельм III объявляет о вступлении в борьбу с Наполеоном.

[71] Всеподданнейший адрес петербургского дворянства был опубликован в печати; см. газ. «Московские ведомости» за *27* марта 1863 г.

[72] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39443.

[73] Там же. № 39444.

[74] Подлинник см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 50.

[75] Речь идет об А.Д. Милютине, впоследствии курском губернаторе.

[76] Текст речи Александра II и описание церемонии приема депутатов были напечатаны в газ. «Северная пчела» 19 апреля 1863 г. № 102.

[77] Текст прокламации от 12 апреля опубл. в кн.: Документы Центрального национального комитета и Национального правительства. 1862—1864. Wrocław, etc. 1968. С. 99.

[78] *Чемарка* — цифрованный однорядный сюртук западных славян; *конфедератка* — барашковая шапка без козырька с ярко-красным или темно-синим квадратным донышком из сукна, украшенная пером.

[79] Появление и деятельность тайного революционного общества «Земля и воля» были связаны с распространением революционных настроений в среде демократической интеллигенции. Образование «Земли и воли» приблизительно относится к концу 1861 г. Важная роль в основании общества принадлежала братьям Н.А. и А.А. Серно-Соловьевичам, А.А. Слепцову, В.А. Обручеву. Вдохновителем был Н.Г. Чернышевский. О связях польских повстанцев с землевольцами подробно см.: *Лейкина-Свирская В.Р., Шидловская В.С.* Польская военная организация в Петербурге (1858—1864) // Русско-польские революционные связи 1860-х годов и восстание 1863 г. М., 1962. С. 41—48.

[80] Подложный манифест от 31 марта 1863 г. был распространен представителями правого крыла ЦНК с целью поднять восстание в Поволжье. Напечатан в г. Фридрихсгаме (Финляндия) в количестве 42 тыс. экземпляров. Автор манифеста — Юлий Бензенгер. Текст манифеста приводится А.И. Герценом в «Колоколе», 20 июня 1883 г. (л. 166), в статье «Волжский манифест и Россия в осадном положении» (*Герцен А.И.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 16. С. 333—334).

[81] Подробно о Казанском заговоре см. статью *В.Р. Лейкиной-Свирской* в сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960. С. 423—449.

[82] Ср.: *Муравьев М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863—1866 // Русская старина. 1882. № 11. С. 394—398.

[83] Подробно об этом см.: *Ревуненков В.Г* . Указ. соч. С. 200—212; *Charles-Roux A.* Alexandre II, Gortchakoff et Napoleon III. Paris, 1913. P. 333—348.

[84] Имеются в виду статьи о Польше основного Акта Венского конгресса от 9 июня 1815 г. и трактаты относительно Польши, заключенные между Россией и Австрией, Россией и Пруссией 3 мая того же года. Тексты документов опубл. в кн.: *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. 3. 1809—1815. СПб. 1876. С. 237—243, 317—353.

[85] Здесь приводится перевод отрывка из депеши Росселя Блумфильду от 17 марта 1863 г. Полный текст депеши на англ. яз. см. в кн.: *Filipowicz T.* Op. cit. P. 219—220.

[86] Согласно конвенции, подписанной 3 мая 1815 г. Россией, Австрией и Пруссией, Краков становился вольным городом. Однако после подавления австро-русскими войсками Краковского восстания 1846 г., тремя державами был подписан договор, ликвидировавший независимость Краковской республики и включавший ее в состав Австрийской империи.

[87] Тексты трех депеш от 10 апреля опубл. в кн.: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Pour année 1864. S.-Pb., 1865. P. 127—130 (Россель — Нэпиру); P. 143—144 (Друэн де Люис — Монтебелло); P. 148—149 (Рехберг — Туну).

[88] Ibidem. P. 141—142.

[89] *Германский союз* — союз германских государств, образованный 8 июня 1815 г. на Венском конгрессе. В состав Союза первоначально вошло 39 государств. К 1866 г. их число сократилось до 32. Союз был ликвидирован в 1867 г., после поражения Австрии в австро-прусской войне 1866 года.

[90] Тексты депеш опубл. в кн.: Das Staatsarchiv. Sammlung der officiellen Aktenstücke zur Geschichte der Gegenwart (далее — Staatsarchiv). Hamburg, 1963. Bd. 4. S. 383—384, 397—398.

[91] Папа Пий IX, вначале осудивший польское восстание, по мере усиления «пропольских» выступлений западных держав и присоединения к восстанию партии «белых», куда входило и высшее духовенство, стал выступать в защиту Польши. Об этом свидетельствует и упоминаемое Милютиным письмо папы Пия IX к Александру II от 10/22 апреля 1863 г. Текст письма опубл. в кн.: *Beiersdorf O.* Papieżtwo wobec sprawy polskiej w latach. 1772—1864. Wrocław, 1960. S. 213—219.

[92] Ibidem. S. 220—222.

[93] Текст депеши см. в кн.: Сборник, изданный в память 25-летнего управления Министерством иностранных дел государственного канцлера А.М. Горчакова за 1856—1881 годы. Депеши и циркуляры. СПб., 1881. (далее — Сборник в память управления А.М. Горчакова) Раздел «Польский вопрос». С. 28.

[94] Там же. С. 29—30.

[95] Полный текст депеши Буханана Росселю см.: *Filipowicz T.* Op. cit. P. 263—264.

[96] См.: Staatsarchiv. Bd. 4. S. 395—399. В депеше Дэйтону Сьюард мотивировал свой отказ отношением российского императора к американским делам, а также либеральными реформами Александра II, который в том же духе, по мнению Сьюарда, разрешит и польский вопрос.

[97] В описываемое время в Северо-Американских Соединенных штатах (САСШ) шла Гражданская война между Севером и Югом, Правительства Великобритании и Франции открыто поддерживали рабовладельцев Юга и вели линию на свержение правительства А. Линкольна и раскол САСШ. В намерение Великобритании и Франции входило также использовать территорию Мексики в качестве плацдарма для вмешательства в гражданскую войну. В 1861 г. началась вооруженная интервенция Великобритании, Франции и Испании в Мексику с целью свержения правительства Хуареса и превращения Мексиканской республики в колонию европейских держав.

[98] Текст ответной депеши Горчакова Клею опубл. в кн.: Сборник в память управления А.М. Горчакова. С. 76—77.

[99] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 12. Л. 2об.

[100] См.: *Filipowicz T.* Op. cit. P. 424—425.

[101] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 12. Л. 2об.—4об.

[102] В связи с назначением Ф.Ф. Берга помощником наместника функции гражданского управления сводились к нулю. 3 апреля маркиз А. Велёпольский подал прошение об отставке, а в конце августа последовал царский рескрипт об его увольнении с постов начальника гражданского управления и вице-председателя Государственного совета. Судя по переписке Александра II с наместником, решение об удовлетворении просьбы Велёпольского было принято не сразу (см. письма от 10 и 12 апреля в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 176, 179—180). Одной из причин,

повлиявших на решение царя, был инцидент с экспроприацией Главного казначейства Царства Польского 9 июня тремя чиновниками гражданской администрации, подведомственной маркизу (см. письма вел. кн. Константина Николаевича к Александру II от 12 и 13 июня // Там же. С. 249, 268—269).

[103] Место публикации письма С. Велёпольского установить не удалось.

[104] Здесь в переносном смысле: партизанская война; герильясами называли испанских партизан во время войны Испании в 1808—1814 гг.

[105] Подлинник письма Берга см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 16. Л. 3 (Полностью письмо опубл. в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 184—186). Там же хранятся и остальные письма Берга за апрель — декабрь 1863 г. (Карт. 41. Ед. хр. 26, 28; Карт. 58. Ед. хр. 16, 17). Письма Берга предназначались для императора. Так, письма за август хранятся в папке с надписью рукой Александра II: «Переговорю об всем с братом по приезде его сюда, о чем прошу пока не говорить никому» (Карт. 58. Ед. хр. 17). Большая часть писем опубл. в указ. выше издании. Источниковедческий анализ переписки Берга с Милютиным дан в статье М.Д. Зиновьевой, опубл. в кн.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сб. статей и материалов. М., 1960. С. 404—412.

[106] Виленские и гродненские «красные» во главе о Калиновским понимали необходимость радикальной постановки аграрного вопроса. Но «красные» в Литве и Белоруссии были значительно слабее, чем в Царстве Польском; только в конце февраля — начале марта 1863 г. они начали создавать отряды. Однако, в Варшаве в это время верх уже брали «белые», и с их подачи Временное правительство создало в Вильне «Отдел, управляющий провинциями Литвы», состоящий в основном из помещиков. Отдел объявил утратившими силу постановления Литовского провинциального комитета, Калиновский и его соратники неохотно, но подчинились новому руководству. Подробнее об этом см.: *Смирнов А.Ф.* Указ. соч. С. 168—177. См. также коммент. 48.

[107] Подробно о С. Сераковском см.: *Смирнов А.Ф.* Сигизмунд Сераковский М., 1959; *Дьяков В.А.* Материалы к биографии С. Сераковского // Восстание 1863 года и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 83—87.

[108] Милютин был назначен военным министром 9 ноября 1861 г.

[109] На самом деле, Сераковский 25 марта выехал не за границу, а в Литву, куда был вызван руководством «Отдела, управляющего провинциями Литвы» наряду с другими членами польской военной организации в Петербурге. Отдел решил назначить Сераковского командующим как единственного человека, способного сплотить отряды повстанцев. (См.: *Сераковская А.* Краткие заметки по поводу распоряжений, изданных центральными органами восстания в Польше для руководства восстанием в Литве // ОР РГБ. Ф. 218. Карт. 401. Ед. хр. 1. Л. 54—55).

[110] О намерении Сераковского поднять восстание латышских крестьян в Курляндии сообщает в своих записках его жена (См. документ, указ. в коммент. 109, л. 65—66). Сходные данные содержатся и в «Журнале военных действий русской армии на территории Виленского военного округа» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1311. Ч. 4. Л. 167—168).

[111] Речь идет о стоянке отрядов С. Сераковского, известной в источниках под названием «лагеря в Кнебях». В

этом месте повстанцы провели около недели, создав 9 батальонов по 300 бойцов. Почти все командиры были воспитанниками петербургских военных учебных заведений. В лагере состоялся военный совет, на котором Сераковский открыто поставил вопрос о марше в Курляндию. 21 апреля колонна Сераковского покинула лагерь, направившись к Динабургу (*Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. С. 190—191).

[112] Автор не точен. У дер. Медейки завязался ожесточенный бой, длившийся с перерывами трое суток — с 27 по 29 апреля. Он вошел в историю под названием «Битва у Биржи». Успех генерала Ганецкого был обеспечен численным превосходством его отряда и лучшим вооружением. Кроме этого, на помощь Ганецкому немецкие бароны выслали отряд из 200 человек, в составе которого было много охотников-егерей. За два дня повстанцы потеряли до 200 человек убитыми и ранеными. Тяжело ранен был и Сераковский. Подробная официальная справка об этом сражении опубл. в кн.: Архивные материалы Муравьёвского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863—1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Вильна, 1915. Ч. 2. С. 137—138.

[113] Указ об увольнении В.И. Назимова с поста виленского генерал-губернатора был подписан 1 мая 1863 г.

[114] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Ед. хр. 29. Л. 3.

[115] Имеется в виду М.Н. Муравьёв.

[116] Гайдамаками в XVIII в. называли участников крестьянского движения против власти польской шляхты на Правобережной Украине.

[117] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 50. Л. 15об.

[118] Там же. Карт. 73. Ед. хр. 88. Л. 23—23об.

[119] Там же. Л. 3. Автор не точен: письмо датируется 19 марта, а не 19 мая.

[120] Там же. Л. 3—6, 13—20. У автора описка: письмо от 29 марта датируется 19 марта.

[121] Там же. Карт. 41. Ед. хр. 29. Л. 10—11.

[122] Там же. Л. 12—13.

[123] Текст прокламации от 28 апреля / 10 мая опубл. в кн.: Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864. Lwow, 1888. T. 1. S. 55—56. «Национальное правительство» первого состава, о котором идет речь, было с апреля 1863 г. единственным органом центральной революционной власти, который один (в пяти составах) управлял ходом восстания до его разгрома. Подробно об изменениях состава ЦНК см. в кн.: *Устимович М.П.* Указ. соч. С. 101—108.

[124] Ср.: Записки О. Авейде. С. 565—567, 612—615.

[125] Там же. С. 611—615.

[126] См. письмо вел. кн. Константина Николаевича к Александру II от 29 мая / 10 июня (Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 247).

[127] См.: *Катков М.Н.* 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. М., 1887. Вып. 1. С. 207—211.

[128] Подробнее об этом см.: *Beiersdorf O.* Op. cit. S. LXII—LXXV.

[129] О своих переговорах с Фелинским по поводу отставки последнего вел. кн. Константин Николаевич сообщал следующее Александру II в письме от 1/13 марта: «Я к Фелинскому посылал разных лиц, сам маркиз с ним долго рассуждал, никто однако не мог заставить его переменить намерение. Тогда я решился сам с ним говорить, зная, что я лично имею на него большое влияние. Наш разговор продолжался почти два часа, и только обратившись

к его сердцу, к его личной привязанности к тебе и ко мне, мне удалось его пересилить. Много труда это стоило мне, большая борьба в нем самом происходила, наконец, она разразилась у него слезами, он меня обнял от души, обещался, что останется всегда верен своему долгу и взял просьбу об отставке назад. Я чрезвычайно счастлив результату нашего свидания, потому что неудача его повела бы к неисчислимым последствиям, потому что я самого Фелинского сердечно люблю и потому что Бог помог мне поддержать его слабый характер и удержать его на пути истины» (Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 131).

130 Текст письма Фелинского от 15 марта на фр. яз. опубл. в кн.: *Lisicki M.H.* Op. cit. T. 2. P. 378. См. также письмо вел. кн. Константина Николаевича к Александру II от 5/17 марта (Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 137).

131 О поступке Фелинского см. письмо наместника к Александру II от 27 мая / 8 июня (Там же. С. 245).

132 Текст письма Фелинского от 12 июня опубл. в кн.: *Przyborowski W.* Dzieje 1863 roku. Kraków, 1905. T. IV. S. 101—102.

133 В течение мая 1863 г. в составе «Отдела, управляющего провинциями Литвы» произошли перемены в связи с отходом от восстания помещиков Литвы и Белоруссии. К середине июля из Отдела выбыли арестованные А. Оскерко, Ф. Далевский. В состав Отдела решением ЦНК были введены К. Калиновский и В. Малаховский, что повлекло за собой отставку Гейштора. Передача Дюлораном функций комиссара Калиновскому значительно облегчила окончательное удаление «белых» из руководящих органов восстания. Подробнее об этом см.: *Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. С. 256—271.

134 Опубл. в кн.: Архивные материалы Муравьёвского музея. Ч. 2. С. 169. Автор не точен в дате прибытия М.Н. Муравьёва в Вильну: это произошло не 12, а 14 мая. См.: *Муравьёв М.Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем... 1863—1866 // Русская старина. 1822. № 11. С. 398—399.

135 Имеется в виду «Инструкция для устройства военно-гражданского управления в уездах Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний» от 24 мая 1863 г. Была опубл. в газ. «Северная пчела». № 149. 7 июня.

136 5/17 августа 1861 г. Александр II утвердил «Положение о правилах на случай объявления каких-либо местностей Северо-Западного края на военном положении», см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 2. № 37.328 (опубликовано 9 августа).

137 Письмо М.Н. Муравьёва к епископу Красинскому опубл. в кн.: Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях. 1863—1864 / Сост. Н. Цылов. Вильна, 1866. С. 31—33.

138 Список лиц, преданных смертной казни в Северо-Западном крае со времени вступления в управление им М.Н. Муравьёва см. в кн.: *Герцен А.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 319—320.

139 Автор не совсем верно объясняет причину отъезда Дюлорана в Варшаву. На самом деле, в июле Дюлоран был вызван ЦНК в Варшаву, чтобы предоставить исчерпывающую информацию о положении в крае. Дюлоран собирался использовать свой визит в Варшаву для того, чтобы добиться устранения Гейштора с поста председателя «Отдела, управляющего провинциями Литвы» и тем самым упро-

чить свое положение в качестве комиссара (см.: Записки О. Авейде. С. 597; *Gisysztor J.* Pamiętniki z lat 1857—1865. Wilno, 1913. T. 2. S. 48). Находившийся в то время в Вильно Авейде иначе, чем Милютин, оценивал позицию Калиновского. Он писал, что несмотря на всеобщее расстройство и упадок духа, Калиновский не сидел сложа руки, а искал пути спасения восстания от гибели (Записки О. Авейде. С. 617). Отстояв в этих условиях свою «власть», Калиновский привлек к сотрудничеству и руководству восстанием молодые революционные силы: уцелевших соратников Сераковского, представителей интеллигенции и выпускников университета. Литовский Провинциальный комитет был реорганизован: Калиновский вошел в него как глава и комиссар «национального правительства» в Вильне (*Смирнов А.Ф.* Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. С. 268—275).

140 Правила «для образования в западных губерниях сельских вооруженных караулов» рассматривались по представлению М.Н. Муравьёва и П.А. Валуева Западным комитетом 23 апреля 1863 г. и были утверждены императором 24 апреля (см.: *Валуев П.А.* Дневник. Т. 1. С. 220).

141 Обращение М.Н. Муравьёва к сельскому населению 2 июня 1863 г. Опубл. в кн.: *Цылов Н.* Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьёва по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях. Вильна, 1866. С. 228—231. По данным «Журнала военных действий русской армии на территории Виленского военного округа», формирование сельских караулов было закончено к декабрю 1863 г. В составе караулов по 52-м уездам края было более 27 тыс. чел. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1311. Ч. 4. Л. 358).

142 О. Авейде прибыл в Вильно 28 июля для переговоров с Калиновским о взаимоотношениях двух повстанческих центров в новых условиях. Однако Калиновский не принял условий «Национального правительства» о подчинении последнему, находившемуся под влиянием партии «белых».

143 См. коммент. 139.

144 Отель «Ламбер» — особняк-резиденция Чарторийских в Париже. Наименование «Отель Ламбер» стало нарицательным как для дипломатической канцелярии, так и для всего лагеря Чарторийских.

145 Автор не точен в дате: цит. письмо датируется 26 мая. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 50. Л. 17—17об.).

146 Автор не точно цитирует письмо; в подлиннике буквально: «незванные гости не вторгаются и, как доносит Брауншвейг, бродившие вдоль границ Подольской губернии потянулись к Царству Польскому; находящиеся близ границ Волыни еще тут, но весьма быть может, и они последуют примеру первых» (Там же. Л. 18).

147 Там же. Карт. 58. Ед. хр. 16. Л. 33об., 34об.

148 См.: Записки О. Авейде. С. 600—602.

149 См. коммент. 88.

150 «*La Presse*» — ежедневная газета, издававшаяся в Париже в 1836—1866 гг. Э. Жирарденом; «*La France*» — консервативная газета, выходившая в Париже в 1861—1919 гг. «*Courrier du Dimanche*» — еженедельная буржуазная газета антибонапартистского направления, издававшаяся в Париже в 1858—1866 гг.

151 «*L'Opinion national*» — ежедневная парижская газета, выходившая в Париже в 1859—1874 гг.; «*Le Constitutionel*» — ежедневная буржуазная газета, выходившая в Париже с 1815 по 1870 г. После государственного пере-

ворота 1851 г. — бонапартистский орган.

[152] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 35. Л. 15—16.

[153] Там же. Карт. 72. Ед. хр. 50. Л. 11—12.

[154] См. также: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. 1864. P. 168—172, 178—184.

[155] Тексты трех депеш опубл. в кн.: Staatsarchiv. Bd. IV. S. 343—358; в переводе на русский язык — в кн.: *Катков М.Н.* Указ. соч. Вып. 1. С. 334—342.

[156] См.: *Валуев П.А.* Дневник. Т. 1. С. 234—236.

[157] Имеется в виду редакционная статья в «Courrier du Dimanche» от 12 июля (рубрика «Nouvelles et documents diplomatiques»).

[158] Подробнее об обострении противоречий между тремя державами в связи с ответными нотами А.М. Горчакова см. в кн. *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 314—316.

[159] Текст депеши опубл. в кн.: Сборник в память управления А.М. Горчакова. С. 34—42.

[160] См.: коммент. 84.

[161] *«Strażnica»* — варшавская газета, изд. Р. Зморским в 1861—1863 гг.

[162] Речь идет о Гражданской войне в САСШ 1861—1865 гг.

[163] По условиям Фридрихсгамского договора 5/17 сентября 1809 г., завершившего русско-шведскую войну, Финляндия отошла к России, сохранив государственную автономию. До этого времени, т. е. с конца XIII в., она находилась под шведским господством.

[164] Польские события оказали непосредственное влияние на положение дел в Финляндии. Дипломатические демарши западноевропейских государств весной 1863 г. привели к росту международной напряженности. Позиция Швеции имела для царского правительства огромное значение, поскольку территория Финляндии могла быть использована противниками России для развертывания наступления на Петербург. В столичных кругах весной 1863 г. упорно циркулировали слухи о намерениях Швеции выступить против России. В значительной мере они были порождены не официальной позицией Стокгольма, а настроениями определенной части шведского общества, находившейся под влиянием финских политических эмигрантов. Подробнее об этом см.: *Суни Л.В.* Очерк общественно-политического развития Финляндии, 50—70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 70—71.

[165] Основы финляндской автономии в рамках Российской империи были заложены решениями Боргосского сейма 1809 г.: во главе Финляндии (Великого княжества Финляндского) стоял российский император (великий князь Финляндии), представителем которого в княжестве был генерал-губернатор — председатель местного правительства — Правительствующего Совета (с 1816 г. — Сената). По желанию императора созывался 4-сословный сейм, в компетенцию которого входили гражданское и уголовное законодательство, финансы. Вопросы внешней политики сеймом не обсуждались.

[166] Подробно об этих мерах см. в кн.: *Суни Л.В.* Указ. соч. С. 64—75.

[167] См. письмо Александра II к вел. кн. Константину Николаевичу от 23 июля / 4 августа в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 331.

[168] Уже в 1858 г. было разрешено вести протоколы общинных собраний на финском языке, использовать его в научных дискуссиях наряду со шведским и латынью. По инициативе ге-

нерал-губернатора графа Ф.Ф. Берга, Финское литературное общество получило существенную финансовую дотацию для расширения переводческой работы. Через два года административные постановления княжества стали издаваться на двух языках. Упомянутым рескриптом 18/30 июля 1863 г. фактически вводился 20-летний переходный период для утверждения финского языка во всех сферах административной и общественной жизни страны (*Суни Л.В.* Указ. соч. С. 153).

[169] Цитируется письмо Берга от 24 июня / 6 июля; подлинник см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 16. Л. 8—8об.

[170] Там же. Л. 5—10.

[171] Там же. Л. 27—32; опубл. в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Январь — август 1863 г. С. 334—335.

[172] О причинах несостоявшегося назначения Мерославского генерал-организатором в начале августа см.: Записки О. Авейде. С. 579.

[173] Здесь приводится перевод отрывка из письма Берга барону Будбергу от 3/15 августа; копия письма на фр. яз. хранится при письме Берга к Милютину от 6/18 августа (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 17. Л. 5—14 (письмо к Милютину), л. 15—24 (копия письма к Будбергу). Цит. текст на л. 19об.

[174] Там же. Л. 29—38.

[175] Цитируется отрывок из письма Берга от 29 августа / 10 сентября. — Там же. Л. 43.

[176] Там же. Л. 42об. Опубл. в кн.: Переписка наместников Королевства Польского, Август 1863 — май 1864. 1978. С. 11—13.

[177] Положение повстанцев в Северо-Западном крае ухудшилось повсеместно. Военные силы, созданные весной, были разгромлены. 30 июня 1863, по распоряжению Муравьёва, было снято военное положение с Гомельского уезда. Уцелевшие отряды, не превышавшие 70 человек каждый, требовали от руководства немедленной помощи. В «Журнале военных действий» за июль было зарегистрировано 8 боевых столкновений в Гродненской губернии, 4 — в Виленской, 14 — в Ковенской; умело маневрируя, повстанцы наносили время от времени ощутимые удары по войскам. Особенно упорно сопротивлялись повстанцы Ковенской губернии. (См.: *Смирнов А.Ф.* Указ. соч. С. 280).

[178] Подразумевается день именин (22 июля) и день рождения (27 июля) императрицы Марии Александровны.

[179] *«Некрасовцы»* — русские старообрядцы поповского согласия, потомки донских казаков — сторонников атамана Игната Некрасова, одного из предводителей Булавинского восстания 1707—1708 гг. Здесь речь идет о той части некрасовцев, которая в 1740 г. переселилась в Османскую империю.

[180] О какой именно депеше идет речь, установить не удалось.

[181] Текст письма на французском языке опубл. в кн.: Polska działalność dyplomatyczna w 1863—1864 r. Zbiór dokumentów / Pod red. A. Zewaka. Warszawa, 1963. T. 2. S. 353—356.

[182] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 77. Ед. хр. 83. Л. 7—7об.

[183] *«Время»* — ежемесячный литературный и политический журнал, издававшийся Ф.М. Достоевским в Петербурге в 1861—1863 гг. 1 июня издание прекращено после выхода в свет апрельской книжки со статьей Н.Н. Страхова «Роковой вопрос». *«Современное слово»* — ежедневная либеральная петербургская газета, выходившая в 1862—1863 гг. под ред. Н. Писаревского. Была прекращена в июне за неоднократные нарушения

постановлений о цензуре. Подробнее см.: *Лемке М.* Указ. соч. С. 281—286.

[184] Эти статьи позднее вышли отдельным изданием. См.: *Катков М.Н.* 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу. М., 1887. Вып. 1—2.

[185] Реорганизация Германского союза была инициирована Австрией с целью подчинения германских государств своей политике. 17 августа во Франкфурте-на-Майне был созван съезд германских князей. Предложенный съезду австрийский план предусматривал поставить во главе Союза исполнительную директорию, состоящую из императора Австрии, короля Пруссии, короля Баварии и двух монархов других второстепенных государств. В этом правительстве главная роль отводилась Австрии. Однако король Пруссии, по настоянию Бисмарка, отказался от участия в съезде; другие участники заняли сдержанную позицию. В результате план Австрии потерпел крах. (См.: *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 1. С. 247—249).

[186] Имеется в виду стремление Пруссии присоединить герцогства Шлезвиг и Гольштейн, находившиеся с конца XVIII в. в составе Датского королевства. Инициатива принадлежала Бисмарку, которому удалось привлечь на свою сторону Австрию. Поводом для возбуждения шлезвиг-гольштейнского вопроса стала смерть датского короля Фридриха VII, последовавшая 15 ноября 1863 года.

[187] См. коммент. 159.

[188] Тексты трех депеш опубл. в кн.: Staatsarchiv. Bd. IV. S. 369—373, 376—383; в переводе на русский язык — в кн.: *Катков М.Н.* Указ. соч. Вып. 2. С. 753—770.

[189] Текст депеши опубл. в кн.: Annuaire diplomatique de l'Empire de Russie. Pour année 1864. P. 213—214.

[190] Упомянутое воззвание было опубликовано в «Le Moniteur Universel» 10 августа. Оно написано в духе программы восстания, заявленной в июльских прокламациях «Национального правительства». Польша домогалась независимости в своих границах до раздела и потому требовала пересмотра Венских трактатов, касающихся Польши.

[191] Текст письма на французском языке опубл. в кн.: Polska działalność dyplomatoczna w 1863—1864 r. Zbiór dokumentów. T. 2. S. 365—366.

[192] См. коммент. 91 и 92.

[193] Цитируется письмо Ф.Ф. Торнау от 17/29 марта (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 76. Ед. хр. 35. Л. 14—14об.).

[194] Конкордат России с Ватиканом был заключен 3 августа 1847 г. Уничтожен указом Александра II от 27 ноября 1866 г.

[195] По-видимому, подразумевается участие В.В. Скрипицына в подготовке окончательной ликвидации униатской церкви (Холмской епископии) в 1875 г. Скрипицын в то время занимался вопросами униатской церкви в качестве директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий.

[196] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 38.

[197] Подлинник письма Милютина к Бергу от 1/13 августа хранится в ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 586. Л. 21—22; отпуск — в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 17. Л. 9—10. Подлинник письма Берга от 6/18 августа — там же. Карт. 58. Ед. хр. 17. Л. 5—14.

[198] Сражение с имп. Наполеоном I под Кульмом произошло 17—18 / 29—30 августа 1813 г.

[199] П.Х. Граббе участвовал в сражении под Прейсиш-Эйлау в качестве подпоручика одного из артиллерийских полков. Это сражение между россий-

ской и французской армиями произошло 8 февраля 1807 г., во время войны наполеоновской Франции с четвертой антифранцузской коалицией в составе Пруссии, Австрии, Швеции и России. В военной операции против Шамиля под Ахульго, 12 июля — 29 августа 1839 г., генерал Граббе участвовал уже в качестве командующего войсками Кавказской линии и Черномории. Операция закончилась взятием Ахульго и бегством Шамиля. Участвовавший в экспедиции Д.А. Милютин подробно описал эти события в своих воспоминаниях. (См.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1816—1843. М., 1997. С. 230—263).

200 Оттон I Баварский был низвергнут с греческого престола в ходе революции 1862 г.

201 Решениями Венского конгресса 1815 г. Ионические острова были отданы под протекторат Великобритании. В 1862 г. под влиянием греческого национально-освободительного движения Великобрания была вынуждена поставить вопрос о передаче островов Греции при условии избрания греческим королем датского принца Вильгельма и демилитаризации о. Корфу. Передача Ионических островов Греции состоялась 30 мая 1864 г.

202 Ю.Ф. Самарин вернул данный ему орден св.Владимира 3-й степени, ссылаясь «на те неблагоприятные толки, которые могут вызвать серди дворян эти награды и тем повредить его деятельность в качестве члена губернского присутствия». См. его письмо к графу В.Н. Панину от 15 июня 1861 г. Текст письма опубл. в кн.: *Нольде Б.Э.* Юрий Самарин и его время. Париж, 1926. С. 136—138.

203 25 августа 1859 г. русская армия взяла оплот Шамиля — аул Гуниб. Шамиль был взят в плен.

204 Подробно об изменении состава Национального правительства к сентябрю 1863 г. см. в кн.: *Устимович М.П.* Указ. соч. С. 103—105.

205 Там же. С. 12—54.

206 Проект «Программы Польского восстания» Л. Мерославского от 1 марта 1861 г. был напечатан в газ. «Московские ведомости». 1863. № 247. Текст документа см. также в кн.: Вестник юго-западной и западной России». 1863. Кн. IV. Отд. IV. С. 67.

207 Речь идет о «Национальном правительстве» пятого состава или Жонде Траугута, который просуществовал с октября 1863 до марта 1864 г.

Подробно о нем см.: *Устимович М.П.* Указ. соч. С. 105—108; *Kieniewicz S.* Powstanie styczniowe. S. 665—715.

208 ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 586. Л. 29—31; ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 17. Л. 17—19 (черновик).

209 Недовольство Валуева вызывала бескомпромиссная позиция одного из ближайших соратников Н.А. Милютина, Я.А. Соловьёва, при проведении в жизнь крестьянской реформы 1861 г. Соловьёв отстаивал букву и дух закона, а не сословные дворянские интересы.

210 Цитируется приложенная к письму Скрипицына его же записка по польскому вопросу (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 38. Л. 4—5).

211 Текст письма опубл. в кн.: *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'Etat Russie (Nicolas Milutine). Paris, 1884. P. 202—204.

212 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 12. Л. 11об.—12.

213 Там же. Л. 7—8об. (письмо от 13/25 октября).

214 См.: *Leroy-Beaulieu A.* Op. cit. P. 199—230; *Нольде Б.Э.* Указ. соч. С. 154—159.

[215] Речь идет о газете *«Czas»* («Время»), издававшейся в Кракове с 1848 г.

[216] Текст депеши опубл. в кн.: Staatsarchiv. Bd. V. S. 402.

[217] Подробнее о позиции британского правительства по польскому вопросу осенью 1863 г. см. в кн.: *Ревуненков В.Г.* Указ. соч. С. 339—345.

[218] Текст тронной речи имп. Наполеона III был напечатан в «Le Moniteur Universel». № 310. 6 ноября.

[219] Текст письма Александра II к Наполеону III от 6/18 ноября 1863 г. опубл. в кн.: Staatsarchiv. Bd V. S. 522—523.

[220] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 50. Л. 46—46об.

[221] Имеется в виду статья Прудона «Si les traites de 1815 ent cesse d'exister?» («Прекратилось ли существование трактатов 1815 года?»), изданная отдельной брошюрой в Париже в 1863 году.

[222] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 47. Л. 4об.—5.

[223] Имеется в виду стихотворение «Князю А.А. Суворову», написанное 12 ноября 1863 г. См.: *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. С. 302.

[224] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 28. Л. 26—27; оба письма опубл. в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Август 1863 — май 1864 г. С. 153—154, 165—166.

[225] См. публикацию коллективного письма в журнале «Русский архив». 1897. № 11. С. 394.

[226] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 12. Л. 9—9об.

[227] Там же. Карт. 41. Ед. хр. 26. Л. 19; опубл.: Переписка наместников Королевства Польского. Август 1863 — май 1864 г. С. 115.

[228] Имеется в виду именной указ «О военно-полицейском управлении в Царстве Польском» от 31 декабря 1863 г. (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 2-е. № 40456).

[229] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 28. Л. 7—12, 15 (карта); опубл.: Переписка наместников Королевства Польского. Август 1863 — май 1864 г. С. 153—154.

[230] Имеется в виду воззвание ЦНК от 15 декабря 1863 г. Опубл. в кн.: Документы Центрального национального комитета и Национального правительства. 1862—1864. С. 287.

[231] Разработанный комиссией Н.А. Милютина проект крестьянской реформы в Царстве Польском радикально разрешал два главных вопроса: поземельное устройство и административное управление. Подробно об этой реформе см. далее в воспоминаниях Милютина за 1864 г., а также в кн.: *Костюшко И.И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962.

[232] Имеется в виду вел. кн. Михаил Николаевич.

[233] Подразумевается завершение процесса покорения северо-западного Кавказа и реализация проектов Д.А. Милютина и генерала Н.И. Евдокимова по созданию на этой территории казацких станиц.

[234] См. коммент. 203.

[235] Цитируется письмо Карцова от 18 января 1863 г. (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 9. Л. 1об). Первые сведения о секте «зикра» появились в России в 1861 г. Андиец Кунта стал проповедовать это учение в Терской области после своего паломничества в Мекку. Суть учения состояла в том, что нельзя молиться на земле, оскверненной присутствием неверных.

[236] Автор не точен: здесь цитируется указ. выше письмо от 18 января.

[237] Начало новому административному устройству Дагестана дало «Поло-

жение об управлении Дагестанской областью и Закатальским округом» от 5 апреля 1860 г. По Положению создавалась Дагестанская область с включением в нее всего горного Дагестана и бывшего Прикаспийского края. В Дагестанской области вводилось так называемое военно-народное управление: четыре военных отдела и два гражданских управления, подведомственных начальнику области. Последний назначался из числа российских генералов. Во главе военных отделов были поставлены начальники из числа офицеров российской армии. Округа делились на участки (наибства), которые были оставлены в управлении их начальников из местной знати. (См.: История народов Северного Кавказа. Конец XVIII в. — 1917 г. М., 1988. С. 213—215).

238 Подробнее об этом см. в кн.: *Зиссерман А.Л.* Фельдмаршал князь А.И. Барятинский. 1815—1879. М., 1891. Т. 3. С. 5—12.

239 *«Черкесский комитет»* был создан в Лондоне в начале 60-х гг., почти одновременно с таким же комитетом в Константинополе. Оба комитета, под флагом защиты независимости Черкесии развернули широкую антироссийскую пропаганду, разжигали честолюбивые устремления правящих кругов Великобритании и Османской империи в отношении Кавказа. Комитеты были связаны с парижским центром польской эмиграции. Подробнее о деятельности комитетов см. в кн., указ. в коммент. 237. С. 197—200.

240 15 января 1862 г. Милютин представил Александру II всеподданнейший доклад с программой военных реформ, которую подробно охарактеризовал в своих Воспоминаниях (*Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. М., 1999. С. 309—313). Литографированный экземпляр доклада с пометами Александра II см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 28. Ед. хр. 15). Текст Манифеста 1 сентября 1862 г. о некоторых изменениях в рекрутском наборе опубл.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 37. Отд. 2-е. № 38622.

241 О деятельности комиссии Н.И. Бахтина см.: Воспоминания Д.А. Милютина. 1860—1862. С. 465—466.

242 Разработка проекта Госпитального устава была завершена в первой половине 1869 г. Главным военно-госпитальным комитетом.

243 Новое Положение уравнивало Башкирское войско в гражданских правах с прочим населением и организовывало его управление на началах, сходных с устройством сельских обществ. Число кантонов с 28 сокращалось до 11. Функции кантонных начальников ограничивались правами и обязанностями мировых посредников. Лишь два кантона считались состоящими на военной службе (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е. № 39622, 39623).

244 Воинский устав о наказаниях был утвержден 5 мая 1868 г. (Там же. Т. 43. № 45813).

245 Там же. Т. 44. № 47287.

246 Комиссия, созданная в конце 1862 г. для составления проекта военно-судебной реформы, включала представителей военного и морского ведомств. После рассмотрения «Основных положений» проекта он был утвержден Александром II в ноябре 1865 г., а затем в течение полутора лет, до мая 1867 г., разрабатывался подробный проект устава военно-уголовного судоустройства и судопроизводства.

247 Цитируется письмо Берга от 27 декабря (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 28. Л. 27); опубл. в кн.: Переписка наместников Королевства Польского. Август 1863 — май 1864 г. С. 165—166.

[248] Подлинник письма — ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 586. Лл. 69—72; черновик — ОР РГБ Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 19. Л. 2об.—3.

[249] *Школы военных кантонистов* были созданы в 1721 г., для подготовки к военной службе солдатских детей. Назывались они гарнизонными школами, а в 1798 г. были переименованы в военно-сиротские отделения. Впоследствии школы были подчинены ведомству военных поселений, где все мальчики в возрасте от 7 до 18 лет считались кантонистами. Основная масса кантонистов зачислялась в солдаты. Категория кантонистов была упразднена в 1856 г.

[250] Литографированный экземпляр всеподданнейшего доклада по Военному министерству за 1863 год от 1 января 1864 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 29. Ед. хр. 1.

[251] Цитируемое письмо Н.С. Кишинского см.: Там же. Карт. 65. Ед. хр. 4; Письма вел. кн. Михаила Николаевич и А.П. Безака — Карт. 70. Ед. хр. 25. Карт. 58. Ед. хр. 4.

[252] О негативном отношении европейских государств к действиям России в Царстве Польском в 1863 г. Н.А. Милютин писал из Парижа следующее: «Мы не можем, мы не должны (даже по собственному побуждению) являться в качестве обвиняемого пред соединенною Европой, которая только что обнаружила такую единодушную к нам неприязнь по польскому вопросу. Какие софизмы в состоянии поддержать такую рогатую мысль? Во всяком случае, самою действительною мерой из числа паллиативных были бы энергические военные действия в Польше и Литве ... Когда Европа убедится, что мы не так слабоумны, как она воображает, и что мы не нуждаемся в ее наставлениях для дальнейшего своего развития, она не замедлит покончить со своими увлечениями» (Н.А. Милютин и реформы в Царстве Польском / Сост. П.К. Щебальский. М., 1883. С. 44—46). Об этом см. также: *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 487—497.

[253] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40457.

[254] Речь идет о законодательном акте «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», утвержденном в 1775 г. См.: *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 119—124.

[255] Упомянутые Правила о порядке приведения в действие Положения о земских учреждениях от 25 мая 1864 г. см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40934.

[256] 8 октября 1863 г. государственный контролер объявил Сенату именной высочайший указ об устройстве в Петербурге с 1 января следующего года, в виде опыта, «единства кассы», с «современной ревизией оборотов ее» (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 2-е. № 40100). 10 декабря было высочайше утверждено мнение Государственного совета об учреждении Временной ревизионной комиссии при государственном контролере для производства современной документальной ревизии расходов, производимых в Петербурге во время эксперимента (Там же. № 40363). 30 декабря император подписал указ о введении в Петербурге, в виде опыта по морскому ведомству, единства кассы с сохранением в Морском министерстве существующего порядка предоставления отчетности в Государственный контроль, и о порядке применения новых правил счетоводства по морскому ведомству. Подробнее об этом см.: Русский рубль. Два века истории. XIX и XX. М., 1994. С. 62—114.

[257] Имеются в виду войны с наполеоновской Францией и Польское восстание 1830—1831 годов.

[258] *Следственный комитет по делу декабристов* (с 29 мая 1826 г. — Следственная комиссия) был создан 17 декабря 1825 г. Материалы Следственной комиссии (комитета) рассматривались Верховным уголовным судом, действовавшим в течение июня 1826 года.

[259] Очевидно, речь идет о полемике между Н.И. Тургеневым и Е.П. Ковалевским по поводу деятельности графа Д.Н. Блудова в качестве делопроизводителя Верховного уголовного суда по делу декабристов. См.: *Тургенев Н.И.* La Russie et les Russes. Париж, 1847; *Он же.* Ответы. I, на IX главу кн. «Граф Блудов и его время» Е. Ковалевского; II, на статью «Русского инвалида» о сей книге. Париж, 1867; *Ковалевский Е.П.* Граф Блудов и его время. СПб., 1866.

[260] Цитируется стихотворение «На смерть графа Д.Н. Блудова» (*Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. СПб., 1913. С. 210).

[261] Положение о военно-полицейском управлении в Царстве Польском было издано в форме постановления наместника 27 декабря 1863 г. и начало вводиться в действие с 1 января 1864 г. 10 января последовал указ об упразднении в Царстве Польском Особой канцелярии по делам военного положения и открытии Управления генерал-полицмейстера (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40482). 8 мая был утвержден штат Управления (Там же. Отд. 3-е. № 40856). Главной задачей военно-полицейского управления была борьба с революционным движением, обеспечение мира и безопасности всего населения. Управление генерал-полицмейстера руководило всеми полицейскими органами на территории Царства Польского, в нем сосредоточивались все материалы о происшествиях, о ходе полицейских и следственных дел; оно контролировало проведение реформ в Царстве Польском. См.: Всеподданнейшие отчеты о действиях военно-полицейского управления в Царстве Польском за 1864, 1865 гг. Варшава, 1865; *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 132—147.

[262] В мае 1864 г. в Дрездене состоялся большой съезд партии «красных», в числе делегатов которого были: Гауке (Босак), Гуттри, В. Пржибыльский, ксендз Котковский, К. Рупрехт, Гейденрейх и др. Председательствовал кн. Адам Сапега. Съезд взял курс на подготовку вооруженного восстания и признал необходимость политического террора, в том числе и против коронованных особ. Предполагалось также формировать небольшие отряды для осуществления так называемой «социальной революции»: объявления крестьянам полной воли и расправы с помещиками за взимание с крестьян податей. В отличие от «красных», партия «белых» по-прежнему отвергала революционные методы борьбы, считая внешнеполитическое давление на Россию решающим средством достижения национальной независимости (См.: Следственные показания о восстании 1863 года. С. 301—302).

[263] В личном фонде графа Ф.Ф. Берга (ГАРФ. Ф. 547) упоминаемый адрес не обнаружен.

[264] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40609. На основании этого указа крестьяне становились собственниками земли, находившейся в их пользовании, а помещики получали от казны вознаграждение. В дополнение к основному указу были утверждены еще два: «О Ликвидационной комиссии Царства Польского», «О порядке введения в действие постановлений о крестьянах Царства Польского» (№ 40611, 40612). Об обсуждении проектов указа и проведении его в

жизнь см.: *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 100—132.

265 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40610. Указ регламентировал состав, права и обязанности гминного управления, порядок назначения и увольнения должностных лиц.

266 Указом 1864 г. за крестьянами сохранялось право на сервитуты, которыми они пользовались ко времени его утверждения, и на сервитуты, незаконно упраздненные после 1846 г. Сервитутами признавалось фактическое пользование угодьями, основанное на письменных документах, устных условиях и обычае, независимо от того, было ли оно постоянным или временным, обусловливалось ли особой платой или дополнительными повинностями, или нет.

267 *«Code Napolèon»* («Кодекс Наполеона») — французский гражданский кодекс, официально называвшийся «Code civile». Был выработан при участии императора Наполеона I и утвержден Законодательным корпусом 21 марта 1804 г. Кодекс провозглашал буржуазные гражданские права для населения всех территорий, отошедших к Франции в ходе наполеоновских войн. В 1808 «Кодекс Наполеона» был введен в Варшавском герцогстве, образованном в 1807 г., согласно Тильзитскому мирному договору из части польских земель, принадлежавших Пруссии.

268 На основании указа от 26 мая 1846 г. помещикам запрещалось изгонять крестьян, владеющих тремя и более моргами земли, со своих усадеб при условии исполнения ими своих повинностей. Усадьбы в три и более моргов, покинутые крестьянами или отнятые у них помещиками, не могли присоединяться к фольваркам, а должны в течение 2-х лет быть переданы другим крестьянам. Усадьбы, ко времени издания указа не занятые крестьянами, оставались за помещиками. Текст указа опубл. в кн.: Исследования в Царстве Польском, по Высочайшему повелению произведенные под руководством сенатора статс-секретаря Милютина. СПб., 1864. Т. 2. Приложение первое. № 2. С. 9—11. Об указе см.: *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 24.

269 Имеется в виду постановление 28 декабря 1858 г. См.: *Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 25.

270 Об указе от 16 мая 1861 и Положении от 5 июня 1862 гг. см. там же. С. 25, 28.

271 О проведении крестьянской реформы в Царстве Польском см. там же.

272 31 марта 1814 г. (по ст. ст. 19 марта) союзные войска вступили в Париж (решающее сражение произошло 30 (18 ст. ст) марта, поэтому в России праздновали два дня — 18 и 19 марта. 1 апреля Сенат принял решение об организации Временного правительства, а затем вотировал декрет о низложении имп. Наполеона I. 6 апреля последний объявил о своем отречении. 11 апреля в Париже был заключен договор между Россией, Австрией и Пруссией, с одной стороны, и Наполеоном — с другой, об отречении его и его династии от престола и предоставлении Наполеону о. Эльба в пожизненное владение.

273 Речь идет об одном из последних сражений 1814 г. в войне против наполеоновской Франции. В «Истории лейб-гвардии Конного полка» И.В. Анненков писал об этом: «Когда Наполеон обратился снова к двинувшейся вперед армии Блюхера, оставив против Главной только корпус Удино и Макдональда, сия последняя приняла наступательную систему (15 февраля), исключая резервов, шедших усиленными маршами к Лангу. Блистательные подвиги Главной армии союзников, завладение городом Бар-

Сюр-Об, разбитие неприятеля при Лобресселе, обратили снова внимание Наполеона, который, оставив Блюхера, имевшего уже значительные успехи и уже завладевшего Реймсом, шел ей навстречу» (*Анненков И.В.* Указ. соч. СПб., 1849. Ч. 2. С. 95).

[274] Текст тронной речи Александра II, прочитанной генерал-губернатором Рокосовским во время закрытия Финляндского сейма, опубл. в кн.: *Бородкин М.М.* История Финляндии. Спб., 1908. Т. 6. С. 187—188.

[275] В 1862 г. Н.Г. Чернышевский был арестован и заключен в Петропавловскую крепость по подозрению в написании прокламации «К барским крестьянам от их доброжелателей поклон». После процедуры гражданской казни в том же 1864 г. он был сослан на Александровский завод на каторжные работы. Подробно о деле Чернышевского см.: *Лемке М.К.* Политические процессы М.Н. Михайлова, Д.И. Писарева и Н.Г. Чернышевского. СПб., 1907; *Он же.* Политические процессы в России 1860-х гг. По архивным документам. М.; Пг., 1923; Дело Чернышевского. Сборник документов. Саратов, 1968; Процесс Чернышевского. Архивные документы. Саратов, 1939.

[276] Цитируемые письма Н.А. Милютина от 22 марта / 3 апреля, 29 марта / 10 апреля, 20 апреля / 2 мая см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 69. Ед. хр. 12; письмо от 7/19 марта в данном фонде не обнаружено.

[277] Там же. Карт. 58. Ед. хр. 18. Л. 19—20; опубл.: Переписка наместников Королевства Польского. Август 1863 — май 1864. С. 246.

[278] О посещении императора польской депутацией П.А. Валуев писал так в своем дневнике: «7 апреля. Здесь теперь находится депутация от крестьян Царства Польского. Человек 60. Они были вчера у Государя и выслушали его allocution (краткую речь) на коленях. Есть что-то смешное в этом, но вообще дело полезное. Они возвращаются домой, и от них пойдут в разные стороны толки, противоречащие разглашениям революционной пропаганды. Уже здесь они изъявили удивление, когда были в церкви св. Екатерины, после всего, что им рассказывалось насчет преследования римско-католической церкви в России <...> 7 мая. Сегодня была во дворце вторая партия депутатов от польских крестьян» (*Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 278, 282).

В личном архивном фонде Александра II (ГАРФ. Ф. 678) адрес от депутатов не обнаружен.

[279] Т. е. подведомственные Департаменту уделов, который с 1826 г. находился в составе Министерства императорского двора и уделов.

[280] *Униаты* — последователи церковной унии, оформленной в Бресте в 1596 г.

[281] Поверочные комиссии создавались в Северо-Западном крае для определения соразмерности повинностей с численностью крестьянской семьи (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 1-е. № 36665).

[282] Там же. Т. 39. Отд. 1-е. № 40692 (указ «О предоставлении некоторых льгот, преимуществ и денежных ссуд приобретателям имений в западных губерниях», от 23 марта 1864 года).

[283] Речь идет о записке М.Н. Муравьёва «О некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», представленной Александру II 14 мая 1864 г. (РГИА. Ф. 1267, «Западный комитет». Оп. 1. Д. 27. Л. 120—184). Автор записки рекомендовал принять ряд мер «для утверждения русского владычества в Северо-Западном крае» (Л. 121). Для этого предлагалось заняться устройством быта крестьян и способствовать распространению образования «в духе православия и русской народности», повысить значение

православного духовенства, создав для него независимое положение от местных помещиков и установить строжайшее наблюдение за католическим духовенством; все высшие административные должности в крае предполагалось замещать чиновниками русского происхождения. Записка опубл.: Русский Архив. 1885. № 6. С. 186—197. 17—19 мая записка Муравьёва обсуждалась в Западном комитете. В журнале Комитета записано, что Комитет, «вполне соглашаясь в основаниях с мнением генерала от инфантерии Муравьёва, находит не подлежащим никакому сомнению признание Западного края русским, составляющим древнее достояние России». При обсуждении всех указанных в записке мер члены Комитета в основном согласились с ним. Было предложено обсудить вопросы, относящиеся к положению крестьян края, в Главном комитете об устройстве сельского состояния. См.: *Валуев П.А.* Указ. соч. Т. 1. С. 414—415.

[284] Письмо Ф.Ф. Берга от 30 декабря 1863 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 41. Ед. хр. 28. Л. 29. Опубл.: Переписка наместников Королевства Польского. Август 1863 — май 1864. С. 169.

[285] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 51.

[286] См. коммент. 235.

[287] Автор цитирует письмо вел. кн. Михаила Николаевича к Александру II от 21 мая 1864 г. (ГАРФ. Ф. 678 «Александр II». Оп. 1. Д. 805. Л. 69).

[288] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 25.

[289] Темы переселения кавказских горцев Милютин неоднократно касался в своих воспоминаниях и письмах. Так, в письме к вел. кн. Михаилу Николаевичу он в частности писал, что успехи России на Кавказе «возбудили неудовольствие в Западной Европе. Снова раздались ожесточенные нападки на образ наших действий, снова начали вопить против мнимого варварства и жестокости русских, изгоняющих целое народонаселение, которое будто бы гибнет тысячами, не только от оружия, но и от голода, нужды и развивающейся болезненности. Мы старались успокоить возникавшее раздражение и опровергнуть все преувеличенные известия о бедствиях горцев, ссылаясь на официальные донесения с Кавказа, из которых было видно, что против горцев не употребляется никакого насилия, что они сами, добровольно спешат переселяться в Турцию, даже вопреки тех мер, которые мы принимали для того, чтобы умерить это безотчетное и фанатическое стремление» (ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 53. Ед. хр. 86. Л. 27об.—29).

См. также: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. М., 1999. С. 118—120, 129, 205—207, 408—411.

[290] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 70. Ед. хр. 25 (письма великого князя Михаила Николаевича за 1861—1864 гг.). Ед. хр. 26 (то же за 1865—1866 годы).

[291] В письме к Милютину от 3 июля вел. кн. Михаил Николаевич подверг критике заметку, помещенную в № 111 «Русского инвалида», о «бое» в обществе Айбго (Там же. Ед. хр. 25. Л. 42—44). Свою позицию по этому делу Милютин подробно изложил в письме от 8 июля (Там же. Карт. 53. Ед. хр. 86. Л. 26об.—29).

[292] Контр-адмирал С.С. Лесовский командовал российской эскадрой, посетившей Северо-Американские Соединенные штаты в 1863—1864 гг. с дружественным визитом. Исследователь российско-американских отношений Н.Н. Болховитинов отмечает, что объективно пребывание российских эскадр в Нью-Йорке, Сан-Франциско и Бостоне «превратилось в демонстрацию открытой поддержки Россией федерального Союза. Кроме того, их пребывание в Северо-Амери-

канских Соединенных штатах превратилось в манифестацию дружественных чувств широких слоев американской общественности к России и русским морякам» (*Болховитинов Н.Н.* Русско-американские отношения и продажа Аляски. 1834—1867. М., 1990. С. 169, 175).

[293] Созданный в 1811 г. Корпус внутренней стражи состоял из губернских батальонов и команд служащих инвалидов и предназначался для несения внутренней службы. Был упразднен в августе 1864 г. в связи с утверждением Положения о военно-окружном управлении (ПСЗ. Собр. 2-е, Т. 39. Отд. 1-е. № 41162). Функции местных войск регламентировались новым Положением об управлении местными войсками военного округа (Там же. № 41166).

[294] Александровский комитет о раненых (Комитет, высочайше утвержденный в 18-й день 1814 г., в 1858—1877 — Комитет о раненых) оказывал помощь раненым участникам войн, семьям убитых и умерших от ран. Подробно см.: Краткий отчет о деятельности Александровского комитета о раненых за последние 25 лет (1864—1889). СПб., Б. г.

[295] Подразумевается участие Великобритании в борьбе европейских держав по шлезвиг-гольштинскому вопросу. Подробно об этом см.: *Роотс Л.* Шлезвиг-Гольштинский вопрос и политика европейских держав в 1863—1864 гг. Таллин, 1957. С. 148—191.

[296] 30 августа — именины Александра II.

[297] В итальянском городе Виллафранке правительство Сардинского королевства предоставило России участок земли и несколько зданий для устройства базы российского флота, находившегося в Средиземном море.

[298] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 36. Ед. хр. 12. Л. 1—1об.

[299] Там же. Карт. 36. Ед. хр. 9, 10 (донесения А.Е. Врангеля от 18, 23 и 24 сентября); Ед. хр. 4 (ответные письма Милютина).

[300] Там же. Ед. хр 13.

[301] 20 сентября была образована Следственная комиссия по выяснению причин пожаров в Симбирске под председательством сенатора С.Р. Жданова. Вскоре компетенция комиссии была значительно расширена. Во всеподданнейшем отчете III отделения Собственной Е.И.В. канцелярии за 1865 г. указывалось, что на сенатора Жданова возложено «особое наблюдение в приволжских губерниях за действиями злонамеренных лиц и за возбуждениями противоправительственного волнения в умах. Для более энергического преследования поджигателей ему было поручено учредить особые губернские комиссии под председательством вице-губернаторов и с участием жандармских штаб-офицеров для надзора за скорейшим и правильным производством исследований о пожарах» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 85. Д. 30. Л. 496—497). Материалы комиссии С.Р. Жданова см. там же в ф. 40 «Канцелярия временного генерал-губернатора Казанской, Симбирской, Саратовской и Самарской губерний»; в ф. 95 «Следственная комиссия 1862 г. по делам о распространении революционных воззваний и пропаганды».

[302] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 54. Л. 9—12.

[303] Там же. Л. 3—7об.

Архивные материалы о деятельности Р.И. Кнорринга на посту временного генерал-губернатора приволжских губерний см. также в ГАРФ (Ф. 40).

[304] Судебные уставы 1864 г. являлись составной частью Великих реформ 1860-х гг. Основные принципы судебной реформы предусматривали отделение суда от администрации, равен-

ство всех перед законом, гласность и состязательность судебного процесса, несменяемость судей и судебных следователей, создание суда присяжных и института присяжных поверенных (адвокатов). Вводилось два вида судов: мировой и коронный. Мировой суд с упрощенным судопроизводством создавался в городах и уездах. Мировые судья избирались уездными земскими собраниями. Коронный суд состоял из окружных судов — первой инстанции, и судебных палат — второй инстанции. Окружным судам были подсудны все уголовные дела, за исключением политических и должностных преступлений, совершенных лицами старше чина титулярного советника. Уголовные дела рассматривались с участием присяжных заседателей. Приговоры по гражданским делам могли быть обжалованы в судебные палаты. В Сенате создавались кассационные департаменты, рассматривавшие в том числе и дела о должностных преступлениях чинов выше 5-го кл. Судебные дела высших чиновников решал Верховный уголовный суд (ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 41473—41478).

305 Текст устава гимназий и прогимназий от 13 ноября 1864 г. см. там же. Отд. 2-е, № 41472.

Прения по проекту происходили в Общем собрании Департамента законов Государственного совета. См.: Опись дел архива Государственного Совета. Т. 6. Спб., 1911. № 61.

306 Положение о начальных народных училищах от 18 августа 1864 г. см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд 1-е. № 41068.

См. также коммент. 69.

307 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 57. Ед. хр. 38. Л. 1—28. Об отношении А.И. Барятинского с реформам Милютина подробно см. в кн.: *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. С. 126—133.

308 ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 65. Ед. хр. 37. Л. 15—16. Упомянутая выше записка Милютина «Мысли о невыгодах существующей в России военной системы и о средствах к устранению оных» от 29 марта 1856 г. хранится там же. Карт. 22. Ед. хр. 29.

309 Речь идет о книге: *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. СПб., 1882. Т. 1—4.

310 Подлинник письма Ф.Ф. Берга от 3(15) июля 1864 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 58. Ед. хр. 19. Л. 7—24.

311 *Ликвидационная табель* определяла и закрепляла права крестьян на земли и угодья. В ней содержались следующие данные: список всех усадеб, поступающих в собственность крестьян. Количество земли в каждой усадьбе; точное определение прав крестьян на угодья, если они ими пользовались; оценка повинностей, отбывавшихся с усадьбы; сумма вознаграждения в пользу владельца имения. Для каждого сельского общества, или каждого владения, если в состав сельского общества входили владения нескольких лиц, составлялась отдельная табель (*Костюшко И.И.* Указ. соч. С. 262—263).

312 Указ о некоторых изменениях в существующей системе уголовных и исправительных наказаний от 17 апреля 1863 г. см. в ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 38. Отд. 1-е, № 39504—39505. Указ отменял в ряде случаев телесные наказания, клейма и штемпельные знаки; заменял розги тюремным заключением или арестом; освобождал женщин от телесных наказаний; сокращал сроки работ в исправительных арестантских ротах в ряде случаев; освобождал от телесных наказаний церковнослужителей и их детей, духовных лиц нехристианского исповедания и их детей, учителей народных школ, крестьян, занимающих выборные общественные должности, лиц, имеющих аттестаты об успешном

окончании уездных училищ и высших учебных заведений.

[313] Утверждению упомянутых указов предшествовала огромная работа Н.А. Милютина по подготовке реформы образования в Царстве Польском, которая должна была содействовать просвещению населения, а не политической и религиозной пропаганде полонизма. Предполагалось, в частности, поощрять создание отдельных училищ для непольского населения, оградить сельскую школу от влияния католического духовенства и шляхты. Особое значение Милютин придавал развитию женского образования. Им был поставлен вопрос и о преобразовании варшавской Главной школы в университет. Все эти идея легли в основу подготовленных комиссией Н.А. Милютина 4-х проектов учебной реформы: 1. О начальных училищах; 2. О женских гимназиях; 3. О немецком училище в Варшаве; 4. Об учреждении учебных дирекций. Подробно об этом см.: Всеподданнейшая докладная записка Н.А. Милютина «Об устройстве учебной части в Царстве Польском» от 22 мая 1864 г. Оттиск б. г. и б. м.

[314] Подробное описание покушения на Ф.Ф. Берга 19 сентября 1863 г. в Варшаве см. в кн.: *Устимович М.П.* Указ. соч. С. 36—43.

[315] См. коммент. 128.

Вопрос об участии римско-католического духовенства в восстании 1863 г. рассматривала созданная в Варшаве в том же году Особая комиссия по делу о римско-католических монастырях. Дела об участии в мятеже польского духовенства сосредотачивались в военно-следственных комиссиях. См.: Всеподданнейший отчет о действиях военно-полицейского управления в Царстве Польском за 1865 год. Варшава, 1866. С. 96—104; *Щебальский П.К.* Указ. соч. С. 82—91.

[316] Особая комиссия по делу о римско-католических монастырях под председательством В.А. Черкасского составила доклад, положенный в основу указа от 8 ноября 1864 г., который был напечатан в небольшом количестве экземпляров. С целью ограничения политической деятельности духовенства в будущем указом предписывалось закрыть те монастыри в Царстве Польском, в которых не было узаконенного числа монашествующих (не менее 8), и которые участвовали в восстании. Тем самым из 155 монастырей закрывалось 110. Реально в ходе проведения монастырской реформы было закрыто 108 монастырей (в конце 1864 г.). К концу 1865 г. было упразднено еще 6 монастырей. Подробнее об этом см. в кн., указ. в коммент. 315, а также: *Никитин А.Н.* Конфессиональная политика российского правительства в Царстве Польском в 60—70-х гг. XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1996.

[317] «*Голос*» — ежедневная петербургская политическая и литературная газета, издававшаяся А.А. Краевским в 1863—1884 годах. «*Санкт-Петербургские ведомости*» — газета, издававшаяся в 1728—1917 гг. В 1863—1874 гг. редактор — В.Ф. Корш. «*Весть*» — политическая и литературная газета, издававшаяся В.Д. Скарятиным в 1863—1870 гг., выражала крайнюю дворянскую оппозицию Великим реформам.

[318] Раздел Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией был юридически закреплен четырьмя Петербургскими конвенциями: от 5 августа 1772 г., 23 января 1793 г., 24 октября 1795 г., 26 января 1797 г. В результате последнего раздела было ликвидировано польское гражданство и все юридические понятия польской государственности. Венский конгресс 1815 г. завершил раздел Польши, передав России Варшавское герцогство (с 27 ноября 1815 г. — Царство

Польское в составе Российской империи).

[319] Письма от 6 апреля и 12 мая 1864 г. см. в ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 53. Ед. хр. 86.

[320] Указ «Об освобождении из крепостной зависимости крестьян Тифлисской губернии» от 23 октября 1864 г. см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2-е. № 41346; *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. М., 1968. Гл. 9: Отмена крепостного права в Закавказье, на Кавказе и в Бессарабии. С. 326—344.

[321] Позиция Милютина по среднеазиатскому вопросу освещена Н.А. Халфиным в работах: Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960. С. 143—145, 178—179; Присоединение Средней Азии к России (60—90-е гг.). М., 1965. С. 125—129.

[322] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 50. Ед. хр. 69. Карт. 52. Ед. хр. 35 (письма Милютина к А.П. Безаку и А.О. Дюгамелю); Карт. 58. Ед. хр. 4 (письмо Безака от 26 апреля 1864 года).

[323] Там же. Карт. 63. Ед. хр. 3.

[324] Речь идет о подавлении Тайпинского восстания (1850—1864) в июле 1864 г. англо-французскими войсками. Упомянутое выше восстание дунган (мусульманского населения Китая) началось в западных провинциях страны в 1862 г. и быстро распространилось на Джунгарию и Кашгар. Причиной его было недовольство дунган дискриминационной политикой китайского правительства. Следуя заключенным в первой половине XIX в. договорам с Китаем, Россия соблюдала в этих событиях нейтралитет, преследуя единственную цель — не пропустить подвластных ей киргизов на территорию Китая. Восстание было подавлено только в 1877 году. Подробно о ходе восстания и политике России в Восточном Туркестане см. в кн.: *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т. 2. С. 5—16.

[325] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 77. Ед. хр. 45.

[326] Там же. Карт. 58. Ед. хр. 4.

[327] Циркуляр от 21 ноября 1864 г. опубл. в кн.: *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 2. С. 107—108.

[328] *Салическое право* — система общественно-правовых отношений, зафиксированных в так называемой «Салической правде» — франкском судебнике начала VI в., записанном в конце правления короля Хлодвига (481—511).

[329] Здесь у автора ошибка в дате: договор о передаче Россией Дании герцогства Гольштейн (в обмен на Ольденбург) был заключен правительством императрицы Екатерины II в 1767 г. В 1773 г. наследник российского престола Павел Петрович, имевший наследственные права на герцогство Гольштейн, отказался от них по достижении совершеннолетия.

[330] Речь идет о начале датско-прусской войны 1848—1850 гг., когда прусские войска, поддержанные государствами Германского союза, вступили 6 апреля 1848 г. в Шлезвиг и Гольштейн. Война завершилась подписанием 2 июня 1850 г. в Берлине мирного договора, по которому герцогства возвращались Дании.

[331] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 56. Ед. хр. 8. Л. 1об.

[332] В апреле — июле 1849 г. французская армия подавила Римскую республику, после чего французский гарнизон остался в Риме. Подробнее см.: История Италии. М., 1970. Т. 2. С. 203—206.

[333] В 1864 г. папа Пий IX опубликовал «Силлабус», т. е. «перечень всех главных заблуждений нашего времени», подлежащих осуждению. «Силлабус», приложенный к энциклике «Quanta

cura», становился на средневековую точку зрения и осуждал такие «заблуждения», как утверждение, что римские папы преступали границы своей власти и узурпировали права государей, или что, в случае противоречия между законами светской и церковной власти, светское право имеет преимущество перед церковным. «Силлабус» вызвал сильное возмущение среди свободомыслящих элементов буржуазии, широких народных масс и части католиков. Последние понимали, что безрассудная непримиримость папы и ультрамонтанских его почитателей, преимущественно из иезуитов, выроет непроходимую пропасть между католицизмом и современным обществом (*Лозинский С.Г.* История папства. М., 1986. С. 351—353).

334 Датский принц Вильгельм Георг Глюксбургский стал греческим королем в марте 1863 г., после того как в ходе революции 1863 г. был свергнут Оттон I, представитель Баварской династии. До этого времени в Греции действовала конституция 1844 г., установившая двухпалатную систему, ответственное министерство и избирательное право, ограниченное имущественным цензом. Конфликт нового короля с Национальным собранием начался из-за проекта новой конституции, отменявшей Сенат как вторую палату парламента. Король полагал, что это может ослабить его власть. Однако, после недолгого противостояния, ему пришлось уступить. Новая конституция, принятая в конце 1864 г., устанавливала однопалатную систему, ответственное перед Национальным собранием министерство. За королем сохранялось право законодательной инициативы, утверждения законов и право вето. Ему же принадлежала и исполнительная власть.

335 Об этом см.: *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1860—1862. С. 437—439.

336 Так в тексте. Очевидно, речь идет о Парижской конвенции 19 августа 1858 г., установившей следующее государственное устройство Дунайских княжеств: каждое княжество имело собственное Представительное собрание, избирало своего господаря из среды местных уроженцев. В Фокшанах учреждалась общая для обоих княжеств Центральная комиссия, Верховный суд и Кассационный трибунал. Молдавия и Валахия получили название Соединенных княжеств. Парижская конвенция фактически была нарушена в январе 1859 г., когда А. Куза был избран господарем обоих княжеств.

337 Подразумеваются Положения 19 февраля 1861 года.

338 См. коммент. 97.

Уже вскоре после начала Мексиканской экспедиции выявились противоречия между ее участниками, вследствие чего Великобритания и Испания в апреле 1862 г. отозвали свои войска. Франция продолжала до 1867 г. военные действия, которые в 1863—1864 гг. развивались довольно успешно. Но начиная с 1865 г. Хуарес снова стал добиваться успехов, и положение Франции осложнилось. Экспедиция закончилась поражением Франции и низложением императора Максимилиана. Подробно об этом см.: *Castelot A.* Maximilien et Charlotte du Mexique. La tragedie de l'ambition. Paris, 1977.

339 См. коммент. 97 и 162.

340 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 41142.

341 Там же. № 41221.

342 ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 4157, 4166. *Зайончковский П.А.* Военные реформы 1860—1870 годов в России. М., 1952. С. 83—99.

343 Указ об освобождении военных губернаторов от заведования военной частью и о переименовании и правах начальников губерний, от 22 сентября

см.: ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 41241.

[344] Там же. № 41191.

[345] ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 73. Ед. хр. 65 (письма В.К. Пфеля от 22 сентября и 8 ноября); Карт. 38. Ед. хр. 30 (донесение А.Г. Баумгартена по обследованию порядка и системы управления в Киевском военном округе).

[346] Там же. Карт. 70. Ед. хр. 25 (письмо вел. кн. Михаила Николаевича от 11 декабря); Карт. 53. Ед. хр. 86 (ответное письмо Милютина от 27 декабря).

[347] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 1-е. № 40877.

[348] Военные гимназии были переименованы в кадетские корпуса в 1882 г. при военном министре П.С. Ванновском. Подробнее об этом см. в кн.: *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 177—178.

[349] ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 39. Отд. 2-е. № 41562.

[350] 4 февраля 1854 г. Николаевская академия Генерального штаба была подчинена главному начальнику военно-учебных заведений, которым в то время был наследник престола Александр Николаевич. 6 февраля 1855 г. произошло подчинение Военной академии Я.И. Ростовцеву, назначенному начальником Главного штаба по военно-учебным заведениям с правами главного начальника (*Глиноецкий Н.П.* Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 124, 127).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Алексеевич
Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ
1863—1864

Редактор *И.Ряховская*
Художественное оформление *А.Сорокин*
Технический редактор *В.Юрченко*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 21.01.2003.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 43,0. Уч.-изд. л. 53,0. Тираж 2000 экз.
Заказ № 7478

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 2. Тел. 181-01-71
Тел./Факс 181-34-57 (отдел реализации).

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

MORZE BAŁTYCKIE
SZWECJA
GUBERNIA KURLANDZKA
WOJEWÓDZTWO INFLANCKIE
WOJEWÓDZTWO WITEBSKIE
WOJEWÓDZTWO WILEŃSKIE
WOJEWÓDZTWO MIŃSKIE
WOJEWÓDZTWO MOHYLEWSKIE
WOJEWÓDZTWO NOWOGRÓDZKIE
WOJEWÓDZTWO GRODZIEŃSKIE
WOJEWÓDZTWO POLESKIE
WOJEWÓDZTWO WOŁYŃSKIE
WOJEWÓDZTWO KIJOWSKIE
WOJEWÓDZTWO PODOLSKIE
WOJEWÓDZTWO POMORSKIE
WOJEWÓDZTWO BYDGOSKIE
WOJEWÓDZTWO PŁOCKIE
WOJEWÓDZTWO MAZOWIECKIE
WOJEWÓDZTWO PODLASKIE
WOJEWÓDZTWO KALISKIE
WOJEWÓDZTWO SANDOMIERSKIE
WOJEWÓDZTWO LUBELSKIE
WOJEWÓDZTWO KRAKOWSKIE
WOJEW. AUGUSTOWSKIE
WOJEW. POZNAŃSKIE
WOJEW. ŚREDZKIE
PRUSY
ŚLĄSK
GALICJA
CESARSTWO AUSTRIACKIE
CESARSTWO ROSYJSKIE
RUMUNIA
granica Rzeczypospolitej 1772 r
granice państw 1863 r
granice krajów i prowincji
granice województw
POZNAŃ stolice krajów i prowincji
PŁOCK miasta wojewódzkie
KRAKÓW miasta obwodowe w Galicji
Gniezno inne miasta

1863

Д. А. Милютин

ВОСПОМИНАНИЯ

1864